Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“ (Спб., Невскій, 92).

НАПОЛЕОНЪ
И
АЛЕКСАНДРЪ I.

ФРАНКО-РУССКІЙ СОЮЗЪ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ ИМПЕРІИ.

ТОМЪ II.

ВТОРОЙ БРАКЪ НАПОЛЕОНА.
УПАДОКЪ СОЮЗА.

Альберта Вандаля,

ЧЛЕНА ФРАНЦУЗСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

УДОСТОЕНО ПЕРВОЙ ПРЕМІИ **Гобера**.

Переводъ съ 5-го французскаго изданія **В. Шиловой**.

СЪ ПОРТРЕТАМИ РУМЯНЦЕВА и МЕТТЕРНИХА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1911.

Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“ (Спб., Невскій, 92).

НАПОЛЕОНЪ
и
АЛЕКСАНДРЪ I.

ФРАНКО-РУССКІЙ СОЮЗЪ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ ИМПЕРІИ.

ТОМЪ II.

ВТОРОЙ БРАКЪ НАПОЛЕОНА.
УПАДОКЪ СОЮЗА.

Альберта Вандаля,

ЧЛЕНА ФРАНЦУЗСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

УДОСТОЕНО ПЕРВОЙ ПРЕМІИ **Гобера**.

Переводъ съ 5-го французскаго изданія **В. Шиловой.**

СЪ ПОРТРЕТАМИ РУМЯНЦЕВА и МЕТТЕРНИХА.

Цѣна 3 рубля.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1911.

Типографія Спб. акц. общ. „Слово“. Ул. Жуковскаго, 21.

Ученый Комитетъ Мин. Нар. Просвѣщенія

призналъ *соотвѣтственнымъ* ***обратить вниманіе*** *учебно-окружныхъ управленій на эту книгу, на предметъ пріобрѣтенія въ фундаментальныя* ***библіотеки*** *среднихъ учебныхъ заведеній.*

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

17—30 августа 1910 г. скончался отъ воспаленія легкихъ, въ полномъ расцвѣтѣ своей дѣятельности и таланта, авторъ настоящаго сочиненія, членъ Французской Академіи, графъ Альбертъ Вандаль, одинъ изъ самыхъ выдающихся историковъ послѣдняго времени, неутомимый, безпристрастный и вдумчивый изслѣдователь политическихъ отношеній между Франціей и Россіей въ XVIII и началѣ XIX столѣтія. Вандаль родился въ 1853 г. По окончаніи образованія онъ поступилъ на службу въ государственный совѣтъ. Происходя изъ старой аристократической семьи, сынъ приверженца Бонапартовъ, бывшаго директоромъ почтъ въ время второй имперіи, Вандаль, несмотря на горячее желаніе честно служить родинѣ, не пришелся ко двору новому режиму и вынужденъ былъ оставить службу. Незадолго до этого въ Парижѣ была открыта École des sciences politiques, задачей которой было подготовлять политическихъ дѣятелей и гдѣ каѳедру исторіи дипломатіи занималъ знаменитый Сорель. Вандаль сталъ посѣщать его курсы, сдѣлался его другомъ и впослѣдствіи занялъ его каѳедру. Изслѣдованія по восточному

вопросу привели его къ изученію политическихъ отношеній между Россіей и Франціей, результатомъ чего и явилось сочиненіе «Napoléon et Alexandre I», открывшее ему двери въ Институтъ Безсмертныхъ.

НАПОЛЕОНЪ
И
АЛЕКСАНДРЪ I

ГЛАВА I.

ПОСЛѢ ЭРФУРТА.

Каковы были по отъѣздѣ изъ Эрфурта намѣренія Наполеона и Александра. —Предложеніе мира Англіи.—Наполеонъ имѣетъ въ виду подчинить силою оружія Испанію и повліять на Австрію страхомъ. — Почему ему ненавистна мысль о новой войнѣ и о новыхъ побѣдахъ въ Германіи.—Болѣе всего онъ боится возбужденія польскаго вопроса, ибо онъ можетъ поссорить его съ Россіей.—Какую выгоду представляетъ въ его глазахъ союзъ съ Россіей. —Инструкціи Коленкуру.—Дальнѣйшіе планы: Средиземное море и Востокъ. -Желаніе Александра устраниться отъ дѣлъ въ Европѣ.—Конецъ его мечтамъ о Востокѣ.—Преобладающее вліяніе Сперанскаго.—Страсть къ реформамъ. -Сперанскій и французскій союзъ.—Упорное заблужденіе Александра относительно намѣреній Австріи.—Царь хранитъ благодарную память о Талейранѣ; онъ даетъ ему семью.—Румянцевъ въ Парижѣ.—Кампанія за Пиринеями. -Нерѣшительные результаты.—Возвращеніе въ Вальядолидъ.—Движеніе въ Австріи.—Наполеонъ упорно держится за мысль рукою Россіи удержать Австрію отъ войны.—Историческое сближеніе.- Что дѣлалъ Александръ во время испанской кампаніи.—Блестящее положеніе Коленкура.—Злословіе салоновъ. -Пріѣздъ короля и королевы прусскихъ. Какое значеніе приписывалось ихъ посѣщенію.—Наполеонъ жестоко притѣсняетъ Пруссію; протестъ Александра. - Вѣра нашихъ враговъ въ могущественное вліяніе королевы Луизы. —Примиреніе царской четы. — Пожеланія Наполеона Александру по случаю новаго года.- -Королева Луиза во дворцѣ французскаго посланника.—Королева вызываетъ участіе, но присутствіе короля портитъ все дѣло.—Пріѣздъ въ Петербургъ фаворитки и ея торжество.—Политика за время пребыванія прусской королевской четы.—Наполеонъ опять проситъ у Александра дипломатическаго содѣйствія противъ Австріи. — Царь отстаиваетъ систему полу-мѣръ —Тождественная нота.—Пояснительное письмо Александра Румянцеву.- Князь Шварценбергъ въ Петербургѣ.—Александръ, несмотря на его увѣренность, что онъ убѣдилъ Австрію отказаться отъ войны, въ дѣйствительности, только поощрилъ ее къ войнѣ.

I.

Въ Тильзитѣ Александръ I-й сказалъ Наполеону: «Я буду вашимъ помощникомъ противъ Англіи». Въ Эрфуртѣ онъ по

вторилъ это обѣщаніе въ торжественныхъ выраженіяхъ въ текстѣ договора, и оба императора приняли рѣшеніе общими силами побѣдить ту, которую они опредѣлили, «какъ общаго ихъ врага и врага континента» [1]). Они условились начать съ предложенія Англіи мира и потребовать, чтобы она признала за ними тѣ пріобрѣтенія, которыя каждый изъ нихъ сдѣлалъ въ видоизмѣненной Европѣ. Въ случаѣ отказа противника они должны были на общихъ началахъ продолжать борьбу съ нимъ и преслѣдовать его всѣми своими силами до тѣхъ поръ, пока эта борьба не доставитъ имъ мира, основы котораго они установили заранѣе. Но, хотя это основное положеніе и было установлено, имъ далеко не вполнѣ удалось изложить вытекающія изъ него слѣдствія въ формѣ точныхъ обязательствъ и общепринятыхъ постановленій. И въ самомъ дѣлѣ, хотя ихъ желанія все еще стремились къ одной цѣли, они рѣзко расходились въ средствахъ, и взгляды ихъ на будущее были совершенно различны. Наполеонъ думалъ, что только война дастъ ему миръ,—тотъ миръ, какой былъ ему желателенъ, который узаконилъ бы его завоеванія; Александръ же надѣялся, что миръ придетъ къ нему самъ собой, что ему не придется добиваться его дѣйствіями, которыя могли бы выставить его въ нежелательномъ свѣтѣ. Наполеонъ начерталъ себѣ планъ кипучей дѣятельности, въ который входило систематическое выполненіе многочисленныхъ и стремительныхъ походовъ не только въ Европѣ, но и въ другихъ частяхъ свѣта. Александръ льстилъ себя надеждой, что отнынѣ онъ будетъ спокойно наслаждаться пріобрѣтенными выгодами, будетъ только присутствовать при событіяхъ, а не принимать въ нихъ участія, и бокъ-о-бокъ съ Европой, гдѣ повсюду горѣла ненависть и кипѣли страсти, съ наслажденіемъ отдавался мечтамъ созерцательной политики.

Послѣ свиданія на Нѣманѣ Наполеонъ думалъ, что, обезпечивъ себя на время союзомъ съ Россіей, онъ въ состояніи будетъ обратиться противъ Англіи и покончить съ ней; что ему ничто не помѣшаетъ охватить ее со всѣхъ сторонъ и рядомъ разорительныхъ операцій довести до изнеможенія. Вѣря въ свое всемогущество, увлекаясь мечтами, потерявъ чувство дѣйствительнаго

[1]) Вступленіе къ эрфуртскому договору, De Clercq, Traités de la France, II. 284.

и возможнаго, онъ захотѣлъ сплотить и поднять противъ нея всю Европу, завербовать всюду все, что есть лучшаго и сильнаго среди націй, завладѣть ихъ арміями и флотомъ и воспользоваться ими для пораженія Англіи на всѣхъ пунктахъ земного шара, гдѣ только можно было на нее напасть. Увлекшись этой широкой идеей, онъ сдѣлалъ одинъ невѣрный шагъ; одна ошибка разрушила всѣ его комбинаціи и обнаружила ихъ несостоятельность. Пока онъ смотрѣлъ на Востокъ и тамъ искалъ дѣла себѣ по плечу, пока обсуждалъ съ Александромъ раздѣлъ цѣлой имперіи, началось съ перваго взгляда не имѣющее большого значенія возстаніе крестьянъ и горцевъ, выступившихъ мстителями за попранное право и справедливость. Въ Испаніи династія отдалась на его волю, но народъ, которому угрожала потеря независимости, не сдерживаемый достаточными силами, поднялся на завоевателя. Онъ уничтожилъ одну изъ его армій, отбросилъ другія къ подножію Пиринеевъ, впустилъ англичанъ на полуостровъ, и перенесъ на сушу, къ нашей границѣ, войну, которую Наполеонъ мечталъ перенести на моря. Теперь Наполеону нужно было прежде всего оправиться отъ неудачи, которая нанесла его славѣ непобѣдимаго гибельный ударъ и явилась для его враговъ призывомъ къ избавленію. Чѣмъ чувствительнѣе былъ этотъ ударъ, тѣмъ болѣе важно было, чтобы возмездіе было быстрое и примѣрное. Наполеонъ рѣшаетъ, что прежде всего онъ отправится въ Испанію и вновь введетъ туда французовъ. Онъ хочетъ непосредственно руководить войной и подчинить себѣ націю, которая дала поводъ усомниться въ его счастьѣ; которая создала въ тылу у него очагъ, пылающій ненавистью и мятежомъ; противопоставила ему сопротивленіе народное,—ожесточенное и фанатическое, и сдѣлалась европейской Вандеей.

Эта война породила другую, ибо австрійскій домъ, переживъ, послѣ первыхъ извѣстій о событіяхъ въ Байоннѣ, страшное безпокойство за свою собственную участь и спѣшно возстановивъ свои силы, поддался искушенію использовать ихъ и только-что принялъ рѣшеніе сдѣлаться самому нападающей стороной. Онъ рѣшилъ начать кампанію весной 1809 г. и одновременно съ этимъ вызвать мятежъ въ Германіи. Не зная еще объ этомъ рѣшеніи, Наполеонъ предчувствовалъ его; онъ предвидѣлъ, что, послѣ кратковременной экспедиціи въ Испанію, ему придется

обратиться противъ Австріи и помѣряться силами со вторымъ противникомъ.

Онъ самъ создалъ это положеніе, такъ какъ, благодаря событіямъ въ Испаніи, доставилъ Австріи поводъ для вооруженій и случай для нападенія. Тѣмъ не менѣе, хотя вся отвѣтственность за новую войну,—близость которой уже чувствовалась въ Германіи,—и лежала на немъ, онъ страстно желалъ избѣжать ея. Не потому, чтобы онъ боялся австрійскихъ генераловъ и солдатъ. Вовсе нѣтъ! Развѣ они не познакомились и не помѣрялись силами при Маренго, Ульмѣ и Аустерлицѣ? Сотня сраженій, сотня побѣдъ доказали превосходство его оружія, и, хотя Австрія въ настоящее время и располагала бо̀льшими, чѣмъ тогда, силами, онъ слишкомъ вѣрилъ въ себя, въ свою способность находить и создавать выгодныя для побѣдъ условія, чтобы серьезно опасаться за исходъ борьбы. Но онъ не обманывалъ себя относительно затрудненій и опасностей всякаго рода, въ какія бросила бы его еще одна кампанія въ Европѣ, даже увѣнчанная блестящимъ успѣхомъ. Во Франціи она окончательно оттолкнула бы отъ него общественное мнѣніе, которое единодушно осуждало его предпріятіе въ Испаніи; она усилила бы тлѣющее повсюду противъ него глухое недовольство; она окончательно доказала бы французамъ, что все его царствованіе — одна война, война безъ отдыха и безъ надежды на миръ. Въ Европѣ же, гдѣ Австрія уже въ четвертый разъ начинала съ нимъ борьбу, и, слѣдовательно, доказывала свое нежеланіе примириться, ему, чтобы обезпечить насъ отъ неисправимой враждебности этого государства, придется отнять отъ него рядъ провинцій, быть можетъ, совсѣмъ уничтожить его,—иначе говоря, сдѣлать пустое мѣсто въ центрѣ континента и отъ большой имперіи оставить только однѣ развалины. Но возвращаясь на почву благоразумія и осторожности, Наполеонъ отлично сознавалъ опасность новыхъ перестроекъ стараго европейскаго зданія, а тѣмъ болѣе разрушенія первостепенной монархіи, которая долгое время была основой его свода. Разрушеніе Австріи было бы сочтено за новый вызовъ законнымъ властителямъ; оно усилило бы всеобщую тревогу и ожесточеніе; въ частности, оно грозило поссорить насъ съ Россіей. Чтобы сломить Австрію, пришлось бы пустить въ ходъ всѣ доступныя средства, возбудить всевозможныя вожделѣнія. Прежде всѣхъ намъ на помощь пришли бы поляки Варшавскаго герцог-

ства, но за ихъ содѣйствіе нужно будетъ заплатить: придется позволить имъ присоединить къ ихъ государству провинціи, которыя Австрія недавно похитила у нихъ, т. е. дать Польшѣ возможность возстановиться въ двухъ третяхъ ея прежнихъ размѣровъ, а такая quasi-реставрація пробудила бы тревогу третьяго участника дѣлежа, поставила бы между Франціей и Россіей вопросъ, убійственный для ихъ соглашенія. Итакъ, Наполеонъ хотѣлъ избѣгнуть необходимости побѣдить Австрію, чувствуя, что эта побѣда дастъ ему лишь гибельные лавры, и страшился не шансовъ, а послѣдствій борьбы.

Но онъ сознавалъ, что Австрія откажется отъ войны только въ томъ случаѣ, если будетъ увѣрена, что война неминуемо приведетъ ее къ гибели. Эту-то увѣренность онъ и хотѣлъ внушить ей своимъ суровымъ обращеніемъ и бьющими въ глаза мѣропріятіями, которыя дышали строгостью и сознаніемъ силы, и къ которымъ онъ считалъ необходимымъ привлечь и Россію. По его мнѣнію, союзъ съ Россіей, для котораго европейскій кризисъ представлялъ смертельную опасность, могъ служить средствомъ, способнымъ удержать Австрію отъ войны. Трудно было предполагать, чтобы Австрія, какъ бы велики ни были ея задоръ и озлобленіе, съ легкимъ сердцемъ, не будучи ни вызвана, ни угрожаема непосредственно, рѣшилась, себѣ на погибель, подставить себя подъ удары Франціи и Россіи, которыя стерли бы ее въ порошокъ. Взяться за оружіе противъ одного Наполеона было бы съ ея стороны только опасной дерзостью; разрывъ же съ Франціей, пользующейся содѣйствіемъ Россіи, былъ бы актомъ безумія, предполагать который невозможно. Итакъ, думалъ Наполеонъ, если вѣнскій дворъ упорствуетъ въ своихъ намѣреніяхъ, то только потому, что онъ не вѣритъ, чтобы Александръ крѣпко держался за союзъ съ Франціей, и, слѣдовательно, въ Вѣнѣ учитываютъ, по меньшей мѣрѣ, возможность нейтралитета русскаго монарха. Недавнее поведеніе Александра въ Эрфуртѣ могло только еще болѣе поддержать въ Вѣнѣ увѣренность въ безопасности съ этой стороны. Въ глубинѣ души Наполеонъ не прощалъ своему союзнику, что тотъ закрывалъ глаза на тогда уже подозрительныя намѣренія Австріи, и, обѣщая намъ въ секретномъ договорѣ—въ случаѣ нападенія на насъ—свою помощь, упорно отказывался тогда же принять относительно противника строгій и

угрожающій тонъ [1]). Не зная еще, что Талейранъ выдалъ Австріи тайну о наступившемъ между императорами охлажденіи и тѣмъ далъ толчокъ ея воинственнымъ рѣшеніямъ, онъ не скрывалъ отъ себя, что свиданіе плохо выполнило свою задачу и что опасность существуетъ по-прежнему. Несмотря на это, онъ всетаки хотѣлъ вѣрить, что, если будутъ продолжаться враждебныя приготовленія Австріи, царь въ концѣ-концовъ уступитъ предъ очевидностью; что онъ согласится возвысить голосъ, «показать зубы» [2]); что онъ окажетъ на Вѣну настолько сильное давленіе, что заставитъ ее разоружиться. Разставаясь въ Эрфуртѣ съ генераломъ Коленкуромъ, своимъ посланникомъ въ Россіи, онъ предписалъ ему, чтобы онъ постоянно направлялъ взоры Александра на Австрію, чтобы доносилъ царю о всякомъ волненіи, о всякомъ значительномъ движеніи въ ней; чтобы онъ довелъ царя до того, чтобы тотъ отвѣтилъ на дѣйствія Австріи стягиваніемъ войскъ къ границѣ Галиціи и чтобы эта мѣра была выполнена съ большой оглаской. Коленкуръ долженъ былъ неустанно повторять царю, что, когда императоръ Наполеонъ уѣзжалъ изъ Эрфурта, чтобы отправиться вглубь Испаніи, онъ положился на своего друга; что онъ поручилъ ему заботу наблюдать за Германіей и держать ее въ повиновеніи; что для того, чтобы союзъ достигъ своей цѣли, нужно, чтобы онъ не только существовалъ, но и былъ для всѣхъ очевиденъ; чтобы онъ проявлялся во внѣшнихъ демонстраціяхъ. Съ помощью этихъ доводовъ и настойчивыхъ просьбъ Наполеонъ надѣялся исправить свою полу-неудачу въ Эрфуртѣ, поставить подпорки подъ неудавшійся планъ и сковать Австрію рукою Россіи.

Онъ и въ самомъ себѣ мечталъ найти источникъ силы. Чтобы заставить Австрію оставаться въ покоѣ и отказаться отъ своихъ приготовленій, онъ разсчитывалъ на то впечатлѣніе, какое произведутъ на Европу его дѣятельность и несокрушимая энергія въ Испаніи. Среди ближайшихъ совѣтниковъ императора Франца, у всѣхъ правительствъ, у всѣхъ народовъ, составившихъ противъ насъ заговоръ, держалось общераспространенное мнѣніе, что война съ Испаніей надолго поглотитъ наше вниманіе и силы, что она затянется на много лѣтъ. Но, допустимъ только, что эта война,

[1]) См. I-й томъ, 433–445; 497–501.
[2]) Неизданные документы.

про которую думали, что она будетъ безконечна, окончилась бы въ три мѣсяца; что въ три мѣсяца возстаніе было бы подавлено, англичане сметены въ море, король Жозефъ возстановленъ на тронѣ, и страна подчинилась бы нашей волѣ; допустимъ, что императоръ вернулся бы во Францію съ ореоломъ побѣды и располагалъ бы всѣми своими силами. Тогда задоръ и самонадѣянность Австріи, конечно, не устояли бы предъ блескомъ его неожиданнаго появленія на горизонтѣ. Тогда она смирилась бы, вернулась къ порядку, сочла бы за счастье представить обязательства и получить гарантіи. Наполеонъ хочетъ дѣйствовать въ Испаніи быстро и рѣшительно не только ради того, чтобы отомстить за пораженіе; онъ ожидаетъ, что его побѣды въ Испаніи отразятся тяжкимъ ударомъ за Рейномъ, и что подчиненіе полуострова косвенно обезпечитъ спокойствіе въ Германіи.

Наполеонъ думаетъ, что, когда Испанія будетъ укрощена, а Австрія сдавлена въ тискахъ, онъ опять пріобрѣтетъ то положеніе, на какое разсчитывалъ въ началѣ 1808 г., т. е., что онъ будетъ располагать противъ Англіи всей Европой. Тогда-то, думалъ онъ, онъ будетъ на высотѣ могущества и славы; тогда-то представится ему возможность успѣшно начать съ своей соперницей переговоры о капитуляціи. Хотя въ Эрфуртѣ онъ рѣшился сдѣлать сообща съ Россіей попытку достигнуть въ ближайшемъ будущемъ мира съ Англіей, онъ не вѣрилъ въ успѣхъ этой попытки, ибо возстаніе въ Испаніи и вражда Австріи, доставляя англичанамъ союзниковъ и давая возможность высадки въ Европѣ, будутъ, по его мнѣнію, отклонять ихъ отъ мысли вести переговоры. Однако, онъ не имѣлъ въ виду прерывать переговоровъ тотчасъ же, какъ только убѣдился бы въ ихъ безполезности; напротивъ, онъ хотѣлъ продолжать и затянуть ихъ съ цѣлью снова найти и схватить ихъ нить въ то время, когда его военные и дипломатическіе успѣхи вынудили бы Англію уступить. Если бы, несмотря ни на что, она стала упорствовать въ борьбѣ, тогда наступило бы время прибѣгнуть къ тѣмъ разрушительнымъ, гигантскимъ операціямъ, которыя Наполеонъ только отсрочивалъ, но не исключалъ, и которыя неизмѣнно оставались въ его планахъ о будущемъ. Для выполненія ихъ онъ рѣшаетъ, что уже съ этого времени онъ будетъ держать въ запасѣ нѣкоторыя силы, которыя могли бы развернуться впослѣдствіи.

Онъ не перебрасываетъ за Пиринеи всѣ войска, которыя вывелъ изъ Германіи; часть ихъ онъ направляетъ къ Сѣверному морю; онъ имѣетъ въ виду вновь сформирсвать Булонскій лагерь и постоянно держать подъ его угрозой Британскіе острова. Нѣсколько корпусовъ посылаются къ границамъ Прованса и Италіи. Какъ только позволятъ обстоятельства, они начнутъ безпокоить непріятеля въ Средиземномъ морѣ, будутъ захватывать позиціи и базы для наступленія и дѣлать смѣлыя, внезапныя нападенія въ ожиданіи момента, когда другія арміи, освободившіяся вслѣдствіе прекращенія войнъ въ Европѣ, будутъ посажены на корабли нашихъ возстановленныхъ эскадръ и двинутся для нападенія на всѣ пункты, гдѣ процвѣтаютъ торговля и владычество Англіи,—въ колоніи, въ Америку, въ особенности на Востокъ: въ долину Нила, на дорогу въ Индію. Тогда-то, обратясь къ Александру, онъ сброситъ покровъ съ своихъ плановъ, теперь еще неясныхъ. Опьянивъ его надеждами, очаровавъ своимъ геніемъ, уловивъ его въ свои хитросплетенныя сѣти, онъ сильнѣе подчинитъ себѣ своего союзника, увлечетъ его за собой и сдѣлаетъ орудіемъ своихъ плановъ. Итакъ, мы видимъ, что, по своему обыкновенію, кромѣ предпріятій, которыми онъ занятъ теперь, онъ обдумываетъ и другія предпріятія, которыя распредѣляетъ сообразно условіямъ и требованіямъ борьбы, и подготовляетъ ихъ дальнѣйшее развитіе. Такъ, если, несмотря на подчиненіе Испаніи, англичане не сложатъ оружія, то видъ умиротворенной Германіи, тѣсная блокада материка и запертыя гавани, безъ сомнѣнія, подѣйствуютъ на ихъ упорство; если же они устоятъ и противъ столькихъ предостереженій и косвенныхъ нападеній, то, чтобы окончательно доконать ихъ, ему ничего не останется другого, какъ только поднять противъ нихъ всесокрушающій ураганъ на Средиземномъ морѣ и Востокѣ.

Наполеонъ ошибался, думая, что, пріобрѣтя согласіе Александра на свои планы, онъ могъ надѣяться и на его помощь; намѣренія, которыя царь вынесъ изъ Эрфурта, совершенно не отвѣчали такимъ ожиданіямъ. Далекій отъ мысли, что только миръ съ Англіей долженъ положить конецъ начатому имъ дѣлу, Александръ поставилъ ему болѣе близкіе и уже намѣченные предѣлы. Послѣ свиданія онъ непоколебимо рѣшилъ замкнуться кругъ частныхъ, собственныхъ интересовъ Россіи и болѣе не схо-

дить съ этого пути. Онъ намѣревался ограничиться тѣмъ, чтобы довести до желаннаго конца двѣ войны, которыя онъ велъ въ интересахъ Россіи и результаты которыхъ были заранѣе предусмотрѣны и опредѣлены эрфуртскимъ договоромъ. Его желанія не шли дальше того, чтобы отнять Финляндію у шведовъ и княжества у турокъ. Да и то ему хотѣлось, чтобы эти завоеванія явились слѣдствіемъ покорности побѣжденныхъ, а не новыхъ усилій съ его стороны; онъ желалъ избѣгнуть необходимости снова сражаться и проливать кровь. Въ Финляндіи было заключено перемиріе; но доходящая до безразсудства неуступчивость короля Густава IV не позволяла надѣяться, что онъ согласится пожертвовать областью, пока не будутъ исчерпаны послѣднія его средства. Александръ предвидѣлъ, что для достиженія цѣли придется нанести шведамъ чувствительныя, а, быть можетъ, и жестокія пораженія. Что же касается Востока, то, обязавшись предъ Наполеономъ не возобновлять враждебныхъ дѣйствій до истеченія трехъ мѣсяцевъ, онъ хотѣлъ использовать это время на переговоры съ турками, на устройство съѣзда уполномоченныхъ и сдѣлать попытку къ примиренію, кладя въ основу уступку княжествъ. Если Порта откажется пожертвовать княжествами, онъ хотѣлъ возобновить войну, перенести на Дунай всѣ находящіяся въ его распоряженіи силы, и вовсе не былъ намѣренъ отдѣлять отъ нихъ какую бы то ни было часть, чтобы угрожать австрійской границѣ и устанавливать ради пользы Наполеона надзоръ за Германіей. Вообще, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ выраженія и смыслъ договоровъ требовали его содѣйствія, онъ намѣревался отдѣлываться болѣе любезностями, чѣмъ дѣйствительными услугами. Онъ рѣшилъ, что будетъ засыпать Наполеона любезными словами, нѣжными признаніями, восторженными изліяніями, но, въ результатѣ, все это будетъ только предложеніемъ Наполеону дружбы царя, а не поддержки Россіи. Онъ не прекратитъ войны съ англичанами, по прежнему будетъ терпѣть лишенія отъ разрыва торговыхъ сношеній съ ними, но не будетъ въ иной формѣ принимать участія въ борьбѣ, въ которой видитъ для себя только второстепенную выгоду. Что же касается широкихъ проектовъ,— возврата къ вопросу о раздѣлѣ Турціи, иначе говоря, къ тому, о чемъ велись переговоры въ прошломъ году, то онъ поставилъ себѣ за правило оставаться глухимъ ко всѣмъ внушеніямъ этого

рода [1]). Онъ навсегда выкинетъ изъ головы соблазнительныя и обманчивыя мысли и окончательно опуститъ завѣсу на виды, которые на одно мгновеніе ослѣпили его взоры. Во внѣшней политикѣ онъ рѣшилъ не предаваться болѣе мечтаніямъ и навсегда поставилъ крестъ на романическій характеръ союза. Съ этого времени онъ видѣлъ въ союзѣ только кратковременную сдѣлку, въ которой онъ, насколько возможно, ограничитъ свой рискъ и изъ которой извлечетъ заранѣе предусмотрѣнную и исчисленную выгоду. Какъ только желаемые результаты будутъ получены,— онъ запрется у себя дома, воздержится отъ всякихъ внѣшнихъ предпріятій и, такъ сказать, возвратится изъ Европы въ свои лучше очерченныя и широко раздвинутыя границы.

Его честолюбіе направилось къ внутреннимъ дѣламъ Россіи, и только въ нихъ искалъ онъ успѣховъ. Кроткій самодержецъ всегда стремился ознаменовать свое царствованіе благотворными реформами, ближе пріобщить свой народъ къ европейской цивилизаціи, поднять умственный и нравственный уровень всѣхъ классовъ и создать націю тамъ, гдѣ Петръ Великій создалъ только государство. Эти великодушные проекты плѣняли его съ юныхъ лѣтъ. Въ позднѣйшіе годы, по восшествіи на престолъ, онъ составилъ себѣ тайное министерство, интимный совѣтъ, въ которомъ любилъ бесѣдовать и философствовать о преобразованіяхъ; но въ то время слѣдствіемъ его увлеченій теоріями были только рѣдкія и несовершенныя мѣропріятія; главнымъ же образомъ, это служило ему отдохновеніемъ отъ другихъ трудовъ, средствомъ отрѣшиться отъ дѣйствительности и найти забвеніе въ грезахъ. По складу своего ума онъ былъ реформаторомъ, но при этомъ у него не было достаточной выдержки; его пылкія намѣренія остывали предъ трудностью и громадностью задачи. Чтобы взяться за дѣло, ему недоставало необходимой энергіи и смѣлой предпріимчивости. Но вотъ у него нашелся человѣкъ, въ идеяхъ котораго онъ нашелъ свои собственныя, но лучше, опредѣленнѣе, точнѣе выраженныя, болѣе способныя превратиться въ конкретную и осязаемую форму. Чѣмъ болѣе онъ узнавалъ и приближалъ къ себѣ Сперанскаго, тѣмъ болѣе чувствовалъ, что этотъ, вышедшій изъ народной среды, чуждый сословнаго духа министръ мо-

[1]) Донесеніе № 12 Коленкура Наполеону, 15 февраля 1809 г. Archives nationales, AF, IV, 1698.

жетъ быть его дополненіемъ, можетъ поддержать его, придать ему необходимыя силу и стойкость. Пылкій и мистическій мыслитель, Сперанскій въ избыткѣ обладалъ и способностью, и потребностью дѣйствовать; обладалъ мужествомъ превращать слово въ дѣло, необходимымъ для борьбы съ предразсудками и злоупотребленіями, настойчивостью и волей для достиженія цѣли. Съ его помощью Александръ надѣялся осуществить дѣло, въ которомъ онъ полагалъ свою славу. Мы увидимъ, что въ послѣдующіе годы онъ будетъ постоянно возвышать Сперанскаго. Въ званіи статсъ-секретаря онъ создастъ изъ него нѣчто въ родѣ перваго министра, пользующагося во всѣхъ дѣлахъ правомъ инициативы и предложенія. Съ этихъ поръ полная солидарность мыслей и взглядовъ и постоянный общій трудъ связываютъ государя и министра, и вліяніе Сперанскаго сказывается во всѣхъ планахъ и дѣлахъ Александра.

Сперанскій только во внутренней политикѣ любилъ смѣлые и рискованные планы. Онъ побуждалъ своего повелителя углубляться въ заботы по управленію государствомъ, и думалъ, что, прежде чѣмъ расширять свои границы, Россія должна сама обновиться къ лучшему. Онъ цѣнилъ и хотѣлъ сохранить союзъ, но—для своей родины—онъ видѣлъ въ немъ скорѣе воспитательное средство, чѣмъ орудіе для завоеваній. Благодаря союзу, онъ надѣялся завязать умственныя сношенія между двумя народами, получить самому возможность изучать наши законы, наши учрежденія, ихъ творцовъ, наконецъ, націю, которая, прежде чѣмъ потрясти міръ оружіемъ, возвысила его своими идеями. Въ Эрфуртѣ онъ показалъ себя человѣкомъ внимательнымъ, любознательнымъ, пытливымъ. Ему хотѣлось бы знать все, что возможно, о Франціи и о необыкновенномъ человѣкѣ, который управлялъ ею; онъ старался усвоить себѣ, вмѣстѣ съ идеями философовъ, и методъ Бонапарта. Самъ Александръ, не съ такой уже дружбой, какъ прежде, относившійся къ императору, рѣшившій противиться требованіямъ и соблазнамъ его политики, оставался его убѣжденнымъ ученикомъ во всемъ, что касалось управленія и внутренняго устройства государствъ. Онъ жилъ подъ впечатлѣніемъ минутъ, проведенныхъ въ Эрфуртѣ. Воспоминаніе о слышанныхъ рѣчахъ, о приведенныхъ примѣрахъ, о разъясненіяхъ, которые Наполеонъ расточалъ передъ нимъ со всей силой своего вдохновенія, владѣло имъ и преслѣдовало его; онъ все еще находился

подъ вліяніемъ и какъ бы подъ гнетомъ этого великаго ума Отсюда у царя и у его министра непреодолимая склонность искать себѣ во Франціи предметы для изученія и подражанія; отсюда тотъ отпечатокъ, который носятъ на себѣ ихъ различныя творенія. Сенатъ, государственный совѣтъ, учрежденія судебныя, административныя, финансовыя, образовательныя—всѣ они наполеоновскаго происхожденія, всѣ вдохновлены латинскимъ духомъ, но грубо пересажены на почву, дурно для нихъ воздѣланную. Освобождаясь изъ-подъ вліянія Наполеона-завоевателя, Александръ старается ближе изучить въ немъ законодателя, зодчаго государства; старается позаимствовать отъ него секретъ и способы его дѣйствій и, чтобы преобразовать Россію, поступаетъ въ науку къ знаменитому деспоту, пересоздавшему Францію.

Всецѣло отдавшись дѣлу преобразованія и прогресса, Александръ боялся только одного, чтобы дѣла въ Европѣ, отъ которыхъ онъ хотѣлъ, насколько возможно, устраниться, не потребовали его вмѣшательства. Конечно, ему не удалось бы этого избѣгнуть, если бы война, сосредоточенная теперь въ Испаніи, придвинулась къ его границамъ, если бы она вспыхнула между Франціей и Австріей, т. е. въ центрѣ материка. Поэтому его искреннимъ желаніемъ было продлить миръ въ Германіи, такъ какъ въ этомъ онъ видѣлъ необходимое условіе для существующаго спокойствія и для увѣренности въ безопасности, источникомъ которыхъ, по его мнѣнію, должна была быть Россія. Онъ вовсе не считалъ режимъ, предписанный Европѣ, хорошимъ и окончательнымъ. Втайнѣ онъ ненавидѣлъ его, но думалъ, что теперь всякое усиліе измѣнить его только ухудшитъ дѣло, что оно только сдѣлаетъ еще тягостнѣе для всѣхъ законъ побѣдителя. Затѣмъ нападеніе Австріи вынудило бы его сдержать свои договорныя по дѣлу обороны обязательства съ Франціей, цѣной которыхъ онъ пріобрѣлъ лѣвый берегъ Дуная. Ему пришлось бы или уклониться отъ строго-опредѣленнаго обязательства, или принять участіе въ новыхъ расхищеніяхъ, выбирать между даннымъ словомъ и внутреннимъ убѣжденіемъ. Итакъ, его искреннимъ желаніемъ было, чтобы Австрія успокоилась. Но, упорствуя въ заблужденіи относительно характера вооруженій Австріи, онъ видѣлъ въ нихъ только слѣдствіе страха, растерянности націи, которая думаетъ, что ей угрожаютъ, и которая, вслѣдствіе этого, инстинктивно становится

въ оборонительное положеніе. Онъ былъ убѣжденъ, что рѣзкостью и дурнымъ обращеніемъ онъ ничего отъ нея не добьется; онъ не понималъ того, что, угрожая ей войной, онъ могъ бы избѣгнуть несчастья вести войну. Послѣ того, какъ въ Эрфуртѣ онъ обращался къ австрійцамъ съ благосклонной и сердечной рѣчью, ему было тяжело перемѣнить тонъ. Онъ по-прежнему убѣждалъ себя, что можетъ побудить ихъ разоружиться и отказаться отъ мысли о наступленіи, если будетъ повторять имъ, что никому не позволитъ напасть на нихъ.

Если же, несмотря на его успокоительныя слова, вѣнскій дворъ все-таки будетъ стремиться вызвать столкновеніе, онъ имѣлъ въ виду дружески предупредить его и выступить въ качествѣ офиціальнаго посредника. Онъ не сомнѣвался, что вѣнскій дворъ не откажется довѣрить свои интересы и заботу о своемъ достоинствѣ монарху, который всегда близко принималъ ихъ къ сердцу; тому, который, какъ намъ извѣстно, любилъ выступать въ спорахъ въ роли рыцарски-благороднаго посредника, въ роли почетнаго судьи между націями, и который гордился тѣмъ, что онъ не столько самодержецъ могущественнаго государства, сколько первый рыцарь въ Европѣ. Во всякомъ случаѣ, онъ имѣлъ въ виду прибѣгнуть къ угрозѣ только въ послѣдней крайности. Онъ боялся, какъ бы, уступая слишкомъ скоро и слишкомъ покорно желаніямъ императора, не поощрить его самого къ нападенію на Австрію; онъ считалъ своимъ долгомъ защитить Австрію не только отъ нея самой, отъ ея собственныхъ увлеченій, но и, въ особенности, отъ честолюбивыхъ замысловъ Наполеона, всегда готоваго ринуться за новой добычей. Точно также намѣренъ былъ онъ держаться и относительно Пруссіи. Безъ арміи, безъ денегъ, безъ границъ,—Пруссія была безсильна что-либо предпринять. Но уже самый ужасъ ея положенія, въ связи съ возбужденіемъ умовъ въ Германіи, позволялъ иногда опасаться съ ея стороны какой-нибудь отчаянной попытки. Подобно Австріи, и Пруссію Александръ не хотѣлъ поощрять къ возмущенію. Онъ намѣренъ былъ совѣтовать ей систему терпѣнія, но при этомъ имѣлъ въ виду относиться къ ней внимательно и мягко, давая понять, что никогда не потерпитъ ея разгрома. Дѣйствуя такимъ образомъ, онъ хотѣлъ сохранить послѣдніе остатки старой Европы; хотѣлъ обезпечить за собой право на чувство благодарности обоихъ государствъ, къ которымъ онъ, можетъ быть, обратится

въ надлежащій моментъ, когда болѣе благопріятныя обстоятельства, которыхъ невозможно предвидѣть въ настоящее время, доставятъ ему случай возстановить на континентѣ равновѣсіе силъ и нравственное преобладаніе Россіи; а до тѣхъ поръ онъ останется союзникомъ Наполеона, не отказываясь быть утѣшителемъ его враговъ.

Эти двѣ стороны его политики начинаютъ обнаруживаться тотчасъ же по выѣздѣ его изъ Эрфурта. Имѣя и на возвратномъ пути въ своей свитѣ Коленкура, онъ обращается къ нему при всякомъ удобномъ случаѣ съ благосклонными и дружескими словами, которыя черезъ посланника должны дойти до императора. Онъ какъ бы оборачивается къ союзнику, съ которымъ только что разстался, и дѣлаетъ ему сочувственные и дружескіе жесты. Но, проѣзжая черезъ Кенигсбергъ, онъ проводитъ два дня съ королемъ и королевой прусскими, и оставляетъ ихъ въ томъ убѣжденіи, что, въ извѣстныхъ случаяхъ, Россія можетъ сдѣлаться ихъ опорой и ихъ защитницей. Далѣе онъ вспоминаетъ о томъ французскомъ министрѣ, который въ Эрфуртѣ предостерегалъ его не быть довѣрчивымъ, который тайно перешелъ на его сторону и одобрилъ его сопротивленіе Наполеону. Онъ вознаграждаетъ Талейрана за измѣну. Остановясь въ Митавѣ, онъ разрѣшаетъ бракъ принцессы Софіи-Доротеи Курляндской, будущей графини Дино, съ племянникомъ князя Беневентскаго. Въ его разговорахъ часто повторяется имя князя въ сопровожденіи хвалебныхъ эпитетовъ. «Преклоняются предъ вашимъ блестящимъ умомъ и съ любовью относятся къ вамъ самимъ», пишетъ Коленкуръ Талейрану... «Императоръ благоволитъ часто освѣдомляться о васъ и удостаиваетъ постояннымъ вниманіемъ семью, которую онъ вамъ далъ» [1]. Уплативъ долгъ признательности и насладясь удовольствіемъ дѣлать людей счастливыми, Александръ медленно подвигается на Сѣверъ, не торопясь возвратиться въ свою столицу и приняться за государственныя дѣла; Наполеонъ же возвращается изъ Эрфурта въ Парижъ, нигдѣ не останавливаясь, и вступаетъ на почву своей имперіи только для того, чтобы стрѣлой промчаться по Франціи и летѣть въ Испанію.

---

[1]) Archives des affaires étrangères, Russie, 150. Коленкуръ довольно часто переписывался съ Талейраномъ, не зная, конечно, о его тайныхъ сношеніяхъ съ дворами Россіи и Австріи.

II.

Покидая императора, Александръ оставилъ при немъ своего министра иностранныхъ дѣлъ, графа Румянцева—государственнаго человѣка, который, послѣ Сперанскаго, наиболѣе пользовался его довѣріемъ и наиболѣе былъ близокъ ему по мыслямъ. Румянцевъ долженъ былъ на нѣкоторое время поселиться въ Парижѣ, дабы отсюда, совмѣстно съ нашимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Шампаньи, слѣдить за мирными переговорами съ Англіей, начать которые предложили Англіи Франція и Россія. Онъ пріѣхалъ въ Парижъ раньше новаго русскаго посланника, князя Куракина, назначеннаго замѣстителемъ графа Толстого, который вернулся къ своему призванію, военному дѣлу. До прибытія Куракина Румянцевъ былъ представителемъ царя въ Парижѣ, исполняя въ то же время и свои министерскія обязанности.

Наполеонъ видѣлъ въ немъ не столько посредника въ переговорахъ съ англичанами, сколько соединительное звено съ Россіей. Онъ спрашиваетъ себя: если бы ему удалось обольстить Румянцева и овладѣть имъ, не могъ ли бы онъ воспользоваться имъ для того, чтобы управлять союзомъ и придать ему жизнь и силу? Онъ приказываетъ сдѣлать все, чтобы очаровать временно поселившагося въ Парижѣ министра, чтобы пребываніе его въ Парижѣ было полно удовольствій, чтобы ему ни въ чемъ не было отказа, чтобы льстили всѣмъ его склонностямъ. Наполеону извѣстно, что Румянцевъ увлекается искусствами и литературой, что онъ человѣкъ ученый и любитель рѣдкостей. Поэтому предписывается, чтобы наши музеи, наши коллекціи, наши ученыя учрежденія настежь открыли предъ нимъ свои двери; чтобы подробно посвятили его во все, что есть наилучшаго въ нашихъ ученыхъ и художественныхъ учрежденіяхъ, и познакомили съ ихъ устройствомъ; чтобы всякій предметъ, на который онъ обратитъ вниманіе, былъ ему любезно предложенъ. У Румянцева страсть къ книгамъ; пусть составятъ ему библіотеку изъ рѣдкихъ сочиненій. Императоръ желаетъ, чтобы ему понравилось въ Парижѣ, чтобы онъ обставленъ былъ такъ, чтобы чувствовалъ себя совсѣмъ, какъ дома, и добровольно продлилъ свою миссію. Онъ самъ заботится о томъ, чтобы устроить его, поручаетъ его своимъ министрамъ, приказы-

ваетъ заботиться о немъ. Затѣмъ, бросивъ быстрый взглядъ на внутреннее состояніе имперіи, спѣшитъ принять за Пиринеями начальство надъ своими арміями и ввести ихъ въ дѣло.

Въ Испаніи онъ остается побѣдителемъ всюду, гдѣ встрѣчаетъ непріятеля и можетъ его атаковать; каждая остановка— выигранное сраженіе. Противъ ста тысячъ регулярныхъ войскъ, выставленныхъ противъ него возставшими, онъ повторяетъ въ бóльшихъ размѣрахъ аустерлицкій маневръ. Предоставивъ непріятелю надвигаться на наши фланги и ослаблять себя, растягивая свою операціонную линію, онъ нападаетъ на его центръ и опрокидываетъ его въ Бургосъ; затѣмъ обрушивается на лѣвое крыло, приказываетъ маршалу Ланну изрубить его при Тудела, тогда какъ Сультъ ударяетъ на правое крыло и разсѣиваетъ его въ битвѣ при Эспиноза. Вскорѣ послѣ того стремительная кавалерійская атака при Сомо-Сіерра открываетъ ему дорогу въ Мадридъ. 4 декабря императоръ дѣлается хозяиномъ столицы Испаніи, но не удостаиваетъ войти въ нее, и ограничивается тѣмъ, что возстановляетъ власть своего брата. Война была бы окончена, если бы мы имѣли дѣло только съ правительствомъ и если бы народъ не продолжалъ борьбы во всѣхъ провинціяхъ. Регулярныя испанскія войска были разбиты и разсѣяны, но изъ ихъ остатковъ нарождаются новыя арміи, и сопротивленіе идетъ своимъ порядкомъ, захватывая все новые районы. Наполеонъ надѣется употребить время, которое ему остается пробыть на полуостровѣ, для нанесенія жестокаго удара англійской арміи, вышедшей изъ Португаліи и дерзнувшей проникнуть въ Кастилію. Искусно сочетанными концентрическими обходами онъ готовится окружить ее и захватить въ плѣнъ. Къ несчастью, судьба, теперь менѣе, чѣмъ обыкновенно, благосклонная къ нему, не доставляетъ ему случая для рѣшительныхъ успѣховъ, и, что особенно важно, не позволяетъ ему доводить до конца его побѣдъ. Быстро отступивъ, армія генерала Мура ускользаетъ изъ его сѣтей и спасается отъ разгрома. Наполеонъ тотчасъ же бросается по ея слѣдамъ, преслѣдуетъ ее по пятамъ въ горахъ Галиціи, захватываетъ ея отсталыхъ, обозъ, магазины, и яростно тѣснитъ ее къ берегу, гдѣ надѣется уничтожить ее, прежде чѣмъ англійскіе корабли успѣютъ подобрать ея остатки. Но развѣ можетъ онъ долго блуждать въ этой отдаленной части полуострова, лишенной правильныхъ сообщеній съ Франціей

отсутствуя, такъ сказать, изъ Европы? Однажды вечеромъ, во время стоянки, его нагнали проскользнувшіе черезъ тысячи опасностей курьеры. При свѣтѣ бивачныхъ огней онъ читаетъ присланныя ему депеши, и тотчасъ же на лицѣ его отражается сильная озабоченность [1]). Важныя извѣстія призываютъ его обратно. Въ различныхъ частяхъ Европы событія пошли впередъ. Англія, Востокъ, въ особенности Австрія, наконецъ, Россія— требуютъ его вниманія и могутъ потребовать отъ него неотложныхъ рѣшеній. Тогда онъ обрываетъ преслѣдованіе англичанъ, возлагаетъ на Сульта заботу довершить ихъ пораженіе и возвращается въ Беневентъ, а затѣмъ въ Вальядолидъ. Въ этомъ городѣ, гдѣ онъ «можетъ получать эстафеты изъ Парижа черезъ пять дней» [2]), онъ останавливается, устраивается на жительство, и, отвернувшись отъ Испаніи, обращается лицомъ къ Европѣ.

Извѣстія, которыя онъ получилъ въ дорогѣ, а также и тѣ, которыя дошли до него уже въ Вальядолидѣ, заключались въ томъ, что англичане для открытія переговоровъ ставили такія условія, которыя не отвѣчали его честолюбивымъ замысламъ и оскорбляли его гордость. Они требовали, чтобы возставшая Испанія—въ лицѣ ея совѣта—была допущена къ переговорамъ на правахъ самостоятельнаго государства [3]). Что же касается Австріи, то она, повидимому, все сильнѣе склонялась къ тому, чтобы объявить себя на сторонѣ англичанъ; со всѣхъ сторонъ получались извѣстія о ея возбужденномъ состояніи и о передвиженіяхъ ея войскъ.

Такъ нашъ посланникъ въ Вѣнѣ, генералъ Андреосси, главнымъ образомъ, обращалъ наше вниманіе на упорное недоброжелательство Австріи и на ея военныя приготовленія. Между тѣмъ, какъ кабинетъ по-прежнему уклоняется отъ признанія короля Жозефа и не желаетъ дать намъ этого доказательства добрыхъ отношеній, резервы и войска, созванные подъ предлогомъ ученій и маневровъ, не распускаются, и всѣ силы монархіи остаются подъ ружьемъ. Андреосси пока еще не говоритъ, что характеръ этихъ мѣропріятій наступательный, но утверждаетъ, что усиленіе и распространеніе въ обществѣ враждебныхъ теченій—фактъ безспорный; что повсюду раздаются злобные голоса, которые дѣлаются все смѣлѣе, и что салоны объявили ему войну. Онъ

[1]) Mémoires du duc de Rovigo, IV, 27.
[2]) Corresp., 14684.
[3]) Id., 14643.

говоритъ, что они всегда относились къ нему подозрительно; теперь же обращаются съ нимъ, какъ съ врагомъ. Министры избѣгаютъ его; что же касается императора, то онъ обращается къ нему только съ короткими и сухими фразами, постоянно однѣми и тѣми же, на которыя посланникъ отвѣчаетъ въ такомъ же тонѣ. Такъ, отъ 13-го декабря Андреосси пишетъ: «Его Величество, по своему обыкновенію, спросилъ меня: *Что подѣлываетъ вашъ Императоръ?*—Отвѣтъ: *Я имѣю о немъ свѣдѣнія только изъ газетъ, но я думаю, что онъ по пятамъ преслѣдуетъ непріятеля.* Далѣе этого разговоръ не шелъ» [1]).

Правда, вѣнскій дворъ только-что вернулъ въ Парижъ своего посланника, графа Меттерниха, уѣхавшаго оттуда еще лѣтомъ. Шампаньи пишетъ, что, какъ и прежде, Меттернихъ льститъ и говоритъ туманно; что онъ по-прежнему разсыпается въ миролюбивыхъ увѣреніяхъ; но, что, какъ только ставится вопросъ ребромъ, какъ только высказывается желаніе, чтобы онъ представилъ доказательство своихъ словъ, такъ сейчасъ же онъ попадаетъ въ затруднительное положеніе. Чтобы позондировать его, Шампаньи спросилъ, привезъ ли онъ акты о признаніи новыхъ королей: «Меттернихъ молчитъ. Но онъ чувствовалъ, что нужно же приступить къ единственному дѣлу, которое только и существуетъ теперь между обоими правительствами, и, послѣ минутнаго размышленія, онъ, съ крайне смущеннымъ видомъ, началъ фразу и не кончилъ. Онъ пытался начать другую, но также не кончилъ, затѣмъ третью, четвертую и, послѣ цѣлаго ряда словъ безъ всякаго смысла, онъ еле пробормоталъ мнѣ: *Но... но... генералъ Андреосси объявилъ, что эта форма непріемлема.* Я понялъ, что онъ хотѣлъ оправдать отказъ или запозданіе признанія... Я долженъ сказать Вашему Величеству, что мнѣ никогда не случалось видѣть, чтобы Меттернихъ, у котораго обыкновенно такой непринужденный и увѣренный тонъ, такъ сконфузился и такъ путался въ словахъ» [2]).

Изъ этого разговора французскій министръ выноситъ убѣжденіе, что вѣнскій дворъ ждетъ «только момента, чтобы дерз-

---

[1]) Андреосси къ Шампаньи. Эта депеша, какъ и всѣ другія выписки изъ австрійской пере иски, которыя мы приводимъ въ этой и послѣдующей главѣ, взяты изъ архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ, Вѣна, 381 и 382.

[2]) Шампаньи императору, 3-го января 1809 г. Archives nationales, AF, IV, 1675.

нуть». Но,—говоритъ далѣе Шампаньи,—не будетъ ли онъ, «какъ свойственно трусамъ», ожидать этого момента до тѣхъ поръ, пока не пропуститъ его? Министръ очень надѣется на это. Но его увѣренность въ недостаткѣ у противника энергіи опровергается донесеніями изъ другихъ источниковъ. Шпіоны, помѣщенные на границахъ Австріи—наши агенты въ Тріэстѣ, въ Баваріи и Саксоніи—доносятъ о лихорадочныхъ, спѣшныхъ вооруженіяхъ въ пограничныхъ провинціяхъ и о приготовленіяхъ къ выступленію въ походъ. Уже повсюду въ Европѣ вѣнская дипломатія сбрасываетъ маску, дѣйствуетъ открыто заодно съ англичанами, и это единеніе въ интригахъ доказываетъ, что австрійскій домъ поступилъ на жалованье къ нашимъ врагамъ и скоро сдѣлаетъ въ ихъ пользу новую диверсію.

Чтобы подготовиться къ угрожающей опасности и надлежащимъ образомъ встрѣтить весьма вѣроятное нападеніе, императоръ посылаетъ изъ Вальядолида приказаніе произвести наборъ и сдѣлать необходимыя передвиженія войскъ. Онъ приказываетъ усилить оставленные въ Германіи корпуса и передвинуть одинъ изъ нихъ ближе къ Дунаю; посылаетъ принцу Евгенію планъ защиты Италіи; приглашаетъ государей Рейнскаго союза пополнить составъ ихъ войскъ, не формируя пока армій; наконецъ, онъ готовится къ отъѣзду, приказываетъ нѣсколькимъ отрядамъ своей гвардіи двинуться къ Пиринеямъ и объявляетъ о своемъ возвращеніи въ Парижъ [1]).

Правда, всѣ эти мѣры предписаны только въ видахъ предосторожности. Если Австрія успокоится, онѣ будутъ отмѣнены. Императоръ пока не рѣшается двинуть обратно къ сѣверу всѣ войска, предназначенныя для окончательнаго покоренія Испаніи и для непосредственныхъ операцій противъ Англіи. Всегдашней надеждой, которую онъ таитъ въ глубинѣ души, его излюбленной мечтой по-прежнему остается непосредственное нападеніе на англичанъ. Ставъ въ полъ-оборота къ Австріи, онъ не отрываетъ взора отъ странъ, гдѣ можно напасть на Англію и гдѣ она не можетъ защититься. Благодаря этому, его вниманіе раздваивается. Съ одной стороны онъ слѣдитъ за линіей Рейна и Альпами, гдѣ ему нужно занять оборонительное положеніе, съ другой—за Испаніей, гдѣ онъ торопитъ съ осадой Сарагоссы и организуетъ экспедицію противъ Андалузіи; затѣмъ идутъ Сре-

[1]) Corresp, январь, 1809 г.

диземное море и Востокъ, куда его влекутъ дерзкія поползновенія къ нападенію. Прибавимъ, что Востокъ снова призываетъ его, самъ давая поводъ къ вмѣшательству. Курьеры, доставившіе извѣстія объ угрожающихъ намѣреніяхъ Австріи, вмѣстѣ съ тѣмъ привезли донесенія и о новой революціи въ Константинополѣ. Визирь Байрактаръ, который въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ пользовался властью и олицетворялъ ее въ глазахъ турокъ, только что погибъ во время бунта подъ развалинами своего пылающаго дворца. Закономъ въ Константинополѣ сдѣлалась воля солдатъ, и этотъ новый шагъ на пути къ анархіи, повидимому, приближаетъ для Турціи роковой часъ крушенія. Въ виду того, что катастрофа казалась очень близкой, въ умѣ Наполеона самъ собой возникалъ вопросъ: не наступило ли время обезпечить за собой и, слѣдовательно, теперь же занять извѣстныя позиціи, представляющія огромную выгоду для конечной борьбы съ Англіей? Поэтому, одновременно съ воззваніемъ къ государямъ Конфедераціи, Наполеонъ подписываетъ приказъ собраться морскимъ силамъ въ Тулонѣ. Онъ приказываетъ, чтобы къ 1-му марта въ этомъ порту была эскадра изъ семидесяти пяти судовъ, готовая перевезти «въ любой пунктъ Средиземнаго моря» тридцать двѣ тысячи человѣкъ, экипированныхъ и снабженныхъ для дальней экспедиціи [1]. Приготовленіямъ придается видъ, какъ будто они направлены противъ Сициліи, но императоръ довѣряетъ морскому министру, что онъ предназначаетъ флоту «болѣе важную роль» [2]; что онъ цѣлитъ въ Сицилію, а выстрѣлитъ въ другое мѣсто. Не соблазняетъ ли его Алжиръ, или, быть можетъ, Египетъ, тотъ самый Египетъ, завладѣть которымъ онъ столько разъ мечталъ, и, владѣя которымъ, онъ могъ бы изгнать англичанъ изъ восточной части Средиземнаго моря, вытѣснить ихъ вліяніе въ Азіи и угрожать имъ въ Индіи? Не выдавая пока тайны своихъ намѣреній, онъ позволяетъ провидѣть обширные проекты. «Эта средиземная эскадра, — пишетъ онъ Декрè, — интересуетъ меня гораздо больше, чѣмъ вы можете думать» [3]. По его планамъ, двѣ выведенныя въ прошломъ году изъ Германіи дивизіи— дивизіи Буде и Молитора—должны послужить, если не понадобится перебросить ихъ на сѣверъ, для сформированія экспеди-

[1] Corresp., 14630, 14669, 14675, 14676, 14677.
[2] Id., 14665.
[3] Id., 14630.

ціоннаго корпуса. Пока же не обрисуется положеніе, Наполеонъ удерживаетъ ихъ около Ліона, откуда онѣ могутъ двинуться или внизъ по Рейну, или направиться на югъ, къ морю. И только въ послѣдней крайности, въ случаѣ безусловной необходимости, думаетъ онъ оторваться отъ своей дуэли съ Англіей, чтобы «сражаться безъ всякаго смысла» [1]) съ Австріей. Видя, какъ приближается новая война въ центрѣ Европы, готовясь къ ней, онъ не мирится еще съ мыслью, что не въ силахъ помѣшать ей.

Онъ не отказывается отъ мысли—съ помощью Россіи сдержать и парализовать Австрію. Но теперь онъ все болѣе убѣждается, что Австрія совершенно исключаетъ изъ своихъ соображеній гипотезу о существованіи между двумя императорами не-фиктивнаго союза. Намъ извѣстно, что разсчеты Австріи были ошибочны, такъ какъ Александръ далъ въ Эрфуртѣ положительныя обязательства; онъ обѣщалъ, что, въ случаѣ нападенія на насъ, онъ окажетъ намъ помощь. Но, такъ какъ царь не объявилъ Австріи объ этомъ въ достаточно-опредѣленныхъ выраженіяхъ, то заблужденіе, въ которомъ пребывали въ Вѣнѣ, было вполнѣ понятно; въ замалчиваніяхъ царя тамъ усматривали поощреніе. Въ этомъ-то неисправимомъ заблужденіи вѣнскаго двора относительно поведенія Россіи въ рѣшительную минуту Наполеонъ и видѣлъ тайную причину австрійской дерзости.

Переписка съ Вѣной давала на этотъ счетъ положительныя указанія и доказательства. Правда, Андреосси, равно какъ и императоръ, не могъ знать главныхъ побудительныхъ причинъ, на которыхъ основывалась увѣренность Австріи; онъ не зналъ ни о словахъ, сказанныхъ Александромъ въ Эрфуртѣ, ни о предательскихъ тайныхъ сношеніяхъ съ нимъ Талейрана. Но и помимо этого у Австріи были данныя, на основаніи которыхъ она могла быть спокойна за Россію, и они-то ни для кого не были секретомъ. Между глубоко враждебнымъ Франціи петербургскимъ высшимъ обществомъ, ожесточенно стремившимся разрушить дѣло тильзитскаго свиданія, и вѣнской аристократіей было много общаго въ нескрываемыхъ симпатіяхъ, въ предметѣ общей ненависти, въ общихъ надеждахъ,—наконецъ, въ общемъ желаніи интриговать; поэтому въ Вѣнѣ могли думать, что за коалиціей салоновъ послѣдуетъ и коалиція правительствъ.

Если у царя въ Австріи были представители, то и велико-

---

[1]) Id., 14864.

свѣтская и оппозиціонная Россія точно также имѣла тамъ своихъ представителей, которые занимали въ Вѣнѣ выдающееся положеніе. Это были стоящіе на виду высокопоставленные русскіе дѣятели и дамы высшаго круга, которымъ пришлось уѣхать изъ Петербурга изъ-за слишкомъ рѣзко выражаемой непріязни къ французской политикѣ Александра, и которые принесли съ собой на берега Дуная страсти и рѣчи, присущія эмигрантамъ. Во-главѣ этой группы добровольныхъ изгнанниковъ, служившей соединительнымъ звеномъ между двумя столицами, былъ графъ Андрей Разумовскій, «самый высокій и самый пустой человѣкъ» [1]). Разумовскій, состоя посланникомъ царя въ Австріи до 1807 г., былъ главнымъ дѣятелемъ и двигателемъ коалицій. Замѣненный послѣ Тильзита другимъ лицомъ, онъ упорно хранилъ въ себѣ къ Наполеону чувство ненависти, отъ котораго его государь какъ будто отказался. Онъ остался въ Вѣнѣ, и здѣсь, благодаря своему прочно установившемуся вліятельному положенію, организовалъ и блестяще велъ свою личную войну противъ Франціи. Салоны его соотечественниковъ, гдѣ онъ царилъ и задавалъ тонъ, были открыты исключительно нашимъ врагамъ. Аристократія и представители высшей администраціи Австріи собирались тамъ всякій вечеръ и запасались мужествомъ. Вмѣсто того, чтобы успокоивать воинственный задоръ Австріи, члены русской колоніи съ особымъ удовольствіемъ подливали масла въ огонь, обѣщая въ близкомъ будущемъ поворотъ въ политикѣ Россіи. По ихъ словамъ, въ Петербургѣ подготовлялись важныя событія. Они говорили, что, придерживаясь системы, осужденной общественнымъ мнѣніемъ и завѣтами старины, Александръ I-ый въ высокой степени подвергаетъ себя опасностямъ, которыя во всѣ времена угрожаютъ власти и даже жизни государей. Теперь, говорили они, терпѣніе недовольныхъ истощается, и дворцовый переворотъ неизбѣженъ. Нѣкоторые, съ претензіями на пророчество, говорили, что всегда предсказывали такой конецъ; что они, на основаніи получаемыхъ извѣстій и характерныхъ признаковъ, давно предвидѣли его, и при этомъ припоминали слова, написанныя въ началѣ царствованія одной московской дамой своей пріятельницѣ въ Вѣнѣ: «Я только-что присутствовала при коронованіи императора Александра. Я видѣла, какъ впереди

[1]) Неизданные документы.

государя шли убійцы его дѣда, подлѣ него убійцы его отца, а за нимъ—его собственные»[1]).

По словамъ самыхъ умѣренныхъ изъ русскихъ, проживавшихъ въ Вѣнѣ, врядъ ли потребуется прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ, къ «азіатскому средству»[2]), такъ какъ ихъ правительство само-собой вступитъ въ свою естественную колею. Императору Александру, говорили они, опротивѣлъ французскій союзъ; глаза его открылись, благодать коснулась его, и достаточно самаго легкаго усилія, чтобы снова и уже окончательно привлечь его на сторону праваго дѣла. Многіе факты, какъ-будто, оправдывали эти предсказанія: такъ, въ салонахъ Вѣны члены русскаго посольства, не двинувъ бровью, безъ всякихъ возраженій, выслушивали самыя рѣзкія выходки противъ Франціи. Послѣ свиданія въ Эрфуртѣ графъ Толстой, бывшій посланникъ въ Парижѣ, отправляясь въ Дунайскую армію, ѣхалъ черезъ Вѣну. Въ Вѣнѣ, гдѣ его анти-французскія чувства были хорошо извѣстны, онъ былъ блестяще принятъ и сдѣлался на нѣкоторое время героемъ дня. Съ непоколебимой увѣренностью онъ ручался за благосклонность своего правительства, и его слова, озаренныя блескомъ его ранга, его недавнимъ положеніемъ, его извѣстными связями съ интимнымъ кружкомъ царя, имѣли характеръ почти офиціальный[3]). Группируя эти многочисленные симптомы, сопоставляя ихъ съ эпизодами, которые имѣли мѣсто во время и послѣ свиданія въ Эрфуртѣ, австрійскій кабинетъ что дальше, то больше отказывался отнестись серьезно къ франко-русскому союзу. Онъ видѣлъ въ немъ только безсильное пугало, призракъ, который исчезнетъ при первомъ же прикосновеніи. Мало того: существующее положеніе казалось вѣнскому кабинету настолько благопріятнымъ, что онъ намѣревался вступить съ Александромъ въ непосредственныя объясненія. Одинъ изъ наиболѣе видныхъ представителей австрійской аристократіи, князь Карлъ Шварценбергъ, только-что получилъ назначеніе отправиться въ качествѣ посланника въ Петербургъ, гдѣ у императора Франца въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ былъ только повѣренный въ дѣлахъ. Князь готовился къ отъѣзду. Его миссіи предсказывали большой успѣхъ, и надѣялись,

[1]) Депеша Андреосси, 13 декабря 1808 г.
[2]) Joseph de Maistre, Mémoires et Correspondance, p. 322.
[3]) Депеши Андреосси, 13 и 24 декабря 1808 г., 15 января 1809 г.

что его мощное краснорѣчіе разсѣетъ послѣднія колебанія Александра и довершитъ уже далеко подвинувшійся въ немъ поворотъ къ прежнему.

По мнѣнію Наполеона, чтобы прекратить эти происки и сразу же отнять у Австріи всякую надежду, достаточно было, чтобы Александръ, если онъ дѣйствительно хотѣлъ сдержать свои обязательства, высказался во всеуслышаніе, опредѣленно, тономъ, не допускающимъ никакихъ возраженій и никакихъ разговоровъ; чтобы его энергичное, недопускающее неправильныхъ толкованій, слово заставило замолчать австрійцевъ и русскихъ,—всѣхъ, кто осмѣливался предвидѣть его вѣроломство; чтобы онъ, немедля же, объявилъ, что только онъ можетъ распоряжаться въ Россіи; что онъ готовъ властно вмѣшаться въ дѣла Европы; что онъ подавитъ попытки нарушить миръ на континентѣ и не оставитъ ихъ безнаказанными. Итакъ, Наполеонъ возвращался къ идеѣ, которую тщетно пытался осуществить въ Эрфуртѣ: заставить Александра обратиться съ угрозой къ Австріи. Теперь, для того, чтобы убѣдить царя, онъ располагалъ болѣе многочисленными и болѣе сильными доводами, которые обстоятельства предоставили въ его распоряженіе. Во время свиданія Австрія не обнаруживала еще безспорными признаками своего желанія воевать; можно было вполнѣ законно сомнѣваться относительно ея плановъ. Но то, что происходило въ Вѣнѣ послѣ Эрфурта: непрерывныя военныя приготовленія, тонъ, принятый обществомъ, кабинетомъ, однимъ словомъ, все — не доказывало ли до очевидности твердаго и заранѣе обдуманнаго намѣренія вести войну? Текущія событія доставили Наполеону доводы противъ сомнѣній Александра, и при условіи, что царь былъ искрененъ, трудно было допустить, чтобы онъ и въ настоящее время отказался отъ дѣйствій, пользу которыхъ онъ еще недавно оспаривалъ.

Важно было, чтобы Россія оказала намъ эту услугу, какъ можно скорѣе, прежде чѣмъ Австрія вступитъ на путь, съ котораго нѣтъ возврата. Необходимо было, чтобы теперь же оба союзника условились, какія требованія предъявить ей и какъ придать имъ надлежащій вѣсъ. Одною изъ причинъ, которыя ускорили возвращеніе Наполеона во Францію, и было желаніе приступить къ переговорамъ по этому поводу и придать имъ болѣе быстрый темпъ. Онъ спѣшитъ изъ Вальядолида въ Парижъ,

главнымъ образомъ, для того, чтобы застать въ Парижѣ Румянцева. Между тѣмъ русскій министръ, окончательно убѣдившись въ безплодности попытокъ сговориться съ Англіей, объявилъ о своемъ отъѣздѣ. Онъ говоритъ, что крайне важныя обязанности призываютъ его въ Россію. До его отъѣзда Наполеонъ хочетъ повидать его, поговорить съ нимъ, убѣдить его въ необходимости дѣйствовать въ Вѣнѣ рѣшительно и безотлагательно [1]).

Еще до отъѣзда изъ Испаніи Наполеонъ обращается непосредственно къ царю. Онъ отправляетъ изъ Вальядолида одного изъ своихъ ординарцевъ, Понтона, приказывая, чтобы онъ, какъ можно скорѣе, ѣхалъ въ Петербургъ. Ему поручается письмо къ императору Александру, въ которомъ Наполеонъ напоминаетъ о себѣ своему союзнику и посылаетъ ему свои пожеланія на новый годъ. Другое письмо дается ему же для герцога Виченцы [2]). Въ этомъ послѣднемъ, которое есть ничто иное, какъ наскоро написанная инструкція, Наполеонъ предписываетъ своему посланнику, чтобы онъ далъ почувствовать Александру необходимость неотложнаго совмѣстнаго дипломатическаго воздѣйствія, и намѣчаетъ его планъ. Слѣдуетъ, говорится въ ней, чтобы петербургскій кабинетъ вмѣстѣ съ Коленкуромъ составили представленіе Австріи по поводу ея дѣйствій. Нота должна быть изложена въ рѣшительныхъ выраженіяхъ; въ ней должно быть предъявлено Австріи требованіе прекратить вооруженія и перейти на мирное положеніе. Представители обоихъ государствъ въ Вѣнѣ, посланникъ Франціи и русскій повѣренный въ дѣлахъ, должны предъявить ее вмѣстѣ, въ формѣ тождественныхъ нотъ. Сверхъ того, они должны получить предписаніе: если они признаютъ отвѣтъ, который имъ будетъ данъ, неудовлетворительнымъ, покинуть немедленно Вѣну, по собственному почину, въ одно и то же время, не дожидаясь дальнѣйшихъ приказаній. По мнѣнію императора, этотъ одновременный отъѣздъ, за которымъ должны послѣдовать, если къ тому будетъ поводъ, болѣе внушительныя мѣры, можетъ заставить Австрію одуматься и внушить ей спасительный страхъ [3]).

---

[1]) Corresp., 14690.

[2]) Напомнимъ, что Коленкуръ получилъ весной 1808 г. титулъ герцога Виченцы.

[3]) Донесеніе Коленкура отъ 22 февраля 1809 г. Мы напоминаемъ, что письма Наполеона къ Коленкуру, во время его миссіи въ Россіи, отсутствуютъ въ перепискѣ и извѣстны намъ только по отвѣтамъ, которые слѣдуютъ

Уже заранѣе Наполеонъ доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что онъ увѣренъ въ Россіи, что русскій дворъ идетъ за нимъ, что онъ смотритъ на положеніе его глазами и присоединится ко всѣмъ его дѣйствіямъ. Въ каждомъ изъ писемъ, которыя онъ диктуетъ для своихъ братьевъ, для зятя, для нѣмецкихъ государей, онъ пріобщаетъ Александра къ мнѣніямъ, которыя самъ высказываетъ, и заставляетъ его скрѣплять свою свирѣпую, ѣдкую критику на австрійскій домъ. Онъ увѣдомляетъ Евгенія: «Извѣстія, которыя я получаю со всѣхъ сторонъ, ясно говорятъ мнѣ, что Австрія готовится къ войнѣ. Не только я, но и Россія возмущена тѣмъ, что она такъ чрезмѣрно храбрится». Жерому: «Если австрійскій императоръ сдѣлаетъ хоть малѣйшее враждебное движеніе, онъ перестанетъ царствовать,—вотъ что вполнѣ ясно. Что же касается Россіи, то никогда еще мы не были въ лучшихъ отношеніяхъ». Саксонскому королю онъ пишетъ: «Прошу сказать мнѣ, что думаетъ Ваше Величество объ этомъ безуміи вѣнскаго двора. Россія возмущена его поведеніемъ и не можетъ его понять». Обращаясь къ вюртембергскому королю, онъ говоритъ и отъ своего имени, и отъ имени царя. «Мы никакъ не можемъ понять, говоритъ онъ, что за духъ заблужденія овладѣлъ австрійскимъ дворомъ» [1]). Наполеонъ распространяетъ по всему свѣту слухи о своихъ въ высшей степени дружескихъ отношеніяхъ съ Россіей, надѣясь, что они, подобно эхо, отзовутся въ Вѣнѣ и запугаютъ ее. Съ дерзкой самоувѣренностью поднимается онъ на противника и хочетъ застращать его предполагаемыми намѣреніями Александра: еще не зная ихъ, онъ предсказываетъ ихъ и оглашаетъ.

Итакъ, сдержать и запугать Австрію, пользуясь для этого Россіей—такова по-прежнему его преобладающая мысль. Къ этой цѣли сводятся всѣ его усилія, и, по-истинѣ, вовсе не плохой сюжетъ для изслѣдованія представляетъ то, что въ дѣлѣ предупредительной политики, онъ на шестьдесятъ лѣтъ опередилъ самаго грознаго врага, какого только встрѣчала предъ собой Фран-

по пунктамъ. Всѣ письма и донесенія къ Наполеону, приводимыя въ этомъ томѣ, находятся въ національныхъ архивахъ, AF, IV, 1697, 1698 и 1699.

Письма Наполеона къ Коленкуру были найдены по выходѣ въ свѣтъ II-го тома оригинала. Они приведены въ приложеніи къ третьему тому (Прим. пер.).

[1]) Corresp., 14715, 14721, 14722, 14731.

ція въ теченіе девятнадцатаго вѣка, и намѣтилъ ему путь. Наканунѣ нашего разгрома въ 1870 году министръ, создавшій величіе Пруссіи, готовясь къ войнѣ съ нами, боялся, какъ бы плохо примиренная Австрія, сохраняя въ сердцѣ горечь недавняго пораженія и памятуя суровое съ ней обращеніе, не поднялась противъ Пруссіи и не поставила ее между двухъ огней. Онъ сразу же понялъ, что Россія, въ силу ея географическаго положенія, ея массы, ея внушительнаго внѣшняго престижа, лучше всякаго другого государства, могла оказать въ Вѣнѣ парализующее дѣйствіе. Создавъ предъ ея глазами миражъ Востока, обольстивъ ее выгодами, скорѣе кажущимися, чѣмъ дѣйствительными, онъ добился того, что она вынудила Австрію къ бездѣйствію, наложивъ запрещеніе на ея воинственный порывъ. Это была буквально та же самая роль, какую Наполеонъ, пользуясь тѣми же пріемами, пытался навязать царю во время свиданія въ Эрфуртѣ, и которую онъ ему снова предложилъ въ январѣ 1809 г. Судя по тому, какъ отзовется Александръ на его призывъ, возобновленный при наступленіи болѣе трудныхъ и болѣе тяжелыхъ обстоятельствъ, онъ и рѣшитъ вопросъ о дальнѣйшихъ къ нему отношеніяхъ.

III.

Въ то время, какъ Наполеонъ, послѣ трехъ мѣсяцевъ, проведенныхъ въ бояхъ и походахъ, оторвался отъ войны съ Испаніей только для того, чтобы организовать дипломатическую кампанію; въ то время, какъ его офицеръ, спѣшно отправленный въ Петербургъ съ новымъ планомъ дѣйствій союза, ѣхалъ черезъ Германію, русскій дворъ, вступившій на путь безмятежной бездѣятельности, продолжалъ благодушествовать. Александръ неизмѣнно говорилъ о своей признательности за выгоды, которыя были ему обѣщаны въ Эрфуртѣ, и не слишкомъ торопился получить ихъ. Единственное мѣсто въ его государствѣ, гдѣ обнаруживалась нѣкоторая дѣятельность, была граница со Швеціей. Здѣсь военныя дѣйствія были возобновлены, но не принимали характера достаточной силы и рѣшительности. Поговаривали объ экспедиціи къ Аландскимъ островамъ, о высадкѣ на берега Швеціи, но и та и другая оставались пока въ проектѣ. На Дунаѣ

медлительность и формализмъ турокъ задерживали открытіе съѣзда уполномоченныхъ, мѣстомъ котораго были назначены Яссы. Въ ожиданіи исхода переговоровъ, русскія войска, подъ начальствомъ восьмидесятилѣтняго князя Прозоровскаго, стояли по своимъ квартирамъ. Что же касается Австріи, то, считая, что сообщивъ ей свой взглядъ, онъ достаточно успокоилъ ее, Александръ находилъ безполезнымъ новые шаги въ этомъ направленіи и держался принципа невмѣшательства. Его дипломатія въ Вѣнѣ, равно какъ и его многочисленная пѣхота на Дунаѣ, не двигались съ мѣста.

Главнымъ и любимымъ его занятіемъ за все это время были подготовка реформъ и совмѣстная работа со Сперанскимъ. Стремясь провести въ жизнь свои принципы, государь и его министръ набрасывали основы обширнаго общеобразовательнаго учрежденія. Въ то же время они составляли сводъ законовъ, общій для всей имперіи. Они хотѣли даровать Россіи свой гражданскій кодексъ. Чтобы ближе подойти къ избранному образцу, Александръ вошелъ въ сношенія «съ нашими выдающимися законовѣдами и учеными» [1]), приказывая аккуратно доставлять себѣ отчеты объ ихъ трудахъ. Посредникомъ въ сношеніяхъ съ мирной Франціей онъ избралъ Коленкура и держалъ его въ курсѣ всѣхъ своихъ начинаній Съ начала своей блестящей миссіи посланникъ никогда не былъ еще такъ близокъ къ царю. То-и-дѣло герцогъ Виченцы приглашался во дворецъ короткими собственноручными записками, которыя оканчивались сердечными или дружескими выраженіями: то Его Величество ожидалъ его къ обѣду; то ему нужно было побесѣдовать съ нимъ наединѣ; то онъ желалъ поздравить его съ успѣхомъ нашего оружія, а то и просто желалъ его видѣть и узнать о его здоровьѣ [2]). Эти

---

[1]) Коленкуръ Наполеону, 15 января 1809 г.

[2]) 9 декабря 1808 г.: „Я взялъ перо, генералъ, чтобы писать вамъ, какъ въ тотъ же моментъ получилъ ваше письмо. Я хотѣлъ васъ поздравить съ успѣхами, о которыхъ графъ Румянцевъ сообщаетъ мнѣ въ своихъ депешахъ, и подтвержденіе которымъ я прочелъ въ вашемъ *Moniteur*'ѣ. Графъ Румянцевъ не можетъ достаточно нахвалиться пріемомъ, который былъ ему оказанъ. Я надѣюсь, что теперь все пойдетъ сообразно нашимъ желаніямъ. Пока же примите, генералъ, увѣреніе въ полномъ моемъ къ вамъ уваженіи. Александръ“.

15 января 1809 г.: „Мнѣ досадно было узнать, генералъ, что вы еще хвораете. Я получилъ бюллетени. Битва при Тудела, кажется, была велико-

милости личнаго свойства нисколько не мѣшали офиціальнымъ почестямъ; ихъ расточали при всякомъ случаѣ тому, кого Петербургъ называлъ однимъ словомъ «*посолъ*», какъ будто кромѣ него не существовало другихъ представителей. Правда, общество только терпѣло такое положеніе, но нельзя сказать, чтобы относилось къ нему доброжелательно. Оно ставило Коленкуру въ упрекъ его властныя замашки, его авторитетный и начальническій тонъ, почти царскую роскошь, которой онъ окружалъ себя, и вліяніе, которое онъ, повидимому, оказывалъ во всѣхъ дѣлахъ на умъ монарха; говорили: «скоро онъ и указы начнетъ писать». Впрочемъ, враждебность къ Франціи сказывалась въ это время скорѣе во вздорномъ злословіи, чѣмъ въ серьезномъ возмущеніи. Любимымъ занятіемъ въ салонахъ было судачить о нашихъ бюллетеняхъ изъ Испаніи, оспаривать ихъ достовѣрность и отъ времени до времени сообщать о пораженіяхъ французскихъ войскъ, пока какое-нибудь громкое событіе, въ родѣ взятія Мадрида, не вынуждало умы уступать предъ очевидностью и не заставляло «лица вытягиваться» [1]). Общество по-прежнему много веселилось, дѣлило время между частыми балами и интригами, и мѣшало одно съ другимъ. Поэтому для высшаго общества большимъ событіемъ этой зимы, которому очень желали придать политическое значеніе, былъ пріѣздъ въ Петербургъ короля и королевы прусскихъ.

Прежде чѣмъ вернуться въ свою столицу, очищенную нашими войсками, Фридрихъ-Вильгельмъ III и королева Луиза рѣшили отвѣтить царю на визиты, которые онъ сдѣлалъ имъ въ 1805 г. въ Берлинѣ и недавно въ Кенигсбергѣ. Они назначили свой пріѣздъ на январь 1809 г. Трудно было узнать навѣрное, отъ кого исходила иниціатива этого свиданія. Царь отрицалъ, что она исходила отъ него, король тоже; каждый изъ нихъ желалъ показать, что онъ былъ на это вызванъ. Какъ бы то ни было,

---

лѣпнымъ дѣломъ и навѣрное приведетъ къ важнымъ результатамъ. Я въ восторгѣ, что дѣла въ Испаніи идутъ такъ хорошо, но очень огорченъ вашимъ нездоровьемъ. Примите, прошу васъ, генералъ увѣреніе въ моемъ полномъ уваженіи. Александръ".

20 іюня 1809 г.: „Доставьте мнѣ удовольствіе, генералъ, придти ко мнѣ черезъ полчаса во фракѣ. Я имѣю сообщить вамъ нѣчто довольно интересное. А." Archives nationales, AF, IV, 1698.

[1]) Коленкуръ Наполеону, 15 января 1809 г.

царь тотчасъ же принялъ мѣры, чтобы исполнить долгъ гостепріимства. Лишь только Ихъ Прусскія Величества переступили его границу, онъ приказалъ поднести имъ, въ знакъ привѣтствія и какъ даръ Россіи, великолѣпные мѣха; затѣмъ онъ послалъ имъ навстрѣчу экипажи. Пока высокіе путешественники приближались къ столицѣ, все вниманіе въ ней было направлено на приготовленія къ ихъ пріему и празднествамъ. Руководимый утонченнымъ чувствомъ деликатности, тѣмъ благородствомъ въ поступкахъ, которое было его характерной чертой, Александръ хотѣлъ, чтобы обездоленная чета, еще болѣе достойная вниманія благодаря своему несчастью, нашла въ его странѣ предупредительный и великолѣпный пріемъ, который скорѣе соотвѣтствовалъ бы прошлому величію Гогенцоллерновъ, чѣмъ настоящему ихъ положенію, и чтобы съ нѣмецкими высочайшими особами обходились въ Петербургѣ такъ, какъ-будто битву при Іенѣ выиграла Пруссія.

Никогда общественное мнѣніе не допускало, чтобы государи могли покидать свою страну только для соблюденія приличій или ради удовольствія; оно всегда приписываетъ ихъ путешествію сокровенныя побужденія и выводитъ изъ нихъ безконечныя слѣдствія. И въ настоящемъ случаѣ думали, что, если Фридрихъ-Вильгельмъ и королева отправились въ Петербургъ, то дѣлалось это ради того, чтобы заинтересовать и растрогать царя своей судьбой и снова привлечь его къ ихъ дѣлу, т.-е. къ дѣлу королей, которыхъ скрутилъ и угнеталъ Наполеонъ. Въ этомъ посѣщеніи, которое совпадало съ отъѣздомъ Шварценберга въ русскую столицу, каждый хотѣлъ видѣть новое, настойчивое усиліе Германіи отвлечь Александра отъ французскаго союза. Сколько ни протестовали наши агенты противъ такого толкованія, сколько ни повторяли, согласно полученному приказанію, «что въ путешествіи прусскаго короля не было ничего такого, что могло бы быть непріятнымъ Его Величеству, что оно не могло произвести на него дурного впечатлѣнія» [1]), ихъ словамъ приписывали только сомнительную цѣнность офиціальнаго опроверженія. Въ Петербургѣ наши враги радовались этому путешествію, наши немногіе друзья были встревожены; Коленкуръ былъ не въ духѣ и готовился быть на-сторожѣ.

---

[1]) Инструкціи Шампаньи Андреосси, 26 января 1809 г.

Его опасенія еще болѣе увеличивало то обстоятельство, что въ самое недавнее время Александръ далъ доказательство возобновившагося участія къ Пруссіи и горячо, съ чувствомъ почти негодованія, принялся защищать ее. Дѣло въ томъ, что въ Эрфуртѣ Наполеонъ, въ угоду своему союзнику, согласился уменьшить на двадцать милліоновъ военное вознагражденіе съ Пруссіи. Этой уступкой имѣлось въ виду сдѣлать возможнымъ подготовлявшееся соглашеніе между дворами Парижа и Кенигсберга; но Наполеонъ, никогда не относившійся къ Пруссіи доброжелательно, испортилъ благое начинаніе, обставивъ его нѣкоторыми ограниченіями и требованіями. Онъ потребовалъ, чтобы побѣжденный платилъ проценты съ суммъ, остающихся въ долгу, и принялъ на себя нѣкоторыя издержки, вызванныя занятіемъ трехъ крѣпостей. Это были непредвидѣнные расходы, которые почти уничтожали льготы, данныя Пруссіи. Франція въ иной формѣ брала обратно часть того, что уступила такъ великодушно. Въ этихъ жестокихъ притѣсненіяхъ Александръ видѣлъ недостатокъ вниманія къ самому себѣ, почти недовѣріе. Онъ пожаловался на это Коленкуру тономъ упрека и горечи, который обыкновенно не былъ ему свойственъ. «Императоръ мнѣ обѣщалъ, сказалъ онъ: передайте ему, что я взываю къ его слову... Я надѣюсь, что, изъ дружбы ко мнѣ, это дѣло будетъ возстановлено въ томъ смыслѣ и духѣ, какъ это было условлено въ Эрфуртѣ. Я положительно настаиваю на этомъ. Я вѣрно блюду мои обязательства, и императоръ Наполеонъ долженъ держать свои. Не слѣдуетъ, ради того, чтобы вырвать нѣсколько грошей у людей, и такъ уже болѣе чѣмъ разоренныхъ, портить воспоминанія, которыя остались у меня отъ нашего свиданія... Я былъ посредникомъ въ добромъ дѣлѣ; я требую исполненія даннаго мнѣ слова» [1]). Онъ говорилъ что, когда императоръ удовлетворитъ его просьбу, онъ перестанетъ интересоваться Пруссіей и думать о ней. Но очевидно, что его горячая рѣчь говорила о стойкомъ расположеніи къ государству, печальная судьба котораго удручала его совѣсть.

Но не было ли въ распоряженіи у разоренной, утратившей значительную часть своихъ владѣній Пруссіи средства воздѣйствія, иной разъ болѣе могущественнаго, чѣмъ блескъ военной силы? Не произведутъ ли въ Петербургѣ свое обычное дѣйствіе красота

[1] Донесеніе Коленкура, № 4, 20 декабря 1808 г.

и обаятельная прелесть королевы Луизы? Когда-то Александръ не избѣгъ ея чаръ; можно было думать, что теперь онъ тѣмъ болѣе могъ подпасть подъ ихъ обаяніе, что сердце его, какъ-будто, было свободно. Съ нѣкотораго времени произошло охлажденіе въ его отношеніяхъ съ женщиной, которую онъ любилъ съ давняго времени и которую Савари и Коленкуръ называли въ своихъ депешахъ по-военному: «красавица Нарышкина». Она проводила осень внѣ Петербурга, въ Курляндіи, и не прошло незамѣченнымъ, что, на обратномъ пути изъ Эрфурта, Александръ не свернулъ съ дороги, чтобы навѣстить ее. Отсутствіе фаворитки, какъ-будто, сблизило императора съ императрицей и вернуло послѣдней «всѣ ея права» [1]). Друзья царствующей императрицы разблаговѣстили о возобновленіи супружескаго сближенія, и слухъ объ этомъ дошелъ до Наполеона. Проявляя крайнюю заботливость о личномъ счастьѣ и удовольствіяхъ своего союзника, императоръ не имѣлъ обыкновенія наставлять его въ добродѣтели, и не пренебрегалъ случаемъ, когда это требовалось, поспособствовать его развлеченіямъ [2]). Тѣмъ не менѣе, онъ счелъ долгомъ въ формѣ намека поздравить Александра съ событіемъ, которое могло обезпечить ему прямого наслѣдника. Въ своемъ письмѣ отъ 14 января онъ помѣстилъ такую фразу: «Позволите ли мнѣ, Ваше Величество, пожелать вамъ добраго здоровья и красиваго маленькаго самодержца всея Россіи?» [3]). Однако, каждый, кто наблюдалъ царскую семью вблизи, легко могъ убѣдиться, что это примиреніе имѣло только офиціальный характеръ, ради соблюденія приличія; что союзъ сердецъ не могъ возстановиться, и что долго длившаяся между супругами отчужденность разъединила и охладила ихъ навсегда. Императрица упорствовала въ горделивомъ нежеланіи сдѣлать что-либо для сближенія и пренебрегала малѣйшимъ усиліемъ удержать за собой своего супруга; говорили даже, что она смотрѣла на предстоящій пріѣздъ прусской королевы не только безъ ревности, но даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ. Жозефъ де-Местръ, который, въ ка-

[1]) On dit Петербурга, посланное посланникомъ вмѣстѣ съ его письмами и донесеніями отъ 5 ноября 1808 г.

[2]) Въ Эрфуртѣ актриса Comédie française, mademoiselle Бургонь, была замѣчена Александромъ; зимой она получила отпускъ для поѣздки въ Петербургъ.

[3]) Письмо, изданное Татищевымъ: Александръ I-ый и Наполеонъ, стр. 467.

чествѣ тонкаго наблюдателя, по своему обыкновенію, слѣдилъ за тѣмъ, что происходило на петербургской сценѣ, объяснялъ это удивительное отреченіе политикой. «Несравненная женщина,—говорилъ онъ,—принявъ свое рѣшеніе относительно извѣстнаго вопроса, видитъ въ событіи, о которомъ идетъ рѣчь, только средство отвлечь государя отъ партіи, которую она проклинаетъ» [1]) Такимъ образомъ все содѣйствовало тому, чтобы Александръ попался въ заманчивыя сѣти обаятельной королевы, задавшейся цѣлью тронуть его своими слезами. Не думала ли королева Луиза обрѣсти подлѣ него тотъ успѣхъ, котораго не добилась у Наполеона, и не разсчитывала ли получить въ Петербургѣ реваншъ за Тильзитъ?

Король и королева, съ принцами Вильгельмомъ и Августомъ прусскими, прибыли въ Петербургъ 7 января. Въѣздъ былъ торжественный; весь гарнизонъ, около сорока пяти тысячъ, былъ подъ ружьемъ и стоялъ шпалерами. Несмотря на сильный морозъ, императоръ Александръ пожелалъ сопровождать карету королевы верхомъ, вмѣстѣ съ королемъ и принцами. Въ Зимнемъ дворцѣ прусскія высочайшія особы были приняты обѣими императрицами съ изысканной любезностью. Въ глубинѣ роскошныхъ аппартаментовъ, которые были приготовлены для королевы Луизы, она нашла деликатно приготовленный подарокъ и средство превосходно обновить свой гардеробъ: «дюжину изящнѣйшихъ платьевъ огромной цѣнности, на всѣ возможные случаи, и дюжину красивѣйшихъ, какія только можно было подобрать, шалей» [2]).

Въ слѣдующіе дни обозрѣвали блиставшій въ зимнемъ нарядѣ, покрытый снѣгомъ и залитый солнцемъ городъ. Развлеченія непрерывно слѣдовали одно за другимъ. Интимные вечера, блестящіе гала̀, смотры и маневры, балъ въ національныхъ русскихъ костюмахъ, французскіе спектакли въ театрѣ Эрмитажа, катанья въ саняхъ, – ничто не было пропущено, чтобы придать нѣкоторое разнообразіе удовольствіямъ, чтобы подновить обыкновенную программу царскихъ пріемовъ и внести хоть что-нибудь

[1]) Corresp., III, 172.

[2]) „Городскіе сплетники, прибавляетъ Коленкуръ, разсказываютъ, что ее привлекла надежда на эти подарки". On dit и новости, январь 1809 г. Переписка того времени полна намеками, часто жестокими, на стѣсненныя обстоятельства, въ которыхъ были король и королева прусскіе.

новенькое въ ихъ обычную монотонность. Давно уже Петербургъ не видалъ подобнаго блеска, не представлялъ столько оживленія и веселья. Всѣ закружились въ этомъ вихрѣ; дѣятельность министровъ была прервана, политика въ пренебреженіи. Коленкуръ жаловался, что «въ Россіи всѣ дѣла остановились» [1]), а Наполеонъ, въ письмѣ графу Румянцеву въ Парижъ, сообщая новости изъ Петербурга, извѣщалъ его не безъ ироніи, «что тамъ много танцуютъ въ честь прекрасныхъ путешественницъ» [2]).

Такой пріемъ жертвамъ императора дѣлалъ положеніе его представителя довольно щекотливымъ. Коленкуръ держался, какъ подобаетъ умному, съ выдержкой, человѣку. Считая безтактнымъ держаться въ сторонѣ, онъ показывался всюду и не упускалъ ни одного случая напомнить объ отсутствующемъ императорѣ, ни одного повода заявить о его существованіи и поставить между царемъ и королевой воспоминаніе о Наполеонѣ.

Главнымъ образомъ, онъ старался неуклонно поддерживать свои прерогативы. Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ долженъ былъ являться съ русскими или иностранными сановниками, онъ соглашался занять только первое мѣсто. Онъ не пожелалъ представляться королевѣ во-главѣ дипломатическаго корпуса, но прежде него и одинъ. На придворныхъ балахъ, основываясь на прецедентѣ, установленномъ въ Эрфуртѣ, онъ, какъ французскій герцогъ, потребовалъ, чтобы въ парадныхъ танцахъ ему было предоставлено мѣсто впереди нѣмецкихъ принцевъ. Его требованіе не было уважено сразу; тогда онъ уклонился отъ танцевъ, и этимъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Поставивъ, такимъ образомъ, Францію на первое мѣсто, онъ могъ совершенно свободно быть вѣжливымъ и любезнымъ. Онъ показывался всюду съ большой пышностью и принялъ участіе въ чествованіи Петербургомъ гостей Александра.

Изъ иностранныхъ посланниковъ только онъ одинъ принималъ ихъ. Только онъ далъ въ ихъ честь большой балъ въ своемъ домѣ, роскошно убранномъ цвѣтами, которые, въ раз-

---

[1]) Коленкуръ Наполеону, 15 января 1809 г.

[2]) Письмо, опубликованное Татищевымъ, Александръ I-ый и Наполеонъ, стр. 478—479. Cf. Correspondance de Joseph de Maistre, III, 171—211, и Souvenirs de la comtesse de Voss, обергофмейстерины при прусскомъ дворѣ, Neun und sechzig Jahre am Preussischen Hofe, 341—353.

тарѣ русской зимы, давали полную иллюзію весны. Это доставило ему случай привлечь въ посольство офиціальный міръ въ полномъ составѣ, заставить «весь міръ» торжественно пройти передъ портретомъ Наполеона [1]). Онъ встрѣтилъ гостей, окруженный настоящимъ дворомъ изъ представителей ленныхъ государствъ Франціи, взявшихъ на себя трудъ помогать ему въ его обязанностяхъ хозяина дома и предсѣдательствовать во время ужина за столомъ въ четыреста кувертовъ, чудеса сервировки котораго превосходили все, что случалось видѣть наиболѣе красиваго и художественнаго въ этомъ родѣ. Съ королевой обходились съ самымъ почтительнымъ уваженіемъ; но въ присутствіи Коленкура она испытывала непреодолимое стѣсненіе. При немъ она едва рѣшалась говорить съ лицами, враждебными Франціи. Она внимательно слѣдила за собой и тщательно скрывала волновавшія ее чувства [2]).

Впрочемъ, бдительность и предосторожности нашего посланника были излишни, ибо посѣщеніе, несмотря на блестящій пріемъ, не вызвало перемѣны, способной удовлетворить нашихъ противниковъ. Начать съ того, что въ свѣтскомъ обществѣ, которое, въ силу приказанія, толпилось около прусскихъ высочайшихъ особъ, не проявлялось къ нимъ ни малѣйшаго сочувствія. «Русскіе стараго закала», враждебные всему не-русскому, находили, что дворъ напрасно тратится для иностраннаго королевства; въ глазахъ же другихъ, хотя и недолюбливавшихъ Франціи, Пруссія, со времени несчастной войны 1807 г., не была популярна; наконецъ, тутъ былъ король, «чтобы сводить на-нѣтъ сочувствіе, которое внушала королева» [3]). Неблагодарная внѣшность Фридриха-Вильгельма, его подражательныя манеры, неудобопонятная рѣчь, несчастныя усилія придать себѣ несвойственный ему видъ военнаго,—и при томъ непремѣнно кавалериста,—устарѣвшая форма, въ которую онъ облекался и въ которой походилъ на ряженаго,—словомъ, все въ немъ вызывало на нелестныя, насмѣшливыя замѣчанія и улыбки, которыя даже изъ приличія

[1]) „Весь міръ былъ на этомъ балу, писалъ Жозефъ де-Местръ, исключая герцога (герцога Серра-Капріола, посланника короля обѣихъ Сицилій) и меня". Corresp., III, 211.

[2]) De Maistre. Correspondance, III, 200.

[3]) Коленкуръ Наполеону, 15 января 1809 г.

не считали нужнымъ скрывать. «Всѣ, писалъ Коленкуръ, смѣются надъ фигурой короля, надъ его кивeромъ и, въ особенности, надъ его усами. На первыхъ балахъ это дѣлалось такъ громко, что пруссаки не могли не замѣтить. Всѣ въ прусскихъ лентахъ, но только тогда держатъ себя немного приличнѣе, когда императоръ въ четырехъ шагахъ» [1]).

Въ присутствіи королевы уваженіе и симпатіи къ прусскому дому возрождались, но не доходили до энтузіазма. Посвятивъ свою жизнь тому, чтобы «въ своемъ лицѣ поддерживать достоинство короля» [2]), быть обаяніемъ и улыбкой монархіи, она изо всѣхъ силъ старалась загладить невыгодное впечатлѣніе, которое производилъ ея супругъ. Но въ это время, хотя все еще прекрасная и обаятельная, она не обладала уже той чарующей красотой, предъ которой все преклоняется. Невзгоды и превратности жизни разстроили ея здоровье и заставили поблекнуть красоту. Тщетно старалась она бороться, тщетно прибѣгала ко всевозможнымъ ухищреніямъ туалета, принуждала себя участвовать во всѣхъ собраніяхъ, показывалась «одѣтая немного смѣло» [3]), вся въ брилліантахъ, наряжаясь съ такой роскошью, которая въ ея положеніи давала поводъ къ оскорбительнымъ замѣчаніямъ; тщетно, превозмогая физическія страданія и душевную тоску, оставалась вѣрна тому постоянному стремленію нравиться, которое въ прежнія времена составляло ея непреодолимую прелесть. Теперь ее разбирали, дѣлали между нею и русской императрицей сравненія, которыя далеко не всегда были въ ея пользу, и Коленкуръ, можетъ быть немного рѣзко, излагаетъ общее мнѣніе такъ: «Королеву уже не находятъ красивой, хотя она дѣлаетъ невозможное, чтобы казаться таковой» [4]).

Правда, императоръ Александръ обращался съ нею какъ «самый любезный и самый внимательный рыцарь» [5]). Но легко было замѣтить, что его поклоненіе обусловливается ея положеніемъ; что оно оказывается скорѣе несчастной монархинѣ, чѣмъ женщинѣ, и что молодой государь не переживалъ уже былыхъ впечатлѣній. Прибавимъ, что въ это время сердце его было въ иномъ

[1]) On dit et nouvelles, janvier 1809.
[2]) Неизданные документы.
[3]) J. De Maistre. Correspondance, III, 208.
[4]) On dit et nouvelles, janvier 1809.
[5]) Коленкуръ Наполеону, 15 января 1809 г.

мѣстѣ. Въ Петербургъ пріѣхала Нарышкина и не пропускала ни одного бала. Увѣренная въ своихъ чарахъ, она, по обыкновенію, одѣвалась съ умышленно горделивой простотой: почти безъ украшеній, едва нѣсколько драгоцѣнностей; она не забывала только приколоть къ своимъ чуднымъ чернымъ волосамъ нѣсколько «*незабудокъ*» (*ne m'oubliez pas*). Нуженъ ли былъ Александру этотъ нѣмой и трогательный призывъ, чтобы понять ее и вернуться къ ней? Пламенные взоры и компрометирующее вниманіе и безъ того всегда были направлены на ту, которая такъ скромно объ этомъ просила. «Обожаніе, котораго она искала, было такъ же явно, какъ и всегда. Разсказываютъ, что вниманіе осталось то же, а посѣщенія даже участились» [1]). Въ состязаніи, на которое разсчитывали ея враги, фаворитка нашла случай вернуть и упрочить свое вліяніе.

Но, можетъ быть, Александръ, несмотря на то, что теперь онъ менѣе, чѣмъ при обыкновенныхъ условіяхъ, способенъ былъ увлекаться очаровательной королевой, позволилъ бы отдалить себя отъ Наполеона и привлечь на сторону Пруссіи ради побужденій менѣе интимнаго свойства? Нужно сказать, что, хотя празднества какъ будто и поглощали все время, однако и политика не была совсѣмъ забыта. Она тоже имѣла мѣсто въ разговорахъ царя съ королемъ; но Александръ, вовсе не показывая желанія вступать въ новыя противъ насъ соглашенія, заставлялъ своихъ гостей выслушивать только совѣты покориться своей судьбѣ. Онъ не отказывался выхлопотать у Наполеона смягченія ихъ участи, не переставалъ просить пожалѣть ихъ и отнестись къ нимъ справедливо, но при этомъ убѣждалъ ихъ временно покориться требованіямъ побѣдителя. Онъ не препятствовалъ имъ надѣяться на лучшіе дни, но умолялъ не портить будущаго безполезнымъ и преждевременнымъ возстаніемъ. По словамъ нѣкоторыхъ очевидцевъ, онъ, будто, пошелъ еще дальше. Коленкуръ писалъ: «Не знаю, вѣрить ли мнѣ одной заслуживающей довѣрія особѣ, которая увѣряла меня, что сама слышала, какъ на обѣдѣ у императрицы-матери императоръ, — разговаривая за кофе съ прусскимъ королемъ—при ней сказалъ ему, что географическое положеніе Пруссіи, равно какъ и разумъ, требуютъ, чтобы Пруссія какъ и прежде, была прикрѣплена къ системѣ Франціи. Можетъ,

[1]) On dit et nouvelles, janvier 1809.

быть, это было придумано для меня?» [1]). Какъ бы ни былъ справедливъ въ этомъ случаѣ скептицизмъ посланника, однако достовѣрно, что Александръ, осыпая отъѣзжавшихъ короля и королеву «самыми утонченными знаками дружбы» [2]), ничуть не поощрялъ ихъ,—чтобы ни случилось,—вмѣшиваться въ волненія въ Германіи [3]). Такъ какъ Фридрихъ-Вильгельмъ покорно принялъ его совѣты, а угрожающій характеръ принятыхъ Австріей мѣръ всегда ускользалъ отъ него, то царь вообразилъ себѣ, что обезпечилъ миръ на континентѣ, и успокоился на этомъ.

Посланіе изъ Вальядолида, призывающее его къ дипломатическому содѣйствію противъ Австріи и требующее угрожающей ноты, пришло въ Петербургъ черезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда прусскихъ высочайшихъ особъ. Это было ударомъ грома на небѣ, на которомъ царь упорно не замѣчалъ ни одного облачка. Это требованіе и выраженное въ немъ стремленіе сдѣлать союзъ дѣятельнымъ и воинствующимъ встревожили и смутили Александра. Онъ согласился говорить по этому вопросу съ Коленкуромъ только послѣ того, какъ приготовился къ обсужденію и зрѣло обдумалъ свои мысли. Тогда онъ имѣлъ съ посланникомъ очень дружеское, но горячее и серьезное объясненіе. «Съ тѣхъ поръ, какъ я имѣю честь вести дѣла съ императоромъ Александромъ, писалъ Коленкуръ, никогда еще онъ не говорилъ такъ горячо» [4]).

Въ виду фактовъ, на которые ему указывали, Александръ призналъ полезнымъ предостеречь Австрію и принялъ въ принципѣ тождественную ноту. Но онъ не согласился санкціонировать тотъ шагъ, который Наполеонъ считалъ необходимымъ, т.-е. уполномочить посольства, если нота не приведетъ къ желанному результату, покинуть Вѣну. Ему казалось, что эта мѣра—обычный предвѣстникъ враждебныхъ дѣйствій — можетъ оскорбить, привести въ отчаяніе дворъ, который, по его мнѣнію, былъ скорѣе неблагоразумнымъ, чѣмъ злонамѣреннымъ. По его мнѣнію, главной причиной тревогъ Австріи былъ страхъ, навѣянный на нее извнѣ; затѣмъ недостатокъ вниманія къ ней, одиночество, въ которомъ держали ее во время переговоровъ въ Эрфуртѣ. Чтобы успокоить ея враждебное настроеніе, Александръ по-прежнему совѣ-

[1]) Коленкуръ Наполеону, 15 января 1809 г.
[2]) J. de Maistre, Correspondance, III, 190.
[3]) Gf. Beer, Zehn Jahre oesterreichischer Politik, 350.
[4]) Донесеніе отъ 22 февраля 1809 г.

товалъ употреблять мягкія средства, примѣняемыя нѣжной рукой. Противъ болѣзни, принимавшей острый характеръ, онъ все еще вѣрилъ въ силу успокоительныхъ средствъ [1]). Если онъ и соглашался употребить то оружіе, которое выковалъ Наполеонъ, то только при условіи притупить его остріе. Кромѣ того, онъ желалъ, чтобы предлагаемый шагъ былъ сдѣланъ не представителями двухъ дворовъ въ Вѣнѣ, а лицами болѣе именитыми, съ признаннымъ опытомъ и тактомъ. По его мнѣнію, отчего бы не возложить это на графа Румянцева, присоединивъ къ нему, чтобы говорить отъ имени Франціи, Талейрана, умѣренность котораго внушала царю полное довѣріе. Румянцевъ и Талейранъ могли бы исполнить или въ Вѣнѣ, или,—обратившись къ Меттерниху,—въ Парижѣ данное имъ спеціальное порученіе.

Поставивъ предварительно такое условіе, Александръ приказалъ отправить въ Парижъ проектъ составленной совмѣстно съ Коленкуромъ ноты, тщательно взвѣсивъ и смягчивъ ея выраженія. Въ немъ оба двора въ достаточно строгихъ выраженіяхъ осуждали поведеніе австрійцевъ, и требовали, чтобы они разоружились или, по крайней мѣрѣ, дали объясненія. Они указывали имъ скорѣе на нравственную отвѣтственность, которую налагало на Австрію нападеніе, чѣмъ старались внушить страхъ предъ матеріальными его послѣдствіями. Въ нотѣ подразумѣвались взаимныя военныя обязательства Россіи и Франціи, но не говорилось, въ чемъ они заключаются; въ ней не содержалось положительной, формальной угрозы, которая только и могла повліять на Австрію и заставить ее отказаться отъ войны [2]).

Одновременно съ нотой Александръ написалъ Румянцеву, дабы посвятить его въ свои намѣренія. Его письмо было очень длинно,—«цѣлый томъ», какъ говорилъ онъ. Написанное всецѣло его рукой, и, по его обыкновенію, карандашомъ, оно раскрываетъ его сокровенныя мысли; разоблачаетъ его сильнѣйшее

---

[1]) Коленкуръ писалъ въ своемъ донесеніи: „Надежда кончить политическія разногласія такъ же, какъ умиротворяютъ семейную ссору, обольщаетъ филантропическій умъ императора до такой степени, что никакіе доводы не измѣнятъ его мнѣнія".

[2]) Проектъ ноты находится въ національныхъ архивахъ AF, IV, 1698, отправка 22 февраля 1809 г., 2-е приложеніе.

желаніе избѣгнуть войны; его разногласіе съ Наполеономъ относительно средствъ предупредить ее; его упорное непониманіе истинныхъ намѣреній Австріи,—словомъ, его самыя искреннія убѣжденія и его заблужденія.

«Императоръ Наполеонъ, говоритъ царь, заинтересованъ въ томъ, чтобы знать положительнымъ образомъ намѣренія вѣнскаго двора. Онъ желаетъ добиться отъ него категорическаго отвѣта, и, въ случаѣ, если отвѣтъ не будетъ удовлетворительнымъ, хочетъ, чтобы наши миссіи получили приказаніе покинуть Вѣну. Что касается меня, я думаю, что не подлежитъ спору, что знать истинныя намѣренія Австріи существенно-важно; но, такъ какъ цѣль, которой желательно достигнуть, есть сохраненіе мира, то я считаю столь же существенно-важнымъ, чтобы поведеніе, котораго мы будемъ держаться, соотвѣтствовало этой цѣли. Наилучше составленная, наиболѣе убѣдительная, самая успокоительная для Австріи нота, если она будетъ закончена угрозой отозвать миссіи, можетъ испортить, благодаря этому концу, все то хорошее, чего можно было бы ожидать отъ ея содержанія. Достовѣрно, что поведеніе Австріи во многомъ обусловливается ея оскорбленнымъ самолюбіемъ. Развѣ, нанося новое оскорбленіе ея самолюбію, можно надѣяться помѣшать ей сдѣлать то, чего избѣгнуть для насъ крайне важно?— Итакъ, мое мнѣніе таково: нота должна быть тщательно обдумана, убѣдительна, но, въ особенности, обильна успокоительными для вѣнскаго двора увѣреніями... Если онъ окажется недовольнымъ, это послужитъ доказательствомъ, что, направляемый Англіей, онъ всѣми силами стремится къ разрыву. Но не будемъ предоставлять какимъ-то Анштету (это была фамилія повѣреннаго въ дѣлахъ Россіи въ Вѣнѣ) и Андреосси судить о томъ впечатлѣніи, какое произведутъ на вѣнскій кабинетъ слова, съ которыми мы къ нему обратимся; предоставимъ это самимъ себѣ или людямъ, которые вполнѣ пользуются нашимъ довѣріемъ и оправдаютъ его, какъ, напримѣръ, вы и князь Беневентскій. Въ нашихъ интересахъ устранить или, по крайней мѣрѣ, отдалить, насколько возможно, разрывъ между Франціей и Австріей, ибо, надо сознаться, что мы попадемъ въ довольно затруднительное положеніе. Если Австрія нападетъ, мы будемъ вынуждены, въ силу нашихъ обязательствъ, обнажить шпагу; если же это сдѣлаетъ Франція, то хотя наше соглашеніе и не налагаетъ на

насъ въ этомъ случаѣ никакихъ обязательствъ, наше положеніе будетъ ничуть не лучше, ибо разгромъ Австріи будетъ дѣйствительнымъ несчастьемъ, котораго мы не можемъ не почувствовать» [1]).

Далѣе Александръ сообщаетъ Румянцеву о своихъ первыхъ бесѣдахъ съ княземъ Шварценбергомъ, только-что прибывшимъ въ Петербургъ. Первый же дѣловой разговоръ съ австрійскимъ посланникомъ не былъ успокоительнаго свойства. Сбрасывая до нѣкоторой степени покровъ съ намѣреній своего двора, Шварценбергъ далъ понять, «что Австрія не можетъ оставаться въ томъ положеніи, въ какомъ она находится въ настоящее время, и что еще вопросъ, не лучше ли попытать счастья въ новой войнѣ, чѣмъ оставаться въ такомъ неопредѣленномъ и мучительно-тягостномъ состояніи». На это признаніе царь отвѣтилъ, что Австрія должна «выбирать между разгромомъ, избѣгнуть котораго будетъ невозможно, и, можетъ быть, воображаемыми опасностями». Онъ высказалъ, что Наполеонъ непобѣдимъ; что добровольно сталкиваться съ нимъ значитъ стремиться къ гибели; что, помимо всего этого, Наполеонъ не хочетъ войны,— въ Петербургѣ это доподлинно извѣстно. И Александръ съ увлеченіемъ заговорилъ о миролюбивыхъ намѣреніяхъ Наполеона, хотя далеко не былъ увѣренъ въ этомъ. Онъ обѣщалъ придти на помощь Австріи, если на нее нападутъ, но не скрылъ своихъ оборонительныхъ обязательствъ съ Франціей, и объявилъ, что сдержитъ ихъ.

Къ несчастью,—онъ не сообщилъ этого Румянцеву, но мы знаемъ это изъ депешъ Шварценберга—даже давая нагоняй, онъ не скрылъ, что питаетъ глубокое участіе, почти нѣжность, къ судьбѣ Австріи и затаенную вражду къ Наполеону. Онъ говорилъ, что не въ его интересахъ обязывать нашихъ враговъ къ вѣчной покорности; что онъ только проситъ ихъ потерпѣть, выждать случая; что нужно поберечь себя для будущаго, сохранить себя въ цѣлости для лучшихъ временъ: «когда-нибудь придетъ часъ мщенія» [2]), говорилъ онъ. Произнося эти важныя и зловѣщія слова, высказывалъ ли Александръ то, что онъ дѣйствительно думалъ? Не хотѣлъ ли онъ, какъ онъ нерѣдко это

[1]) Письмо отъ 17 февраля 1809 г. Archives de Saint-Pétersbourg.

[2]) Донесеніе Шварценберга отъ 15 февраля 1809 г., цитируемое Beer'омъ, op. cit. стр. 349.

дѣлалъ, принаровить свою рѣчь ко вкусу своего собесѣдника? [1]. Или же онъ считалъ это средствомъ сдѣлать Австрію, которую онъ до извѣстной степени извинялъ и страстямъ которой потворствовалъ, болѣе послушной? Достовѣрно то, что Шварценбергъ вынесъ изъ своихъ бесѣдъ съ царемъ убѣжденіе, что русскій государь окажетъ французамъ въ борьбѣ, на которую уже рѣшились въ Вѣнѣ, только ничтожное, не имѣющее никакой цѣнности, содѣйствіе. Онъ сообщилъ своему правительству о такомъ утѣшительномъ убѣжденіи. По его мнѣнію, не слѣдуетъ терять надежды даже на то, что, если счастье сразу же улыбнется оружію Австріи, Россія сблизится съ нею и перемѣнитъ фронтъ. Правда, Александръ и не подозрѣвалъ о толкованіи, которое было придано его словамъ; напротивъ, онъ думалъ, что произвелъ на Шварценберга впечатлѣніе самое обезкураживающее, и льстилъ себя надеждой, что своими словами направилъ Австрію на путь мирныхъ идей. «Онъ отправилъ своего курьера,—писалъ онъ Румянцеву о Шварценбергѣ,—и я питаю надежду, конечно, не имѣя въ этомъ математической увѣренности, что со стороны Австріи предупредилъ разрывъ съ Франціей. Остается теперь добиться того же самаго со стороны Франціи, и я надѣюсь, что ваши усилія будутъ имѣть успѣхъ» [2]. Такимъ образомъ, онъ вернулся къ прежней мысли, которая имѣла нѣкоторое основаніе въ примѣрахъ прошлаго, но, при данныхъ условіяхъ, безусловно-ложной, будто необходимо убѣдить Наполеона,—во всякомъ случаѣ не менѣе чѣмъ Австрію,—отказаться отъ войны. Онъ поручилъ Румянцеву, который вскорѣ долженъ былъ встрѣтиться въ Парижѣ съ грознымъ императоромъ, заботу выполнить эту щекотливую задачу, т.-е. совѣтовать въ Тюльери воздерживаться отъ войны, тогда какъ это нужно было предписать въ Вѣнѣ.

---

[1] „Часто случается, что императоръ ничего не имѣетъ въ виду въ своихъ разговорахъ и угощаетъ, такъ сказать, тѣмъ блюдомъ, о которомъ думаетъ, что оно нравится его собесѣднику“. Mémoires du prince Adam Czartoryski, t. II, 218 219.

[2] Письмо отъ 10 февраля 1809 г. Archives de Saint Pétersbourg.

Графъ Н. Румянцовъ

Т-во Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ СПБ.

ГЛАВА II.

РАЗРЫВЪ СЪ АВСТРІЕЙ.

Возвращеніе Наполеона въ Парижъ. Дурное расположеніе духа императора. -Опала Талейрана; какое впечатлѣніе произвело это въ Россіи. - Тайныя сношенія Талейрана съ императоромъ Александромъ. Наполеонъ думаетъ, что война съ Австріей неизбѣжна и будетъ въ скоромъ времени. - Приметъ ли въ ней участіе Россія? -Представители Россіи въ Парижѣ. - Посланникъ князь Куракинъ; его формализмъ, политическое ничтожество и забавныя стороны.--Графъ Николай Румянцевъ. Свирѣпыя выходки императора въ бесѣдахъ съ Румянцевымъ. -Нѣкоторое успокоеніе. -Наполеонъ хватается за послѣднюю надежду остановить Австрію и взываетъ къ дипломатическому содѣйствію Россіи. Рѣшительный шагъ. Непоправимыя слѣдствія испанской войны. - Роль Меттерниха. - Румянцевъ устраняется отъ дѣлъ и бѣжитъ съ своего поста.- Австрія демонстративно сбрасываетъ покровъ съ своихъ намѣреній напасть на насъ. - Національный характеръ войны.--Настойчивыя обращенія Наполеона къ Россіи.- Трудное положеніе Александра.--Игра въ прятки.--Разговоры за столомъ и дѣловыя бесѣды. - Событія въ Турціи и Швеціи. - Вторженіе австрійцевъ въ Баварію. - Двойственность Александра. Что говорилъ онъ Коленкуру и Шварценбергу. - Онъ останавливается на рѣшеніи разыграть съ Австріей комедію войны.

I.

23 января, по выстрѣлу пушки Дома Инвалидовъ, Парижъ внезапно узналъ, что императоръ въ Тюльери. Онъ прибылъ въ восемь часовъ утра, раньше назначеннаго времени, захвативъ врасплохъ дворъ и столицу. Онъ, какъ фельдъегерь, промчался отъ Вальядолида до Бургоса, и на переѣздъ на почтовыхъ отъ Вальядолида до Парижа употребилъ только шесть дней. И въ этотъ разъ онъ возвратился побѣдителемъ, обративъ въ бѣгство враговъ и захвативъ трофеи. До него прибыли въ Парижъ восемьдесятъ знаменъ, взятыхъ у испанцевъ. Однако, на лицѣ его не отражалось радости побѣдителя; онъ былъ мраченъ, озабоченъ, раздражителенъ; гнѣвъ его легко возбуждался. «Не трудно раз-

сердить его» [1]), замѣчаетъ Румянцевъ, явившійся вмѣстѣ съ другими къ императору по его возвращеніи. Причиной тому было то, что ко всѣмъ поводамъ къ неудовольствію, которые явились у императора въ послѣдніе дни его пребыванія въ Испаніи, прибавились совсѣмъ плохія вѣсти изъ Вѣны. Онъ узналъ о нихъ тотчасъ же по пріѣздѣ. Въ письмѣ Андреосси, отъ 15 января, была слѣдующая приписка: «Въ то время, когда я оканчивалъ депешу, до свѣдѣнія моего дошло, что будетъ объявлена война; нападеніе назначено на начало марта». Изъ этого донесенія, которое подкрѣплялось свѣдѣніями и изъ другихъ источниковъ, было очевидно, что Австрія, уступая страстному желанію начать войну, предупредитъ примѣненіе тѣхъ мѣръ, которыми думали ее сдержать.

Итакъ, Наполеону доносятъ, что въ скоромъ времени ему будетъ объявлена война—онъ принимаетъ вызовъ заранѣе. Онъ говоритъ, что будетъ вести войну съ бѣшеной энергіей и доведетъ ее до конца. Но она ему ненавистна, ибо отвлекаетъ его отъ Англіи. Страшный гнѣвъ, которымъ онъ разражается противъ государства, вынуждающаго его къ войнѣ на континентѣ, даетъ понятіе объ искренности его усилій предупредить войну. Съ этого времени Австрія дѣлается главнымъ предметомъ его ненависти. «Она изводитъ его» [2]), пишетъ Румянцевъ. Наполеонъ говоритъ, что Австрія его вѣчный непримиримый врагъ; что она всегда на его пути; она становится между нимъ и Англіей; ее-то и нужно сломить и уничтожить прежде всего. Но гнѣвъ его не останавливается на одномъ внѣшнемъ врагѣ. Среди близкихъ къ нему людей онъ чувствуетъ, онъ инстинктивно ищетъ виновниковъ создавшагося положенія. Конечно, въ затрудненіяхъ, которыя на него обрушились, онъ прежде всего долженъ былъ бы винить самого себя,—вспомнить, что онъ самъ бросилъ вызовъ всѣмъ законнымъ династіямъ, нападая хотя и на недостойную династію, но зато и на самую покорную и самую безобидную. Но, все-таки, нужно признать, что, кромѣ недовольства самимъ собою, онъ имѣлъ право быть недовольнымъ и другими, ибо, пользуясь его ошибками и всеобщимъ утомленіемъ отъ безпрерывныхъ войнъ, противъ него создалась оппозиція даже при собственномъ его дворѣ, среди его ближайшихъ совѣт-

[1]) Письмо императору Александру, 26 января 7 февраля 1809 г. Archives de Saint-Pétersbourg.

[2]) Id., 23 24 января 1809 г. Archives de Saint-Pétersbourg.

никовъ. Духъ критики и осужденія поощрялся тѣми людьми, которыхъ онъ возвысилъ, и которые были ему всѣмъ обязаны. Ему не безызвѣстно было, что, во время его отсутствія, эти люди, ради того, чтобы общими силами вести противъ него интригу, забыли свои личные счеты; что они заранѣе учитывали его паденіе, изыскивали основы иного правленія и мечтали создать себѣ, помимо него, положеніе и будущность; что, наконецъ, это глухое движеніе, небезызвѣстное въ Европѣ, поощряло вѣнскій дворъ не медлить съ войной. Не зная, что одинъ изъ французскихъ сановниковъ простеръ измѣну до того, что совѣтовалъ австрійцамъ «не давать себя предупредить» [1]), Наполеонъ догадывался, что между внутренними крамольниками и сторонниками войны заграницей существуетъ несомнѣнная связь. Въ особенности въ томъ, что происходило за послѣдніе шесть мѣсяцевъ, онъ смутно замѣчалъ руку, привычную управлять интригой, плести въ ней нить съ коварнымъ искусствомъ. Онъ безошибочно узналъ эту руку,—и гнѣвъ его обрушился на Талейрана.

Извѣстна сцена, которую онъ сдѣлалъ 28 января въ Тюльери князю Беневентскому въ присутствіи Камбасереса и Декрè. Непрерывно, въ продолженіе долгихъ часовъ онъ осыпалъ Талейрана упреками и оскорбленіями. Въ концѣ-концовъ, несмотря на то, что онъ обращался съ нимъ, какъ съ государственнымъ преступникомъ, и заклеймилъ его этимъ именемъ, онъ ограничился тѣмъ, что лишилъ его оберъ-камергерскаго ключа. Онъ, какъ безумный, ругался, не имѣя въ виду очень строгаго наказанія; ибо его правиломъ было щадить людей, которые оказывали ему содѣйствіе въ началѣ его карьеры. Извѣстно и то, что Талейранъ выдержалъ бурю съ невозмутимымъ спокойствіемъ, съ почтительно покорнымъ безстрастіемъ, склоняясь, но не падая ницъ подъ карающей десницей. Такое поведеніе нашло при дворѣ много поклонниковъ; но никто не былъ въ такомъ восторгѣ, какъ старикъ Румянцевъ. Въ Россіи онъ присутствовалъ при трехъ перемѣнахъ царствованія; не разъ былъ свидѣтелемъ какъ перваго появленія, такъ и заката блестящихъ фаворитовъ; былъ свидѣтелемъ достопамятныхъ паденій, и никогда не видалъ, чтобы немилость переносилась съ такимъ горделивымъ достоинствомъ [2]).

[1]) Слова Талейрана Меттерниху, Beer, Zehn Jahre oesterreichischer Politik. стр. 365.

[2]) Румянцевъ императору Александру, 28 января 9 февраля 1809 г. Archives de Saint-Pétersbourg.

Устраненіе Талейрана отъ дѣлъ, какъ бы справедливо это ни было, не могло не повредить Наполеону въ глазахъ Россіи; тамъ посмотрятъ на это, какъ на полный разрывъ съ идеями умѣренности и благоразумія. Императоръ Александръ не отнесется безучастно къ немилости, постигшей его эрфуртскаго совѣтника. Вскорѣ лестныя и милостивыя слова, произнесенныя свыше и переданныя черезъ члена русскаго посольства, дойдутъ до князя, утѣшатъ его въ опалѣ и вызовутъ на тайную переписку, которая окончательно сдѣлаетъ его агентомъ для сообщенія свѣдѣній и наблюденій правительствамъ иностранныхъ государствъ [1]). Талейранъ воспользуется своими сношеніями съ Александромъ, чтобы усилить его недовѣріе къ Наполеону и способствовать скорѣйшему отчужденію; онъ будетъ вредить Наполеону и непрерывно составлять противъ него заговоры вплоть до того момента, когда бѣдствія Франціи снова выдвинутъ его на одно изъ первыхъ мѣстъ, а крупныя услуги, оказанныя имъ странѣ, возстановятъ его въ его правахъ и титулахъ, не оправдавъ его поступковъ.

На другой день послѣ сцены въ Тюльери былъ балъ у королевы Голландской. Единственными иностранцами, которыхъ императоръ разрѣшилъ пригласить на балъ, были графъ Румянцевъ, престарѣлый князь Куракинъ,—новый посланникъ царя,—и князь и княгиня Волконскіе—русская супружеская чета, проживавшая въ Парижѣ. Во время бала императоръ отозвалъ въ сторону Румянцева и Куракина, увелъ ихъ въ одну изъ залъ, смежныхъ съ тѣми, въ которыхъ танцовали, и въ продолженіе трехъ часовъ горячо говорилъ имъ о положеніи дѣлъ [2]). Въ слѣдующіе дни онъ нѣсколько разъ приглашалъ Румянцева къ себѣ и завелъ привычку бесѣдовать съ нимъ каждое утро. Со времени своего возвращенія онъ не терялъ ни одного случая, чтобы привлечь къ себѣ Румянцева и отличить Куракина, отъ котораго онъ торжественно принялъ вѣрительныя граматы; онъ бесѣдовалъ съ ними при всякомъ удобномъ случаѣ, старался не только отличить ихъ своимъ вниманіемъ, но и точно опредѣлить, на что они

---

[1]) Впослѣдствіи Талейранъ сносился съ императоромъ Александромъ частью непосредственно, частью при содѣйствіи Нессельроде и Сперанскаго. Archives de Saint-Pétersbourg et Recueil de la Société impériale d'histoire de Russie, t. XXI.

[2]) Mémoires de Metternich, II, 266.

способны. Никогда еще Россія не озабочивала его до такой степени, и главнымъ желаніемъ его было узнать, поскольку можетъ онъ на нее разсчитывать. Исключительно моральной поддержки, которой онъ просилъ до сихъ поръ, теперь уже не было ему достаточно. Еще до полученія проекта тождественной ноты, онъ рѣшилъ, что для того, чтобы имѣть значеніе, эта мѣра явилась слишкомъ поздно. Вопросъ, который онъ ставилъ себѣ теперь, былъ слѣдующій: приметъ ли Россія участіе въ войнѣ, которой она не сумѣла помѣшать; сдержитъ ли свои обязательства и будетъ ли дѣйствовать заодно съ нами? Чтобы увлечь ее за собой, Наполеонъ искалъ для сношеній съ царемъ полезнаго посредника — человѣка, который былъ бы способенъ возвыситься до пониманія потребностей настоящаго момента и вполнѣ проникнуться ими; который бы могъ оказать въ Петербургѣ рѣшающее вліяніе, возстановить ослабѣвшую силу союза и вызвать его на энергичную дѣятельность. Могъ ли онъ надѣяться найти нужнаго ему человѣка въ томъ или другомъ изъ старцевъ, присланныхъ ему Россіей,—въ аккредитованномъ посланникѣ или въ министрѣ, который пріѣхалъ въ Парижъ только на короткое время?

Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, пройдя съ подобающей пышностью путь высокихъ должностей и состоя въ послѣднее время представителемъ Россіи въ Вѣнѣ, пріѣхалъ во Францію доканчивать свою слишкомъ затянувшуюся карьеру. Назначая его своимъ посланникомъ въ Парижъ, Александръ I-ый не сдѣлалъ болѣе удачнаго выбора, чѣмъ при назначеніи графа Петра Толстого. Толстой питалъ къ намъ чувство непримиримой ненависти; это былъ нашъ врагъ, на котораго по несчастной случайности была возложена миссія скрѣпить дружественное согласіе. Куракинъ грѣшилъ скорѣе недостаткомъ ума, чѣмъ доброй воли. Генералъ Андреосси, который былъ его коллегою въ Австріи и хорошо изучилъ его, предпослалъ ему во Францію такой портретъ: «У князя Куракина нѣтъ принциповъ, за исключеніемъ принципа союза, отъ котораго онъ еще не вполнѣ отрекся, но, какъ мнѣ кажется, немного охладѣлъ къ нему. У него нѣтъ идей, за исключеніемъ идеи мира. Дальше этого онъ ничего не видитъ. Онъ страшно легковѣренъ, ибо не даетъ себѣ труда размышлять; склоненъ прислушиваться къ внушеніямъ своихъ подчиненныхъ и былъ здѣсь... обычнымъ предметомъ шутокъ и мистификацій. Благодаря его непомѣрному тщеславію,

предмѣстье Сенъ-Жерменъ легко завладѣетъ имъ. Впрочемъ, мнѣ пріятно воздать должное его личнымъ качествамъ; они всѣ превосходны. Но, въ настоящемъ случаѣ, я разсматриваю его какъ общественнаго дѣятеля, и только въ этомъ отношеніи онъ долженъ остановить на себѣ вниманіе моего правительства»[1]).

Куракинъ былъ посланъ въ Парижъ скорѣе для представительства, чѣмъ для переговоровъ. Онъ былъ избранъ только потому, что отличался безпрекословнымъ послушаніемъ, и обладалъ громаднымъ состояніемъ, позволявшимъ ему съ пышностью занимать свой постъ. Можно было думать, что, несмотря на вновь возникшія въ немъ предубѣжденія, онъ употребитъ всѣ старанія, чтобы дѣйствовать въ духѣ Тильзита и быть пріятнымъ Наполеону. Къ несчастью, его неподвижность,—не только тѣлесная, но и умственная, его благодушная сонливость и полное отсутствіе инициативы дѣлали его безусловно неспособнымъ понимать государя, который былъ сама дѣятельность, само движеніе; неспособнымъ слѣдить за его пылкой волей и служить ей.

Да къ тому же присущія ему странности, которыми онъ пріобрѣлъ себѣ европейскую извѣстность, не позволяли ему занять при дворѣ и въ свѣтѣ подобающаго его званію положенія. Съ перваго дня своего пріѣзда въ Парижъ, куда онъ привезъ огромный персоналъ служащихъ, и гдѣ любилъ окружать себя съ чисто-азіатской роскошью приживальщиками и прислугой, онъ сдѣлался предметомъ любопытства. Безобразіе и необычайная толщина, которыми онъ отличался, выступали еще болѣе отъ утрированно-роскошныхъ костюмовъ. Александръ Борисовичъ былъ убѣжденъ, что о посланникѣ судятъ по платью, по блеску, которымъ онъ себя окружаетъ и что онъ самъ долженъ быть живымъ воплощеніемъ роскоши. Въ силу такого убѣжденія, онъ и среди возродившагося общества оставался вѣренъ пышнымъ и устарѣлымъ модамъ прошлаго вѣка—тяжелымъ одеждамъ изъ парчи. Онъ отдѣлывалъ ихъ кружевами, усугублялъ дороговизну обиліемъ бриллiантовъ и драгоцѣнныхъ камней; усѣивалъ бриллiантовыми звѣздами, всевозможными орденами, коллекцію которыхъ онъ понабралъ себѣ въ различныхъ столицахъ и съ которыми не разставался ни на одну ми-

---

[1]) Андреосси Шампаньи, 14 ноября 1808 г.

нуту дня[1]). Онъ воображалъ, что въ этомъ пышномъ нарядѣ неотразимъ, и былъ только смѣшонъ. Его жеманная рѣчь, благоговѣйное поклоненіе этикету, манія соблюдать церемоніалъ, даже въ самыхъ обыденныхъ дѣлахъ, дополняли типъ, который могъ бы имѣть успѣхъ на театральныхъ подмосткахъ, но не фигурировать съ авторитетомъ на политической аренѣ. Парижъ толпами стекался на его великолѣпные пріемы и долго забавлялся его наружностью и манерами.

Общественное злословіе уже изощрялось на его счетъ. Оно подмѣтило въ немъ не только щепетильную страсть къ этикету, но и отдававшее старымъ московскимъ бояриномъ самодурство, и причуды избалованнаго, обратившагося въ дѣтство старика, отъ которыхъ больше всѣхъ страдали молодые люди его посольства, не лишавшіе себя, однако, удовольствія позабавиться на его счетъ. Да къ тому же и немощи его мѣшали ему, какъ слѣдуетъ, исполнять свои обязанности. Больной подагрой, періодически страдая отъ припадковъ этой аристократической болѣзни, больше всего заботясь и говоря о своемъ драгоцѣнномъ здоровьѣ, Куракинъ принесъ къ намъ только остатокъ силъ, да и тѣмъ суждено было окончательно погибнуть въ вихрѣ удовольствій Парижа. Кичась при всякомъ случаѣ своимъ высокимъ положеніемъ, онъ не умѣлъ поддержать его достоинства. На него съ удивленіемъ смотрѣли, когда, при исполненіи своихъ обязанностей, онъ являлся въ сопровожденіи четырехъ своихъ побочныхъ сыновей, которыхъ онъ обратилъ въ секретарей. Поспѣшность, съ которой онъ по пріѣздѣ въ Парижъ постарался организовать у себя кутежи,—что онъ сдѣлалъ даже раньше, чѣмъ сталъ принимать свѣтское общество,—вѣчное пребываніе въ оперѣ среди балетнаго персонала; забавная важность, съ которой онъ исполнялъ въ этой средѣ обязанности посредника и отечески старался мирить ссорившихся, вскорѣ доставили агентамъ, которыхъ держала при немъ императорская полиція, сюжеты для самыхъ пикантныхъ картинокъ. Можно судить о мнѣніи, какое долженъ былъ составить себѣ императоръ о человѣкѣ, которому надлежало обсуждать съ нимъ самые высо-

[1]) „Согласно интимной хроникѣ того времени, эти украшенія сдѣлались до такой степени необходимыми въ обиходѣ князя, что онъ съ утра носилъ на своемъ халатѣ полный ихъ комплектъ“. Baron Ernouf, Maret, duc de Bassano, p. 305.

кіе интересы и котораго полицейскія донесенія представляли ему героемъ скабрёзныхъ или забавныхъ приключеній. Наполеонъ очень скоро и правильно оцѣнилъ Куракина, и, видя предъ собой блестящее ничтожество, рѣшилъ, что не можетъ разсчитывать на это подобіе посланника [1]).

Могъ ли онъ возлагать болѣе серьезныя надежды на графа Румянцева? Этотъ государственный человѣкъ своимъ долговременнымъ опытомъ въ дѣлахъ, гибкостью ума и широтой взглядовъ во многихъ отношеніяхъ оправдывалъ довѣріе, которое оказывалъ ему его государь. Его политическія симпатіи хорошо были извѣстны. Онъ всегда думалъ, что Франція и Россія, по ихъ топографическому положенію, по параллельности интересовъ, были созданы другъ для друга. Въ тильзитской системѣ онъ видѣлъ только примѣненіе на дѣлѣ своихъ основныхъ принциповъ. Онъ былъ творцомъ теоріи франко-русскаго союза, лелѣялъ союзъ, какъ свое дѣтище, и, видя, что онъ обезпечиваетъ такіе результаты, какъ присоединеніе княжествъ, радовался его процвѣтанію съ гордостью отца. Въ Наполеонѣ онъ признавалъ одну изъ самыхъ необычайныхъ личностей, какія только являлись въ теченіе вѣковъ. Покорить и приручить эту силу и заставить ее служить русскимъ интересамъ было бы самымъ завѣтнымъ его желаніемъ; но онъ приближался къ этой силѣ осторожно, съ нѣкоторымъ страхомъ, боясь ея увлеченій и бурныхъ порывовъ. Быстрые шаги императорской политики сбивали его съ толку, такъ какъ онъ сроднился съ болѣе медленнымъ темпомъ, съ болѣе деликатными пріемами старой дипломатіи. Поэтому, не расходясь съ Наполеономъ, онъ боязливо, нерѣшительнымъ шагомъ плелся за нимъ.

Его пребываніе въ Парижѣ внушало ему скорѣе удивленіе предъ императорскимъ режимомъ, чѣмъ довѣріе. Изучая все съ внимательнымъ любопытствомъ, посѣщая свѣтъ и салоны, гдѣ онъ заставилъ оцѣнить свое любезное и слегка жеманное обхожденіе, онъ скоро уловилъ сильныя и слабыя стороны императорскаго управленія. Пораженный величіемъ, блескомъ, практичностью, какіе представляла эта система, онъ нашелъ, что всѣ пружины государства натянуты до того, что готовы лопнуть; отъ него не ускользнуло, что подъ этимъ великолѣпнымъ и

---

[1]) Archives nationales. Esprit public, F7. 3719 et 3720. Vassiltchikoff. les Razoumovski, IV, 384—424.

строгимъ режимомъ сама Франція чувствовала себя въ тискахъ и начинала задыхаться. Однажды императоръ спросилъ его: «Какъ вы находите мое управленіе французами?—Не шуточнымъ, Ваше Величество, отвѣтилъ онъ» [1]). Встревоженный наполеоновскимъ деспотизмомъ, который съ каждымъ днемъ все болѣе становился всѣмъ въ тягость, страшась стремленія императора къ всемірному владычеству, онъ считалъ полезнымъ умѣрять, сдерживать императора и, въ случаѣ надобности, сопротивляться; но при всемъ томъ чувствовалъ необходимость, ради сохраненія его благосклонности, быть съ нимъ крайне осторожнымъ и на многое закрывать глаза. При томъ, онъ далеко не былъ равнодушенъ къ обращенію, которое встрѣтилъ въ Парижѣ,—къ почету, милостямъ, подаркамъ, которыми его осыпали. Польщенное самолюбіе и удовлетворенное тщеславіе брали въ душѣ его верхъ надъ принятымъ рѣшеніемъ быть осторожнымъ и недовѣрчивымъ, хотя и не могли вполнѣ устранить его предубѣжденій.

Во всѣхъ разговорахъ съ Румянцевымъ, Наполеонъ оставался вѣрнымъ тому плану обольщенія, котораго онъ рѣшилъ держаться по отношенію къ нему; онъ не встрѣчалъ его иначе, какъ только любезными словами. Несмотря на это, подъ предупредительностью, которая относилась лично къ нему, Румянцевъ скоро уловилъ ѣдкое и горькое чувство къ своему двору; онъ понялъ, что Наполеонъ считалъ до нѣкоторой степени и Россію отвѣтственной за причиняемыя ему непріятности. Зачѣмъ, говорилъ императоръ, не поняли и не послушались его въ Эрфуртѣ! Въ то время все можно было бы исправить или даже предупредить. Говоря рѣшительнымъ тономъ, угрожая, Россія могла бы легко остановить Австрію на наклонной плоскости, по которой та скользила. Александръ не сумѣлъ оцѣнить положенія, и онъ самъ, Наполеонъ, виноватъ, что не настаивалъ рѣшительнѣе на томъ, чтобы взгляды его были приняты. «Онъ сильно упрекалъ себя и Ваше Величество, писалъ Румянцевъ Александру, въ томъ, что въ Эрфуртѣ не было принято рѣшенія потребовать разоруженія Австріи» [2]). Однажды онъ сказалъ графу: «Нашъ союзъ дойдетъ

---

[1]) Mémoires de M-me de Remuzat, III, 342.

[2]) Румянцевъ императору Александру, 12-24 января 1809 г. Archives de Saint-Pétersbourg.

до того, что сдѣлается постыднымъ. Сами вы ничего не хотите дѣлать и не довѣряете мнѣ» [1]).

Въ предстоящей кампаніи Наполеонъ, конечно, желалъ воспользоваться содѣйствіемъ Россіи, но мало надѣялся на это. Впрочемъ, по его словамъ, если его союзники не окажутъ ему помощи, онъ справится и одинъ, и собственнымъ мечомъ разрѣшитъ распрю. Онъ говорилъ, что неподготовленные къ бою австрійскіе солдаты, дурно снаряженные, едва одѣтые, эти «совершенно голые солдаты», или вѣрнѣе, вооруженныя толпы, которыхъ бросятъ на его дорогу,—не страшны ему; что онъ повалитъ Австрію съ одного удара и броситъ ее къ своимъ ногамъ. «Она хочетъ пощечины; я отхлещу ее по обѣимъ щекамъ, и вы увидите, что она же будетъ благодарить меня и просить приказаній, что дѣлать» [2]). Но, продолжалъ онъ, онъ не намѣренъ болѣе прощать ее и будетъ безжалостенъ. Онъ говорилъ, что изорветъ Австрію въ клочья, и приглашалъ Россію къ дѣлежу шкуры. На эти свирѣпыя выходки Румянцевъ отвѣчалъ довольно удачно. Онъ не высказывался сразу, позволялъ себѣ дѣлать возраженія только въ замаскированной формѣ, и на метафоры своего свирѣпаго собесѣдника отвѣчалъ метафорами же. «Я изобью Австрію палкой, говорилъ Наполеонъ.—Ваше Величество, не бейте ее слишкомъ сильно, а то намъ придется считаться съ синяками» [3]) *).

Нѣсколько дней спустя императоръ какъ-будто смягчился. Характеръ его разговора былъ менѣе грубъ и болѣе спокоенъ. Разгромъ и уничтоженіе Австріи не были уже единственной темой его разговоровъ. Довольный происшедшей перемѣной, Румянцевъ приписывалъ это своему вліянію и ставилъ себѣ въ заслугу; трудъ, по его словамъ, былъ тяжелый, но результаты уже начали сказываться. «Смѣю сказать, писалъ русскій министръ, я притупилъ его гнѣвъ» [4]).

Нужно сказать, что министръ приписалъ слишкомъ большое значеніе нѣсколькимъ обдуманно и умѣло сказаннымъ фразамъ, тогда какъ истинная причина успокоенія заключалась въ томъ, что война стала казаться Наполеону менѣе вѣроятной. Прежде всего, въ

[1]) Id., 30 января—11 февраля 1809 г.

[2]) Румянцевъ императору Александру 30 января—11 февраля 1809 г. Archives de Saint-Pétersbourg.

[3]) Id.

*) Вѣроятно, каламбуръ: les bleus значитъ синяки на тѣлѣ; но словомъ les bleus назывались и солдаты французской арміи, которые въ то время носили синіе мундиры. (Прим. пер.)

[4]) Id.

продолженіе нѣсколькихъ дней онъ былъ охваченъ мимолетной надеждой достигнуть до первоисточника всѣхъ затрудненій и завязать серьезные переговоры съ Лондономъ. «Ему вообразилось, писалъ Шампаньи Коленкуру, что представляется возможность сдѣлать новый шагъ въ пользу міра въ самой Англіи» [1]). Впрочемъ, эта нить очень быстро выскользнула у него изъ рукъ; но зато новыя извѣстія изъ Вѣны исправили предшествующія, бывшія причиной преждевременной тревоги. Въ только что присланномъ донесеніи Андреосси сознался, что слишкомъ поторопился возбудить тревогу. Теперь въ томъ, что происходило передъ его глазами, онъ видѣлъ только продолженіе приготовленій, начатыхъ десять мѣсяцевъ тому назадъ; при чемъ эти приготовленія шли прежнимъ темпомъ [2]).

Очевидно, Наполеонъ остановился на мысли, что война не вспыхнетъ ранѣе апрѣля или мая. Но, думалъ онъ, разъ разрывъ отложенъ, то, можетъ быть, найдется средство и совсѣмъ устранить его. Можетъ быть, не теряя времени, дѣйствуя болѣе сплоченно, Франція и Россія успѣютъ еще принудить Австрію къ покорности, что избавитъ отъ необходимости сражаться съ нею. Но средства, восхваляемыя до сихъ поръ,—какъ-то совѣты и предостереженія—не отвѣчали уже, по его мнѣнію, потребностямъ положенія. Наполеонъ не прочь отправить тождественную ноту, текстъ которой, наконецъ, дошелъ до него, но онъ видитъ въ ней только недостаточную полумѣру, въ особенности же въ тѣхъ выраженіяхъ, въ какихъ она была составлена Александромъ. Онъ хочетъ бо́льшаго: онъ хочетъ торжественнаго рѣшительнаго шага, который представитъ, по крайней мѣрѣ, ту выгоду, что разсѣетъ всякое сомнѣніе по поводу намѣреній Австріи и вынудитъ ее поднять вуаль. Главное, что требуется,—это получить отъ нея необходимыя гарантіи взамѣнъ тѣхъ, которыя будутъ ей даны; — дать ей неоспоримое обезпеченіе ея безопасности, но зато предписать точныя требованія. Императоръ сдѣлалъ Румянцеву слѣдующее предложеніе: пусть Александръ I-ый предложитъ Австріи гарантировать ей въ договорѣ неприкосновенность ея владѣній отъ посягательства Франціи; Наполеонъ заключитъ съ ней договоръ

---

[1]) Шампаньи Коленкуру, 7 февраля 1809 г.

[2]) Андреосси Шампаньи, 3 февраля 1809 г. Archives des affaires étrangères.

подобнаго же рода противъ Россіи. Взамѣнъ этого Австріи предложено будетъ разоружиться и прекратить военныя приготовленія. Она можетъ сдѣлать это съ полной увѣренностью въ своей безопасности, ибо въ обязательствахъ, написанныхъ обоими императорами, въ особенности же въ обязательствѣ Александра, въ искренности котораго она не можетъ сомнѣваться, она найдетъ неизмѣнную охрану. Чтобы успокоить ее, Наполеонъ поговаривалъ даже объ эвакуаціи конфедеративныхъ владѣній, объ отводѣ всѣхъ своихъ войскъ по лѣвую сторону Рейна, впрочемъ, не желая дѣлать изъ этого точнаго обязательства или вступать по этому вопросу съ кѣмъ бы то ни было въ соглашеніе[1]).

Несмотря на эту оговорку, императоръ никогда еще не заходилъ такъ далеко въ своихъ попыткахъ избѣгнуть столкновенія, ибо, въ сущности, онъ предлагалъ отказаться навсегда отъ нападенія на Австрію подъ опасеніемъ имѣть противъ себя своихъ собственныхъ союзниковъ и за спиной Австріи встрѣтить Россію. Но его предложеніе не могло имѣть успѣха. Недостатокъ его состоялъ въ томъ, что Наполеонъ считалъ возможнымъ для Австріи такое униженіе, на которое та не могла согласиться. Дѣло шло, ни болѣе, ни менѣе, какъ о требованіи, чтобы Австрія сложила оружіе и отказалась отъ собственныхъ средствъ заставить относиться къ себѣ съ уваженіемъ, чтобы она положилась на слово двухъ своихъ могущественныхъ сосѣдокъ и существовала только по ихъ милости. Ея гордость, ея возстановленныя военныя силы не позволяли ей приступить къ разоруженію безъ взаимности; она не могла поставить себя въ положеніе столь явной подчиненности и зависимости. Только въ самой себѣ, въ чрезмѣрномъ увеличеніи своихъ силъ, въ національномъ движеніи, которое она разжигала съ тѣхъ поръ, какъ наше посягательство на Испанію пробудило ея опасенія и возбудило ея страсти, допускала она и надѣялась найти гарантіи. Тщетно Наполеонъ борется съ послѣдствіями своей ошибки и силится избѣгнуть ихъ; онъ всюду наталкивается на эти послѣдствія, и ему уже не удается болѣе устранить ихъ съ своего пути. Война, которую онъ самъ вызвалъ, бросаетъ его въ другую войну, которая ему въ высшей степени нежелательна; ро-

[1]) Донесеніе Румянцева Александру, 30 января — 11 февраля 1809 г. Archives de Saint-Pétersbourg. Письма Шампаньи Коленкуру отъ 4, 14, 18 и 23 февраля 1809 г. Cf. les Oeuvres de Roederer, III, p. 537.

ковой шагъ, извратившій всю его политику, вынуждая его бороться съ затрудненіями, для которыхъ нѣтъ мирнаго и нормальнаго рѣшенія, осуждаетъ его повсюду, куда бы онъ ни обратилъ свои взоры, желать и требовать невозможнаго.

Только при условіи, что Россія сразу же проникнется нашей идеей и на ней построитъ свою рѣчь, можно было разсчитывать, что предлагаемый шагъ можетъ дать какой-нибудь результатъ; что онъ можетъ вызвать въ Вѣнѣ нѣкоторое колебаніе, задержать ходъ событій, открыть путь къ переговорамъ и привести къ соглашенію. Вполнѣ основательно Наполеонъ хотѣлъ, чтобы первое слово было сказано Александромъ. До сихъ поръ Австрія возлагала надежды на потворство русскаго государя, и, судя по неоднократнымъ донесеніямъ, не отказалась отъ нихъ и теперь. Поэтому-то именно изъ Петербурга и должно было исходить по ея адресу строжайшее предостереженіе, т.-е. требованіе, которое образумило бы ее и которое оставило бы ей для спокойнаго ея существованія только одинъ исходъ—покорность. Итакъ, желаніемъ Наполеона было, чтобы Румянцевъ тотчасъ же принялъ французскій проектъ, сообщилъ его въ Петербургъ и горячо рекомендовалъ его тамъ; чтобы онъ убѣдилъ царя взять на себя иниціативу переговоровъ и поддержать ихъ большой военной демонстраціей; чтобы самъ Румянцевъ, оставаясь въ Парижѣ, дѣйствовалъ безотлагательно. Онъ хотѣлъ, чтобы Шампаньи и Румянцевъ обратились къ Австріи съ тождественными словами, рѣшительными и суровыми. Такъ какъ присутствіе графа въ Парижѣ въ нѣкоторомъ родѣ сокращало разстояніе между парижскимъ и петербургскимъ кабинетами, то и слѣдовало, по мнѣнію Наполеона, воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы придать ихъ дѣятельности исключительную энергію, установить между ихъ поступками полную солидарность и одновременность, что при обычныхъ условіяхъ и при дальности разстоянія между столицами было недостижимо.

На несчастье, Румянцевъ переживалъ въ это время періодъ безконечныхъ колебаній и жестокаго душевнаго безпокойства, что дѣлало его неспособнымъ къ послѣдовательному и энергичному проявленію воли. Несмотря на то, что наши требованія вытекали изъ настойчиваго стремленія къ миру, Наполеонъ съ каждымъ днемъ внушалъ ему все бо́льшее безпокойство. Онъ боялся, что завоеватель, толкая его занять угрожающее къ

Австріи положеніе, преслѣдовалъ только одну цѣль: сдѣлать Россію участницею преступнаго нападенія. Иногда, послѣ долгой бесѣды въ Тюльери, онъ отгонялъ свои сомнѣнія; хотѣлъ вѣрить въ императора даже тогда, когда не могъ понять всѣхъ его намѣреній, проникнуть во всѣ его разсчеты, и говорилъ себѣ, что разъ наполеоновская система имѣетъ свои догматы, она въ правѣ имѣть и свои тайны. Минуту спустя, его снова охватывало сомнѣніе. Изъ потока словъ, которыя вырывались у Наполеона, онъ вспоминалъ одну какую-нибудь фразу, одно какое-нибудь выраженіе, которыя, какъ будто, оправдывали его безпокойство, и привязывался къ нимъ съ болѣзненнымъ упрямствомъ. Въ душевной тревогѣ онъ искалъ, кому бы открыться, съ кѣмъ бы поговорить о своихъ мучительныхъ волненіяхъ. Чтобы выслушать его признанія всегда удивительно кстати подвертывался ему Меттернихъ. Хитрый нѣмецъ притворялся, что ищетъ общества русскаго; онъ окружалъ его заботами, «душилъ своими ласками» [1]). Во время ихъ частыхъ свиданій, Румянцевъ усиленно совѣтовалъ Меттерниху осторожность, умолялъ, чтобы Австрія успокоилась, берегла себя, избѣгала всякаго повода къ нареканію. Но въ то же время онъ не стѣснялся высказываться и о томъ, что непріятно поражало его въ Наполеонѣ и вызывало его безпокойство. Можно себѣ представить, какъ старался Меттернихъ поддерживать и развивать въ немъ эти полезныя опасенія. Онъ опровергалъ доводы Наполеона, утверждалъ, что Австрія ни въ чемъ не повинна, краснорѣчиво и искусно отстаивалъ это положеніе, и Румянцевъ разставался съ нимъ, если и не убѣжденнымъ въ истинѣ его словъ, то, по меньшей мѣрѣ, разстроеннымъ и совсѣмъ сбитымъ съ толку [2]).

Внимая то словамъ императора, то Меттерниха, старый министръ никакъ не могъ уяснить себѣ положенія, не могъ разобраться, кто хочетъ войны, кто готовится напасть. По этой причинѣ онъ воздерживается отъ всего, что могло бы наложить обязательство на его правительство и, въ особенности, скомпрометировать его лично. Сперва онъ оспариваетъ пользу, неотложность «рѣшительнаго шага». Благодаря этому онъ теряетъ нѣсколько дней—тогда какъ каждый часъ

[1]) Шампаньи Наполеону, 4 января 1809. Archives nationales, AF, IV, 1676.

[2]) Mémoires de Metternich, II, 269 à 274.

дорогъ—и предоставляетъ Австріи двигаться далѣе по пути, на который она бросилась. Наконецъ, онъ передаетъ въ Петербургъ императорскія предложенія, но не прибавляетъ къ нимъ никакого поясненія и ни слова не говоритъ въ ихъ пользу. Онъ уклоняется отъ всякой инициативы и отказывается отъ первой роли, которую Наполеонъ хотѣлъ бы заставить его сыграть. Чтобы избѣгнуть кризиса, который, благодаря откладываемому вмѣшательству, приближается болѣе быстрыми шагами, онъ полагается на благодѣтельное время, разсчитываетъ на будущее, на авось,—это Провидѣніе нерѣшительныхъ. Русская политика,—выразителемъ или, лучше сказать, творцомъ которой онъ, состоя при особѣ Наполеона и пользуясь широкими полномочіями, призванъ быть,—носится по волнамъ безъ опредѣленнаго направленія. По временамъ она, какъ будто, двигается по какому-то пути, затѣмъ останавливается, пятится назадъ, теряетъ время въ безплодныхъ метаніяхъ, и, въ концѣ-концовъ, все дѣло сводится къ нулю.

Наконецъ, Румянцевъ принялъ рѣшеніе. Оно состояло въ томъ, чтобы уѣхать изъ Парижа и возвратиться въ Петербургъ, —съ цѣлью, какъ говорилъ онъ, работать тамъ для сохраненія мира между Франціей и Австріей. Его отъѣздъ или, вѣрнѣе, бѣгство озадачило всѣхъ. Меттернихъ не скрылъ отъ русскаго министра, что тотъ сходитъ со сцены въ рѣшительную минуту. Онъ указывалъ ему, «что критическое время—это тѣ четыре недѣли, которыя онъ проведетъ въ долгомъ пути» [1]). Наполеонъ же, видя, что Румянцевъ хочетъ окончательно стушеваться, составилъ себѣ въ высшей степени дурное мнѣніе о его способностяхъ и силѣ характера, и никогда не въ силахъ былъ простить ему его бѣгства.

Тѣмъ не менѣе, онъ до послѣдней минуты пытался убѣждать и поучать его. Графъ собирался уже выѣхать, когда явился Шампаньи и велѣлъ доложить о себѣ. «Я засталъ его, писалъ французскій министръ [2]), за завтракомъ; лошади были уже заложены». Цѣлью этого визита было сообщить Румянцеву о новомъ проступкѣ Австріи: объ участіи, принятомъ вѣнскимъ дворомъ въ дѣлѣ заключенія мира, который только-что былъ подписанъ въ Дарданеллахъ между Портой и Англіей. Наши

[1]) Mémoires de Metternich, II, 273.

[2]) Письмо Коленкуру, 14 февраля 1809 г.

агенты въ Константинополѣ пріобрѣли доказательство усилій Австріи сблизить турокъ съ нашими врагами и привлечь ихъ въ анти-французскую лигу, и уловили тамъ одинъ изъ узловъ готовой сформироваться коалиціи. Взволнованный этими свѣдѣніями, Румянцевъ унесъ изъ Парижа кое-какое желаніе дѣйствовать, но оно не устояло противъ дорожныхъ размышленій. Недалеко отъ русской границы онъ получилъ отъ своего государя письма, въ которыхъ онъ уполномочивался и, до извѣстной степени, даже приглашался вернуться назадъ или направиться въ Вѣну. Онъ не принялъ ихъ во вниманіе, отправился дальше и въ срединѣ марта вернулся въ Петербургъ.

Еще до его возвращенія, Александръ, ознакомясь изъ его донесеній съ предложеніями Наполеона, сдѣлалъ ихъ предметомъ бесѣдъ съ Шварценбергомъ. Онъ развилъ идею о двусторонней гарантіи, не придавая, однако, своимъ словамъ офиціальнаго характера. Князь не могъ не признать важности этого сообщенія, но тотчасъ же усумнился въ искренности Наполеона, и при томъ не скрылъ, «что теперь это слишкомъ поздно» [1]). Дѣйствительно, пока въ Петербургѣ велись эти безплодныя бесѣды, въ Вѣнѣ все сильнѣе раздавалось бряцаніе оружія; наконецъ, оно покрыло голоса ведущихъ переговоры и возвѣстило объ истинномъ характерѣ австрійскихъ намѣреній и о скоромъ началѣ враждебныхъ дѣйствій.

Въ своихъ первоначальныхъ разсчетахъ Австрія назначила время столь зрѣло обдуманнаго нападенія на мартъ; но, затѣмъ, она убѣдилась въ невозможности быть готовой къ этому времени и перенесла его на апрѣль [2]). Въ концѣ февраля, она перешла отъ подготовительныхъ мѣръ къ тѣмъ, которыя непосредственно предшествуютъ началу кампаніи, т.-е. къ передвиженію мобилизованныхъ войскъ, уже давно снаряженныхъ и обученныхъ. Съ этого времени она перестала отстаивать мирный характеръ своихъ намѣреній, такъ какъ таковой вполнѣ опровергался дѣйствіями, значеніе которыхъ нельзя было ни скрыть, ни извратить. Меттернихъ получилъ приказаніе объявить въ Парижѣ, что его дворъ смотритъ на военныя предосторожности Франціи, которыя приказано ею принять на территоріи Конфедераціи, только какъ на благовидный предлогъ, а

---

[1]) Донесеніе Коленкура отъ 6 марта 1809 г.

[2]) Beer, op. cit., 367, 369.

потому и самъ переводитъ свои войска на военное положеніе. Это заявленіе имѣло мѣсто 2 марта. Съ этого момента въ австрійской монархіи все приходитъ въ движеніе. Триста тысячъ дѣйствующей арміи, резервовъ и ландвера, собранные въ различныхъ провинціяхъ, шумно двигаются къ границѣ. Это движеніе происходитъ въ Вѣнѣ на глазахъ нашихъ агентовъ. Съ каждымъ курьеромъ они доносятъ о проходѣ новыхъ войскъ; они видятъ, какъ полки проходятъ черезъ столицу «съ пѣснями, подъ звуки флейтъ», при восторженныхъ кликахъ толпы. Въ народѣ, воодушевленномъ приготовленіями къ войнѣ, пробуждаются и кипятъ страсти; воинственная горячка охватываетъ всѣ классы и проявляется обычными манифестаціями [1]. Агитація изъ салоновъ переходитъ на улицу. Гордая вѣнская аристократія идетъ въ народъ съ тѣмъ, чтобы возбуждать его и руководить движеніемъ. Дамы высшаго свѣта «берутся за ремесло вербовщиковъ милиціи»; онѣ воодушевляютъ нерѣшительныхъ и посылаютъ ихъ сражаться. Молодая императрица въ соборѣ Святого Стефана торжественно раздаетъ батальонамъ ландвера знамена, ленты къ которымъ она сама вышивала [2]. Что же касается императора Франца, то онъ какъ бы безсознательно слѣдуетъ за общимъ движеніемъ. Иногда, онъ какъ будто пугается своей собственной смѣлости и волнуется при видѣ мѣръ, которыя въ принципѣ онъ самъ одобрилъ. Увидя изъ оконъ Бурга, какъ двѣсти орудій устанавливаются на лафеты, онъ удивляется, сердится, кричитъ что онъ не давалъ приказаній; но имъ тотчасъ же овладѣваетъ его неизлѣчимое недовѣріе къ Наполеону, и онъ твердитъ, «машинально занимаясь въ своемъ кабинетѣ: *Этотъ человѣкъ причиняетъ мнѣ много хлопотъ: онъ положительно хочетъ разрушить мою монархію»* [3]). Эта мысль, которую вбили ему въ голову, разсѣиваетъ его сомнѣнія, лишаетъ его сознанія чувства долга, заставляетъ забыть слово,

---

[1]) „Въ театрахъ, писалъ нашъ представитель отъ 23 марта, подхватываются всѣ намеки на текущія событія и въ особенности тѣ, которые относятся къ независимости Германіи; они сопровождаются бурными аплодисментами".

[2]) Депеша повѣреннаго въ дѣлахъ Додюна отъ 4 апрѣля 1809 г. Тотъ же агентъ писалъ 18 марта: „Въ 1805 г. войны желало правительство, но не армія и не народъ. Въ 1809 г. ее желаютъ и правительство, и армія, и народъ".

[3]) Депеша Андреосси отъ 18 февраля 1809 г.

данное на другой день послѣ Аустерлица. Беря на себя иниціативу враждебныхъ дѣйствій, онъ искренно воображаетъ, что предупреждаетъ нападеніе, котораго, въ дѣйствительности, никогда не было въ умѣ его противника; онъ послушно садится на коня и провожаетъ до городскихъ воротъ отправляющіяся къ границѣ войска. Въ концѣ марта арміи были уже выстроены фронтомъ противъ Баваріи, противъ великаго герцогства Варшавскаго и противъ Фріуля—на трехъ пунктахъ, гдѣ должно произойти вторженіе. Главное начальство надъ ними принялъ эрцгерцогъ Карлъ. Война еще не объявлена, а о ней уже возвѣщается въ манифестахъ къ нѣмецкому народу. Наконецъ, нѣсколько дней спустя, власти пограничнаго города Браунау задерживаютъ курьера съ депешами для нашего посольства, ломаютъ печать съ гербомъ Франціи,—и этимъ нарушеніемъ международнаго права открываютъ рядъ явно-враждебныхъ дѣйствій.

Австрія сбросила маску раньше, чѣмъ думалъ Наполеонъ. Удивляясь ея безумію, онъ все еще спрашивалъ себя, доведетъ ли она до конца свою дерзость, перейдетъ ли границы, сдѣлается ли фактически зачинщикомъ; не является ли весь этотъ шумъ средствомъ вызвать нападеніе съ его стороны и этимъ путемъ спасти себя отъ обвиненія въ неблаговидномъ поступкѣ. Какъ бы тамъ ни было, онъ тотчасъ же принимаетъ мѣры для борьбы. До сихъ поръ, чтобы лишить австрійцевъ всякаго сколько-нибудь основательнаго повода къ тревогѣ, онъ не приказывалъ дѣлать въ Германіи непосредственныхъ приготовленій къ войнѣ. Корпуса рейнской арміи были разбросаны на обширномъ пространствѣ; баварскіе, вюртембергскіе, саксонскіе контингенты были сформированы, но не соединены. У Наполеона въ Германіи есть войска, но нѣтъ арміи. Впервые, съ самаго начала своихъ войнъ, онъ далъ опередить себя противнику. Но его сверхъестественная энергія исправляетъ все и наверстываетъ пропущенное время. Съ быстротою молніи онъ приводитъ въ движеніе всѣ пружины. Въ нѣсколько дней онъ комплектуетъ и увеличиваетъ составъ войскъ, снабжаетъ ихъ продовольствіемъ, отправляетъ въ походъ, устанавливаетъ связь между корпусами,—какъ французскими, такъ и союзными,—посылаетъ Даву на Бамбергъ, Удино на Аугсбургъ, Массена на Ульмъ. Близость этихъ пунктовъ даетъ возможность сосредоточить войска, какъ

только ясно обозначится непріятельскій планъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣть въ своемъ распоряженіи достаточное количество войскъ, чтобы загородить эрцгерцогу дорогу въ долину Рейна. Въ Италіи императоръ переводитъ армію принца Евгенія на правый берегъ рѣки Эчъ; въ Сѣверной Германіи на флангѣ Австріи собираетъ саксонцевъ и поляковъ, составляетъ изъ нихъ 9-ый корпусъ нашей арміи и назначаетъ ихъ для прикрытія Дрездена и Варшавы. Въ то же время въ тылу враждебной Австріи онъ обращается къ союзной Россіи и призываетъ ее къ оружію.

Отъ Александра онъ проситъ уже не словъ, а дѣйствій. Наступилъ моментъ, когда союзники Тильзита и Эрфурта должны составить общій планъ военныхъ дѣйствій и по взаимному соглашенію намѣтить движенія своихъ войскъ. Наполеонъ употребляетъ рядъ усилій, чтобы понудить Россію принять необходимыя для оказанія ему помощи мѣры. Съ этихъ поръ министерскія депеши къ Коленкуру слѣдуютъ одна за другой безъ перерыва: 5 марта, затѣмъ 11-го, 18-го, 22-го, 23-го, 24-го, 26-го, 29-го. Шампаньи указываетъ посланнику на настоятельную необходимость добиться мѣропріятій быстрыхъ, серьезныхъ, которыя разнеслись бы повсюду. Императоръ самъ пишетъ царю, и, болѣе подробно, Коленкуру. Онъ поручаетъ ему просить объ обмѣнѣ между союзными дворами взглядовъ, о средствахъ согласованія ихъ дѣйствій, и желаетъ, чтобы немедленно же былъ установленъ планъ кампаніи.

Взвѣсивъ все, онъ полагаетъ, что Россія, не обезсиливая себя замѣтно ни въ Финляндіи, ни на Дунаѣ, можетъ помочь намъ 80,000 человѣкъ. По его мнѣнію, географическое положеніе Россіи позволяетъ ей употребить ихъ съ величайшей пользой для общаго дѣла. Русскія владѣнія—включая и негласно-присоединенныя княжества—обнимаютъ полукругомъ восточную часть австрійской монархіи; они внѣдряются въ Галицію, Венгрію и Трансильванію. Дѣйствуя по концентрическимъ путямъ на разныхъ пунктахъ своей границы, Россія можетъ съ перваго же момента стѣснить дѣйствія Австріи, можетъ напасть на нее съ тыла, и, отвлекая на себя ея силы, парализовать ея движеніе къ Рейну. Слѣдовательно, необходимо, чтобы у царя была сильная армія въ Польшѣ *), готовая по первому знаку занять Галицію. Было бы не менѣе полезно, чтобы русская армія на

*) Нынѣшнія западныя и юго-западныя губерніи. (Прим. пер.)

Дунаѣ, слишкомъ многочисленная для ея слабаго противника, отдѣлила самую западную ея часть и повернула противъ Австріи; чтобы, сдѣлавъ оборотъ направо, она поставила ее фронтомъ къ Трансильваніи и держала готовою вторгнуться въ эту провинцію. Равнымъ образомъ, Россія можетъ способствовать и защитѣ французской Германіи, если она продвинетъ одинъ корпусъ до Дрездена и поставитъ его между поднявшейся Австріей и волнующейся Пруссіей. Впрочемъ, говоритъ Наполеонъ, пусть Россія сама опредѣлитъ свое содѣйствіе въ зависимости отъ ея средствъ и ея удобствъ. Онъ подчинитъ свои движенія движеніямъ союзника. Если Александръ захочетъ двинуться на Дрезденъ съ 40,000 человѣкъ—ему протянутъ руку въ этомъ городѣ; если же онъ предпочтетъ собрать воедино свои силы и направитъ ихъ прямо на Вѣну,—Наполеонъ предлагаетъ ему свиданіе подъ стѣнами этой столицы [1]). Вся суть въ томъ, чтобы Россія увѣдомила насъ, что она будетъ дѣлать, дабы наши и ея дѣйствія были согласованы; главнымъ же образомъ, чтобы она приняла свои мѣры, какъ можно скорѣе, открыто, во всеуслышаніе; чтобы она демонстративно обнажила шпагу, вывела войска изъ гарнизоновъ, поставила ихъ на военное положеніе и повсюду показала свои арміи. «Нельзя терять ни одной минуты, пишетъ Наполеонъ Александру. Вашему Величеству необходимо тотчасъ же выставить ваши войска на границахъ нашихъ общихъ враговъ. Я разсчитываю на союзъ съ Вашимъ Величествомъ, но нужно дѣйствовать. и я полагаюсь на васъ» [2]). Любымъ способомъ царь можетъ оказать благотворное и рѣшающее вліяніе на событія. Если и есть еще надежда, если и существуетъ единственный и кратковременный шансъ избѣгнуть войны, то они состоятъ въ томъ, что Россія, выставляя войска и выражая свои французскія симпатіи, устрашитъ Австрію и остановитъ ее на краю пропасти. Если же война окажется неизбѣжной, дѣятельное вмѣшательство Россіи, склоняя съ самаго начала вѣсы въ нашу сторону, сократитъ кризисъ, который является слѣдствіемъ столькихъ другихъ.

---

[1]) Донесеніе Коленкура отъ 8 апрѣля 1809 г.

[2]) Письмо, опубликованное Татищевымъ въ Nouvelle Revue, 1-er septembre 1891.

II.

Къ настоятельнымъ просьбамъ, которыя опирались на по крайней мѣрѣ двадцать разъ повторенныхъ обѣщаніяхъ, Наполеонъ примѣшивалъ даже призывъ къ воинской чести и политической честности. Но имѣлъ ли императоръ право ссылаться на эти высокія понятія, послѣ того какъ онъ самъ, въ продолженіе предыдущаго года увертками и двусмысленнымъ поведеніемъ, внѣдрилъ сомнѣніе и подозрѣнія въ душу Александра? Теперь, когда намъ потребовалась помощь Россіи, царь не знаетъ, оказать-ли намъ по первому же требованію свое содѣйствіе или отказать. Онъ поступаетъ такъ, какъ свойственно безхарактернымъ людямъ: чтобы избавиться отъ затрудненія принять опредѣленное рѣшеніе, онъ откладываетъ его до послѣдней возможности. Даже и теперь онъ отказывается признать неизбѣжность войны съ Австріей—войны, съ которой не мирятся ни его совѣсть, ни его политическіе принципы, и которую, если обстоятельства неизбѣжно вынудятъ его къ ней, онъ будетъ вести противъ своего желанія. Онъ вовсе не желаетъ готовиться къ ней; для него это тягостная гипотеза, отъ которой онъ предпочитаетъ отвести свои взоры. Итакъ, онъ уклоняется отъ того, чтобы принять опредѣленное рѣшеніе, онъ всячески избѣгаетъ его, и теперь, въ свою очередь, пользуется политикой оттяжекъ. Недавно Наполеонъ заставилъ его долго ожидать положительной уступки за счетъ Турціи. Онъ отсрочивалъ свой отвѣтъ Россіи съ мѣсяца на мѣсяцъ. Теперь Александръ отплачиваетъ ему тою же монетой, и, въ свою очередь, начинаетъ игру, въ которой справедливо упрекалъ своего союзника; но, правда, пользуется при этомъ совсѣмъ другими пріемами. Чтобы избавиться отъ преждевременнаго рѣшенія, Наполеонъ пользовался необычайными, поражающими умъ и воображеніе средствами, въ которыхъ отражалась его собственная личность. Онъ рисовалъ въ будущемъ ослѣпительныя, чарующія картины; говорилъ о раздѣлѣ Востока, о передѣлкѣ цѣлаго міра. Александръ, чтобы отдалить трудное для него рѣшеніе, изощряется въ искусствѣ мелкихъ средствъ, въ искусствѣ комплиментовъ и фразъ. Въ этомъ искусствѣ онъ проявляетъ

изобрѣтательность и неподражаемое изящество, чуть не геніальность.

Его отношенія къ нашему посланнику за это время представляютъ большой интересъ для наблюдателя. Никогда еще въ Зимнемъ дворцѣ не обращались съ Коленкуромъ дружелюбнѣе, никогда не видѣли въ немъ столь желаннаго гостя за столомъ. Онъ обѣдаетъ два-три раза на недѣлѣ у Его Величества, раздѣляя эту честь съ маленькимъ интимнымъ кружкомъ, который составлялъ обычное и привилегированное общество царя. Въ присутствіи гостей Александръ пользуется всякимъ случаемъ для прославленія Наполеона и Франціи; онъ выставляетъ на видъ свою преданность союзу, свое желаніе нерушимо сохранить его и исполнить по отношенію къ нему всѣ обязательства. Но вся эта, ни къ чему не обязывающая, любезность служитъ ему только средствомъ подготовить и облегчить задачу, которая представится ему тотчасъ же послѣ обѣда въ кабинетѣ, гдѣ онъ будетъ находиться съ глазу-на-глазъ съ Коленкуромъ, и гдѣ ему придется кротко сопротивляться посланнику, требующему не призрачнаго, а вполнѣ опредѣленнаго согласованія мѣропріятій противъ Австріи. Чѣмъ неопредѣленнѣе и двусмысленнѣе будутъ его дѣловые разговоры, тѣмъ болѣе разговоръ за обѣдомъ пріобрѣтаетъ отпечатокъ сердечности. Онъ сыплетъ многообѣщающими фразами, которыя искусно обходитъ въ бесѣдѣ о дѣлахъ; устраиваетъ по адресу Франціи цѣлый рядъ задушевныхъ, лестныхъ, въ высокой степени дружественныхъ демонстрацій, но онѣ предназначаются только для того, чтобы прикрыть отрицательный характеръ его истинныхъ намѣреній.

Началось съ возвращенія Румянцева, которое дало поводъ къ характерной сценѣ. Когда вернувшійся изъ странствованія министръ въ первый разъ встрѣтился съ нашимъ посланникомъ за царскимъ столомъ, онъ долженъ былъ подробно разсказать о своемъ пребываніи въ Парижѣ. Александру доставляло особое удовольствіе заставлять его говорить о Франціи, и выдвигать въ его разсказахъ на первый планъ то, что могло польстить самолюбію француза. Графъ понялъ желаніе царя, и въ совершенствѣ сыгралъ свою роль. Слухъ о его восторженныхъ отзывахъ о Наполеонѣ ходилъ по всему городу; какъ образчикъ приводили слѣдующее его изреченіе: «Когда бесѣдуешь съ императоромъ Наполеономъ—чувствуешь себя настолько умнымъ, насколько

это ему заблагоразсудится» [1]). Во дворцѣ у царя, Румянцевъ расточалъ похвалы всѣмъ членамъ императорской семьи и правительству; онъ ничего не пропустилъ и никого не забылъ. «Онъ все время говорилъ о Парижѣ,—говорилъ и въ салонѣ передъ обѣдомъ и за все время обѣда. Онъ много разсказывалъ про Мальмезонъ, про императрицу, про ея милостивое обращеніе, про голландскую королеву, про ея доброту и любезность, про красоту принцессы Полины, про большое и изящное представительство двора. Затѣмъ онъ заговорилъ о министрахъ, при чемъ особое вниманіе обращалъ на умъ Фушѐ, на любезность и геніальность князя Беневентскаго и на удовольствіе быть въ его обществѣ. (Со времени событія 28 января эти комплименты не достигали своей цѣли). Онъ былъ неистощимъ въ похвалахъ и нѣсколько разъ повторялъ: «Всякому, кто хочетъ изучить «что бы то ни было и въ какомъ бы то ни было направленіи, слѣ- «дуетъ ѣхать въ Парижъ»... Императоръ постоянно наводилъ разговоръ на Парижъ, а графъ поддерживалъ его, какъ человѣкъ, который понялъ любезное намѣреніе своего государя. Императрица вмѣшивалась въ разговоръ нѣсколько разъ...» [2]).

«Послѣ обѣда, продолжаетъ Коленкуръ въ своемъ донесеніи, императоръ удостоилъ позвать меня въ кабинетъ». Здѣсь, какъ всегда, не измѣняя разъ принятому тону, онъ увѣрялъ его сперва въ своей вѣрности и преданности императору; затѣмъ, переходя къ Австріи и уже менѣе увѣреннымъ тономъ, выразилъ желаніе ничего не ускорять. Коленкуръ далъ замѣтить, что положеніе вполнѣ точно опредѣляется поведеніемъ, усвоеннымъ въ послѣднее время въ Вѣнѣ. Хорошо освѣдомленный объ обстоятельствахъ дѣла, онъ указалъ на факты, привелъ массу подробностей и въ заключеніе изъ воинственнаго спектакля, дававшагося Австріей, сдѣлалъ выводъ о неотложной необходимости для франко-русскаго союза готовиться къ войнѣ и собирать свои силы. «Я говорилъ, писалъ онъ Наполеону, о большихъ скопленіяхъ войскъ въ Богеміи и на рѣкѣ Иннѣ, наконецъ, обо всемъ, что происходитъ, съ цѣлью убѣдить Его Величество, что, въ виду того, что война ожидается съ минуты на минуту, наступило время рѣшить,

[1]) Газетный листокъ, вложенный въ письмо Коленкура къ императору отъ 22 марта 1809 г.

[2]) Донесеніе Коленкура отъ 17 марта 1809 г.

что дѣлать; что Вашему Величеству необходимо знать теперь же, по какому направленію и въ какомъ количествѣ будутъ дѣйствовать русскія войска; затѣмъ, вступятъ ли они въ Трансильванію и въ Галицію тотчасъ же, какъ получатся извѣстія объ открытіи враждебныхъ дѣйствій. Я далъ ему понять, что операціи Вашего Величества и главное направленіе войскъ по необходимости будутъ зависѣть отъ согласованія дѣйствій и количества, равно какъ и отъ расположенія силъ, которыя введетъ въ дѣло Россія; что враждебность Австріи, установленная съ давнихъ поръ, не оставляетъ мѣста сомнѣнію относительно ея намѣреній...» [1]).

«—Я хочу еще вѣрить, что миръ возможенъ». Вотъ къ чему въ сущности свелся отвѣтъ Александра. И, противъ всякой очевидности, онъ долго говорилъ на эту тему, ссылаясь между прочимъ и на то, что вѣнскій кабинетъ не далъ опредѣленнаго отвѣта на предложеніе двойной гарантіи, и что это высокой важности предложеніе можетъ измѣнить рѣшенія вѣнскаго кабинета. Впрочемъ, говорилъ онъ, если нужно будетъ сражаться, императоръ найдетъ его готовымъ; Россія не запоздаетъ. Но, приступая теперь же къ передвиженію войскъ, можно повредить мирной цѣли, которую намѣтили себѣ государи, и къ которой стремятся какъ въ Парижѣ, такъ и въ Петербургѣ. Затѣмъ онъ заговорилъ о своихъ затрудненіяхъ, о трехъ войнахъ, которыя долженъ одновременно вести—войну со Швеціей, съ Англіей и съ Турціей. Въ этомъ отношеніи недавнія событія доставляли ему доводы въ неограниченномъ количествѣ. На Востокѣ переговоры съ Турціей прервались на вопросѣ, который интересовалъ Францію еще болѣе, чѣмъ Россію. Петербургскій кабинетъ требовалъ, какъ предварительное условіе мира, чтобы Порта отказалась отъ добрыхъ отношеній, недавно возстановленныхъ ею съ англичанами, и удалила изъ Константинополя ихъ повѣреннаго въ дѣлахъ. Турки отказались удовлетворить это требованіе. Конгрессъ въ Яссахъ распался. По словамъ царя, кампанію на Дунаѣ приходилось начинать сызнова и добиваться уступки княжествъ силой. Противъ Швеціи Россія должна продолжать военныя дѣйствія съ новой силой, и даже переправить на ту сторону Ботническаго залива часть своей арміи, такъ какъ стокгольмское правительство не обнаруживаетъ ни малѣйшаго желанія мира. На Сѣверѣ и на Югѣ

[1]) Донесеніе Коленкура отъ 17 марта 1809 г.

Россія должна сражаться и быть наготовѣ; оба ея крыла заняты, что не позволяетъ ей снабдить центръ въ желаемомъ количествѣ войсками и занять теперь же по отношенію къ Германіи угрожающее положеніе.

На эти доводы Коленкуръ, нисколько не задумываясь, отвѣтилъ, что войны съ Турціей и Швеціей не требуютъ значительнаго развертыванія силъ; что на Дунаѣ и въ Финляндіи Россія уже овладѣла тѣми областями, которыя она желаетъ удержать за собой; что ей требуется только сохранить свои позиціи, и, оставивъ тамъ внушительныя силы, занять оборонительное положеніе, и, что, слѣдовательно, она имѣетъ въ своемъ распоряженіи достаточно войскъ, чтобы энергично дѣйствовать противъ Австріи. Александръ сослался тогда на недостатокъ денежныхъ средствъ, на прорѣхи въ своей казнѣ; на убытки, которые ему причиняетъ разрывъ торговыхъ сношеній съ Англіей. Онъ окончилъ намекомъ на денежное содѣйствіе, которое онъ могъ бы найти въ случаѣ надобности во Франціи: дѣло шло о выпускѣ въ Парижѣ займа для Россіи [1]).

Сцены, подобныя приведенной, повторялись съ промежутками въ нѣсколько дней въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Въ неимѣющемъ значенія разговорѣ Александръ даетъ всегда наилучшія увѣренія; но, какъ только дѣло доходитъ до чего-нибудь положительнаго, до практическихъ мѣръ, до организаціи русской диверсіи, —его прекрасныя намѣренія таютъ, отъ нихъ не остается и слѣда; что нисколько не мѣшаетъ ему на другой же день продолжать свои увѣренія.

Иногда, прежде чѣмъ приступить къ обсужденію дѣла по существу, онъ варьируетъ способы, къ которымъ прибѣгаетъ съ цѣлью заранѣе расположить Коленкура въ свою пользу. Вмѣсто того, чтобы восхищаться Франціей, онъ поноситъ Австрію. Въ угоду посланнику, онъ издѣвается надъ тономъ и пріемами вѣнской дипломатіи и ея педантичной важностью. Такъ, онъ разсказываетъ, что Шварценбергъ показалъ ему «длиннѣйшую депешу» Стадіона, перваго министра Австріи; «она составлена совсѣмъ въ нѣмецкомъ духѣ; вопросы разбираются въ ней настолько издалека, что я спросилъ его: не отъ потопа ли она?» [2]). Впрочемъ,

---

[1]) Донесеніе Коленкура отъ 17 марта 1809 г.

[2]) Донесеніе Коленкура отъ 20 марта 1809 г.

продолжалъ онъ, все это только «пустой наборъ парадоксовъ» [1]), обнаруживающій замѣшательство кабинета, который выбивается изъ силъ, чтобы отстоять дурное дѣло. Коленкуръ хватается за его признаніе, какъ за поводъ лишній разъ указать на полную безплодность пріемовъ кротости и убѣжденія съ дворомъ, уличеннымъ въ недобросовѣстности, и хочетъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы съ бóльшей настойчивостью просить о немедленномъ сосредоточеніи силъ. Александръ сейчасъ же переходитъ на безпочвенныя и неясныя фразы. Впрочемъ, онъ утверждаетъ, что его войска только въ двухъ или трехъ переходахъ отъ границы; онъ перечисляетъ дивизіоны и полки, которые должны войти въ составъ арміи, предназначенной для Галиціи, но уклоняется отъ всякаго обязательства нанести ударъ въ Трансильваніи и въ Германіи.

Въ одну изъ слѣдующихъ встрѣчъ Коленкуръ возвращается къ своему порученію. Теперь, лучше вооруженный, съ письмами въ рукахъ, полученными непосредственно отъ самого Наполеона, онъ пытается приступить къ вопросу о планѣ кампаніи. Онъ читаетъ Александру эти письма, останавливается на мѣстахъ, выраженныхъ высокимъ и увлекательнымъ слогомъ, гдѣ императоръ предлагаетъ своему союзнику скрѣпить союзъ, побратавшись на полѣ сраженія, и назначаетъ ему свиданіе предъ лицомъ врага, въ Дрезденѣ или Вѣнѣ. «Въ Дрезденѣ?—отвѣчаетъ Александръ,—слишкомъ мало остается времени. Это значило бы истомить мои войска переходами, между тѣмъ, какъ они могутъ быть употреблены съ бòльшей пользой. Затѣмъ, это значило бы оставить всю мою границу безъ защиты. Впрочемъ, мы поговоримъ объ этомъ въ одинъ изъ ближайшихъ дней. Сегодня Страстная пятница. Вы знаете, что до окончанія Пасхи у насъ куча религіозныхъ обязанностей, предписываемыхъ нашими обрядами. Итакъ, я не могу говорить съ вами о дѣлахъ сегодня, но мы поговоримъ въ ближайшемъ времени. Сегодня я хотѣлъ только повидать васъ, и сказать вамъ, что я знаю насчетъ Швеціи» [2]). И онъ перенесъ своего собесѣдника на берега Балтійскаго моря, гдѣ произошла внезапная перемѣна. Въ Стокгольмѣ представители арміи и дворянства, которымъ надоѣло повиноваться

---

[1]) Id.

[2]) Донесеніе Коленкура отъ 8 апрѣля 1809 г.

слабоумному королю, низложили Густава IV и избрали регентомъ его дядю, герцога Зюдерманландскаго. Эта революція, съ ея драматическими и пикантными подробностями, случилась весьма кстати, чтобы дать пищу разговору съ французскимъ посланникомъ и держать его подальше отъ австрійскихъ границъ.

Упорно ведя игру въ прятки, Александръ какъ будто хотѣлъ, чтобы событія застали его врасплохъ. Если его цѣль дѣйствительно была такова, она была достигнута вполнѣ. 9 апрѣля, прежде чѣмъ Франція и Россія составили планъ кампаніи, прежде чѣмъ царь точно сообщилъ количество, расположеніе и назначеніе своихъ войскъ, австрійцы переправились черезъ Иннъ и, какъ потокъ, наводнили Баварію. Въ тотъ же день эрцгерцогъ Іоаннъ перешелъ со своей арміей итальянскую границу; на Сѣверѣ эрцгерцогъ Фердинандъ вступилъ съ пятьюдесятью тысячами человѣкъ въ герцогство Варшавское, и австрійскій орелъ показался на пути въ Варшаву. Не заботясь о соблюденіи внѣшняго приличія, не ссылаясь на личную обиду, не объявляя даже войны—Австрія начала ее за свой страхъ, и въ рѣшительной партіи ставила на карту свое существованіе.

Коленкуръ немедленно, офиціальнымъ порядкомъ, въ силу тильзитскаго и эрфуртскаго договоровъ, потребовалъ содѣйствія Россіи. Шварценбергъ тоже работалъ изо всѣхъ силъ. Онъ привелъ въ дѣйствіе всѣ пружины интриги,—пустилъ въ ходъ салоны, женщинъ; заставилъ дѣйствовать и мать, и фаворитку Александра. Все высшее общество всполошилось. Со всѣхъ сторонъ напали на императора, умоляя его сохранить, по крайней мѣрѣ, нейтралитетъ и не поднимать оружія противъ государства, выступившаго въ защиту европейской независимости.

Теперь Александръ долженъ былъ высказаться. Эта необходимость, которой онъ такъ страшился и такъ упорно избѣгалъ, предъявила къ нему свои требованія и не выпускала изъ своихъ цѣпкихъ рукъ. Итакъ, на что-нибудь да надо было рѣшиться. Но ему оставался выборъ между нѣсколькими рѣшеніями. По правдѣ говоря, данное имъ Наполеону слово позволяло ему только одно—сражаться рядомъ съ Франціей и помогать намъ всей своей мощью. Тѣмъ не менѣе, нельзя не согласиться, что для его нерѣшительности были серьезныя побужденія. Его сомнѣнія и опасенія были законны. Его отвращеніе къ войнѣ, ко-

торой онъ не сумѣлъ ни предусмотрѣть, ни предупредить, но въ которой обязанъ былъ участвовать, было вполнѣ законно. Война угрожала повлечь за собой гибельныя послѣдствія для Европы, для Россіи и, въ особенности, для союза. Хотя Австрія своимъ поведеніемъ вполнѣ оправдывала принятіе противъ нея крутыхъ мѣръ, тѣмъ не менѣе, ея окончательная гибель, ея распаденіе было бы общимъ бѣдствіемъ и несчастьемъ для всѣхъ. Исчезновеніе этой старой монархіи открыло бы въ центрѣ континента пропасть, которую ничто не могло бы заполнить, и окончательно нарушило бы равновѣсіе въ Европѣ. Государства, которыя образовались бы изъ обломковъ побѣжденной имперіи, слабыя и неустойчивыя, обязанныя своимъ существованіемъ побѣдителю, были бы только передовыми постами французскаго владычества. Каждый изъ нашихъ вассаловъ захотѣлъ бы получить долю изъ отданной на расхищеніе Австріи—и, что особенно важно, герцогство Варшавское потребовало бы и, вѣроятно, получило бы Галицію. Такое расширеніе герцогства было бы равносильно возстановленію Польши, а изъ всѣхъ перемѣнъ, внушающихъ опасеніе, именно эта перемѣна внушала Александру непреодолимый ужасъ. Во всякомъ случаѣ, съ того момента, когда между Франціей и Россіей не было бы болѣе Австріи, въ видѣ сплоченнаго независимаго государства, Россія оказалась бы безъ всякаго прикрытія, непосредственно подъ ударомъ наполеоновскаго властолюбія. Чтобы Россія могла жить спокойно, чтобы она могла оставаться нашей союзницею, необходимо было, чтобы обѣ имперіи по-прежнему разъединяло могущественное государство и чтобы оно дѣйствовало, какъ противовѣсъ чрезмѣрно-разросшейся Франціи. По необычайному стеченію обстоятельствъ, Александръ I-ый—въ силу формальныхъ обязательствъ, законный врагъ Австріи—въ предстоящей борьбѣ всего болѣе долженъ былъ опасаться полнаго разгрома противника. Естественно, что онъ мечталъ предохранить себя отъ подобной опасности. Отсюда понятно, что, прежде чѣмъ ввязаться въ войну, онъ принималъ свои предосторожности, опредѣлялъ свои условія, просилъ у Наполеона обѣщанія не злоупотреблять побѣдой, не стремиться, пользуясь ею, создать положеніе, роковое для установившагося въ Европѣ порядка и гибельное для безопасности Россіи.

Наполеонъ предвидѣлъ эти требованія и принялъ мѣры для ихъ удовлетворенія. Онъ уполномочилъ Коленкура подписать, если бы это формально было потребовано, соглашеніе относи-

тельно условій будущаго мира. Онъ соглашался до извѣстной степени связать себѣ руки, заранѣе ограничить порывъ честолюбія, начинавшаго снова овладѣвать имъ. Его военное положеніе, болѣе критическое, чѣмъ онъ открыто признавался въ этомъ, предписывало ему быть уступчивымъ [1]). Итакъ, Александру предоставлялась свобода выбора: онъ могъ оказать намъ помощь въ порывѣ рыцарскаго чувства, не торгуясь, довѣрчиво отнесясь къ Наполеону и вполнѣ положившись на него, и могъ поставить извѣстныя условія; могъ тотчасъ же исполнить свои обязательства—принять участіе въ борьбѣ, и своей вѣрностью союзу и истиннымъ, а не призрачнымъ содѣйствіемъ пріобрѣсти себѣ право заговорить громко, когда придетъ время опредѣлить участь побѣжденнаго и передѣлать карту Австріи; съ другой стороны, онъ могъ нынѣ же принять мѣры для своей безопасности, получить отъ Наполеона обязательство—не расчленять Австріи, не возстановлять Польши, и только тогда съ открытымъ забраломъ вступить въ борьбу, результаты которой были бы имъ заранѣе точно опредѣлены.

Изъ этихъ двухъ рѣшеній онъ отстранилъ и то, и другое и остановился на третьемъ, самомъ плохомъ и наименѣе достойномъ,—на совершенно особомъ способѣ выйти изъ затрудненія, мысль о которомъ, какъ кажется, внушилъ ему Сперанскій [2]). Выражая справедливое безпокойство о будущей судьбѣ Австріи, онъ не потребовалъ никакого предварительнаго обязательства и не далъ Коленкуру случая воспользоваться его полномочіями. Онъ довелъ до свѣдѣнія Наполеона, что окажетъ ему полное содѣйствіе, безъ предварительныхъ условій, тогда какъ въ дѣйствительности рѣшилъ оказывать помощь только для вида и вести съ Австріей только подобіе войны. Не отказываясь отъ исполненія союзныхъ обязательствъ, онъ освободился отъ нихъ, рѣшивъ разыграть комедію военныхъ дѣйствій, и предпочелъ лучше нарушить свое слово, чѣмъ потребовать его обратно. Онъ пошелъ еще дальше: прежде, чѣмъ фиктивно сражаться съ нашими врагами, онъ хотѣлъ увѣрить ихъ въ истинномъ значеніи своихъ мѣръ, и мы скоро услышимъ, какъ онъ—двуличный какъ въ словахъ, такъ и въ поступкахъ,—будетъ обѣщать содѣйствіе Франціи и бездѣйствіе Австріи.

---

[1]) Письмо Коленкура отъ 8 апрѣля 1809 г.

[2]) Beer, 349, по донесеніямъ Шварценберга.

Какъ только онъ получилъ достовѣрныя свѣдѣнія, что войска эрцгерцоговъ двинулись, чтобы перейти границы, онъ далъ знать нашему представителю, что разрываетъ съ зачинщикомъ. «Они дорого заплатятъ,—сказалъ онъ, говоря объ австрійцахъ,—за свое безразсудство и заносчивость» [1]). Чтобы придать болѣе вѣса своимъ словамъ, онъ повторилъ ихъ Коленкуру при свидѣтеляхъ, въ присутствіи интимнаго круга, который отъ времени до времени приглашалъ къ своему столу. Прежде чѣмъ обнародовать объявленіе о войнѣ, онъ сообщилъ о ней въ маленькомъ кружкѣ подъ видомъ намека и аллегоріи. Въ этотъ вечеръ онъ былъ болѣе обыкновеннаго любезенъ и разговорчивъ съ посланникомъ. Онъ въ восторгѣ, говорилъ онъ, что на нынѣшнее лѣто Коленкуръ выбралъ себѣ дачу недалеко отъ его дворца; что ихъ близкія отношенія, благодаря этому, сдѣлаются еще болѣе тѣсными и сношенія болѣе удобными. «Я хочу приказать сдѣлать для нашего сообщенія,—говорилъ онъ,—маленькій телеграфъ. Ужъ болѣе близкими сосѣдями мы не можемъ быть.

Посланникъ.—Я буду жить какъ разъ подъ пушкой Вашего Величества.

Императоръ.—Она будетъ стрѣлять только ради васъ.

Посланникъ.—Въ этомъ я никогда не сомнѣвался, Ваше Величество; но, такъ какъ посланники любятъ договоры, то я хотѣлъ бы предложить таковой адмиралу Вашего Величества. (Яхта русскаго императорскаго флота стояла на Невѣ противъ дачи, которую предполагалъ занять Коленкуръ).

Императоръ.—Я предлагаю вамъ мою гарантію. Принимаете ли вы ее? *Вы не поступите, какъ тѣ глупцы, которые отказываются отъ нея и которые изъ-за этого будутъ грызть себѣ пальцы.*

«Это было сказано такъ громко,—прибавляетъ Коленкуръ въ своемъ донесеніи, — и такъ выразительно подчеркнуто, что двадцать присутствовавшихъ за столомъ лицъ, въ томъ числѣ и императрица, переглянулись. Императоръ продолжалъ далѣе свой разговоръ со мной» [2]).

Когда шесть дней спустя пришло извѣстіе о переходѣ австрійцевъ черезъ Иннъ, показныя намѣренія царя ознаменовались соотвѣтствующими дѣйствіями. Былъ изданъ манифестъ о войнѣ

---

[1]) Донесеніе Коленкура отъ 22 апрѣля 1809 г.
[2]) Донесеніе Коленкура отъ 22 апрѣля 1809 г.

съ Австріей. Александръ объявилъ, что отпускаетъ Шварценберга, что отзываетъ свое посольство изъ Вѣны и что его войска выступаютъ въ походъ. Онъ писалъ Наполеону: «Ваше Величество можетъ разсчитывать на меня. Силы мои не очень велики, ибо у меня и такъ уже двѣ войны на рукахъ, но все, что возможно, будетъ сдѣлано. Мои войска сосредоточены на границѣ Галиціи и будутъ готовы къ дѣйствіямъ въ непродолжительномъ времени... Надѣюсь, что Ваше Величество увидитъ въ этомъ мое желаніе безхитростно исполнить мои обязательства къ вамъ... Ваше Величество всегда найдетъ во мнѣ вѣрнаго союзника» [1]). Его слова Коленкуру были еще болѣе положительны и точны, чѣмъ его письма. «Я ничего не буду дѣлать вполовину», сказалъ онъ, и прибавилъ: «А, впрочемъ, я на этотъ счетъ объяснился съ австрійцами» [2])

Какъ же онъ объяснился? Съ этимъ знакомитъ насъ донесеніе о послѣднихъ его разговорахъ съ Шварценбергомъ, переданное въ Вѣну этимъ посланникомъ. Царь не скрылъ неудовольствія, которое причинило ему поведеніе Австріи; онъ указалъ, что отвѣтственность за разрывъ и вина за нападеніе лежатъ безспорно на ней одной; что она сама виновата въ томъ, что онъ долженъ принять сторону Франціи и исполнить свои обязательства. Установивъ эти посылки, онъ вывелъ изъ нихъ неожиданное заключеніе. «Императоръ сказалъ мнѣ, — писалъ Шварценбергъ послѣ разговора, бывшаго 15 апрѣля,—что онъ намѣренъ дать мнѣ крупное доказательство своего довѣрія ко мнѣ, ручаясь мнѣ, что изъ всего, что только можетъ придумать человѣческій умъ, ничто не будетъ упущено, чтобы уклониться отъ необходимости наносить намъ вредъ. Онъ прибавилъ, что его положеніе такъ странно, что, хотя мы и находимся въ противныхъ лагеряхъ, все-таки онъ не можетъ удержаться, чтобы не выразить намъ пожеланія успѣха» [3]). 20 апрѣля Александръ повторилъ свои обѣщанія и даже пошелъ дальше. Онъ высказалъ, какъ дѣло рѣшенное, что его войска получатъ приказаніе избѣгать, насколько это будетъ отъ нихъ зависѣть, всякаго столкновенія и всякаго враждебнаго дѣйствія; что, сверхъ того,

[1]) Письма, опубликованныя нами въ Revue de la France moderne, 1er juin 1890.

[2]) Донесеніе Коленкура отъ 28 апрѣля 1809 г.

[3]) Beer, 351.

ихъ выступленіе въ походъ будетъ задержано, насколько это будетъ возможно [1]).

Такимъ образомъ, не довольствуясь предложеніемъ Австріи фиктивной борьбы, въ которой взаимно избѣгалось бы приходить въ соприкосновеніе и наносить другъ другу вредъ, Александръ обѣщалъ отдалить эту безполезную демонстрацію. Онъ обѣщалъ нашимъ врагамъ, что не намѣренъ стѣснять ихъ въ ихъ первыхъ дѣйствіяхъ и предоставитъ имъ использовать свое преимущество. Слѣдуетъ ли изъ этого, что онъ ждалъ только побѣды эрцгерцога Карла, чтобы обнаружить свою измѣну, обратиться противъ императора и нанести послѣдній ударъ пошатнувшемуся колоссу?

Повидимому, его намѣренія были не такъ просты, не такъ вѣроломны, а, главное, не такъ прочно установлены. Глубоко смущенный, сбитый съ толку, видя со всѣхъ сторонъ только затрудненія и опасности, онъ, благодаря своей нерѣшительности, дошелъ въ двоедушіи до послѣдняго предѣла. Онъ желалъ, чтобы Наполеонъ былъ обузданъ и укрощенъ, но при этомъ онъ слишкомъ опасался его, чтобы открыто отречься отъ него и пренебречь его гнѣвомъ. Въ глубинѣ души онъ желалъ успѣховъ австрійцамъ, но не настолько вѣрилъ въ ихъ успѣхи, чтобы открыто высказаться въ ихъ пользу. При всемъ томъ, онъ признавалъ нѣкоторую пользу для себя отъ союза съ Франціей, изъ котораго онъ не извлекъ еще всѣхъ выгодъ. Въ результатѣ всего этого онъ топтался на одномъ мѣстѣ, парализованный несовмѣстимыми стремленіями. Онъ устранялся отъ событій, не отказываясь, однако, воспользоваться ихъ указаніями. Возможно и то, что онъ льстилъ себя надеждой, если борьба будетъ тянуться съ перемѣннымъ счастьемъ, властно вмѣшаться между одинаково изнуренными противниками. Проще говоря, онъ пытался оставить за собой будущее, а, между тѣмъ, дѣлалъ все, чтобы его скомпрометировать. Прячась за тайный нейтралитетъ, который не обладалъ даже заслугой открытаго и искренняго воздержанія, онъ лишалъ себя всякаго права на благодарность и на уваженіе, какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Онъ отнималъ у себя право поставить условія побѣдителю, кто бы онъ ни былъ, отказывался отъ

[1]) Beer, 351.

вліянія на результаты войны и осудилъ себя подчиниться имъ. Онъ отдалъ себя во власть событій, вмѣсто того, чтобы принимать участіе въ ихъ направленіи.

Прежде всего, благодаря медлительности и нерѣшительности своихъ дѣйствій, онъ наноситъ непоправимый вредъ союзу, не принося дѣйствительной пользы европейскому дѣлу; раздражаетъ Наполеона, не спасая Австріи. Ибо не наступило еще время, когда завоеватель долженъ встрѣтить предѣлъ своимъ побѣдамъ, и чтобы поставить его въ опасное положеніе, потребуется болѣе, чѣмъ единичное усиліе одного государства. Хотя Австрія хорошо вооружена, полна энтузіазма, воспламенена новыми и болѣе отважными стремленіями; хотя изъ нашихъ старыхъ полковъ, разсѣянныхъ по Испаніи, многихъ не будетъ на берегахъ Дуная, но превосходство командованія вознаградитъ неравенство силъ, и Наполеонъ, даже безъ арміи Аустерлица и Іены, будетъ идти отъ побѣды къ побѣдѣ. Онъ уже въ Германіи, посреди войскъ, наэлектризованныхъ его присутствіемъ; Даву, Ланнъ, Массена—подлѣ него. Несравненные блестящіе подвиги, отвлекая наши взоры отъ двоедушной политики, возвращаютъ на время нашъ разсказъ къ изображенію героическихъ подвиговъ въ полномъ значеніи этого слова.

ГЛАВА III.

РУССКОЕ СОДѢЙСТВІЕ.

Молніеносные успѣхи нашей германской арміи.—Наполеонъ въ Вѣнѣ.— Неподвижность русскихъ. — Составъ русской арміи. — Князь Сергѣй Голицынъ.—Причины бездѣйствія русскихъ генераловъ; отвѣтственность царя и его генераловъ.—Приводимые предлоги.—Настоянія Коленкура; его способы убѣжденія; сравненіе между консервативной Франціей и революціонной Австріей. — Приказъ о походѣ откладывается на неопредѣленное время. — Гибельныя послѣдствія этой мѣры для самой Россіи и для союза. — Эрцгерцогъ Фердинандъ въ Варшавѣ. — Понятовскій бросается въ Галицію. — Возстаніе въ Галиціи.—Волненіе въ пограничныхъ русскихъ губерніяхъ.—Пробужденіе польскаго вопроса. — Безпокойство въ Петербургѣ. — Характеръ разговоровъ Румянцева и Александра.—Возраженія Коленкура.—Трогательная сцена.—Эслингъ.—Слова Александра по поводу маршала Ланна.—Впечатлѣніе, произведенное на Наполеона бездѣйствіемъ русскихъ.—Достопримѣчательное письмо отъ 2 іюня 1809 года. — Союзъ вступаетъ въ новую фазу.—Обоюдный недостатокъ искренности. — Наполеонъ откладываетъ рѣшеніе судьбы Галиціи. — Онъ готовится къ рѣшительному сраженію. — Появленіе на сценѣ русской арміи.—Ея медлительность. — Генералъ Суворовъ допускаетъ взять Сандоміръ на глазахъ своей арміи. — Негодованіе Наполеона.—Какъ дѣйствуютъ русскіе въ Галиціи.—Какую игру условились вести русская и австрійская главныя квартиры.—Препирательства поляковъ и русскихъ.—Ваграмъ.—Сцены въ Краковѣ.—Состояніе умовъ въ Петербургѣ; раздраженіе салоновъ.—Александръ дѣлается болѣе требовательнымъ.—Первая нота по поводу Польши: вопросъ поставленъ офиціально.—Цнаймское перемиріе. — Задача, которая представляется Наполеону послѣ Ваграма. — Какъ примирить права, пріобрѣтенныя поляками, съ успокоеніемъ, которое необходимо дать Россіи?

I.

Бросаясь со всѣми своими силами на Баварію, эрцгерцогъ Карлъ надѣялся захватить нашу армію въ моментъ формированія и привести въ полное разстройство. Задуманный смѣло, планъ этотъ выполненъ былъ боязливо. Уже одно присутствіе среди войскъ императора, лишь только это стало извѣстнымъ, смутило

и парализовало его противниковъ, заставляя ихъ ежеминутно опасаться какого-нибудь неожиданнаго, убійственнаго сюрприза. Наполеонъ прекрасно воспользовался хладнокровными и умными исполнителями его воли, и подъ непріятельскимъ огнемъ, на глазахъ у колеблющихся и робѣвшихъ враговъ, успѣлъ сосредоточить свои силы. По выполненіи этой задачи, онъ самъ наноситъ первый ударъ австрійцамъ, и прорываетъ и разстраиваетъ ихъ линію. Онъ отрѣзываетъ ихъ лѣвое крыло отъ центра, оттѣсняетъ его въ Абенсбергъ и Ландсгутъ и отбрасываетъ на Аугсбургъ и Иннъ; затѣмъ, повернувъ противъ главныхъ силъ, гдѣ находится эрцгерцогъ Карлъ, онъ запираетъ ихъ между Даву и Ланномъ, сжимаетъ ихъ, какъ въ тискахъ, убиваетъ и беретъ въ плѣнъ двадцать тысячъ человѣкъ при Экмюлѣ *); преслѣдуетъ ихъ до Регенсбурга, и не оставляетъ имъ другого пути къ отступленію, какъ Богемскія горы. Благодаря этому, онъ обезпечиваетъ за собой правый берегъ Дуная, лишаетъ непріятеля его операціонной базы, отбрасываетъ отъ дороги въ Вѣну, бросается самъ на оставленный открытымъ путь къ столицѣ, и пятидневный бой, начатый съ цѣлью отразить нападеніе, заканчивается молніеноснымъ наступленіемъ. Тщетно австрійскіе корпуса стараются снова соединиться и длинными обходами придти прежде насъ къ Вѣнѣ; ихъ повсюду предупреждаютъ и преграждаютъ имъ путь. Одинъ изъ нихъ приходитъ во-время для защиты переправы на Траунѣ; его наполовину уничтожаютъ въ ужасной битвѣ при Эберсбергѣ. Отрѣзанной, окруженной со всѣхъ сторонъ и подвергшейся бомбардировкѣ столицѣ Габсбурговъ не остается другого исхода, какъ сдаться и принять своего побѣдителя. Конечно, борьба не была еще окончательно рѣшена. На лѣвомъ берегу Дуная, за Вѣной, стягиваются и приходятъ въ связь разсѣянныя части арміи эрцгерцога Карла. Въ Тиролѣ, въ Италіи и Польшѣ, во всѣхъ пунктахъ, гдѣ Наполеонъ не командуетъ лично, австрійцы подвинулись впередъ и имѣютъ нѣкоторый успѣхъ. Пруссія волнуется. Часть ея войскъ дезертируетъ, хочетъ на свой страхъ принять участіе въ войнѣ, сформироваться въ мятежныя банды и начать партизанскую войну. На сцену выступаетъ опасность общаго возстанія Германіи. Тѣмъ не менѣе, занявъ центръ австрійской монархіи, Наполеонъ тѣснитъ своего главнаго противника, не имѣя, однако, случая на-

*) Деревня въ Баваріи. (Прим. пер.)

нести ему рѣшительное пораженіе. Кромѣ того, онъ сдерживаетъ всѣхъ остальныхъ противниковъ. 18 мая, мѣсяцъ спустя послѣ открытія враждебныхъ дѣйствій, онъ ночуетъ въ Шенбрунненѣ. Въ этотъ день русскіе не перешли еще своей границы.

Въ дни, предшествовавшіе рѣшительнымъ военнымъ дѣйствіямъ, Александръ покорился необходимости и собралъ на границѣ Галиціи цѣлую армію: четыре дивизіи въ полномъ составѣ, затѣмъ резервъ пѣхоты и кавалеріи,—всего около шестидесяти тысячъ человѣкъ подъ начальствомъ князя Сергѣя Голицына [1]). Коленкуръ сильно настаивалъ на томъ, чтобы генералъ Голицынъ заблаговременно получилъ приказаніе вступить въ Галицію тотчасъ же, какъ только австрійцы начнутъ свои операціи на Сѣверѣ и займутъ территорію герцогства Варшавскаго. Если бы эта предосторожность была принята, время не было бы пропущено, и наши союзники на нападеніе нашихъ противниковъ отвѣтили бы нападеніемъ же. На неоднократныя просьбы Коленкура Александръ обѣщалъ сдѣлать, о чемъ его просили, но въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ. Наконецъ, припертый къ стѣнѣ, онъ сказалъ посланнику: «Князю не дано такого приказанія, о какомъ вы просите. Наши генералы не таковы, чтобы имъ можно было довѣрить рѣшать дѣла подобнаго рода. Они воспользовались бы предоставленной имъ свободой, чтобы сдѣлать или слишкомъ много, или ровно ничего. Меня предупредятъ изъ Дрездена или изъ Берлина, и мой курьеръ отправится немедленно послѣ того, какъ я узнаю, что австрійцы перешли свою границу». — «Могу ли я сообщить Императору, сказалъ Коленкуръ, что армія пойдетъ на Ольмюцъ?» — «Она пойдетъ по направленію къ Ольмюцу» [2]), отвѣтилъ царь, пользуясь едва замѣтной разницей въ смыслѣ. Впрочемъ, по его словамъ, его армія готова, снабжена всѣми средствами, и въ двадцать четыре часа можетъ выступить въ походъ.

Но, когда онъ узналъ, что эрцгерцогъ Фердинандъ вступилъ въ великое герцогство Варшавское съ пятьюдесятью тысячами человѣкъ, рѣчь его сразу же перемѣнилась. Онъ заговорилъ уже о пятнадцати дняхъ; что только послѣ этого срока Россія можетъ

---

[1]) Въ русской арміи дивизіи составляли преимущественно стратегическую единицу; ея наличный составъ значительно превосходилъ тотъ, который входилъ въ нашу воинскую часть того же наименованія.

[2]) Донесеніе Коленкура отъ 16 апрѣля 1809 г.

начать кампанію; а вскорѣ послѣдовали одинъ за другимъ, варьируясь до безконечности, то благовидные, то странные предлоги для отсрочки. То время года было неблагопріятно—долго залежался снѣгъ; то постоянные дожди задерживали войска въ лагеряхъ; то разливъ рѣкъ препятствовалъ первымъ переходамъ; то князь Голицынъ не успѣлъ еще доѣхать до своей главной квартиры. Это зависѣло отъ того, что принуждены были дать ему отпускъ,—нельзя было не преклониться предъ уважительной причиной: онъ женилъ своего сына. Сверхъ того, прибавлялъ Александръ, нужно считаться съ обычаями и привычками страны. Въ Россіи, говорилъ онъ, ничто не дѣлается быстро. Все въ ней неповоротливо, тяжело; всюду путаница. Что удивительнаго въ томъ, что эта неуклюжая машина испытываетъ нѣкоторое затрудненіе въ началѣ своей дѣятельности, и что ея неаккуратный ходъ такъ мало похожъ на поразительную быстроту операцій, которыя ведутся въ Германіи.

Вмѣсто истинныхъ услугъ, въ которыхъ мы такъ нуждались, Александръ осыпалъ насъ любезностями. Прежде всего, онъ послалъ Наполеону свои пожеланія, затѣмъ восторженныя поздравленія. Въ началѣ враждебныхъ дѣйствій онъ, видимо, съ мучительнымъ нетерпѣніемъ ждалъ извѣстій съ Дуная; онъ не могъ дождаться извѣстій о томъ, что императоръ находится при арміи, — «его геній стоитъ цѣлыхъ армій» [1]),—говорилъ онъ. Послѣ Абенсберга и Экмюля онъ разсыпался въ восторженныхъ выраженіяхъ удивленія по поводу прекрасныхъ операцій, давшихъ столь блестящіе результаты. Зачѣмъ, говорилъ онъ, онъ не возлѣ Наполеона, дѣля съ нимъ опасности и славу! Онъ говорилъ, что, по крайней мѣрѣ, ему хотѣлось бы имѣть при Наполеонѣ, на время его походовъ, своихъ спеціальныхъ представителей — для того, чтобы русскій мундиръ появился во французскомъ генеральномъ штабѣ, какъ неопровержимое доказательство союза. Онъ приказалъ отправиться въ нашу главную квартиру одному за другимъ двумъ флигель-адъютантамъ, полковникамъ Чернышеву и Горголи, которымъ было поручено передать Наполеону привѣтствія и восторженныя письма.

Онъ говорилъ, что завидуетъ своимъ адъютантамъ въ милости, которую имъ оказываетъ — видѣть великаго полководца въ моментъ проявленія его военнаго генія и учиться въ его

---

[1]) Донесеніе Коленкура отъ 29 апрѣля.

школѣ. «Можетъ ли быть лучшій случай для военнаго?» [1]), сказалъ онъ. Узнавъ, что одинъ проживавшій въ Парижѣ русскій офицеръ, приглашенный Наполеономъ принять участіе въ войнѣ, уклонился отъ этой опасной чести, онъ сказалъ Коленкуру: «Вся кровь вскипѣла во мнѣ, когда я прочелъ объ этомъ. Нужно не имѣть ея въ жилахъ, чтобы поступать такимъ образомъ. Я чуть было не запретилъ ему носить мундиръ. Если бы я, безъ особыхъ затрудненій, могъ покинуть Петербургъ на два мѣсяца, я былъ бы уже тамъ, куда онъ не захотѣлъ отправиться. Есть же такіе безчувственные люди» [2]). Однако же, замѣчаніе, которое позволилъ себѣ сдѣлать Коленкуръ, что французской и русской арміямъ предназначено было сблизиться, и что въ это время императоръ Александръ могъ бы, быть можетъ, пріѣхать къ своей арміи, сразу же остановило изліянія государя. «Онъ улыбнулся, какъ будто нѣчто подобное было у него на умѣ, но ничего не отвѣтилъ положительнаго» [3]).

Чтобы побудить царя хотя бы только начать военныя дѣйствія, нашъ посланникъ ссылался на принятыя царемъ обязательства, на данное слово. Онъ указывалъ и на то, что честь царя заинтересована въ томъ, чтобы отнюдь не оставлять Наполеона одного выдерживать первый натискъ враговъ. Когда же онъ исчерпалъ свои обыкновенные доводы, онъ нашелъ другіе, новые и совершенно неожиданные. Онъ представилъ въ своеобразномъ видѣ положеніе Европы и тѣ обязанности, которыя вытекали отсюда для русскаго самодержца.

По его мнѣнію,—если внимательно вникнуть во все происходящее,—настоящая война служила только продолженіемъ борьбы, завязавшейся семнадцать лѣтъ тому назадъ между основами порядка, т.-е. соціальнымъ консерватизмомъ, и разрушительными страстями, но съ той разницею, что роли совершенно перемѣнились. Наполеонъ сдѣлался защитникомъ всѣхъ государствъ противъ Австріи, перешедшей тѣломъ и душой въ революцію; Австрія же изъ ненависти и честолюбія повторила ошибки, въ которыхъ такъ упрекали Францію въ 1792 году, и впала въ якобинство. За доказательствами не далеко ходить; стоитъ только прочесть ея манифесты и зажигательныя воз-

---

[1]) Id., 4 мая.

[2]) Донесеніе № 33, май 1809 г.

[3]) Донесеніе отъ 4 мая.

званія къ нѣмецкому народу и тирольцамъ, и, въ особенности, обратить вниманіе на ея усилія вызывать въ сосѣднихъ государствахъ возстанія и повсюду распространять огонь мятежа. Далѣе,—говорилъ онъ—не состоитъ ли она съ давняго времени въ преступныхъ сношеніяхъ съ крамольниками всѣхъ странъ; не поддерживаетъ ли при всѣхъ дворахъ, особенно при русскомъ, происки свѣтской оппозиціи? Въ настоящее время вреднѣйшіе революціонеры не на улицѣ,—они въ салонахъ. Это тѣ угрюмые, вѣчно недовольные умы, которые возстаютъ противъ законно-установленнаго порядка, которые хотятъ возстановить навсегда похороненное прошлое, и упорно преслѣдуютъ свою химеру, хотя бы цѣною жесточайшихъ междоусобицъ. Вступая съ ними въ союзъ, вѣнскій дворъ подкапывается подъ всѣ установленныя власти и стремится ко всеобщему перевороту.

«Я далъ понять Его Величеству, — писалъ Коленкуръ Наполеону, — что Австрія пользуется тѣми же самыми средствами, какъ и люди, создавшіе революцію во Франціи; что если бы ей удались ея планы—она, порвавъ всѣ узы, связующія народы съ государями, не только не могла бы управлять событіями, но и сама сдѣлалась бы ихъ жертвой; что всѣмъ государямъ слѣдуетъ бороться съ принятымъ ею направленіемъ, ибо иначе и имъ предстоятъ тѣ же самыя опасности. Я говорилъ императору о салонахъ, о ихъ злословіи, о томъ вліяніи, какое они имѣютъ въ Вѣнѣ, и могутъ имѣть и въ другихъ мѣстахъ, если только этотъ новый примѣръ съ его ужасными послѣдствіями не приведетъ къ рѣшенію обуздать ихъ. Я сказалъ Его Величеству, что дошедшее до крайнихъ предѣловъ раздраженіе извѣстной части салоновъ направлено не противъ Франціи или ея государя, а противъ того, кто первый обуздалъ своеволіе и разъигравшіяся страсти нашего времени; что оно направлено противъ того, кто остановилъ революціонный потокъ, угрожавшій престоламъ и общественному строю и принимавшій въ каждой странѣ характеръ оппозиціоннаго духа и критики; что съ тѣхъ поръ, какъ американскія и англійскія идеи вскружили всѣмъ головы, нигдѣ нѣтъ ничего святого; что русскіе, нѣмецкіе и французскіе щеголи считаютъ себя въ правѣ судить государей и разсуждать объ ихъ поступкахъ, какъ, напримѣръ, Палата общинъ судила герцога Іоркскаго и госпожу Кларкъ [1]); что Ста-

[1]) Намекъ на громкій скандалъ, который только-что разразился въ Лон-

діонъ,—который нападаетъ на верховную власть и общественный строй Германіи и обращается къ Франціи съ заявленіями, что императоръ Францъ ведетъ войну не съ ней, а только съ императоромъ Наполеономъ,—мнѣ кажется, такой же якобинецъ, какимъ былъ и Маратъ; что наименьшимъ зломъ, какое можетъ быть слѣдствіемъ системы, выдвигаемой Австріей, будетъ такая же анархія, какъ и во время тридцатилѣтней войны, съ тою только разницей, что результатомъ ея будетъ революціонный режимъ; что эти, такъ-называемые, благонамѣренные люди Петербурга, Парижа и Вѣны ничто иное, какъ анархисты, такіе же, какъ и анархисты 93 года; что разница только въ костюмѣ; что анархисты 1809 года, подъ маской роялистовъ, точно также нападаютъ на общественный строй, одни—разнося повсюду въ Германіи лозунгъ германской независимости и свободы, другіе—непрестанно осуждая государя и порицая всѣ дѣйствія правительства; что, въ концѣ-концовъ, эта секта выступаетъ противъ Вашего Величества еще съ бо́льшимъ ожесточеніемъ, чѣмъ противъ другихъ государей, ибо вы первый увидѣли, куда направлены ихъ усилія и крѣпко прижали всѣхъ анархистовъ, какъ роялистовъ, такъ и якобинцевъ; что не слѣдуетъ щадить правительства, которое прославляетъ эту разрушительную и революціонную систему, какъ не щадили сумасшедшихъ, которые гильотинировали людей, дабы осуществить свою мечту» [1]).

Послѣ того, какъ Коленкуръ пространно развилъ эти идеи, заговорилъ царь и рѣшительно высказался въ томъ же духѣ. Онъ согласился, «что многіе возвышаютъ голосъ противъ императора Наполеона только потому, что онъ подавилъ анархію и наложилъ узду на своеволіе» [2]). Посланникъ разстался съ царемъ послѣ двухчасового разговора, установивъ полное согласіе во взглядахъ. Но общность взглядовъ ни на іоту не подвинула операцій русской арміи. Правда, Александръ дѣлалъ видъ, что больше всѣхъ раздраженъ такой медлительностью, что его возмущаетъ апатія военачальниковъ. Но—прибавлялъ онъ—гдѣ же средство? Финляндія и Турція отвлекли всѣхъ дѣятельныхъ и

донѣ. Герцогъ Іоркскій, главнокомандующій англійской арміи, былъ обвиненъ въ раздачѣ чиновъ по просьбѣ госпожи Кларкъ, съ которой онъ жилъ и которая продавала свое содѣйствіе за деньги. Палата общинъ производила слѣдствіе.

[1]) Донесеніе № 33, май 1809 г.

[2]) Id.

опытныхъ офицеровъ. По его словамъ, чтобы назначить главнокомандующаго арміей противъ Австріи, ему пришлось обратиться къ престарѣлому генералу, живущему уже второй вѣкъ—къ ветхой развалинѣ, уцѣлѣвшей отъ древнихъ войнъ. Онъ говорилъ, что князь Голицынъ ведетъ кампанію такъ, какъ это дѣлалось въ его время, не торопясь, шагъ-за-шагомъ; что онъ вовсе и не подозрѣваетъ того, что правила и достойные подражанія случаи наполеоновской тактики внесли много новаго въ искусство побѣждать, и въ заключеніе онъ сказалъ сокрушеннымъ тономъ, но съ видомъ полной искренности: «Это все еще старая рутина Семилѣтней войны... Не будемъ его торопить—прибавилъ онъ, говоря о Голицынѣ—а то онъ надѣлаетъ глупостей» [1]). Впрочемъ, онъ не допускалъ и мысли, чтобы его генералы, не говоря уже о немъ самомъ, могли быть заподозрѣны въ недостаткѣ корректности. «Это только апатія, а отнюдь не злая воля» [2]), говорилъ онъ. Румянцевъ также сказалъ Коленкуру убѣжденнымъ тономъ: «Мы неповоротливы, но идемъ прямымъ путемъ» [3]). На самомъ же дѣлѣ русскіе совсѣмъ не двигались съ мѣста, и вотъ по какой причинѣ: приказъ вступить въ Галицію, который 27 апрѣля обѣщано было послать «въ тотъ же вечеръ» [4]), не былъ еще отосланъ изъ Петербурга и 15 мая [5]). Это уже былъ не недостатокъ подвижности у русскихъ генераловъ и офицеровъ, дѣйствительно имъ свойственный, а отсутствіе желанія у государя, ибо это онъ держалъ армію въ бездѣйствіи на одномъ мѣстѣ.

Это умышленное бездѣйствіе, вполнѣ отвѣчающее даннымъ Австріи увѣреніямъ, было болѣе чѣмъ нарушеніемъ клятвы: это была самая крупная ошибка, какую только могла сдѣлать Россія, принимая во вниманіе только ея собственные интересы. И въ самомъ дѣлѣ, всего болѣе — и вполнѣ справедливо — она боялась, чтобы рѣшительныя событія этой войны не обусловили или не подготовили возстановленія Польши путемъ присоединенія Галиціи къ Варшавскому герцогству. Вполнѣ естественно, что—при извѣстіи о нашихъ побѣдахъ—въ Галиціи, доставшейся по

---

1) Донесеніе № 39, іюнь 1809 г.
2) Донесеніе отъ 5 іюня.
3) Id., 18 мая.
4) Id., 29 апрѣля.
5) Archives de Saint-Pétersbourg.

раздѣлу Австріи, должны были возродиться національный духъ и стремленіе къ независимости; что она должна была возстать, лишь бы дали ей на это время и возможность; что она призвала бы къ себѣ своихъ братьевъ изъ великаго герцогства и встрѣтила бы ихъ съ распростертыми объятіями. Соединеніе этихъ двухъ частей раздѣленнаго народа совершилось бы подъ покровомъ войны по вполнѣ естественному влеченію. Побѣдоносному Наполеону, который нашелъ бы уже возстановленное государство, не оставалось бы ничего иного, какъ только узаконить совершившійся фактъ. Ему пришлось бы не возстановлять, а только признать Польшу. Итакъ, опасность для Россіи была безспорная; но отъ нея самой зависѣло отвратить ее: ей стоило только самой вступить въ Галицію, занять ее и властно распоряжаться въ ней. Благопріятныя условія—какъ-то: топографія мѣстностей и начальный характеръ военныхъ дѣйствій на Сѣверѣ,—въ высшей степени облегчали ей эту задачу.

Австрійская Галиція, въ то время болѣе обширная, чѣмъ теперь, занимала оба берега рѣки Вислы и граничила съ Россіей на протяженіи ста пятидесяти миль. Между ней и Россіей не было ни крѣпостей, ни рѣкъ,—никакого препятствія, которое могло бы остановить русскія войска. Сверхъ того, выйдя изъ Галиціи, чтобы напасть на великое герцогство, расположенное отъ нея на сѣверъ и на западъ, эрцгерцогъ Фердинандъ принужденъ былъ вывести оттуда лучшую часть своихъ войскъ. Онъ предоставилъ ее самой себѣ, оставивъ тамъ только кое-гдѣ гарнизоны и отдѣльные отряды. Такимъ образомъ, обернувшись спиной къ русскимъ и идя на Варшаву, онъ отдавалъ Галицію въ ихъ руки. Князю Голицыну оставалось только подвигаться впередъ и безъ выстрѣла занять эту провинцію; затѣмъ напасть на армію эрцгерцога съ фланга или съ тыла, заставить его дорого поплатиться за свою смѣлость, и, оказавъ этимъ обѣщанную услугу общему дѣлу, обезпечить безопасность Россіи отъ случайностей будущаго. Войдя въ Галицію первымъ,—прежде чѣмъ войска великаго герцогства, вынужденныя сперва обороняться, имѣли бы время туда проникнуть,—онъ овладѣлъ бы ею именемъ царя. Онъ могъ бы безпрепятственно подавить въ ней всякое проявленіе польскаго національнаго духа, поручить ее ревнивой охранѣ своихъ войскъ и наложить на нее секвестръ. Заручившись предварительнымъ рѣшеніемъ и наложивъ руку на предметъ спора, Россія

могла ко времени заключенія мира на законномъ основаніи удержать Галицію за собой и располагать ею по праву завоеванія; ничто не помѣшало бы ей возвратить ее австрійцамъ или заставить признать своей собственностью. Слѣдовательно, дѣйствовать быстро, безъ колебаній, было для нея не только рѣшеніемъ наиболѣе соотвѣтствующимъ ея обязательствамъ, но и менѣе всего компрометирующимъ ее и наиболѣе обезпечивающимъ ея интересы. Въ настоящемъ случаѣ добросовѣстное отношеніе къ своимъ обязательствамъ было бы само благоразуміе. Наоборотъ, удерживая неопредѣленное время свои войска на границѣ, она лишила себя права вліять на дальнѣйшія судьбы Галиціи; она предоставила полякамъ свободу дѣйствій, вслѣдствіе чего тѣ могли придти въ Галицію раньше нея; она позволила имъ воспользоваться возстаніемъ въ Галиціи, какъ диверсіей противъ нападенія на нихъ австрійцевъ, и, уступая мѣсто своимъ невольнымъ союзникамъ, намѣреніямъ которыхъ она справедливо не довѣряла, неразумно предоставила имъ первую роль.

Послѣдствія ея поведенія, которыя легко было предвидѣть, не заставили себя ждать. Застигнутый врасплохъ вторженіемъ австрійской арміи, шедшей на Варшаву по лѣвому берегу Вислы, Понятовскій сперва отступилъ. Затѣмъ, спасши честь своего оружія въ неравномъ бою при Рашинахъ, онъ покинулъ столицу, предоставивъ эрцгерцогу войти въ пораженную ужасомъ Варшаву, и перешелъ со всѣми своими силами на правый берегъ, за Прагу— предмостное укрѣпленіе, которое господствовало надъ рѣкой и защищало переправу. Выбирая для отступленія такое направленіе, онъ давалъ возможность отрѣзать себя отъ Германіи и отъ союзной Саксоніи, но зато оставался въ исключительно польскомъ краѣ, въ соприкосновеніи съ частями Галиціи, лежащими на востокъ отъ Вислы, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ великимъ герцогствомъ. Благодаря этому онъ сохранялъ за собой возможность, пока непріятель занималъ столицу и двигался къ сѣверу, неожиданно свернуть на югъ, напасть на Галицію, перенести войну на австрійскую территорію и освободить Варшаву подъ стѣнами Львова и Кракова. Онъ принялъ это отважное рѣшеніе по собственной иниціативѣ, еще до того, какъ переданъ былъ ему отъ князя Невшательскаго совѣтъ императора [1]).

[1]) Soltyk, Rélation des opérations de l'armée aux ordres du prince Joseph Poniatowski pendant la campagne de 1809. Paris 1841, 1 vol., p. 202 203.

Получилось странное зрѣлище: оба противника повернулись другъ къ другу спиной и пошли въ противоположныя стороны. Эрцгерцогъ Фердинандъ, отказавшись взять силой переправу черезъ Вислу, направляется по лѣвому берегу рѣки на сѣверъ, подвигаетъ свои войска до Торна и угрожаетъ Данцигу; а Понятовскій поворачиваетъ на югъ и, идя по правому берегу, бросается въ Галицію.

Въ первыхъ числахъ мая Понятовскій вступилъ въ Галицію. При его приближеніи населеніе поднялось и бросилось къ нему навстрѣчу. Примѣръ подали представители дворянства, — крупные помѣщики. Многіе изъ нихъ жили въ имѣніяхъ, были богаты и пользовались вліяніемъ. Польша не умерла въ ихъ сердцахъ, хотя ея враги и думали, что, нанеся ей три смертельныхъ удара, покончили съ ней навсегда. Укрывшись въ своихъ помѣщичьихъ владѣніяхъ, они носили по ней трауръ и свято чтили ея память. Княгиня Чарторижская собрала въ центрѣ своего обширнаго, какъ городъ, помѣстья—Пулавы—въ особомъ зданіи реликвіи польскихъ королей и героевъ, посвятивъ этотъ храмъ или, вѣрнѣе, мавзолей, утраченной отчизнѣ [1]). При видѣ Понятовскаго воскресли надежды и вѣра въ будущее. Въ этомъ изящномъ и рыцарски неустрашимомъ героѣ, поклонникѣ славы и пировъ, который, при звукахъ трубъ и фанфаръ, при звонѣ оружія, ѣхалъ во-главѣ своего штаба, Польша увидѣла олицетвореніе самой себя. Дворянство встрѣчало его во-главѣ своихъ вооруженныхъ арендаторовъ и крестьянъ, изъ которыхъ сформированы были полки. Женщины устраивали ему восторженные пріемы и празднества. Всюду, гдѣ онъ ни останавливался, былъ смотръ утромъ, балъ вечеромъ. Изъ замковъ движеніе распространилось по окрестностямъ. Ежеминутно ряды арміи разступались, чтобы дать мѣсто новымъ добровольцамъ. Приходили даже старцы, оставшіеся въ живыхъ послѣ войнъ за независимость. Они просили позволенія отомстить за своихъ погибшихъ товарищей,—разрѣшить убивать австрійцевъ. Застигнутые врасплохъ и растерявшіеся имперскіе власти и гарнизоны уходили или сдавались. Да къ тому же гарнизоны, состоя отчасти изъ уроженцевъ Галиціи, внутри самихъ себя таили измѣну и мятежъ. Когда, послѣ сдачи Сандоміра, австрійскій гар-

[1]) Soltyk, 505.

низонъ проходилъ церемоніальнымъ маршемъ передъ побѣдителями, бывшіе въ его составѣ солдаты изъ галичанъ, какъ только замѣтили польскіе мундиры и знамена съ водруженнымъ на нихъ бѣлымъ орломъ, прорвали ряды и, не повинуясь голосу своихъ офицеровъ, побѣжали, чтобы встать подъ обожаемыя знамена [1]). Сопротивленіе нигдѣ не было серьезно; 9 мая войска герцогства вступили въ Люблинъ, 20-го въ Замостье и 23-го во Львовъ.

По прибытіи въ этотъ городъ, Понятовскій попытался дать возставшей провинціи нѣкоторую организацію и привести въ порядокъ сбѣжавшіяся съ разныхъ сторонъ вооруженныя партіи. Для Галиціи было учреждено временное правительство; была сформирована милиція и снабжена всѣмъ необходимымъ. Чтобы еще болѣе воодушевить тѣхъ, кого онъ призывалъ къ оружію, Понятовскій льстилъ ихъ патріотическимъ надеждамъ. Не объявляя положительно о присоединеніи ихъ къ великому герцогству, онъ убѣждалъ ихъ ожидать всего отъ будущаго и ввѣрить свою судьбу Наполеону. Въ прокламаціи, выпущенной отъ имени саксонскаго короля, говорилось, что «ихъ дальнѣйшая судьба будетъ зависѣть отъ ихъ собственнаго мужества и покровительства побѣдоноснаго героя». Въ распространяемыхъ въ изобиліи уличныхъ листкахъ, газетныхъ статьяхъ, дневныхъ приказахъ— повторялись тѣ же слова. Зажигательныя рѣчи, пущенныя въ населеніе, возбужденное борьбой, опьяненное энтузіазмомъ, истолковывались имъ, какъ обѣщаніе вернуть ему отчизну [2]).

Слухъ обо всемъ этомъ быстро дошелъ до Петербурга. Онъ вызвалъ тамъ невыразимую тревогу и ужасъ. Опасность, которой тамъ страшились, которую до сихъ поръ только смутно провидѣли въ туманномъ будущемъ, приближалась и принимала вполнѣ опредѣленныя формы. Призракъ превращался въ дѣйствительность. Для Россіи ясно было, что происходящимъ на ея глазахъ возрожденіемъ Польши затрагиваются ея жизненные интересы; что опасность угрожаетъ ея единству, и она не на шутку встревожилась за обладаніе провинціями, которыя достались на ея долю при трехъ послѣдовательныхъ раздѣлахъ.

---

[1]) Soltyk, 224—225.

[2]) Id., 136—267. Correspondance de M. Serra, résident de France à Varsovie, et de M. de Bourgoing, ministre à Dresde. Archives des affaires étrangères.

Надо сознаться, что прискорбные и характерные симптомы оправдывали ея опасенія. Возмущеніе не ограничилось Галиціей,— оно перешло и русскую границу; опасное броженіе началось на Волыни и въ Подоліи. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ исчезла вся молодежь: всѣ бѣжали въ вольную страну и поступали подъ знамена Понятовскаго. Ни надзоръ властей, ни объявленныя строгія наказанія не могли помѣшать эмиграціи. Въ Каменецъ-Подольскѣ увлеченіе было такъ сильно, что правительственные чиновники, поляки по происхожденію и чувствамъ, исчезли всѣ сразу, такъ что присутственныя мѣста опустѣли и должны были закрыться [1]). Великое герцогство и Галиція похищали у русскаго государя его подданныхъ и должностныхъ лицъ, увлекавшихся заразительнымъ примѣромъ. За-окраинная Польша какъ бы присасывала къ себѣ ту часть Польши, которую поглотила Россія и относительно которой не сомнѣвалась уже, что окончательно задушила ее въ своихъ объятіяхъ. Можно судить о впечатлѣніи какое производили эти извѣстія въ Петербургѣ, попадая въ среду уже недовѣрчивую и предубѣжденную. Общество воспользовалось случаемъ, чтобы сильнѣе напасть на политику Александра. Такъ вотъ, говорило оно, только для того, чтобы достигнуть подобныхъ результатовъ, царь протянулъ руку узурпатору и согласился быть его помощникомъ и соучастникомъ. Теперь ясно обнаруживаются слѣдствія этой злосчастной системы; сомнѣніе болѣе не допустимо; долѣе заблуждаться было бы преступно и святотатственно. Необходимо признать, что союзъ съ Франціей, вновь создавая Польшу, прямымъ путемъ ведетъ къ расчлененію государства [2]).

Среди гнѣвныхъ и злобныхъ воплей Александръ оставался безстрастнымъ и кроткимъ; онъ далекъ былъ отъ того, чтобы выражать сочувствіе общему раздраженію и старался успокаивать умы. Чтобы разубѣдить своихъ подданныхъ онъ притворялся, что совсѣмъ не раздѣляетъ ихъ безпокойства. Но, когда онъ былъ наединѣ съ французскимъ посланникомъ, его лицо, фигура, разговоръ—все обнаруживало неотступную заботу и боязнь, чтобы Наполеонъ не задумалъ и не подготовилъ возстановленія Польши. Если въ словахъ царя слышалась скорѣе скорбь, чѣмъ

---

[1]) Soltyk, 267.

[2]) Донесеніе Коленкура отъ 17 іюля.

горечь, то слова Румянцева становились трагическими. Воспитанникъ Екатерины II, живой свидѣтель раздѣловъ, старый министръ привыкъ смотрѣть на поддержаніе созданнаго раздѣлами порядка вещей, какъ на жизненную потребность Россіи. Какъ ни велики были его французскія симпатіи, онъ не задумался бы пожертвовать ими ради высшаго интереса и торжественно предложилъ бы намъ на выборъ или Польшу, или Россію. Онъ не скрывалъ, что, въ его глазахъ, присоединеніе Галиціи къ герцогству будетъ причиной разрыва, что императоръ Наполеонъ долженъ выбирать между Петербургомъ и Варшавой. «Я сторонникъ нашего союза, говорилъ онъ Коленкуру; я очень имъ дорожу, вамъ это извѣстно... Я болѣе чѣмъ доказалъ это, я могу это сказать. И все-таки я почту своимъ долгомъ сказать Императору, моему повелителю: отречемся отъ нашей системы, будемъ биться до послѣдняго человѣка, но не потерпимъ расширенія польскихъ владѣній, ибо это посягательство на наше существованіе» [1]). Съ этого времени императоръ и министръ на разные лады жаловались на то, что дѣлается въ Галиціи съ одобренія Наполеона или, по меньшей мѣрѣ, безъ помѣхи съ его стороны. Они дѣлали его отвѣтственнымъ за то, что онъ далъ толчокъ къ происходящимъ тамъ волненіямъ, за воззванія, обращенныя къ національнымъ страстямъ, упрекали его въ томъ, что онъ стремится воскресить вопросъ, который будетъ могилой союза.

На это Коленкуръ вполнѣ основательно возражалъ, что Россія прежде всего должна во всемъ винить самое-себя; что отъ нея самой зависѣло завладѣть съ самаго начала Галиціей и не допускать, чтобы на ея границахъ создался очагъ польской пропаганды; что причиной всему были ея проволочки; ихъ даже нельзя было приписывать исключительно вялости и небрежности, ибо злая воля начальниковъ и ихъ небезполезное сочувствіе врагу были только-что доказаны на дѣлѣ. Въ отвѣтъ на упреки царя Коленкуръ представилъ ему доказательство своихъ словъ. Это было перехваченное поляками письмо, написанное эрцгерцогу Фердинанду русскимъ генераломъ, княземъ Горчаковымъ. Оно дышало страшной ненавистью къ Франціи; въ немъ открыто высказывалась надежда на скорое сближеніе русскихъ съ австрійцами для совмѣстной борьбы за правое дѣло.

[1]) Донесеніе Коленкура № 34, 28 мая 1809 г.

Сообщеніе о поведеніи Горчакова ошеломило Александра. Это тѣмъ болѣе удивляетъ его, говорилъ онъ, что «этотъ генералъ былъ однимъ изъ тѣхъ,—а это удостовѣряется донесеніями почты,—которые писали въ Москву въ самомъ лучшемъ духѣ» [1]. Впрочемъ, говорилъ онъ, съ нимъ будетъ короткая и примѣрная расправа: онъ отрѣшитъ виновнаго отъ командованія и переведетъ его въ военный совѣтъ. Но при этомъ онъ далъ понять, что его и удивляетъ, и глубоко оскорбляетъ, что изъ единичнаго проступка хотятъ вывести заключеніе объ общемъ направленіи; что за вину одного человѣка хотятъ сдѣлать отвѣтственнымъ правительство въ полномъ его составѣ. Гдѣ же то довѣріе, говорилъ онъ, которое должно царить между союзниками Тильзита и Эрфурта, и которое должно играть первенствующую роль во всѣхъ ихъ сношеніяхъ? Тѣмъ не менѣе, хотя царь и горячился, онъ тщательно устранялъ изъ своей рѣчи все, что могло задѣть или оскорбить посланника лично; напротивъ, въ его упрекахъ было что-то нѣжное, подкупающее. Въ продолженіе всего этого разговора, онъ нѣсколько разъ вплотную подходилъ къ своему собесѣднику, обращаясь къ нему съ дружескими жестами, съ трогательной заботливостью выбирая выраженія, какъ будто онъ хотѣлъ убаюкать его льстивыми словами, задобрить ласковымъ обращеніемъ и усыпить его бдительность. Онъ закончилъ бесѣду трогательной сценой. Онъ сталъ увѣрять, что хотя несправедливыя подозрѣнія и оскорбляютъ его до глубины души, онъ все-таки предпочитаетъ, чтобы Коленкуръ высказывалъ ему все откровенно; что именно въ этомъ тонѣ должно говорить съ нимъ; что именно такимъ образомъ любитъ онъ объясняться съ человѣкомъ, который пользуется его уваженіемъ и любовью. «Говоря это, прибавляетъ посланникъ, Его Величество соблаговолилъ обнять меня» [2].

Въ томъ же разговорѣ Александръ опять подтвердилъ, что его войска скоро выступятъ въ походъ; что онъ повторилъ приказаніе перейти границу, хотя бы съ однимъ патрулемъ» [3]. Онъ видѣлъ, что для дальнѣйшихъ проволочекъ нѣтъ оправданій, ибо война со Швеціей подходила къ концу. Регентство въ Стокгольмѣ просило о переговорахъ, и замиреніе на Сѣверѣ, въ

[1] Донесеніе отъ 28 мая.
[2] Id.
[3] Id

пользу котораго Коленкуръ работалъ изо всѣхъ силъ, давало въ распоряженіе Россіи лишнюю армію. Но, къ несчастью, даже допуская, что царь употребитъ нѣкоторое усиліе нагнать потерянное время, было уже слишкомъ поздно. Для того, чтобы его армія могла остановить національное движеніе поляковъ и оказать содѣйствіе, имѣющее значеніе для успѣха нашихъ военныхъ операцій, время было упущено. Въ это самое время борьба между Наполеономъ и Австріей достигла рѣшительнаго момента, и въ эти-то критическіе часы Россія не пришла намъ на помощь. Приближался конецъ мая; шесть недѣль прошло послѣ перваго пушечнаго выстрѣла. Если бы русскіе съ самаго начала дѣйствовали быстро и добросовѣстно, они за это время могли бы занять Галицію, пройти черезъ нее, разсѣять или оттѣснить армію принца Фердинанда; затѣмъ, увлекая за собой поляковъ, могли бы, пройдя черезъ Краковъ, направиться на Ольмюцъ и появиться внушительной массой на сѣверѣ Моравіи. Въ южной части этой провинціи, на равнинѣ Маршфельда позади Дуная, совсѣмъ вблизи Вѣны, эрцгерцогъ Карлъ стоялъ передъ французами и собралъ всѣ силы для обороны этой позиціи. Если бы русскіе предприняли на него нападеніе съ тыла, онъ задумался бы надъ тѣмъ, стоитъ ли удерживать укрѣпленную позицію только для того, чтобы рискнуть на сраженіе, съ проигрышемъ котораго терялось все. Изъ боязни попасть между двухъ огней, онъ, вѣроятно, отступилъ бы направо или налѣво, въ Богемію или Венгрію, предоставляя Франціи и Россіи протянуть другъ другу руку въ Моравіи и встрѣтиться друзьями на полѣ Аустерлицкой битвы. Лишенная послѣдней операціонной базы, разсѣченная посрединѣ, Австрійская монархія должна была бы отказаться отъ сопротивленія и просить пощады. Но Голицынъ не трогался съ мѣста, а поляковъ было слишкомъ мало, чтобы собственными силами выполнить ожидаемую диверсію; они могли захватить и поднять одну австрійскую провинцію, но отозванной изъ-подъ Варшавы арміи Фердинанда было вполнѣ достаточно, чтобы остановить ихъ и держать вдали отъ главнаго театра военныхъ дѣйствій. Обезпеченный съ тыла, увѣренный, что русскіе не придутъ вó-время, чтобы напасть на него, эрцгерцогъ Карлъ могъ оставаться на Дунаѣ, могъ ожидать Наполеона подъ прикрытіемъ этой преграды и въ безсмертныхъ бояхъ оспаривать побѣду.

21 мая французская армія начала переправу черезъ рѣку.

Массена и Ланнъ переправились съ тремя дивизіями и уже овладѣли Асперомъ и Эслингомъ, когда внезапный подъёмъ воды разрушилъ мосты. Атакованные втрое сильнѣйшимъ непріятелемъ, оба маршала держались до вечера въ занятыхъ деревняхъ и удержали за собой мѣсто переправы по ту сторону рѣки. Вечеромъ и ночью мосты были возстановлены, и переправа возобновилась. На другой день планы Наполеона приводились уже въ исполненіе, какъ вдругъ рѣка снова поднялась, снесла главный мостъ и разрѣзала на двѣ части французскую армію. Дѣло шло уже не о побѣдѣ, а о томъ, чтобы избѣгнуть пораженія. Корпуса, изолированные на лѣвомъ берегу, должны были дать второе сраженіе, почти не имѣя огнестрѣльныхъ снарядовъ; они дрались штыками и сопротивлялись тридцать часовъ. Только на другой день вечеромъ, когда австрійцы прекратили свои бѣшеныя атаки, наши отступили къ острову Лобау, увозя десять тысячъ раненыхъ, унося смертельно раненаго Ланна, оставивъ врагу пять тысячъ труповъ и ни одной пушки. Это было побѣдоносное отступленіе, болѣе славное, чѣмъ побѣда! Армія была спасена. Владѣя Лобау, Наполеонъ владѣлъ рѣкой и сохранялъ за собой переправу. Но операція его не удалась. Эрцгерцогъ, хотя всѣ атаки его и были отбиты, могъ, по справедливости, считать, что въ концѣ-концовъ побѣдителемъ вышелъ онъ. Эслингъ сдѣлался австрійскимъ Эйлау, но болѣе важнымъ, болѣе убійственнымъ; это сраженіе подѣйствовало на умы еще сильнѣе, чѣмъ ужасный день 8 февраля 1807 года. Въ Эслингѣ Наполеонъ не только не уничтожилъ врага, но отступилъ и очистилъ поле сраженія. Уже менѣе послушное счастье давало ему новое и болѣе серьезное предостереженіе и во второй разъ обмануло его ожиданія.

Изъ недавняго опыта мы знаемъ, какъ, по мѣрѣ своего распространенія, преувеличиваются и извращаются извѣстія съ войны въ критическій ея моментъ; какъ легко, подъ вліяніемъ страстей, надежды, легковѣрія, воспринимаются преувеличенные или вымышленные слухи. Въ 1809 г. Европа съ возрастающимъ волненіемъ слѣдила за поединкомъ между Наполеономъ и Австріей. Этотъ интересъ не былъ только захлебывающимся любопытствомъ, которое приковывается къ развязкѣ большой драмы: Европа сознавала, что на Дунаѣ разыгрывается ея собственная судьба; что, если Австрія падетъ, рука побѣдителя будетъ еще тяжелѣе тяготѣть надъ королями и народами; наоборотъ, если

Наполеонъ будетъ побѣжденъ и отброшенъ на Рейнъ, то слѣдствіемъ этого будетъ всеобщее противъ него возстаніе и освобожденіе Европы. Поэтому все, что могло поддержать надежду на такое облегченіе, жадно подхватывалось и тотчасъ же передавалось дальше. Бюллетени эрцгерцога разносились, какъ эхо, и повсюду появлялись раньше нашихъ; партійный духъ и злорадство придавали имъ крылья. Слухи, что французская армія потерпѣла пораженіе, приходили со всѣхъ сторонъ и вызывали повсюду броженіе и подъёмъ духа. Если бы эти извѣстія оправдались, прусскіе партизаны возымѣли бы смѣлость напасть на Дрезденъ и наводнили бы нижнюю Германію; Тироль возсталъ бы во второй разъ, Испанія ободрилась бы, и, наконецъ, Англія могла бы высадиться на островѣ Вальхеренъ [1]), и принять личное участіе въ войнѣ, въ которой до сихъ поръ ограничивалась денежной помощью.

Въ Россіи, единственномъ независимомъ государствѣ, которое именовало себя нашимъ союзникомъ, но у котораго слово расходилось съ дѣломъ, впечатлѣніе мѣнялось въ зависимости отъ среды. Петербургскіе салоны испускали торжествующіе клики, поведеніе же царя и его приближенныхъ представляло полный контрастъ съ поведеніемъ общества. Хотя и можно думать, что неудачи Наполеона не огорчали его,—по крайней мѣрѣ, судя по извѣстнымъ намъ словамъ, сказаннымъ Александромъ по секрету въ началѣ кампаніи,—однако, проявляемыя имъ чувства были въ строгомъ соотвѣтствіи съ требованіями союза. Онъ даже воспользовался этимъ благопріятнымъ случаемъ, чтобы удвоить дешевыя увѣренія, на которыя никогда не скупился.

По прибытіи австрійскихъ бюллетеней онъ не говорилъ ни слова и выжидалъ. Лишь только извѣстія изъ французскихъ источниковъ исправили австрійскія, онъ написалъ Коленкуру записку, желая оказать ему любезность и ободрить его [2]). Онъ

---

[1]) Въ Голландіи, въ устьѣ Шельды. (Прим. пер.)

[2]) Эта записка слѣдующаго содержанія: „Въ настоящую минуту, генералъ, я только-что получилъ эстафетой, изъ Дрездена, копію съ письма „Шампаньи къ Бургуэну (Bourgoing, французскій посланникъ въ Саксоніи), „въ которомъ говорится о славномъ дѣлѣ; изъ Кенигсберга я также получилъ копію съ письма Сенъ-Марзана (французскій посланникъ въ Пруссіи) „къ Гольцу, которыя я спѣшу, генералъ, послать вамъ, и которыя доказываютъ, „что дѣло происходило совершенно не такъ, какъ австрійцы стараются его „представить. Весь вашъ Александръ“. Archives nationales, AF, IV, 1698

отправилъ Наполеону новое письмо съ третьимъ флигель-адъютантомъ. «Австрійцы,—писалъ онъ,—только-что распространили слухи о своихъ успѣхахъ. Привыкши видѣть въ Вашемъ Величествѣ величайшаго генія, я мало вѣрю этому»[1]). Далѣе, онъ увѣрялъ, что, чтобы ни случилось, его чувства останутся неизмѣнными и его вѣрность «устоитъ предъ событіями»[2]).

Когда онъ узналъ всѣ подробности дѣла, онъ воздалъ самую изысканную дань уваженія геройству нашихъ войскъ. Онъ оплакивалъ столько храбрыхъ, павшихъ на полѣ битвы. Судьба Ланна, о которомъ онъ пока зналъ только то, что тотъ раненъ и ампутированъ, внушала ему особенное участіе. «Клянусь вамъ,—говорилъ онъ Коленкуру,—я такъ огорченъ несчастьемъ, постигшимъ маршала Ланна, какъ будто бы онъ былъ мнѣ близкимъ человѣкомъ. Прошу васъ, генералъ, передать это Императору; я продумалъ объ этомъ всю ночь. Для нашихъ генераловъ должно послужить особымъ примѣромъ, что маршалъ, покрытый уже двадцатью пятью ранами, потерпѣлъ увѣчье на полѣ чести Вы доставите мнѣ особое удовольствіе, если найдете случай передать герцогу Монтебелло*) объ участіи, которое я принимаю въ его славномъ несчастіи»[3]). Онъ дошелъ до того, что восторгался всей нашей расой, и, нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ порывѣ былъ искреннимъ. Его душа, по природѣ благородная, трепетала при разсказѣ о славныхъ подвигахъ. Въ этотъ мигъ, когда Франція воплощала въ его глазахъ храбрость, честь, доблесть истинныхъ мужей, онъ чувствовалъ себя связаннымъ съ нами безсознательными симпатіями, восхищался и преклонялся предъ столь высокимъ героизмомъ. «Я всегда любилъ вашу націю,—говорилъ онъ;—мнѣ думается, что даже въ то время, когда мы съ вами воевали, я предпочиталъ васъ австрійцамъ. Я выражалъ участіе къ судьбѣ австрійцевъ въ видахъ политическаго равновѣсія; но, какъ человѣкъ, я не забылъ 1805 г., когда мы могли только жаловаться на нихъ. Ваша нація обладаетъ энергіей; у всѣхъ у васъ—душа, самолюбіе, честь. Мнѣ по душѣ это!»[4]).

---

1) Письмо, опубликованное нами въ Revue de la France moderne, juin 1890.

2) Донесеніе отъ 14 іюня.

*) Титулъ маршала Ланна. (Прим. перев.)

3) Донесеніе отъ 14 іюня.

4) Id.

«— Комплименты и фразы не арміи,—а обстоятельства требовали армій» [1]),—таковы были суровыя, но заслуженныя слова, съ которыми Наполеонъ принялъ увѣренія Александра въ неизмѣнной дружбѣ и вѣрности своимъ обязательствамъ,—увѣренія, противъ которыхъ говорило уже то, что его солдаты оставляли насъ на произволъ судьбы. Въ началѣ кампаніи, во время своего стремительнаго движенія на Вѣну, императоръ не могъ составить себѣ яснаго представленія о томъ, что́ дѣлалось на Сѣверѣ. Благодаря тому, что свѣдѣнія оттуда не отличались точностью, да и задерживались, ему трудно было разобраться въ сбивчивыхъ и противорѣчивыхъ донесеніяхъ. Быстрое движеніе Понятовскаго на Галицію, хотя онъ и самъ совѣтовалъ это, привело его въ недоумѣніе. Какимъ это образомъ,—думалъ онъ,—передвигались поляки съ такой смѣлостью и ловкостью съ одной стороны между численно-превосходившей ихъ арміей Фердинанда, а съ другой стороны между арміей Голицына, который долженъ былъ предоставить имъ роль только вспомогательныхъ войскъ и руководить кампаніей? Гдѣ же эрцгерцогъ? Что дѣлаютъ русскіе? Только въ послѣднихъ числахъ мая, послѣ Эслинга, когда императоръ покинулъ островъ Лобау, заваленный ранеными и умирающими, и снова устроился на правомъ берегу, въ Эберсдорфѣ, въ центрѣ своей еще взволнованной и потрясенной крупной неудачей арміи, донесенія Понятовскаго, въ связи съ донесеніями Коленкура, окончательно открыли ему глаза и подняли передъ нимъ завѣсу. Въ то же время онъ узналъ, что Шварценбергъ не уѣхалъ изъ Петербурга еще и теперь, мѣсяцъ спустя послѣ открытія враждебныхъ дѣйствій; что русское посольство оставалось въ Вѣнѣ до самаго отъѣзда оттуда австрійскаго правительства. По всѣмъ этимъ признакамъ онъ понялъ, что русскіе, ничего не сдѣлавъ до сихъ поръ, добровольно потерявъ два мѣсяца, никогда не окажутъ ему надлежащаго содѣйствія. Увѣренность въ ихъ измѣнѣ была для него особенно чувствительна на другой день послѣ неудачи, въ тѣ часы испытанія, когда познается истинная преданность. Тогда-то сразу исчезъ тотъ небольшой остатокъ довѣрія, который онъ, несмотря на слѣдующія одно за другимъ разочарованія, сохранялъ къ своему союзнику. Болѣе недовѣрчивый, болѣе проницательный, чѣмъ его посланникъ,

---

[1]) Шампаньи Коленкуру, 2 іюня.

который все еще вѣрилъ въ прямодушіе царя и слагалъ отвѣтственность за проволочки на его подчиненныхъ, онъ идетъ прямо къ истинѣ, ясно проникаетъ въ игру Александра, какъ будто самъ присутствовалъ при его разговорахъ съ Шварценбергомъ, и произноситъ надъ его искренностью смертельный приговоръ. По его мнѣнію, важно, чтобы Коленкуръ зналъ этотъ приговоръ, дабы, въ зависимости отъ этого, установить свое поведеніе и свои разговоры. Наполеонъ приказываетъ Шампаньи написать посланнику достопримѣчательное письмо. Это въ одно время и изліянія души и инструкція. Въ немъ прежде всего говорятъ гнѣвъ и негодованіе, и только въ концѣ политика вступаетъ въ свои права и излагаетъ свои требованія [1]).

«Господинъ посланникъ—пишетъ Шампаньи 2 іюня,—Императору угодно, чтобы я не оставлялъ васъ въ невѣдѣніи относительно того, что послѣднія событія сильно подорвали въ немъ вѣру въ союзъ съ Россіей, и что онъ видитъ въ нихъ указанія на недобросовѣстность русскаго кабинета. До сихъ поръ не было еще случая, чтобы желали удерживать при себѣ посланника той державы, которой объявлена война... Шесть недѣль прошло, а русская армія еще не тронулась съ мѣста, тогда какъ австрійская занимаетъ великое герцогство, какъ одну изъ своихъ провинцій.

«Сердце Императора ранено; вотъ почему онъ не пишетъ императору Александру. Онъ не можетъ засвидѣтельствовать ему довѣрія, котораго уже не питаетъ. Онъ ничего не говоритъ, не жалуется; онъ таитъ въ себѣ свое неудовольствіе, но онъ не придаетъ уже цѣны союзу съ Россіей... Сорокъ тысячъ человѣкъ, которые Россія могла бы послать въ великое герцогство, оказали бы дѣйствительную услугу, и, по крайней мѣрѣ, поддержали бы нѣкоторую иллюзію на тѣнь союза.

«Императору угодно было, чтобы я написалъ вамъ эти слова, вмѣсто того, чтобы посылать десять страницъ инструкцій. Ему угодно,чтобы вы считали прежнія инструкціи уничтоженными. Поступайте сообразно обстоятельствамъ и ни какимъ способомъ не вмѣшивайтесь въ дѣла Россіи со Швеціей и Турціей. Исполняйте ваши обязанности посланника съ достоинствомъ и будьте лю-

---

[1]) Часть этого письма была опубликована Armand Lefervre'омъ въ Histoire des cabinets de l'Europe pendant le Consulat et l'Empire, t. IV, p. 211.

безны. Дѣлайте только то, что вамъ необходимо дѣлать,—но чтобы не было замѣчено никакой перемѣны ни въ вашихъ дѣйствіяхъ, ни въ вашемъ поведеніи. Пусть русскій дворъ будетъ по-прежнему доволенъ вами, такъ же, какъ и вы должны дѣлать видъ, что довольны имъ; именно вслѣдствіе того, что Императоръ уже не вѣритъ въ союзъ съ Россіей, для него еще болѣе важно, чтобы вся Европа вѣрила въ союзъ, въ которомъ онъ самъ разочаровался. Уничтожьте это письмо тотчасъ же по прочтеніи, чтобы отъ него не осталось и слѣда» [1]).

Итакъ, хотя императоръ воздерживался отъ всякой жалобы, отъ всякаго обвиненія, отъ всякаго слова, способнаго вызвать объясненія съ Петербургомъ, такъ какъ слухъ объ этомъ распространился бы по всей Европѣ и преждевременно обнаружилъ бы перемѣну въ отношеніяхъ, но фактически онъ покончилъ съ союзомъ. Онъ предписалъ Коленкуру занять строго-нейтральное, но изысканно-вѣжливое положеніе. Онъ не хочетъ болѣе ни самъ просить, ни оказывать какой бы то ни было услуги. Онъ устраняетъ себя отъ всѣхъ дѣлъ, которыя взялъ на себя въ угоду Россіи; повсюду возвращаетъ себѣ свободу дѣйствій и воздерживается отъ новыхъ обязательствъ. Не думаетъ ли онъ измѣнить до основанія свою политику тотчасъ же, какъ только будетъ окончена кампанія съ Австріей? Не думаетъ ли вернуться къ традиціямъ нашей старой политики,— вновь завязать сношенія со Швеціей и Турціей и создать изъ этихъ двухъ государствъ, спаянныхъ съ возстановленной Польшею, свои точки опоры на сѣверѣ? Не намѣревается ли онъ предложить австрійцамъ, которымъ онъ послалъ нѣсколько миролюбивыхъ словъ [2]), примиреніе на полѣ битвы? Однимъ словомъ, не склоняется ли онъ къ мысли отречься отъ принциповъ Тильзита и положить въ основу своей дѣятельности совсѣмъ противоположные? Повидимому, такія мысли впервые промелькнули въ его охваченной горечью душѣ;

---

[1]) Два дня спустя, императоръ возвращался верхомъ изъ Эберсдорфа въ Шенбрунненъ. Онъ ѣхалъ шагомъ по пыльной и выжженой солнцемъ дорогѣ, сопровождаемый на нѣкоторомъ разстояніи своей свитой и имѣя подлѣ себя только генерала Савари. Вдругъ онъ открылся ему, заговорилъ о Россіи, далъ волю своей скорби и своему раздраженію. „Какой тамъ союзъ!"—сказалъ онъ, и прибавилъ, намекая на явную или скрытую вражду всѣхъ государей стараго режима: „Они всѣ назначили себѣ свиданіе на моей могилѣ, да не смѣютъ собраться". Mémoires de Rovigo. IV, 145.

[2]) Beer, 421—422; Metternich, I, 75—76.

но онѣ пронеслись въ ней какъ молнія, не задерживаясь и не принимая опредѣленной формы.

Дѣйствительно, шесть дней спустя, въ то время, когда островъ Лобау покрывался щетиной ретраншементовъ, когда Массена и Даву́ держались противъ непріятеля на Дунаѣ, когда наши войска изъ Италіи и Далмаціи спѣшили черезъ Альпы, чтобы присоединиться къ арміи, пришло извѣстіе, что наконецъ-то русскіе тронулись. Правда, Голицынъ еще не вступилъ въ Галицію, но онъ только-что выпустилъ прокламацію о своемъ вступленіи. Послѣдній изъ присланныхъ царемъ флигель-адъютантовъ утверждалъ въ самыхъ категорическихъ выраженіяхъ, что походъ начался, и теперь все двинулось. Императоръ тотчасъ же распространяетъ вѣсть объ этомъ; онъ помѣщаетъ ее въ дневномъ приказѣ по арміи, въ самомъ началѣ XVII-го бюллетеня [1]). Онъ думаетъ, что слухъ о вступленіи русскихъ въ Галицію, каково бы ни было его истинное значеніе, можетъ ободрить нашихъ союзниковъ, что онъ помѣшаетъ ихъ отпаденію и устрашитъ Австрію, которая съ каждымъ днемъ становится все болѣе несговорчивой и озлобленной. Итакъ, Наполеонъ видитъ еще нѣкоторую пользу въ союзѣ съ Россіей, и, невзирая ни на что, снова ухватывается за мысль сохранить его, какъ основной элементъ своей системы. Онъ тотчасъ же возобновилъ и поддерживаетъ прежнія отношенія съ Россіей, такъ что никто, кромѣ него самого, не уловилъ пронесшихся въ его умѣ мыслей, — его желанія грубо порвать съ принципами Тильзита и новаго возврата къ нимъ; но съ этого времени онъ будетъ смотрѣть на эти отношенія съ иной, новой точки зрѣнія.

Въ глубинѣ души, онъ остается подъ впечатлѣніемъ, которое такъ ясно выразилось въ письмѣ отъ 2 іюня. Онъ не вѣритъ болѣе въ союзъ, т. е., не ждетъ отъ Россіи дѣйствительнаго и практически-полезнаго содѣйствія. Онъ сознаетъ, что не въ мѣру понадѣялся на Александра, обольщая себя надеждою всецѣло втянуть его въ свою борьбу. Онъ понимаетъ, что во всякомъ кризисѣ, подобномъ тому, который только-что разразился, Франція должна разсчитывать только на самое себя; что въ нужное время Россія никогда не придетъ на выручку. Но эта матеріальная помощь, на которую онъ никогда не воз-

[1]) Corresp., 15316.

лагалъ твердой надежды, не составляла единственной выгоды, которую онъ хотѣлъ извлечь изъ Тильзита и Эрфурта. Можетъ быть, она вовсе не стояла у него на первомъ планѣ. Наибольшее значеніе Наполеонъ придавалъ моральному вліянію союза. Онъ видѣлъ въ немъ могучее средство устрашенія, средство держать въ почтеніи Германію и изолировать Англію. Онъ былъ убѣжденъ, что, пока франко-русскій союзъ будетъ существовать, хотя бы только по виду, остальной континентъ не рѣшится возстать цѣликомъ; что даже въ томъ случаѣ, если услуги царя ограничатся простыми демонстраціями, попытки возмущенія будутъ имѣть характеръ только частичныхъ мѣстныхъ вспышекъ. Если, какъ думалъ онъ, теперь и доказано, что требовать бóльшаго отъ Александра было бы несбыточной мечтой, тѣмъ не менѣе ихъ чисто-внѣшнее, исключительно платоническое согласіе будетъ несомнѣнно полезно, лишь бы общественное мнѣніе было введено въ обманъ и принимало призракъ за дѣйствительность. Даже тѣнь дружбы между Наполеономъ и Александромъ можетъ сдерживать нашихъ враговъ, заставитъ ихъ спрятать свою злобу и умѣритъ ихъ сопротивленіе. Итакъ, необходимо поддерживать «призракъ союза», который выдвигаетъ на сцену появленіе русскихъ въ Галиціи, не только до пораженія Австріи, но и до мира съ Англіей. Поэтому всѣ усилія Наполеона, насколько онъ найдетъ ихъ совмѣстимыми съ другими требованіями его политики, будутъ направлены къ тому, чтобы сохранить его.

Съ этой цѣлью онъ предписываетъ Коленкуру дѣйствовать въ прежнемъ духѣ. Онъ позволяетъ ему содѣйствовать столь желаемому въ Петербургѣ миру со Швеціей; поручаетъ ему настаивать, чтобы диверсія въ Галиціи была, насколько возможно, серьезна и продуктивна. Съ своей стороны, онъ прекрасно обходится съ тремя флигель-адъютантами царя и окружаетъ ихъ исключительной заботливостью. Конечно, ему непріятно, что Александру совершенно неизвѣстно о его неудовольствіи. Поэтому онъ выказываетъ къ нему нѣкоторую холодность, заставляетъ ждать отвѣта на три письма; но это молчаніе—его единственный упрекъ. Правда, онъ ставитъ въ вину командному составу въ Россіи его неспособность и вялость, но при этомъ всегда дѣлаетъ видъ, что ему и на умъ не приходитъ подозрѣвать въ недобросовѣстности самого государя. Онъ приказываетъ своему министру передать, что его личныя чув-

ства къ царю нисколько не измѣнились. Въ новыхъ письмахъ, отправленныхъ посланнику съ русскими курьерами и, слѣдовательно, предназначенныхъ пройти черезъ руки малостѣсняющейся русской полиціи, Шампаньи возвращается къ стилю Тильзита и Эрфурта. На увѣренія царя онъ отвѣчаетъ въ томъ же тонѣ; онъ пользуется его словами и даже выраженіями. «Ваше Величество,—твердилъ Александръ императору,—всегда найдетъ во мнѣ союзника и вѣрнаго друга» [1]). — «Чувства императора Александра, — отвѣчаетъ Шампаньи, — вполнѣ раздѣляются Его Величествомъ, который можетъ только поздравить себя, что имѣетъ столь вѣрнаго союзника и, смѣю сказать, столь же искренняго друга» [2]).

Но какъ примирить Наполеону несовмѣстимыя вещи,—свои медовыя рѣчи съ безспорнымъ разногласіемъ, которое грозитъ возникнуть изъ-за возрождающейся Польши? Наполеонъ останавливается на осторожной и двойственной игрѣ. Онъ и теперь не допускаетъ мысли о несовмѣстимомъ съ русскимъ союзомъ полномъ возстановленіи Польши; но такъ какъ энергичное участіе поляковъ въ военныхъ дѣйствіяхъ служитъ для него средствомъ борьбы и диверсіи противъ Австріи, то онъ не хочетъ охладить ихъ пылъ, не хочетъ вывести изъ заблужденія населеніе великаго герцогства и Галиціи. Онъ поздравляетъ и награждаетъ ихъ начальниковъ и не протестуетъ ни противъ патріотическихъ воззваній, сдѣланныхъ Понятовскимъ отъ его имени, ни противъ его прокламацій и дневныхъ приказовъ; но при этомъ воздерживается отъ всякаго обѣщанія, которое могло бы набросить на него тѣнь въ глазахъ Россіи. Онъ даже заботится успокоить ея тревогу. Такъ, вмѣсто того, чтобы признать возставшую часть Галиціи автономной провинціей, онъ приказываетъ, чтобы она была занята и управлялась его именемъ; чтобы власти присягали ему, Императору и Королю; чтобы эмблемы Австріи были повсюду замѣнены французскими орлами; чтобы ополченіе Галиціи украсилось трехцвѣтной кокардой. По его мнѣнію, такой захватъ правъ на владѣніе—неизбѣжно переходнаго характера—будетъ имѣть ту выгоду, что въ будущемъ ни къ чему его не обязываетъ, ни у кого не отнимаетъ надеждъ, не оправдываетъ ничьихъ опасеній. Этой предосторожностью Наполеонъ

---

[1]) Письма, указанныя на страницѣ 82.

[2]) Шампаньи Коленкуру, 10 іюля 1809 г.

хотѣлъ предупредить возникновеніе между нимъ и Россіей вопроса о Галиціи теперь же, въ остромъ его періодѣ. Затрудняясь разрѣшить его въ данный моментъ, онъ откладываетъ его на будущее время, до мира съ Австріей. Онъ откладываетъ заботу найти выходъ, который позволилъ бы ему, не теряя довѣрія поляковъ, успокоить Александра до того момента, когда онъ покончитъ съ эрцгерцогомъ Карломъ и окончитъ кампанію блестящимъ ударомъ. Въ настоящую же минуту его главная забота—побѣдить.

Для того, чтобы сломить Австрію и снова возстановить свое вліяніе въ Европѣ, ему необходима блестящая побѣда. Онъ подготовляетъ ее шесть недѣль. Онъ горитъ нетерпѣніемъ отомстить за Эслингъ, но не торопится, ничего не дѣлаетъ на-авось, выжидаетъ благопріятной минуты — онъ умѣетъ ждать. Всякій день отмѣченъ грозными приготовленіями. Чтобы снова перейти на лѣвый берегъ, армія должна имѣть опорный пунктъ на Лобау. Поэтому императоръ создаетъ изъ острова крѣпость, арсеналъ и складъ лѣсныхъ матеріаловъ. Чтобы обезпечить успѣхъ переправы, онъ собираетъ здѣсь громадное количество всевозможныхъ средствъ. Пылкій полководецъ принуждаетъ себя къ кропотливымъ занятіямъ ремесленника, дѣлается инженеромъ, механикомъ, понтонеромъ. Онъ изобрѣтаетъ новыя сооруженія, которыя должны обезпечить намъ власть надъ рѣкой и охранить насъ отъ ея бурныхъ порывовъ. Въ то же время онъ пополняетъ и усиливаетъ свою армію. Онъ притягиваетъ къ Вѣнѣ только-что одержавшія побѣду при Раабѣ войска Евгенія и корпуса Макдональда и Мармона. Все, что онъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи талантливаго, преданнаго—всѣ свои военныя силы—онъ собираетъ на тѣсномъ пространствѣ, тамъ, гдѣ должна рѣшиться судьба войны. Лишь тогда, когда онъ приметъ всѣ мѣры, всѣ предосторожности, когда, благодаря силѣ своего искусства и предусмотрительности, сдѣлаетъ успѣхъ вполнѣ обезпеченнымъ, онъ возобновитъ неудавшуюся ему 21 мая операцію. Тогда, перейдя рѣку на избранномъ, изученномъ, заблаговременно подготовленномъ для переправы мѣстѣ, предписывая врагу часъ и поле битвы, онъ нападетъ на него и поразитъ его навѣрняка.

II.

Когда русскіе, наконецъ-то, начали кампанію, вся энергія, вся мощь Франціи были пущены въ ходъ, чтобы оправиться отъ тяжелаго удара и собраться съ силами для новаго стремительнаго натиска. Приказъ о выступленіи былъ отосланъ Голицыну 18 мая. 3 іюня, по прошествіи 53 дней съ открытія враждебныхъ дѣйствій, три дивизіи четырехъ-полковаго состава съ квартирмейстерской частью и кавалерійскимъ резервомъ, всего отъ сорока до сорока пяти тысячъ человѣкъ, перешли границу и въ нѣсколькихъ пунктахъ вступили въ Галицію, занятую уже польскими войсками.

Какъ ни была недостаточна и какъ ни запоздала эта помощь, она могла имѣть свою цѣну, могла оказать вліяніе, если не на успѣхъ всей кампаніи, то, по крайней мѣрѣ, на взаимное положеніе сторонъ въ бассейнѣ Вислы. Повидимому, она пришла болѣе чѣмъ кстати, такъ какъ совпала съ нападеніемъ на польскія войска вернувшагося назадъ непріятеля. Вторженіе поляковъ въ Галицію въ тылу арміи эрцгерцога Фердинанда заставило его вернуться обратно. Онъ отступилъ на Варшаву, затѣмъ, 2 іюня очистилъ Варшаву и, пройдя по лѣвому берегу Вислы, вверхъ по ея теченію, вступилъ въ Галицію и сталъ фронтомъ къ занятымъ Понятовскимъ на противоположномъ берегу Вислы территоріямъ. Эрцгерцогъ хотѣлъ переправиться черезъ рѣку и прогнать поляковъ съ занятой ими территоріи. Онъ началъ съ нападенія на Сандоміръ. Обладаніе этимъ городомъ, расположеннымъ по обѣ стороны рѣки, дало бы ему возможность дѣйствовать и на томъ и на другомъ берегу. Какъ и бóльшая часть польскихъ городовъ, Сандоміръ былъ плохо укрѣпленъ и не былъ въ состояніи выдержать продолжительной осады. Полуразвалившіяся отъ времени стѣны были единственнымъ его укрѣпленіемъ. Получивъ извѣстіе объ угрожающей городу опасности, Понятовскій спѣшно прибылъ съ бóльшею частію своихъ войскъ, и занялъ позицію въ недалекомъ разстояніи отъ Сандоміра, на правомъ берегу Вислы до впаденія Сана. Занимая эту мѣстность онъ имѣлъ возможность двинуться къ городу и оказать ему помощь, но только при условіи, что нѣсколько русскихъ отрядовъ присоединятся къ

нему, и, занявъ мѣсто въ боевой линіи, пополнятъ численный недостатокъ его силъ.

Но русскіе подвигались съ приводящей въ отчаяніе медлительностью. Съ каждымъ днемъ ихъ переходы дѣлались короче, зато стоянки продолжительнѣе. Черезъ каждые три дня они отдыхали, по меньшей мѣрѣ, день; какъ будто всѣ ихъ усилія были направлены къ потерѣ времени. Ихъ отряды блуждали на удачу, безъ всякаго опредѣленнаго плана, выбирая всегда самый длинный путь и заботясь о томъ, чтобы заблудиться. Тонъ офицеровъ и ихъ манера держать себя дышали крайнимъ недоброжелательствомъ. Наиболѣе откровенные сознавались напрямикъ, что они съ ненавистью смотрятъ на войну съ Австріей и, насколько возможно, будутъ воздерживаться отъ участія въ ней. Когда Понятовскій—если довѣрять польскимъ разсказамъ—посылалъ къ Голицыну своихъ адъютантовъ, прося его поторопиться, русскій генералъ посылалъ начальникамъ дивизій предписанія, вполнѣ отвѣчающія желаніямъ Понятовскаго, но, вслѣдъ затѣмъ, тайно отправлялъ отмѣну приказаній [1]).

Впрочемъ, 12 іюня довольно сильный отрядъ, подъ начальствомъ генерала Суворова, сына знаменитаго генералиссимуса, имя котораго осталось синонимомъ быстроты и натиска, прибылъ на Санъ и сталъ въ самомъ недалекомъ разстояніи отъ поляковъ, позади нихъ. Въ этотъ же самый день австрійцы переправились черезъ Вислу, и, отрѣзавъ Сандоміръ отъ всякаго сообщенія, пошли на Понятовскаго и штурмовали его позиціи. Битва была ожесточенная. Храбрые поляки, изъ чего только могли, создавали врагу препятствіе, задерживались за всякой складкой почвы, и, переходя по временамъ въ нападеніе, стремительными атаками въ штыки приводили въ замѣшательство своего противника. Въ продолженіе всего дня они удерживали свои позиціи; но держаться еще хотя бы нѣсколько дней, а тѣмъ болѣе оттѣснить врага и освободить городъ, безъ поддержки русскихъ, они не могли.

Понятовскій умолялъ Суворова о помощи, но тотъ на его горячія и настойчивыя просьбы долго не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. Наконецъ, онъ пообѣщалъ отдать приказаніе одной изъ своихъ бригадъ перейти на другую сторону Сана,

---

1) Soltyk, 253.

чтобы, подкрѣпивъ и удлиннивъ лѣвое крыло поляковъ, отвлечь на себя правое крыло австрійцевъ и обойти его. Движеніе русскихъ уже началось; приготовленія къ переправѣ были сдѣланы, мостъ переброшенъ, какъ вдругъ умомъ генерала Сиверса, который командовалъ бригадой, овладѣло большое смущеніе. Дѣло въ томъ, что былъ понедѣльникъ—день, считающійся несчастнымъ у русскихъ. При такихъ дурныхъ предзнаменованіяхъ слѣдовало воздержаться отъ всякаго серьезнаго дѣла. Обѣщанное содѣйствіе было отложено до завтра. Но на слѣдующій день оказалось, что генералъ Сиверсъ затерялъ свой Георгіевскій крестъ,—новое знаменіе свыше, предостерегающее русскихъ не искушать судьбы. Бригада осталась на мѣстѣ. Понятовскій понялъ, что его предательски оставили одного. Взбѣшенный, онъ далъ сигналъ къ отступленію, отвелъ свою армію за Санъ, а самъ помчался въ Люблинъ, гдѣ находилась главная квартира Голицына. Удаляясь, онъ слышалъ, какъ пушки изъ находящагося въ отчаянномъ положеніи Сандоміра отвѣчали все рѣже, что указывало на предсмертную агонію крѣпости [1]).

Въ Люблинѣ онъ говорилъ, что требуется безотлагательная помощь, что иначе гибель города неминуема. Но опять натолкнулся на отмалчиванія и отказы. Все, чего онъ могъ добиться,—было обѣщаніе, что императорская армія переправится черезъ Санъ 21 числа. 18-го Сандоміръ сдался, такъ какъ Голицынъ не двинулъ на помощь городу ни одного человѣка; вся помощь его дивизій свелась къ тому, что своимъ присутствіемъ онѣ прикрыли отступленіе польской арміи. «Предательское поведеніе!»—воскликнулъ Наполеонъ, узнавъ объ этихъ сценахъ, и, въ порывѣ негодованія, не могъ удержаться, чтобы не приказать Коленкуру сдѣлать самыя сильныя представленія. «Итакъ, велѣлъ онъ написать ему, присоединеніе русскихъ къ польской арміи ознаменовалось лишь поворотомъ къ худшему и потерею того, что поляки одни сумѣли завоевать и до сихъ поръ удерживали!» Правда, что, оставаясь вѣрнымъ системѣ — никогда не обвинять самого Александра—онъ тотчасъ же прибавилъ: «Безъ сомнѣнія, не таковы были намѣренія императора Александра; но слѣдуетъ, чтобы

---

[1]) Soltyk, 283—293. Correspondance de M. Serra (этотъ агентъ находился въ польскомъ лагерѣ). Письмо Понятовскаго Коленкуру, 5 іюля 1810 г. Archives des affaires étrangères, Russie, 149.

онъ зналъ, какъ были исполнены его предначертанія. Доставить ему случай проявить свою власть, значитъ оказать ему истинную услугу» [1]). Впрочемъ, и въ настоящемъ случаѣ Голицынъ не сдѣлалъ ничего иного, какъ только придалъ ограничительный смыслъ приказаніямъ, которыя предоставляли полную свободу его недоброжелательству, ибо въ его инструкціяхъ говорилось: «Во всякомъ случаѣ предписывается вамъ избѣгать совмѣстныхъ дѣйствій съ польскими войсками и оказывать имъ содѣйствіе только косвеннымъ путемъ» [2]).

Очевидно было, что русскіе не желали сражаться рядомъ съ поляками. Но нельзя ли было устроить такъ, чтобы обѣ арміи, если ужъ онѣ не могли дѣйствовать совмѣстно, дѣйствовали, по крайней мѣрѣ, параллельно, въ разныхъ районахъ? Послѣ переговоровъ съ Голицынымъ Понятовскій рѣшилъ перейти со своими солдатами на лѣвый берегъ Вислы. При этомъ предполагалось, что войска царя останутся на правомъ берегу, возьмутъ на себя трудъ довершить оккупацію уже возставшихъ частей Галиціи и оттѣснятъ отсюда непріятеля, какъ можно дальше.

Взявъ на себя эту задачу, русскіе исполняли ее крайне своеобразно. Прежде всего, они предоставили австрійцамъ разбросать по всей странѣ летучіе отряды и снова занять Львовъ и другіе города. Но если ужъ они не помѣшали набѣгу австрійцевъ, они могли, по крайней мѣрѣ, заставить ихъ жестоко поплатиться за это. Ничего не было легче, какъ отрѣзать и окружить отряды, дерзнувшіе внѣдриться въ густыя русскія массы. Но русскіе позволяли австрійцамъ свободно передвигаться, проскальзывать между своими колоннами и совершать эволюціи съ такой увѣренностью въ безопасности, какъ будто дѣло происходило на маневрахъ; какъ будто съ той и другой стороны было дано слово избѣгать встрѣчъ и скрещивать оружіе. Если австрійцы двигались въ какую-либо сторону, русскіе тотчасъ же направлялись въ противоположную, такъ что,—писалъ Понятовскій,—«достаточно было узнать намѣренія одной изъ армій, чтобы, на основаніи этого, заранѣе знать, что предполагаетъ сдѣлать другая» [3]). Если замѣчали другъ друга, то

---

[1]) Шампаньи Коленкуру, 10 іюля 1809 г.

[2]) Румянцевъ Голицыну, 18 мая 1809 г. Archives de Saint-Pétersbourg.

[3]) Предыдущее письмо Понятовскаго Коленкуру.

не хотѣли пожертвовать и однимъ зарядомъ. За все время одинъ только разъ, вблизи Увланокъ, обмѣнялись нѣсколькими выстрѣлами, и то по ошибкѣ. Австрійцы плохо разглядѣли русскіе мундиры, и думали, что имѣютъ дѣло съ поляками. Ихъ офицеръ тотчасъ же прислалъ Голицыну свои извиненія за невольную ошибку; по случаю одного убитаго и двухъ раненыхъ было выражено сожалѣніе [1]). Когда встрѣчались кавалерійскіе патрули, они спокойно поглядывали другъ на друга; люди спѣшивались, лошадей разсѣдлывали и разнуздывали. Затѣмъ, чтобы скоротать скуку совсѣмъ ненужной службы, начинали сходиться, вступали въ разговоры, и нерѣдко можно было застать австрійцевъ и русскихъ, расположившихся «скрѣплять свое доброе согласіе совмѣстной выпивкой» [2]). Эти знаменательные факты, въ связи съ постоянными посылками парламентёровъ и хожденіемъ изъ одной главной квартиры въ другую, были вполнѣ достаточны, чтобы выдать самому непроницательному наблюдателю заранѣе условленную между обѣими сторонами игру и ихъ тайное вѣроломное соглашеніе.

Дѣйствительно, путемъ тайныхъ переговоровъ произошло соглашеніе по извѣстнымъ пунктамъ, и комедія разыгрывалась съ общаго согласія. Когда русскіе вступили въ Галицію, эрцгерцогъ Фердинандъ увѣдомилъ ихъ черезъ одного изъ своихъ офицеровъ, майора Фикельмонта, что они, какъ друзья, будутъ приняты въ странѣ австрійскаго императора, и выражалъ желаніе ознакомиться съ ихъ намѣреніями. Голицынъ отвѣтилъ, что онъ не можетъ не исполнить приказаній своего государя, а въ нихъ ему предписано занять край,—въ случаѣ надобности, силой, но только до Вислы. Такимъ образомъ, онъ, косвенно, въ видѣ намека, обязался не переходить рѣку, и, прежде чѣмъ вступить въ борьбу, по-христіански предупредилъ своего противника, что не будетъ доводить дѣла до серьезнаго столкновенія и будетъ соразмѣрять свои удары съ ударами противника.

Такое извѣщеніе, а также и любезности, которыми оно сопровождалось, вполнѣ могло успокоить австрійцевъ насчетъ истиннаго характера русскаго вмѣшательства. Но этого имъ было недостаточно. Въ виду того, что русскіе опредѣлили точную гра-

---

[1]) Rambaud, Histoire de Russie, p. 559.

[2]) Понятовскій Коленкуру, 5 іюля 1809 г.

ницу своихъ дѣйствій на западѣ, австрійцы желали добиться, чтобы таковая же была опредѣлена и на югѣ,—по дорогѣ въ Краковъ и въ центральныя части имперіи; напримѣръ, чтобы русскіе приняли за крайній предѣлъ своего похода одинъ изъ правыхъ притоковъ Вислы, одну изъ рѣкъ, которыя текутъ перпендикулярно къ Вислѣ,—напримѣръ, Санъ, Дунаецъ или Вислоку. Фикельмонтъ былъ вторично отправленъ въ русскую главную квартиру, чтобы устроить дѣло на этихъ основаніяхъ. Насчетъ Сана Голицынъ не хотѣлъ давать никакихъ обѣщаній. Однако, мы уже видѣли, какой вредъ причинило полякамъ продолжительное бездѣйствіе одной изъ дивизій Голицына передъ этой рѣкой. Наконецъ, онъ согласился считать чертой, раздѣляющей обѣ арміи,—Вислоку, лежащую въ нѣсколькихъ миляхъ къ югу. Онъ обѣщалъ, что въ настоящее время русскіе не будутъ переходить ее и пойдутъ къ ней, насколько возможно медленнѣе; австрійскія же войска будутъ отступать передъ ними, не сражаясь. Согласно этому условію, Голицынъ употребилъ недѣлю, чтобы пройти узкую полосу земли, которая раздѣляетъ оба притока. Подойдя къ Вислокѣ, онъ остановился и не двигался дальше [1]). Сверхъ того, въ областяхъ, которыя занимали царскіе солдаты, они держали себя не какъ враги Австріи, а скорѣе какъ ея уполномоченные. Они повсюду возстановляли австрійскія власти и національные цвѣта Австріи, изгоняли польскія и французскія эмблемы, запрещали присягать Наполеону [2]). Польскихъ патріотовъ преслѣдовали, поступали съ ними, какъ съ мятежниками. Какъ будто Россія заняла Галицію только для того, чтобы завести въ ней порядокъ отъ имени императора Франца, чтобы взять провинцію на храненіе по довѣренности законнаго владѣльца и сохранить ее въ цѣлости.

Такое поведеніе русскихъ приводило поляковъ въ отчаяніе не менѣе, чѣмъ ихъ двусмысленный способъ держать себя при встрѣчѣ съ непріятелемъ. Въ генеральномъ штабѣ Понятовскаго и въ государственномъ совѣтѣ герцогства, олицетворявшемъ высшую

---

[1]) Beer, 398—400. Wertheimer, Geschichte Oesterreichs und Ungarns im ersten Jahrzehnt des 19 Jahrhunderts, II, 354. по австрійскимъ документамъ, въ особенности по письмамъ эрцгерцога Фердинанда къ эрцгерцогу Карлу.

[2]) Soltyk, 283 и 298.

власть въ странѣ, громко говорили объ измѣнѣ. Съ невоздержностью въ мысляхъ и словахъ, свойственной польской націи, военные и штатскіе не довольствовались ссылками на истинные факты. Они ихъ преувеличивали, въ случаѣ надобности искажали, выдумывали несуществующіе и указывали на нихъ, кому слѣдуетъ. Они писали императору Наполеону, начальнику штаба Бертье, генералу Коленкуру. Они обращались и къ самому князю Голицыну съ протестами, въ которыхъ, подъ формой офиціальнаго заявленія, было плохо скрытое чувство жестокой непріязни. Съ своей стороны Голицынъ упрекалъ офицеровъ Понятовскаго за независимый образъ дѣйствій, за революціонные пріемы, за надежды, которыя они открыто высказывали и повсюду распространяли—даже за то, что они называли себя поляками, такъ какъ Россія не признавала за ними этого права. Результатомъ этого были язвительныя препирательства, словесная война, въ которой бросались въ лицо другъ другу справедливыя обвиненія, гдѣ каждый былъ и правъ и виноватъ.

Эти прискорбные инциденты, дойдя до Петербурга, усиливали и безъ того уже болѣзненную раздражительность въ столицѣ Россіи, и къ существующимъ затрудненіямъ Коленкура прибавляли все новыя затрудненія. Всѣ жалобы стекались къ посланнику, налагая на него обязанность поддерживать жалобы однихъ и отвѣчать на жалобы другихъ. Онъ долженъ былъ осуждать поведеніе русскихъ генераловъ и въ то же время защищать поляковъ,—задача тѣмъ болѣе неблагодарная, что онъ видѣлъ, какъ съ каждымъ днемъ возростало недовѣріе Александра. Направляя всѣ свои мысли на мучительный для него вопросъ о возстановленіи Польши, царь усматривалъ въ самыхъ незначительныхъ фактахъ симптомы возрожденія Польши или направленныя къ этой цѣли попытки. «Изъ того, что тамъ говорится, что пишется, что дѣлается,— говорилъ онъ, указывая на Галицію и на герцогство,—ничто не отвѣчаетъ духу союза. Необходимо, чтобы объяснились» [1]. Что же касается Румянцева — Польша буквально становилась его кошмаромъ. Монархъ и его совѣтникъ подпали подъ вліяніе ожесточеннаго общества, и всѣ усилія Коленкура успокоить ихъ были безсильны. Даже мѣры, на которыхъ остановился Наполеонъ, какъ на средствѣ успокоенія Рос-

[1]) Донесеніе Коленкура отъ 17 іюля.

сіи, достигали какъ разъ обратной цѣли: онѣ были приняты съ недовѣріемъ и истолкованы въ дурную сторону. Данный приказъ занять именемъ императора возставшіе округа Галиціи сильно оскорбилъ Александра. «Я не могу допустить, говорилъ онъ, чтобы на моей границѣ создавали французскую провинцію» [1]. Но, что въ особенности коробило его, это невниманіе къ нему императора, не отвѣчавшаго на его письма. Такое несоблюденіе общепринятыхъ формъ приличія оскорбляло и безпокоило монарха, который въ личныхъ сношеніяхъ со своимъ союзникомъ былъ утонченно-любезенъ. Молчаніе Наполеона, чѣмъ дольше оно тянулось, тѣмъ болѣе казалось ему зловѣщимъ предзнаменованіемъ и усиливало его недовѣріе.

Наконецъ 23 іюля пріѣхалъ въ Петербургъ флигель-адъютантъ Чернышевъ. Онъ прибылъ прямо съ поля сраженія при Ваграмѣ, гдѣ Наполеонъ держалъ его около себя весь день и надѣлъ на него орденъ Почетнаго Легіона [2]. Онъ привезъ съ собой письмо отъ императора. Наполеонъ полагалъ свою гордость въ томъ, чтобы его отвѣтъ царю былъ извѣщеніемъ о побѣдѣ. Онъ хотѣлъ заставить его почувствовать, что Франція. и предоставленная самой себѣ, сумѣла, тѣмъ не менѣе, преодолѣть всѣ препятствія. Это высокомѣрное намѣреніе проглядываетъ сквозь представленныя имъ извиненія; да и самыя извиненія были такого свойства, что только онъ одинъ могъ ихъ представить. «Мой Братъ, писалъ онъ, благодарю Ваше Императорское Величество за любезное вниманіе въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ. Я запоздалъ написать вамъ, потому что сперва я хотѣлъ написать вамъ изъ Вѣны. Но затѣмъ я рѣшилъ написать вамъ только тогда, когда прогоню австрійскую армію съ лѣваго берега Дуная. Битва при Ваграмѣ, о которой флигель-адъютантъ Вашего Величества, бывшій все время на полѣ сраженія, можетъ дать вамъ отчетъ, осуществила мои надежды...» [3].

Дѣйствительно, дни 5 и 6 іюля блестяще загладили неудачи при Эслингѣ. Наполеонъ свершилъ почти чудо, захвативъ врасплохъ непріятеля и выполнивъ операцію, которая была имъ предусмо-

---

1) Донесеніе Коленкура отъ 17 іюля.

2) „Я хотѣлъ бы заслужить его подлѣ императора, говорилъ Александръ, и получить его такимъ же способомъ, какъ и онъ“. Донесеніе Коленкура № 44, 26 іюля.

3) Corresp., 15508.

трѣна, подготовлена и назначена уже шесть недѣль тому назадъ. Сто семьдесятъ пять тысячъ австрійцевъ ожидало его на укрѣпленныхъ позиціяхъ между Асперомъ и Эслингомъ. Внезапно выйдя съ восточной стороны острова Лобау, онъ обманываетъ ихъ предположенія, быстро мѣняетъ фронтъ, опрокидываетъ верки, успѣваетъ перебросить сто пятьдесятъ тысячъ человѣкъ на лѣвый берегъ и развернуть ихъ перпендикулярно къ рѣкѣ, прежде чѣмъ австрійцы могли оказать ему сколько-нибудь серьезное сопротивленіе. Затѣмъ идетъ на армію эрцгерцога, которая должна была отступить на высоты Энцерсдорфа и Дейтшъ-Ваграма, и выбиваетъ ее изъ этой позиціи въ самомъ грозномъ сраженіи, какое только случалось ему до сихъ поръ имѣть. Побѣдой при Ваграмѣ онъ окончательно обезпечиваетъ за нами линію Дуная и отбрасываетъ австрійскія силы на окраины монархіи. Это громкое дѣло разрушаетъ воскресшія было надежды нашихъ враговъ, какъ тайныхъ, такъ и явныхъ, лишаетъ мужества Европу и бросаетъ ее къ его ногамъ.

Однако, въ Петербургѣ, гдѣ стояли вдали отъ театра военныхъ дѣйствій, гдѣ самое имя союзника давало возможность высказываться откровенно и независимо, настроеніе было слишкомъ приподнято, чтобы извѣстіе о нашихъ успѣхахъ могло охладить разыгравшіяся страсти и побудить отнестись, какъ слѣдуетъ, къ своимъ обязательствамъ. Тамъ все вниманіе сосредоточивалось на единственномъ предметѣ—на Польшѣ. Событія на Дунаѣ не отразились, сколько-нибудь серьезно, на событіяхъ на Вислѣ, тѣмъ болѣе, что вскорѣ послѣ Ваграма между варшавянами и русскими возникъ новый конфликтъ, болѣе важный, чѣмъ всѣ предыдущіе.

Съ тѣхъ поръ какъ Понятовскій, отдѣлившись отъ русскихъ, перенесъ на лѣвый берегъ свои силы и свою дѣятельность, его цѣлью сдѣлался Краковъ, расположенный въ сферѣ его военныхъ операцій. Онъ обѣщалъ этотъ городъ своимъ солдатамъ, какъ награду за ихъ усилія. Надежда на это придавала имъ мужество. Если Варшава была въ глазахъ поляковъ ихъ политической столицею, то Краковъ, полный воспоминаній о ихъ прошломъ величіи, былъ для нихъ священнымъ городомъ, обладаніе которымъ укрѣпило бы ихъ вѣру въ будущее и послужило бы залогомъ возрожденія. Какъ лестно было бы провозгласить возстановленіе отечества на могилахъ королей, которые поко-

ились въ древней столицѣ! Итакъ, войска Понятовскаго шли на Краковъ. Блестящая кавалерія, по обыкновенію, неслась галопомъ впереди, открывала непріятеля и завязывала съ нимъ безпощадный бой. Австрійцы не оказывали большого сопротивленія: ихъ цѣлью было не столько защищать галиційскія земли, сколько задержать всякую серьезную диверсію на Моравію, а самимъ тѣмъ временемъ приблизиться къ эрцгерцогу Карлу. Оттѣсненные послѣ многихъ стычекъ къ Кракову, они не находили нужнымъ удерживаться въ немъ. Какъ только поляки показались въ виду города, командовавшій расположенными въ городѣ войсками генералъ открылъ переговоры. Вечеромъ 14 іюля было заключено перемиріе на двѣнадцать часовъ, при чемъ было условлено, что австрійцы очистятъ городъ въ теченіе ночи, а войска Понятовскаго вступятъ въ него на слѣдующій день.

Въ лагерѣ поляковъ было всеобщее ликованіе. Охваченные чувствами гордости и радости показывали они другъ другу на величественный древній городъ, раскинувшій по обоимъ берегамъ Вислы свои древніе дворцы и сотни церквей. Глазами они уже владѣли имъ, и не сомнѣвались, что скоро онъ будетъ принадлежать имъ, такъ какъ враги отказались его у нихъ оспаривать. Они не приняли въ разсчетъ своихъ союзниковъ. Армія Голицына, хотя и находилась на другомъ берегу, далеко позади нихъ, наблюдала за всѣми ихъ движеніями съ ревнивымъ безпокойствомъ. Какъ только она увидала, что они приближаются къ Кракову, она встрепенулась при мысли отдать имъ столь драгоцѣнную добычу, и приняла мѣры, дабы наложить на нее свою руку раньше ихъ. Русскіе внезапно выступили изъ лагеря, возобновили свой прерванный походъ, перешли съ Вислоки на Дунаецъ, переправились черезъ него и бросились впередъ съ еще невиданной стремительностью. 14 іюля они были по сосѣдству съ Краковомъ. Русскіе задумали планъ—тайкомъ проникнуть въ городъ. Они хотѣли воспользоваться промежуткомъ въ нѣсколько часовъ времени между выходомъ австрійцевъ и вступленіемъ поляковъ и проскочить въ городъ между отступавшимъ побѣжденнымъ и побѣдителемъ, который еще не успѣлъ занять своего завоеванія.

Тайное пособничество австрійцевъ помогло этой хитрости. Изъ донесеній Понятовскаго, подтверждаемыхъ и изъ другихъ источниковъ, видно, что австрійцы, въ то самое время,

когда они вели переговоры съ поляками, предупредили русскихъ и даже послали за ними; что ими были командированы офицеры, чтобы служить проводниками спѣшившимъ къ городу колоннамъ генерала Суворова, и что обѣщана была награда тому отряду, который придетъ первымъ. Какъ бы тамъ ни было, но ночью Понятовскій былъ предупрежденъ жителями Кракова, что въ городъ входитъ русскій авангардъ. На другой день, въ первомъ часу пополудни—время, установленное соглашеніемъ — явился эскадронный командиръ Потоцкій, чтобы занять одни изъ городскихъ воротъ. Но они уже охранялись русскимъ отрядомъ подъ командой Сиверса. Между Потоцкимъ и Сиверсомъ произошелъ слѣдующій горячій діалогъ: «Мнѣ приказано, сказалъ русскій, охранять отъ васъ входъ въ городъ».—«Мнѣ приказано, отвѣчалъ полякъ, вступить въ него именемъ Е. В. императора французовъ, и я надѣюсь, что вы не заставите меня скрестить пики и такимъ способомъ открыть себѣ путь». Сиверсъ скрылся со своими людьми, ворота открылись. Въ городѣ ожидало вновь-прибывшихъ единственное въ своемъ родѣ зрѣлище. Повсюду были русскіе, и среди нихъ свободно разгуливали, пользуясь дружескимъ вниманіемъ русскихъ, отсталые солдаты и даже офицеры австрійской арміи. Въ перспективѣ на главныхъ улицахъ виднѣлись русскіе эскадроны въ боевомъ порядкѣ,—это были какъ бы стѣны изъ лошадей и людей, надъ которыми стоялъ цѣлый лѣсъ пикъ. Между тѣмъ Понятовскій вступилъ въ городъ во-главѣ своего войска съ барабаннымъ боемъ и развернутыми знаменами. Когда онъ прибылъ на Оружейную площадь, отрядъ русскихъ гусаръ преградилъ ему дорогу. Движимый чувствомъ благороднаго негодованія, Понятовскій поднимаетъ на дыбы своего коня, бросается въ ряды гусаръ, пробиваетъ брешь въ этой живой стѣнѣ, и силой открываетъ себѣ путь. Въ другихъ мѣстахъ поляки могли пробиваться только штыками и пиками. Повсюду обмѣнивались жестокой руганью и угрожающими жестами. Дѣло дошло уже до ружей, когда съ большимъ трудомъ между русскими и польскими командирами состоялось соглашеніе. Было условлено, что городъ будетъ занятъ сообща. Поляки и русскіе раздѣлили его между собой, разставили войска по квартирамъ въ разныхъ кварталахъ, и остались тутъ, наблюдая другъ за другомъ, держась надменно, вызывающе, съ нескрываемой злобой, готовые каждую минуту взяться за оружіе. Между этими союз-

никами-врагами отношенія были настолько натянуты, что съ этихъ поръ достаточно было малѣйшаго повода, чтобы между ними вспыхнуло настоящее сраженіе [1]).

Извѣстія объ этихъ событіяхъ застали русское общество въ состояніи крайняго возбужденія, которое благодаря имъ обострилось еще болѣе. Уже нѣсколько времени ропотъ былъ такъ силенъ, что Коленкуръ, какъ ни привыкъ онъ къ подобнымъ бурямъ, былъ смущенъ переходящими всякіе предѣлы нападками. «Я не видалъ еще, говорилъ онъ, чтобы броженіе доходило до такой степени и было столь общимъ». Въ салонахъ щадили царя не болѣе Франціи. Недовольные громко говорили о томъ, чтобы низложить его и отдать судьбу государства въ болѣе твердыя руки [2]). Правительство, обезпокоенное такимъ настроеніемъ умовъ, которое только въ болѣе рѣзкой формѣ выражало его собственныя тревоги, не сумѣло ни подавить этого движенія, ни ввести его въ русло. Оно ограничивалось только тѣмъ, что само шло за обществомъ, и само повышало тонъ, уступая обществу только въ дерзости и въ силѣ. По примѣру Румянцева, Александръ думалъ, что и ему слѣдуетъ изложить свои политическіе взгляды. Онъ объявилъ Коленкуру, что вопросъ о Польшѣ— единственный вопросъ, по которому онъ никогда не пойдетъ на сдѣлку; что напрасно Наполеонъ будетъ предлагать ему выгоды и блестящія компенсаціи въ другихъ мѣстахъ. «Міръ не достаточно великъ для того, чтобы мы могли сговориться насчетъ польскихъ дѣлъ, если только будетъ поднятъ вопросъ о возста-

---

[1]) Soltyk, 314—324. Archives des affaires étrangères, Correspondances de Varsovie et de Dresde, juillet—août, 1809; письма, которыми обмѣнялись между собой Коленкуръ и Румянцевъ 27 и 29 іюля, донесеніе Голицына, Russie, 149.

[2]) Коленкуръ посылалъ Наполеону подъ названіемъ On dit, дословно разговоры, которые происходили въ салонахъ Петербурга. Слѣдующая выписка даетъ понятіе о тонѣ, который господствовалъ въ русскомъ обществѣ. On dit отъ 29 августа: „Императоръ добръ, но не уменъ, а Румянцевъ совсѣмъ выжилъ изъ ума; они никогда и ничего не умѣютъ сдѣлать, какъ слѣдуетъ. Ужъ если завели войну, такъ надо было начать ее занятіемъ Галиціи. Тогда поляки не пришли бы оспаривать ее у насъ. Надо постричь императора въ монахи; пусть онъ поддерживаетъ миръ въ монастырѣ. Нарышкина благочестивая: она будетъ служить и игумену, и садовнику, въ особенности, если они поляки.. (Фаворитка была польскаго происхожденія). А Румянцева послать квасомъ торговать“.

новленіи Польши, какимъ бы то ни было путемъ» [1]), говорилъ онъ. Теперь Александръ не считалъ даже нужнымъ придавать своимъ жалобамъ характеръ дружескихъ и довѣрительныхъ изліяній. До сихъ поръ всѣ дѣла съ герцогомъ Виченцы велись на словахъ; теперь петербургскій кабинетъ заговорилъ о необходимости прибѣгнуть къ пріемамъ, облеченнымъ въ торжественную форму, потребовать отъ Наполеона исполненія принятыхъ имъ на себя обязательствъ и сдѣлать формальные запросы, на которые нельзя было не отвѣтить. «Я во что бы то ни стало хочу быть успокоеннымъ» [2]), говорилъ Александръ. Повидимому, онъ хотѣлъ поставить свое дальнѣйшее содѣйствіе въ дѣлѣ войны въ зависимость отъ вѣрныхъ гарантій противъ возстановленія Польши. Заготовлялась нота; 26 іюля, вскорѣ послѣ краковскихъ событій, она была передана Коленкуру. Она была составлена и подписана Румянцевымъ. Въ ней, какъ и всегда, говорилось о непоколебимости союза; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, указывалось на заблужденіе тѣхъ. «которые водружаютъ знамя Польши»; вкратцѣ повторялись жалобы Россіи, высказывались ея опасенія, и въ заключеніе было требованіе объясненій и гарантій. Польскій вопросъ впервые возникалъ офиціально между Россіей и Франціей, и императоръ офиціальнымъ порядкомъ былъ потребованъ къ отвѣту [3]).

Петербургскій кабинетъ не опредѣлялъ точно, какія именно гарантіи желалъ онъ имѣть. Да къ тому же въ это время Коленкуръ уже не былъ уполномоченъ давать какія бы то ни было. Хотя въ началѣ войны Наполеонъ и предлагалъ войти въ соглашеніе, которымъ бы заранѣе опредѣлялись условія мира, но онъ быстро раскаялся въ уступчивости, которой Россія не сумѣла во-время воспользоваться. Послѣ первыхъ успѣховъ,— послѣ сраженія при Экмюлѣ,— снова увлекшись страстью къ войнѣ и побѣдамъ, онъ считалъ себя настолько господиномъ положенія, что не находилъ нужнымъ считаться съ кѣмъ бы то ни было. Поставивъ себѣ вопросъ, не пришелъ ли моментъ покончить съ вѣроломной Австріей, не время ли разрушить и пересоздать центральную Европу, онъ взялъ обратно полномочія, данныя Коленкуру, и запретилъ ему подписывать какое бы то ни

[1]) Донесеніе Коленкура № 44, 3 августа.

[2]) Донесеніе Коленкура № 44, 3 августа.

[3]) См. текстъ ноты въ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ Россія. 149.

было обязательство, могущее ограничить его волю въ будущемъ [1]. Вслѣдствіе этого посланнику пришлось только расписаться въ полученіи русской ноты и передать ее въ главную французскую квартиру. Дѣйствительно, какъ бы въ подтвержденіе вышеизложеннаго Александръ получилъ новое письмо отъ Наполеона, въ которомъ тотъ только извѣщалъ его, что Австрія признаетъ себя побѣжденной и проситъ мира, что онъ подписалъ въ Цнаймѣ перемиріе и что, по его приказанію, въ скоромъ времени начнутся переговоры.

Но нужно сказать, что, хотя мысль о полномъ уничтоженіи Австріи на одинъ мигъ и улыбнулась Наполеону, онъ сознавалъ, что обстоятельства настоящаго момента не соотвѣтствовали выполненію его плановъ. Онъ побѣдилъ своего противника, но не уничтожилъ его: Ваграмъ не былъ Іеной. Императоръ Францъ сохранилъ армію, конечно, потерпѣвшую и до нѣкоторой степени разстроенную, но тѣмъ не менѣе вѣрную, способную при нѣкоторомъ усиліи вновь оправиться; при томъ ея недавнія пораженія не изгладили у ней воспоминанія объ Эслингѣ. Чтобы окончательно расшатать Австрію, потребовались бы новыя сраженія, новыя побѣды, а Наполеонъ торопился окончить кампанію, которая истощала его и людьми, и деньгами. Итакъ, онъ принялъ предложеніе Австріи о переговорахъ и соглашался дать ей выйти живой изъ борьбы, лишь бы она вышла изъ нея ослабленная, умаленная, надолго лишившись возможности напасть на насъ.

Извѣстіе о перемиріи и переговорахъ произвело въ Петербургѣ кратковременное успокоеніе. Вслѣдствіе перемирія, приведшаго въ бездѣйствіе всѣ арміи, прекращалась кипучая дѣятельность поляковъ; ихъ содѣйствіе дѣлалось менѣе полезнымъ Наполеону. Теперь уже не было повода опасаться, что Наполеонъ, ради поддержанія въ нихъ мужества, согласится теперь же на возстановленіе ихъ отечества; не было повода думать, что Польша выйдетъ изъ этой борьбы возрожденной, и во всеоружіи, на полѣ битвы добьется завѣтной цѣли своихъ желаній. Тѣмъ не менѣе, если опасность для Россіи и была отсрочена, она не исчезла; мало того, условія мира могли не только не устранить ее, но даже упрочить. Подготовляемый договоръ съ Австріей, не провозглашая возстановленія Польши, могъ послужить исходной точкой и навѣрное привести къ ея возстановленію. Въ

---

[1]) Corresp., 15164.

самомъ дѣлѣ, чтобы наказать и ослабить Австрію, Наполеонъ естественно придетъ къ мысли потребовать отъ нея территоріальныхъ уступокъ. Онъ захочетъ удержать, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ занятыхъ провинцій для раздѣла между своими подданными и вассалами. Итакъ, если онъ предоставитъ варшавянамъ все то, что они захватили, т. е., лучшую часть Галиціи, герцогство выйдетъ изъ борьбы съ удвоеннымъ населеніемъ и удвоенными матеріальными средствами, а главное,—съ необычайно возросшимъ національнымъ чувствомъ и вѣрою въ себя. Въ этомъ успѣхѣ оно увидитъ начало и залогъ новыхъ пріобрѣтеній, быть можетъ, рѣшительный шагъ къ завѣтной цѣли своихъ желаній, быть можетъ, даже поощреніе вернуть себѣ во всей его совокупности достояніе предковъ доблестной націи, душа которой возродилась въ немъ. Въ глазахъ всѣхъ оно будетъ государствомъ, долженствующимъ непрерывно развиваться; на нее неизбѣжно будутъ смотрѣть, какъ на Польшу, стремящуюся къ возстановленію. Области, еще не присоединенныя къ ней, т. е., части, оставленныя Австріи и провинціи, доставшіяся на долю третьяго участника дѣлежа,—Россіи, безусловно подвергнутся силѣ притяженія. Слѣдовательно, всякое расширеніе герцогства, достаточно значительное для того, чтобы питать надежды поляковъ и вскружить имъ голову, дастъ опасеніямъ Россіи положительное и прочное основаніе и, какъ слѣдствіе, внесетъ въ наши отношенія взамѣнъ временнаго замѣшательства непоправимый разладъ.

А, между тѣмъ, могъ ли Наполеонъ при дѣлежѣ австрійской добычи отказать полякамъ въ части, пропорціональной ихъ усердію, ихъ успѣхамъ, ихъ роли въ борьбѣ? Два года онъ безпрерывно обращается къ ихъ мужеству, и не было случая, чтобы они не откликнулись на его призывъ; онъ всюду видѣлъ ихъ подлѣ себя, во всѣхъ бояхъ они занимали почетное мѣсто. Его польская гвардія, подъ пулями и картечью, вскачь взобралась на крутизны Сомо-Сіерра и открыла ему дорогу въ Мадридъ. И теперь ихъ легіоны сражались въ Испаніи; они ради него умирали и несли лишенія. Доблестно дѣля испытанія, переносимыя нашими солдатами, они побратались съ ними на полѣ битвы. Въ войнѣ съ Австріей, гдѣ нѣмцы, принадлежавшіе къ Конфедераціи, оказывали лишь нерѣшительное и вынужденное содѣйствіе, варшавяне отдавались ему беззавѣтно. Изъ всѣхъ союзниковъ они одни сражались отъ чистаго сердца, на-

дѣясь, цѣной своей крови, выкупить родину. Неужели въ награду за такіе труды только они одни будутъ устранены и не воспользуются благами побѣды. Неужели только одно великое герцогство будетъ обойдено при раздѣлѣ территорій, который состоится между нашими союзниками? Нужно ли было отнестись къ нему хуже, чѣмъ къ другимъ, только потому, что оно лучше всѣхъ намъ помогало; нужно ли было привести его въ отчаяніе, несправедливо и оскорбительно устранивъ отъ дѣлежа? Законы чести не дозволяли Наполеону подобной неблагодарности,—противъ этого одинаково были и политика, и благоразуміе. Герцогство Варшавское, выкроенное Наполеономъ такимъ образомъ, чтобы, занимая мѣсто впереди французской Германіи, прикрывать ее и въ то же время быть нашимъ передовымъ постомъ на Сѣверѣ, было необходимо намъ, какъ авангардъ. Для того, чтобы подстрекнуть усердіе и бдительность варшавянъ, поддержать въ нихъ отвагу и неусыпное вниманіе на довѣренномъ имъ отвѣтственномъ посту, необходимо было щедро заплатить имъ за оказанныя услуги. Слѣдовало даже остерегаться слишкомъ грубо подавить ихъ патріотическія стремленія и разсѣять ихъ мечты. Вовсе не желая возстановленія Польши, Наполеонъ былъ вынужденъ оставить въ сердцахъ ея жителей надежду на возстановленіе, дабы имѣть возможность при случаѣ снова обратиться къ нимъ. Онъ спрашивалъ себя, не придется ли ему послѣ того, какъ онъ уже воспользовался ими противъ Австріи, употребить ихъ когда-нибудь и противъ самой Россіи, если это государство, теперь нашъ союзникъ, но союзникъ сомнительный, отречется отъ насъ и обратится въ нашего врага? Такое предположеніе дѣлалось болѣе чѣмъ правдоподобнымъ, въ виду поведенія царя и его генераловъ во время кампаніи, въ виду недостаточной вѣрности союзнымъ обязательствамъ во время этого испытанія. Теперь воочію начали обнаруживаться мрачныя слѣдствія австрійской войны, которую Наполеонъ вызвалъ нападеніемъ на Испанію. Но нужно признать, что ошибки его союзника значительно ухудшили послѣдствія его собственной ошибки. Комедія войны, разыгранная русскими, и иниціатива, предоставленная ими Понятовскому и его солдатамъ, предрѣшили въ значительной степени рѣшенія императора, наложили цѣпи на его волю. Этотъ побѣдитель людей снова долженъ былъ склониться предъ силой событій. Какъ примирить потребности настоя-

щаго и возможныя требованія будущаго? Какъ сохранить въ одно и то же время и дружбу Александра, и надежду на содѣйствіе его враговъ? Какъ поступить, чтобы Россія по-прежнему вѣрила намъ, а Польша надѣялась на насъ? Такова была задача, которая предстала предъ Наполеономъ на другой день послѣ Ваграма. Если ему не удастся разрѣшить ее, онъ найдетъ въ своей побѣдѣ зародышъ новыхъ раздоровъ, и миръ съ Австріей явится въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ источникомъ конфликта съ Россіей.

ГЛАВА IV.

ВѢНСКІЙ МИРЪ.

Открытіе переговоровъ въ Альтенбургѣ.—Пришлетъ ли Россія своихъ представителей на конгрессъ?– Вліяніе, которое она косвенно оказываетъ на ходъ переговоровъ; она—причина тому, что та и другая сторона медлятъ обнаружить свои намѣренія.—Почему отъ галицкаго вопроса зависятъ всѣ другіе?—Наполеонъ не можетъ опредѣлить условій мира, пока не выяснитъ, чего хочетъ Александръ въ Галиціи.—Разные планы.—Идея неравномѣрнаго раздѣла между герцогствомъ и Россіей.—Герцогу Виченцы поручается выяснить отношеніе Россіи къ проекту.—Прежде, чѣмъ рѣшиться въ принципѣ на огромныя жертвы, Австрія намѣревается позондировать Россію и узнать, чего она можетъ ожидать отъ нея.—Меттернихъ и Нугентъ.—Затаенная мысль Меттерниха: первыя усилія поставить Австрію на мѣсто Россіи.- Пріѣздъ Чернышева въ Вѣну.—Письмо Александра.—Флигель-адъютантъ царя за столомъ у императора.—Загадочныя выраженія.– Нетерпѣніе Наполеона.—Дворъ въ Дотисѣ; борьба вліяній. Австрія поднимаетъ вопросъ о Галиціи.—Миссія генерала Бубна въ Вѣнѣ.—Наполеонъ ставитъ въ зависимость отъ отреченія императора Франца цѣлость побѣжденной монархіи; первая мысль о союзѣ съ австрійскимъ домомъ.- Грезы и дѣйствительность.—Давленіе на Бубна.—Уступки, равносильныя полученнымъ въ Пресбургѣ. Непріятный случай съ императоромъ Александромъ; періодъ выздоровленія.—Посланникъ Франціи у изголовья царя.–Петергофскія бесѣды. Затруднительное положеніе Александра.—Въ принципѣ онъ не противится незначительному расширенію герцогства.—Наполеонъ пользуется и злоупотребляетъ его уступчивостью. Ultimatum австрійцамъ.– Сопротивленіе императора Франца.—Гнѣвъ Наполеона.—Бурный разговоръ съ Бубна.—Артистически разыгранная сцена.—Русскій третейскій судъ. Австрія въ принципѣ соглашается на французскій ultimatum.—Перенесеніе переговоровъ въ Вѣну.—Наполеонъ дѣлаетъ уступки въ Галиціи; Россія теряетъ Львовъ. — Миръ подписанъ ускореннымъ порядкомъ.—Главный выигрышъ и доля Россіи.– Гарантіи, предложенныя Россіи.—Письмо Шампаньи Румянцеву; его характеръ и значеніе.—Ошибка, сдѣланная Наполеономъ.– Вѣнскій миръ ухудшаетъ настоящее положеніе польскаго вопроса и доводитъ его до остраго состоянія. Съ этого времени начинаются объясненія, имѣющія рѣшающее значеніе для судьбы союза.

I.

По заключеніи перемирія Наполеонъ устроился на жительство въ Шенбрунненѣ. Изъ резиденціи Габсбурговъ онъ упра-

влялъ своимъ государствомъ, приводилъ въ порядокъ армію, искусно распредѣлялъ ее въ завоеванныхъ провинціяхъ, слѣдилъ за Европой и велъ переговоры съ Австріей. Во второй половинѣ августа уполномоченные Франціи и Австріи съѣхались въ маленькомъ городкѣ Альтенбургѣ, расположенномъ на границѣ Венгріи, почти на краю сферы нашей оккупаціи. Представителемъ императора въ Альтенбургѣ былъ Шампаньи, представителями Австріи—графъ Меттернихъ и генералъ баронъ Нугентъ. Наполеонъ велъ переговоры, какъ императоръ французовъ, какъ итальянскій король и, кромѣ того, какъ покровитель Рейнской Конфедераціи, т. е., и отъ имени всѣхъ государей, составлявшихъ эту лигу, въ числѣ которыхъ былъ и саксонскій король, великій герцогъ Варшавскій. Россія, какъ независимое государство, обладала правомъ имѣть на конгрессѣ своего особаго представителя и занять мѣсто рядомъ съ нами. Воспользуется ли она своимъ правомъ? Вмѣшается ли непосредственно, или же, уполномочивъ Наполеона, предоставитъ ему заботу вести за нее переговоры и входить въ соглашеніе отъ ея имени? Императоръ поручилъ сказать ей, чтобы она прислала, если найдетъ это для себя выгоднымъ, агента, снабженнаго полномочіями. До полученія ея сообщенія о томъ, какое она приметъ рѣшеніе относительно этого предложенія, она, хотя и не присутствуетъ сама при переговорахъ, живетъ въ сокровенныхъ мысляхъ обѣихъ присутствующихъ сторонъ. Она владѣетъ ихъ умами. Оставляя въ неизвѣстности, чего та и другая сторона должны опасаться или ожидать отъ нея, она задерживаетъ ихъ рѣшенія, и, не принимая участія въ переговорахъ, тяготѣетъ надъ ними.

Наполеонъ рѣшилъ составить проектъ мира съ Австріей, только отчасти принимая въ разсчетъ предубѣжденія и опасенія Александра. Нѣтъ сомнѣнія, что въ принципѣ онъ рѣшилъ, что побѣжденный долженъ будетъ согласиться на значительныя земельныя уступки, на сокращеніе наличныхъ военныхъ силъ и на крупное денежное вознагражденіе. При опредѣленіи областей, которыя онъ хотѣлъ удержать за собой, Наполеонъ колебался между двумя способами [1]). Онъ могъ обкарнать непріятельскую территорію съ разныхъ сторонъ, взять повсюду понемногу,—въ Нижней-Австріи, на Адріатикѣ, въ Богеміи, въ Польшѣ и, какъ бы обтесывая всѣ границы монархіи, лишить ее прикрытій и

[1]) Archives des affaires étrangères, Vienne, 384.

сдѣлать беззащитной. Съ другой стороны, вмѣсто того, чтобы дѣлать на тѣлѣ побѣжденнаго многочисленные надрѣзы, онъ могъ отнять цѣликомъ одинъ какой-либо членъ, отдѣлить отъ австрійской имперіи одну изъ областей или націй, которыя входили въ составъ этого сборнаго государства. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, часть, которую можно было отдѣлить, обозначалась вполнѣ опредѣленно: таковой нужно было признать Галицію, которая уже воскресла для самостоятельной жизни. Впрочемъ, на какомъ бы планѣ мира ни остановился императоръ – на первомъ или на второмъ—во всякомъ случаѣ, наибольшія жертвы пришлось бы понести Австріи именно въ Галиціи. Наполеонъ считалъ вопросомъ чести не возвращать подъ иго прежняго властителя довѣрившееся ему и ради него скомпрометировавшее себя населеніе, не отдавать его на жертву суроваго возмездія Обезпечивая австрійскимъ полякамъ менѣе суровый режимъ, онъ навсегда привязалъ бы къ себѣ пылкую и преданную націю. Онъ хотѣлъ присоединить этотъ живой матеріалъ къ тѣмъ элементамъ, изъ которыхъ онъ слагалъ свое могущество. Во всякомъ другомъ мѣстѣ наполеоновская имперія пріобрѣтала только территоріи; въ Галиціи она присоединяла къ себѣ души, готовыя неразрывно слиться съ Франціей, скрѣпленныя съ нею узами благодарности. Итакъ, Наполеонъ поставилъ себѣ закономъ отдѣлить отъ австрійскихъ владѣній Галицію или, по крайней мѣрѣ, значительную часть ея. Но что сдѣлать изъ Галиціи?—думалъ онъ. Именно въ этомъ вопросѣ желаніе щадить Александра и никоимъ образомъ явно не оскорблять Россіи стѣсняло и задерживало его рѣшенія.

Трудность его положенія увеличивалась еще болѣе отъ того, что Александръ и Румянцевъ никогда не давали положительныхъ указаній, какъ слѣдовало поступить, чтобы, согласно ихъ желанію, устроить будущую судьбу провинціи. Можно было быть увѣреннымъ, что они ни за что не согласятся на полное присоединеніе ея къ великому герцогству. Оставляя въ сторонѣ этотъ существенный пунктъ, важно было знать, чего потребовали бы они? Въ чемъ могли бы уступить? Чему желали бы помѣшать? Въ этомъ отношеніи нота, переданная 26 іюля Румянцевымъ, не проливала никакого свѣта. Признавая важность галиційскаго вопроса, она не подсказывала никакого способа его рѣшенія. Россія жаловалась на мучительную боль, просила лекарства, но ка-

кого?—не указывала. «Вы, какъ и я, замѣтите, съ нѣкоторой досадой, писалъ императоръ Шампаньи, что въ желаніяхъ этого кабинета всегда есть что-то неопредѣленное. Мнѣ кажется, онъ могъ бы высказаться болѣе ясно относительно проекта устройства Галиціи» [1]). Благодаря неизвѣстности, въ которой его держали, Наполеонъ колебался между нѣсколькими рѣшеніями и перебиралъ ихъ одно за другимъ.

Сперва онъ думалъ сдѣлать изъ Галиціи самостоятельное королевство и назначить ея государемъ великаго герцога Вюрцбургскаго. Этотъ принцъ былъ братомъ императора Франца, но это не мѣшало ему быть поклонникомъ и другомъ Наполеона. Онъ при всякомъ случаѣ давалъ понять, что ищетъ его покровительства и его милостей. Переведенный въ Краковъ, онъ уступилъ бы намъ свои германскія владѣнія, которыя пошли бы въ награду за преданность другимъ. Въ этомъ случаѣ варшавяне получили бы только одинъ округъ, незначительную частицу Галиціи въ качествѣ преміи, присужденной за ихъ мужество, главной же ихъ наградой было бы сознаніе, что они освободили своихъ братьевъ [2]).

Одобрилъ ли бы Александръ этотъ планъ? Вполнѣ независимая, надѣленная національной администраціей и національнымъ войскомъ, Галиція, вѣроятно, сдѣлалась бы дубликатомъ герцогства Варшавскаго. Вмѣсто того, чтобы имѣть предъ собой одно польское государство, Россія имѣла бы ихъ два, правда, то и другое незначительнаго объема. Но какъ посмотритъ она на это средство? Устранитъ ли оно, по ея мнѣнію, опасность или удвоитъ ее? Судя по нѣкоторымъ словамъ, слишкомъ поздно сказаннымъ Александромъ [3]), можно думать, что онъ безъ особаго ужаса взглянулъ бы на независимую Галицію подъ скипетромъ иностраннаго принца. Къ несчастью, Наполеонъ не остановился на этой комбинаціи; онъ нашелъ въ ней неудобства и опасности. Онъ боялся, что Галиція, довѣренная Габсбургу, дастъ увлечь себя въ сферу вліянія Австріи и сдѣлается ея спутникомъ,—и онъ быстро перешелъ къ другимъ проектамъ.

Истиннымъ его желаніемъ было расширить герцогство Вар-

---

[1]) Corresp., 15676.

[2]) Archives des affaires étrangères. Vienne, 384.

[3]) Коленкуръ Шампаньи, 13 сентября 1809 г.

шавское, т.-е., то государство, которое существовало только благодаря ему и для него; усилить того помощника въ нуждѣ, корый выдержалъ серьезное испытаніе. Но оставалось подъ вопросомъ, исключала ли Россія самую возможность серьезнаго увеличенія герцогства, независимо отъ мѣръ, которыя могли бы быть приняты съ нашей стороны для возстановленія равновѣсія въ бассейнѣ Вислы? Румянцевъ нѣсколько разъ рѣшительно высказывался противъ какого бы то ни было расширенія территоріи герцогства, но онъ никогда не выражалъ этого мнѣнія отъ имени своего правительства; онъ совсѣмъ не упоминалъ объ этомъ и въ своей нотѣ. Государь же, даже въ простомъ разговорѣ, никогда не высказывался такъ рѣшительно, какъ его министръ. Онъ неопредѣленно указывалъ на два способа рѣшенія: «Оставить Галицію за Австріей или создать такой порядокъ вещей, который ни въ чемъ не измѣнялъ бы положенія Россіи и никоимъ образомъ не внушалъ ей опасеній за ея безопасность и ея собственное спокойствіе» [1]). Послѣ такихъ словъ откажетъ ли царь въ согласіи на расширеніе герцогства, при томъ условіи, что ему самому будетъ теперь же дано вознагражденіе и, сверхъ того, гарантіи относительно будущаго? Разсматривая гипотезу, по которой Галиція цѣликомъ отнималась отъ Австріи, Наполеонъ предполагалъ удержать бо̀льшую часть ея — четыре пятыхъ—для великаго герцогства; оставшаяся же одна пятая была бы отдана царю въ полную собственность и была бы присвоена ему, какъ подарокъ въ знакъ дружбы, такъ какъ, по строгой справедливости, Россія — ничего не завоевавъ сама — ни на что не имѣла права. Конечно, въ виду того, что дѣлежъ будетъ крайне неравномѣрный, царь не преминетъ счесть себя обиженнымъ; но, чтобы сгладить несоразмѣрность долей и пополнить разницу, Наполеонъ хотѣлъ къ предполагаемой въ подарокъ Россіи территоріи придать письменныя обязательства въ достодолжной формѣ, которыми бы устранялось всякое опасеніе относительно полнаго возстановленія Польши.

Какъ ни былъ остроуменъ этотъ проектъ раздѣла Галиціи, какъ средство выйти изъ затрудненія и примирить діаметрально-противоположныя требованія, Наполеонъ ничуть не обманывалъ себя относительно трудности сговориться съ Россіей

[1]) Донесеніе Коленкура отъ 17 іюля 1809 г.

на этой основѣ и убѣдить ее согласиться на расширеніе герцогства за бумажное вознагражденіе, состоящее изъ нѣсколькихъ статей договора. Поэтому, прежде чѣмъ рѣшить что-либо, онъ хотѣлъ позондировать почву въ Петербургѣ. Коленкуру поручено было позаботиться объ этомъ въ особой, подробно изложенной, инструкціи, посланной 12 августа. Дѣло шло не о томъ, чтобы точно изложить предложеніе,—слѣдовало только узнать, есть ли надежда, что оно будетъ принято, и, если таковая надежда окажется, подготовить Александра къ предложенію, и потихоньку, съ безконечными предосторожностями, пріучить его къ задуманной императоромъ идеѣ.

«Господинъ посланникъ,—писалъ Шампаньи,—Его Величество приказываетъ мнѣ ознакомить васъ съ его взглядами на одинъ изъ вопросовъ, по которому переговоры откроются въ ближайшемъ будущемъ. Въ настоящей войнѣ галичане приняли сторону Франціи: они сражались подъ ея знаменами. Австрія будетъ имъ мстить. Не къ чести Франціи будетъ, если Императоръ предоставитъ Австріи карать и угнетать людей, которые ему служили. Этого не должно быть. Въ характерѣ императора Александра слишкомъ много благородства: онъ не можетъ не понять обязанности, возложенной на Императора. Его Величество не имѣетъ иныхъ намѣреній, какъ только согласовать долгъ и достоинство Франціи съ интересами Россіи. Такова цѣль его теперешнихъ заботъ.

«Напрасно было бы гоняться за средствами охранить галичанъ отъ мести Австріи. Верховная власть надъ страной, которую она сохранитъ за собой, всегда останется державной. Примѣненіе ею строгостей не можетъ быть ограничено никакой статьей договора. Нѣтъ такой статьи, которая не могла бы быть нарушена, а каждое изъ этихъ нарушеній послужило бы поводомъ къ войнѣ, равно какъ и каждое притѣсненіе, учиненное надъ галичаниномъ, было бы для Императора ударомъ кинжала.

«Отдавая всю Галицію Россіи, можно было бы, безъ сомнѣнія, предотвратить зло; но принципъ, на которомъ основанъ союзъ, не допускаетъ подобной уступки безъ соотвѣтственнаго вознагражденія. Но гдѣ его найти? Слѣдовательно, Галиція можетъ быть отдана только великому герцогству Варшавскому. Императоръ находитъ справедливымъ предоставить нѣкоторую часть ея Россіи и опредѣляетъ эту долю, какъ одну пятую всего населенія, тогда какъ другія четыре пятыхъ останутся великому гер-

цогству. Такая неравномѣрность основана на различіи въ положеніи. Если бы Франція была смежна съ Галиціей, она подѣлила бы ее съ Россіей поровну; но Франція далека; она не беретъ себѣ ни одной изъ завоеванныхъ провинцій, а отдаетъ ихъ Саксоніи, которая въ одинъ прекрасный день, измѣнивъ политическую систему, можетъ соединиться съ Россіей противъ Франціи. Россія же прочно присоединитъ къ своей имперіи пріобрѣтенныя провинціи, и средства этихъ провинцій всегда будутъ въ ея распоряженіи».

Защитивъ принципъ неравенства при помощи легко-оспариваемыхъ доводовъ, Шампаньи начинаетъ рисовать въ самомъ соблазнительномъ видѣ долю, предназначенную Россіи. Онъ пишетъ, что ее выберутъ по сосѣдству съ Россіей для того, чтобы она легче слилась съ ней. Это будетъ восточная часть старой Галиціи,—округъ, расположенный между городомъ Замостье и Днѣстромъ. Въ нее войдетъ важный городъ Львовъ. Большинство жителей страны исповѣдуетъ греческую вѣру. Уже это одно предназначаетъ ихъ сдѣлаться подданными православнаго императора. Употребивъ съ похвальнымъ усердіемъ большія усилія на то, чтобы возбудить вожделѣнія Россіи, министръ старается успокоить ея недовѣріе и переходитъ къ статьѣ о гарантіяхъ. «Франціей, говоритъ онъ, будутъ приняты всѣ мѣры, способныя успокоить Россію по поводу возможныхъ послѣдствій увеличенія великаго герцогства Варшавскаго. Она гарантируетъ Россіи ея новыя владѣнія. Все, что въ порядкахъ великаго герцогства можетъ быть непріятно Россіи, какъ напримѣръ, существованіе литовскаго ордена [1]), могло бы быть преобразовано; неудобства, которыя не были предусмотрѣны въ Тильзитѣ, были бы исправлены; самыя названія—Польша и поляки—были бы заботливо изъяты изъ употребленія.

«Вотъ, Милостивый Государь,—говорится въ заключительныхъ словахъ инструкціи,—канва для вашихъ разговоровъ съ русскимъ министромъ. Эти взгляды, которые требуютъ величайшей осторожности, должны исходить какъ бы отъ васъ самихъ, а не отъ вашего двора. Ихъ надо представить въ видѣ предположеній, съ которыми вы лично забѣгаете впередъ. Вамъ даже не извѣстно, каковы взгляды Императора; но вы знаете, что его понятія о

[1]) Съ 1807 года саксонскій король, какъ великій герцогъ Варшавскій, жаловалъ орденскіе знаки, которые составляли собственность короны прежней Польши.

чести и справедливости, объ узахъ, связующихъ его съ тѣми, кто ему служилъ, могутъ заставить его склониться къ подобному раздѣлу. Вы знаете также, что, вѣрный союзу съ Россіей, желая поддержать его при помощи тѣхъ самыхъ выгодъ, которыя Россія отъ него получаетъ, стремясь въ настоящей войнѣ только къ тому, чтобы упрочить спокойствіе на континентѣ и вознаградить своихъ союзниковъ за ихъ усилія, онъ на первомъ мѣстѣ ставитъ Россію, которая, конечно, извлечетъ изъ союза большія выгоды, такъ какъ она пріобрѣтетъ и присоединитъ къ своему государству Валахію, Молдавію, Финляндію и милліонъ душъ въ Галиціи, тогда какъ Франція не будетъ увеличена и на одну деревню, и будетъ имѣть только ту выгоду, что уплатитъ долги признательности.

«Дѣйствуйте осторожно, намеками; зондируйте почву, обсуждайте вопросъ, подготовляйте умы къ болѣе опредѣленнымъ предложеніямъ, но не показывайте ни депешъ, ни вашей игры. Предупреждайте всякое подозрѣніе, а тѣмъ болѣе недовѣріе.

«Въ этой депешѣ я предполагаю, что Галиція вся отдѣлена отъ Австріи. Въ случаѣ, если можно будетъ отдѣлить только часть Галиціи, Россіи будетъ принадлежать только одна пятая отдѣленной части. Будутъ приложены особыя заботы, чтобы выбрать районы, гдѣ преобладаетъ греческое вѣроисповѣданіе.

«Я снова возвращаюсь къ предмету этого письма для того, чтобы вы не ошиблись въ его значеніи. Вопросъ идетъ вовсе не о томъ, чтобы ознакомить Россію съ нашими видами, еще менѣе о томъ, чтобы сдѣлать ей прямое предложеніе, а только о томъ, чтобы вывѣдать ея желанія,—узнать, можетъ ли приманка милліоннаго населенія, которое составитъ ея долю, заставить ее добровольно согласиться на вышеуказанный раздѣлъ Галиціи. Императоръ желаетъ прежде всего оставаться съ ней въ добромъ согласіи; слѣдовательно, вы не должны отваживаться ни на что, что могло бы охладить ее къ нашему дѣлу и отдалить отъ насъ. Цѣлью вашихъ усилій должно быть — склонить ее согласиться со взглядами, которые я вамъ сообщаю. Императоръ будетъ вамъ благодаренъ за успѣхъ, но рекомендуетъ быть крайне осторожнымъ» [1]).

Въ концѣ письма Коленкуру предписывалось держать своего повелителя въ курсѣ дѣла и сообщать ему съ курьерами, шагъ

---

[1]) Шампаньи Коленкуру, 12 августа 1809 г.

за шагомъ, о сдѣланныхъ шагахъ и о полученныхъ результатахъ. Несмотря на значительное разстояніе отъ Петербурга до Вѣны, можно было надѣяться, что первый изъ курьеровъ, если онъ будетъ спѣшить, прибудетъ въ Вѣну черезъ двадцать, двадцать пять дней. Сверхъ того, можно было ожидать, что Александръ еще до этого самъ прольетъ первый лучъ свѣта или въ отвѣтѣ на послѣднія письма императора, или присылкой уполномоченнаго, или же какимъ-либо интимнымъ или официальнымъ сообщеніемъ. Наполеонъ надѣется довольно скоро имѣть подъ собой твердую почву. Но пока онъ не получитъ или не уловитъ какого-либо указанія, онъ считаетъ невозможнымъ опредѣленно говорить съ австрійцами и предъявлять имъ точныя требованія. Итакъ, все зависитъ отъ того, насколько предупредительно отнесутся къ нему въ Петербургѣ. Если Россія не согласится на значительное увеличеніе герцогства, онъ долженъ будетъ потребовать у Австріи меньше въ Галиціи, но зато больше въ другихъ областяхъ; если же Россія снизойдетъ къ его желаніямъ, онъ можетъ отнести на Галицію почти полностью жертвы, которыя побѣжденное государство должно будетъ понести.

Въ силу этого онъ приглашаетъ своего уполномоченнаго въ Альтенбургѣ—впредь до новыхъ приказаній—держаться общихъ мѣстъ. Конечно, говорится ему, было бы хорошо теперь же условиться относительно основъ, установить исходную точку, опредѣлить, сколько земли должна будетъ уступить Австрія, не касаясь вопроса, въ какихъ провинціяхъ. Шампаньи долженъ будетъ сперва сослаться на принципъ *uti possidetis*. Императоръ, скажетъ онъ, считаетъ себя въ правѣ получить извѣстное количество областей, равное по поверхности и населенію тѣмъ провинціямъ, которыя онъ теперь удерживаетъ за собой по праву побѣды и завоеванія. На это чрезмѣрное требованіе австрійцы, вѣроятно, отвѣтятъ предложеніями съ своей стороны, конечно, въ меньшихъ размѣрахъ, но также общаго характера. Благодаря взаимнымъ уступкамъ, стороны могутъ сблизиться, придти къ соглашенію относительно средней цифры земель и населенія, точное опредѣленіе которыхъ придется сдѣлать впослѣдствіи; однимъ словомъ, могутъ сговориться относительно количества, не касаясь качества. Необходимо, чтобы наша миссія стала именно на эту почву и упорно держалась на ней, остерегаясь не только выдавать свои виды, но даже избѣгая

всякаго слова, которое могло бы повредить намъ въ глазахъ Россіи. Поэтому Наполеонъ требуетъ, чтобы все, что будетъ сказано во время переговоровъ, заносилось въ протоколъ: протоколы будутъ тщательно редактированы и сообщены въ Петербургъ. Въ случаѣ надобности они будутъ служить доказательствомъ противъ лживыхъ обвиненій и небезкорыстной «болтовни» [1]). Впрочемъ, по всѣмъ вопросамъ Шампаньи долженъ говорить мало; онъ долженъ выжидать противника и ничуть не безпокоиться по поводу того, что переговоры затягиваются. «Не давайте замѣтить, что вы торопитесь», таково было послѣднее слово императора, когда онъ отправлялъ его въ Альтенбургъ [2]). Устроившись въ сердцѣ Австріи, непрерывно получая подкрѣпленія, усиливая съ каждымъ днемъ свое военное положеніе, истощая доходы враговъ долго-длящеюся оккупаціей ихъ провинцій, «продовольствуясь за ихъ счетъ» [3]), Наполеонъ не видитъ никакого неудобства затянуть пренія. Главное, чего онъ желаетъ, это—выиграть время, пока Россія не доставитъ ему какой-нибудь основы, необходимой для его рѣшенія [4]).

Однако и Австрія усвоила подобную же тактику. Взгляды и поведеніе Россіи точно также во многомъ входили въ ея разсчеты. Подъ впечатлѣніемъ Ваграма Австрія смирилась и просила пощады; теперь же, немного оправившись отъ удара, она сознавала, что далеко не въ такой степени разбита, чтобы соглашаться на всякія условія. Въ замкѣ Дотисъ [5]), куда укрылся дворъ, идея вести войну до послѣдней крайности еще сохраняла своихъ приверженцевъ. Императоръ Францъ не отказывался отъ мысли возобновить военныя дѣйствія въ томъ случаѣ, если побѣдитель слишкомъ тягостнымъ миромъ вздумаетъ причинить Австріи смертельныя увѣчья. Онъ охотнѣе предпочелъ бы съ честью пасть съ оружіемъ въ рукахъ, чѣмъ подписать договоръ, который привелъ бы его монархію къ безславному и вѣрному упадку.

[1]) Corresp., 15076.

[2]) Слова, приводимыя Шампаньи въ письмѣ къ императору 22 августа 1810 г. Всѣ письма, адресованныя министромъ императору во время переговоровъ, сохранены въ національныхъ архивахъ, AF, IV, 1675. Большая часть изъ нихъ крайне остроумны.

[3]) Corresp., 15816.

[4]) Cf. Wertheimer, II, 402.

[5]) Возлѣ Пресбурга.

Для отчаянной борьбы онъ уповалъ на силу своей арміи, на преданность подданныхъ, и не совсѣмъ отчаявался во внѣшней поддержкѣ. Онъ все еще велъ переговоры съ Пруссіей[1]); разсчитывалъ на скорую диверсію англичанъ, которую они не прочь были сдѣлать на Вальхеренъ, на не прекращающіяся военныя дѣйствія въ Испаніи; но, въ особенности, его взоры обращались къ Россіи. Онъ старался проникнуть въ это нѣмое государство, уяснить себѣ тайну его намѣреній. Хотя Россія и объявила ему войну, но не вела ее. Слѣдуетъ ли, думалъ онъ, изъ такого двусмысленнаго поведенія сдѣлать выводъ, что она искренно желаетъ сохраненія Австріи и неприкосновенности ея владѣній? Нельзя ли добиться, чтобы она яснѣе опредѣлила свои отношенія, чтобы вмѣшалась хотя бы дипломатическимъ путемъ, ограничила требованія побѣдителя, пригрозивъ ему въ противномъ случаѣ совсѣмъ покинуть его? Пока Россія не сниметъ покрова съ своихъ намѣреній, императоръ Францъ не хотѣлъ подписывать ни одного слишкомъ тяжелаго условія. Онъ рѣшилъ, что прежде всего «нужно позондировать Россію и готовиться къ новой борьбѣ»[2]). 30 іюля онъ написалъ Александру письмо и въ немъ между строкъ робко обратился къ нему съ мольбой. Онъ выразилъ надежду, даже увѣренность, «что интересы Австріи не останутся навсегда чуждыми Россіи»[3]). Если бы царь не захотѣлъ его понять, если бы онъ преклонился предъ успѣхомъ и крѣпче приковалъ себя къ побѣдителю, тогда—и только тогда—настало бы время склонить голову и смириться. Пока же императоръ Францъ опредѣлилъ своимъ уполномоченнымъ ихъ роль и рѣчь въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Уполномоченные постараются выиграть время до конца августа, и воспользуются этой отсрочкой, чтобы выяснить намѣренія Наполеона»[4]).

Связанные одинаковыми предписаніями, уполномоченные той и другой стороны состязались въ медлительности. Стараясь про-

---

[1]) Въ Берлинѣ, одинъ австрійскій агентъ сильно настаивалъ предъ королемъ и королевой, чтобы они объявили себя на сторонѣ Австріи: „Король, отчеканивая слова, выразился: *noch nicht* (нѣтъ еще), а присутствовавшая при этомъ королева сказала: *bald* (скоро). Депеша M. de Saint-Marsan, 1-er juillet 1809. Archives des affaires étrangères.

[2]) Mémoires de Metternich, II, 307.

[3]) См. это письмо въ Correspondance de Napoléon, XIX, 479, въ приложеніи.

[4]) Mémoires de Metternich, II, 307.

никнуть въ замыслы противной партіи и въ то же время остерегаясь какъ бы не выдать своихъ, они прикрывали свои намѣренія самой непроницаемой броней. Меттернихъ и Нугентъ рѣшительно отвергли принципъ *uti possidetis*, но замѣнить его какимъ-либо другимъ принципомъ не пожелали. Они требовали, чтобы иниціативу взяла на себя Франція, чтобы она заговорила первая и опредѣленно указала, какія земли она хочетъ удержать за собой. Шампаньи увертывался отъ этихъ требованій, заводилъ неимѣющіе прямого отношенія къ дѣлу разговоры, и переговоры велись день за днемъ, не давая опредѣленнаго результата, церемонно и безплодно [1]).

Правда, внѣ засѣданій языки немного развязывались, и между уполномоченными Австріи въ манерѣ держать себя сказывалась рѣзкая разница. Баронъ Нугентъ, скорѣе военный, чѣмъ дипломатъ, принималъ желчный и рѣзкій тонъ и былъ мелочно-обидчивъ. Меттернихъ, напротивъ, казался довѣрчивымъ, уступчивымъ и былъ крайне любезенъ. Онъ отнюдь не избѣгалъ случаевъ видѣться и разговаривать частнымъ образомъ съ Шампаньи, и этотъ послѣдній любезно доставлялъ ему желанные случаи. Въ ту эпоху, когда дипломатія не утратила еще добрыхъ традицій восемнадцатаго вѣка, не было посредниковъ, которые среди наиважнѣйшихъ и мучительныхъ преній не удѣляли бы часть своего времени свѣтскимъ развлеченіямъ. Въ Альтенбургѣ, въ которомъ конгрессъ вызвалъ нѣкоторое оживленіе, Шампаньи постарался собрать вокругъ себя все, что могъ доставить въ дѣлѣ свѣтскихъ рессурсовъ австрійскій провинціальный городъ. Водворясь въ странѣ по праву завоеванія, онъ старался сдѣлать пріятнымъ пребываніе въ ней ея законнымъ владѣльцамъ и любезно принималъ ихъ въ ихъ собственномъ домѣ. Въ замкѣ, гдѣ онъ

---

[1]) Австрійцы говорили слѣдующимъ образомъ: „Мы находимся въ положеніи человѣка, у котораго хотятъ отнять руку или ногу. Не должны ли вы намъ сказать, что именно хотите вы отнять?“ — „Это сравненіе, прибавляетъ Шампаньи въ письмѣ къ императору,—было сдѣлано Нугентомъ, на что я отвѣтилъ, что, предоставляя ему на выборъ, чѣмъ онъ долженъ пожертвовать, я этимъ оказываю ему особенное вниманіе. Меттернихъ, который нашелъ, что сравненіе его товарища немного хромало, сдѣлалъ другое; онъ сказалъ, „Австрія скорѣе въ положеніи человѣка, которому выстрѣлили въ ногу. Не дѣло ли хирурга указать мѣсто, гдѣ нужно отрѣзать ногу?“ Я поздравилъ себя съ тѣмъ, что состою хирургомъ Австріи“. Письмо отъ 19 августа.

жилъ, онъ давалъ обѣды, устраивалъ пріемы. «Дамы надѣются, что я доставлю имъ случай потанцовать,—писалъ онъ:—я не обману ихъ ожиданій» [1]). Меттернихъ часто бывалъ на этихъ собраніяхъ. Онъ пользовался тамъ почетомъ и забывалъ на время свою роль побѣжденнаго. 15 августа, во время бала, даннаго французами по случаю чествованія дня Святаго Наполеона, онъ дошелъ до того, что провозгласилъ тостъ за миръ, къ великому негодованію своего коллеги, который не понималъ и не извинялъ подобныхъ слабостей.

Однако, еще до этого Меттернихъ пояснилъ и пользовался всякимъ случаемъ указать, о какомъ мирѣ онъ не прочь говорить. Это была не та - съ такимъ безсердечіемъ обсуждаемая— мировая сдѣлка, не тотъ миръ, какой императоръ французовъ хотѣлъ подписать послѣ долгаго торга и который оставилъ бы послѣ себя поводы къ раздору: это былъ миръ великодушный, который повлекъ бы за собой полное и совершенное возстановленіе Австріи, вернулъ бы ей всѣ занятыя провинціи, съ забвеніемъ прошлаго, съ прочнымъ примиреніемъ,—однимъ словомъ, миръ на почвѣ союза, подобный тому миру, какой былъ заключенъ два года тому назадъ на берегахъ Нѣмана.

За время послѣднихъ бѣдствій своей родины Меттернихъ сумѣлъ извлечь изъ событій указанія для будущаго. Онъ не могъ удержаться, чтобы не сопоставить поведеніе Австріи и Россіи въ послѣднихъ событіяхъ и чтобы не сдѣлать это сопоставленіе предметомъ своихъ размышленій. Въ продолженіе семнадцати лѣтъ, говорилъ онъ себѣ, Австрія съ безразсуднымъ великодушіемъ жертвовала собой ради спасенія Европы; она упорно, безъ передышки боролась съ вѣчнымъ побѣдителемъ. Что выиграла она этою непримиримой политикой? Только то, что четыре раза подвергалась вторженію врага, два раза видѣла его въ Вѣнѣ, потеряла цѣнныя провинціи и теперь рисковала лишиться самыхъ жизненныхъ частей. Россія была куда предусмотрительнѣе. Разбитая подъ Фридландомъ, она улыбнулась побѣдителю, бросилась въ его объятія, и, вмѣсто того, чтобы вести противъ него ожесточенную, упорную борьбу, въ настоящее время невозможную, ухватилась за его счастье и предложила

---

[1]) Письмо къ императору, 17 августа, цитируемое Wertheimer'омъ. II, 400.

ему свою помощь и свои услуги. Этимъ она, во-первыхъ, выиграла то, что обезпечила себѣ покой и неприкосновенность своихъ владѣній; затѣмъ, мало по-малу, заручилась большими выгодами и на глазахъ у всѣхъ окрѣпла и округлила свои границы, тогда какъ вокругъ нея все гибло и рушилось. Не представляетъ ли такое поведеніе предметъ, достойный для размышленія и примѣръ для подражанія? Безъ сомнѣнія, Меттернихъ былъ далекъ отъ мысли объ искреннемъ сближеніи съ Наполеономъ. Ему и въ голову не приходило признать навсегда пріобрѣтенныя Франціей завоеванія и новый установившійся въ Европѣ порядокъ. Но, тѣмъ не менѣе, онъ разсчитывалъ, что, если бы Австрія присоединилась на короткое время къ Наполеону, она могла бы спастись отъ послѣдствій послѣдняго пораженія, могла бы избѣгнуть новыхъ потерь и даже пріобрѣсти возможность на вѣрной, удобной и выгодной позиціи ожидать часа всемірной измѣны «и дня всеобщаго освобожденія» [1]). Это-то онъ и называлъ «работать для спасенія болѣе мягкими средствами» [2]). Съ этого времени его цѣлью, его завѣтнымъ желаніемъ было—подражать Россіи, съ тайной мыслью замѣстить ее въ сердцѣ Наполеона. Мечтой, которую онъ лелѣялъ, было связать свое имя съ австрійскимъ Тильзитомъ.

Въ своихъ частныхъ разговорахъ съ Шампаньи, онъ постоянно возвращался къ предмету своей мысли. Днемъ, вечеромъ, во время прогулки, на балу—онъ старательно искалъ его общества. Приглашенный къ обѣду, онъ приходилъ пораньше и привѣтливымъ тономъ говорилъ: «Побесѣдуемъ, ибо только этимъ путемъ мы можемъ что-нибудь сдѣлать» [3]). Между ними начинался разговоръ въ стилѣ «дипломатовъ-космополитовъ» [4]), которые, отрѣшившись отъ спорныхъ вопросовъ и злобы дня, разсматриваютъ событія съ высшей точки зрѣнія, стремясь извлечь изъ нихъ мудрое поученіе. Вполнѣ естественно, что мысли ихъ останавливались на прошломъ. Союзъ съ Австріей, говорилъ Меттернихъ, былъ бы для Наполеона истиннымъ средствомъ достичь его цѣлей — успокоить Европу и сломить Англію. «Въ Пресбургѣ

---

[1]) Mémoires de Metternich. II, 305.

[2]) Id.

[3]) Шампаньи Наполеону, 29 августа.

[4]) Id., 13 сентября.

Императоръ упустилъ лучшій моментъ своего царствованія» [1]. Впрочемъ, по словамъ Меттерниха, развѣ 1809 годъ не представлялъ во многомъ сходства съ 1805 годомъ, и развѣ нельзя было вновь поймать упущенный случай? Правда, теперь положеніе нѣсколько иное, теперь Францiя и Россія состоятъ въ тѣсной связи. но отчего бы имъ не принять въ свой кружокъ Австрію, а не осуждать ее на унизительное одиночество? «Чтобы мы не оставались въ положеніи лица, которое, находясь въ одной комнатѣ съ двумя другими, видитъ, какъ тѣ шушукаются» [2]). Можно было бы начать съ принятія идеи, высказанной Наполеономъ до разрыва, т. е. установить между тремя имперіями общее соглашеніе, взаимную гарантію, а затѣмъ, думалъ про-себя Меттернихъ, Австрія. проскользнувъ третьимъ лицомъ въ Тильзитское соглашеніе, легко нашла бы средство разстроить соглашеніе, вытѣснить изъ него Россію и занять ея мѣсто.

Съ этихъ поръ, онъ находилъ полезнымъ вредить Александру въ глазахъ Наполеона, и искусно обвинялъ того, у кого его правительство втайнѣ искало помощи и покровительства. Россія, говорилъ онъ, могла бы помѣшать войнѣ, если бы съ самаго начала заняла опредѣленное и рѣшительное положеніе. Его мнѣніе было болѣе, чѣмъ справедливо, и совпадало съ тѣмъ, что постоянно высказывалъ императоръ Наполеонъ. Что сдѣлали русскіе за время кампаніи?—спрашивалъ Меттернихъ,—и продолжалъ: «Они не сдѣлали ни одного выстрѣла и проливали только польскую кровь» [3]). Какъ видимъ, Австрія—въ лицѣ своего представителя—дошла то того, что выражала негодованіе на то, что намъ такъ дурно помогали противъ нея. Не таковъ домъ Габсбурговъ, прибавлялъ Меттернихъ, онъ не проявилъ бы при подобныхъ обстоятельствахъ такой дряблости и бездѣятельности. Онъ всегда былъ твердъ въ своихъ привязанностяхъ, его всегдашней гордостью была непоколебимая вѣрность разъ принятымъ на себя обязательствамъ; онъ сумѣлъ бы лучше, чѣмъ непослѣдовательный и непостоянный русскій дворъ, быть помощникомъ при выполненіи великихъ плановъ. «Мы можемъ служить вамъ подобно Россіи, говорилъ Меттернихъ, и, можетъ быть, даже вѣрнѣе Россіи, ибо у нашего кабинета нѣтъ такой

[1]) Шампаньи Наполеону. 13 сентября.
[2]) Id. 18 августа.
[3]) I c.

двуличной политики: введите насъ въ вашу систему, и вы не будете имѣть повода сомнѣваться въ насъ. Вотъ на какой основѣ, — почетной для насъ, полезной для васъ,—желали бы мы заключить миръ» [1]).

Нельзя сказать, чтобы Наполеонъ относился безразлично къ подобнымъ рѣчамъ, но все-таки онѣ не обладали даромъ измѣнить его рѣшенія. Онъ не допускалъ, чтобы побѣжденный могъ дешево отдѣлаться; онъ даже начиналъ находить, что въ Дотисѣ слишкомъ долго не рѣшаются признать въ принципѣ необходимость большой жертвы. Его желаніемъ было, чтобы переговоры, хотя и медленнымъ шагомъ, но шли къ этой цѣли; на дѣлѣ же они не подвигались ни на іоту. Такая неподвижность, превосходя желанія императора, раздражала его. Онъ находилъ, что Шампаньи туго разбирается въ игрѣ противниковъ, и слишкомъ медленно разузнаетъ, до чего можетъ идти ихъ уступчивость. Онъ упрекалъ министра въ недостаткѣ чутья и проницательности [2]). Наконецъ, чтобы дать толчокъ переговорамъ, онъ согласился кинуть туда нѣсколько названій городовъ и провинцій и то не сразу, заставляя вытягивать изъ себя слова и держась очень далеко отъ Галиціи. 24 августа онъ приказалъ потребовать Зальцбургъ и линію рѣки Энсъ; 29-го крупный кусокъ со стороны Италіи,—все, что еще оставалось у Австріи на берегахъ Адріатическаго моря. Вмѣстѣ съ тѣмъ, считая, что почва въ Петербургѣ должна быть уже въ достаточной степени подготовлена, онъ приказалъ написать герцогу Виченцы, чтобы онъ сталъ на болѣе опредѣленную почву и формально приступилъ къ вопросу о Галиціи на основѣ, которая была ему указана. «Отправьте это письмо немедленно, приказалъ онъ Шампаньи,

---

[1]) Шампаньи Наполеону. 18 августа.

[2]) По этому поводу разсказываютъ слѣдующій анекдотъ. Шампаньи увезъ съ собой во время кампаніи начальника отдѣленія Ла-Бенардіéра. Послѣдній, возвратясь въ Парижъ послѣ мира, пошелъ навѣстить князя Талейрана, своего прежняго министра. Во время разговора князь спросилъ, не сожалѣетъ ли о немъ императоръ и не говорилъ ли когда-нибудь о немъ. „Нѣтъ,—отвѣчалъ Ла-Бернадіéръ.- Какъ, никогда! воскликнулъ Талейранъ.— Можетъ быть, сказалъ Барнадіéръ, одинъ только разъ, намекомъ, при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Императоръ жаловался на Шампаньи, которому все не удавалось узнать, что австрійцы намѣрены уступить, и вотъ тогда онъ сказалъ: „Вотъ, если бы я послалъ того с... с. , я увѣренъ, что я узналъ бы, что у нихъ и въ желудкѣ“.

я нахожу это дѣло спѣшнымъ» [1]). По его мнѣнію, необходимо было, какъ можно скорѣе, добиться согласія царя на предполагаемую сдѣлку, и, развязавъ себѣ такимъ образомъ руки, получить возможность идти впередъ въ переговорахъ съ Австріей. Впрочемъ, Наполеонъ надѣется, что въ ближайшіе дни письмо Коленкура, — въ которомъ тотъ дастъ ему отчетъ о томъ, какъ относятся въ Петербургѣ къ высказываемымъ посломъ лично отъ себя мыслямъ о раздѣлѣ Галиціи,—или посланіе отъ царя, или же какое-нибудь другое указаніе или симптомъ, обнаруживъ желанія Россіи, дадутъ ему возможность устранить неизвѣстную величину, отъ которой зависитъ рѣшеніе задачи.

II.

1 сентября вечеромъ пріѣхалъ въ Вѣну флигель-адъютантъ царя. Это былъ полковникъ Чернышевъ, который былъ при Наполеонѣ во время битвы при Ваграмѣ. Онъ привезъ письма отъ своего государя, одно – императору французовъ, другое—австрійскому императору. Вручивъ первое, онъ долженъ былъ поѣхать въ Дотисъ и вручить второе; затѣмъ, вернувшись въ Шенбрунненъ, поступить въ распоряженіе Наполеона. Это былъ не уполномоченный для переговоровъ, даже не парламентёръ: это былъ, по выраженію Александра, «гонецъ» [2]), назначеніемъ котораго было облегчить переписку между государями Франціи и Россіи.

Наполеонъ принялъ Чернышева на другой день по его пріѣздѣ, въ семь часовъ утра, и, видимо, былъ доволенъ, что опять видитъ его. Это былъ человѣкъ уже знакомый. Между нимъ и офицерами нашего главнаго штаба установились во время похода на бивакахъ товарищескія и братскія отношенія. Наполеонъ думалъ, что, можетъ быть, благодаря этому, удастся получить отъ него какія-нибудь свѣдѣнія. Онъ принялъ его хорошо, засыпалъ вопросами объ императорѣ Александрѣ, заботливо освѣдомлялся о немъ и поспѣшно взялъ письмо. Оно было написано въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Мой Братъ... возможность мира доставляетъ мнѣ истинное удовольствіе. Мои интересы въ рукахъ Вашего Величества; мнѣ

---

[1]) Corresp., 15706.

[2]) Донесеніе Коленкура № 48, августъ 1809 г.

пріятно вполнѣ довѣриться вашей дружбѣ ко мнѣ. Вы можете дать мнѣ неоспоримое доказательство таковой, если вспомните, что я вамъ часто повторялъ въ Тильзитѣ и въ Эрфуртѣ объ интересахъ Россіи по отношенію къ дѣламъ бывшей Польши, равно какъ и то, что я неоднократно поручалъ вашему посланнику передать вамъ отъ моего имени. Я ссылаюсь на содержаніе его депеши, составленной на основаніи моихъ бесѣдъ съ нимъ, если только онъ былъ точенъ въ своихъ донесеніяхъ. Ваше Величество отдадите мнѣ справедливость, что, начиная войну противъ Австріи, я ничего не выговорилъ себѣ заранѣе; что, начавъ эту войну, я имѣлъ на рукахъ уже четыре, изъ которыхъ двѣ были слѣдствіемъ моего союза съ вами. Величайшее мое желаніе состоитъ въ томъ, чтобы было устранено все, что могло бы повредить нашему союзу, дабы онъ могъ все болѣе укрѣпляться. Повторяю Вашему Величеству, что мнѣ пріятно, при столь важномъ случаѣ, вполнѣ разсчитывать на вашу дружбу ко мнѣ. Ваше Величество видитъ, что я предоставляю вамъ полную свободу и вполнѣ полагаюсь на васъ. Я имѣю право надѣяться, что и вы ко мнѣ отнесетесь точно такъ же. Я поручаю предъявителю сего письма передать другое письмо австрійскому императору. Затѣмъ онъ вернется къ вамъ и будетъ ждать приказаній Вашего Величества» [1]).

Это письмо было весьма точно по нѣкоторымъ вопросамъ и крайне неопредѣленно по другимъ. Первое заключеніе, которое вытекало изъ него, было слѣдующее: императоръ Александръ не будетъ имѣть при переговорахъ собственныхъ представителей. Взваливъ на Наполеона всю тягость войны, онъ дѣлалъ его отвѣтственнымъ и за условія мира. Далѣе онъ довѣрялъ и поручалъ ему русскіе интересы. Эти интересы сосредоточивались исключительно на Польшѣ. Это было уже извѣстно, но Александръ повторялъ это снова; онъ трижды, раздраженно и настойчиво, возвращается къ этому вопросу, и хотя и намеками, но ясно даетъ понять, что въ договорѣ не должно быть ничего такого, что способствовало бы возстановленію уничтоженнаго королевства или предвѣщало бы это. Но при этомъ онъ ничего не говоритъ, что именно онъ

[1]) Это письмо, такъ же какъ и письмо къ австрійскому императору, было опубликовано въ Correspondance de Napoléon, XIX, ст. 480—481, въ примѣчаніи.

сталъ бы считать имѣющимъ такое значеніе и такой смыслъ. Напримѣръ, сочтетъ ли онъ, что уже одинъ фактъ расширенія Варшавскаго герцогства, даже въ томъ случаѣ, если Россія получитъ вознагражденіе и гарантіи, будетъ для него оскорбителенъ; что онъ усмотритъ въ этомъ—угрозу или опасность? Выставляя отрицательное положеніе, онъ не позаботился самъ вывести положительныхъ слѣдствій. Слова, которыя были сказаны имъ посланнику и на которыя онъ теперь ссылался, имѣли тотъ же общій характеръ. Наполеонъ приказалъ Савари позондировать Чернышева, но тотъ не могъ или не хотѣлъ ничего сказать. Такимъ образомъ, императоръ былъ предоставленъ догадкамъ, впредь до тѣхъ поръ, пока не прибудетъ отвѣтное донесеніе отъ Коленкура на инструкцію отъ 12 августа и не дастъ возможности объяснить и истолковать слова царя.

Теперь Наполеонъ еще съ бóльшимъ нетерпѣніемъ ждетъ отвѣта посланника. «Какъ вы думаете, когда онъ прибудетъ?» [1]), пишетъ онъ Шампаньи вслѣдъ за тѣмъ, какъ онъ повидалъ Чернышева и получилъ отъ него посланіе. Въ тотъ же день онъ приказываетъ, чтобы его уполномоченный въ Альтенбургѣ отложилъ вопросъ о Галиціи. Онъ приказываетъ, чтобы въ нотѣ приложенной къ протоколу, было сказано, что «эти области должны сдѣлаться предметомъ особаго обсужденія...» [2]). Въ настоящее же время пусть Шампаньи пробавляется вопросами о Зальцбургѣ и Энсѣ, объ иллирійскихъ провинціяхъ и затѣмъ прибавитъ требованіе трехъ округовъ въ Богеміи. Императоръ пишетъ: «Слѣдуетъ упорно стоять на томъ, чтобы переговоры велись на основаніи этихъ трехъ пунктовъ. Это дастъ въ наше распоряженіе восемь дней, необходимыхъ, чтобы установить, какое, въ концѣ концовъ, придется принять рѣшеніе относительно Галиціи» [3]). И снова его умъ работаетъ надъ этимъ тернистымъ вопросомъ, который, ничуть не проясняясь, дѣлается все болѣе труднымъ и болѣе назойливымъ. «У меня нѣсколько проектовъ, говоритъ онъ, но я никогда не соглашусь принести въ жертву мести австрійскаго дома тѣхъ, которые насъ приняли въ этой провинціи. Въ концѣ концовъ—глубочайшая тайна относительно Галиціи, и—требо-

---

[1]) Corresp., 15733.
[2]) Id., 15744.
[3]) Id.

вать настойчиво, чтобы переговоры велись на основаніи названныхъ трехъ пунктовъ» [1]).

Ему досадно, что письмо царя не позволяетъ ему формулировать всѣхъ своихъ требованій. Тѣмъ не менѣе, онъ хочетъ воспользоваться этимъ письмомъ, чтобы оказать давленіе на австрійцевъ и вынудить ихъ на уступки. Онъ думаетъ, что не безполезно довести до ихъ свѣдѣнія, что Россія не будетъ присутствовать на конгрессѣ, что, слѣдовательно, она безразлично относится къ ихъ судьбѣ и оставляетъ ихъ одинокими предъ лицомъ побѣдителя. Онъ поручаетъ Шампаньи передать все это Меттерниху, которому слѣдуетъ внушить, что въ вопросѣ объ условіяхъ мира Россія вполнѣ солидарна съ нами, и что, въ случаѣ новыхъ враждебныхъ дѣйствій, содѣйствіе ея арміи вполнѣ обезпечено за нами. Наполеонъ старается поддержать вѣру въ это, расточая всенародно милости Чернышеву. Въ тотъ же день, когда онъ принялъ Чернышева на аудіенціи, онъ приглашаетъ его на завтракъ, сажаетъ за свой столъ вмѣстѣ съ вице-королемъ Италіи, съ княземъ Невшательскимъ и тремя маршалами; онъ запросто и много разъ обращается къ нему съ разговоромъ. Затѣмъ онъ беретъ его съ собой на парадъ и въ театръ. Онъ держитъ его подлѣ себя,—такъ, чтобы это всѣмъ бросилось въ глаза, и судя по тѣмъ стараніямъ, которыя онъ употребляетъ, чтобы заставить Чернышева фигурировать въ своей свитѣ, онъ, видимо, хочетъ подчеркнуть свою близость съ императоромъ Россіи [2]).

Правда, на другой день Чернышевъ, чтобы отвезти письмо австрійскому императору, долженъ былъ отправиться во враждебный лагерь. Такъ какъ этому нельзя было помѣшать то, съ нашей стороны, постарались, по крайней мѣрѣ, воспрепятствовать сколько-нибудь продолжительному общенію русскаго съ

[1]) Id. Наполеонъ могъ разсчитывать на повиновеніе своего министра. Шампаньи не только устранялъ въ своихъ разговорахъ отложенный вопросъ, но ждалъ даже приказанія, чтобы позволить себѣ думать о немъ. „Я не боюсь, писалъ онъ императору, что проникнутъ въ мое мнѣніе относительно Галиціи; я самъ воздерживаюсь составлять себѣ мнѣніе до той минуты, пока не получу приказанія Вашего Величества". Письмо отъ 24 августа.

[2]) Донесеніе Чернышева, въ Recueil de la Société impériale d'histoire de Russie, XXI, 306—307.

австрійцами. Чтобы попасть изъ Вѣны въ Дотисъ, Чернышевъ долженъ былъ проѣхать черезъ Альтенбургъ. На тѣ нѣсколько часовъ, которые онъ провелъ въ этомъ городѣ, Шампаньи завладѣлъ имъ вполнѣ и держалъ его въ сладостномъ плѣну. Чтобы помѣшать ему видѣть Меттерниха, онъ «засыпáлъ его изысканно-любезными фразами» [1]) и убѣждалъ поторопиться съ поѣздкой. «Чернышевъ, — писалъ французскій министръ своему государю,—имѣлъ желаніе задержаться здѣсь, чтобы присутствовать на балу, который я даю сегодня. Имѣя въ виду его поѣздку въ Дотисъ, я считалъ болѣе удобнымъ, чтобы онъ никого, кромѣ меня, не видалъ. Завтракалъ онъ со мной. Карета его стояла заложенной въ продолженіе часа у моего подъѣзда. Болѣе продолжительное пребываніе здѣсь дало бы ему возможность видѣть Меттерниха, и въ обществѣ могли бы заподозрить, что онъ имѣлъ какія-нибудь тайныя порученія къ министру австрійскаго императора» [2]). Изъ особой предосторожности, подъ предлогомъ почетной охраны, конвой французскихъ драгунъ сопровождалъ Чернышева вплоть до непріятельскихъ аванпостовъ.

Въ Дотисѣ появленіе русскаго мундира произвело сенсацію. Генералы, сановники, принцы толпились вокругъ Чернышева. Каждый изъ нихъ старался по его лицу или словамъ уловить, что думаетъ Россія. Потерявъ душевное равновѣсіе, раздираемые разногласіями, они стремились найти въ ней точку опоры. Жизнь двора, съ неразлучными съ нею интригами, борьбой партій и соперничествомъ, была цѣликомъ перенесена вслѣдъ за императоромъ Францемъ въ тѣсную резиденцію, гдѣ преслѣдуемый несчастьемъ, бѣжавшій изъ столицы монархъ нашелъ себѣ пріютъ. Тамъ все еще не пришли къ окончательному рѣшенію, и по-прежнему царили хаосъ и разногласіе. Военные стояли за миръ, штатскіе требовали войны. Медленность переговоровъ въ Альтенбургѣ доставляла послѣднимъ доводы, дающіе возможность предполагать, что Наполеонъ или не хочетъ мира, или хочетъ его на условіяхъ неприемлемыхъ. При этомъ сторонники продолженія войны нашли вблизи самого государя полезнаго имъ союзника. Императрица держалась ихъ мнѣнія. Эта пылкая, увлекающаяся, нервная го-

---

[1]) Донесеніе Чернышева, вышеупомянутый томъ, 311.
[2]) Шампаньи императору, 28 августа 1810 г.

сударыня, «почти красавица»[1]), нерѣдко оказывала рѣшающее вліяніе на своего супруга то обаяніемъ своей красоты и ласками, то надоѣдая ему безконечными сценами. Сверхъ того, при этомъ удивительномъ дворѣ каждое изъ лицъ, имѣющихъ вліяніе на дѣла, имѣло своего собственнаго руководителя. Вице-канцлеръ Стадіонъ предоставлялъ управлять собой своему брату, воинственному аббату. Императоръ—какъ и всѣ государи, обладающіе его складомъ характера, гордые и въ то же время застѣнчивые, чувствительные къ лести и боящіеся людей, превосходство которыхъ они чувствуютъ—имѣлъ склонность къ маленькимъ людямъ. Онъ ввѣрился своему секретарю, венгерцу Бальдачи, котораго презиралъ, но, тѣмъ не менѣе, слушался. У императрицы руководителемъ въ политикѣ былъ графъ Пальфи, который пріобрѣлъ ея довѣріе тѣмъ, что воздавалъ ей поклоненіе въ стилѣ сентиментальныхъ рыцарей. Всѣ эти вліянія работали въ настоящее время въ пользу войны и стремились взять верхъ. Стадіонъ, устраненный на нѣкоторое время, только-что былъ призванъ и торжественно появился на сценѣ. Министры и царедворцы громко говорили о томъ, чтобы вооружиться геройствомъ и возобновить борьбу, вовсе не думая серьезно готовиться къ этому въ высшей степени рискованному предпріятію.

Вотъ при какихъ условіяхъ императоръ Францъ прочелъ привезенное Чернышевымъ письмо Александра. Это письмо, показанное предварительно Наполеону, было коротко, вѣжливо и написано въ очень обдуманныхъ выраженіяхъ, которыя, подобно притчамъ, требовали толкованія. Царь осторожно совѣтовалъ миръ, высказывалъ въ пользу такого рѣшенія платоническое пожеланіе, и извинялся, что, по дальности разстоянія, не можетъ ему способствовать. «Мнѣ было бы весьма утѣшительно,—говорилъ онъ,—предложить мои добрыя услуги и создать общность интересовъ и дружбы между Австріей, Франціей и Россіей»[2]). Такимъ образомъ, онъ подтверждалъ свои симпатіи къ австрійскимъ интересамъ, но, проявляя свою заботливость о нихъ, онъ, благодаря искусному изложенію письма, не отдѣлялъ ихъ отъ французскихъ интересовъ. Эти слова доказывали, что онъ не

[1]) Слова Меттерниха, повторенныя Шампаньи въ письмѣ къ императору отъ 3 января 1809 г. Archives nationales, AF. IV, 1675.

[2]) См. Correspondance de Napoléon, XIX, p. 480.

вступится за побѣжденныхъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и не будетъ противъ нихъ; въ его письмѣ не заключалось ничего такого, что могло бы дать опредѣленное направленіе рѣшеніямъ Австріи.

Тѣмъ не менѣе, оно произвело нѣкоторое впечатлѣніе. Вскорѣ послѣ этого рѣчь австрійскихъ уполномоченныхъ въ Альтенбургѣ измѣнила свой характеръ. Будучи до сихъ поръ въ официальныхъ сношеніяхъ крайне сдержанными, ограничиваясь только противодѣйствіемъ нашимъ требованіямъ, они вдругъ выступили со своими предложеніями, перенося ихъ исключительно на Галицію. Съ первыхъ же дней переговоровъ они распознали въ этой провинціи поводъ къ раздору между Россіей и Франціей и связующее звено между Россіей и Австріей. Тѣмъ не менѣе, подобно намъ, они сначала избѣгали даже упоминать о ней. Разсчитывая, что Россія будетъ присутствовать на конгрессѣ, они поджидали ее, имѣя въ виду приступить къ обсужденію галиційскаго вопроса при ея доброжелательномъ участіи и на почвѣ этого вопроса создать себѣ съ нею связь. Узнавъ, что она воздерживается отъ участія въ конгрессѣ, они не имѣли уже причины откладывать дѣло и выразили желаніе уступить намъ часть Галиціи. Поощряя насъ взять себѣ именно съ этой стороны, они надѣялись бросить сѣмена, изъ которыхъ въ недалекомъ будущемъ выросъ бы раздоръ между Наполеономъ и Александромъ; они даже разсчитывали теперь же пробудить недовѣріе царя, вывести его изъ пассивнаго состоянія, усилить его вниманіе и, можетъ быть, вызвать на болѣе дѣятельное вмѣшательство. Въ виду же того, что Галиція всегда была въ состояніи скрытаго или явнаго мятежа и что изъ всѣхъ австрійскихъ владѣній они менѣе другихъ дорожили ею, ихъ наибольшимъ желаніемъ было уплатить военныя издержки этой провинціей. Поэтому съ этихъ поръ, во время каждаго засѣданія, Меттернихъ и Нугентъ постоянно предлагаютъ и постепенно усиливаютъ уступки на Сѣверѣ. Тщетно представитель Франціи прикидывается глухимъ и дѣлаетъ видъ, что не понимаетъ ихъ,—они упорно преслѣдуютъ его своими предложеніями, и въ отвѣтъ на слова Шампаньи объ Иллиріи, Нижней Австріи или Богеміи, бросаютъ къ его ногамъ нѣсколько кусковъ Польши [1]).

Правда, австрійскій императоръ не надѣялся отдѣлаться толь-

[1]) Шампаньи императору, 5, 7 и 9 сентября 1809 г.

ко уступками въ Галиціи. Поэтому, прежде чѣмъ высказаться за войну или покорно подписать миръ, онъ желалъ знать послѣднее слово побѣдителя по всѣмъ пунктамъ. Чтобы получить вѣрныя свѣдѣнія по этому предмету, онъ не разсчитывалъ на свою миссію въ Альтенбургѣ. Ему казалось, что его уполномоченные не сумѣли придать преніямъ правильнаго и систематическаго направленія; подобно Наполеону и Францъ плакался на своихъ представителей. «Ваши письма, писалъ онъ Меттерниху, производятъ впечатлѣніе перемежающейся лихорадки: одинъ день вы мнѣ пишете, что нѣтъ ничего; на слѣдующій день сообщаете, что что-то начинается, но что? – нельзя опредѣлить» [1]). Дурно начатыя пренія обѣщали тянуться неопредѣленное время безъ всякихъ результатовъ. Но, думалъ императоръ Францъ, можетъ быть, удастся проникнуть въ скрытую и глубоко-затаенную мысль Наполеона, если обратиться къ нему непосредственно, помимо его уполномоченнаго. Императоръ Францъ самъ написалъ Наполеону и поручилъ генералъ-адъютанту графу Бубна отвезти письмо въ Шенбрунненъ. Онъ ограничился въ немъ протестомъ противъ всякаго чрезмѣрнаго требованія. При личномъ разговорѣ Бубна долженъ былъ пойти далѣе, и, если возможно, добиться, чтобы Наполеонъ точно и поименно указалъ территоріи, которыя ему желательно удержать за собой, и притомъ уменьшилъ общее количество своихъ притязаній.

Прибывъ 9 сентября въ Вѣну, Бубна былъ пораженъ тѣмъ настроеніемъ, которое онъ подмѣтилъ среди приближенныхъ императора и среди всѣхъ чиновъ французскаго генеральнаго штаба. Побѣдители были грустны. У этихъ людей, которыхъ война возвела на пьедесталъ, утомленіе борьбой дошло до крайности. Между ними не было ни одного, кто бы безъ горечи и отвращенія смотрѣлъ на возобновленіе рѣзни. Водворившись во вражеской столицѣ, вблизи высотъ Энцерсдорфа и Ваграма, гдѣ «едва прикрытые землею трупы обрисовывали мѣста» [2]) бывшихъ атакъ, они отнюдь не ощущали радости и гордости, свойственныхъ побѣдителямъ. Въ Вѣнѣ, въ этомъ городѣ, имѣвшемъ совершенно военный видъ, переполненномъ войсками, «блестѣвшемъ

[1]) Шампаньи императору, 1 сентября 1809 г.
[2]) Souvenirs du feu duc de Broglie, I, 74.

касками и кирасами» [1]), всѣ—и австрійцы, и французы—мечтали о мирѣ. Чтобы добраться до императора, графу Бубна пришлось пройти сквозь строй маршаловъ, генераловъ, сановниковъ, и всѣ они желали добраго успѣха его примирительной миссіи.

Настроеніе Наполеона не отличалось существенно отъ общаго. Конечно, онъ скорѣе согласился бы рискнуть всѣмъ; онъ скорѣе прошелъ бы со своей арміей изъ конца въ конецъ всю Австрію, но не отказался бы доказать и увѣковѣчить свои побѣды блестящими выгодами, но, при всемъ томъ, онъ искренно желалъ быть избавленнымъ отъ этой крайности. Онъ ясно замѣчалъ вокругъ себя глухой ропотъ и подавленныя проклятія; онъ чувствовалъ, какъ росло недовольство его приближенныхъ и подымалась противъ него ненависть народовъ. Мало-по малу имъ овладѣло желаніе появиться торжествующимъ побѣдителемъ въ своей столицѣ, гдѣ на мгновеніе поколебалась вѣра въ его звѣзду, и снова завладѣть общественными симпатіями. Сверхъ того, онъ торопился покончить съ Австріей, чтобы имѣть возможность заняться другими дѣлами и довершить ихъ, такъ какъ, стремясь сразу достигнуть всѣхъ своихъ цѣлей, онъ навлекъ на себя со всѣхъ сторонъ хлопоты и затрудненія. Въ то самое время, когда онъ, имѣя въ тылу у себя объятую мятежомъ Испанію, боролся на Дунаѣ, онъ низложилъ и заточилъ Папу и присоединилъ Римъ къ своей имперіи. Онъ нисколько не скрывалъ своего желанія ускорить мирную развязку. Въ присутствіи Чернышева, вернувшагося къ нему изъ Дотиса, онъ высказываетъ отвращеніе къ новой войнѣ, и, декламируя, говоритъ: «Кровь, постоянно кровь! Ужъ слишкомъ много пролито ея... И кромѣ того—прибавилъ онъ, переходя къ обыкновенному тону и еще болѣе выдавая свои мысли—мнѣ хотѣлось бы вернуться въ Парижъ» [2]).

Нужно сказать и то, что ему страшно надоѣло вести переговоры при условіяхъ, когда руки его были связаны, когда требовалось стоять во всеоружіи противъ Австріи и косвенно вести переговоры съ Россіей; когда на каждомъ шагу, прежде чѣмъ наступать на противника, нужно было поглядывать на Петер-

---

[1]) Id.

[2]) Донесеніе Чернышева, вышеупомянутый томъ, 317.

бургъ, считаться съ мнѣніемъ Александра, выпытывать его и стараться разгадать эту живую загадку. Онъ находилъ, что эта Россія, которая все задерживала, которая, стушевываясь во время войны, тормозила заключеніе мира, заставляла слишкомъ дорого оплачивать свои безполезныя услуги. Но какъ, думалъ онъ, замѣнить эту неудобную союзницу? Правда, Австрія предлагала занять мѣсто Россіи за миръ безъ территоріальныхъ уступокъ, за полное и великодушное забвеніе прошлаго. Устами Меттерниха и всѣхъ офицеровъ, которые имѣли случай приблизиться къ императору, она говорила о союзѣ и просила, чтобы подвергли испытанію значеніе и надежность ея содѣйствія. Отчего бы, думалъ императоръ, послѣ всего происшедшаго не сдѣлать подобнаго опыта? Въ послѣдней кампаніи Австрія проявила энергію и жизнеспособность; ея армія держалась храбро и благородно; наши противники при Эслингѣ вовсе не были ниже противниковъ при Эйлау. Конечно, Австрія могла бы сдѣлаться для нашей политики драгоцѣннымъ помощникомъ, настоящей точкой опоры, если бы у нея было иное правительство. Но чего можно ждать отъ такого государя, какъ императоръ Францъ, у котораго нѣтъ воли, а только предразсудки? Что можетъ дать государь, окруженный злыми и развращенными людьми, неспособный устоять предъ интригами, игрушка въ рукахъ партій? «Вѣдь онъ всегда придерживается мнѣнія того, кто послѣдній говоритъ съ нимъ; на него всегда будутъ имѣть вліяніе разные Бальдачи и Стадіоны» [1]). Впрочемъ, говорятъ, что императоръ Францъ усталъ царствовать, что имъ овладѣло утомленіе и отвращеніе къ дѣламъ. Ну что же! пусть онъ пожертвуетъ собою для блага своихъ народовъ, пусть предложитъ себя искупительной жертвой, пусть сойдетъ съ престола и предоставитъ его человѣку твердому, миролюбивому и разсудительному, напримѣръ, великому герцогу Вюрцбургскому. Наполеонъ честно протянетъ руку новому государю, возвратитъ ему всѣ провинціи монархіи, проститъ Австрію, сознавшую свои заблужденія, и заключитъ съ ней союзъ, «чтобы покончить съ дѣлами на континентѣ» [2]). Заодно Наполеонъ избѣгнетъ ссоры съ Россіей, которую не будетъ безпокоить перспектива расширенія Польши. Такія мысли

---

1) Corresp., 15778 и 15832.

2) Id., 15832.

уже не разъ приходили ему на умъ; теперь онѣ болѣе настойчиво преслѣдуютъ его. Въ присутствіи Бубна, котораго онъ приказалъ ввести къ себѣ и который его слушаетъ, онъ вслухъ высказываетъ свою мечту; онъ любуется ею и отдается ей.

«Если бы, говоритъ онъ, у васъ былъ императоръ, на искренность и добросовѣстность котораго я могъ бы положиться, напримѣръ, великій герцогъ Вюрцбургскій или эрцгерцогъ Карлъ, я вернулъ бы ему цѣликомъ австрійскую монархію и ничего не отрѣзалъ бы отъ нея» [1]). Бубна отвѣтилъ, что если бы императоръ Францъ былъ увѣренъ въ такомъ намѣреніи императора французовъ, онъ, вѣроятно, уступилъ бы престолъ своему брату. Однако, какъ истинный вѣрноподданный, онъ счелъ необходимымъ заступиться за своего государя и отстаивалъ его прямодушіе и миролюбивыя намѣренія. «Меня нельзя обмануть дважды»,—возразилъ Наполеонъ,—и онъ напомнилъ прошлое. Онъ разсказалъ, какъ на другой день послѣ Аустерлица императоръ Францъ пришелъ къ нему на бивакъ, признавалъ себя виновнымъ, унижался, увѣрялъ въ своемъ раскаяніи, давалъ слово человѣка и государя, что не будетъ больше воевать. И вотъ, менѣе чѣмъ черезъ четыре года послѣ этой клятвы, онъ бросился со всѣми своими силами на Францію въ то время, когда она была занята войной въ Испаніи. При этихъ горькихъ воспоминаніяхъ Наполеонъ горячился, сердился, доходилъ до удивительныхъ метафоръ и необычайныхъ сравненій. «Я хочу имѣть дѣло съ человѣкомъ, который обладалъ бы чувствомъ благодарности настолько, чтобы оставить меня въ покоѣ на всю мою жизнь. Говорятъ, что львы и слоны часто давали поразительные примѣры вліянія этого чувства на ихъ сердца. Только вашему государю не доступно это чувство... [2]) Пусть императоръ уступитъ престолъ великому герцогу Вюрцбургскому, и тогда я возвращу Австріи все—и взамѣнъ не потребую ничего» [3]).

Несмотря на то, что онъ неоднократно и настойчиво высказываетъ желаніе, чтобы императоръ Францъ уступилъ престолъ другому лицу, онъ отнюдь не дѣлалъ этого предметомъ

---

[1]) Id., 15778.
[2]) Corresp., 15778.
[3]) Id., 15816.

положительнаго требованія. Онъ сознаетъ, что такое требованіе трудно формулировать. Онъ можетъ принять жертву царствующаго императора, можетъ, пожалуй, вызывать его на это, но никоимъ образомъ не требовать. Да и сверхъ того, онъ плохо вѣритъ въ отреченіе австрійскаго монарха и, въ особенности, въ людей, которые его окружаютъ и управляютъ имъ. Онъ сознаетъ, что лелѣетъ пустую мечту, и неприкрашенная дѣйствительность опять овладѣваетъ его мыслями. А дѣйствительность состоитъ въ томъ, что онъ имѣетъ дѣло, хотя и съ побѣжденной Австріей, но по-прежнему настроенной враждебно; что она управляется нашими врагами и мечтаетъ о реваншѣ. При настоящихъ условіяхъ, когда она въ его рукахъ, когда она неподвижно распростерта на землѣ, онъ не намѣренъ выпускать ее изъ своихъ рукъ до тѣхъ поръ, пока не обезсилитъ ее вполнѣ, пока не изуродуетъ, не обезоружитъ ее и не сдеретъ съ нея выкупа. Впрочемъ, чтобы ускорить миръ, онъ рѣшается на уступки; становится на почву предварительнаго соглашенія, которое бы предшествовало точному обозначенію территорій. Теперь онъ отказывается отъ принципа *uti possidetis*. Онъ требуетъ только извѣстную сумму уступокъ, равнозначущую тѣмъ, на какія согласилась Австрія по договору въ Пресбургѣ послѣ предыдущей войны. Запросивъ сначала девять милліоновъ душъ—имѣя въ виду получить пять—онъ снисходитъ до четырехъ. Въ сущности, для него вовсе не важно оторвать отъ Австріи нѣсколько лишнихъ округовъ—ему нуженъ дипломатическій успѣхъ, который бы удостовѣрилъ и провозгласилъ торжество его оружія. Если въ 1809 г. онъ получитъ менѣе, чѣмъ пріобрѣлъ въ 1805-омъ, Европа подумаетъ, что при Ваграмѣ онъ былъ менѣе полнымъ побѣдителемъ, чѣмъ въ дни Ульма и Аустерлица. «Онъ скорѣе сдѣлаетъ шесть кампаній» [1]), чѣмъ допуститъ подобное умаленіе своего престижа, пишетъ Марè. Наоборотъ, если Австрія заявитъ, что готова повторить пресбургскую жертву, миръ можетъ быть, если и не заключенъ, то рѣшенъ въ нѣсколько дней.

Итакъ, слѣдуетъ повліять на генерала Бубна въ томъ направленіи, чтобы онъ убѣдилъ дворъ въ Дотисѣ преклониться

---

[1]) Записка Марè. Archives des affaires étrangères, Vienne, 384.

предъ такой неизбѣжностью. Если умѣло взяться за него, думаетъ Наполеонъ, онъ можетъ сдѣлаться для насъ драгоцѣннымъ орудіемъ. Императоръ тотчасъ же пускаетъ въ ходъ всѣ пружины, которыя должны отдать въ его руки солдатскую душу Бубна. Приводя цѣлый рядъ техническихъ подробностей, онъ доказываетъ ему, что онъ, Наполеонъ, непобѣдимъ; что онъ неуязвимъ въ Вѣнѣ, «что онъ можетъ оставаться въ ней десять лѣтъ»; затѣмъ, становясь опять пріятнымъ и милостивымъ, онъ льститъ австрійскому генералу и старается лаской привлечь его къ себѣ. Онъ разговариваетъ съ нимъ о томъ, что близко сердцу солдата: о военномъ искусствѣ, о походахъ, о военной исторіи; оцѣниваетъ достоинства генераловъ и армій, говоритъ о «Журданѣ, о Пишегрю, о русскихъ» [1]). Послѣ разговора, во время котораго онъ то повергалъ его въ ужасъ, то очаровывалъ обаяніемъ своей личности, онъ передаетъ его Марè, который не покидаетъ Бубна въ продолженіе двухъ дней, и при содѣйствіи избранныхъ имъ самимъ помощниковъ, продолжаетъ начатое императоромъ дѣло. Нужно сказать, что въ Вѣнѣ Бубна встрѣтилъ между французами товарища юности, сослуживца по полку, Александра де-Лаборда, который, перейдя во время революціи на австрійскую службу, въ настоящее время вернулся къ имперіи, и, состоя чиновникомъ по пріему прошеній, былъ причисленъ къ генеральному штабу. Лаборду дается порученіе повліять на Бубна. Между ними завязывается задушевный пріятельскій разговоръ на ты. «Дорогой мой, говоритъ Лабордъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что тебѣ удастся оказать своей странѣ большую услугу,—конечно, если при вашемъ дворѣ благоразумны, и если, какъ можно полагать по характеру твоей миссіи, ты имѣешь къ тому возможность. Мнѣ кажется, что моментъ для этого благопріятенъ и не нужно упускать его. Не въ характерѣ императора ходить по торной дорогѣ, когда онъ видитъ готовность и желаніе сблизиться съ нимъ».—«Мой другъ, отвѣчаетъ Бубна, ты отлично понимаешь, какъ я былъ бы счастливъ, если бы состоялось это дѣло, во-первыхъ, по важности самаго дѣла, а, во-вторыхъ, потому, что я посодѣйствовалъ

[1]) Его Величество, писалъ Марè, „взялъ его даже за ухо съ фамильярной милостью, которая тронула Бубна... затѣмъ, онъ сдѣлалъ ему подарокъ по словамъ генерала, большой цѣнности". Письмо отъ 15 сентября 1809 г. Archives nationales, A. F. IV, 1675.

этому» [1]). Немедленно же требованія императора были подвергнуты обсужденію. Лабордъ восторгается ихъ умѣренностью, ихъ мягкостью, и въ концѣ разговора окончательно убѣжденный Бубна говоритъ, что тотчасъ же вернется въ Дотисъ и «устроитъ дѣло въ двадцать четыре часа» [2]). Однако, Наполеонъ не разрѣшаетъ ему уѣхать, а только поручаетъ передать письменно своему двору и поддержать при немъ наши предложенія. Въ то же время, переходя на всѣхъ пунктахъ къ рѣшительной дипломатической кампаніи, онъ обращаетъ взоры на уполномоченныхъ, затягивающихъ переговоры въ Альтенбургѣ, и предлагаетъ Меттерниху, не занимаясь другими вопросами [3]), принять новую исходную точку. Этимъ путемъ, онъ разсчитываетъ значительно подвинуть переговоры и установить основныя положенія мира, избѣгая пока обозначенія территорій, такъ какъ для того, чтобы окончательно установить свой выборъ, онъ все еще долженъ ждать, чтобы Россія высказалась и чтобы этотъ сфинксъ сказалъ, наконецъ, свое слово.

III.

Не отъ Коленкура зависѣло, что императоръ не былъ обстоятельно освѣдомленъ о намѣреніяхъ Россіи: посланникъ употреблялъ всѣ силы, чтобы исполнить желаніе своего повелителя. Еще до полученія инструкціи отъ 12 августа онъ старался выяснить дѣло и осторожно зондировалъ почву. Къ несчастью, при этихъ попыткахъ онъ натолкнулся на рядъ затрудненій, начиная съ того, что не съ кѣмъ было переговорить—министръ былъ въ отлучкѣ, а императоръ боленъ.

За нѣсколько дней до полученія посломъ инструкціи графъ Румянцевъ уѣхалъ въ Финляндію. Онъ поѣхалъ на свиданіе со шведскими уполномоченными въ городъ Фридрихсгамъ, гдѣ ему предстояло подписать блестящій миръ, по которому Россія должна была получить въ вѣчное владѣніе завоеванную провинцію вмѣстѣ съ Аландскими островами, а самъ онъ въ награду за это—званіе канцлера. Около этого же времени съ каретой,

---

[1]) Донесеніе Лаборда Марè. Archives des affaires étrangères, Vienne. 384.
[2]) Id.
[3]) Corresp, 15778.

въ которой ѣхалъ Александръ, произошелъ несчастный случай, вслѣдствіе чего царь долженъ былъ слечь въ постель и до окончательнаго выздоровленія проживалъ въ Петергофскомъ дворцѣ. Въ этой резиденціи, гдѣ гордая Екатерина все устроила для блеска и представительства, ея внукъ искалъ только покоя и уединенія. Александръ любилъ Петергофъ за прохладу верхнихъ террасъ, за безмолвіе и тишину спускавшихся къ заливу садовъ. Среди величественныхъ декорацій изъ мрамора и зелени, за которыми виднѣлся вдали широкій и спокойный горизонтъ, онъ отдавался той умственной бездѣятельности, какая бываетъ послѣ физическихъ страданій. Коленкуръ каждый день пріѣзжалъ справляться о его здоровьѣ и удостаивался пріема. Часъ,—а то и два—проводилъ онъ у изголовья монарха, и въ это время ихъ дружеская бесѣда скользила по многимъ вопросамъ, не останавливаясь въ частности ни на одномъ. Александръ старательно избѣгалъ жгучей темы о европейской политикѣ. Онъ предпочиталъ говорить о внутреннихъ реформахъ, въ которыхъ помогалъ ему Сперанскій, о своихъ усиліяхъ улучшить правосудіе, организовать администрацію, создать новую Россію по образцу наполеоновской Франціи. Это были тѣ величественныя и туманныя перспективы, въ которыя онъ погружался съ особымъ удовольствіемъ, и мало-по-малу его непостоянная и подвижная мысль, отрываясь отъ настоящаго, терялась въ будущемъ и расплывалась въ грёзахъ [1]).

Коленкуръ осторожно и тактично пробовалъ навести его на вопросы дня. Между этими вопросами вопросъ о мирѣ съ Австріей не былъ ли въ настоящее время самымъ важнымъ и самымъ неотложнымъ? Тогда и Александръ говорилъ объ этомъ дѣлѣ, но его слова были туманны и иногда противорѣчивы. То онъ утверждалъ, что ничего не хочетъ, что ничего не домогается для себя лично; ограничивался выраженіемъ желанія, чтобы «Австрія не была слишкомъ ослаблена и разорена» [2]); то говорилъ, что «въ дѣлѣ назначенія ему доли, какая подобаетъ его положенію» [3]), полагается на императора. Когда разговоръ коснулся Галиціи, онъ насторожился, былъ очень сдержанъ и не высказалъ опредѣленно ни своихъ желаній, ни своихъ опасеній.

---

[1] Донесеніе Коленкура № 46, августъ 1809 г.

[2]) Id.

[3]) Донесеніе отъ 19 августа.

Коленкуръ такъ и не могъ понять, поставитъ ли предложеніе «о какомъ бы то ни было раздѣлѣ Галиціи между Россіей и великимъ герцогствомъ вопросъ на болѣе удобную для обсужденія почву» [1]).

Отчего же царю такъ трудно объясниться, отчего такъ туманна его рѣчь? Александръ несъ наказаніе за свое двусмысленное поведеніе во время войны; въ его словахъ отражалось то ложное положеніе, въ какое онъ добровольно себя поставилъ. Очутившись въ положеніи, когда обѣ стороны относились къ нему недовѣрчиво, онъ опасался, что всякое, слишкомъ явно выраженное, требованіе дастъ поводъ къ новымъ жалобамъ на него. Потребуй онъ возвращенія Галиціи ея прежнему владѣльцу, такой шагъ, имѣя видъ покровительства Австріи, скомпрометировалъ бы его въ глазахъ Наполеона, далъ бы лишній поводъ упрекнуть его въ пристрастіи къ нашимъ врагамъ. Съ другой стороны, требуя свою долю въ австрійской добычѣ и какъ бы узаконяя расхищеніе Австріи, онъ скомпрометировалъ бы себя еще болѣе своей близостью съ Наполеономъ; онъ еще болѣе запутался бы въ тенетахъ, отъ которыхъ пока еще не хотѣлъ освободиться, но за которыя уже краснѣлъ предъ своимъ народомъ и Европою. Наиболѣе желательнымъ для него рѣшеніемъ было бы возстановленіе въ Галиціи режима, который былъ тамъ до войны. Если же Галиціи суждено перемѣнить властителя, онъ желалъ бы для себя наилучшую часть, не столько ради того, чтобы владѣть ею, а чтобы не дать ее полякамъ. Но при этомъ онъ желалъ, чтобы Франція, по собственному почину, надѣлила его этимъ пріобрѣтеніемъ; чтобы дѣло имѣло такой видъ, что она навязала ему желаемую имъ долю безъ указаній и просьбъ съ его стороны. Испытывая непреодолимое смущеніе, стыдясь высказать свои требованія, онъ выражался намеками, о многомъ умалчивалъ; желалъ, чтобы его поняли съ полу-слова. Къ несчастью, онъ имѣлъ дѣло съ союзникомъ, который не хотѣлъ понять его.

28 августа Коленкуръ настойчивѣе насѣлъ на царя. Разговоръ самъ собой перешелъ на текущіе переговоры между Франціей и Австріей. «Думаю, сказалъ царь, что императоръ поставитъ себѣ главной задачей ни въ чемъ не вредить интересамъ

[1]) Коленкуръ императору, 19 августа 1809 г.

Россіи и особенно въ вопросѣ о Галиціи». Посланникъ отвѣчалъ, что императоръ всегда согласуетъ свои планы съ интересами своего союзника. Но можетъ ли онъ покинуть возставшее населеніе и предоставить Австріи вымещать на немъ свою злобу? Пусть императоръ Александръ самъ выскажется по этимъ вопросамъ справедливости и чести, ибо въ этихъ вопросахъ онъ безупречный судья. Далѣе посланникъ продолжалъ: «Мнѣ не извѣстны намѣренія моего повелителя. Но развѣ не покроетъ онъ безчестьемъ своего имени, покинувъ тѣхъ, которые служили его дѣлу? Поэтому, развѣ онъ можетъ отдать Вашему Величеству все то, что ваши войска только занимали по мѣрѣ того, какъ войска великаго герцогства завоевывали?»

На этотъ вопросъ Александръ отвѣтилъ не сразу. Подумавъ, онъ не безъ горечи упрекнулъ Францію въ томъ, что она покровительствовала возстанію въ Галиціи; затѣмъ сказалъ: «Вы знаете, что я не охотникъ создавать затрудненія. Какъ частное лицо, я восхищаюсь Наполеономъ; какъ государь, я благоговѣю предъ нимъ и, кромѣ того, я истинно привязанъ къ нему. Скажу вамъ по дружбѣ. Я желаю достойно сгладить затрудненія и избѣгнуть раздоровъ и, слѣдовательно, хочу предупредить всякій поводъ къ войнѣ. Но это не все: я хочу поддерживать союзъ. Поэтому, я желаю сговориться съ вами, но такъ, какъ того требуютъ достоинство моей страны и будущее спокойствіе Европы».

Посланникъ.—«Это же составляетъ единственное желаніе Императора. Его поступки, слова, которыя я говорю отъ его имени въ продолженіе уже двухъ лѣтъ, переписка со Швеціей— все удостовѣряетъ это. Но, Ваше Величество, развѣ дадите вы ему совѣтъ предоставить злобѣ и мести нашихъ враговъ тѣхъ, которые ему служили?

Императоръ.—«Я уже сказалъ вамъ, что я думаю по этому поводу. Я не хочу ставить между нами непреодолимаго препятствія и потому добавлю, что я не настолько неблагоразуменъ, чтобы противиться пріобрѣтенію великимъ герцогствомъ какого-либо округа въ Галиціи, разъ она будетъ отнята у Австріи» [1]).

Ободренный такой неожиданной предупредительностью, Колен-

[1]) Коленкуръ Шампаньи, 29 августа 1809 г.

куръ попробовалъ затронуть вопросъ о неравномъ раздѣлѣ между Россіей и великимъ герцогствомъ. Территоріи, которыя получитъ герцогство, говорилъ онъ, никогда не сдѣлаютъ изъ него грознаго государства; оно навсегда останется въ положеніи явно подчиненномъ и зависимомъ отъ могущественной сосѣдней державы; Россіи же достаточно прибавить къ своимъ обширнымъ владѣніямъ нѣкоторую частицу Галиціи, чтобы это пріобрѣтеніе, какъ бы мало оно ни было, сдѣлалось для нея цѣннымъ, ибо оно создало бы въ ея рукахъ первый залогъ противъ возстановленія Польши. Посланникъ окольными путями вызывалъ монарха на разговоръ. Онъ напомнилъ, что нота, переданная Румянцевымъ, не отличалась опредѣленностью, и выразилъ сожалѣніе, что передъ отъѣздомъ въ Финляндію министръ не былъ уполномоченъ объясниться по поводу всѣхъ проектовъ.

Александръ отвѣчалъ, какъ и всегда, выраженіями симпатіи и дружбы къ посланнику. Онъ говорилъ, что любитъ открывать ему свою душу, предоставлять ему читать свои мысли. Такое изліяніе чувствъ, повидимому, предвѣщало имѣющее рѣшающее значеніе откровенное объясненіе, какъ вдругъ царь остановился на полпути и снова ушелъ въ себя. «Увѣрьте императора Наполеона, сказалъ онъ, что единственное мое желаніе—сговориться съ нимъ; но я не могу жертвовать интересами моего государства. Онъ слишкомъ большой государственный человѣкъ, чтобы не понять, гдѣ должно остановиться мое желаніе угодить ему» [1]). Добиться отъ него чего-нибудь болѣе опредѣленнаго было невозможно. Онъ просилъ, чтобы прежде всего отвѣтили на его ноту, чтобы успокоили его по поводу его опасеній. Онъ говорилъ, что разъ это будетъ сдѣлано, онъ, «какъ истинный союзникъ», поможетъ Наполеону въ томъ случаѣ, если бы возобновились враждебныя дѣйствія; что тогда армія князя Голицына будетъ увеличена, усилена и будетъ дѣйствовать энергично и не безрезультатно.

Отчетъ объ этомъ разговорѣ Коленкуръ помѣстилъ слово-въ-слово въ донесеніи императору и въ депешѣ министру, снабдивъ его своими личными примѣчаніями. Не безъ настойчивости просилъ онъ оцѣнить важность полученной уступки. «По моему

[1]) Коленкуръ Шампаньи, 29 августа 1809 г.

мнѣнію, говорилъ онъ, это уже большой успѣхъ—довести императора до признанія, что можно дать часть Галиціи великому герцогству. Все, что онъ говорилъ прежде, было безусловно противъ этой идеи» [1]). Что касается территоріальныхъ требованій Россіи, то на основаніи нѣкоторыхъ указаній посланникъ предполагалъ, что императору доставило бы удовольствіе, если бы границы его государства были отодвинуты до Вислы. Однако, посланникъ сознавался, что у него не было достаточныхъ данныхъ для обоснованнаго мнѣнія и что, до возвращенія Румянцева, онъ не надѣялся имѣть ихъ.

Наполеонъ получилъ донесеніе посланника 12 сентября, черезъ два дня послѣ объясненій съ Бубна. Прочитавъ депешу, онъ сначала испыталъ нѣкоторое разочарованіе, найдя ее мало содержательной, но быстро успокоился. Послѣ недолгаго размышленія, онъ нашелъ, что получилъ нужныя ему свѣдѣнія, что руки его развязаны и что ему предоставлена свобода дѣйствій. «Досадно, писалъ онъ Шампаньи, что депеша Коленкура такъ малосодержательна. Впрочемъ, мнѣ кажется, въ ней сказано достаточно» [2]).

Дѣйствительно, ему было достаточно того, что Александръ не ставилъ расширенію герцогства формальнаго veto; но его ошибкой было то, что онъ ухватился только за одинъ этотъ пунктъ. Изъ всего, что говоритъ царь, онъ видитъ и запоминаетъ только одну фразу—ту, которая отвѣчаетъ его личнымъ желаніямъ; онъ насилуетъ смыслъ и значеніе этой фразы, и не обращаетъ вниманія на оговорки, которыми она обставлена. По своему обыкновенію, первой же пріобрѣтенной имъ уступкой онъ пользуется, какъ прецедентомъ, устанавливающимъ его право предвидѣть и добиваться болѣе важныхъ уступокъ. Какъ и всегда, склонный къ насилію надъ чужой, неподготовленной къ его нападенію, волей, лишь только онъ замѣчаетъ въ противникѣ нѣкоторую податливость и какъ только тотъ даетъ ему къ тому поводъ, онъ рѣшаетъ, что, если Россія сразу же не стала на почву безусловнаго сопротивленія, то, въ концѣ-концовъ, она позволитъ овладѣть своей волей и подчинится нашимъ планамъ. Онъ говоритъ себѣ: разъ она

---

[1]) Id.
[2]) Corresp., 15800.

добровольно соглашается на незначительное увеличенiе герцогства, она примирится и съ значительнымъ его расширенiемъ. Конечно, когда она увидитъ, что это государство усилится и свободнѣе будетъ дышать въ своихъ раздвинутыхъ границахъ, она, можетъ быть, начнетъ жаловаться, но присоединенiе Львова «и еще чего-нибудь» [1]), зажметъ ей ротъ; въ особенности, если она получитъ въ прибавку къ этому прiобрѣтенiю обязательство, что герцогство никогда не сдѣлается снова Польшей. Разсѣять же остатки ея дурнаго расположенiя духа будетъ дѣломъ послѣдующихъ заботъ и предупредительности. Во всякомъ случаѣ, ея неудовольствiе не дойдетъ до открытаго сопротивленiя, и, уступая то страху, то убѣжденiю, то обаянiю — она останется въ союзѣ съ нами.

Подъ властнымъ влiянiемъ этихъ зловредныхъ разсужденiй, построенныхъ на ложномъ основанiи, Наполеонъ принялъ свое рѣшенiе. Конечно, онъ предпочелъ бы, чтобы Австрiя, перемѣнивъ государя и искренно измѣнивъ политику, избавила его отъ необходимости отрывать отъ нея куски. Онъ снова, хотя и въ формѣ простого внушенiя, но въ болѣе опредѣленныхъ выраженiяхъ, высказывается за отреченiе императора Франца [2]). Затѣмъ, если дворъ въ Дотисѣ предпочтетъ императора Франца цѣлости государства, — а такой случай крайне правдоподобенъ,—въ его намѣренiя не входитъ уже требовать отъ австрiйцевъ всей Галицiи; онъ думаетъ взять только половину ея, уменьшить въ надлежащей пропорцiи долю, предназначенную полякамъ и соотвѣтственно долю Россiи, сохраняя между долями двухъ сторонъ первоначально намѣченное отношенiе пяти къ одной *). Этой территорiальной уступкой, которая должна быть не поровну подѣлена между его сѣверными союзниками, онъ и хотѣлъ завершить сумму жертвъ, возложенныхъ на побѣжденную страну. 15 сентября онъ посылаетъ Бубна къ австрiйскому императору съ письмомъ, написаннымъ въ этомъ смыслѣ. Въ тотъ же день, чтобы дать толчокъ предложенiямъ, въ основѣ своей уже сообщеннымъ Меттерниху, онъ приказываетъ внести на разсмотрѣнiе уполномоченныхъ въ Альтенбургѣ настоящiй и до мелочей разработан-

---

[1]) Донесенiе Чернышева, вышеупомянутый томъ, 326.
[2]) Corresp., 15801, 15802.
*) Четырехъ къ одной (Прим. пер.)

ный *ультиматумъ* относительно раскладки человѣческихъ массъ, которыя Австрія должна будетъ уступить. Сдѣлавъ разсчетъ, онъ требуетъ милліонъ шестьсотъ тысячъ душъ въ Иллиріи, четыреста тысячъ на Дунаѣ и два милліона въ Галиціи, «для раздѣла между саксонскимъ королемъ и Россіей». Таковы его окончательныя требованія; тутъ предѣлъ его уступокъ. Теперь, когда все выяснено, все опредѣлено, все установлено, на какомъ бы рѣшеніи ни остановился австрійскій дворъ, пренія могутъ измѣнить свой темпъ и быстро двинуться впередъ. Теперь, думаетъ онъ, пусть уполномоченные торопятся, пусть примутся за работу дѣятельно и усердно. Важно, какъ можно скорѣе, поставить Европу, включая и Россію, предъ совершившимся фактомъ. «Господинъ Шампаньи, пишетъ Наполеонъ своему министру, необходимо ускорить переговоры, насколько это въ вашей власти» [1]).

IV.

Горя нетерпѣніемъ покончить дѣло, Наполеонъ основывалъ свои разсчеты, не принимая во вниманіе ни нерѣшительнаго и непостояннаго характера императора Франца, ни того, что тотъ не имѣлъ ни малѣйшаго желанія не только отречься отъ престола, но и согласиться на новое расчлененіе своей монархіи. Въ Дотисѣ партія войны не покинула еще поля сраженія и удерживала свои позиціи. По пріѣздѣ Бубна и полученіи французскаго *ultimatum'a* она сдѣлала новое усиліе, и былъ моментъ, когда она думала, что выиграла дѣло. Безъ особаго труда она убѣдила государя, мало свѣдущаго въ географіи и статистикѣ, что Наполеонъ, въ дѣйствительности, не дѣлалъ никакой уступки, что *ultimatum*, въ той его части, которая касалась нѣмецкихъ и иллирійскихъ провинцій, ограничивался повтореніемъ первоначально изложенныхъ требованій, что Франція просила оптомъ то, что сначала требовала по частямъ. Императоръ Францъ, основываясь на этихъ невѣрныхъ данныхъ, рѣшилъ составить отвѣтъ въ отрицательномъ смыслѣ. Холодно принявъ Бубна, поддавшагося идеямъ мира, и снадбивъ

[1]) Corresp., 15817.

его новымъ письмомъ къ Наполеону, онъ приказалъ ему возвратиться въ Вѣну. Въ письмѣ онъ намекнулъ на возможность возобновленія враждебныхъ дѣйствій. Въ это время въ Альтенбургѣ его уполномоченные ограничивались тѣмъ, что точнѣе опредѣляли и увеличивали свои уступки въ Галиціи. Они давали понять, что съ этой стороны предупредительность ихъ государя не имѣетъ предѣловъ, но упорно отказывались отдать иллирійское побережье. Офиціальной нотой, которая составляла только дипломатическое развитіе письма, написаннаго ихъ государемъ, они отвергли *ultimatum*.

Такое упорное, такое подъяческое противодѣйствіе его желаніямъ очень не понравилось императору. Лишь только Бубна вернулся 20 сентября изъ Дотиса въ Вѣну, Наполеонъ потребовалъ его къ себѣ и принялъ въ тотъ же вечеръ. Его мрачный и зловѣщій видъ предвѣщалъ бурю. Однако, умѣя владѣть собой, въ совершенствѣ владѣя искусствомъ опредѣлять впечатлѣніе, производимое его гнѣвомъ, императоръ хотѣлъ разсердиться только въ той мѣрѣ, чтобы подѣйствовать на своего собесѣдника и застращать его, но не выводя изъ терпѣнія. Собирая свои силы, готовясь, если бы это понадобилось, возобновить войну, онъ все-таки предпочиталъ добиться побѣды инымъ путемъ. Чтобы укротить Австрію, онъ имѣлъ въ виду пустить въ ходъ угрозы, искусно усиливая ихъ по мѣрѣ надобности, и держалъ про-запасъ послѣдній доводъ, новый и непреодолимый. Пораженный настойчивостью, съ какой австрійцы предлагали ему Галицію, онъ распозналъ въ этой тактикѣ ихъ упорное желаніе и надежду поссорить его съ Александромъ, и, пользуясь возникшимъ между ними раздоромъ, обезпечить себѣ лучшую участь; эту-то призрачную надежду онъ и хотѣлъ разсѣять и уничтожить. Тѣмъ, кто надѣется поссорить его съ Россіей, онъ рѣшилъ объявить о безусловной увѣренности въ прочности союза; крайне смѣлымъ ходомъ рѣшилъ онъ воспользоваться въ переговорахъ Россіей; онъ рѣшилъ—помимо ея воли, неожиданно выставить ее, какъ пугало, чтобы застращать своего противника и лишить его средствъ къ сопротивленію.

«Что несете вы,—сказалъ онъ Бубна,—миръ или войну?» Затѣмъ, отвѣчая самъ на свой вопросъ, исходя изъ послѣдней ноты Меттерниха, не заглянувъ даже въ письмо императора, которое

нераспечатаннымъ сунулъ въ карманъ, онъ, съ бѣшенствомъ, почти закричалъ, что Австрія не хочетъ мира. Въ Дотисѣ, — сказалъ онъ,—плохо оцѣниваютъ положеніе; обольщаютъ себя пагубными надеждами. Вмѣсто того, чтобы серьезно заниматься переговорами, заботятся больше о томъ, чтобы «бросить между нимъ и Россіей яблоко раздора» [1]). Онъ говорилъ, что при такой игрѣ Австрія рискуетъ своимъ существованіемъ; что, если война возобновится, онъ будетъ вести ее убійственнымъ способомъ; что онъ поставитъ своей задачей созданіе на мѣстѣ Австріи цѣлаго ряда самостоятельныхъ государствъ, объявитъ паденіе династіи, завладѣетъ отъ своего имени занятыми территоріями, порветъ всѣ узы, связующія народы съ государемъ, и погубитъ кредитъ монархіи; что онъ уже приказалъ сфабриковать на двѣсти милліоновъ вѣнскихъ банкнотовъ и пуститъ ихъ въ обращеніе. Такъ какъ его собесѣдникъ пытался спорить и разсуждать, онъ обратился къ пунктамъ своего *ultimatum*'а; доказывалъ ихъ одинъ за другимъ, настаивалъ на безусловной необходимости взять себѣ Тріестъ и побережье, чтобы упрочить этимъ путемъ соединеніе Далмаціи съ итальянскимъ королевствомъ и открыть себѣ непрерывный путь на Востокъ. Онъ горячо и подробно развивалъ эту тему и былъ неистощимъ. Бубна возразилъ, что Австрія не можетъ отказаться отъ своихъ портовъ, не можетъ существовать безъ сообщенія съ моремъ. «Въ такомъ случаѣ, сказалъ императоръ, война неизбѣжна. Вы нарушите перемиріе или я самъ долженъ позаботиться объ этомъ? Но—нѣтъ! Мнѣ хочется, чтобы вы сдѣлали міръ свидѣтелемъ вашего безумія, чтобы вы отказались отъ перемирія и выступили въ истинномъ свѣтѣ, предпочитая подвергнуть опасности существованіе вашего государства, лишь бы не уступить требованіямъ, которыя я въ правѣ предъявить, какъ побѣдитель, какъ государь девяти милліоновъ вашихъ подданныхъ». За жестокими выкриками наступила минута молчанія. Императоръ съ силой швырнулъ далеко отъ себя шляпу, что у него было выраженіемъ большого гнѣва, отошелъ въ амбразуру окна, остановился тамъ неподвижно, задумчивый, какъ бы поглощенный глубокимъ размышленіемъ, съ лицомъ темнымъ, какъ туча, изъ которой, того и гляди, блеснетъ молнія. Но,

[1]) Corresp., 15837.

вдругъ, какъ бы пораженный внезапной мыслью, онъ заговорилъ, и съ необычайной живостью сказалъ Бубна: «Знаете, что намъ остается сдѣлать? Если вашъ императоръ находитъ мои условія слишкомъ тяжелыми, пусть онъ обратится къ третейскому суду Россіи! Мы заключимъ перемиріе на шесть мѣсяцевъ; царь пришлетъ представителя въ Альтенбургъ; и я отдамся на его рѣшеніе» [1]).

Артистически разыгранная сцена была неожиданна и произвела потрясающее впечатлѣніе. Наполеонъ умѣло провелъ ее, подготовивъ и продѣлавъ ее съ замѣчательнымъ искусствомъ. Высказывая въ этомъ непредвидѣнномъ предложеніи непоколебимую вѣру въ Россію, онъ разсчитывалъ навести въ Дотисѣ на самыя обезкураживающія размышленія о возможности достигнуть расторженія союза. У враговъ, думалъ онъ, не преминутъ сказать себѣ: если императоръ Наполеонъ съ такой увѣренностью вызывается передать свое дѣло въ руки Александра, если онъ избираетъ его посредникомъ, такъ сказать, верховнымъ судьей спора, значитъ, онъ крѣпко увѣренъ въ Россіи; значитъ, онъ надѣется, что она за него; значитъ, она предана, послушна ему до раболѣпства; значитъ, она готова слѣпо слѣдовать за нимъ и дѣйствуетъ съ нимъ заодно. Тамъ не усумнятся въ томъ, что русскій дворъ заранѣе предупрежденъ, что онъ освѣдомленъ о требованіяхъ Франціи; что онъ одобряетъ ихъ и склоненъ ихъ поддержать. Нужно прибавить, что Наполеонъ приказалъ сказать Меттерниху, и повторилъ это Бубна, что *ultimatum* сообщенъ въ Петербургъ. Но, вѣдь возможно было, что Австрія поймаетъ его на словѣ, что она согласится принять посредничество, рѣшится подождать приговора Александра, мнѣніе котораго, въ дѣйствительности, по меньшей мѣрѣ подлежало сомнѣнію. Наполеонъ слишкомъ хорошо зналъ положеніе дѣлъ противника, чтобы не бояться этого. Онъ зналъ, что австрійское правительство, лишенное своихъ лучшихъ провинцій и доходовъ съ нихъ, истощая свои послѣднія средства, испытывая страшныя затрудненія въ продовольствованіи и содержаніи войскъ, не будетъ въ состояніи продержаться нѣсколько мѣсяцевъ въ невыносимомъ положеніи, не рискуя погибнуть отъ истощенія и голода; онъ зналъ, что австрійскому

---

[1]) См. разсказъ объ этой сценѣ у Beer'a, 440—442, по депешамъ Бубна.

правительству необходимо было добиться немедленнаго рѣшенія, каково бы оно ни было—сражаться или покориться. Недаромъ у Меттерниха въ разговорахъ въ Альтенбургѣ вырвалась слѣдующая знаменательная фраза: «Не можемъ же мы еще три мѣсяца оставаться въ такомъ положеніи,—намъ нужна война или миръ» [1]). Слѣдовательно, Наполеонъ могъ вполнѣ безопасно отвѣчать за чувства Александра, могъ предсказывать ихъ заранѣе, могъ ручаться за нихъ, ибо зналъ, что Австрія не въ состояніи удостовѣриться въ нихъ; что она не можетъ открыть дѣйствительности, скрытой за грозной декораціей, не можетъ провѣрить, не пустое ли мѣсто за тѣмъ страшилищемъ, которое ей показываютъ.

Послѣ разговора съ Бубна, который продолжался три часа, Наполеонъ прочелъ письмо императора Франца и приготовилъ отвѣтъ,—рѣзкій, суровый и грозный. Оспаривая правильность австрійскихъ исчисленій, онъ неопровержимо доказалъ значительность своихъ уступокъ, приложивъ при этомъ оскорбительное стараніе убѣдить императора Франца въ его глупости, а его совѣтниковъ въ недобросовѣстности, и еще разъ подтвердилъ свою неизмѣнную волю придерживаться *ultimatum*'а. Онъ ссылался на выгоды своего военнаго положенія, на право сильнаго, бросалъ на вѣсы свою шпагу. Онъ смягчился только въ концѣ, гдѣ среди угрозъ впадая въ лирическій тонъ, въ блестящихъ выраженіяхъ воздалъ хвалу миру. Для заключительнаго же аккорда онъ воспользовался Россіей. «Я убѣжденъ, что справедливость на моей сторонѣ,—говорилъ онъ;—я влагаю въ мои требованія умѣренность, которая удивитъ Европу, когда ей станетъ извѣстно, что я соглашаюсь на созывъ общаго конгресса, куда будутъ допущены даже уполномоченные Англіи, и что я предлагаю вамъ, мой Братъ, отдать наше дѣло на третейскій судъ императора Александра. Конечно, этимъ послѣднимъ предложеніемъ я даю самое очевидное доказательство крайняго нежеланія проливать кровь, равно какъ и доказательство желанія возстановить миръ на континентѣ» [2]).

Когда письмо было уже готово къ отправкѣ, Наполеонъ одумался. Имѣя въ виду придать бо̀льшую энергію преніямъ и лично

---

[1]) Шампаньи императору, 18 августа 1809 г.
[2]) Corresp.. 15824.

руководить ими, бросая туда доводы, производящіе сенсацію, онъ счелъ неудобнымъ обращаться со словами гнѣва непосредственно къ своему австрійскому брату. «Лучше, сказалъ онъ, чтобы государи совсѣмъ не переписывались, чѣмъ писали другъ другу оскорбленія» [1]). Поэтому, онъ отложилъ свое письмо, но сообщилъ его содержаніе Маре́ и Шампаньи, для того, чтобы они взяли его темой своихъ разговоровъ,—первый съ Бубна, второй—съ Меттернихомъ,—и воспользовались всѣми средствами давленія, которыя оно содержало: угрозу царствующему дому, намекъ на полный развалъ имперіи, увѣренность и гордую надежду на вмѣшательство Россіи.

Въ виду такой ужасной будущности мужество Австріи пошатнулось. У Франца I-го не было твердаго и зрѣло-обдуманнаго рѣшенія вновь начать войну въ томъ случаѣ, если бы Наполеонъ остался непреклоннымъ, а просто нежеланіе уступать. Во время второй поѣздки Бубна въ Вѣну сторонники мира при дворѣ въ Дотисѣ мало-по-малу окрѣпли. По возвращеніи генералъ-адъютанта они почерпнули въ его разсказахъ убѣдительные доводы. Въ особенности они выставляли на видъ высказанное императоромъ французовъ намѣреніе,—а такое намѣреніе подтверждалось многими данными,—объявить войну династіи. Они указывали на то, что, желая спасти нѣсколько провинцій, австрійскій монархъ рисковалъ своей короной. Пользуясь этими доводами, Пальфи дѣйствовалъ на императрицу, а она вліяла на императора; и въ результатѣ было принято рѣшеніе покориться [2]).

Въ видахъ скорѣйшаго достиженія мира, Австрія рѣшила вести переговоры въ одномъ мѣстѣ; вмѣсто того, чтобы вести переговоры и въ Альтенбургѣ, и въ Вѣнѣ, она рѣшила сосредоточить ихъ въ Вѣнѣ. Переговоры въ Альтенбургѣ были прекращены, и Бубна въ третій разъ предпринялъ поѣздку въ Вѣну, куда онъ долженъ былъ сопровождать князя Іоанна Лихтенштейна, снабженнаго надлежащими полномочіями. Они должны были принять въ главныхъ чертахъ французскій *ultimatum*, ограничиваясь просьбой уступокъ въ деталяхъ.

Итакъ, Наполеонъ приближался къ цѣли. Теперь, когда переговоры шли на его глазахъ, подъ его непосредственнымъ

---

[1]) Id., 15838.
[2]) Wertheimer, II, 415—420.

наблюденіемъ, онъ быстро двигаетъ ихъ впередъ, пользуясь своими обычными пріемами, дѣйствуя то силой своего обаянія, то страхомъ. Онъ хорошо принимаетъ обоихъ австрійцевъ, не скупится оказывать лично имъ изысканное вниманіе, часто допускаетъ ихъ въ свое общество, возитъ ихъ въ театръ—въ ложу ихъ собственнаго государя, затѣмъ запирается съ ними на многіе часы и въ бесѣдахъ съ ними насилуетъ ихъ волю. Онъ дѣйствуетъ на нихъ и при помощи своихъ приближенныхъ, съ которыми тѣмъ приходится сталкиваться, и заранѣе распредѣляетъ роли своимъ сотрудникамъ. Шампаньи, отозванному изъ Альтенбурга, поручается офиціальная часть переговоровъ; ему предписано быть неуступчивымъ, не оскорбляя. Онъ ведетъ переговоры «не многословные» [1]), смягчаетъ рѣзкость своихъ отказовъ безупречной вѣжливостью. «Онъ дѣлаетъ сто поклоновъ и не уступаетъ ни одного дюйма земли» [2]). Въ перерывахъ между засѣданіями Марé разговариваетъ съ австрійскими уполномоченными, затаскиваетъ ихъ къ себѣ и, по-пріятельски, уговариваетъ ихъ сдаться. Затѣмъ на подмогу является Лабордъ: на него возложено сообщать сенсаціонныя новости, приносить ужасъ наводящія вѣсти. Онъ бѣжитъ къ Лихтенштейну, чтобы предупредительно сообщить ему, что гвардейскій егерскій полкъ, который былъ уже на пути во Францію, получилъ приказъ вернуться обратно; что императоръ рѣшилъ покончить съ переговорами; что, отправляясь на смотръ, онъ предупредилъ Шампаньи, чтобы тотъ принесъ ему къ его возвращенію или миръ, или войну [3]). Подвергаясь ежеминутно нападеніямъ со всѣхъ сторонъ, Лихтенштейнъ и Бубна, съ угрызеніями совѣсти, съ болью въ сердцѣ, отказываются мало-по-малу отъ своихъ просьбъ; они жалуются, но уступаютъ.

Тѣмъ не менѣе, они возмущаются при мысли, что пріѣхали только для того, чтобы подписать капитуляцію. Наполеонъ понялъ, что необходимо дать ихъ самолюбію и ихъ патріотизму легкое утѣшеніе. Поставивъ сначала *ultimatum*, онъ ограничился *sine quâ non*. Онъ не отказался сдѣлать кое-какія уступки и приказалъ отнести ихъ на счетъ Галиціи. Вопросъ объ уступкѣ варшавянамъ западной части Галиціи, а тѣмъ болѣе Кракова, считался

[1]) Corresp., 15903.

[2]) Донесеніе Лаборда. Archives des affaires étrangères, Vienne, 383.

[3]) Письмо Дюрока. Archives des affaires étrangères, Vienne, 384.

окончательнымъ. Въ восточной Галиціи, на правомъ берегу Вислы, Наполеонъ спросилъ сначала два округа для герцогства, затѣмъ предназначенные составить долю Россіи округа Львова, Жолкева и Злочева. Съ 30 сентября по 6 октября онъ отказывается отъ всякихъ требованій для поляковъ въ этой части Галиціи; онъ соглашается даже раздѣлить между ними и Австріей дорогія величковскія соляныя копи, около Кракова, и для уравненія потребовалъ для Россіи уже только два округа [1]). При этихъ условіяхъ Австрія сохраняла приблизительно три пятыхъ части Галиціи, что должно было понравиться въ Петербургѣ, но царь терялъ Львовъ, единственное, что имѣло нѣкоторую цѣнность въ его долѣ.

Между тѣмъ, Александръ началъ говорить немного яснѣе. Онъ снова бесѣдовалъ съ Коленкуромъ и, среди туманныхъ и обычно употребляемыхъ имъ выраженій, сказалъ такую фразу: «Если хотятъ устроить раздѣлъ между мною и великимъ герцогствомъ, то слѣдуетъ, чтобы оно получило малую часть, а я большую» [2]). Но эта оговорка, сдѣлавшаяся извѣстной въ Шенбрунненѣ въ первыхъ числахъ октября, пришла туда слишкомъ поздно для того, чтобы остановить Наполеона въ его стремительномъ полетѣ къ примиренію, основы котораго онъ уже установилъ вполнѣ. Чтобы подготовить Александра къ принятію его рѣшенія, онъ отправилъ къ нему Чернышева съ любезнымъ письмомъ. Онъ сообщалъ въ немъ, что главное желаніе Россіи принято во вниманіе, такъ какъ «наибо̀льшая часть Галиціи не перемѣнитъ властителя».—«Я заботился объ интересахъ Вашего Величества, прибавлялъ онъ, не менѣе, чѣмъ вы сами могли бы это сдѣлать, принимая во вниманіе все то, чего требовало мое достоинство» [3]). Въ заключеніе онъ извѣщалъ, что миръ будетъ заключенъ черезъ нѣсколько дней.

Нужно сказать, что онъ сознавалъ настоятельную потребность обезпечить за собою миръ. Медленность переговоровъ, которые тянулись въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, являлась какъ бы ударомъ его могуществу, какъ бы поощреніемъ его врагамъ. Въ Германіи ненависть къ нему разгоралась все болѣе; какой-то фанатикъ покусился на его жизнь. Онъ приказалъ заключить соглашеніе по единственному вопросу, который оставался еще не-

---

[1]) Corresp., 15888.

[2]) Коленкуръ Шампаньи, 13 сентября

[3]) Corresp. 15926

рѣшеннымъ,—вопросу о военномъ вознагражденіи. Французы и австрійцы пошли другъ другу навстрѣчу, и цифра въ семьдесятъ пять милліоновъ была принята. 14 октября Лихтенштейнъ и Бубна, превысивъ свои полномочія, согласились подписать эти условія, оставляя за своимъ государемъ право одобренія и утвержденія. Императоръ объявляетъ объ этомъ нератификованномъ еще и, слѣдовательно, предварительномъ мирѣ, какъ будто онъ былъ уже заключенъ. Онъ въ громкихъ фразахъ опубликовываетъ о заключеніи мира, приказываетъ торжественно возвѣстить объ этомъ событіи пушечными выстрѣлами, и, чтобы положить конецъ препирательствамъ съ австрійцами, на другой же день покидаетъ Вѣну. Не рѣшаясь вывести изъ заблужденія своихъ подданныхъ, съ восторгомъ встрѣтившихъ конецъ своимъ страданіямъ, Францъ I-ый преклонился предъ совершившимся фактомъ. Благодаря вышеописанной хитрости, Наполеонъ добился развязки кризиса. Въ этой войнѣ онъ побѣдилъ какъ-разъ во время, т. е., когда его счастливая звѣзда только съ трудомъ восторжествовала надъ затрудненіями, которыя нагромоздила его политика; но, чтобы одержать побѣду, ему пришлось напрячь и пустить въ ходъ всѣ пружины своего военнаго могущества; чтобы завладѣть миромъ, — дойти до предѣловъ лукавства и обмана.

По вѣнскому договору изъ трехъ съ половиной милліоновъ душъ, уступленныхъ Австріей, четыреста тысячъ отошли къ Баваріи, милліонъ двѣсти тысячъ вошли въ составъ французской Илляріи; саксонскій король, какъ герцогъ Варшавскій, получилъ полтора милліона, тогда какъ Россія едва четыреста тысячъ. «Е. В. Австрійскій императоръ, говорилось въ договорѣ, уступаетъ и предоставляетъ во владѣніе Е. В. Россійскому императору въ самой восточной части прежней Галиціи территорію имѣющую четыреста тысячъ душъ населенія, въ которую городъ Броды не можетъ быть включенъ. Территорія будетъ полюбовно опредѣлена комиссарами обѣихъ имперій» [1]). Такимъ образомъ, въ то время, какъ изъ нашихъ союзниковъ польское герцогство получило «главный выигрышъ» [2]), Россія заняла послѣднее мѣсто и должна была довольствоваться скромнымъ и почти унизительнымъ вознагражденіемъ.

---

[1]) De Clercq, Traités de la France, II, 295.
[2]) Шампаньи Коленкуру, 14 октября 1809 г.

Но, приводя въ исполненіе свою первоначальную мысль, Наполеонъ разсчитывалъ смягчить эту оскорбительную несоразмѣрность и возстановить до извѣстной степени равновѣсіе, давъ Россіи гарантіи относительно будущаго. Онъ хочетъ дать эти гарантіи теперь же, такъ, чтобы онѣ совпадали съ договоромъ, чтобы въ Петербургѣ смотрѣли на нихъ, какъ на имѣющія тѣсную связь съ договоромъ, какъ на дополненіе и поправку къ нему. Онъ желаетъ, чтобы онѣ были широки и ясны, чтобы польскія провинціи Россіи были ограждены отъ всякаго посягательства и пропаганды, чтобы дѣйствительная преграда защищала ихъ отъ покушеній герцогства. Произведенными передѣлками онъ не хотѣлъ создавать Польшу подъ другимъ именемъ или подготовлять полное ея возстановленіе—онъ хотѣлъ только увеличить число вооруженныхъ поляковъ, которые охраняли бы окраины его имперіи. Онъ выдаетъ свою мысль, налагая тотчасъ же на саксонскаго короля обязательство содержать въ расширенномъ герцогствѣ войско въ шестьдесятъ тысячъ человѣкъ, вмѣсто тридцати [1]). Отсюда видно, что, увеличивая вдвое населеніе Варшавскаго герцогства, онъ хотѣлъ только удвоить тамъ свою кавалерію. Какъ только онъ добился этого результата, онъ соглашается заключить герцогство въ установленныя навсегда границы; онъ не прочь отказаться отъ всякаго другого намѣренія, отъ всякой задней мысли, пока Россія останется ему вѣрна.

Уже въ письмѣ, которымъ онъ хотѣлъ подготовить царя, онъ писалъ: «Благоденствіе и благосостояніе герцогства Варшавскаго требуютъ, чтобы оно было въ милости у Вашего Величества. Подданные *) Вашего Величества могутъ считать за достовѣрное, что ни въ какомъ случаѣ и ни при какихъ обстоятельствахъ они не должны надѣяться на какое бы то ни было покровительство съ моей стороны» [2]). 14 октября, сообщая Коленкуру текстъ договора, Шампаньи прибавляетъ: «Успокойте министерство относительно усиленія герцогства Варшавскаго. Важно принять мѣры, чтобы избѣгнуть нежелательныхъ фактовъ, которые разыгрывались въ Польшѣ со времени Тильзитскаго мира. Вы уполномочены дать всѣ нужныя обезпеченія. Вы можете даже предложить соглашеніе, которымъ будетъ признано, что ни одинъ

---

[1]) Archives des affaires étrangères. Correspondance de Dresde, 78.

*) Польской національности. (Прим. перев.)

[2]) Corresp., 15926.

литовецъ не можетъ поступить на службу въ герцогство, и обратно—ни одинъ подданный великаго герцогства не будетъ принятъ на службу въ Россіи» [1]). Наконецъ, 20 октября, въ письмѣ, написанномъ непосредственно графу Румянцеву и имѣющемъ характеръ официальнаго сообщенія, Шампаньи даетъ понять, что императоръ пойдетъ такъ далеко, какъ только Россія пожелаетъ; что онъ согласится уничтожить самое имя Польши, чтобы о ней не было и помину.

«Императоръ,—говоритъ онъ,—не только не желаетъ, чтобы возродилась столь далекая его уму идея о возстановленіи Польши, но даже склоненъ содѣйствовать императору Александру во всемъ, что можетъ изгладить въ сердцѣ ея прежнихъ жителей самую память о ней. *Его Величество даетъ свое согласіе, чтобы слова Польша и поляки исчезли не только изъ всѣхъ политическихъ актовъ, но даже изъ исторіи.* Онъ обяжетъ саксонскаго короля сдѣлать все, что можетъ привести къ этой цѣли. Все, что можетъ служить къ тому, чтобы жители Литвы оставались покорны, будетъ одобрено Императоромъ и сдѣлано саксонскимъ королемъ. Непріятные инциденты, имѣвшіе мѣсто со времени Тильзитскаго договора, не повторятся болѣе; будетъ сдѣлано все возможное, чтобы предупредить ихъ. Итакъ — полное основаніе думать, что событіе, усиливающее могущество саксонскаго короля, не только не будетъ поддерживать въ сердцахъ прежнихъ поляковъ несбыточную надежду, но даже докажетъ имъ тщету и той, которую они могли еще сохранять. Оно положитъ конецъ мечтаніямъ, болѣе опаснымъ для нихъ самихъ, чѣмъ для правительствъ, подданными коихъ они состоятъ. Австрія сохраняетъ еще три пятыхъ Галиціи, и при томъ ту часть, которая наиболѣе сроднилась съ ея властью. Часть, отдѣленная для саксонскаго короля, составляетъ немного болѣе четверти всего населенія Галиціи и едва десятую часть прежней Польши. Можетъ-ли возродиться изъ пепла большое королевство, благодаря прибавкѣ столь ничтожной части? Повторяю еще разъ, что Императоръ всѣми своими средствами будетъ содѣйствовать всему, что можетъ обезпечить спокойствіе и покорность поляковъ. Онъ вѣритъ, что окажетъ имъ добрую

[1]) Шампаньи Коленкуру, 14 октября.

услугу, избавляя ихъ отъ новыхъ несчастій и привлекая къ мудрому и отеческому правленію императора, своего союзника и друга» [1]).

Какъ ни были опредѣленны выраженія этого письма, нельзя было думать, что Россія спокойно, безъ горькаго чувства, отнесется къ предпочтенію, отданному при распредѣленіи территорій великому герцогству. Она должна была увидѣть въ этомъ фактѣ оправданіе своихъ подозрѣній, улику противъ Наполеона, почти признаніе императора въ приписываемыхъ ему намѣреніяхъ. Ея опасенія должны были окрѣпнуть и стать на твердую почву.

Съ точки зрѣнія справедливости, возлающей каждому по заслугамъ, рѣшеніе императора представляется безупречнымъ. Своимъ поведеніемъ во время войны русскіе едва заслуживали исправленія границъ. «Это больше, чѣмъ они заслужили» [2]),— говорилъ Наполеонъ,—и такая оцѣнка была справедлива. Весьма вѣроятно, что Россія много получила бы отъ него, если бы добросовѣстно помогла ему, если бы честно стала на его сторону и тѣмъ пріобрѣла право обратиться къ чувствамъ чести и военнаго братства, которыя всегда находили мощный откликъ въ его душѣ. Наполеонъ въ высокой степени цѣнилъ вѣрность на полѣ брани. Этотъ хитрый политикъ былъ безупречнымъ солдатомъ. Его символомъ вѣры было— услуга за услугу, и не было примѣра, чтобы онъ торговался о цѣнѣ крови, пролитой за его дѣло. Позднѣе, бесѣдуя съ флигель-адъютантомъ царя, вспоминая прошлое и давая волю своему воображенію, онъ огненными штрихами намѣтилъ высокую роль, которую обстоятельства предоставляли Россіи въ 1809 г. Онъ указалъ, какъ она должна была взяться за ея исполненіе; какъ бы онъ самъ поступилъ на мѣстѣ Александра. «Я приказалъ бы, — говорилъ онъ, — тѣмъ ста тысячамъ, которые были назначены противъ турокъ, обратиться лицомъ къ непріятелю, и, войдя въ Венгрію, продиктовалъ бы миръ обѣимъ сторонамъ» [3]). Россія предпочла устраниться отъ событій, она не пожелала принимать въ нихъ участія,—не слѣдовало

---

[1]) Archives des affaires étrangères, Russie, 149.

[2]) Неизданные документы.

[3]) Recueil de la Société impériale d' histoire de Russie, t. XXI, 11.

и жаловаться на ихъ послѣдствія; прежде всего она должна была винить въ своихъ ошибкахъ самое себя. Тѣмъ не менѣе, въ виду того, что Наполеонъ все еще твердо вѣрилъ въ необходимость союза, съ его стороны было крупной, поведшей къ пагубнымъ послѣдствіямъ, ошибкой дать опасеніямъ Александра вполнѣ опредѣленный поводъ, а его жалобамъ—фактическое основаніе. Хотя о своемъ намѣреніи не возстановлять Польши онъ объявилъ вполнѣ искренно, дѣла его говорили другое. Какъ бы категоричны ни были его увѣренія, вещественный залогъ, данный варшавянамъ, давалъ основаніе не вѣрить ему.

Правда, предложенныя имъ гарантіи могли имѣть свою цѣну и въ нѣкоторомъ родѣ исправить договоръ. Но еще вопросъ, въ какой формѣ хотѣлъ дать ихъ Наполеонъ. Вмѣшается-ли онъ отъ своего имени или просто прикажетъ саксонскому королю договориться о нихъ? Приметъ ли на себя письменныя обязательства или только на словахъ? Подпишетъ ли договоръ? Каковы будутъ его содержаніе и прочность? Всѣ эти вопросы оставались въ письмѣ отъ 20 октября нерѣшенными; о нихъ нужно было договориться. Наши предложенія вызывали на новые наиболѣе опасные переговоры, ибо, чтобы достигнуть соглашенія въ полномъ смыслѣ этого слова, нужно было устранить изъ переговоровъ всякую неясность, нужно было добраться до тайниковъ взаимныхъ мыслей, съ рискомъ найти въ нихъ полное разногласіе, рискуя при устраненіи той двусмысленности, благодаря которой до сихъ поръ существовалъ союзъ, нанести ему смертельный ударъ. Въ Тильзитѣ созданіемъ герцогства былъ созданъ и польскій вопросъ, внѣдрившійся между императорами, благодаря тому самому акту, который ихъ сблизилъ. Сперва онъ тлѣлъ подъ пепломъ, но, благодаря войнѣ съ Австріей и возстанію въ Галиціи, онъ вспыхнулъ яркимъ пламенемъ и еще болѣе осложнился условіями мира. Онъ пересталъ быть такимъ вопросомъ, на который ловкой политикѣ удалось бы набросить покрывало или замять его. Теперь необходимо было поставить его открыто, смѣло и, или разрѣшить его совмѣстными усиліями, или признать неразрѣшимымъ. Мы увидимъ, что дебаты, къ которымъ онъ поведетъ, осложненные новымъ, интимнаго свойства, вопросомъ, отмѣтятъ наиболѣе острую стадію въ исторіи союза.

ГЛАВА V.

СВАТОВСТВО.

Какъ принялъ Александръ Вѣнскій договоръ.—Крайнее неудовольствіе.—Министерское письмо отъ 20 октября смягчаетъ впечатлѣніе договора.—Александръ требуетъ договора, гарантирующаго, что Польша не будетъ возстановлена.—Ссылки Румянцева на исторію.—Деспотизмъ, ограниченный салонами.—Коленкуръ требуетъ точныхъ инструкцій.—Твердое и непрерывно возрастающее желаніе Наполеона возстановить союзъ и возвратить ему прежній блескъ.—Какіе мотивы его вдохновляютъ.—Разводъ рѣшенъ.—Необходимость щадить и подготовить Жозефину.—Пребываніе въ Фонтенебло.—При выборѣ супруги Наполеонъ на первомъ мѣстѣ ставитъ великую княжну Анну Павловну.—Причина такого предпочтенія.—Какъ Наполеонъ подготовляетъ сватовство.—Вниманіе и любезности.—Въ чемъ заключалось честолюбіе князя Куракина.—Русскій заемъ въ Парижѣ.—Новыя увѣренія.—Русская императорская семья; кому предоставлено было важное право рѣшать вопросъ о замужествѣ.—Возвращеніе изъ Фонтенебло.—Первое секретное письмо герцогу Виченцы.—Оговорки, относящіяся къ возрасту и физическому развитію великой княжны.—Наполеонъ соглашается на договоръ не возстановлять Польши; соотношеніе вопросовъ.—Союзъ имѣетъ шансы снова стать на прочную почву.—Сцена 30 ноября въ Тюльери.—Близость развода.—Вынужденный спѣшить, Наполеонъ рѣшаетъ жениться на великой княжнѣ по довѣрію и вполнѣ уполномочиваетъ Коленкура рѣшить дѣло за него.—Разнообразіе способовъ, которые онъ пускаетъ въ ходъ, чтобы снова привлечь къ себѣ Александра.—Годовщина коронованія и рѣчь въ Законодательномъ Корпусѣ.—Заявленіе по вопросу о княжествахъ.—Разъясненія, продиктованныя императоромъ.—Второе письмо герцогу Виченцы.—Безповоротный шагъ.—Министръ внутреннихъ дѣлъ на трибунѣ въ Законодательномъ Корпусѣ; обзоръ внутренняго и внѣшняго состоянія имперіи; слова о Польшѣ.—Слухи о русскомъ бракѣ распространяются повсюду.—Наполеонъ льститъ себя надеждой, что Александръ посѣтитъ его въ Парижѣ. Онъ желалъ бы создать изъ женитьбы и изъ путешествія царя внѣшнюю манифестацію и апоѳеозъ союза [1]).

I.

27 октября Коленкуръ получилъ текстъ Вѣнскаго договора съ предписаніемъ сообщить его русскому правительству. Онъ

[1]) Часть этой главы и двухъ слѣдующихъ были напечатаны въ Revue historique, septembre—octobre 1890.

исполнилъ эту неблагодарную обязанность. Въ своемъ донесеніи онъ писалъ: «Я отправился къ Императору, соблаговолившему тотчасъ же дать мнѣ аудіенцію. Входя, онъ спросилъ меня: Это договоръ?—Я отвѣтилъ врученіемъ ему договора, и, слѣдуя наставленіямъ, переданнымъ мнѣ министромъ Вашего Величества депешею отъ 14 октября, приступилъ къ объясненію. Императоръ остановилъ меня, чтобы прочесть договоръ. Онъ пробѣжалъ его, не проронивъ ни одного слова, но не скрывая, что не былъ имъ удовлетворенъ. Онъ довольно долго хранилъ молчаніе, и прервалъ его только для того, чтобы сказать, что плохо вознагражденъ за свою преданность; въ особенности, за то, что, передавъ Вашему Величеству свои права и интересы, помогъ вамъ въ переговорахъ. Я хотѣлъ отвѣчать, имѣя въ виду указать на цѣнность того, что онъ получилъ. Императоръ—впрочемъ, совершенно спокойно—остановилъ меня и заговорилъ со мной о другихъ дѣлахъ. Онъ взялъ со своего письменнаго стола приговоръ по дѣлу генерала Горчакова (за свое подозрительное поведеніе во время кампаніи этотъ генералъ, ради удовлетворенія Франціи, былъ отрѣшенъ отъ должности) и сказалъ мнѣ, что по числу, выставленному на приказѣ по арміи, въ которомъ помѣщенъ приговоръ, я могу видѣть, что судъ надъ генераломъ былъ уже давно; что, впрочемъ, онъ показываетъ приказъ только для личнаго моего свѣдѣнія и только потому, что у насъ былъ разговоръ объ этомъ. Потомъ Императоръ заговорилъ о безразличныхъ вещахъ и отпустилъ меня» [1]).

Въ слѣдующіе дни посланникъ пользовался пріемомъ, какъ и раньше,—за-просто, во всякое время, но характеръ пріема былъ иной. Императоръ былъ холоденъ, говорилъ мало и только изрѣдка, намеками, касался политики. Иногда горькое слово, брошенное въ разговорѣ, показывало, насколько глубока и жгуча была рана, нанесенная его самолюбію, его чувству собственнаго достоинства, его интересамъ. Однажды онъ сказалъ, что лица, ведшія переговоры въ Вѣнѣ, поступили какъ разъ вопреки его указаніямъ [2]). Когда посланникъ заговорилъ о мѣрахъ, которыми имѣлось въ виду его успокоить, онъ съ нетерпѣ-

---

[1]) Донесеніе Коленкура № 58, октябрь 1809 г.

[2]) Донесеніе № 59, ноябрь 1809 г.

ніемъ въ голосѣ сказалъ, что императоръ Наполеонъ долженъ былъ знать о его истинныхъ желаніяхъ, что было время, когда объ этомъ достаточно говорилось. Въ обществѣ загудѣли недовольные голоса, а вернувшійся изъ Финляндіи канцлеръ Румянцевъ такъ и замеръ отъ изумленія.

Письмо Шампаньи къ Румянцеву, въ которомъ предлагалось уничтожить самое имя Польши въ настоящемъ и въ будущемъ, пришло черезъ десять дней послѣ врученія договора. Чтобы исправить произведенное впечатлѣніе, это было поздновато: ударъ былъ нанесенъ. Тѣмъ не менѣе, Александръ былъ очень пораженъ рѣшительными и опредѣленными выраженіями письма. Никогда еще Франція не говорила съ нимъ такимъ языкомъ. Онъ нашелъ въ немъ, согласно его выраженію, «нѣчто въ духѣ союза» [1]) и почувствовалъ серьезное облегченіе.

Онъ объявилъ, что готовъ принять столь положительно предложенныя гарантіи, но съ условіемъ, чтобы онѣ были даны Франціей въ формѣ точнаго обязательства. Въ сношеніяхъ съ Наполеономъ онъ не придавалъ уже значенія словамъ, а требовалъ документа. Сперва онъ говорилъ только о письменномъ обезпеченіи, затѣмъ, дѣлаясь смѣлѣе и точнѣе поясняя свою мысль, потребовалъ опредѣленнаго договора. Онъ выразилъ желаніе, чтобы императоръ Наполеонъ принялъ на себя обязательство—никогда не возстановлять Польши; чтобы къ этой статьѣ была прибавлена особая статья, гарантирующая владѣнія, пріобрѣтенныя по раздѣламъ, не исключая пояснительныхъ и добавочныхъ статей. Онъ говорилъ, что, если этотъ договоръ пройдетъ, онъ согласится забыть свои обиды; что, когда будутъ устранены препятствія, къ несчастью, возникшія на пути союза, союзъ опять приметъ величественное и плавное теченіе. При мысли объ этихъ утѣшительныхъ перспективахъ чело царя прояснялось; какъ будто миръ вновь нисходилъ въ его душу. Но, возвращаясь постоянно къ своему договору, онъ требовалъ, чтобы онъ былъ такимъ, какъ онъ его понималъ, и по той выразительности, какую принимали тогда его слова, по его манерѣ взвѣшивать каждую фразу, каждое слово, чувствовалось, что онъ высказы-

---

[1]) Донесеніе Коленкура № 60, ноябрь 1809 г.

валъ свои непреложныя условія и ставилъ ихъ *ultimatum'омъ* своей дружбы [1]).

Что касается Румянцева, то онъ выражался гораздо опредѣленнѣе, тѣмъ болѣе, что въ промежутокъ времени между его возвращеніемъ въ Петербургъ и прибытіемъ Вѣнскаго договора онъ не подражалъ сдержанности своего государя и не раздѣлялъ его стыдливаго смущенія. Смѣло приступивъ къ вопросу о Галиціи въ то время, когда Наполеонъ рѣшалъ его въ Вѣнѣ, онъ представилъ проектъ раздѣла всецѣло въ пользу Россіи. Такъ какъ Франція не приняла въ разсчетъ желаній, высказывать которыя онъ вовсе не находилъ предосудительнымъ, онъ считалъ себя въ правѣ добиваться исправленія договора и упорно требовалъ этого. Увеличивъ окончательнымъ присоединеніемъ Финляндіи территорію имперіи, онъ отдался всецѣло польскимъ дѣламъ. Они сдѣлались его единственной заботой, его исключительной и всепоглощающей думой, какъ бы темнымъ пятномъ, отъ котораго онъ всѣми силами хотѣлъ очистить горизонтъ. Въ разговорахъ съ герцогомъ Виченцы онъ всегда говорилъ о союзѣ, какъ вѣрующій, убѣжденный сторонникъ, но ставилъ его въ зависимость отъ принятія важной мѣры, при помощи которой Наполеонъ разсѣялъ бы надежды варшавянъ и охладилъ бы ихъ энтузіазмъ. Онъ говорилъ, что обязанность Франціи исправить зло, которое она создала, что ея дѣло—подавить волненіе, которому она дала возможность возникнуть и распространиться. «Поляки опьянѣли,—говорилъ престарѣлый министръ,—слѣдуетъ ихъ отрезвить» [2]).

Впрочемъ,—прибавилъ онъ,—даже предполагая, что императоръ Александръ безропотно покорится необходимости, что онъ закроетъ глаза на внѣшнюю опасность, угрожающую его государству, возрастающее внутреннее недовольство не позволитъ ему чрезмѣрной уступчивости. Движеніе въ высшихъ классахъ, — продолжалъ онъ, — сдѣлалось слишкомъ сильнымъ и приняло размѣры столь тревожные, что нѣсколько словъ, брошенныхъ свыше и даже поддержанныхъ строгими мѣрами, не смогутъ возстановить спокойствія, не сдѣлаютъ людей покорными и не разсѣютъ справедливыхъ опасеній. Довѣріе не создается указами.

---

[1]) Переписка Коленкура съ императоромъ и министромъ, октябрь—ноябрь 1809 г.

[2]) Шампаньи Коленкуру, 22 октября 1809 г.

При настоящихъ условіяхъ императоръ Александръ не можетъ, не подвергая себя серьезной опасности, откладывать удовлетворенія, котораго требуютъ его подданные. Ошибочно полагаютъ,— говорилъ Румянцевъ въ минуту откровенности,— будто самодержецъ вполнѣ независимъ въ своихъ рѣшеніяхъ; по закону,—да, его власть не ограничена, но въ дѣйствительности онъ долженъ считаться съ мнѣніемъ свѣтскаго общества и, въ извѣстной мѣрѣ, управлять вмѣстѣ съ нимъ. Отсюда вытекаетъ для Россіи исключительный образъ правленія: это—деспотизмъ, ограниченный салонами. Такой режимъ—не новость; онъ дѣйствуетъ давно. И Румянцевъ, прибѣгая къ своимъ воспоминаніямъ, къ своей долголѣтней опытности, приводилъ факты и примѣры, которые могли дать намъ возможность лучше узнать и понять Россію. Онъ говорилъ: «Императоръ Наполеонъ, да и, вообще, всѣ у васъ, ошибаются насчетъ нашей страны. Ее плохо знаютъ. У васъ думаютъ, что Императоръ управляетъ деспотически, что простого указа достаточно, чтобы измѣнить мнѣніе общества, или, по крайней мѣрѣ, все рѣшать, не считаясь съ нимъ. Императоръ Наполеонъ часто въ разговорѣ со мной называлъ пустой болтовней тотъ видъ оппозиціи, которая проявляется здѣсь. Онъ думаетъ, что государь можетъ все сдѣлать однимъ мановеніемъ руки; онъ ошибается... Императрица Екатерина отлично знала нашу страну; поэтому-то она внимательно относилась ко мнѣнію всѣхъ; она считалась даже съ оппозиціоннымъ духомъ нѣкоторыхъ престарѣлыхъ женщинъ; она сама мнѣ говорила это» [1]). Пользуясь такими кстати приведенными воспоминаніями и соображеніями, Румянцевъ подыскивалъ доводы въ пользу необходимости требовать немедленнаго доказательства на дѣлѣ, т. е., договора, который могъ бы успокоить умы и помочь честнымъ и примирительнымъ намѣреніямъ правительства,—однимъ словомъ, такого, который придалъ бы союзу *національную* окраску.

Коленкуръ не посмѣлъ тотчасъ же удовлетворить эти требованія. Его столько разъ обвиняли въ излишнемъ пристрастіи къ Россіи, что онъ боялся, какъ бы, проявивъ истинное усердіе и обнаруживъ собственное отношеніе къ этимъ требованіямъ, не подвергнуться снова упреку. Кромѣ того, въ послѣдніе мѣсяцы онъ видѣлъ, что императорская политика такъ часто мѣняла

[1]) Коленкуръ Шампаньи, 30 октября 1809 г.

свое направленіе, что онъ съ трудомъ слѣдилъ за ея изгибами. Дѣйствительно, въ началѣ войны, когда дѣло шло о томъ, чтобы увлечь нашихъ союзниковъ въ борьбу, Наполеонъ позволилъ ему принять опредѣленныя обязательства; позднѣе, послѣ первыхъ разочарованій, причиненныхъ кампаніей, императоръ какъ-будто удалился отъ Россіи; теперь же, непосредственно послѣ дѣянія, которое, несомнѣнно, оскорбило Россію, онъ былъ склоненъ угождать ей. Такая непослѣдовательность, такіе рѣзкіе скачки смутили посланника, выбили его изъ колеи, парализовали его волю. Вмѣсто того, чтобы согласиться на возрастающія требованія Россіи, онъ ограничивался тѣмъ, что принималъ ихъ къ свѣдѣнію и по мѣрѣ предъявленія извѣщалъ о нихъ свой дворъ. Прежде, чѣмъ принять въ принципѣ письменное обезпеченіе, а тѣмъ болѣе договоръ, онъ послалъ двухъ курьеровъ и просилъ точныхъ приказаній. Вслѣдствіе громадности разстоянія, это задержало удовлетвореніе требованій Александра, по крайней мѣрѣ на шесть недѣль.

На этотъ разъ щепетильность посланника была чрезмѣрна и не отвѣчала намѣреніямъ императора. Если бы Коленкуръ, вмѣсто того, чтобы строго придерживаться инструкцій, которыя, вслѣдствіе своего перемѣннаго характера, были сбивчивы, иногда противорѣчивы, связь которыхъ ускользала отъ него, занялся бы изученіемъ той работы, которая происходила въ умѣ его государя; если бы онъ слѣдилъ за всѣми оттѣнками его воли, часто непостоянной и всегда сложной, онъ понялъ бы, что въ настоящее время у императора на первомъ планѣ было желаніе успокоить и удовлетворить Россію, что только оно одно владѣло его умомъ, и что онъ не остановился бы передъ формой, въ какой должно было быть дано удовлетвореніе. Дѣйствительно, Наполеонъ думалъ, что, давъ территорію полякамъ, онъ сдѣлалъ для нихъ достаточно и вполнѣ обезпечилъ за собой ихъ преданность. Поэтому онъ всецѣло обращается къ другой заинтересованной въ этомъ дѣлѣ сторонѣ и рѣшительно повертывается къ Россіи съ руками, полными уступокъ. Принявъ предосторожности на тотъ случай, если бы Александръ измѣнилъ ему, онъ всячески старается предупредить самую измѣну. Дѣлаясь болѣе грознымъ, онъ чувствуетъ себя и болѣе одинокимъ. Онъ отлично понимаетъ пользу продлить соглашеніе, которое обезпечило бы его отъ столкновеній въ Европѣ на то время, когда онъ снова предприметъ покореніе Испаніи и будетъ кончать свою борьбу съ Англіей.

Не довольствуясь тѣмъ, чтобы обезвредить Россію, онъ мало-помалу возвращается къ надеждѣ привязать ее болѣе тѣсно къ себѣ,—возродить довѣріе и искреннюю дружбу. Мысль вызвать расцвѣтъ союза связывается у него съ задуманнымъ планомъ, не только государственнаго, но и личнаго свойства — планомъ, который, обнимая наивысшія соображенія его политики, затрагивалъ самыя чувствительныя струны его самолюбія. Дружба Александра снова сдѣлалась для него крайне необходимой, ибо онъ рѣшилъ развестись съ Жозефиной, и думалъ, что Россія понадобится ему для того, чтобы дать Франціи новую императрицу.

Послѣ Ваграма и Вѣнскаго мира онъ пережилъ приступъ неотразимаго желанія, какой былъ съ нимъ уже однажды, по возвращеніи изъ Тильзита,—желанія присоединить къ побѣднымъ трофеямъ, которые онъ доставилъ своимъ подданнымъ, залогъ будущаго, надежду на устойчивость своего дѣла. На другой день послѣ испытанія, когда Франція дрожала за его жизнь и была свидѣтельницею, какъ пошатнулось его счастье, онъ нашелъ настоятельно необходимымъ упрочить прямымъ потомствомъ продолженіе своего дѣла и, въ особенности, поддержать вѣру въ него. Въ концѣ 1807 г. у него было сильное, но безрезультатное желаніе развестись; въ 1809 г. желаніе его созрѣло, рѣшеніе было принято. Возвращаясь изъ Австріи, онъ несъ въ себѣ бремя этого рѣшенія, которое, надрывая его сердце, открывало въ то же время его гордости новое поприще.

Рѣшившись на разрывъ, страшась этой жестокой минуты, онъ не хотѣлъ оглашать своего намѣренія и не имѣлъ въ виду немедленнаго его осуществленія. Страдая отъ сознанія, что вынужденъ будетъ причинить Жозефинѣ горе, онъ обдумывалъ, какъ бы подготовить ее, какъ устроить, чтобы причинить ей меньше страданій. Онъ переживалъ приступы мучительной тоски, что заставляло его искать уединенія, возможности собраться съ мыслями. По возвращеніи изъ Германіи, вмѣсто того, чтобы вступить въ Парижъ и, въ качествѣ побѣдителя, показаться своему народу, онъ останавливается въ Фонтенебло. Тамъ онъ допускаетъ до себя только своихъ довѣренныхъ министровъ и принцевъ императорскаго дома. Онъ откладываетъ офиціальные пріемы, избѣгаетъ требованій этикета и пышности императорскаго

двора. Онъ хочетъ «пожить, какъ въ деревнѣ» [1]), дѣля свое время между занятіями и охотой. Онъ вызываетъ къ себѣ императрицу, но обращается съ ней съ непривычной для нея холодностью. Прекращая интимныя отношенія тогда, когда мѣсто и обстоятельства особенно благопріятствовали этому, онъ хотѣлъ подготовить Жозефину къ ея роли, хотѣлъ,чтобы она догадалась сама, чтобы преклонилась предъ неизбѣжнымъ, пожертвовала бы собой и добровольно сошла съ престола, дабы въ іерархіи принцессъ занять первое послѣ царствующей императрицы мѣсто. Вотъ цѣль, которую онъ себѣ намѣтилъ. Чтобы достичь ея, онъ считаетъ, что ему необходимо нѣсколько недѣль терпѣнія и спеціально посвященныхъ этому дѣлу усилій.

Затѣмъ, ему нужно было подумать о средствахъ устроить новый бракъ и заранѣе обезпечить его за собой. Онъ думалъ, что узы, связывающія его съ Жозефиной, слѣдовало не разрубить, а развязать нѣжной рукой; что разрывъ слѣдовало подготовить осторожно; второй же бракъ, по его мнѣнію, долженъ былъ послѣдовать непосредственно за разрывомъ, какъ событіе, поражающее своимъ блескомъ и неожиданностью. Чтобы вѣрнѣе управлять умами, Наполеонъ считалъ необходимымъ не держать долго своихъ подданныхъ въ тревогѣ и невѣдѣніи, въ состояніи длительнаго ожиданія крупныхъ событій. Лишь только онъ давалъ имъ поводъ предугадывать таковыя, онъ тотчасъ же выдвигалъ ихъ на сцену, какъ совершившійся фактъ, —безспорный и величественный; онъ выводилъ своихъ подданныхъ изъ вызваннаго событіемъ трепета только для того, чтобы увлечь и привести въ восторгъ. Во всѣхъ дѣлахъ его излюбленнымъ пріемомъ было поражать неожиданностью и блескомъ, онъ всегда старался волновать, удивлять умы, приводить въ оцѣпенѣніе общественную мысль. Поэтому, онъ хотѣлъ, чтобы переходъ отъ одной императрицы къ другой былъ внезапнымъ, едва чувствительнымъ; чтобы немедленно предъ лицомъ Франціи и всего міра около него появилась принцесса королевской крови и заняла мѣсто, которое послѣ отъѣзда Жозефины осталось бы вакантнымъ. Подлѣ Жозефины онъ думалъ о той, которую хотѣлъ призвать занять ея мѣсто, и, мысленно пробѣгая Европу, искалъ принцессу, достойную раздѣлить съ нимъ тронъ и дать ему сына. Выборъ его остановился на великой княжнѣ Аннѣ, сестрѣ Александра.

[1]) Шампаньи Коленкуру, 7 ноября 1810 г.

Этотъ выборъ былъ естественнымъ, законнымъ, почти вынужденнымъ. Прежде всего, онъ отвѣчалъ желанію быстрой развязки, которая руководила дѣйствіями императора за все время этого дѣла. Затѣмъ, между Наполеономъ и Александромъ этотъ вопросъ не былъ новымъ, такъ какъ въ Эрфуртѣ, въ минуту откровенной бесѣды, подготовленной Талейраномъ, императоры говорили о женитьбѣ Наполеона и произнесли имя младшей дочери Павла I-го. Въ то время Анна Павловна только-что вышла изъ дѣтскаго возраста, и вопросъ о ея замужествѣ могъ быть разсматриваемъ только, какъ желательное будущее [1]). Съ тѣхъ поръ прошло тринадцать мѣсяцевъ. Великой княжнѣ было почти пятнадцать лѣтъ. Можно было предполагать, не имѣя, конечно, безусловной въ томъ увѣренности, что съ тѣхъ поръ физически она настолько развилась, что можно думать о ея замужествѣ. Ея чрезмѣрная молодость, которая представляла извѣстныя затрудненія въ то время, повидимому, не была уже препятствіемъ, и было вполнѣ естественно, что сдѣланный тогда ея братомъ намекъ былъ подхваченъ съ нашей стороны. Послѣ разговора въ Эрфуртѣ сватовство не должно было вызвать въ Петербургѣ удивленія. Казалось, что на этой уже подготовленной почвѣ все пойдетъ легче и скорѣе, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Для Наполеона—по его собственному признанію—«было требованіемъ безусловнаго приличія» [2]) никоимъ образомъ не искать другой партіи прежде, чѣмъ онъ не переговоритъ окончательно съ Россіей. По его словамъ, если бы онъ пренебрегъ этимъ долгомъ приличія, этимъ обязательствомъ, которые налагала на него дружба, онъ рисковалъ бы нанести новый ударъ согласію двухъ дворовъ и дать царю законный поводъ къ неудовольствію и обидѣ.

Наоборотъ, семейный союзъ, если бы удалось его заключить, убѣдилъ бы обоихъ монарховъ въ искренности ихъ взаимныхъ чувствъ и, почти навѣрное, имѣлъ бы своимъ результатомъ возстановленіе союза политическаго. Александръ нашелъ бы въ немъ доказательство, что Наполеонъ остается непоколебимо вѣрнымъ въ своемъ предпочтеніи и въ своихъ симпатіяхъ. Съ своей стороны, и Наполеонъ получилъ бы, наконецъ, отъ Россіи столько разъ и такъ горячо просимое доказательство ея дружбы.

[1]) См. т. I, стр. 474—477.
[2]) Corresp. 16210.

Александръ никогда не жалѣлъ ни обѣщаній, ни увѣреній; онъ засыпалъ насъ ими. Даже теперь онъ утверждаетъ, что сердце его не измѣнилось; по его словамъ, онъ по-прежнему восхищается Наполеономъ и хочетъ любить его. Даже тогда, когда онъ вздыхаетъ и плачется, его жалобы имѣютъ характеръ не досады и горечи, а обиды на то, что дружба его не оцѣнена. Однако, каждый разъ, когда дѣло шло о томъ, чтобы проявить свою дружбу на дѣлѣ, онъ оказывался несостоятельнымъ и уклонялся. Во время австрійской войны онъ расточалъ намъ добрыя пожеланія, постоянно ободрялъ и поздравлялъ, но въ войскахъ отказывалъ. Согласіе на бракъ съ его сестрой могло замѣнить то фактическое доказательство, отъ котораго онъ тогда воздерживался. Благодаря этому публичному знаку привязанности, онъ доказалъ бы, что нисколько не боится связать себя обязательствами съ нами, что не видитъ ничего предосудительнаго въ родственныхъ узахъ съ императоромъ и не прочь на дѣлѣ подтвердить это. Въ сватовствѣ Наполеонъ видитъ послѣднее средство испытать его, провѣрить прямоту его намѣреній, и рѣшается на этотъ крайне рискованный опытъ.

Онъ желаетъ, чтобы опытъ удался, и намѣренъ рѣшиться на него не иначе, какъ обставивъ себя со всѣхъ сторонъ благопріятными шансами. Чтобы лишить царя сколько-нибудь основательнаго повода для отказа или увертокъ, онъ согласенъ устранить все, что поддерживало опасенія Александра. Несомнѣнно, что этому намѣренію, задуманному и высказанному имъ передъ самымъ отъѣздомъ изъ Вѣны, слѣдуетъ приписать тѣ удивительно-точныя выраженія, въ которыхъ Шампаньи считалъ себя въ правѣ изложить свое письмо къ канцлеру. По возвращеніи во Францію Наполеонъ ищетъ новыхъ средствъ привлечь къ себѣ Александра. Онъ надѣется найти таковыя сначала въ систематически выдержанныхъ мелочныхъ заботахъ и любезностяхъ. Со времени счастливыхъ дней, непосредственно слѣдовавшихъ за сердечными изліяніями въ Тильзитѣ, онъ никогда еще не былъ такимъ сговорчивымъ, такимъ внимательнымъ. Онъ начинаетъ ухаживать за Россіей съ тонкимъ искусствомъ, съ тѣмъ сочетаніемъ достоинства и обаянія, которыми онъ такъ умѣлъ пользоваться, когда это было нужно.

Онъ начинаетъ съ того, что посланникъ царя въ Парижѣ, князь Куракинъ, дѣлается опять предметомъ его исключитель-

наго вниманія. Въ этомъ случаѣ онъ руководствуется тѣми соображеніями, что, несмотря на полное его ничтожество, посланникъ является представителемъ особы своего государя, и что всякая оказанная ему любезность пойдетъ по адресу Александра; что, сверхъ того, неспособный къ дѣламъ Куракинъ, тѣмъ не менѣе, пользуется въ Петербургѣ нѣкоторымъ вліяніемъ въ свѣтѣ. О немъ Коленкуръ увѣдомлялъ: «онъ, по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю, пишетъ императрицѣ-матери и четыремъ или пяти почтеннымъ старушкамъ, которыя стоятъ во-главѣ общества» [1]). Наполеонъ находитъ выгоднымъ, чтобы Куракина ласкали, лелѣяли и расположили въ нашу пользу. Съ этого времени русское превосходительство находитъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ самый радушный пріемъ. Только-что созданный герцогъ Кадорскій—Шампаньи послѣ Вѣны получилъ этотъ титулъ—не двинувъ бровью, выслушиваетъ его надоѣдливыя разсужденія, сочувственно принимаетъ его просьбы, а списокъ ихъ длиненъ, ибо князь «покровительствуетъ многимъ. Князь является съ цѣлыми ворохами частныхъ просьбъ и проситъ всегда во имя союза и дружбы императора къ императору Александру. Очевидно, онъ думаетъ, что всѣ законы должны смолкнуть предъ столь могущественнымъ доводомъ» [2]). Какъ бы назойливо ни было его вмѣшательство, къ нему всегда относятся съ большимъ вниманіемъ, и требуются причины государственной важности, чтобы его просьба не была принята съ перваго же слова.

Правда, такая предупредительность только отчасти удовлетворяла Куракина; чело его было омрачено. Очевидно было, что чего-то не хватало для полнаго его счастья. Дѣйствительно, онъ надѣялся, что по пріѣздѣ императора въ Фонтенебло начнутся пріемы и празднества, что для Его Величества не будетъ ничего болѣе спѣшнаго, какъ позвать его къ себѣ, и что это приглашеніе дастъ ему случай показаться во всемъ блескѣ. Въ ожиданіи этой минуты онъ обновилъ свой гардеробъ, заказалъ великолѣпные наряды, вынулъ изъ ларца самыя дорогія драгоцѣнности. Его тайной надеждой, въ которой онъ признался своимъ окружающимъ, было затмить великаго канцлера Камбасереса, роскошь котораго, вошедшая въ пословицу, возбуждала его за-

[1]) Коленкуръ Наполеону, 15 января 1809 г.
[2]) Шампаньи Коленкуру, 12 декабря 1809 г.

вистъ [1]). Не получая столь горячо желаемаго приглашенія, Куракинъ находилъ, что его слишкомъ долго заставляютъ ждать момента его торжества. Узнавъ о такомъ старческомъ нетерпѣніи, Наполеонъ вызвалъ его въ Фонтенебло прежде всѣхъ другихъ посланниковъ. Тамъ, льстя его тщеславію, онъ оказалъ ему необычайный почетъ, осыпалъ его всевозможными отличіями, способными создать эпоху въ жизни престарѣлаго дипломата.

Не меньшая заботливость понравиться въ России проявляется у императора и въ болѣе важныхъ дѣлахъ. Уже давно Александръ выражалъ желаніе, чтобы въ его распоряженіе были даны французскіе инженеры для постройки кораблей усовершенствованнаго типа. Наполеонъ согласился послать ихъ, несмотря на свое крайнее нежеланіе способствовать военному образованію другихъ народовъ. Онъ дошелъ даже до предложенія денежныхъ услугъ, и далъ понять, что не прочь придти на помощь обремененнымъ долгами финансамъ Россіи. Нужно сказать, что петербургское правительство все еще не отказывалось отъ надежды помѣстить заемъ на парижской биржѣ. Лишь только Наполеонъ узналъ, какъ близко къ сердцу принимали это дѣло царь и его министръ, онъ немедленно же далъ необходимое разрѣшеніе и поручилъ своему министру финансовъ особымъ письмомъ предупредить объ этомъ банкировъ, которымъ поручено было выпустить заемъ. Въ письмѣ Шампаньи къ Коленкуру говорится, что императору доставитъ большое удовольствіе, если французскіе капиталы, не рѣшавшіеся до сихъ поръ уходить такъ далеко, будутъ помѣщены въ Россіи; что они поступятъ въ распоряженіе его будущаго шурина, и что, если суждено состояться браку, заемъ отъ «тридцати до пятидесяти милліоновъ» будетъ фигурировать въ свадебной корзинкѣ [2]).

Наконецъ, снова возвращаясь къ польскому вопросу, признавая въ немъ главное и, быть можетъ, даже единственное пре-

---

[1]) Донесеніе полиціи отъ 8 ноября 1809 г. „Какъ только Его Превосходительство князь Куракинъ узналъ о скоромъ возвращеніи императора изъ Вѣны, онъ приготовилъ свои экипажи и великолѣпные наряды, которые выписалъ изъ Ліона. Онъ приказалъ обложить брильянтами большой крестъ Почетнаго Легіона и хвастался, что затмитъ,—таково его собственное выраженіе,—крестъ великаго канцлера“. Archives nationales, F. 7, 3721.

[2]) Шампаньи Коленкуру, 7 и 16 ноября, 12 декабря 1809 г.

пятствіе для полнаго согласія между обоими дворами, онъ съ особымъ усердіемъ стремится изъять этотъ вопросъ изъ ихъ сношеній и покончить съ нимъ навсегда. Какъ ни были рѣшительны увѣренія, высказанныя въ письмѣ Шампаньи, онъ чувствуетъ необходимость повторить ихъ, не зная еще, что вскорѣ будетъ поставленъ передъ дилеммой формальнаго договора. 7 ноября французскій министръ пишетъ посланнику. Не зная, что въ тотъ же самый день царь требуетъ договора, и что Коленкуръ откладываетъ подписаніе его до полученія новыхъ инструкцій, онъ не входитъ еще ни въ какія объясненія относительно свойства гарантій, но заранѣе передаетъ согласіе императора на все, чего могла бы потребовать Россія. «Повторите, говоритъ императоръ Шампаньи, что мы готовы сдѣлать все, чего пожелаютъ. Укажите, какъ высоко цѣнятъ во Франціи союзъ съ Россіей». Вотъ какой прогрессивно-возраставшей уступчивостью, какой постепенно увеличивающейся предупредительностью Наполеонъ подготовлялъ пути къ шагу, на который онъ уже рѣшился въ глубинѣ души. Предосторожности, которыми обставляется этотъ шагъ, въ достаточной степени доказываютъ искренность императора, его искреннее желаніе, чтобы предложеніе было принято, его твердое намѣреніе жениться на сестрѣ Александра. Онъ находитъ, что вскорѣ послѣ прискорбныхъ и оскорбительныхъ фактовъ предложеніе было бы слишкомъ рискованно, что оно не было бы надлежаще обставлено. По его мысли, оно должно явиться въ сопровожденіи и, такъ сказать, подъ охраной нѣжныхъ словъ и добрыхъ поступковъ. Наполеонъ заботится окружить его цѣлымъ рядомъ дружескихъ, предупредительныхъ и любезныхъ мѣръ, которыя имѣютъ задачей подготовить успѣхъ и содѣйствовать цѣли, къ которой онъ стремится, т. е., крѣпче связать согласіе и, въ особенности, въ блестящей, поразительной формѣ заявить о немъ предъ лицомъ всего міра.

Теперь, когда онъ все подготовилъ въ свою пользу, какъ приступитъ онъ къ дѣлу? Несмотря на всѣ его старанія заручиться расположеніемъ въ Россіи, нужно было считаться еще съ однимъ затрудненіемъ. Александръ указалъ на него въ Эрфуртѣ, но не подсказалъ, какъ его устранить. По его словамъ, хотя семейный союзъ былъ самымъ дорогимъ его желаніемъ, дѣло зависѣло не отъ него: право рѣшенія принадлежало его

матери. Вдовствующая императрица пользовалась полной властью надъ своими дочерьми и выдавала ихъ замужъ по своему усмотрѣнію. Воля покойнаго царя, изложенная въ торжественномъ актѣ, создала въ пользу его вдовы такое раздѣленіе верховной власти.

Важно было знать, было ли сдѣлано Александромъ послѣ свиданія хоть что-нибудь, чтобы отмѣнить или хотя бы ограничить права, добровольно признанныя имъ за матерью? Коленкуръ по собственному почину постарался выяснить этотъ вопросъ. Призванный къ участію въ разговорахъ о бракѣ въ Эрфуртѣ, желая этого брака, надѣясь увѣнчать имъ дорогую его сердцу политику, онъ никогда не терялъ изъ виду этой важной стороны вопроса, хотя ни Наполеонъ—въ письмахъ къ нему,—ни Александръ—въ бесѣдахъ съ нимъ—ни однимъ словомъ не обмолвились по этому поводу. Не заводя самъ разговора, онъ считалъ своей обязанностью присматриваться, и постоянно и неусыпно слѣдилъ за тѣмъ, что происходило между царемъ и его матерью. Онъ видѣлъ, что, рядомъ съ царемъ—главой государства, вдовствующая государыня остается по-прежнему главой семьи и неукоснительно пользуется своимъ правомъ. Въ день обрученія великой княжны Екатерины съ герцогомъ Ольденбургскимъ она играла главную роль въ церемоніи. Въ церкви Зимняго дворца она стояла впереди короля и королевы прусскихъ, двора и дипломатическаго корпуса; она одна поднялась на покрытое пурпуромъ возвышеніе, гдѣ стояли женихъ и невѣста; она соединила ихъ руки и приняла изъявленіе ихъ почтенія. «Первое изъявленіе почтенія дочери, писалъ посланникъ, было воздано матери» [1]). Правда, роль, завѣщанная государынѣ, не нарушала русскихъ обычаевъ, и все - таки, отъ Коленкура не ускользнуло, какъ тщательно старался императоръ стушеваться и играть роль простого зрителя и свидѣтеля, «какъ бы это сдѣлалъ всякій посторонній человѣкъ». Онъ измѣнилъ этой роли только для того, чтобы оказать своей матери утонченное вниманіе [2]).

---

[1]) On dit et Nouvelles de Pétersbourg, 17 января 1809 г. Archives nationales, AF., IV, 1698.

[2]) Jd. „Съ удивленіемъ было замѣчено, что императоръ во время обрученія простеръ сыновнее почтеніе до того, что покинулъ свое мѣсто, чтобы подойти къ одной изъ колоннъ и взять перчатки, которыя его мать туда положила на время, пока она была около аналоя, присутствуя при обрученіи

И послѣ этого событія Марія Θеодоровна, дѣлая видъ, что отказывается отъ всякаго политическаго вліянія, по-прежнему завѣдывала семейными дѣлами и съ ревнивой заботливостью удерживала за собой этотъ отдѣлъ. Она мало показывалась въ Петербургѣ, такъ какъ жила въ продолженіе всего года въ Гатчинѣ,—для того, говорила она, чтобы сохранить нравственное вліяніе на своихъ младшихъ дѣтей и слѣдить за ихъ воспитаніемъ. Внѣ этихъ заботъ, главнымъ ея занятіемъ было хлопотать о томъ, чтобы пристроить свою младшую дочь. Съ этой цѣлью она содержала цѣлый штатъ дипломатическихъ агентовъ, которые разъѣзжали по разнымъ столицамъ Европы; отъ ея имени постоянно гдѣ-нибудь да велись переговоры о томъ, чтобы просватать великую княжну. Это совершенно исключительное положеніе было признано и принято въ Европѣ. Женихи обращались съ предложеніями непосредственно къ императрицѣ Маріи. Это былъ обычный, естественный путь, и Коленкуръ счелъ своимъ долгомъ освѣдомить объ этомъ своего государя въ письмѣ, написанномъ 4 февраля 1809 г. и оставшемся безъ отвѣта. «Съ первымъ предложеніемъ, равносильнымъ офиціальному,—говорилъ онъ,—обращаются къ матери» [1]).

Наполеонъ считалъ себя слишкомъ крупной величиной, чтобы идти этимъ путемъ. Что ему за охота считаться съ волей женщины и почтительно отдавать на ея усмотрѣніе дѣло великаго государственнаго значенія? Кромѣ того, онъ считалъ невозможнымъ, чтобы Александръ, хозяинъ въ имперіи, не былъ бы таковымъ и въ своей семьѣ. Такое раздѣленіе власти противорѣчило представленію, которое онъ составилъ себѣ о власти. Наполеонъ не вѣрилъ въ это, и, если бы царь сослался на сопротивленіе матери, онъ не призналъ бы этой причины и увидѣлъ бы въ этомъ только предлогъ. Въ Россіи онъ знаетъ только того, кто въ Тильзитѣ сдѣлался его союзникомъ и другомъ; только съ нимъ однимъ желаетъ онъ имѣть дѣло. Послѣ того, какъ онъ пуститъ въ ходъ все, чтобы снова завладѣть имъ, онъ прикажетъ говорить съ нимъ просто и откровенно. Ему одному хочетъ онъ быть обязаннымъ за услугу и только отъ него можетъ принять отказъ.

своей дочери и будущаго зятя. Когда она кончила, императоръ подошелъ къ ней, предложилъ ей руку и подалъ перчатки; царствующая же императрица, бывшая возлѣ своей свекрови, не предложила ей своихъ услугъ".

[1]) Archives nationales, AF., IV. 1698.

Онъ не сталъ откладывать дѣла и во второй половинѣ ноября приказалъ начать переговоры. Нужно сказать, что пребываніе въ Фонтенебло не подвинуло замѣтно вопроса о разводѣ и не подготовило къ нему Жозефину. Оно было прервано пріѣздомъ въ Парижъ короля и королевы саксонскихъ, спѣшно прибывшихъ поздравить императора съ послѣдними побѣдами, выразить ему свою благодарность и засвидѣтельствовать безпредѣльную преданность. Наполеонъ самъ приглашалъ ихъ пріѣхать, но поспѣшность, съ какой они воспользовались его приглашеніемъ, не отвѣчала его намѣреніямъ и вынудила его преждевременно покинуть свое уединеніе. Чтобы съ бо́льшимъ блескомъ и достоинствомъ принять своихъ гостей, онъ долженъ былъ оставить свою осеннюю резиденцію. 15 числа, предоставляя императрицѣ вернуться одной, онъ вступаетъ въ Парижъ, верхомъ на конѣ, въ блескѣ военной славы, во-главѣ исключительно военной свиты,— скорѣе какъ полководецъ, чѣмъ монархъ. Поселившись въ Тюльери, онъ только на второй или третій день принимаетъ членовъ Законодательнаго Корпуса, даетъ аудіенціи, совѣщается съ министрами и становится императоромъ [1]). При дворѣ въ честь саксонской королевской четы начинаются празднества, большіе пріемы, спектакли въ придворномъ театрѣ. Вслѣдъ за королемъ Саксоніи пріѣзжаютъ или увѣдомляютъ о своемъ пріѣздѣ и другія коронованныя особы—государи Вюртемберга, Голландіи, Неаполя и Вестфаліи. Парижъ опять дѣлается «мѣстомъ пребыванія королей» [2]) и наполняется императорскими гостями и знатными посѣтителями. Столица и дворъ принимаютъ веселый, оживленный и блестящій видъ, и вотъ при этихъ-то условіяхъ, при неугомонномъ шумѣ празднествъ, Наполеону приходится приступить къ разнымъ дѣламъ, которыя должны привести его къ цѣли. Ему нужно убѣдить Жозефину покориться судьбѣ, затѣмъ подготовить разрывъ гражданскаго и церковнаго брака и, наконецъ, позондировать Россію. Онъ откладываетъ еще разговоръ съ императрицей. Принцъ Евгеній, спѣшно вызванный изъ итальянскаго вице-королевства, еще не прибылъ въ Парижъ, гдѣ его присутствіе будетъ необходимо, чтобы успокоить и утѣшить свою мать, когда наступитъ часъ глубокой

[1]) Шампаньи Коленкуру, 16 ноября 1809 г. Cf. Le Moniteur du 14.
[2]) Шампаньи Коленкуру, 31 марта 1810 г.

скорби. Но уже 22 ноября императоръ приказалъ Шампаньи написать Коленкуру письмо, которое министръ для бóльшей увѣренности въ соблюденіи тайны не только долженъ былъ написать вчернѣ, но и переложить на шифръ собственной рукой. Оно было составлено въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Господинъ посланникъ, вамъ извѣстны неотступныя мольбы, съ которыми уже давно обращаются къ Императору люди, наиболѣе преданные его особѣ и важнымъ интересамъ династіи. Попытки въ этомъ направленіи долгое время оставались безплодными. Однако, все заставляетъ меня думать, что Императоръ, послѣ зрѣлаго размышленія о будущности Франціи и своей семьи, рѣшится, наконецъ, на разводъ. Его Величество довѣрился мнѣ одному. Онъ былъ вынужденъ къ этому необходимостью отдать мнѣ приказаніе написать вамъ настоящее письмо, которое я самъ шифровалъ.

«Въ Эрфуртѣ императору Александру былъ сдѣланъ намекъ на разводъ. Онъ долженъ (вспомнить), что у нихъ съ Императоромъ былъ по этому поводу разговоръ, и что онъ сказалъ ему, что тотъ можетъ разсчитывать на его сестру, великую княжну Анну. Императору угодно, чтобы вы откровенно и просто приступили къ обсужденію вопроса съ императоромъ Александромъ и обратились къ нему со слѣдующими словами: «Я имѣю основаніе думать, что Императоръ подъ давленіемъ всей Франціи склоняется «къ разводу. Могу ли я извѣстить, что можно разсчитывать на «вашу сестру? Подумайте объ этомъ, Ваше Величество, въ теченіе двухъ дней и отвѣтьте мнѣ откровенно, не какъ посланнику Франціи, но какъ человѣку, глубоко преданному обоимъ «семействамъ. Я не дѣлаю формальнаго предложенія, я прошу «только искренно высказать мнѣ ваше мнѣніе. Если я рѣшаюсь «на этотъ шагъ, то только потому, что болѣе чѣмъ привыкъ «говорить Вашему Величеству все, что думаю, и не боюсь, что «вы когда-либо поставите меня въ неловкое положеніе».

«Ни подъ какимъ видомъ вы не должны говорить объ этомъ съ Румянцевымъ и, послѣ этого и слѣдующаго затѣмъ черезъ два дня разговора, вы совершенно забудете о порученіи, которое я вамъ даю.

«Вамъ остается только освѣдомить насъ о качествахъ молодой великой княжны и, въ особенности, о времени, когда она будетъ въ состояніи сдѣлаться матерью, такъ какъ при суще-

ствующихъ условіяхъ разница въ шесть мѣсяцевъ имѣетъ значеніе.

«Мнѣ не нужно просить Ваше Превосходительство о строжайшей тайнѣ: вы понимаете ваши обязанности къ Его Величеству въ этомъ отношеніи» [1]).

Такимъ образомъ, Коленкуру поручается, дѣйствуя усердно и энергично, но въ глубочайшей тайнѣ и дѣлая видъ, что дѣйствуетъ по собственному побужденію, основательно выяснить вопросъ. Такая предосторожность, слишкомъ обыденная въ дѣлахъ подобнаго рода, чтобы могла ввести кого-либо въ заблужденіе, имѣла цѣлью, если бы дѣло не пошло успѣшно, охранить достоинство обоихъ императоровъ и ихъ будущія отношенія. Употребленный пріемъ представлялъ еще и ту выгоду, что не обязывалъ императора безповоротно. У него было правиломъ—всячески стараясь обезпечить себя со стороны другихъ, насколько возможно позднѣе связывать самого себя обязательствами. Въ настоящемъ случаѣ, эта тактика оправдывалась особой причиной,—нѣкоторымъ сомнѣніемъ, которое существовало относительно физическаго развитія великой княжны. Конечно, было бы крайне желательно скрѣпить союзъ съ Россіей, упрочивъ его болѣе тѣсными узами; но вопросъ о союзѣ отступалъ на второй планъ по сравненію съ главнымъ—съ вопросами о разводѣ и второмъ бракѣ, иначе говоря, о необходимости какъ можно скорѣе дать имперіи наслѣдника. Нужно было, прежде всего, выяснить этотъ деликатный вопросъ. Только свѣдѣнія, которыя Коленкуру поручено было собрать и доставить императору, дали бы ему возможность сдѣ-

[1] Часть этого и слѣдующаго письма была опубликована въ первый разъ Bignon'омъ въ Histoire de France depuis le dix-huit brumaire, IX, 64—65. Тьеръ ошибочно писалъ, что почти всѣ письма, касающіяся брака, были уничтожены (XI, 358). Документы о переговорахъ съ Россіей, т. е., письма, которыми непосредственно и въ большой тайнѣ обмѣнивались министръ и посланникъ, безъ посредничества канцелярій, хранятся всѣ въ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ, Россія, томъ дополненія № 17. Мы въ первый разъ сообщили эти документы полностью публикѣ Matinées littéraires въ Брюсселѣ (сообщеніе 1 марта 1890 г.). Затѣмъ, M. P. Bertrand опубликовалъ ихъ въ Correspondant отъ 10 іюня 1890 г. Bignon, Armand Lefèvre, M. M. Imbert de Saint-Armand (Les beaux jours de Marie-Louise), Henri Welschinger (Le divorce de Napoléon) и Татищевъ (Александръ I-ый и Наполеонъ) цитировали нѣкоторые отрывки изъ нихъ.

лать окончательный выводъ и рѣшиться на официальное предложеніе. Въ настоящій же моментъ онъ хочетъ только заручиться увѣренностью, что можетъ разсчитывать на Россію, и что она удовлетворитъ его желанія.

Письмо отъ 22 ноября было готово къ отправкѣ, когда Наполеонъ узналъ, что Россія проситъ письменныхъ обѣщаній въ томъ, что Польша не будетъ возстановлена, и что Коленкуръ не посмѣлъ дать таковыхъ. Планы императора настолько уже оформились, что всякое замедленіе производитъ на него непріятное впечатлѣніе; осторожность посланника раздражаетъ его. Онъ желалъ бы, чтобы Россія была уже успокоена, чтобы она чувствовала себя счастливой и была приведена въ такое расположеніе духа, чтобы ни въ чемъ не могла отказать намъ. Пусть посланникъ сейчасъ же сдѣлаетъ то, чего не сдѣлалъ до сихъ поръ, пусть сдѣлаетъ это «прямодушно, словомъ, такъ, чтобы было устранено всякое подозрѣніе о задней мысли, чтобы безспорно было доказано, что у насъ нѣтъ таковой». Таковы были собственныя выраженія Наполеона, которыя Шампаньи долженъ былъ включить въ спѣшно составленную депешу, исключительно политическаго характера, приложенную къ письму интимнаго и секретнаго свойства, которое онъ написалъ уже для Коленкура. Политическая депеша должна была открыть двери просьбѣ, выраженной въ письмѣ, и обезпечить ей хорошій пріемъ.

Курьеръ кабинета, которому были поручены эти два письма, хотѣлъ уже покинуть зданіе министерства иностранныхъ дѣлъ, когда вошелъ родственникъ герцога Виченцы, Рюминьи, спѣшно пріѣхавшій изъ Петербурга. Этотъ молодой человѣкъ привезъ извѣстіе, что царь удовлетворится только договоромъ. Рюминьи взялъ на себя смѣлость задержать отъѣзжавшаго курьера, что позволило министру испросить въ тотъ же вечеръ приказаній императора по поводу новаго притязанія России и дать на него отвѣтъ. Наполеонъ не думалъ, что требованія Россіи пойдутъ такъ далеко. Подъ письменными обѣщаніями онъ подразумѣвалъ простое разъясненіе въ формѣ ноты или отношенія. Ну что-жъ! Вѣрный самому себѣ, желая получить благопріятный отвѣтъ по вопросу о бракѣ, и, при томъ, какъ можно скорѣе, онъ не щадилъ ничего, что могло обезпечить за нимъ таковой. Намѣтивъ себѣ цѣль, онъ идетъ къ ней прямо, твердо, онетступно, безъ колебаній, и, въ страстномъ нетерпѣніи до-

стичь ея, не обращаетъ вниманія на средства. Разъ Россія придаетъ такъ много значенія договору, она будетъ имѣть желаемое. Шампаньи получаетъ приказаніе прибавить въ пакетъ, приготовленный для посланника, третью депешу, въ родѣ *post-scriptum*'а ко второй. Въ ней заключается формальное полномочіе Коленкуру подписать договоръ. Такъ какъ время не терпитъ, министръ не входитъ ни въ какія подробности относительно условій, которыя должны быть включены въ этотъ актъ, такъ же, какъ и относительно выраженій, которыя должны быть употреблены. Онъ полагается во всемъ, что касается достоинства императора, на Коленкура, предоставляетъ ему полную свободу и даетъ чистый бланкъ со своей подписью. «Вообще, говоритъ онъ, не отказывайтесь ни отъ чего, что могло бы служить въ пользу устраненія всякой мысли о возстановленіи Польши, но постарайтесь избѣгнуть статей, которыя были бы безполезны или чужды этой задачѣ. Императоръ желаетъ сдѣлать все, что можетъ успокоить императора Россіи, въ особенности, то, что можетъ дать твердую основу его спокойствію. Ничего другого нельзя отъ него требовать».

Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ близость развода все болѣе побуждаетъ Наполеона спѣшить съ вопросомъ о бракѣ съ русской великой княжной, съ каждымъ днемъ, почти съ каждымъ часомъ возрастаетъ и его уступчивость. Близость чиселъ и одновременность депешъ по политическимъ и брачному вопросамъ указываютъ на тѣсную связь между тѣмъ, чего онъ требуетъ и что даетъ. Огромный вопросъ, который издавна играетъ главную роль въ сношеніяхъ обѣихъ имперій, онъ связываетъ съ другимъ, который только-что возбудилъ. Онъ даетъ понять, что готовъ урегулировать первый къ полному удовлетворенію Россіи, но съ тѣмъ, чтобы этой цѣной добиться рѣшенія второго согласно его желанію. Если сперва онъ и задавался цѣлью поддерживать въ равновѣсіи вѣсы между Петербургомъ и Варшавой, то теперь онъ согласенъ склонить ихъ на русскую сторону, и, уступая потребности настоящаго момента, порыву своихъ желаній, онъ предлагаетъ царю свое отреченіе отъ Польши въ награду за великую княжну. Уже разъ двадцать Александръ объявлялъ, что, по полученіи столь желаемой гарантіи, онъ сочтетъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ, что онъ отречется отъ всякаго неудовольствія и страха, что отъ Франціи онъ ничего болѣе не потребуетъ и

ни въ чемъ ей не откажетъ. Можно было думать, что торжественный обмѣнъ удовлетвореніями изгладитъ прошлое, обезпечитъ будущее, преобразуетъ на болѣе прочныхъ началахъ соглашеніе, заключенное въ Тильзитѣ, отпразднованное предъ лицомъ всего міра въ Эрфуртѣ и пострадавшее благодаря событіямъ 1809 г. Уже нѣсколько недѣль, какъ, благодаря взаимнымъ уступкамъ, союзъ снова поднимается въ гору. Повидимому, онъ не долженъ уже встрѣтить никакого препятствія, которое, могло бы помѣшать императорамъ соединиться братскими узами, дойти до кульминаціоннаго пункта безусловнаго довѣрія и заботиться только о томъ, чтобы поддерживать союзъ.

II.

Послѣ отправки въ Россію посылки, содержащей всѣ три письма, событія въ Тюльери быстро пошли впередъ, и кризисъ разразился самъ собой, нѣсколько раньше, чѣмъ думалъ Наполеонъ. Во время пребыванія въ Фонтенебло Жозефина догадывалась о предстоящей ей участи. Съ этихъ поръ жизнь ея превратилась въ сплошной страхъ и страданіе. Ей и хочется узнать истину, и страшно. Ея волненіе, слезы, вопросы—все это мучаетъ императора, заставляетъ его выдать ей роковую тайну и ускоряетъ развязку невыносимаго положенія. 30 ноября, послѣ въ молчаніи протекшаго обѣда, во время котораго только одинъ разъ прозвучалъ голосъ императора, онъ удаляется съ императрицей, и тотчасъ же наступаетъ знаменитая сцена объясненія, которая кладетъ на эту желѣзную эпоху отпечатокъ человѣческихъ чувствъ, въ которой слышится душу раздирающій вопль женской скорби. Объясненіе началъ Наполеонъ. Онъ объявилъ Жозефинѣ о своемъ рѣшеніи. Его приговоръ страшно поразилъ ее. Она упала на полъ въ припадкѣ жестокихъ судорогъ. Императоръ хлопочетъ около нея, помогаетъ перенести ее въ ея аппартаменты, приводитъ въ чувство, зоветъ къ ней Гортензію, скорбитъ вмѣстѣ съ ними. Тѣмъ не менѣе, онъ умѣетъ побороть свое чувство, онъ остается неумолимымъ, и только его глаза, на которыхъ блестятъ слезы, выдаютъ происходящую въ его душѣ борьбу.

На слѣдующій день Жозефина поуспокоилась; за пароксизмомъ острой боли наступила тупая, какая обычно бываетъ послѣ глубокихъ потрясеній. Чувствуется, что ея силы, ея сопротивленіе подходятъ къ концу, что воля ея надломлена, что она готова подчиниться. Не примиряясь съ ролью, предписанной ей ея супругомъ, она соглашается на нее съ пассивной покорностью. Евгеній, по пріѣздѣ, найдетъ ее уже готовой принести себя въ жертву. Ему останется только устроить самый разводъ, условиться съ императоромъ и императрицей о необходимыхъ распоряженіяхъ, о формальностяхъ, которыя надлежитъ выполнить, и его вмѣшательство обезпечитъ важному дѣлу мирный и достойный конецъ [1]).

Видя, что развязка ускоряется, Наполеонъ чувствуетъ еще бóльшую необходимость торопиться съ новымъ бракомъ. Онъ принимаетъ окончательное рѣшеніе. Еще до полученія надлежащихъ свѣдѣній о русской великой княжнѣ, онъ уже рѣшаетъ, что женится на ней, если императоръ Александръ не заставитъ его ждать, и если, съ другой стороны, Коленкуръ, послѣ наведенныхъ справокъ, не будетъ имѣть никакого сомнѣнія относительно способности молодой великой княжны сдѣлаться матерью, и при томъ въ ближайшемъ будущемъ, ибо обезпеченіе династіи и вытекающее отсюда спокойствіе Франціи не должно быть отсрочиваемо ни на одну минуту. Въ декабрѣ—разводъ; до конца января—другая императрица, которая принесетъ съ собой, если это возможно, возобновленіе великаго союза; и въ 1811 году наслѣдникъ престола. Вотъ какимъ образомъ, повелѣвая событіямъ, Наполеонъ строитъ будущее и предписываетъ ему свою волю! Въ страшномъ нетерпѣніи онъ уже не колеблется высказаться вполнѣ, не задумывается принять обязательства передъ Россіей и сжечь свои корабли. Онъ готовъ позволить Коленкуру, если имѣются на-лицо два указанныхъ условія, сдѣлать формальное предложеніе, въ случаѣ нужды, даже настойчиво просить о согласіи, дѣйствовать энергично и довести дѣло до конца. Онъ думаетъ уполномочить своего посланника не только вести переговоры, но и подписать брачный договоръ.

Какъ ни считалъ онъ спѣшнымъ этотъ безповоротно рѣ-

---

[1]) Mémoires du baron de Bausset, I, 369—374.

шенный шагъ, онъ и его хочетъ подготовить съ той же предусмотрительной заботливостью, какъ и предыдущій. Онъ допускаетъ, что Александръ не сразу согласится на его желаніе, не тотчасъ откликнется на просьбу, переданную нашимъ посланникомъ. Поэтому онъ думаетъ, что необходимо, чтобы болѣе рѣшительная атака, т. е., формальное предложеніе, была сдѣлана въ ту минуту, когда царь будетъ сіять отъ счастья, когда всѣ его желанія будутъ исполнены. Какъ бы спѣша воспользоваться тѣми немногими днями, которые остаются въ его распоряженіи, Наполеонъ пускаетъ въ ходъ всевозможныя средства, которыми можно задобрить Россію. Онъ не щадитъ ни услугъ, ни неожиданныхъ подношеній и всѣми силами старается поддерживать въ ней восхищеніе своимъ союзникомъ. Изобрѣтательный до безконечности, онъ ничѣмъ не пренебрегаетъ, нисходитъ до самыхъ ничтожныхъ мелочей и возвышается до величественныхъ изобрѣтеній; онъ то расточаетъ нѣжное вниманіе и громкія признанія, то дѣйствуетъ утонченной любезностью, то громовыми ударами. Съ Куракинымъ обходятся, какъ никогда до сихъ поръ; объ исключительномъ вниманіи, которое ему оказываютъ, заботливо сообщается въ Россію. «У него своя ложа въ театрѣ Тюльери,—пишетъ Шампаньи Коленкуру;—онъ участвуетъ во всѣхъ охотахъ, составляетъ преимущественно предъ всѣми, исключая королей и высочайшихъ особъ, партію императрицы или королевъ». Затѣмъ, въ *Moniteur'ѣ* появляется замѣтка съ объявленіемъ о русскомъ займѣ и приглашеніемъ подписываться на него, т. е., нравственная гарантія, которую даетъ Франція. Въ то же время, чтобы подчеркнуть дружбу, которую онъ питаетъ къ царю, и заставить его почувствовать ея цѣну, Наполеонъ пользуется величественной и достопамятной обстановкой, и торжественно заявляетъ о своей къ нему дружбѣ въ тотъ единственный день въ году, «когда онъ публично говоритъ со всей Франціей» [1]).

Въ то время, когда въ Тюльери разыгрывалась интимная драма, когда въ покояхъ императрицы всѣ погружены были въ глубокую печаль, а вокругъ императора все ожидало и волновалось, Парижъ принималъ праздничный видъ. Зданія украшались флагами; пушечные залпы, разносясь въ воздухѣ возвѣ-

[1]) Шампаньи Коленкуру, 28 декабря 1809 г.

щали о торжествѣ; улицы были приготовлены для большого шествія. На 3, 4 и 5 декабря были назначены торжественныя церемоніи и народныя увеселенія. Рѣшено было отпраздновать заодно годовщину коронаціи, миръ съ Австріей и возвращеніе императора и короля въ его столицу.

3-го утромъ Наполеонъ выѣзжаетъ изъ Тюльери въ коронаціонной каретѣ; съ нимъ ѣдетъ его братъ Жеромъ. Впереди нихъ, въ роскошныхъ экипажахъ — неаполитанскій король, высочайшія особы, министры и высшіе военные чины имперіи и короны. Покрытый славой императоръ торжественно вступаетъ въ Парижъ посреди разставленныхъ шпалерами войскъ и волнующейся толпы народа. При видѣ его снова воскресаетъ народный энтузіазмъ, раздаются радостные крики. Но сколько контрастовъ въ эти дни, посвященные, въ силу приказанія, веселью! Сколько тѣней въ этомъ блескѣ! По недосмотру полиціи, въ одномъ мѣстѣ, гдѣ шествіе должно было развернуться, и гдѣ должны были произойти церемоніи, цѣпь экипажей прерывается партіей арестантовъ со связанными руками и выраженіемъ отчаянія на лицѣ. Эти арестанты—французы, это—уклонившіеся отъ рекрутчины, которыхъ влекутъ въ армію и на убой [1]). Но вотъ императоръ уже у собора Парижской Богоматери, куда онъ входитъ подъ балдахиномъ, и откуда навстрѣчу ему несутся звуки *Te Deum*'а Изъ собора онъ направляется въ Законодательный Корпусъ, чтобы открыть сессію и произнести тронную рѣчь. Это торжественное засѣданіе, на которомъ сходятся у подножія трона представители Сената и Государственнаго Совѣта съ Законодательнымъ Корпусомъ, пріобрѣтаетъ въ этомъ году исключительный блескъ, благодаря присутствію августѣйшихъ гостей. Короли Саксоніи и Вюртемберга занимаютъ мѣста на трибунѣ вмѣстѣ съ императрицей, и представляютъ Европу, внимающую словамъ владыки. Онъ говоритъ. Его напыщенная и великолѣпная рѣчь дышитъ гордостью и упоеніемъ силы. Онъ излагаетъ въ ней чудеса, приведенныя въ исполненіе въ теченіе года. Испанія побѣждена: «Леопардъ бѣжитъ въ ужасѣ»; Австрія, нарушившая свои клятвы, тотчасъ же наказана за вѣроломство. Быстрымъ взглядомъ охватываетъ онъ затѣмъ другія части континента, проходитъ мимо полей битвъ на Дунаѣ, мимо разрушенныхъ стѣнъ

[1]) Донесеніе полиціи. Archives nationales, AF., IV, 1508.

Вѣны и переносится мыслью въ страны, гдѣ великая рѣка вливаетъ свои воды въ Черное море, гдѣ кончается Европа. Тамъ онъ останавливается и произноситъ слѣдующія слова: «Россійскій императоръ, мой союзникъ и другъ, присоединилъ къ своей обширной имперіи Финляндію, Молдавію, Валахію и одинъ округъ Галиціи. Я не завидую этой имперіи ни въ чемъ, что можетъ способствовать ея преуспѣянію; мои чувства къ ея достославному государю въ полномъ согласіи съ моей политикой» [1]).

Эти слова были равносильны акту, такъ какъ фраза о княжествахъ пріобрѣтала, вслѣдствіе недавнихъ событій на Дунаѣ, исключительное значеніе. Она была произнесена какъ разъ во-время для того, чтобы поправить сильно пошатнувшіяся на Востокѣ дѣла Россіи. Задавшись цѣлью вырвать у Порты уступку княжествъ, дунайская армія сражалась на обоихъ берегахъ рѣки въ теченіе всего лѣта. Плохо задуманныя операціи не были особенно удачны. Послѣднія вѣсти изъ Бухареста были даже безусловно неблагопріятны для русскихъ. Изъ нихъ видно было, что войска князя Багратіона потерпѣли серьезную неудачу и должны были снять осаду Силистріи. Ободренные такимъ неожиданнымъ оборотомъ дѣлъ, турки сдѣлались еще болѣе несговорчивыми; они рѣшили отстаивать цѣлость своего государства и не уступать царю Молдавіи и Валахіи. До сихъ поръ тѣ статьи франко-русскаго соглашенія, предметомъ которыхъ были княжества, держались въ тайнѣ. Это было однимъ изъ условій, которыя поставилъ Наполеонъ для своей подписи. Хотя онъ и внушалъ туркамъ купить миръ цѣной княжествъ, онъ все еще скрывалъ отъ нихъ, что принялъ рѣшеніе не въ ихъ пользу, и что фактъ потери Молдавіи и Валахіи былъ признанъ имъ заранѣе. Избѣгая лишать ихъ послѣдней надежды, онъ хотѣлъ сохранить за собой нѣкоторыя права на ихъ преданность и держать ихъ вдали отъ Англіи. Теперь, чтобы заслужить благосклонность Россіи, онъ уже не считается съ этими предосторожностями и разрываетъ покровы. Онъ представляетъ сессіи, какъ совершившійся фактъ, включеніе княжествъ въ имперію Александра и даетъ понять, что это присоединеніе состоялось съ его согласія. Въ этихъ словахъ всемогущаго императора турки должны увидѣть предопредѣленіе судьбы; они не должны болѣе сопротивляться тре-

[1]) Corresp., 16031. Cf. Moniteur отъ 4 декабря.

бованіямъ ихъ противника, ибо таковыя одобрены тѣмъ, кто держитъ въ своихъ рукахъ судьбы царствъ. Вынося надъ ихъ надеждами окончательный приговоръ, Наполеонъ вынуждаетъ турокъ покориться, онъ отнимаетъ у нихъ охоту сражаться. Объявляя всенародно о принесеніи въ даръ Россіи двухъ областей, онъ тѣмъ самымъ оказывалъ рѣшительное содѣйствіе ея стѣсненной и бѣдствующей арміи.

Наполеонъ хотѣлъ дать почувствовать, кому слѣдуетъ, эти въ высшей степени своевременно произнесенныя слова, и позаботился самъ подчеркнуть намѣреніе, которое онъ при этомъ имѣлъ. 9 декабря онъ диктовалъ для свѣдѣнія Шампаньи слѣдующую записку: «Я думаю, необходимо отправить въ Россію курьера съ моей рѣчью въ Законодательномъ Корпусѣ. Вы сообщите герцогу Виченцы правдивыя извѣстія о пораженіи русскихъ, и дадите ему понять, что, именно вслѣдствіе этихъ пораженій, я нашелъ необходимымъ сказать о присоединеніи Валахіи и Молдавіи къ русской имперіи, дабы императоръ видѣлъ, что я не виляю и дѣлаю даже болѣе, чѣмъ обѣщаю». Далѣе говорится, что хорошо было бы умѣло дать ему понять, что такая любезность со стороны императора французовъ имѣетъ тѣмъ бо́льшую цѣну, что поведеніе Россіи совершенно не побуждало его къ этому; что императоръ Наполеонъ не ведетъ счетовъ со своими друзьями; что, несмотря ни на что, онъ расточаетъ имъ доказательства своего расположенія даже тогда, когда ему плохо отплачиваютъ. Но было бы большой ошибкой думать, что отъ него ускользнула слабость русской дружбы въ періодъ послѣдней кампаніи, и что его сердце не страдало отъ этого. Никакого сомнѣнія не должно существовать на этотъ счетъ. Поэтому Коленкуръ долженъ найти случай ввернуть Румянцеву подлинную фразу императора: «Вы понимаете, что ваше поведеніе во время кампаніи не ускользнуло отъ вниманія императора; въ дѣлахъ съ Австріей ваша роль была безцвѣтна. Какъ же поступилъ императоръ? Онъ далъ вамъ провинцію, которая съ избыткомъ покрываетъ расходы, которые вы сдѣлали ради войны, и напрямикъ объявляетъ о присоединеніи Финляндіи, Молдавіи и Валахіи къ вашей имперіи» [1]). Коленкуръ скажетъ эти слова «безъ горечи» [2]), ничего не прибавляя къ этому; это

[1]) Corresp., 16035.

[2]) Шампаньи Коленкуру, 12 декабря 1809 г.

только замѣчаніе, а не упрекъ. Дѣло императора Александра— понять и оцѣнить поведеніе, которое столь отличается отъ его собственнаго, и вывести заключеніе, которое напрашивается само-собой. Въ виду того, что съ нѣкотораго времени Наполеонъ несъ всѣ издержки по союзу, въ виду того, что Россія позволила замѣтно обогнать себя на пути взаимныхъ услугъ, по которому должны были идти равнымъ шагомъ, теперь, по всѣмъ правиламъ, ея очередь выполнить свои обязательства; она должна чувствовать потребность въ этомъ и отыскать способъ. Пусть же она воспользуется случаемъ, который дастъ ей возможность сквитаться сразу; пусть согласится доброжелательно, безъ отсрочекъ и увертокъ на предложеніе, которое будетъ ей сдѣлано и которое будетъ отослано въ слѣдующіе, послѣ отсылки рѣчи, двадцать четыре часа, ибо обстоятельства не позволяютъ долѣе откладывать.

Дѣйствительно, въ то время, когда Наполеонъ намѣчалъ посланнику задачу, о которой только-что говорилось, въ Парижъ прибылъ принцъ Евгеній. Тотчасъ же по пріѣздѣ онъ повидался съ императоромъ и со своей матерью. Сначала, въ порывѣ гордости, онъ открыто высказался, что устраняется отъ этого дѣла и просилъ своихъ родныхъ никоимъ образомъ не принимать въ немъ участія. Но затѣмъ, въ виду благой цѣли, онъ уступаетъ волѣ своего отчима; совѣтуетъ матери пожертвовать собой ради блага государства, сойти съ престола, принять предложенное вознагражденіе и, такимъ образомъ, сохранить неприкосновеннымъ высокое положеніе своихъ дѣтей. Всѣ склоняются къ этому рѣшенію, и для офиціальнаго объявленія о разводѣ путемъ сенатскаго рѣшенія избирается день 15 декабря.

Остается только пять дней до этого великаго событія; они должны быть использованы. 12 числа Шампаньи отправляетъ въ Россію текстъ рѣчи въ Законодательномъ Корпусѣ съ разъясненіями, которыми снабдилъ его самъ императоръ. Въ тотъ же день саксонскій король покидаетъ Парижъ, оставляя французскій дворъ въ томъ состояніи душевнаго напряженія, которое обычно предшествуетъ приведенію въ исполненіе важныхъ и тяжелыхъ рѣшеній. Тѣмъ не менѣе, Наполеонъ хочетъ исполнить до конца долгъ гостепріимства. Онъ догоняетъ короля на первой остановкѣ его пути и остальную часть дня проводитъ съ нимъ въ Гробуа, у князя Ваграмъ-Невшательскаго. Въ этомъ

принадлежащемъ коронѣ замкѣ устраивается охота, затѣмъ иллюминація садовъ, дается спектакль. Императоръ, искусно пользовавшійся для своихъ цѣлей всѣми обстоятельствами, приказалъ, чтобы на эти празднества изъ иностранныхъ посланниковъ былъ приглашенъ только одинъ князь Куракинъ. Онъ опять-таки ставитъ его выше его коллегъ и уже обращается съ нимъ, какъ съ посланникомъ родственной ему семьи[1]). На другой день, 13, возвратившись въ Тюльери, онъ требуетъ къ себѣ Шампаньи и при себѣ заставляетъ его написать Коленкуру слѣдующее письмо; министръ только держитъ перо, пишетъ же имъ императоръ.

«Господинъ посланникъ, въ ноябрьскомъ шифрованномъ письмѣ я познакомилъ васъ съ желаніями Императора.

«Послѣ того пріѣхалъ вице-король. Императрица тотчасъ же согласилась на разводъ, придя къ убѣжденію, что того требуютъ важность настоящаго положенія и неотложныя нужды государства. Все заставляетъ меня думать, что въ пятницу состоится сенатское рѣшеніе о расторженіи брака Императора по взаимному согласію. Императрица сохраняетъ свой рангъ, свой титулъ и присвоенное ей вдовье содержаніе. Такъ какъ на мѣстѣ, милостивый государь, вамъ все виднѣе, то Императоръ безусловно полагается на васъ, зная, что вы поступите такъ, какъ надлежитъ. Итакъ, вы должны дѣйствовать, имѣя въ виду слѣдующія три положительныхъ данныхъ:

«1-е. Что Императоръ на первомъ мѣстѣ ставитъ сестру Россійскаго императора, если съ вашей стороны не будетъ возраженій, способныхъ измѣнить его мнѣніе;

«2-е. Что здѣсь считаютъ минуты, такъ какъ Императоръ желаетъ, возможно скорѣе, обезпечить потомствомъ свои великія дѣла и смотритъ на этотъ вопросъ, какъ на вопросъ чисто политическій;

«3-е. Что здѣсь не дѣлаютъ вопроса изъ условій, даже относительно религіи.

«Итакъ, въ настоящее время вамъ предоставляются потребныя широкія полномочія съ тѣмъ, чтобы дѣйствовать осмотрительно, какъ того требуютъ обстоятельства, и безъ задержки идти впередъ, если къ тому представится возможность. Очень досадно будетъ,

[1]) Шампаньи Коленкуру, 12 декабря 1810 г.

если вашъ отвѣтъ на это письмо оставитъ насъ въ неизвѣстности. Если этому дѣлу суждено не состояться, вслѣдствіе-ли характера полученныхъ вами свѣдѣній, относительно которыхъ Императоръ полагается на васъ, или вслѣдствіе отсутствія желанія со стороны русскаго двора, помните, что главное состоитъ въ томъ, чтобы не затягивать дѣла, конечно, если къ тому представится возможность. Во всѣхъ вашихъ соображеніяхъ исходите изъ того положенія, что главное желаніе—имѣть потомство. Итакъ, объяснитесь и дѣйствуйте, руководствуясь настоящимъ письмомъ, которое продиктовано самимъ Императоромъ. Его Величество вполнѣ полагается на васъ, зная вашъ тактъ и вашу преданность его особѣ.

«Полковникъ Горголи [1]) будетъ отправленъ въ понедѣльникъ, въ этотъ же день въ *Moniteur*'ѣ будутъ напечатаны статьи. Императоръ непремѣнно желаетъ до конца января знать, на что онъ можетъ разсчитывать».

Слѣдуетъ обратить вниманіе на точныя, рѣшительныя выраженія этого письма. Наполеонъ готовъ согласиться на всѣ условія, которыя русскому двору угодно будетъ поставить, лишь бы Россія рѣшилась быстро и не заставила его ждать. Онъ не обращаетъ вниманія на различіе вѣроисповѣданій, — въ эту минуту для него не существуетъ вопроса о религіи. Единственная его оговорка относится къ самой великой княжнѣ и къ степени ея физическаго развитія, но даже и въ этомъ отношеніи онъ отказывается отъ права личнаго мнѣнія. На Коленкура, на его тактъ и усердіе, возлагается задача навести справки, составить себѣ ясное представленіе и рѣшить дѣло; посланнику дается полномочіе за свой страхъ женить своего государя.

На другой день по отсылкѣ письма, Наполеонъ подкрѣпилъ его доказательствомъ, имѣющимъ высокое значеніе. Признавъ завоеванія Александра на Востокѣ, онъ хочетъ еще разъ успокоить его относительно Польши. Опять-таки считая, что цѣнность услуги увеличивается отъ преданія ея гласности, онъ предъ лицомъ всей Европы объявляетъ то, что постоянно повторяетъ Россіи, и что согласился высказать въ договорѣ, именно: что онъ ничуть не думаетъ о возстановленіи Польши.

---

[1]) Русскій офицеръ, посланный въ Парижъ съ дипломатическими депешами.

13 декабря было засѣданіе Законодательнаго Корпуса. Министръ внутреннихъ дѣлъ Монталивѐ прочелъ годичный обзоръ о состояніи имперіи. Въ немъ онъ вкратцѣ перечислилъ совершившіеся послѣ послѣдней сессіи факты, какъ внѣшней, такъ и внутренней политики. Одно мѣсто служило офиціальнымъ разъясненіемъ вѣнскаго трактата, тѣхъ его статей, которыя касались перемѣны въ бассейнѣ Вислы. «Варшавское герцогство,— сказалъ онъ,— увеличено прибавкой части Галиціи. Императору легко было бы присоединить къ этому государству всю Галицію, но онъ не хотѣлъ сдѣлать ничего такого, что могло бы причинить безпокойство его союзнику, Россійскому императору. Галиція, отошедшая къ Австріи по первому раздѣлу, почти цѣликомъ осталась въ ея владѣніи. Его Величество никогда не имѣлъ въ виду возстановленія Польши» [1]. Невозможно было выразить яснѣе, что расширеніе, дарованное Варшавскому герцогству, носило чисто-случайный характеръ; что подобный фактъ болѣе не повторится; что герцогство должно видѣть въ немъ не начало, а конечный пунктъ своихъ стремленій; что другія части Польши не должны питать безразсудныхъ надеждъ. Отчету министра, послѣдовавшему три дня спустя послѣ отправки императорской рѣчи, предназначено усилить и продлить ея впечатлѣніе. Онъ долженъ нанести послѣдній ударъ колебаніямъ Александра, который получитъ его въ періодъ, когда долженъ будетъ дать окончательный отвѣтъ на предложеніе. Такимъ образомъ, Наполеонъ какъ бы вставляетъ свое сватовство между рѣшеніемъ въ пользу Россіи двухъ наиболѣе важныхъ для нея вопросовъ (восточнаго и польскаго), исчерпывая всѣ средства, чтобы обезпечить успѣхъ своему дѣлу.

Несмотря на то, что одновременно подготовляемые разводъ и сватовство носили секретный характеръ; несмотря на тайну, которой они были окружены, рѣшеніе, принятое императоромъ, скоро сдѣлалось извѣстнымъ. Слишкомъ много было сказано публично для того, чтобы можно было долѣе сомнѣваться въ этомъ. Молва о бракѣ съ русской великой княжной распространилась при дворѣ, въ Парижѣ, въ имперіи: о немъ говорили во всѣхъ частяхъ Европы. Для образованнаго общества этотъ бракъ не былъ сюрпризомъ; оно видѣло въ немъ только продолженіе

[1] Moniteur отъ 14 декабря 1810 г.

системы, освященной въ Тильзитѣ. Со времени слуховъ, распространившихся въ 1807 и 1808 гг., оно привыкло къ мысли о болѣе интимномъ сближенiи между двумя имперiями, подѣлившими между собой верховную власть надъ мiромъ. Это—говорили—будетъ бракъ Византiи съ Римомъ; свадьба «Карла Великаго съ Ириной» [1]). Впрочемъ, приказывая хранить тайну, самъ Наполеонъ плохо соблюдалъ ее и, не стѣсняясь, говорилъ объ этомъ вопросѣ въ присутствiи своихъ приближенныхъ. Однажды, намекая на бракъ, онъ сказалъ Савари, «что, безъ сомнѣнiя, это событiе приведетъ императора Александра въ Парижъ» [2]). Эти слова снимали покровъ съ тѣхъ картинъ, которыя рисовало его воображенiе.

Всегдашнимъ желанiемъ Наполеона было привлечь Александра въ Парижъ. Въ Тильзитѣ онъ заручился обѣщанiемъ царя, что тотъ посѣтитъ его въ Парижѣ, и эта идея, видимо, улыбалась его союзнику. Въ слѣдующiе мѣсяцы Наполеонъ избѣгалъ возобновлять приглашенiе только потому, что хотѣлъ ускользнуть отъ новаго разговора по поводу Турцiи и избавить себя отъ опредѣленныхъ обязательствъ. Въ Эрфуртѣ императоры снова говорили о томъ, чтобы свидѣться, и съ тѣхъ поръ, несмотря на то, что Александръ значительно охладѣлъ къ своему союзнику, онъ по-прежнему поддавался притягательной силѣ Парижа. Еще не такъ давно, онъ сказалъ Коленкуру: «Я хотѣлъ бы, какъ можно скорѣе, поѣхать въ Парижъ. Тамъ я хочу снова скрѣпить союзъ; тамъ же нужно заготовить и новое оружiе противъ Англiи» [3]). Бракъ доставилъ бы случай напомнить царю о его обѣщанiи и послужилъ бы поводомъ осуществить мечту русскаго государя.

Нигдѣ, кромѣ Парижа, Наполеонъ не предсталъ бы предъ своимъ союзникомъ такимъ великимъ, такимъ могучимъ, такимъ миролюбивымъ; нигдѣ не явился бы въ такомъ обладанiи прочной властью и могуществомъ; не только завоевателемъ, но и главою имперiи. Представъ предъ взорами своего гостя среди учрежденiй, которыя были его творенiемъ и его славой, онъ постарался бы обворожить его своими чарами, и, увлекая его за собой,

---

[1]) Перехваченныя письма. Archives nationales. AF., IV, 1691.
[2]) Mémoires du duc de Rovigo, IV, 276.
[3]) Коленкуръ Шампаньи, 14 сентября 1809 г.

дѣйствуя на его воображеніе, господствуя надъ его умомъ, онъ, можетъ быть, сумѣлъ бы вернуть свое обаяніе, и снова внушить ему довѣріе. Конечно, онъ слишкомъ хорошо зналъ непостоянный и ненадежный характеръ Александра, чтобы льстить себя надеждой завладѣть имъ прочно и навсегда. Ну что-жъ! Если потомъ и суждено будетъ чарамъ разсѣятися, все-таки бракъ и свиданіе на время создадутъ, по меньшей мѣрѣ, то могучее нравственное впечатлѣніе, ту наиболѣе величественную изъ демонстрацій, при помощи которыхъ Наполеонъ силится поддержать въ глазахъ Европы иллюзію полнаго и нерасторжимаго согласія съ Россіей. Въ его собственныхъ глазахъ союзъ съ Россіей—прежде всего величественный спектакль, который онъ даетъ на міровыхъ подмосткахъ; это—рядъ слѣдующихъ одна за другою предъ взорами Европы внушительныхъ и обаятельныхъ картинъ, имѣющихъ своей задачей держать въ покорности нашихъ подданныхъ и въ страхѣ враговъ. Съ неизсякаемымъ искусствомъ Наполеонъ умудряется варьировать составъ дѣйствующихъ лицъ и обстановку представленій. Сначала Тильзитъ—неожиданный сценическій эффектъ: борьба прервана и замѣнена союзомъ. Оба противника бросаютъ шпаги, клянутся быть друзьями и ненавидѣть только Англичанина. Затѣмъ вызывается миражъ предпріятія съ раздѣломъ Востока и преобразованіемъ цѣлаго міра. Далѣе, Эрфуртъ съ его съѣздомъ высочайшихъ особъ и великосвѣтскимъ великолѣпіемъ. Наполеонъ братается съ Александромъ, чтобы вмѣстѣ царить надъ собраніемъ королей и могущественныхъ вассаловъ. Послѣ Тильзита и Эрфурта—Парижу предназначается воскресить уже отдаленныя воспоминанія и оживить впечатлѣнія, которыя начинаютъ изглаживаться. Проѣздъ по Европѣ Александра, сопровождающаго царскую дочь, и затѣмъ врученіе ея Наполеону явится въ глазахъ всѣхъ актомъ безусловнаго преклоненія. Такое событіе можетъ сломить упорство англичанъ. Оно докажетъ имъ, что Россія съ ея неисчерпаемыми источниками не сегодня-завтра соединится на ихъ погибель со всѣми дисциплинированными силами Запада, и что тогда противъ Англіи выступитъ «союзъ изъ ста милліоновъ человѣкъ» [1]).

[1]) Corresp., 14413.

ГЛАВА VI.

АВСТРІЯ и РОССІЯ.

На случай неудачи брака съ русской великой княжной Наполеонъ старается обезпечить за собой другія партіи. Какіе браки возможны.—Король и королева саксонскіе въ Парижѣ; истинная причина и результатъ ихъ путешествія.—Австрія. Откровенный разговоръ Меттерниха съ Лабордомъ.—Послѣдніе пріемы Жозефины въ Тюльери; встрѣча Флорé съ Семонвиллемъ; прерванный и вновь начатый разговоръ.—Вечеръ 15 декабря 1809 г. и день 16 го; официальное объявленіе о разводѣ.—Наполеонъ во время засѣданія Сената.—Новыя жалобы Александра, посланныя еще до прибытія нашихъ курьеровъ. Мягкій, примирительнаго характера, отвѣтъ; скрытое неудовольствіе.—Императоръ въ Тріанонѣ; первое слово по адресу Австріи; характерное словесное предписаніе герцогу Бассано. Параллель между переговорами въ Петербургѣ и Вѣнѣ: ихъ существенное различіе.—Путешествіе императора Александра въ Москву; вынужденная отсрочка нашихъ предложеній.—Шварценбергъ и Лабордъ.—Наполеонъ получаетъ еще одну русскую ноту по поводу Польши.—Припадокъ гнѣва.—Письмо отъ 31 декабря 1809 г. къ императору Александру.—Посѣщеніе Мальмезона.—Вмѣшательство Жозефины и Гортензіи.—Графиня Меттернихъ. Разговоръ подъ маской. Обаяніе австрійскаго дома. Какая перемѣна совершается мало-по-малу въ умѣ императора.—Каковы бы ни были его тайныя симпатіи, онъ остается твердымъ и ни на іоту не отклоняется отъ Россіи.—Онъ съ нетерпѣніемъ ждетъ отвѣта изъ Петербурга. Медленность сообщеній.—Первый курьеръ герцога Виченцы.—Подписаніе договора относительно Польши.—Первая статья. Справки о великой княжнѣ Аннѣ. Возвращеніе императора Александра. Его путевыя впечатлѣнія.—Переговоры начинаются.—Поведеніе Александра: его откровенныя признанія на счетъ характера его матери и сестеръ. Теорія Румянцева. Формальное предложеніе.—Первый отвѣтъ императрицы-матери.—Обращеніе за совѣтомъ къ великой княгинѣ Екатеринѣ; положеніе, занятое великой княгиней.—Слѣдующія одна за другой отсрочки.—Избытокъ предосторожностей, которыми Александръ обставляетъ переговоры о бракѣ.—Не идущая къ дѣлу и не нужная предупредительность.—Западная имперія.—Коленкуръ предсказываетъ благопріятный исходъ.

I.

Императоръ твердо рѣшилъ жениться на сестрѣ Александра. Однако, онъ предвидѣлъ тотъ случай, когда этотъ бракъ могъ не состояться по обстоятельствамъ, не зависящимъ

отъ его воли. Это въ достаточной степени подтверждается вполнѣ опредѣленными фразами въ обоихъ письмахъ къ Коленкуру. Съ одной стороны могло случиться, что Коленкуръ, послѣ справокъ о великой княжнѣ, не сочтетъ себя въ правѣ сдѣлать предложеніе; съ другой, возможно было и то, что Александръ заведетъ разговоръ о разныхъ препятствіяхъ, и, пользуясь этимъ, уклонится отъ предложенія. Императоръ слишкомъ хорошо изучилъ русскаго государя, чтобы не допускать возможности новыхъ проявленій его безхарактерности. Если бы то или другое изъ этихъ предположеній оправдалось, было весьма существенно, чтобы оно не застало насъ врасплохъ, и чтобы другая принцесса была тотчасъ же приглашена занять мѣсто той, которую Россія будетъ лишена возможности или не пожелаетъ намъ дать. У Наполеона было обыкновеніе—постоянное и неизмѣнное—всякій разъ, когда онъ задумывалъ какой-нибудь планъ, придумывать и держать про запасъ еще другую комбинацію, которая, въ случаѣ неуспѣха, могла бы замѣнить первую. «Я всегда,—говорилъ онъ,—рѣшаю задачу нѣсколькими способами» [1]). Дѣлая въ Петербургѣ офиціальное предложеніе, онъ находилъ не безполезнымъ принять мѣры на случай отказа или уклончиваго отвѣта и осторожно наводилъ справки при другихъ дворахъ. Забота объ этомъ занимала его, какъ въ дни, непосредственно предшествовавшіе разводу, такъ и послѣ того, какъ совершилась церемонія развода.

Многіе изъ высочайшихъ домовъ сочли бы за высокую честь породниться съ императоромъ Франціи. Но среди нихъ мало было такихъ, которые вполнѣ отвѣчали намѣреніямъ императора, удовлетворяли требованіямъ его гордости и политики. Въ Германіи насчитывалось нѣсколько домовъ католической вѣры, древняго происхожденія, общепризнанной способности давать большое потомство. Но подобало-ли главѣ Конфедераціи брать въ супруги вассалку; могъ ли онъ обращаться къ династіямъ, которыя, только благодаря ему, удерживали свою власть, свой новый титулъ, и величіе которыхъ было только отраженіемъ его собственнаго? Изъ нихъ только одна саксонская семья заслуживала нѣкотораго вниманія по тому высокому положенію, кото-

---

[1]) Приведено у Taine'a. Les origines de la France contemporaine, le Régime moderne, I, 44.

рое создала ей Франція не только въ Германіи, но и въ Европѣ. Не имѣя блеска, она пользовалась уваженіемъ. Это былъ достойный домъ, но не крупное государство: его вассальное положеніе было болѣе чѣмъ очевидно. Забѣгала ли сама саксонская семья или была вызвана на это, но только очень скоро сдѣлалось извѣстнымъ, что тамъ готовили въ императрицы дочь царствующаго короля, принцессу Марію-Августу [1]). Напрасно, однако, нѣкоторые совѣтники императора, мало знакомые съ внѣшнимъ положеніемъ, усматривали въ этомъ бракѣ нейтральную партію, не ставящую въ неловкое положеніе и, слѣдовательно, достойную одобренія: она имѣла бы слишкомъ явную анти-русскую окраску. Развѣ саксонскій король не былъ въ то же время и великимъ герцогомъ Варшавскимъ, государемъ поляковъ, на которыхъ въ Петербургѣ смотрѣли, какъ на опасныхъ враговъ, какъ на авангардъ на случай вторженія въ Россію? Трудно допустить, чтобы Наполеонъ серьезно думалъ о бракѣ, который могъ лишить его союза съ первоклассной державой, не давая ему взамѣнъ другого союза.

Пріѣздъ въ Парижъ короля Фридриха-Августа съ супругой и дочерью заставилъ публику не надолго повѣрить въ нѣкоторое предпочтеніе въ пользу Саксоніи. Не безызвѣстно было, что они пріѣхали по желанію императора; не ускользнуло отъ вниманія и то, что онъ оказалъ своимъ гостямъ самый сердечный пріемъ. Изъ этого заключили, что онъ не далекъ отъ мысли связать себя съ ними семейными узами. Въ дѣйствительности же, когда императоръ приглашалъ къ себѣ Фридриха-Августа, у него была совершенно другая цѣль. По смыслу договора, который онъ предлагалъ Россіи, и слѣдствіемъ котораго было отреченіе отъ всякихъ дальнѣйшихъ плановъ относительно Польши, онъ готовъ былъ принять на себя отъ имени короля—великаго герцога—необычныя, почти унизительныя обязательства. Саксонскій король долженъ былъ навсегда отказаться отъ расширенія варшавскихъ владѣній; онъ былъ предупрежденъ, что, можетъ быть, ему придется отказаться и отъ пожалованія польскихъ знаковъ отличія и орденовъ, раздача которыхъ съ 1807 г. была одной изъ прерогативъ его короны. Наполеонъ, безъ его вѣдома, принялъ такое ограниченіе его верховныхъ правъ. Однако,

[1]) Шампаньи Коленкуру, 31 января 1810 г.

считая себя обязаннымъ до извѣстной степени щадить самолюбіе короля, къ которому относился съ уваженіемъ, онъ захотѣлъ повидаться съ нимъ, чтобы лично сказать ему, какая жертва требовалась отъ его преданности, и смягчить горечь этой жертвы. Онъ думалъ, что въ интимныхъ бесѣдахъ ему удобнѣе будетъ убѣдить короля, утѣшить его, и что путемъ личныхъ переговоровъ все устроится гораздо лучше. Въ Парижѣ королю и его министрамъ было сообщено о соглашеніяхъ, по поводу которыхъ шли переговоры съ Россіей, и предложено было согласиться на нихъ. Послѣ нѣсколькихъ, чисто формальныхъ, возраженій дрезденскій кабинетъ покорно уступилъ и заранѣе подписалъ все, что будетъ отъ него потребовано. Это и было единственнымъ результатомъ путешествія. Приглашеніе въ Парижъ короля Фридриха-Августа имѣло цѣлью только способствовать русскому браку, а не подготовить саксонскій [1]).

По правдѣ говоря, если бы Россія отклонила предложеніе, вопросъ могъ идти только объ Австріи. Хотя Австрія и была ослаблена и урѣзана со всѣхъ сторонъ, тѣмъ не менѣе, послѣ сѣверной имперіи она оставалась единственной континентальной державой, съ которой приходилось считаться. Въ послѣднюю войну, благодаря своимъ войскамъ, но не правительству, она, очевидно, заслуживала лучшей участи. Ея армія проявила стойкость и выдержку, которыя говорили о сдѣланныхъ ею успѣхахъ, и ея почетное пораженіе возстановило въ глазахъ побѣдителя ея честь. Затѣмъ, хотя Францъ I-ый и былъ въ положеніи монарха, которому счастье упорно измѣняло, который трижды подвергался униженіямъ, котораго состарили и сгорбили тяжелыя превратности судьбы, все-таки за этимъ побѣжденнымъ государемъ стояла блестящая родословная, состоящая изъ королей и императоровъ, которымъ нѣсть числа; за нимъ во мракѣ прошлаго сіялъ своимъ блескомъ длинный рядъ предковъ съ короной на челѣ. Благодаря такому многовѣковому престижу, австрійскій домъ могъ терпѣть неудачи, не приходя въ упадокъ. Онъ сохранялъ тотъ традиціонный блескъ, который не разрушается несчастьемъ и котораго не въ силахъ дать побѣда. За исключеніемъ древняго рода Франціи не было

[1]) Archives des affaires étrangères, Correspondance de Dresde, 1809 1810.

дома, который могъ бы равняться съ нимъ по достоинству и блеску.

Правда, Австрія—сперва соперница, затѣмъ, въ концѣ XVIII вѣка, союзница нашихъ королей—была на континентѣ главнымъ врагомъ революціи и болѣе всѣхъ пострадала отъ нея. Явная враждебность къ намъ или скрытое соперничество—такова была ея роль въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, а то, какъ поступили съ ней послѣ послѣднихъ военныхъ событій, не могло ее успокоить и примирить съ нами. Но послѣ Ваграма она внезапно измѣнила тонъ и манеру держать себя; она какъ-будто признала свои ошибки и сожалѣла о нихъ; она объявила несостоятельной свою систему, выразила желаніе заключить съ нами миръ, который не былъ бы только перемиріемъ; говорила даже о дружескомъ сближеніи и о союзѣ. Таковъ, какъ, вѣроятно, помнитъ читатель, былъ характеръ разговоровъ ея уполномоченныхъ во время переговоровъ въ Альтенбургѣ и въ Вѣнѣ. Въ то время эта предупредительность легко объяснялась надеждой на пощаду, желаніемъ обезпечить цѣлость монархіи. Но, можетъ быть, съ тѣхъ поръ, подъ вліяніемъ заключеннаго мира и его тяжелыхъ условій, благодушное настроеніе Австріи измѣнилось? Во всякомъ случаѣ, было ли ея примиреніе съ совершившимся фактомъ настолько безспорнымъ и искреннимъ, чтобы заставить ее порвать со всѣми традиціями и соединиться кровными узами съ императоромъ безъ предковъ? У Франца I-го была восемнадцатилѣтняя дочь, эрцгерцогиня Луиза. Отдастъ-ли онъ ее за Наполеона въ доказательство того, что, дѣйствительно, измѣнилъ свой взглядъ? Наполеону трудно было этому повѣрить. Онъ былъ увѣренъ, что Австрія отнесется къ нему недоброжелательно, и это много способствовало тому, что онъ такъ рѣшительно направился въ сторону Россіи.

Разобраться въ такомъ мало обѣщающемъ дѣлѣ было тѣмъ болѣе трудно, что, дабы не подавать преждевременной надежды, можно было говорить только полу-намеками, и, во всякомъ случаѣ, обратиться въ Вѣну имѣлось въ виду только въ маловѣроятномъ случаѣ отказа со стороны Россіи. Къ тому же оба двора, за отсутствіемъ естественныхъ посредниковъ, не могли строить никакихъ догадокъ о взаимныхъ чувствахъ и были лишены возможности объясниться. Война повлекла за собой отозваніе посольствъ, а для замѣщенія ихъ новыми не было времени.

Наполеонъ не намѣтилъ еще, кто будетъ его посланникомъ въ Вѣнѣ; императоръ же Францъ, хотя и выбралъ своимъ представителемъ въ Парижѣ князя Шварценберга, но тотъ не прибылъ еще къ мѣсту своего назначенія и пока ограничился тѣмъ, что послалъ впередъ съ извѣщеніемъ о своемъ пріѣздѣ секретаря посольства, кавалера Флорè. 21 ноября въ разговорѣ съ Флорè Шампаньи умышленно началъ разспрашивать о принцессѣ Луизѣ, но ему не удалось вызвать сочувственнаго отклика, который могъ бы служить точкой отправленія для какихъ бы то ни было переговоровъ [1]). Это желанное слово, сказать которое Флорè не считалъ себя уполномоченнымъ, было сказано лицомъ, занимавшимъ высшій постъ, и пришло непосредственно изъ Вѣны.

Однажды, въ первой половинѣ декабря, Шампаньи нашелъ въ портфелѣ, который онъ аккуратно посылалъ съ корреспонденціей императору и который императоръ по прочтеніи ея столь же аккуратно возвращалъ ему обратно, записку безъ подписи, написанную знакомымъ почеркомъ. Записка была отъ Лаборда, который, какъ мы видѣли, игралъ дѣятельную роль въ послѣднемъ примиреніи съ Австріей. По подписаніи договора и уходѣ французской арміи Лабордъ остался въ Вѣнѣ съ порученіемъ официознаго характера—сговориться по нѣкоторымъ деталямъ, главнымъ же образомъ, наблюдать за Австріей и доставлять о ней свѣдѣнія. Онъ былъ принятъ у министровъ, имѣлъ многочисленныя связи въ придворномъ мірѣ и среди правительственныхъ лицъ и поэтому былъ особенно пригоденъ для этой послѣдней роли. При возвращеніи императора Франца въ свою столицу, онъ былъ еще въ Вѣнѣ, куда уже дошли слухи о разводѣ Наполеона и нѣсколько ослабили интересъ вѣнцевъ къ торжественному въѣзду монарха, хотя императоръ и былъ встрѣченъ своими подданными съ трогательнымъ восторгомъ. За два дня до Франца пріѣхалъ въ Вѣну графъ Меттернихъ, только-что назначенный, вмѣсто Стадіона, министромъ иностранныхъ дѣлъ. Съ его назначеніемъ политика добраго согласія съ Франціей получала одобреніе свыше. 29 ноября новый министръ имѣлъ любопытный разговоръ съ Лабордомъ, который постарался воспроизвести его на бумагѣ. Вотъ особенно замѣчательная выдержка изъ донесенія Лаборда:

---

[1]) Helfert, Marie Louise, Erzherzogin von Oesterreich, Kaiserin der Franzosen, p. 73, по депешамъ Шварценберга.

«Говоря о средствахъ установить единеніе и согласіе между Франціей и Австріей, Меттернихъ вставилъ въ разговоръ фразу о семейномъ союзѣ и послѣ разныхъ дипломатическихъ подходовъ откровенно выразилъ свою мысль. «Вѣрите ли вы, – сказалъ «онъ мнѣ,—что Императоръ, дѣйствительно, хочетъ развестись съ «Императрицей?» Я не былъ подготовленъ къ такому вопросу, и, думая, что онъ говоритъ о семейномъ союзѣ, имѣя въ виду одну изъ принцессъ французскаго императорскаго дома, отвѣтилъ нѣсколькими неопредѣленными словами, предоставляя ему высказаться точнѣе. Онъ вернулся къ этому вопросу и заговорилъ о возможности брака императора Наполеона съ принцессой австрійскаго дома. «Эта мысль исходитъ отъ меня,—сказалъ онъ; я не «пытался узнать мнѣніе императора по этому вопросу. Но, не «считая уже того, что я почти увѣренъ въ томъ, что оно будетъ «благопріятно, подобное событіе встрѣтитъ такой радушный «пріемъ со стороны всѣхъ, кто въ нашей странѣ имѣетъ нѣко«торое состояніе, имя и положеніе, что я нисколько не сомнѣ«ваюсь въ томъ, что оно можетъ осуществиться, и думаю, что «это будетъ для насъ истиннымъ счастьемъ и прославитъ время «моего управленія министерствомъ...» Встрѣтясь со мной на другой день, – прибавляетъ Лабордъ,—Меттернихъ высказалъ мнѣ еще разъ тѣ же увѣренія» [1]).

Лабордъ отправилъ немедленно, а, можетъ быть, и самъ привезъ свой отчетъ, ибо онъ вернулся въ Парижъ нѣсколько дней спустя послѣ этого разговора. Онъ постарался всучить эту записку своему покровителю, герцогу Бассано, и, надо думать, черезъ него довелъ ее до императора. Какъ бы то ни было, она попала на глаза Его Величеству, какъ указываетъ на то слѣдующая отмѣтка, начертанная на поляхъ собственной рукой императора и подписанная его твердымъ росчеркомъ: «*Отправлено Шампаньи*». Наполеонъ послалъ записку Шампаньи, которому поручено было вести и хранить переписку по поводу брака. Не думая еще воспользоваться намеками, которые она въ себѣ содержала, онъ пожелалъ, чтобы она была сохранена и находилась при дѣлѣ.

Почти въ то же время мы получили еще указаніе на жела-

---

[1]) Archives des affaires étrangères, Vienne, 383. См. относительно этой бумаги Приложеніе I, письмо А.

ніе Австріи породниться съ нами. Ему мы обязаны были случайной встрѣчѣ лицъ, принадлежащихъ къ высшему свѣту. Это случилось на той же недѣлѣ, когда, благодаря пребыванію въ Парижѣ нѣмецкихъ королей, затянулся, несмотря на близость развода, періодъ празднествъ; когда Жозефина еще царила на балахъ и съѣздахъ при дворѣ, не скрывая уже грусти, придававшей ей трогательную прелесть. Однажды вечеромъ, по окончаніи пріема, приглашенные медленно двигались по галлереямъ къ выходу. Въ это время, когда они шли многолюдной и тѣсной толпой, завязались разговоры и осторожно, шопотомъ, какъ подобаетъ величію мѣста, начался обмѣнъ впечатлѣній. Это былъ самый подходящій моментъ для размышленій и злословія. На минуту случай столкнулъ Флорè съ сенаторомъ Семонвиллемъ, съ которымъ онъ былъ давно знакомъ. Они начали разговаривать, и ихъ бесѣда естественно перешла на вопросъ, который занималъ всѣ умы. Они заговорили о разводѣ и новомъ бракѣ. Семонвилль былъ извѣстенъ, какъ сторонникъ выбора эрцгерцогини; что же касается Флорè, то онъ оказался съ нимъ гораздо менѣе сдержаннымъ, чѣмъ съ Шампаньи. Оттого ли, что въ это время онъ лучше зналъ мысли своего двора, или менѣе торжественная обстановка казалась ему болѣе благопріятной, во всякомъ случаѣ, онъ первый выразилъ свое желаніе или, вѣрнѣе, сожалѣніе, такъ какъ бракъ съ русской великой княжной, о которомъ говорили повсюду, казался дѣломъ рѣшеннымъ.— «Итакъ,—сказалъ онъ,—вотъ что рѣшено! Черезъ нѣсколько дней мы будемъ имѣть официальное сообщеніе.—Повидимому, сказалъ Семонвилль, дѣло сдѣлано, ибо вы, съ своей стороны, не пожелали устроить этого дѣла.—Кто это вамъ сказалъ? — Ей Богу! такъ думаютъ. А развѣ дѣло могло устроиться?—Почему же нѣтъ?»

Разговоръ, начавшій принимать интересный оборотъ, былъ внезапно прерванъ. Лакей торжественнымъ голосомъ прокричалъ позади собесѣдниковъ имя князя великаго канцлера, который направлялся къ выходу и которому нужно было дать дорогу. Толпа почтительно разступается; проходитъ Камбасересъ — олицетвореніе официальной чопорности и этикета. Затѣмъ ряды снова смыкаются; Флорè и Семонвилль оказываются одинъ возлѣ другого, и, осторожно, не оборачиваясь и не глядя другъ на друга, возобновляютъ разговоръ съ того мѣста, на которомъ остановились.

«Правда ли, сказалъ Семонвилль, что вы были бы не прочь дать намъ одну изъ вашихъ эрцгерцогинь?—Да.—Кто? Вы лично? желаю вамъ успѣха; а вашъ посланникъ? [Князь Шварценбергъ прибылъ, наконецъ, въ Парижъ].—Я ручаюсь за него.—А Меттернихъ?—Никакого разговора.—А императоръ?—Тѣмъ болѣе. — А мачеха? Вѣдь, она насъ ненавидитъ.—Вы ее не знаете. Это— честолюбивая женщина; ее убѣдятъ, когда угодно и въ чемъ угодно...

— «Ея Императорское Высочество принцесса Полина»,—снова раздается голосъ лакея, и друзья принуждены опять разъединиться и дать дорогу сіяющей отъ удовольствія принцессѣ съ ея свитой изъ дамъ и камергеровъ. Они сошлись только на лѣстницѣ, и на подъѣздѣ, въ толкотнѣ, при крикахъ лакеевъ и грохотѣ подкатывавшихъ со всѣхъ сторонъ экипажей, нашли возможнымъ обмѣняться еще нѣсколькими словами. «Могу-ли я, сказалъ Семонвилль, принять за достовѣрное, что вы мнѣ только-что сказали? — Можете.—Слово друга? — Слово друга». Семонвилль садится въ карету и велитъ везти себя прямо къ герцогу Бассано, котораго, несмотря на поздній часъ, застаетъ за работой.—«А! добрый вечеръ, сказалъ ему герцогъ. Какъ! дѣло къ полночи, а вы еще не спите?—Нѣтъ. Прежде чѣмъ идти спать, мнѣ нужно вамъ кое-что сказать.—У меня нѣтъ времени.—Необходимо.—Что такое? (*шопотомъ*). Не заговоръ ли?—Гораздо лучше. Отошлите вашихъ секретарей и выслушайте нѣчто болѣе важное, чѣмъ ваша работа». И Семонвилль слово-въ-слово передалъ ему свой разговоръ съ Флорè. Герцогъ записалъ его подъ диктовку и на другой день утромъ передалъ императору [1]).

Этотъ разсказъ какъ будто произвелъ нѣкоторое впечатлѣніе. Наполеонъ высказалъ, что положеніе зятя обыкновенно создаетъ болѣе тѣсную родственную связь, чѣмъ положеніе шурина, и что такое положеніе могло бы упрочить за нимъ продолжительное вліяніе на императора Франца, который очень близко принимаетъ къ сердцу интересы членовъ своей семьи [2]). Однако, онъ не торопился схватить на-лету и использовать предупредительность

---

[1]) Всѣ предыдущіе разговоры взяты изъ записокъ герцога Бассано опубликованныхъ барономъ Ernouf'омъ, Maret, duc de Bassano, 272.

[2]) Id., 273.

Австріи. Онъ находилъ, что ея поступки плохо гармонировали съ ея словами. По уходѣ нашихъ войскъ, населеніе Вѣны не считало нужнымъ сдерживаться и дало волю своимъ враждебнымъ чувствамъ къ Франціи. Нѣкоторые изъ нашихъ раненыхъ, оставленныхъ въ Вѣнѣ, были гнусно оскорблены; одинъ французъ недавно былъ публично избитъ. Опять начались интриги, и въ Вѣнѣ снова появились опасные агитаторы; на сцену выступили французскіе и русскіе эмигранты,—между прочимъ, графъ Разумовскій,—которые сѣяли раздоръ и разжигали ненависть [1]). Оскорбленный этими фактами, Наполеонъ жаловался на это въ рѣзкихъ выраженіяхъ. Онъ былъ холоденъ съ Шварценбергомъ; не сказывалъ ему и подобія того вниманія, какое расточалъ Куракину, и за все время, предшествующее дню, назначенному для официіальной церемоніи развода, австрійскому посланнику ни одного слова не было сказано по поводу предположенія о бракѣ.

15 декабря вечеромъ вся родня Наполеона,—короли и королевы, принцы и принцессы, во-главѣ съ матерью Наполеона Маріей Летиціей,—собралась въ Тюльери, въ большомъ кабинетѣ императора, чтобы присутствовать при расторженіи брака и санкціонировать разводъ. Извѣстно, что Жозефина сама просила о разлученіи, что декларація, которую заставили ее прочесть, была полна горя и благородства; что никогда государственный интересъ не говорилъ болѣе достойнымъ языкомъ [2]). Извѣстно и то, что императрица не была въ состояніи прочитать декларацію до конца; что великій канцлеръ долженъ былъ окончить за нее и затѣмъ уже составилъ актъ о разводѣ. На другой день, 16 декабря, въ одиннадцать часовъ утра собрался Сенатъ, чтобы принять этотъ торжественно скрѣпленный принцемъ Евгеніемъ актъ и обмѣнить его на сенатское рѣшеніе. По выполненіи этой формальности, императоръ и императрица должны были разстаться и покинуть Тюльери. Жозефинѣ предстояло поселиться въ Мальмезонѣ, Наполеону—отправиться въ Тріанонъ, куда онъ хотѣлъ удалиться на нѣсколько дней, чтобы провести тамъ первыя минуты своего кратковременнаго вдовства. Онъ ожидалъ только доставки сенатскаго

[1]) Corresp., 16052. Cf. Helfert, p. 77.
[2]) См. Welschinger, 38—48.

рѣшенія, чтобы покончить съ дѣломъ о разводѣ. Приготовленія къ отъѣзду были сдѣланы, экипажи поданы къ подъѣзду [1]).

Событія предыдущаго дня глубоко взволновали и разстроили его. Онъ переживалъ часы непритворнаго унынія; входившіе къ нему секретари видѣли, какъ онъ сидѣлъ неподвижно, погруженный въ свое горе, неспособный ни къ какому дѣлу [2]). Спустя нѣкоторое время страшнымъ напряженіемъ воли императоръ подчинилъ чувство разуму; принялся за работу, стряхнулъ съ себя горе настоящей минуты и погрузился въ думы о будущемъ Онъ думаетъ, что въ эту минуту его первыя предложенія должны быть уже въ Петербургѣ. Онъ желалъ бы знать, какъ они приняты, все-ли съ этой стороны обезпечено и какъ слѣдуетъ обставлено; возьметъ ли императоръ Александръ его въ зятья. Онъ жаждетъ получить отъ Россіи категорическій отвѣтъ—другого онъ не допускаетъ,—и въ своемъ нетерпѣніи злится на препятствія, которыя ставятъ ему время и пространство.

При такихъ-то условіяхъ является къ нему Шампаньи. Министръ иностранныхъ дѣлъ привозитъ ему почту, полученную ночью отъ герцога Виченцы. Эта посылка, отправленная изъ Петербурга 26 ноября, т. е., въ то время, когда Коленкуръ не получилъ еще его предписаній относительно договора и брака, представляла для императора только второстепенный интересъ. Однако, думаетъ онъ, нельзя ли сдѣлать изъ нея какого-нибудь вывода о настроеніи, въ какомъ будутъ приняты наши сообщенія? Наканунѣ столь важнаго шага все, что говоритъ или думаетъ императоръ Россіи, имѣетъ значеніе. Итакъ, что приносятъ вѣсти изъ Петербурга? Жалобы, вѣчныя жалобы! Несмотря на смертный приговоръ, вынесенный Польшѣ въ октябрьскомъ министерскомъ письмѣ, несмотря на прибывшія уже въ Петербургъ завѣренія, что императоръ въ принципѣ согласенъ на все, что можетъ успокоить его союзника, Александръ не отрекается отъ своего недовѣрія. Чтобы возбудить его опасенія, достаточно неосторожнаго редактированія одного обнародованнаго акта. Начальникъ генеральнаго штаба Бертье только-что заключилъ съ австрійскими властями соглашеніе относительно ухода французскихъ и союзныхъ войскъ. Въ этомъ

[1]) Souvenirs du baron de Méneval, I, 341 et 342

[2]) Méneval, loc. cit

условія, чисто-военнаго характера, варшавяне по недосмотру, въ силу привычки, были обозначены подъ именемъ поляковъ. Это-то злополучное слово, сдѣлавшееся извѣстнымъ въ Петербургѣ, приводитъ въ смущеніе царя, оно оскорбляетъ и раздражаетъ его: произнеся это слово, Франція лишній разъ вызвала ненавистный призракъ Польши. Кромѣ того, Александръ и его министръ предъявляютъ и другія жалобы: они обвиняютъ нашего консула въ придунайскихъ княжествахъ въ томъ, что онъ—недостаточно русскій, что онъ не признаетъ присоединенія княжествъ за совершившійся фактъ [1]).

На эти упреки Наполеонъ приказалъ Шампаньи составить тутъ же на мѣстѣ очень мягкій, примирительнаго характера отвѣтъ въ видѣ письма къ Коленкуру. По поводу военной конвенціи министръ старается не оправдывать, а только извинять Францію, давая, тѣмъ не менѣе, замѣтить, что Россія слишкомъ щекотливо относится къ случайному, легко объяснимому недосмотру, который можетъ и впредь повториться. «Развѣ не проглядываетъ слишкомъ большая обидчивость въ томъ, что тревожатся, находя слова Польша и полякъ въ конвенціи, составленной военными, вдали отъ Императора и министра иностранныхъ дѣлъ? Впрочемъ, Императоръ уже выразилъ свое неудовольствіе князю Невшательскому. Не должно удивляться, если военные или гражданскіе чиновники, по незнанію или въ силу привычки, употребятъ и еще когда-нибудь эти два слова, которыя, къ несчастью, на нашемъ языкѣ можно замѣнить только длиннымъ оборотомъ» [2]). Далѣе сообщается, что консула въ Бухарестѣ вызовутъ въ Парижъ и сдѣлаютъ ему выговоръ, и, что, если Россія пожелаетъ, его постъ будетъ упраздненъ. Вотъ тонъ, какимъ говорила Франція, вотъ до чего доходила ея уступчивость. Подобное поведеніе шло въ разрѣзъ съ привычками императорской дипломатіи. Легко замѣтить, какое усиліе дѣлаетъ надъ собой Наполеонъ, чтобы оставаться спокойнымъ, терпѣливымъ, ради того, чтобы не подать ни малѣйшаго повода къ неудовольствію въ тотъ часъ, когда, можетъ быть, рѣшается судьба союза. Намѣтивъ для своего поведенія относительно Россіи ясно опредѣленный путь, онъ

---

[1]) Коленкуръ Шампаньи, 26 ноября 1810 г.

[2]) Шампаньи Коленкуру, 17 декабря 1810 г.

упорно держится его. Тѣмъ не менѣе, въ томъ, что до него доходитъ изъ Петербурга, онъ улавливаетъ указаніе на дурное расположеніе духа, на упорное предубѣжденіе. Это его раздражаетъ и вселяетъ въ него нѣкоторое сомнѣніе относительно успѣшности его плановъ [1]). Подъ такимъ впечатлѣніемъ уѣзжаетъ онъ изъ Тюльери въ Тріанонъ, вырвавшись изъ объятій Жозефины, которая подкараулила его въ моментъ его отъѣзда и въ порывѣ отчаянія страстно прильнула къ нему.

Въ Тріанонѣ, въ этомъ тѣсномъ дворцѣ, зимою особенно мрачномъ, имъ снова овладѣваетъ горе, и день оканчивается въ томительной бездѣятельности, въ праздности, которой онъ не можетъ побороть [2]). Его обступаютъ и преслѣдуютъ воспоминанія о послѣднихъ сценахъ съ Жозефиной. Ему хотѣлось бы, чтобы она была болѣе сильной, чтобы она поскорѣе примирилась съ своимъ положеніемъ, «вернула себѣ самообладаніе» [3]). Въ восемь часовъ вечера онъ пишетъ ей нѣжное письмо; онъ пытается утѣшить ее и поддержать ея силы. Вліяніемъ своей болѣе сильной воли старается онъ на разстояніи воздѣйствовать на ту, душа которой принадлежитъ ему безраздѣльно; онъ хочетъ внушить ей спокойствіе, приказываетъ быть счастливой. «Если ты привязана ко мнѣ, пишетъ онъ ей, если ты любишь меня, ты должна быть сильной и должна заставить себя быть счастливой... Прощай, мой другъ, спи спокойно; думай, что я хочу этого» [4]). Затѣмъ, отпустивъ лицъ, имѣвшихъ доступъ на вечернюю аудіенцію, онъ оставляетъ при себѣ только своего вѣрнаго Марè, съ которымъ при-

---

[1]) Наканунѣ онъ испыталъ первую непріятность. Читая англійскія газеты, онъ былъ удивленъ и очень обиженъ, найдя тамъ секретное письмо, которое онъ написалъ Александру 20 октября 1810 г. по поводу Галиціи и великаго герцогства. Чтобы успокоить общественное мнѣніе, Александръ не нашелъ нужнымъ дѣлать тайны изъ этого письма, и, благодаря этому, послѣдовали досадныя разоблаченія. Corresp., 16054. Ни одно изъ этихъ обстоятельствъ, какъ бы незначительно оно ни казалось, не должно быть пропущено безъ вниманія, если хотятъ уловить и прослѣдить сквозь лабиринтъ мелкихъ фактовъ то постепенно увеличивающееся отчужденіе отъ Россіи, которое происходитъ въ умѣ императора.

[2]) Méneval, I, 344.

[3]) Corresp., 16058.

[4]) Id., 16058.

выкъ разговаривать, «ложась въ постель» [1]). Возвращаясь тогда къ политикѣ, къ дѣламъ, т. е., къ своему будущему браку, и, быть можетъ, припоминая то, что онъ узналъ въ продолженіе дня о мало-утѣшительномъ настроеніи въ Россіи, онъ даетъ приказаніе поговорить съ австрійскимъ посланникомъ, но приказываетъ вести дѣло съ большимъ тактомъ, осмотрительно и отнюдь не раскрывать картъ. Пусть поговорятъ съ княземъ Шварценбергомъ, но будетъ еще лучше, если заставятъ его самого заговорить. Одной фразой Наполеонъ предписываетъ, чего избѣгать и чего достигнуть. «Нужно,—говоритъ онъ Марè,—обязать посланника, не обязывая меня» [2]).

Эти слова разоблачаютъ и вполнѣ освѣщаютъ его мысль. Цѣль его—заручиться Австріей, но воспользоваться ею только въ случаѣ необходимости. Онъ хочетъ, чтобы австрійскій дворъ держалъ для него наготовѣ запасную партію. Дѣло идетъ только о томъ, чтобы искусными маневрами побудить Австрію предложить намъ то, чего, въ виду шаговъ, сдѣланныхъ нами въ другомъ мѣстѣ, и притомъ въ формѣ, вполнѣ опредѣленной, мы не можемъ у нея просить [3]). Было бы рискованно утверждать, что, затѣвая эту двойную игру, Наполеонъ хотѣлъ и въ Вѣнѣ, и въ Зимнемъ дворцѣ придать переговорамъ одинаковый характеръ и одинаковое значеніе, ради того, чтобы на болѣе продолжительный срокъ сохранить за собой свободу выбора. Выборъ былъ сдѣланъ уже въ декабрѣ 1809 г. Рѣшительно высказавшись въ пользу Россіи, императоръ только мимоходомъ занимается Австріей; онъ хочетъ заручиться ею только изъ предосторожности, на случай отрицательнаго или сомнительнаго отвѣта Россіи. Различіе, которое онъ дѣлаетъ между той и другой стороной, окончательно выясняется самой манерой вести переговоры. Съ Петербургомъ разговоръ ведетъ послан-

---

1) Ernouf, 272.

2) Id., 274.

3) На другой день Шампаньи писалъ Коленкуру слѣдующую записку: „Сегодняшній Moniteur, который я имѣю честь послать вамъ (гдѣ находилось сенатское рѣшеніе), докажетъ вамъ необходимость скораго и рѣшительнаго отвѣта на мои два шифрованныхъ письма отъ 22 ноября и отъ 13 декабря. Императоръ ожидаетъ его съ нетерпѣніемъ". Cf. Примѣчаніе находится въ Приложеніи I, письмо B, по случаю рѣчи, произнесенной Камбасересомъ 12 декабря передъ духовнымъ судомъ въ Парижѣ.

никъ, въ ясныхъ и убѣдительныхъ выраженіяхъ, въ силу предписаній, переданныхъ іерархическимъ путемъ, исходящихъ отъ министра. Для разговора съ Австріей посредниками избираются люди мало отвѣтственные: дамы, лица, близко стоящія къ тому и другому двору, которыя взялись за это дѣло на свой страхъ, изъ любви къ искусству. Переговоры съ Австріей будетъ вести, смотря по обстоятельствамъ, то тотъ, то другой; завѣдываніе ими поручается начальнику тайной полиціи, герцогу Бассано. Въ Россіи все пойдетъ офиціально, въ кабинетѣ государя; съ представителями же другого двора удовольствуются повторными, но легкими намеками, сказанными при случаѣ и независимо отъ мѣста, въ салонахъ, во время визита, на балу, во время тѣхъ свѣтскихъ разговоровъ, которые прерываются и возобновляются съ одинаковой легкостью. Съ Россіей договариваются, съ Австріей хотятъ только поговорить.

II.

Благодаря стеченію случайныхъ обстоятельствъ переговоры, которые имѣлось въ виду вести только на всякій случай, начались раньше главнаго дѣла. По всѣмъ разсчетамъ, первая инструкція герцогу Виченцы должна была прибыть въ Петербургъ на первой недѣлѣ декабря. Но курьеръ былъ задержанъ русскими снѣгами, жестокими морозами, формальностями на границѣ, и депеши, которыя онъ везъ, только 14-го попали въ руки посланника измятыя, запачканныя, едва разборчивыя. Между тѣмъ, 10-го Александръ выѣхалъ изъ своей столицы и отправился путешествовать по Россіи. Онъ хотѣлъ посѣтить Москву, погостить у своей сестры Екатерины, проживавшей въ Тверской губерніи, и предполагалъ вернуться въ Петербургъ только въ послѣднихъ числахъ этого мѣсяца. Такимъ образомъ, всѣ разговоры приходилось отложить на самый конецъ декабря или на начало января.

Съ Австріей переговариваться было удобнѣе. Съ ея представителемъ имѣли дѣло въ самой Франціи; все было близко, переговоры велись у себя дома, а, кромѣ того, посланнику достаточно было двѣнадцать или пятнадцать дней, чтобы испросить инструкцій у своего правительства и получить отвѣтъ. Поэтому переговоры въ томъ видѣ, какъ было указано изъ Тріанона, пошли быстро.

Сначала нашли необходимымъ заставить вѣнскій дворъ повѣрить, вопреки дѣйствительности и очевидности, что императоръ ни съ кѣмъ не связанъ обязательствомъ. Поэтому сообщеніе европейскимъ правительствамъ о разводѣ было составлено такъ, чтобы внушить подобную увѣренность. 17 декабря въ циркулярѣ, адресованномъ ко всѣмъ нашимъ агентамъ съ цѣлью дать имъ офиціальное разъясненіе событій, герцогъ Кадорскій писалъ, что императоръ не установилъ еще своего выбора; что сердце Его Величества слишкомъ удручено для того, чтобы онъ могъ теперь заниматься подобными вопросами [1]). Эти сентиментальныя фразы имѣли чрезвычайно практическую цѣль, которая состояла въ томъ, чтобы оставить открытымъ поле для соперничества. Циркуляръ былъ сообщенъ всѣмъ дворамъ, исключая, понятно, русскаго, и долженъ былъ поощрить Австрію сдѣлать предложеніе. Вскорѣ послѣ этого герцогъ Бассано назначилъ для начала разговора съ Австріей Лаборда, которому впервые были сдѣланы въ Вѣнѣ дружескія признанія. Въ концѣ декабря Лабордъ повидалъ Шварценберга. Онъ нашелъ, что Шварценбергъ весьма сочувственно и съ большимъ интересомъ относится къ этому дѣлу; что онъ убѣжденъ въ неоцѣнимыхъ выгодахъ, которыя извлечетъ изъ него Австрія, но что, при всемъ томъ, не рискуетъ поручиться за намѣренія своего двора; что онъ сомнѣвается въ успѣшномъ результатѣ, такъ какъ увѣренъ, что русскій бракъ состоится. Лабордъ оживилъ его надежды, польстилъ его мечтѣ и намекнулъ, что было бы хорошо, «если бы онъ на всякій случай принялъ мѣры» [2]). Подобные же намеки были сдѣланы посланнику нѣкоторыми придворными и членами правительства. Наконецъ, вслѣдствіе событій, къ которымъ была причастна и Россія, Наполеонъ рѣшился воспользоваться содѣйствіемъ самыхъ близкихъ лицъ, о которыхъ трудно было думать, чтобы они приняли участіе въ этомъ дѣлѣ.

Со времени развода Жозефина не выѣзжала изъ Мальмезона, хотя ея горе не было такимъ, которое заставляло бы ее уйти въ себя и удалиться отъ общества. Она жила, окруженная своими

---

[1]) Archives des affaires étrangères.

[2]) Что касается подробностей о переговорахъ съ Австріей, см. интересный трудъ Welschinger'a, который разбиралъ бумаги, хранящіяся въ національныхъ архивахъ: Le divorce de Napoléon, 70—81, 149—157. Cf. Helfert, 83 и слѣд. Ernouf, 274.

дѣтьми, приглашала къ себѣ своихъ друзей, и, въ награду за ея милостивую доброту въ дни ея величія, она и въ несчастьѣ нашла во многихъ искреннюю преданность. Она не скрывала своихъ чувствъ, много говорила, много волновалась и отрѣшалась отъ своихъ причитаній только для того, чтобы съ безпокойнымъ чисто-женскимъ любопытствомъ разузнать что-нибудь о счастливой соперницѣ, которую прочили на ея мѣсто. Ей хотѣлось бы играть нѣкоторую роль въ рѣшеніи императора, принять участіе въ важномъ событіи, подготовлявшемся за ея счетъ. Она хотѣла убѣдиться, сохранитъ ли она,—потерявъ личное счастье,—уваженіе и довѣріе къ себѣ своего супруга. Сама она склонялась въ пользу Австріи — во-первыхъ, изъ личныхъ выгодъ, чтобы вѣрнѣе упрочить въ Италіи положеніе Евгенія, затѣмъ, въ силу аристократическихъ склонностей, привычекъ и глубокихъ роялистическихъ убѣжденій, которыя сохранились въ ней отъ прежнихъ временъ, и въ силу которыхъ она желала, чтобы имперія и въ выборѣ брачнаго союза уподобилась законнымъ монархіямъ. Евгеній и Гортензія вполнѣ присоединились къ своей матери. Подобно ей, они охотно видѣлись съ лицами, раздѣлявшими ихъ мнѣніе и такъ или иначе приходившими въ соприкосновеніе съ Австріей. Они демонстративно поддерживали сношенія съ графиней Меттернихъ, женой австрійскаго посланника, оставшейся въ Парижѣ несмотря на войну и отъѣздъ ея мужа. Съ другой стороны Наполеонъ изъ своего уединенія въ Тріанонѣ поддерживалъ непрерывныя сношенія съ Жозефиной; онъ заботился о ней, стараясь утѣшить ее сердечнымъ участіемъ и утонченнымъ вниманіемъ; часто писалъ ей и посылалъ «отъ своей охоты» [1]). Конечно, онъ зналъ, что могъ найти въ Мальмезонѣ способъ тайно сноситься съ Вѣной; но не рѣшилъ еще этимъ воспользоваться.

26 декабря онъ покидаетъ свое уединеніе, возвращается въ Парижъ и съ грустью входитъ въ Тюльери, гдѣ все напоминаетъ ему Жозефину [2]). Онъ непремѣнно желаетъ видѣть ее еще до наступленія новаго года. Онъ обѣщаетъ ей посѣтить ее въ тѣ дни, когда сердце жаждетъ изліяній, когда давитъ одиночество и оживаютъ воспоминанія. Онъ хочетъ посвятить Жозефинѣ тѣ минуты, когда онъ освободится отъ государственныхъ

---

[1]) Corresp., 16068.
[2]) Id., 16088.

трудовъ, отъ офиціальныхъ пріемовъ, отъ обязанности выслушивать изъявленія вѣрноподданническихъ чувствъ войсковыхъ депутацій съ поздравленіями по случаю новаго года. Утромъ 31-го онъ пишетъ императрицѣ: «Сегодня, мой другъ, у меня большой парадъ; я увижу всю старую гвардію и болѣе шестидесяти артиллерійскихъ парковъ... Мнѣ грустно безъ тебя. Если парадъ кончится до трехъ часовъ, я пріѣду къ тебѣ. Въ противномъ случаѣ, до завтра» [1]). Онъ поѣхалъ къ ней только на другой день, и до отъѣзда успѣлъ получить ноту русской канцеляріи отъ 28 ноября—11 декабря, которая была отправлена опять-таки до полученія нашихъ депешъ [2]).

Петербургскій кабинетъ опять говорилъ о выраженіяхъ, употребленныхъ въ военной конвенціи съ Австріей, съ той только разницей, что въ нотѣ жалоба была изложена офиціально. Очевидно, онъ хотѣлъ оставить письменный слѣдъ своего неудовольствія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ съ горечью указывалъ на фразы въ извѣстныхъ нѣмецкихъ журналахъ и на статьи, благопріятныя польской независимости. Нѣтъ сомнѣнія, что Александръ не отправилъ бы своей ноты, если бы во-время узналъ о согласіи императора подписать договоръ. Всему причиной—крайняя медленность сообщеній: она поддерживаетъ дурное настроеніе и мѣшаетъ примиренію взаимныхъ желаній. Наполеонъ отлично знаетъ это, однако, при чтеніи бумаги, переданной ему Куракинымъ, не можетъ удержаться отъ раздраженія. Итакъ, думаетъ онъ, въ Петербургѣ продолжаютъ создавать себѣ мнимыя опасности, тогда какъ вотъ уже въ теченіе двухъ мѣсяцевъ все его поведеніе направлено къ тому, чтобы успокоить царя, когда онъ и на словахъ, и въ публичныхъ рѣчахъ, и въ сообщеніяхъ по секрету, и въ заявленіяхъ съ трибуны, и своими поступками стремится изгнать всякое подозрѣніе. Возможно ли вылечить Россію отъ недовѣрія, разъ оно продолжаетъ существовать, вопреки столь многочисленнымъ и яснымъ доказательствамъ? —«Послѣ всего этого,—восклицаетъ онъ,—я не понимаю, чего хотятъ; не могу же я разрушать химеры и сражаться съ призраками». Приводимъ его собственныя слова, съ которыми онъ обращается къ царю въ письмѣ, отправленномъ въ тотъ же день.

---

[1]) Id., 16097.

[2]) Archives des affaires étrangères, Russie, 149.

«Предоставляю Вашему Величеству судить, кто болѣе дѣйствуетъ въ духѣ союза и дружбы,—вы или я. Разъ начинается недовѣріе, значитъ Тильзитъ и Эрфуртъ забыты» [1]).

Хотя онъ не можетъ удержаться, чтобы не сдѣлать своему черезчуръ подозрительному союзнику этого замѣчанія, онъ тотчасъ же старается смягчить его дружескими изліяніями. Онъ даетъ понять, что рѣзкость его словъ объясняется его горячей дружбой, что изливается и скорбитъ его тяжко раненое несправедливыми подозрѣніями сердце. «Будете ли вы столь добры, Ваше Величество, чтобы отнестись снисходительно къ подобному изліянію»? — пишетъ онъ. Затѣмъ онъ намекаетъ на текущія событія. «Я былъ нѣкоторое время въ уединеніи и, по-истинѣ, страдалъ отъ рѣшенія, къ которому обязывали меня интересы моей монархіи. Вашему Величеству извѣстно, какъ привязанъ я къ Императрицѣ». Онъ оканчиваетъ такой фразой: «Позволите-ли вы мнѣ, Ваше Величество, поручить герцогу Виченцы сказать вамъ все, что я имѣю сообщить вамъ относительно моей политики и моей искренней дружбы? Но онъ никогда не выразитъ вамъ въ той степени, какъ я того желаю, тѣхъ чувствъ, которыя я къ вамъ питаю». Такимъ образомъ, его послѣднія слова заранѣе и еще разъ утверждаютъ все, чтобы ни сдѣлалъ и о чемъ бы ни договорился Коленкуръ.

Однако, онъ считаетъ, что шансовъ на успѣхъ менѣе, чѣмъ онъ предполагалъ. Поэтому-то, вѣроятно, онъ не такъ уже дорожитъ русскимъ бракомъ. Его раздраженіе противъ Россіи выражается уже въ болѣе рѣзкихъ фразахъ въ Мальмезонѣ, т. е., тамъ, откуда, какъ онъ знаетъ, его слова будутъ переданы Австріи. Результатомъ его посѣщенія Жозефины было то, что приглашенная на другой день въ Мальмезонъ графиня Меттернихъ услышала тамъ «крайне необычайныя вещи» [2]). Королева Гортензія и принцъ Евгеній безъ обиняковъ признались ей, что они—«въ душѣ австрійцы». Императрица, въ свою очередь, придала особое значеніе этимъ увѣреніямъ. Она сказала, что проектъ брака съ эрцгерцогиней ей особенно по душѣ, что она посвятитъ ему всѣ свои силы и вовсе не отчаивается въ успѣхѣ; что императоръ, съ которымъ она видѣлась наканунѣ, сказалъ

---

[1]) Corresp., 16099.
[2]) Mémoires de Metternich, II, 314.

ей, что его выборъ отнюдь не рѣшенъ [1]),—а это все время повторялось Австріи,—что онъ даже прибавилъ, что охотно бы рѣшился въ пользу этой державы, если бы у него была увѣренность встрѣтить добрый пріемъ [2]). Сама собой напрашивается мысль: не было ли это съ его стороны средствомъ вызвать и получить со стороны Австріи вполнѣ опредѣленное обѣщаніе, о которомъ онъ могъ бы при случаѣ напомнить и потребовать его исполненія?

Въ слѣдующіе затѣмъ дни, Лабордъ снова началъ усиленно шнырять то въ кабинетъ герцога Бассано, то въ австрійское посольство. 12 января, въ разговорѣ съ глазу-на-глазъ съ Шварценбергомъ, Шампаньи возобновилъ свои разспросы о принцессѣ Луизѣ. Въ доказательство того, что императоръ оставался свободнымъ отъ всякаго обязательства, онъ сослался на выраженія своего циркуляра и истолковалъ ихъ [3]). Наконецъ, если вѣрить анекдоту, за достовѣрность котораго ручался самъ Меттернихъ, Наполеонъ хотѣлъ самолично, замаскированнымъ, позондировать почву. Нужно сказать, что прерванный-было разводомъ свѣтскій сезонъ въ Парижѣ принялъ обычное теченіе; двери Тюльери снова открылись, и важные сановники соперничали въ роскоши на своихъ блестящихъ пріемахъ. Зимой 1810 г. была мода на маскарады [4]). Послѣ одного маскированнаго бала прошелъ слухъ, будто бы во время вечера императоръ въ домино присталъ къ графинѣ Меттернихъ и, между прочимъ, послѣ нѣсколькихъ игривыхъ фразъ, спросилъ ее, согласится ли эрцгерцогиня сдѣлаться императрицей, если ея отецъ ничего не будетъ имѣть противъ [5]).

Еще до этого разговора графиня Меттернихъ передала въ Вѣну слова Жозефины, Евгенія и Гортензіи. Шварценбергъ со своей стороны сообщилъ также о намекахъ Лаборда. Впрочемъ, австрійскій дворъ, чрезвычайно опытный въ дѣлахъ брачной дипломатіи, не нуждался въ извѣстіяхъ объ этихъ инцидентахъ для того, чтобы предвидѣть возможность предложенія и при-

1) Id., 315.
2) Id. 315.
3) Helfert, 84, 85.
4) Mémoires de Marbot, t. II, 308—309.
5) Mémoires de Metternich, I, 95. Cf. les Souvenirs du baron de Barante, I, 312.

нять надлежащія мѣры. Еще въ самомъ началѣ января Шварценбергъ получилъ отъ Меттерниха предписаніе на случай, если бы императоръ французовъ возымѣлъ намѣреніе жениться на эрцгерцогинѣ Луизѣ, «никоимъ образомъ не отталкивать этой идеи, напротивъ, стремиться къ ея осуществленію и отнюдь не отказываться отъ предложеній, которыя могли бы быть ему сдѣланы» [1]). Хотя Меттернихъ и ставилъ нѣкоторыя условія, но дѣлалъ это только для виду, чтобы охранить достоинство своего двора. Въ дѣйствительности же, только одно сомнѣніе смущало совѣсть императора Франца: онъ опасался, что церковный бракъ Наполеона съ Жозефиной не былъ расторгнутъ. Какъ извѣстно, это препятствіе было устранено постановленіемъ парижскаго духовнаго суда. При этихъ условіяхъ Шварценбергъ счелъ себя въ правѣ дать понять Лаборду, что согласіе въ Вѣнѣ на бракъ почти обезпечено. Около 15 января, основываясь на словахъ Шварценберга и на новыхъ увѣреніяхъ, непосредственно прибывшихъ изъ Вѣны, Наполеонъ пріобрѣлъ почти безусловную увѣренность, что Австрія ждетъ только сигнала, чтобы съ радостью дать свое согласіе.

Такая готовность плѣнила императора. Она превзошла его ожиданія и, вѣроятно, въ это время уже отвѣчала его желаніямъ. Достовѣрно, что постоянныя и оскорбительныя жалобы, которыми надоѣдалъ ему Александръ, сдѣлали то, что партія, къ которой онъ сначала такъ стремился, сдѣлалась для него менѣе дорогой. Вслѣдствіе непрерывнаго раздраженія, въ императорѣ зародилось и росло неудовольствіе противъ Россіи. Притомъ, можно думать, что послѣ того, какъ онъ получилъ нѣкоторую надежду на желанный пріемъ въ Вѣнѣ, онъ поддался влеченію въ сторону Австріи; что онъ уступилъ излюбленной мечтѣ, которую изъ чувства гордости тщательно скрывалъ. До сихъ поръ онъ неуклонно шелъ къ Россіи. Это дѣлалось отчасти въ силу необходимости, а еще болѣе изъ разсчета сохранить систему, къ которой онъ привязался, изъ желанія придать своей политикѣ характеръ устойчивости, а не въ силу пылкаго влеченія къ союзу, который неоднократно обманывалъ его надежды. Но въ описываемый моментъ не была ли его симпатіей Австрія? Наполеонъ далеко не былъ

[1]) Metternich, II, 313.

нечувствителенъ къ обаянію громкаго имени. Свирѣпость, съ которой онъ недавно ожесточался на Австрію, обусловливалась сложностью его натуры. Она вытекала изъ его революціонной закваски, изъ враждебныхъ чувствъ къ дому, который болѣе всѣхъ олицетворялъ и осуществлялъ древнее право; а, можетъ быть, и изъ чувства горькой обиды, даже досады, что вѣнскій дворъ всегда отталкивалъ его и смотрѣлъ на него, какъ на выскочку. Онъ неоднократно клялся погубить его, но только потому, что отчаивался пріобрѣсти его дружбу и осѣнить ея блескомъ корону на своемъ челѣ. Онъ, какъ бѣшеный, ненавидѣлъ его и все-таки страстно стремился къ нему. Въ настоящее время, когда австрійскій бракъ дѣлался возможнымъ, легко и быстро осуществимымъ, онъ открывалъ предъ нимъ блестящіе и широкіе горизонты. Этотъ семейный союзъ придалъ бы его челу, столько разъ вѣнчанному побѣдой, то единственное сіяніе, котораго ему не доставало. Онъ далъ бы ему предковъ, сразу состарилъ бы его молодую династію, сравнялъ бы ее съ Бурбонами. Онъ сблизилъ бы его со всѣми его предшественниками, царившими надъ христіанскими народами, и даже—черезъ германскихъ кесарей, которымъ досталось наслѣдіе римской имперіи, бывшей въ его глазахъ источникомъ всякаго величія и блеска,—съ древнимъ Римомъ. Затѣмъ, возможность заставить забыть наиболѣе ненавистныя воспоминанія о революціи, потопить ихъ въ блескѣ окончательной побѣды надъ страстями и предразсудками былого, прочнѣе спаять разнородные и даже враждующіе элементы, изъ которыхъ онъ мечталъ создать свою Францію, и, такимъ образомъ, примиривъ настоящее съ прошлымъ, положить основу будущему — какое искушеніе для его преобразовательнаго генія!

Какъ только эти честолюбивыя и величественныя мысли начали осаждать его умъ, какъ только онѣ начали овладѣвать его воображеніемъ, неудобства другой партіи, которыхъ прежде онъ упорно не хотѣлъ видѣть, все яснѣе выступали передъ его взорами. Чѣмъ болѣе Австрія шла ему навстрѣчу, тѣмъ болѣе и возрастъ русской великой княжны, и различіе вѣроисповѣданія, на которомъ онъ не находилъ нужнымъ останавливаться, давали ему основаніе для серьезныхъ возраженій. Слѣдуетъ ли предполагать, что съ половины января въ немъ произошелъ полный переворотъ? Сожалѣлъ ли онъ уже тогда, что опрометчиво

связалъ себя съ Россіей? Не дошелъ ли онъ до желанія, чтобы она доставила ему предлогъ или поводъ къ отступленію? Не имѣя возможности утверждать это съ положительностью, позволительно думать, что это было такъ. Но допуская, что уже въ то время въ его интимныхъ симпатіяхъ произошелъ нѣкоторый переворотъ, онъ не внесъ никакой перемѣны въ ранѣе принятыя рѣшенія. Въ продолженіе всего времени, пока Наполеонъ не имѣетъ извѣстій о начатыхъ съ царемъ переговорахъ, пока онъ ждетъ, что согласіе русскаго государя можетъ прибыть съ часу-на-часъ, онъ считаетъ себя связаннымъ полномочіями, данными Коленкуру. Онъ добросовѣстно избѣгаетъ всякаго опрометчиваго шага по направленію къ Австріи и ни на іоту не отклоняется отъ Россіи.

Болѣе того, судя по нѣкоторымъ фразамъ, сорвавшимся у него съ языка, есть основаніе думать, что, невзирая ни на что, русскій бракъ представляется ему, какъ нѣчто, на что онъ имѣетъ извѣстныя права, какъ нѣчто, если и не самое желательное, то, по крайней мѣрѣ, самое вѣроятное. На великую княжну онъ еще смотритъ, какъ на будущую супругу, предназначенную ему самой судьбой, и только о ней желаетъ имѣть подробныя свѣдѣнія; только о ней одной старается онъ составить себѣ ясное представленіе. Однажды вечеромъ во время пріема въ Тюльери онъ попросилъ Савари воскресить въ своей памяти картину Петербурга и показать ему между присутствующими дамами наиболѣе похожую на Анну Павловну [1]). Это нисколько не мѣшаетъ ему чрезвычайно любезно принимать графиню Меттернихъ, которая постоянно приглашается во дворецъ. Онъ предлагаетъ ей принять участіе въ игрѣ за своимъ столомъ, говоритъ ей комплименты по поводу ея туалета и оказываетъ ей тѣ незначительныя милости, которыя производятъ впечатлѣніе при дворѣ: онъ считаетъ полезнымъ поддерживать надежды и усердіе Австріи [2]). Однако, при публикѣ все ограничивается не имѣющими значенія любезностями. Въ частныхъ разговорахъ намеки не прекращались, но опредѣленнаго ничего не высказывалось. Можно думать, что Богарнè получили даже предостереженіе воздержаться отъ излишняго усердія и не заходить слишкомъ далеко. Коро-

---

[1]) Mémoires du duc de Rovigo, IV, 269.

[2]) Mémoires de Metternich, II, 315—316.

лева Гортензія назначила графинѣ Меттернихъ свиданіе. Въ назначенный день королева оказалась больной, и посѣтительница не была принята. Князь Шварценбергъ тоже не видитъ никакого офиціальнаго поощренія. Несмотря на частыя посѣщенія Лаборда, онъ остается недовѣрчивымъ и думаетъ, что русскій бракъ «болѣе, чѣмъ вѣроятенъ» [1]). Довольный оборотомъ, который приняли переговоры съ Австріей, Наполеонъ не даетъ имъ перейти извѣстныхъ границъ; онъ не даетъ имъ ходу, заставляя ихъ, такъ сказать, топтаться на мѣстѣ, ибо каждую минуту одно слово Александра можетъ обязать его порвать ихъ.

Во всякомъ случаѣ, Россія все еще держала его судьбу въ своихъ рукахъ. Ничто не даетъ основанія думать, что императоръ взялъ бы обратно слово, данное его именемъ, если бы въ назначенный имъ срокъ получилось извѣстіе, что по возвращеніи царя изъ Москвы между царемъ и нашимъ посланникомъ состоялось соглашеніе, и что они обмѣнялись взаимными обязательствами. Однако, проходили дни, недѣли, а ни одинъ курьеръ не являлся съ извѣстіемъ изъ Россіи. Это молчаніе составляло непріятный контрастъ съ предупредительностью Австріи. Роковой срокъ, конецъ января, былъ уже недалекъ, а ожидаемаго отвѣта все еще не было. Всѣ столь заботливо и точно установленные сроки были пропущены [2]). Наконецъ, 26 января вечеромъ прибылъ отъ посланника отвѣтъ въ видѣ двухъ длинныхъ депешъ министру, шифрованныхъ самимъ посланникомъ, при особомъ упоминаніи, что «ни въ коемъ случаѣ не должно довѣрять ихъ канцеляріи». Надо думать, что при видѣ этого загадочнаго текста, Шампаньи испыталъ сильное и мучительное волненіе. Въ сообщеніи его императору говорится, что онъ проведетъ ночь надъ этими шифрованными строками, «пока глаза не откажутся ему служить» [3]). Найдетъ-ли онъ въ нихъ отвѣтъ, то *да* или *нѣтъ*, которое нужно было императору, то рѣшающее слово, которое приведетъ къ развязкѣ?

---

[1]) Helfert, 86.

[2]) Императоръ имѣлъ „свой календарь", гдѣ отмѣчалъ дни отправки курьеровъ въ Россію, и, разсчитавъ разстояніе, записывалъ вѣроятное число ихъ возвращенія. Arhives nationales, AF., IV, 1698.

[3]) Записка Шампаньи императору. Archives nationales, AF., 1699.

III.

Александръ I-ый вернулся въ свою столицу 26 декабря, и только теперь Коленкуръ могъ приступить къ переговорамъ по обоимъ порученнымъ ему вопросамъ. Рѣшеніе одного должно было вынести приговоръ Польшѣ, другого—дать Наполеону въ супруги царскую дочь. Вопросъ о Польшѣ былъ оконченъ въ нѣсколько дней и былъ веденъ почти исключительно съ Румянцевымъ. Александръ ограничился только тѣмъ, что время отъ времени поддерживалъ вѣскимъ словомъ или эффектной фразой требованія своего канцлера. Тотъ и другой съ радостью узнали, что Наполеонъ соглашается на договоръ и допускаетъ его въ самомъ широкомъ и опредѣленномъ смыслѣ. Не теряя ни одной минуты, они воспользовались его доброжелательнымъ настроеніемъ, и, такъ какъ императоръ объявилъ, что готовъ на всѣ уступки, поторопились поймать его на словѣ, и договоръ, состоящій изъ восьми статей, былъ представленъ герцогу Виченцы.

Русскій кабинетъ, считая, что въ такомъ важномъ дѣлѣ никакая предосторожность не будетъ излишней и что никакія узы которыми онъ могъ связать Наполеона, не могутъ быть слишкомъ крѣпки и не въ мѣру стѣснительны, придалъ принятому въ принципѣ обязательству торжественную, суровую и — нужно замѣтить—совершенно неупотребительную въ сношеніяхъ между государями форму. Наполеонъ долженъ былъ принять на себя обязательство не только не возстановлять Польши, не благопріятствовать и не содѣйствовать ея возстановленію никакими средствами, словомъ, ничѣмъ, что зависѣло отъ его воли и что онъ могъ обѣщать на законномъ основаніи, но долженъ былъ, предписывая не только самому себѣ, но и всему сущему, присваивая себѣ всемогущую волю и власть надъ ходомъ событій, безапелляціонно объявить, что Польша никогда не возродится. I-ая статья состояла изъ слѣдующей безусловной и догматической фразы: «Польское королевство никогда не будетъ возстановлено». Предписывая Наполеону этотъ безповоротный приговоръ, Россія вынуждала его не только безучастно относиться къ Польшѣ, но и быть ея врагомъ, и, дабы удержать ее въ могилѣ, употребить въ случаѣ надобности все свое могущество. Не довольствуясь тѣмъ, что заставляла его признать совер-

шившійся фактъ, она хотѣла, чтобы онъ освятилъ его, чтобы поставилъ подъ свою охрану и обязался защищать его противъ всего міра. Это значило заднимъ числомъ пріобщить его ко всѣмъ тремъ раздѣламъ; потребовать, чтобы онъ принялъ участіе въ политическомъ преступленіи, къ которому Франція, къ чести ея, была непричастна. Слѣдующія статьи были всѣ проникнуты принципомъ, установленнымъ въ первой статьѣ, и содержали вытекающія изъ нея примѣненія. Въ нихъ устанавливалось, «что впредь названія Польша и поляки исчезнутъ навсегда изъ всѣхъ государственныхъ и офиціальныхъ актовъ; что ордена и знаки отличія прежняго королевства будутъ навсегда уничтожены; что ни одинъ полякъ, подданный русскаго императора, не будетъ допущенъ на службу саксонскаго короля, и обратно; что Варшавское герцогство никогда не получитъ никакого территоріальнаго расширенія за счетъ какой-либо части бывшаго королевства; что на будущее время между Россіей и герцогствомъ не будетъ признаваться двойного подданства». Въ заключеніе императоръ французовъ обязывался получить согласіе саксонскаго короля на условленныя статьи и поручиться за ихъ соблюденіе [1]).

Герцогъ Виченцы, считая, что инструкціи не ставили никакого предѣла его уступчивости, не обратилъ вниманія на необычайную формулу, которая придавала договору всю его окраску; равнымъ образомъ, онъ принялъ и побочныя статьи. 4 января 1810 г. договоръ былъ подписанъ имъ и Румянцевымъ. Александръ тотчасъ же утвердилъ его. Для того, чтобы актъ вступилъ въ законную силу, не доставало только утвержденія нашего императора, что, согласно обычаю, было оговорено французскимъ уполномоченнымъ. Александръ выразилъ желаніе, чтобы подписанный договоръ былъ, какъ можно, скорѣе отосланъ въ Парижъ для полученія высочайшей санкціи. Впрочемъ, онъ дѣлалъ видъ, что видитъ въ этомъ только формальность и не сомнѣвается, что она будетъ исполнена. Съ этого времени онъ разсыпался въ выраженіяхъ благодарности и говорилъ, что удовлетворенъ вполнѣ. Онъ далъ понять, что глубоко тронутъ выраженіями, въ которыхъ были составлены рѣчь въ Законодательномъ Корпусѣ и отчетъ министра внутреннихъ дѣлъ. Онъ на-

---

[1]) См. текстъ договора въ Correspondance de Napoléon, XX. стр. 171 и 172 въ Приложеніи.

писалъ императору, желая поблагодарить его, извиниться въ своихъ подозрѣніяхъ и жалобахъ и попросить считать свою послѣднюю ноту недѣйствительной.—«Теперь, сказалъ онъ Коленкуру, я буду искать только случаевъ доказать императору, до какой степени я къ нему привязанъ» [1]).

Насталъ нашъ чередъ поймать его на словѣ, и Коленкуръ на второмъ порученномъ ему дѣлѣ приступилъ къ испытанію дружбы царя, о которой тотъ столь торжественно заявлялъ. За время отсутствія Александра посланникъ занялся собираніемъ тщательныхъ и подробныхъ справокъ о великой княжнѣ Аннѣ. Полученныя имъ свѣдѣнія, добытыя, какъ надо думать, изъ самыхъ интимныхъ и самыхъ вѣрныхъ источниковъ, были относительно удовлетворительны. Они позволили ему въ первой же депешѣ къ Шампаньи намѣтить довольно обстоятельный портретъ молодой великой княжны, какъ въ физическомъ, такъ и нравственномъ отношеніи.

«Вашему Превосходительству извѣстно изъ придворнаго альманаха,—говорилъ онъ,—что великой княжнѣ Аннѣ только съ завтрашняго дня, 7 января, пойдетъ шестнадцатый годъ. Это вѣрно. Для своихъ лѣтъ она большого роста и развилась ранѣе, чѣмъ это здѣсь бываетъ, ибо, по словамъ лицъ, бывающихъ при дворѣ ея матери, она сформировалась пять мѣсяцевъ тому назадъ. Ея станъ, грудь и вообще внѣшній видъ говорятъ объ этомъ. Для своихъ лѣтъ она высокаго роста, у нея прекрасные глаза, кроткое выраженіе лица; наружность ея привлекательна и пріятна, хотя княжна и не очень красива; взглядъ ея полонъ доброты. У нея спокойный характеръ; говорятъ, что она очень кроткая; хвалятъ болѣе ея сердце, чѣмъ умъ. Въ этомъ отношеніи она совершенно не похожа на свою сестру, которая слыветъ надменной и рѣшительной. Какъ и всѣ великія княжны, она хорошо воспитана и образована. Она обладаетъ необходимыми для великой княжны осанкой и апломбомъ уже настолько, чтобы имѣть свой дворъ. По общему мнѣнію, кровь, текущая въ жилахъ императорской семьи, созрѣваетъ гораздо раньше (est beaucoup plus précoce), чѣмъ кровь другихъ русскихъ. Судя по придворной хроникѣ, физическая природа императорской фамиліи развивается рано. Сыновья въ общемъ похожи на мать, дочери на императора

1) Донесеніе Коленкура № 69, 6 января 1810 г.

Павла. Что касается общаго склада, то великія княжны сухощавы и холоднаго темперамента. Великая княжна Анна составляетъ исключеніе изъ общаго правила; она, какъ и ея братья, похожа на мать; все предвѣщаетъ, что у нея будетъ ея осанка и ея складъ. Извѣстно, что Императрица еще теперь, несмотря на свои пятьдесятъ лѣтъ, можетъ служить образцомъ материнства» [1]).

Опираясь на собранныя свѣдѣнія и на хронику императорской семьи, Коленкуръ счелъ себя въ правѣ приступить къ дѣлу. Случай къ этому представился самъ собой вечеромъ 28 декабря. Въ этотъ день онъ обѣдалъ во дворцѣ. По выходѣ изъ-за стола императоръ увелъ его въ свой кабинетъ, и тутъ, по обыкновенію, бесѣда приняла дружескій и конфиденціальный оборотъ. Царь много говорилъ о своемъ путешествіи, отъ котораго былъ въ восхищеніи; о Москвѣ, гдѣ пріемъ жителей превзошелъ его ожиданія. Его трогало до слезъ, что во время его проѣзда народъ становился на колѣни, относился къ нему съ сыновней почтительностью, видѣлъ въ немъ скорѣе отца, чѣмъ государя. «Эти минуты,—сказалъ онъ,—были самой пріятной, самой лестной наградой за мои труды» [2]). Онъ былъ очень радъ, что, сверхъ ожиданія, нашелъ высшее общество Москвы гораздо менѣе озлобленнымъ, менѣе предубѣжденнымъ противъ Франціи и теперешней системы. По его словамъ, геній Наполеона поразилъ всѣхъ своимъ блескомъ, приковалъ къ себѣ всѣ взоры, зажалъ ротъ недовольнымъ. Но, тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя лица сдѣлали съ своей стороны кой-какія возраженія—и онъ откровенно сообщилъ

[1]) Всѣ цитаты, которыя будутъ приведены до конца этой главы, исключая тѣхъ, по поводу которыхъ даны спеціальныя справки, взяты изъ секретныхъ депешъ Коленкура отъ 3 и 6 января 1810 г. Archives des affaires étrangères, Russie, supp. 17.

[2]) Донесеніе Коленкура № 66, 28 декабря 1810 г. Новости и On dit. Петербурга отъ 5 января 1810 г.: „Разсказываютъ, что императоръ въѣхалъ въ Москву въ сопровожденіи только губернатора и двухъ флигель-адъютантовъ. Народъ цѣловалъ его ноги, колѣни, даже коня. Вокругъ него столько собралось народа, и была такая тѣснота, что онъ принужденъ былъ останавливаться на каждомъ шагу. Народъ ложился на его пути и не хотѣлъ вставать.—„Посторонитесь",—говорилъ онъ.—„Въѣзжай на насъ на конѣ, отвѣчали ему. Ты святой, ты намъ зла не сдѣлаешь, ты для насъ—отецъ родной". Говорятъ, что, когда узнали о его пріѣздѣ, останавливались и цѣловались на улицахъ, какъ на Пасхѣ". Archives nationales, AF., IV, 1698.

Коленкуру, не какъ посланнику, а какъ другу, къ чему сводились ихъ возраженія. «Они думаютъ,—сказалъ онъ,—что врядъ-ли императоръ Наполеонъ дорожитъ союзомъ въ той мѣрѣ, какъ я». Далѣе онъ сообщилъ, что, по ихъ мнѣнію, преступившее всѣ предѣлы могущество Франціи само-по-себѣ заставляетъ опасаться за его устойчивость; что они спрашиваютъ: мудро ли, благоразумно ли связывать себя безповоротно съ исполинской, искусственно созданной имперіей, которая врядъ ли переживетъ своего творца, и которая при своемъ крушеніи увлечетъ за собой каждаго, кто безразсудно свяжетъ съ нею свою судьбу? «Что будетъ съ самой Франціей, если что-нибудь случится съ императоромъ Наполеономъ? Ея союзники въ большинствѣ случаевъ мечтаютъ быть ея врагами, и возможно, что наиболѣе опасные враги окажутся внутри самой Франціи. Что же будетъ тогда съ Россіей? Она—чуть ли не единственный вѣрный ея союзникъ, только ей не въ чемъ завидовать Франціи; она связана не только съ ея системой, но и дружественными узами съ династіей; она отказалась ради Франціи отъ другихъ союзовъ, даже благодаря этому стоитъ въ дурныхъ отношеніяхъ съ сосѣдями. Какая же гроза разразится надъ нею?.. Вы можете догадаться,—прибавилъ императоръ,—какъ я отвѣтилъ на это, и хорошо знаете, что подобныя разсужденія не въ силахъ поколебать меня» [1]). Были ли искренни эти слова? Не сумѣлъ ли Александръ съ обычнымъ, свойственнымъ ему искусствомъ вложить свои собственныя мысли въ уста московскихъ баръ? По крайней мѣрѣ, раздѣлялъ ли онъ что-нибудь изъ ихъ опасеній? Въ этомъ онъ почти сознался Коленкуру. «Если случится несчастье съ Императоромъ,—сказалъ онъ,—эти господа окажутся не такъ ужъ безразсудны въ своихъ сужденіяхъ о вашемъ внутреннемъ положеніи, да и о моемъ тоже» [2]).

Эта интимная исповѣдь о мнѣніи свѣта въ достаточной степени выдавала сокровенныя мысли Александра. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ царь только-что высказался по поводу развода въ самыхъ сочувственныхъ выраженіяхъ и выразилъ радость, что Наполеонъ подумалъ, наконецъ, о томъ, чтобы «упрочить будущее» [3]), то Коленкуръ не задумался заговорить съ нимъ о по-

[1]) Донесеніе Коленкура № 66.
[2]) Id.
[3]) Id.

рученномъ ему дѣлѣ. Онъ сдѣлалъ это откровенно, но въ предѣлахъ, предписанныхъ ему въ инструкціи отъ 22 ноября, такъ какъ другія пока еще не дошли до него. Онъ просилъ Его Величество отнестись къ нему съ полнымъ довѣріемъ и послѣ двухдневнаго размышленія сказать ему, будетъ ли онъ склоненъ отдать свою сестру за императора въ случаѣ, если бы изъ Тюльери пришло предложеніе.

Отвѣтъ былъ скорѣе любезный, чѣмъ удовлетворительный. Александръ сказалъ, что весьма желалъ бы этого брака, но тотчасъ же укрылся за то препятствіе, которое было выдвинуто имъ заблаговременно. «Лично мнѣ,—сказалъ онъ,—эта мысль улыбается; даже, скажу вамъ откровенно, по моему мнѣнію, моя сестра ничего лучшаго не можетъ сдѣлать. Но вы, конечно, помните, что я вамъ сказалъ въ Эрфуртѣ. Указъ моего отца и его послѣдняя воля предоставляютъ моей матери полную свободу распоряжаться устройствомъ судьбы ея дочерей. Ея идеи часто не считаются ни съ моими желаніями, ни съ политикой, ни даже съ здравымъ смысломъ. Если бы это зависѣло отъ меня, вы имѣли бы мое слово, не выходя изъ моего кабинета, потому что—я уже вамъ сказалъ—эта мысль улыбается мнѣ. Я подумаю и дамъ вамъ, какъ вы того желаете, отвѣтъ. Но нужно мнѣ дать въ распоряженіе, по крайней мѣрѣ, десять дней».

На третій день послѣ этого разговора Коленкуръ случайно встрѣтился съ канцлеромъ Румянцевымъ, и былъ непріятно пораженъ, увидя, что Румянцевъ, несмотря на то, что онъ просилъ царя никому не говорить о ихъ разговорѣ, былъ посвященъ въ дѣло и былъ противъ нашихъ желаній. Румянцевъ развилъ предъ нимъ по поводу семейныхъ союзовъ между государями своеобразную теорію. «По-моему, сказалъ онъ, бракъ—это камень на дорогѣ. Перелистуйте исторію, и вы увидите, что браки обычно охлаждали, а не укрѣпляли союзы. Неудовольствіе на жену переносится на всю семью». По его мнѣнію, въ интересахъ наибо́льшаго согласія между Франціей и Россіей слѣдуетъ избѣгать закрѣплять его новыми узами. Затѣмъ, онъ пожелалъ узнать, исходитъ ли эта мысль отъ французскихъ министровъ или же непосредственно отъ самого императора. По его мнѣнію, въ послѣднемъ случаѣ слѣдовало бы поступить такъ, чтобы императоръ не имѣлъ поводовъ къ неудовольствію. Что же касается перваго предположенія, то, имѣя въ виду неловкое положеніе

государя къ императрицѣ Маріи, ея характеръ, болтливость и «вѣчныя сообщенія по секрету», лучше было бы не заводить съ нею объ этомъ и рѣчи. Коленкуръ уклонился отъ отвѣта на предложенный вопросъ. Онъ воздержался отъ дальнѣйшаго разговора съ канцлеромъ, ибо находилъ неумѣстнымъ допускать его вмѣшательство въ обсужденіе этого вопроса, такъ какъ Наполеонъ хотѣлъ, чтобы переговоры велись только съ однимъ царемъ и чтобы никто другой не принималъ въ нихъ участія.

Нашъ посланникъ свидѣлся съ Александромъ 3 января. Хотя государь и ѣздилъ наканунѣ въ Гатчину, онъ не рѣшился переговорить съ своей матерью. Онъ далъ понять, что дѣло это страшно трудное, что онъ побоялся пуститься въ безконечный и запутанный лабиринтъ разсужденій о разнаго рода неудобствахъ и возможныхъ непріятностяхъ въ будущемъ. Вопросъ о религіи, сказалъ онъ, былъ бы нескончаемой темой для разговоровъ о неудобствахъ. Коленкуръ возразилъ, что религіозный вопросъ не можетъ вызвать никакихъ разговоровъ, такъ какъ великой княжнѣ будетъ предоставлено сохранить свою вѣру и исполнять свои обряды.—«Но, сказалъ Александръ, будетъ ли у нея свой священникъ, своя церковь, дадите ли вы по этому предмету письменное обязательство?—Да», отвѣтилъ посланникъ. Разбитый на этой позиціи, Александръ отступилъ на другую. «Отчего было не сдѣлать своевременно предложенія великой княгинѣ Екатеринѣ?—сказалъ онъ. Ея умъ, характеръ, годы—все было болѣе подходящимъ для васъ». На основаніи дальнѣйшихъ его словъ можно было подумать, что, напирая «на неизбѣжныя семейныя дрязги», онъ хотѣлъ отбить у императора охоту жениться на его сестрѣ. Онъ дошелъ до того, что сталъ пугать Наполеона сварливой и властолюбивой тещей, которая будетъ претендовать на главную роль въ его семьѣ. Онъ указывалъ на то, что императрица настолько прививала своимъ дочерямъ свои мысли, свои предразсудки, свои склонности, что онѣ на всю жизнь утрачивали свое собственное я; онъ говорилъ, что она навсегда сохраняетъ надъ ними свою власть, что ея вліяніе не прекращается даже на разстояніи, чему доказательствомъ служатъ обѣ старшія дочери, которыя, и выйдя замужъ, продолжаютъ писать ей каждый день.

Приведенныя соображенія не подѣйствовали на Коленкура,

тѣмъ болѣе, что онъ только-что получилъ второе письмо отъ Шампаньи, а именно декабрьское, которое всецѣло было продиктовано императоромъ и въ которомъ его торопили покончить дѣло. Подъ вліяніемъ этого письма, онъ не побоялся высказаться вполнѣ опредѣленно. Теперь онъ не придавалъ своимъ словамъ характера предварительнаго запроса, а, въ силу полученныхъ приказаній, сдѣлалъ формальное предложеніе. «Я говорилъ опредѣленно, даже настойчиво»,—писалъ онъ. Прижатый къ стѣнѣ, Александръ обѣщалъ поговорить со своей матерью. Онъ сказалъ, что сдѣлаетъ все, что можетъ; что будетъ счастливъ связать себя съ императоромъ одними узами больше. Что же касается возможныхъ послѣдствій, то онъ заранѣе ни за что не ручается и слагаетъ съ себя всякую отвѣтственность. «Если отсюда произойдутъ какія-нибудь неудобства, пусть разбираются дипломаты. Вы затѣваете это дѣло, ну и не жалуйтесь потомъ».

Первые разговоры между сыномъ и матерью происходили отъ 3 до 5 января. Александръ тотчасъ же передалъ результаты Коленкуру, который сдѣлалъ ихъ содержаніемъ своей депеши. Марія Ѳеодоровна не приняла предложенія дурно, хотя можно было опасаться съ ея стороны предвзятаго сопротивленія, не поддающагося никакимъ резонамъ. Ничего подобнаго не случилось. Она обсуждала вопросъ, — что было хорошимъ знакомъ,—но просила дать ей время подумать и посовѣтоваться. Она написала въ Тверь своей дочери Екатеринѣ, желая узнать ея мнѣніе. Изъ всѣхъ ея дѣтей только эта не подчинявшаяся ей великая княгиня пріобрѣла нѣкоторое вліяніе на ея умъ, только о ея мнѣніи императрицѣ угодно было справляться въ важныхъ случаяхъ. Такимъ образомъ, императоръ спрятался за мать,—мать укрылась за дочь.

По правдѣ говоря, мнѣніе великой княгини Екатерины—при условіи, что оно будетъ благопріятнымъ,—могло имѣть большое значеніе. Великая княгиня пользовалась авторитетомъ и въ своей семьѣ, и при дворѣ, и въ свѣтѣ. Властная и надменная, съ твердой волей и выдающимся умомъ, она имѣла вліяніе не только на близко стоящихъ къ ней лицъ. Изъ глухой провинціи, гдѣ она жила, ея престижъ распространялся на обѣ столицы. Въ Твери она создала себѣ свое собственное царство и царила надъ кружкомъ писателей и мыслителей. Эта группа

составляла почти политическую партію. Это была партія тѣхъ людей, которые проти опоставляли политикѣ новшествъ Сперанскаго возвратъ къ московскимъ преданіямъ во всей ихъ чистотѣ и желали, чтобы Рссія не уподоблялась Европѣ, а оставалась сама-собой. «Болѣе русская, чѣмъ ея семья» [1]), великая княгиня одобряла и покровительствовала такому направленію мыслей. Разсказывали даже, будто бы она стремилась къ власти, такъ что въ смутныя времена, когда недовольство знати заставляло бояться для царствованія Александра рокового исхода взоры многихъ обращались на великую княгиню, которой Провидѣніе дало мужской умъ и самое имя которой какъ-будто предназначало ее для трона.

Каково могло быть ея мнѣніе о семейномъ союзѣ съ Наполеономъ? Въ этомъ отношеніи у Коленкура не было никакихъ точныхъ данныхъ. Ему оставалось только возстановить въ своей памяти недавнее прошлое и тогдашніе разговоры въ салонахъ. Въ 1807 г., когда рѣчь шла о ней самой, когда народная молва просватала ее за Наполеона, Екатерина мужественно отнеслась къ той тяжелой и необычайной роли, которую ей прочили. Позднѣе, послѣ событій 1808 г., т. е., послѣ событій въ Испаніи, она вернулась къ предубѣжденіямъ своей семьи противъ похитителя коронъ. Одна ея фраза, фраза характерная и чисто-русская, получила большое распространеніе. Она будто бы сказала: «Я скорѣе согласилась бы быть простой попадьей, чѣмъ государыней страны, находящейся подъ вліяніемъ Франціи» [2]). Тѣмъ не менѣе, Александръ, повидимому, ставилъ внѣ всякаго сомнѣнія, что отвѣтъ изъ Твери будетъ благопріятенъ, и что сестра присоединится къ нему и поможетъ ему уговорить мать. Но для доставки письма и обратнаго отвѣта требовалось извѣстное время. Заключеніе: къ первой отсрочкѣ прибавилась просьба о новой на десять дней; это было уже далеко отъ сорока восьми часовъ, данныхъ императоромъ на размышленіе.

Но, думалъ Коленкуръ, если императрица въ теченіе двадцати дней ни на что не рѣшится, можетъ быть, царь могъ бы пообѣ-

---

[1]) Газета, приложенная къ депешамъ Коленкура отъ 17 января 1809 г., Archives nationales, A F., IV, 1698.

[2]) On dit и новости Петербурга, январь, 1809 г. Archives nationales AF., IV, 1698.

щать, что въ такомъ случаѣ онъ потребуетъ ея согласія или дастъ его отъ своего имени; что, прибѣгнувъ сперва—что весьма естественно—къ мѣрамъ кротости и убѣжденія, онъ, можетъ быть, заговоритъ съ матерью, если это потребуется, какъ глава государства. Несмотря на то, что нашъ посланникъ ста различными способами домогался этого, царь всякій разъ объявлялъ, что не считаетъ себя въ правѣ поступить такимъ образомъ. Онъ говорилъ, что уваженіе, которое онъ питаетъ къ волѣ покойнаго отца и къ правамъ матери, препятствуетъ ему при данныхъ условіяхъ воспользоваться верховными правами; что его самодержавная воля кончается на порогѣ Гатчины; что въ Гатчинѣ его роль сводится къ веденію переговоровъ: онъ «только посолъ посланника» [1]). Да что и въ этой роли онъ долженъ дѣйствовать съ безконечными предосторожностями и, въ интересахъ самого Наполеона, ради охраненія его достоинства, которое ему дорого, всячески избѣгать рѣзкостей. Далѣе онъ продолжалъ, что, какъ вѣрный другъ, онъ поостерегся выдавать императора; что онъ умолчалъ о разговорѣ съ Коленкуромъ, а сдѣлалъ видъ, что дѣйствуетъ по собственному почину и говорилъ о бракѣ «въ смыслѣ проекта, къ которому создавшееся теперь положеніе можетъ привести». Онъ говорилъ, что, употребляя эту систему, онъ подвигается медленнѣе, да и не можетъ очень спѣшить, дабы не сдѣлали вывода, что предложеніе уже сдѣлано и что требуется дать отвѣтъ; но что, благодаря этому, пріобрѣтается громадная выгода, ибо Наполеонъ остается въ сторонѣ, и его августѣйшее имя ни въ какомъ случаѣ не будетъ скомпрометировано. Если предубѣжденія императрицы нельзя будетъ побороть, она никогда не узнаетъ, что императоръ Наполеонъ искалъ руки ея дочери, слѣдовательно, у него не будетъ повода бояться съ ея стороны нежелательныхъ разоблаченій. Что же касается Румянцева, сказалъ онъ, то это—сама скромность. Что ему сказано,—«умретъ вмѣстѣ съ нимъ». «Я щажу, продолжалъ Александръ, самолюбіе императора Наполеона такъ, какъ бы я желалъ, чтобы, въ подобномъ случаѣ, щадили мое собственное. Если дѣло не устроится, можно поручиться, что никогда никто не будетъ говорить объ этомъ». Дѣйствуя съ такими предосторожностями, не предвидѣлъ ли онъ отказа и не хотѣлъ ли

[1]) Коленкуръ Шампаньи, 30 января 1810 г. Секретная переписка.

ослабить его послѣдствій? Сообщеніе о своей тактикѣ замалчиваній, которая уже сама по себѣ была дурнымъ предзнаменованіемъ, онъ завершилъ замѣчаніемъ весьма любезнаго, но и весьма неутѣшительнаго свойства. Онъ сказалъ: «Императоръ Наполеонъ ничѣмъ не связанъ, даже по отношенію ко мнѣ». Поставивъ вопросъ такимъ образомъ, Александръ предоставилъ намъ полную свободу взять назадъ свое предложеніе и заботливо открывалъ передъ нами двери.

Въ заключеніе еще дурной симптомъ: Александръ и Румянцевъ всевозможными знаками вниманія и ласковымъ обхожденіемъ старались возмѣстить тотъ недостатокъ предупредительности и сочувствія, который они проявляли въ дѣлѣ о бракѣ. Никогда еще Коленкуръ не былъ такъ чествуемъ, такъ взысканъ милостями. «Никогда еще,—писалъ онъ въ частномъ письмѣ,—не обходились съ посланникомъ такъ, какъ со мной... Императоръ, а также и канцлеръ, оказываютъ мнѣ болѣе, чѣмъ довѣріе, даже болѣе, чѣмъ дружбу» [1]). Въ политикѣ тотъ и другой желаютъ скораго и счастливаго успѣха разнымъ нашимъ предпріятіямъ и предлагаютъ свое содѣйствіе. Они готовы были дать все, кромѣ того, чего у нихъ просили, и по другимъ дѣламъ не скупились на обѣщанія. Намекая на слухъ, по которому Наполеонъ, желая привести свой титулъ въ соотвѣтствіе съ фактическими владѣніями, хотѣлъ провозгласить себя императоромъ Запада, канцлеръ далъ понять, что это нововведеніе не вызоветъ въ Петербургѣ ни удивленія, ни неудовольствія [2]). Въ отвѣтъ на просьбу императора о рукѣ великой княжны, Россія предлагала ему корону Карла Великаго, какъ будто онъ трижды не завоевалъ ее своей шпагой.

Несмотря на тактику царя, которая наводила на серьезныя размышленія, Коленкуръ въ моментъ отправки посылки сохранялъ большую надежду на благопріятный отвѣтъ. Онъ такъ страстно желалъ успѣха, что заставлялъ себя вѣрить въ него. По его словамъ, императоръ Александръ желалъ этого брака: онъ хотѣлъ его и изъ желанія угодить Наполеону, и чтобы вновь скрѣпить союзъ, и искренно работалъ въ нашу пользу. Коленкуръ думалъ, что, послѣ того, какъ мы заручи-

---

[1]) Коленкуръ Талейрану, 6 февраля 1810 г. Archives des affaires étrangères, Russie, 150.

[2]) Коленкуръ Шампаньи, январь 1810 г. въ обыкновенной перепискѣ.

лись доброжелательнымъ отношеніемъ государя, можно было предполагать, что императрица, охранивъ довольно продолжительнымъ сопротивленіемъ свое самолюбіе и честь своихъ предразсудковъ, кончитъ тѣмъ, что уступитъ. Правда, въ своихъ двухъ письмахъ посланникъ не позволялъ себѣ изложить ни одной личной догадки. Крайне добросовѣстный и точный, онъ ограничился тѣмъ, что предоставилъ говорить дѣйствующимъ лицамъ: императору, императрицѣ-матери, канцлеру. Но прежде, чѣмъ запечатать свои депеши, онъ вложилъ въ конвертъ съ нѣсколькими донесеніями о текущихъ дѣлахъ и договоромъ, который онъ представлялъ на утвержденіе императора французовъ, обыкновенную записку. Въ этой запискѣ, состоящей изъ нѣсколькихъ строкъ, онъ въ туманныхъ выраженіяхъ намекалъ на таинственные переговоры, и до нѣкоторой степени ручался за Александра; онъ счелъ возможнымъ поручиться за его чистосердечіе и за правдивость его словъ. «Я имѣю основаніе думать,— писалъ онъ,—что промедленіе въ извѣстныхъ дѣлахъ зависитъ исключительно отъ тѣхъ причинъ, на которыя указываютъ» [1])

[1]) Archives des affaires étrangères, Russie, supp. 17.

ГЛАВА VII.

АВСТРІЙСКІЙ БРАКЪ.

I. Послѣднее ожиданіе.—Впечатлѣніе, произведенное на императора первыми отвѣтами Россіи.—Знаменательная фраза. Какія мысли осаждаютъ Наполеона.—Онъ подозрѣваетъ, что Россія подготовляетъ отказъ, и самъ принимаетъ мѣры, чтобы совершить эволюцію въ сторону Австріи.—Первое засѣданіе совѣта въ Тюльери.- Величественный характеръ собранія.—Какую цѣль преслѣдовалъ императоръ, созывая торжественное совѣщаніе.—Какъ онъ ставитъ вопросъ.—Докладъ Шампаньи.—Сомнѣнія, возникающія относительно мнѣній, выраженныхъ членами совѣта: разногласіе въ показаніяхъ современниковъ.- Политическія партіи и ихъ домашніе счеты; правая и лѣвая сторона.—Революціонеры и Россія.—Рѣчь Мюрата.— Охранительный союзъ.—Прозорливость Камбасереса.—Евгеній, Талейранъ, кардиналъ Фешъ, Фонтанъ.—Въ какой мѣрѣ императоръ вмѣшивается въ споръ.- Онъ закрываетъ засѣданіе, не давая своего заключенія. Споръ переходитъ во всѣ слои общества. Русскій союзъ предъ судомъ общественнаго мнѣнія.—Якобинцы, предмѣстье С.-Жерменъ, конституціоналисты.- Положеніе въ свѣтѣ австрійскаго и русскаго посольствъ. - - Записка Пелленка. -Свѣдѣнія о Маріи-Луизѣ. Австрійскій союзъ и представители торговли и промышленности.—Наполеонъ старается вызвать движеніе общественнаго мнѣнія въ пользу эрцгерцогини, но воздерживается отъ окончательнаго рѣшенія, пока не получитъ болѣе убѣдительныхъ свѣдѣній о намѣреніяхъ Россіи

II. Дни 6 и 7 февраля 1810 г. Новый курьеръ отъ герцога Виченцы.—Положеніе переговоровъ 20 января.- Переговоры съ императрицей-матерью, возраженія интимнаго характера; странныя возраженія. Александръ говоритъ Коленкуру, что его злитъ поведеніе его матери.- Набросанный имъ портретъ Наполеона. Петербургскіе и гатчинскіе слухи. - Императрица какъ-будто склонна согласиться, но еще не рѣшается окончательно.- Новыя отсрочки.- Дешифровка двухъ депешъ въ ночь съ 5 на 6 февраля.—При чтеніи присланныхъ депешъ, Наполеонъ убѣждается въ правильности своего мнѣнія о значеніи уклончивыхъ намѣреній Россіи и рѣшаетъ покончить дѣло съ Австріей въ двадцать четыре часа. -Дни 6 и 7 февраля; что происходило въ эти дни—послѣдовательное описаніе часъ за часомъ.- Время послѣ полдня 6-го; Евгеній приноситъ согласіе Шварценберга.—Безграничная радость Наполеона.- Ночной совѣтъ.—Комедія совѣщанія. Новость распространяется повсюду. Наполеонъ послѣ совѣта.- Какой планъ намѣчаетъ онъ себѣ для будущаго: желаніе избѣгнуть политическаго разрыва съ Россіей; какъ обставляетъ Наполеонъ отказъ отъ русскаго брака.—Утро 7-го: Подписаніе контракта.—Князь Куракинъ у министра иностран-

ныхъ дѣлъ.—Наполеонъ немедленно принимаетъ мѣры, чтобы обставить надлежащимъ образомъ передачу, путешествіе и бракосочетаніе эрцгерцогини.—Какъ объявляетъ онъ Россіи о своемъ выборѣ.—Какія рѣчи предписывается держать Коленкуру; тайное неудовольствіе противъ императора Александра.—Побудительныя причины австрійскаго брака.

III. Отказъ Россіи.—Продолженіе и конецъ переговоровъ.—Александръ съ большимъ искусствомъ ведетъ игру въ прятки.—Онъ обѣщаетъ окончательный отвѣтъ матери.—Подъ предлогомъ отсрочки на два года императрица отказываетъ въ согласіи на бракъ.—Усилія Коленкура заставить царя побудить императрицу вновь обдумать ея рѣшеніе.—Живыя и не лишенныя интереса сцены.—Александръ рѣзко обрываетъ настоянія нашего посланника.—Случилось такъ, что Наполеонъ и Александръ на разстояніи двухъ дней послали другъ другу отказъ.—Вынужденное рѣшеніе.—Свѣдѣнія, доставленныя полиціей; письмо, прочитанное на письменномъ столѣ князя Куракина.—Разговоры между сыномъ и матерью.—Истинныя причины отказа Россіи.

IV. Отклоненіе договора о Польшѣ. — Далъ ли бы Александръ согласіе на бракъ, если бы Наполеонъ утвердилъ договоръ противъ Польши?—Возможный разсчетъ царя.—Почему Наполеонъ задержалъ свою подпись.—Раздраженіе противъ первой статьи.—6 февраля онъ окончательно рѣшаетъ не утверждать договора въ томъ видѣ, въ какомъ онъ ему представленъ, и намѣренъ послать вмѣсто него другой уже утвержденнымъ.—Въ какихъ выраженіяхъ предписываетъ онъ составить новый текстъ.—Польскіе знаки отличія.—Знаменательный post-scriptum.—Превышающія всякую мѣру увѣренія и взаимные упреки.—Значеніе для будущаго дней 6 и 7 февраля 1810 г.—Кризисъ союза; бракъ и договоръ могли бы возстановить согласіе; одновременная неудача того и другого проекта обусловливаютъ нравственный разрывъ между императорами и неизбѣжно подготовляютъ ихъ ссору.

I.

ПОСЛѢДНЕЕ ОЖИДАНІЕ.

Чтеніе депешъ изъ Россіи привело Наполеона къ выводамъ, какъ разъ противоположнымъ тѣмъ, какіе дѣлалъ его посланникъ, которому во всякомъ поступкѣ Александра хотѣлось видѣть искреннія и благія намѣренія. Такая довѣрчивость Коленкура была основной чертой его благороднаго характера, потребностью его души, и нужно было выставить предъ его взорами слишкомъ ясныя и убѣдительныя доказательства, чтобы заставить его судить менѣе благопріятно о монархѣ, удостаивавшемъ его своими милостями. Наполеонъ исходилъ изъ другой точки зрѣнія. Со времени послѣдней

кампаніи, когда онъ накрылъ Александра въ вѣроломствѣ, онъ относился съ недовѣріемъ ко всѣмъ намѣреніямъ царя и въ каждомъ его поступкѣ, въ каждомъ словѣ искалъ задней мысли. «Я знаю грековъ» [1],—вскорѣ скажетъ онъ, употребляя нелестное для молодого императора сравненіе съ владыками Византійской имперіи. Но нужно сказать, что и самъ онъ никогда не отказывался отъ случая противопоставить двуличности своего союзника утонченную хитрость, которой щедро одарила его родина его предковъ. Если обратить вниманіе на усилія, какія употребляютъ обѣ стороны, стремясь разгадать и уяснить себѣ игру противной стороны, прикрываемую видомъ самой искренней дружбы, то кажется, что присутствуешь при поединкѣ двухъ расъ, одинаково владѣющихъ искусствомъ притворяться и хитрить—это состязаніе итальянца съ византійцемъ. Въ описываемый нами моментъ, читая между фактами, выдвигая нѣкоторые изъ нихъ на первый планъ, сравнивая и группируя данныя, сообщаемыя ему его посланникомъ, Наполеонъ подмѣтилъ умыселъ царя спрятаться за мать, впутать въ дѣло министра, сестру, и изъ всего этого онъ выводитъ заключеніе, что Александръ искусно подготовляетъ почву, чтобы увернуться отъ предложенія, явно не отклоняя его. Русскій дворъ,—думалъ императоръ,—заготовляетъ предлоги, чтобы вѣжливо указать ему на дверь, и онъ находилъ—таково его собственное выраженіе—что для того, *«чтобы всучить ему отказъ»* [2]), игра была не дурно задумана. Съ этихъ поръ эта невыносимая для его гордости мысль завладѣваетъ его умомъ. Она—источникъ его вдохновенія; ею опредѣляется его дальнѣйшее поведеніе.

Если бы Россія уклонилась отъ предложенія, она вынудила бы его прибѣгнуть къ партіи, къ которой онъ и самъ уже склонялся въ силу совершившагося въ немъ перелома; она заставила бы его обратиться къ Австріи, которая по собственному почину шла навстрѣчу его желаніямъ. Но станетъ ли онъ выжидать до тѣхъ поръ, когда обстоятельства безусловно вынудятъ его къ перемѣнѣ фронта, когда его неудача въ Петербургѣ будетъ безспорнымъ и совершившимся фактомъ? Или же онъ самъ предупредитъ Россію и, отступая первымъ, лишитъ ее воз-

[1]) Неизданные документы.
[2]) Ernouf, 271.

можности указать ему на дверь? Думать, что изъ этихъ двухъ путей онъ способенъ избрать путь, менѣе отвѣчающій его гордости, значило бы плохо знать его. «Онъ былъ слишкомъ гордъ и хитеръ для того, чтобы дать событіямъ дойти до конца» [1],—говоритъ Марѐ. Предвидя угрожающій ему непріятный ударъ, онъ предпочитаетъ рѣзкимъ движеніемъ увернуться отъ него и направить руку противника въ пространство.

Но для такого движенія время еще не пришло, да и благоразуміе требуетъ не торопиться. Чтобы принять твердое рѣшеніе относительно дальнѣйшей судьбы переговоровъ, ведущихся въ Россіи, недостаточно однихъ симптомовъ, какъ бы знаменательны они ни были. Наконецъ, возможно и то, что Коленкуръ судитъ правильно, что царь искренно работаетъ въ пользу нашего дѣла, и, можетъ быть, ему удастся восторжествовать надъ своей матерью. Затѣмъ, обратиться къ другой сторонѣ въ то время, когда Александръ обѣщаетъ дать отвѣтъ въ опредѣленный срокъ, когда съ часу на часъ можетъ придти согласіе Россіи, значило бы подать поводъ къ справедливому негодованію царя и вызвать жестокій разладъ, чего Наполеонъ всячески желаетъ избѣгнуть, особенно въ настоящій моментъ, когда вся Испанія охвачена полымемъ мятежа, а Франція жаждетъ только покоя. Хотя уже одинъ тотъ фактъ, что Россія держитъ его въ неопредѣленномъ положеніи, что она обсуждаетъ его просьбу, не оставляетъ и тѣни отъ тѣхъ выгодъ, которыя онъ нѣкогда усматривалъ въ русскомъ бракѣ,—тѣмъ не менѣе, онъ чувствуетъ, что зашелъ слишкомъ далеко, что отступить съ легкимъ сердцемъ онъ уже не можетъ. Поэтому онъ рѣшаетъ потерпѣть еще нѣсколько дней въ надеждѣ, что его сомнѣнія скоро будутъ разрѣшены. Онъ думаетъ, что герцогъ Виченцы, усердіе котораго ему хорошо извѣстно, не замедлитъ увѣдомить свой дворъ о ходѣ переговоровъ и, по всей вѣроятности, въ ближайшемъ будущемъ представитъ новыя свѣдѣнія. Желаніе императора обладать таковыми обнаруживается въ томъ, какъ онъ приказываетъ посланнику донести о пріемѣ, оказанномъ его посланію. «Желательны,—пишетъ Шампаньи Коленкуру 31 января,—болѣе подробныя свѣдѣнія; надѣются получить ихъ съ вашимъ первымъ курьеромъ; они необходимы для принятія рѣшенія съ полнымъ знаніемъ дѣла».

---

[1] Id.

Это были единственныя слова, которыми Наполеонъ отвѣтилъ на всякаго рода бумаги, присланныя Коленкуромъ. Какъ видимъ, эти слова не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ, что говорилось шесть недѣль тому назадъ. При этомъ онъ не только не отсылаетъ съ обратнымъ курьеромъ утвержденнаго договора о Польшѣ, но и не подписываетъ его; онъ хочетъ рѣшиться на эту крайне важную уступку только по зрѣломъ размышленіи. Съ этого времени, не принимая пока никакихъ обязательствъ относительно Австріи, онъ съ недовѣріемъ слѣдитъ за Россіей и задерживаетъ всѣ дѣла съ нею. Но уже теперь онъ принимаетъ мѣры, чтобы переходъ отъ Россіи къ Австріи, если таковому суждено свершиться, имѣлъ видъ вполнѣ естественнаго, а не вынужденнаго событія, чтобы онъ не шокировалъ и не сбивалъ съ толку общественной мысли. Онъ хочетъ подготовить умы, дать почувствовать французамъ возможность и этой второй комбинаціи, и для начала съ большой оглаской передаетъ на обсужденіе тотъ вопросъ, который еще недавно разрѣшалъ своей высочайшей волей.

27 января онъ ознакомился съ содержаніемъ депешъ Коленкура, а въ воскресенье—29-го, послѣ обѣдни—въ Тюльери распространился слухъ, что у императора днемъ будетъ большое частное совѣщаніе—совѣтъ изъ членовъ его семьи и государственныхъ чиновъ, на которомъ будетъ обсуждаться выборъ будущей императрицы. Дѣйствительно, короли и принцы обоихъ семействъ, высшіе чины имперіи, кардиналъ Фешъ, министры, предсѣдатели Сената и Законодательнаго Корпуса начали съѣзжаться во дворецъ. Всѣ они, человѣкъ двадцать пять—тридцать, были введены въ залу, гдѣ сорокъ три дня тому назадъ былъ составленъ актъ о разводѣ.

Послѣ того, какъ съ подобающей церемоніей совершился высочайшій выходъ, когда императоръ сѣлъ въ кресло, а приглашенные—высочайшія особы и сановники—собрались въ благоговѣйномъ молчаніи вокругъ совѣщательнаго стола, наступилъ торжественный моментъ, подобный которому, надо полагать, рѣдко встрѣчался въ необычайныхъ событіяхъ нашей исторіи. Представьте себѣ человѣка, могуществомъ превзошедшаго Цезаря и Карла Великаго, представьте себѣ, что онъ передъ вашими взорами подготовляетъ рѣшеніе, благодаря которому разсчитываетъ управлять будущимъ, какъ доселѣ владѣлъ настоящимъ:

вообразите, что присутствуете при моментѣ, когда онъ предоставляетъ слово Франціи и устами самыхъ знаменитыхъ ея представителей приглашаетъ ее дать ему совѣтъ. Сгруппируйте вокругъ него знаменитыхъ титулованныхъ мужей, изъ которыхъ одни олицетворяютъ военный героизмъ, другіе—политическій и административный геній; съ одной стороны, лицъ, шпагой завоевавшихъ себѣ королевскій титулъ, съ другой—государственныхъ дѣятелей, мужей опыта и знанія, хранителей традицій: Мюрата и Евгенія, Талейрана и Фушѐ, Бертьѐ, Камбасереса, Марѐ, Шампаньи, Фонтана—людей, не одинаковыхъ по происхожденію, уму и склонностямъ, но объединенныхъ общимъ повелителемъ, который служитъ для нихъ связующимъ звеномъ и съ которымъ связана ихъ собственная судьба. Заставьте всѣхъ ихъ предстать предъ вами съ ихъ всѣмъ знакомыми чертами, съ ихъ характерными манерами, съ тѣми особенностями души и облика, благодаря которымъ они запечатлѣлись въ воображеніи потомства; придайте этой сценѣ тотъ важный и величественный тонъ, который въ то время господствовалъ во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ; перенесите все это въ величественные золоченые аппартаменты, и вы поймете, что никто изъ присутствующихъ не могъ избѣгнуть неизгладимаго и глубокаго впечатлѣнія.

Но подъ этой величественной внѣшностью поищемъ самую сущность дѣла; спросимъ себя, къ какому практическому результату могло привести это не имѣющее примѣра въ прошломъ совѣщаніе. Объявленной цѣлью совѣщанія было—дать выбору императора опредѣленное направленіе, помочь ему въ этомъ дѣлѣ. Но выборъ зависѣлъ, прежде всего, отъ событій, которыя Наполеонъ самъ поставилъ внѣ своей воли. Переговоры въ Петербургѣ были поставлены въ такія условія, что первый же курьеръ изъ Россіи, быть можетъ, ѣхавшій уже по Германіи, могъ привезти вполнѣ оформленный брачный договоръ между царемъ и нашимъ посланникомъ, и тогда императору было бы крайне трудно вернуть свою свободу, распоряжаться которой онъ предоставилъ Коленкуру. Русскій бракъ дѣлался обязательнымъ уже только въ силу извѣщенія, что онъ возможенъ. Что же касается австрійскаго брака, то о немъ могла быть рѣчь только въ томъ случаѣ, если бы Россія дала ясныя указанія своего нежеланія породниться.

Чего же добивался императоръ, требуя совѣта по вопросу, рѣшеніе котораго не принадлежало ему? Во-первыхъ, онъ хотѣлъ утолить народное нетерпѣніе. Ему извѣстно было, что ожиданіе важнаго событія поддерживаетъ возбужденіе умовъ; что Парижъ волнуется, нервничаетъ, считаетъ дни; находитъ, что дѣло тянется слишкомъ долго, и удивляется, что до сихъ поръ нѣтъ ничего опредѣленнаго. Чтобы объяснить эти замедленія, Наполеонъ прикидывается, что затрудняется въ выборѣ между высокими партіями, которыя предлагаются ему со всѣхъ сторонъ. Не имѣя еще возможности представить развязку, онъ дѣлаетъ видъ, что занятъ ея подготовкой и что въ этихъ видахъ окружаетъ себя самыми просвѣщенными и надежными умами. Обладая рѣдкимъ искусствомъ въ дѣлѣ воздѣйствія на народы, съ одинаковымъ искусствомъ ослѣпляя ихъ, какъ блестящими миражами, такъ и волшебной дѣйствительностью, онъ хочетъ отвлечь вниманіе французовъ отъ истиннаго положенія дѣлъ и занять ихъ зрѣлищемъ большихъ преній.

Затѣмъ, ему было не безызвѣстно, что у значительной части общества имя Австріи вызываетъ большія опасенія. Австрія, по существу, государство стараго режима; отсюда страхъ французовъ, какъ бы, сблизившись съ ней, не поворотить назадъ; а всякое подобіе ретрограднаго движенія тревожитъ націю, ибо и сторонникомъ-то имперіи она сдѣлалась, главнымъ образомъ, потому, что имперія упрочила новый режимъ, что она придала ему блескъ и славу и взяла его подъ свою охрану отъ всякаго рода покушеній. Но Наполеону извѣстно и то, что многіе изъ его министровъ и высшихъ военныхъ чиновъ желаютъ выбора эрцгерцогини. Онъ считаетъ полезнымъ, чтобы ихъ авторитетный голосъ былъ услышанъ, чтобы они отвѣтили на страхи и сомнѣнія общества, заставили бы оцѣнить выгоды австрійскаго брака и указали на неудобства первоначально намѣченной партіи. Такъ какъ совѣтъ предполагается гласный, при открытыхъ дверяхъ, то извѣстнаго рода замѣчанія будутъ вынесены наружу и могутъ настроить и направить умы надлежащимъ образомъ. Если бы Австріи пришлось занять мѣсто Россіи, Наполеонъ не желаетъ, чтобы эта замѣна была приписана затрудненіямъ, встрѣченнымъ въ Петербургѣ. Публика должна приписать эту перемѣну

побужденіямъ высшаго порядка, должна видѣть въ ней свободно и зрѣло обдуманный выборъ и, заранѣе утвердивъ его, сдѣлаться участницей въ дѣлѣ.

Императоръ открылъ засѣданіе нѣсколькими фразами, которыя могли бы служить образцомъ надменности и ораторскаго искусства. «Я могу жениться,—сказалъ онъ,—на русской великой княжнѣ, на австрійской эрцгерцогинѣ, на саксонской принцессѣ, на одной изъ принцессъ царствующихъ домовъ въ Германіи или же на француженкѣ. Только отъ меня зависитъ указать ту, которая, при вступленіи въ Парижъ, первой пройдетъ подъ Тріумфальной Аркой» [1]). Онъ тѣмъ настойчивѣе напиралъ на свободу своего выбора, что отлично сознавалъ, что у него нѣтъ ея. Онъ прибавилъ въ выраженіяхъ, которыя должны были польстить національному чувству французовъ, что бракъ съ француженкой былъ бы ему наиболѣе по сердцу, но что государственные интересы могутъ потребовать иной партіи. Затѣмъ получилъ слово и выступилъ въ роли докладчика герцогъ Кадорскій. Онъ далъ нѣкоторыя указанія относительно разныхъ принцессъ, возрастъ и высокое положеніе которыхъ отвѣчали предполагаемому выбору; назвалъ великую княжну, эрцгерцогиню австрійскую и саксонскую принцессу. Послѣ этого были открыты пренія, и императоръ пригласилъ членовъ совѣта высказать свои мнѣнія.

Мастерской разсказъ, написанный съ поразительнымъ искусствомъ и жизненностью, посвятилъ насъ во всѣ подробности этого совѣщанія. Въ немъ приведены имена говорившихъ и тщательно воспроизведены ихъ рѣчи [2]). Но онъ опирается на описаніе только одного свидѣтеля—Камбасереса. Съ тѣхъ поръ появились въ печати разсказы другихъ современниковъ, но весьма несходные, и вотъ тутъ-то и начинаются затрудненія для разрѣшенія задачи, выпавшей на долю историка. Вотъ какой фактъ сильно подрываетъ кредитъ современниковъ. Изъ присутствовавшихъ на совѣщаніи многіе оставили мемуары и нарисовали въ нихъ картину или набросокъ этой сцены [3]). Но среди этихъ разсказовъ,

---

[1]) Helfert, 87, по донесенію Шварценберга, адресованному его двору.

[2]) Thiers, XI, 368 до 373, по неизданнымъ мемуарамъ великаго канцлера.

[3]) Mémoires de Talleyrand, II, 7—10. Id. du comte Mollien, III, стр. 117 и слѣдующія. Notes du duc de Bassano, въ трудѣ барона Ernouf'а, стр. 275—277. Cf. у Helfert'а, предыдущее донесеніе, посланное Швар-

составленныхъ нѣкоторое время спустя послѣ событія, не найдется и двухъ, которые сходились бы вполнѣ относительно данныхъ времени, состава совѣта и, въ особенности, высказанныхъ мнѣній. Если день и можетъ быть достовѣрно установленъ на основаніи документальныхъ указаній [1]), то нельзя съ увѣренностью сказать того же о подачѣ мнѣній. Разногласіе по этому вопросу легче объяснить, чѣмъ примирить. Желаніе преувеличить свою роль и умалить или извратить роль другихъ могло вызвать у многихъ повѣствователей нѣкоторое ослабленіе памяти, чему весьма способствовало одно непредвидѣнное на первомъ засѣданіи обстоятельство. Дѣло въ томъ, что второе совѣщаніе по тому же вопросу состоялось нѣсколько дней спустя, когда положеніе уже существенно измѣнилось, что не могло не отразиться на мнѣніяхъ. Авторы мемуаровъ, всѣ безъ исключенія, спутали свои воспоминанія и умышленно соединили оба собранія въ одно, такъ что нѣтъ никакой возможности возстановить, что собственно относится къ первому. При такихъ условіяхъ—въ этомъ надо откровенно признаться— невозможно опредѣлить точно рѣчь каждаго члена, передать буквально содержаніе и даже смыслъ всѣхъ рѣчей, иначе говоря, составить протоколъ засѣданія.

Но все-таки, на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, достовѣрность которыхъ установлена, возможно представить общій характеръ преній, и, хотя и нѣтъ полныхъ свѣдѣній о томъ, кто голосовалъ за то или иное мнѣніе, тѣмъ не менѣе, можно съ положительностью указать, какія мнѣнія были высказаны; можно нарисовать, какъ начался споръ и какъ онъ велся между выразителями разныхъ мнѣній. Мысль жениться на француженкѣ никѣмъ не была подхвачена. Саксонскій бракъ нашелъ нѣсколько сторонниковъ. Съ точки зрѣнія отношеній къ Россіи, онъ представлялъ всѣ неудобства австрійскаго брака, не имѣя его выгодъ; онъ имѣлъ видъ безпритязательной благопристойности, что могло понравиться недалекимъ и боязливымъ людямъ; компрометируя императора, онъ не компрометировалъ ихъ са-

ценбергомъ своему двору, написанное по свѣдѣніямъ, которыя были доставлены посланнику герцогомъ Бассано послѣ засѣданія. См. также Archives nationales, AF., IV, 1675. Mémoires de Pellenc, цитируемыя далѣе.

[1]) См. по этому вопросу замѣтку, помѣщенную въ Приложеніи I, буква С.

михъ. Саксонскій бракъ былъ поддержанъ министромъ финансовъ Лебрёномъ и собралъ два или три голоса. Настоящая борьба возгорѣлась только при имени двухъ имперій—Россіи и Австріи. Это было не столько серьезнымъ споромъ между сторонниками того или другого брачнаго союза, сколько распрею внутренняго порядка, возобновленіемъ вѣчной борьбы страстей, которыя въ теченіе цѣлаго вѣка періодически мутили и разрывали на части нашу родину. По поводу вопроса о бракѣ составились въ совѣтѣ, если можно такъ выразиться, правая и лѣвая сторона, и снова сформировались тѣ двѣ Франціи, которыхъ насильно сблизила желѣзная рука и вдохновеніе генія.

По странному стеченію обстоятельствъ, за самодержавную Россію стала самая передовая партія. Подъ знаменемъ Россіи сгруппировались ненавистники ея соперницы—лица, насквозь пропитанныя духомъ революціи съ ея предразсудками и традиціями. Выразителемъ этого направленія выступилъ король Мюратъ. Со свойственной ему пылкостью и хлесткимъ краснорѣчіемъ, онъ стремительно напалъ на Австрію. Чтобы сразить ее, онъ пустилъ въ ходъ всѣ избитыя фразы, которыми такъ часто пользовалось революціонное невѣжество. Впрочемъ, все заставляло неаполитанскаго короля оказать поддержку Россіи. Во-первыхъ, Богарнè держали сторону Австріи; одного этого уже было достаточно, чтобы онъ, отъ имени Бонапартовъ, бросился въ противоположный лагерь. Затѣмъ, этотъ дивный солдатъ, командуя авангардомъ въ 1807 г., лучше всѣхъ другихъ оцѣнилъ доблесть русскихъ. Онъ былъ въ правѣ сказать, что они были самыми стойкими противниками, какіе до сихъ поръ встрѣчались французамъ; что было бы крайне полезно отвратить ихъ враждебность и заручиться ихъ поддержкой. Правда, съ 1809 г. эти доводы потеряли въ глазахъ императора часть своего значенія. Мюратъ, не принимавшій участія въ дунайской кампаніи, оставался подъ впечатлѣніемъ Эйлау:—Наполеонъ помнилъ Эслингъ. Особенныя силу и значеніе словамъ Мюрата придавало то, что за нимъ выступала большая партія въ народѣ—всѣ, кто боялся возврата къ прежнимъ принципамъ, къ прежнимъ злоупотребленіямъ и привилегіямъ, всѣ, кто увидѣлъ бы въ австрійскомъ бракѣ сдѣлку съ прежнимъ режимомъ.

Мнѣніе Мюрата, нашедшее горячихъ приверженцевъ, встрѣтило и самыхъ многочисленныхъ противниковъ. За Австрію были

всѣ, кто изъ принципа или по врожденной склонности желалъ, чтобы императоръ, по возможности, отрекся отъ революціоннаго наслѣдія и принялъ традиціи старой законной монархіи. Въ совѣтѣ эта мысль не была высказана открыто; ее прикрыли и поддержали соображеніями внѣшней политики, весьма искусно подобранными и, нужно сказать, весьма правдоподобными.

Было сказано: поддержаніе континентальнаго мира и завоеваніе морского—вотъ что всегда было первой необходимостью и всеобщимъ желаніемъ. Отличительной чертой войнъ на континентѣ, явившихся слѣдствіемъ революціи, былъ постоянно возобновлявшійся поединокъ между Франціей и Австріей. Примиреніе этихъ двухъ противниковъ закроетъ источникъ, изъ котораго вытекло такъ много крови; оно уничтожитъ главную причину столкновеній, упрочитъ безопасность нашихъ границъ и окончательно установитъ судьбу Германіи и Италіи,—обычныхъ ставокъ и театра военныхъ дѣйствій. Закрыть для борьбы и соревнованія эти два огромныхъ поприща—не значитъ ли доставить покой міру?

Эти доводы въ пользу выгодъ настоящаго момента могли найти поддержку и въ другихъ весьма серьезныхъ соображеніяхъ; они могли быть поставлены въ связь со стройной системой, съ цѣлой политической теоріей, на цѣнность которой указывала исторія недавняго прошлаго. Начиная со второй половины восемнадцатаго столѣтія, въ то время, когда мы не столько занимались расширеніемъ своихъ границъ, сколько поддержаніемъ мира въ Европѣ и направленіемъ своей дѣятельности на моря, старая монархія мудро отказалась отъ потерявшаго смыслъ соперничества съ австрійскимъ домомъ. Она протянула руку своему трехвѣковому врагу и въ согласіи съ нимъ искала гарантій европейской устойчивости. Правда, на первыхъ порахъ этотъ союзъ не былъ счастливъ, но зато впослѣдствіи онъ доставилъ континенту двадцатипятилѣтній миръ и далъ возможность отомстить англичанамъ. Можно представить себѣ, какое значеніе могъ пріобрѣсти этотъ примѣръ прошлаго въ описываемую нами эпоху, когда Франція, втянутая въ безпощадную борьбу съ островитянами, превзошла на континентѣ свои самыя смѣлыя надежды, когда она повсюду достигла естественныхъ границъ и даже мѣстами перешла ихъ? Не должны ли были всѣ ея желанія сводиться къ тому,

чтобы сохранить и закрѣпить за собой свои необъятныя владѣнія? Не пріобрѣтало ли дѣло охранительной и предусмотрительной политики наилучшаго союзника въ лицѣ Австріи, въ этомъ спокойномъ, не склонномъ къ приключеніямъ государствѣ, которое желало только сохранять свои владѣнія, а не завоевывать чужія? Наиболѣе дальновидные изъ совѣтниковъ императора—тѣ, которыхъ складъ ума и карьера наиболѣе сроднили съ изученіемъ международныхъ отношеній и законами исторіи, оставались вѣрными преданіямъ охранительнаго союза—тѣмъ преданіямъ, которыя до половины девятнадцатаго вѣка по непрерывной нити передавали другъ другу наиболѣе мудрые и наименѣе выслушиваемые изъ нашихъ государственныхъ людей. Будучи въ принципѣ убѣжденнымъ сторонникомъ такой политики,—допуская, что былъ моментъ, когда Наполеонъ могъ осуществить на дѣлѣ ея принципы,—мы, тѣмъ не менѣе, думаемъ, что въ 1810 г. время для успѣшнаго ея примѣненія было уже пропущено. Въ это время Австрія шла намъ навстрѣчу только на-словахъ, въ силу необходимости. Она слишкомъ пострадала отъ насъ, чтобы простить намъ. Ея непрерывныя потери поддерживали въ ней непреодолимое чувство затаенной вражды и мести. Тѣмъ не менѣе, надо сознаться, что политика сближенія съ Австріей, разсматриваемая съ теоретической точки зрѣнія и внѣ условій того времени, находила опору въ серьезныхъ разсужденіяхъ и достопамятныхъ примѣрахъ.

Никто лучше и полнѣе Талейрана не могъ бы развить доводовъ въ пользу австрійской системы. Онъ неоднократно излагалъ ее, какъ свою излюбленную доктрину. Онъ былъ ученикомъ министровъ, творцовъ союза съ Австріей въ восемнадцатомъ столѣтіи, и сдѣлался учителемъ тѣхъ, которые мечтали о немъ въ наши дни: онъ—главное связующее звено въ этой непрерывной цѣпи. Однако, изъ преній не видно, чтобы Талейранъ, можетъ быть, стѣсненный своими тайными сношеніями съ русскимъ дворомъ, взялъ на себя иниціативу выдвинуть выгоды австрійской партіи. Если онъ ее и поддерживалъ—что еще не установлено безусловно [1])—то съ оговорками, ходилъ кругомъ да около, и на словесномъ состязаніи, гдѣ каждому предоставлено было вы-

---

[1]) См. въ подтвержденіе Mémoires de Talleyrand, Thiers, а въ совершенно противоположномъ смыслѣ замѣтки Марè.

сказать вполнѣ свободно свое мнѣніе, показалъ себя болѣе дипломатомъ, чѣмъ ораторомъ. Первый, кто съ убѣжденіемъ и въ убѣдительныхъ выраженіяхъ заговорилъ въ пользу Австріи, былъ принцъ Евгеній. Послѣ него блестящимъ защитникомъ того же дѣла выступилъ герцогъ Бассано. Министръ иностранныхъ дѣлъ, еще до совѣщанія, былъ сторонникомъ Австріи; графъ Молліенъ присоединился къ нимъ. Фонтанъ и состоявшій въ званіи придворнаго духовника кардиналъ Фешъ со страстной горечью говорили противъ Россіи, приводя всевозможные доводы, но, въ особенности, доводы религіознаго свойства и вытекающіе изъ различія вѣроисповѣдныхъ обрядовъ [1]).

Хотя рѣшающее большинство еще не обрисовалось, но голоса лицъ, имѣющихъ большой вѣсъ, были въ пользу Австріи. Правда, они могли быть уравновѣшены мнѣніемъ высокаго значенія. Великій канцлеръ Камбасересъ, устами котораго заговорила сама мудрость, выступилъ въ пользу Россіи. Камбасересъ предвидѣлъ, что государство, которое не будетъ избрано, неизбѣжно сдѣлается нашимъ врагомъ. Исходя изъ этого соображенія, онъ постарался осторожно указать на то, что наибольшая опасность въ будущемъ была отнюдь не въ возобновленіи враждебныхъ отношеній къ Австріи, которую можно было разсматривать, какъ побѣжденную заранѣе, но въ войнѣ на Сѣверѣ, въ разрывѣ съ имперіей, средства и сила сопротивленія которой были страшной и притомъ невѣдомой величиной. Хотя это важное предостереженіе, повидимому, не произвело непосредственнаго впечатлѣнія на присутствующихъ, но и теперь, вдали отъ событій, чувствуется, какъ оно витаетъ надъ дебатами и ясно обрисовываетъ положеніе [2]).

. Императоръ выслушивалъ все, что говорилось, оставаясь безстрастнымъ, величественнымъ и, насколько возможно, избѣгая,

---

[1]) По Тьеру, князь Невшательскій высказался также за эрцгерцогиню. Фушѐ, министръ полиціи, по словамъ Марѐ, осторожно высказался въ томъ же смыслѣ. По примѣру Талейрана, онъ былъ заодно съ неаполитанскимъ королемъ. Ни въ какихъ мемуарахъ не приводится мнѣній другихъ министровъ, исключая рѣзкихъ нападокъ графа Сессака на австрійскій домъ.

[2]) Относительно мнѣнія Камбасереса и того, какъ онъ его высказалъ, см. его разговоръ съ Паскье, цитируемый графомъ Гаусонвиллемъ въ его большомъ трудѣ: L' Eglise romaine et le premier Empire, t. III, 205.

такъ или иначе, выражать одобреніе или неодобреніе. Онъ предоставилъ спору идти своимъ путемъ, давая ему разгораться, но не позволяя переходить извѣстныхъ границъ, и, въ случаѣ надобности, умѣя однимъ словомъ, одной многозначительной фразой направлять пренія и сдерживать увлекающихся. Въ его разсчеты не входило, чтобы вѣсы слишкомъ явно склонялись въ ту или другую сторону, ибо онъ и самъ еще не зналъ, къ какому мнѣнію обстоятельства вынудятъ его склониться. Лишь только приводился доводъ, который могъ навлечь на одну изъ сторонъ слишкомъ замѣтное нерасположеніе или непоправимо подорвать вѣру въ нее, онъ тотчасъ же останавливалъ оратора и разрушалъ впечатлѣніе его словъ. Военный министръ, Лакюе графъ де Сессакъ, въ сильныхъ выраженіяхъ нападалъ на Австрію. Онъ напомнилъ о непрерывныхъ разгромахъ этой имперіи, о постоянномъ съуженіи ея границъ, и, воодушевляясь, сказалъ: «Австрія—уже не великая держава».—«Австрія—уже не великая держава, прервалъ его императоръ.—Видно, милостивый государь, что вы не были при Ваграмѣ» [1]). И тотчасъ же въ памяти императора воскресли впечатлѣнія этого дня, и яркими образами промелькнули передъ его умственными взорами и ожесточенныя, рвущіяся въ бой непріятельскія войска, и ихъ непоколебимое упорство, и бѣшеныя атаки, и та минута, когда исходъ боя былъ сомнителенъ. Теперь, обсуждая выборъ Австріи, онъ не допускаетъ и мысли, чтобы кто-либо могъ сказать, что онъ связываетъ себя узами съ пришедшей въ упадокъ монархіей.

Равнымъ образомъ онъ не желаетъ, чтобы и по поводу Россіи было высказано безповоротное рѣшеніе, ибо возможно, что онъ вынужденъ будетъ остановиться на ней. Кардиналъ Фешъ высказалъ очень серьезное мнѣніе. Намекая на различіе вѣры и высказывая, что это обстоятельство оттолкнуло бы Францію отъ иновѣрной императрицы и поставило бы ее особнякомъ среди народа въ томъ случаѣ, если бы ей позволено было открыто исполнять ея обряды, онъ сказалъ: «Подобный бракъ не въ нашихъ нравахъ». Эта фраза произвела видимое впечатлѣніе. Но въ виду того, что Наполеонъ обязался передъ Петербургомъ согласиться по религіозному вопросу на всевозможныя требованія, ему необходимо было оговорить возможность такой уступки

---

[1]) Mémoires du comte Beugnot, II, 359. Cf. Helfert, 87.

и выставить ее въ пріемлемой формѣ. Императоръ вышелъ изъ затрудненія, высказавъ увѣренность, что съ этой стороны въ Петербургѣ не предвидится препятствій. Подобное утвержденіе, какъ это было ему хорошо извѣстно, не имѣло ничего общаго съ истиннымъ положеніемъ дѣла. Вслѣдъ затѣмъ, онъ уклонился въ область исторіи. Онъ сказалъ, что, въ виду его превосходныхъ отношеній съ императоромъ Александромъ, онъ имѣетъ полное основаніе надѣяться, что Россія не поставитъ никакихъ условій, но что онъ самъ не одобрилъ бы и не желалъ бы допустить перемѣны вѣры; что отреченія не въ его вкусѣ, и привелъ въ примѣръ Генриха IV, но только съ тѣмъ, чтобы осудить его. Онъ сказалъ, что преклоняется предъ этимъ великимъ государемъ, но никогда не проститъ ему его отреченія отъ вѣры ради короны; что въ его глазахъ это—единственное пятно на достославной памяти Генриха IV [1]). Впрочемъ,—прибавилъ онъ,—онъ тщательно взвѣситъ высказанныя мнѣнія и отнесется къ нимъ съ полнымъ уваженіемъ. Въ заключеніе, подобно судьѣ, который, заслушавъ дѣло, удаляется, чтобы наединѣ обсудить приговоръ и представить его въ готовомъ видѣ, онъ закрылъ засѣданіе, поблагодарилъ и отпустилъ совѣтъ, не распуская его окончательно. Онъ достигъ своей цѣли: онъ сдѣлалъ то, что въ пользу Австріи были высказаны серьезные доводы, но при этомъ не исключалась возможность и другого брака, въ случаѣ, если бы императрица-мать уступила и дала свое согласіе.

Слухъ о состоявшемся въ Тюльери совѣщаніи распространился тотчасъ же повсюду, такъ какъ приказано было не дѣлать изъ этого тайны. Два дня спустя, за обѣдомъ у баварскаго короля, прибывшаго за мѣсяцъ до этого въ Парижъ, король восхвалялъ герцога Бассано за то, что тотъ смѣло поддержалъ бракъ, который вѣрнѣе всѣхъ другихъ обезпечитъ спокойствіе Германіи [2]). Въ самыхъ разнообразныхъ кругахъ заговорили о «лицахъ, приглашенныхъ на совѣщаніе; поименно называли невѣстъ, которымъ герцогъ Кадорскій устроилъ какъ бы смотрины; приводили мнѣнія неаполитанскаго короля и вице-короля (Мюрата), и что сказалъ Его Величество относительно ихъ мнѣній; далѣе, мнѣніе кардинала, рѣчь, сказанную Фонтаномъ» [3]). Пошли въ ходъ

[1]) Helfert, 87.
[2]) Id., 88.
[3]) Mémoires de Pellenc.

предположенія, пересуды, споры. Споръ, прерванный въ Тюльери продолжался во всѣхъ слояхъ общества, близкихъ и далекихъ отъ правительства. Съ наибо́льшей силой возгорѣлся онъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ съ давнихъ поръ велись всякаго рода споры, гдѣ собиралась толпа и выдумывались и распространялись новости. Языки заработали въ самыхъ разнообразныхъ мѣстахъ— въ галлереяхъ Пале-Рояля, на биржѣ, въ салонахъ старой и новой аристократіи.

Широкая публика по обыкновенію раздѣлилась на два лагеря. Россія сохранила своихъ защитниковъ, оставшихся ей вѣрными не изъ симпатіи къ ней, а изъ страха передъ Австріей [1]), большинство же офиціальныхъ и свѣтскихъ сферъ довольно опредѣленно перешло на сторону эрцгерцогини.

Но одна партія упорно держалась своихъ предубѣжденій противъ Австріи. Это была партія лицъ, замѣшанныхъ въ наихудшихъ безобразіяхъ революціи; партія, заклейменная дѣяніемъ, которое, какъ кару, ввели въ ея прозвище, называя ее «партіей вотировавшихъ за смерть» [2]). То же нужно сказать и о другомъ полюсѣ общественной мысли—о засѣвшей въ «предмѣстьѣ Сенъ-Жерменъ» партіи роялистовъ, не допускавшей въ свою среду чуждыхъ ей элементовъ и гордившейся непоколебимой вѣрностью прошлому. Тамъ также всѣ возмущались при мысли о бракѣ съ эрцгерцогиней; но тамъ смотрѣли на это, какъ на святотатственное оскверненіе великаго и горестнаго воспоминанія, тамъ приходили въ ужасъ при мысли, что этотъ бракъ изгладить на челѣ Бонапарта клеймо похитителя короны.

Внѣ этихъ двухъ группъ большинство голосовъ было въ пользу Австріи. Изъ бывшихъ дѣятелей революціи тѣ, которыхъ называли *благоразумными якобинцами* или старымъ словомъ *конституціоналистовъ*, ретиво высказывались въ пользу Габсбургскаго дома, что должно было служить неопровержимымъ доказательствомъ ихъ раскаянія. Нужно ска-

---

[1]) Бюллетени полиціи, январь—іюнь, 1810 г. Archives nationales, AF., IV, 1508.

[2]) Письмо, опубликованное Helfert'омъ, 354—358. Это письмо чрезвычайно секретное, адресованное Меттерниху и только обозначенное буквами Dj, приписывается австрійскимъ авторомъ Лаборду. По нашему мнѣнію, оно должно быть отъ герцога Дальберга.

зать, что и въ партіи роялистовъ было огромное количество своего рода конституціоналистовъ. Многіе изъ ея членовъ, сохраняя къ изгнанной династіи почтительную преданность, тѣмъ не менѣе, считались съ условіями времени. Они признавали въ Наполеонѣ новое могущественное воплощеніе монархическаго принципа, уживались съ его режимомъ и охотно принимали государственныя должности и придворныя званія. Такіе переходы изъ стараго лагеря возростали съ каждымъ годомъ. Вступая въ ряды правительства, они не отказывались отъ права домогаться своей доли вліянія и старались направить дѣла государства сообразно своимъ идеямъ. Австрійскій бракъ не только отвѣчалъ ихъ принципамъ, но и успокоилъ бы ихъ совѣсть. Они чувствовали бы себя на службѣ императора гораздо лучше, когда бы онъ сдѣлался двоюроднымъ внукомъ Маріи-Антуанетты. Эта партія присоединившихся, пріобрѣтавшая при дворѣ все болѣе выдающееся положеніе, оказывала рѣшающее давленіе въ пользу Австріи.

Сверхъ того, салоны высказывались не въ пользу русскаго брака по причинамъ чисто-личнаго свойства; это были скорѣе предразсудки, чѣмъ доводы. Представители Австріи въ Парижѣ были люди интеллигентные, хорошаго тона, чего далеко нельзя было сказать о представителяхъ Россіи. Члены австрійскаго посольства держали себя съ бо́льшимъ достоинствомъ, чѣмъ ихъ сѣверные коллеги; ихъ чаще видѣли; они производили впечатлѣніе болѣе свѣтскихъ. Въ Парижѣ русскіе искали, главнымъ образомъ, развлеченій, не особенно затрудняясь въ выборѣ удовольствій, и не очень заботились о поддержаніи достоинства, какое подобало величію ихъ двора. За небольшими исключеніями, русская колонія отличалась безтолковой роскошью, а не умѣньемъ держать себя [1]). Несмотря на всю свою пышность, на пріемы, «великолѣпіе которыхъ можно сравнить только съ царившей на нихъ скукой» [2]), князю Куракину не удалось сдѣлать свой домъ центромъ изящнаго и избраннаго общества. Его слабости и странности были предметомъ насмѣшекъ: онъ считался «лучшимъ изъ людей, но ничтожнѣйшимъ изъ посланниковъ» [3]). Какая

[1]) Бюллетени полиціи, 1809—1810, Archives nationales, AF., IV, 1508.
[2]) Vassilchikof, IV, 385.
[3]) Неизданные документы.

разница съ блестящимъ графомъ Меттернихомъ, который оставилъ по себѣ въ Парижѣ самыя пріятныя воспоминанія, который за время своей миссіи создалъ себѣ полезныя связи, привлекъ на свою сторону женщинъ, и бо́льшую часть своихъ успѣховъ искалъ въ лучшемъ обществѣ! Старое французское общество, чуть не половина котораго сгруппировалась вокругъ императорскаго трона, имѣло очень много общаго во вкусахъ и воспитаніи съ дипломатами изъ рядовъ вѣнской аристократіи, которая играла въ Парижѣ роль не только благодаря титулованнымъ представителямъ, но также и нѣмецкимъ принцамъ и высочайшимъ особамъ, въ родствѣ съ которыми она состояла. По сравненію съ Австріей Россія—съ ея вкусами и обычаями — была далека отъ насъ, какъ въ нравственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи; бракъ съ русской великой княжной, что бы ни говорили, былъ въ глазахъ свѣта бракомъ съ принцессой изъ чуждаго намъ міра.

Эти взгляды не только высказывались, но и были изложены письменно. Они повели къ ряду замѣтокъ и меморій, адресованныхъ лицамъ высшаго круга. Въ нихъ ясно проглядываетъ стараніе поддержать свою манеру смотрѣть на вещи всѣми доводами государственнаго значенія, высказанными въ совѣщательномъ засѣданіи. Для составленія такихъ меморій обратились къ спеціальнымъ писателямъ, занимавшимся вопросами политики и искавшимъ случая высказать свое мнѣніе,—къ лицамъ, получившимъ извѣстность своими полемическими статьями въ до-революціонное время. Самая интересная записка была составлена бывшимъ эмигрантомъ Пелленкомъ. Въ началѣ революціи онъ былъ секретаремъ Мирабо, затѣмъ бѣжалъ въ Австрію, откуда незадолго до описываемаго событія вернулся въ Парижъ. Онъ постоянно работалъ на задворкахъ политики и всегда плылъ по теченію. Его записка представляетъ какъ бы отголосокъ того, что говорилось въ 1810 г. о Россіи и Австріи.

Пелленкъ передаетъ сначала своими словами рѣчь кардинала Феша, придавая ей растяжимое толкованіе и очень широкій смыслъ. «Этотъ бракъ—говоритъ онъ, имѣя въ виду русскій проектъ, — не въ нашихъ нравахъ. Въ Европѣ и, въ особенности, во Франціи на Россію смотрятъ, какъ на азіатское государство. Различіе вѣры имѣетъ также свои неудобства. Спору нѣтъ, въ Парижѣ есть православная церковь, но императоръ

какъ-то самъ сказалъ, что глава французскаго государства долженъ быть католикомъ. Разсматривая этотъ вопросъ съ точки зрѣнія общественнаго мнѣнія, можно думать, что выборъ русской великой княжны гораздо менѣе понравится, чѣмъ всякій другой. Эта нація, у которой только при дворѣ есть просвѣщенные люди, не стоитъ въ ряду цивилизованныхъ государствъ; тронъ ея подверженъ самымъ кровавымъ переворотамъ; русскихъ во Франціи не уважаютъ за буйный, дерзкій и лживый характеръ. Страшно подумать, что Парижъ можетъ быть наводненъ этими полу-варварами, у которыхъ, несмотря на ихъ богатство, нѣтъ ничего общаго съ нашими вкусами, со складомъ нашего ума, съ нашими склонностями и, въ особенности, съ утонченностью нашихъ нравовъ.

«При обсужденіи этого вопроса съ политической точки зрѣнія тоже нашлись бы свои неудобства. Если оставить въ сторонѣ условія настоящаго времени, союзъ съ Россіей почти безполезенъ для насъ. Какую выгоду можетъ извлечь Франція изъ государства, которое въ теченіе полу-вѣка не можетъ завоевать Молдавіи и Валахіи? Даже на продолжительность союза съ Россіей нельзя разсчитывать. Географическое положеніе Россіи, ея ввозъ и вывозъ требуютъ союза съ Англіей, а не съ нами; поэтому-то нашими сторонниками въ Россіи являются только императоръ Александръ и его первый министръ; да и ихъ добросовѣстность довольно сомнительна; вся же нація цѣликомъ враждебна намъ. Наконецъ, этотъ союзъ будетъ служить помѣхой многимъ проектамъ, которые предстоятъ въ будущемъ и которыхъ требуетъ мудрая политика, т. е., расширеніе Варшавскаго герцогства и оттѣсненіе Россіи въ глубь Азіи, не принимая даже въ разсчетъ неудобства брака съ великой княжной, про брата которой каждую минуту можно узнать, что его свергли съ престола...»

— «Выборъ принцессы второстепенной державы—говорится въ запискѣ въ заключеніе этихъ злобныхъ соображеній—былъ бы во многихъ отношеніяхъ гораздо удобнѣе, чѣмъ этотъ выборъ». Но, говоритъ онъ далѣе, Франція для своего обожаемаго монарха хочетъ бóльшаго. Она ревниво относится къ его чести и славѣ, въ чемъ бы онѣ ни выражались, и именно это-то чувство заставляетъ ее желать австрійскаго брака. Здѣсь, при обсужденіи мотивовъ, которыми обусловливается таковое желаніе благомыслящей части общества, авторъ впадаетъ въ патетическій тонъ. «Ея

положеніе внучатной племянницы послѣдней французской королевы—говоритъ онъ объ эрцгерцогинѣ—можетъ имѣть извѣстное значеніе. Во Франціи не мало людей, которые въ человѣческихъ дѣлахъ видятъ только исполненіе предначертаній Провидѣнія. Согласно такому способу смотрѣть на вещи, появленіе австрійской принцессы на тронѣ, на которомъ такъ печально кончила ея тетка, явилось бы въ ихъ глазахъ одной изъ тѣхъ наградъ, которыя небо подготовляетъ въ своихъ праведныхъ рѣшеніяхъ, когда ему угодно преложить гнѣвъ на милость».

Въ заключеніе, изложивъ политическія причины, которыя говорятъ въ пользу Австріи, авторъ пользуется своимъ долгимъ пребываніемъ въ Вѣнѣ, чтобы дать нѣкоторыя точныя свѣдѣнія о самой эрцгерцогинѣ, можетъ быть, первыя, которыя дошли до императора. Не давая портрета, который слишкомъ бы ей польстилъ, онъ настаиваетъ на одномъ пунктѣ, который долженъ былъ понравиться Наполеону, а именно, что молодая принцесса—при крѣпкомъ отъ природы здоровьѣ, можно сказать, пріятной внѣшности и среднемъ умѣ, мало развитомъ по причинѣ незаконченнаго образованія—способна воспринять тѣ качества, которыя надлежитъ въ ней выработать, и подъ разумнымъ руководствомъ способна усвоить надлежащій тонъ.

«Будутъ ли,—говоритъ онъ,—личныя качества принцессы Луизы таковы, чтобы остановить на себѣ выборъ Его Величества? Вотъ единственный пунктъ, который поистинѣ имѣетъ важное значеніе. Восемь мѣсяцевъ тому назадъ, эрцгерцогиня была очень худощава и немного выше средняго женскаго роста. Но вѣдь и послѣдняя французская королева выросла очень поздно и чрезвычайно пополнѣла послѣ своего замужества. Принцесса обладаетъ великолѣпнѣйшимъ цвѣтомъ лица, свойственнымъ нѣмкамъ. Лицо овальное, черты его правильны; волосы средніе между свѣтло-каштановыми и бѣлокурыми, глаза голубые и очень красивые, а еще лучше взглядъ; на бѣломъ лицѣ выступаетъ яркій румянецъ, но иногда дѣлается пятнами. Этотъ же недостатокъ былъ и у французской королевы въ дни ея молодости. Плечи у нея высокія, что, можно думать, указываетъ на сильное сложеніе; походка очень хорошая; въ ней болѣе благородства, нежели изящества, одѣвается безъ вкуса. О ея умѣ никогда ничего не говорилось, ни худого, ни хорошаго; извѣстно только, что ея образованіе, въ которое

слишкомъ много вмѣшивалась ея мать, дурно велось... Такимъ образомъ, безъ ошибки, можно предполагать, что принцесса далеко не то, чѣмъ она можетъ сдѣлаться. Одно изъ ея преимуществъ то, что она изъ семьи, гдѣ плодовитость почти не подлежитъ сомнѣнію. Ее часто сравнивали съ нынѣшней австрійской императрицей, но, что касается красоты, она нравилась больше» [1]).

Записка Пелленка и еще другая записка, написанная по тому же поводу, нашлись въ бумагахъ государственной канцеляріи, куда стекались всѣ бумаги, направляемыя къ императору, а также исходящія отъ него самого. Адресованная, вѣроятно, герцогу Бассано, который завѣдывалъ этимъ родомъ службы, она не могла миновать Его Величества. Наполеонъ не смотрѣлъ неодобрительно на такіе, почтительно даваемые, совѣты; напротивъ, онъ позволялъ писать, исходя изъ тѣхъ же соображеній, по которымъ позволялъ говорить и въ совѣтѣ, и съ удовольствіемъ видѣлъ, что въ умахъ идетъ движеніе, которому онъ въ нѣкоторомъ родѣ далъ толчокъ. Однако, для него не достаточно было знать мнѣніе только высшихъ классовъ. Ему хотѣлось знать, продолжается ли дурное настроеніе и предубѣжденіе противъ Австріи въ средѣ менѣе высокой, но не менѣе достойной вниманія. Онъ хочетъ принять въ соображеніе матеріальные интересы страны, т. е., знать, что думаютъ объ этомъ финансовый міръ, биржа, представители промышленности и крупнаго купечества. Въ виду этого онъ поручаетъ министру финансовъ осторожно произвести надлежащее разслѣдованіе [2]). Лично онъ ставитъ этотъ вопросъ на первую очередь во всѣхъ разговорахъ. Въ декабрѣ, для рѣшенія въ пользу Россіи, онъ не совѣтовался ни съ кѣмъ; теперь онъ разспрашиваетъ своихъ приближенныхъ, бесѣдуетъ съ чиновниками, съ которыми работаетъ; заставляетъ тѣхъ и другихъ высказывать мнѣнія, часто благопріятныя Австріи, но при этомъ тщательно заботится, чтобы не выдать себя преждевременнымъ словомъ, чтобы оставлять подъ вопросомъ будущее, которое при существующихъ условіяхъ остается пока неизвѣстнымъ. Онъ сохраняетъ положеніе, какое принялъ на совѣтѣ,—положеніе верховнаго судьи, неограниченнаго господина своихъ рѣшеній, но судьи, который

---

[1]) Archives nationales, AF, IV, 1675.

[2]) Mémoires de Mollien, III, 122—123.

хочетъ поставить рѣшеніе только послѣ того, какъ будутъ собраны всѣ данныя, которыя могутъ освѣтить и дать твердую основу его приговору. Въ дѣйствительности же онъ ничего не обсуждаетъ, а только выжидаетъ. Устремивъ взоры на Сѣверъ, онъ все еще ждетъ, чтобы новое посланіе Коленкура подтвердило или опровергло его подозрѣнія; чтобы Россія яснѣе показала свою игру и высказалась опредѣленнѣе.

II.

ДНИ 6 И 7 ФЕВРАЛЯ 1810 ГОДА.

5 февраля, въ пять часовъ вечера, въ зданіе министерства иностранныхъ дѣлъ вошелъ курьеръ герцога Виченцы. Подобно своему предшественнику, онъ привезъ двѣ шифрованныя депеши. Онѣ были помѣчены 15 и 21 января. Къ депешамъ была приложена записка. Взглянувъ на нее, Шампаньи тотчасъ же понялъ, что въ Петербургѣ ничего не было кончено. Посланникъ въ замаскированныхъ выраженіяхъ извинялся, что не могъ еще исполнить желанія своего правительства, и давалъ понять, что его терпѣніе подвергается весьма продолжительному испытанію. Министръ счелъ своей обязанностью немедленно сообщить императору свои выводы. Обѣщая, что черезъ нѣсколько часовъ депеши будутъ дешифрованы, онъ послалъ ему приложенную Коленкуромъ записку. «Изъ нея Ваше Величество увидитъ, — прибавлялъ Шампаньи въ нѣсколькихъ препроводительныхъ строкахъ,—что этотъ курьеръ не привезъ еще желаемыхъ вами опредѣленныхъ свѣдѣній» [1]). Затѣмъ министръ провелъ ночь за дешифровкой двухъ депешъ и, дѣйствительно, прочелъ въ нихъ, что переговоры съ императрицей-матерью тянулись безрезультатно. Донесеніе посланника о ходѣ переговоровъ было только передачей со словъ Александра [2]).

Сынъ и мать видались каждый день. Ихъ разговоры или, вѣрнѣе, совѣщанія, тянулись часа по три. При частыхъ свиданіяхъ съ Коленкуромъ императоръ Александръ давалъ ему понять, что ничего не скрываетъ отъ него. Изъ Твери пришелъ

[1]) Archives nationales, AF, IV, 1698.

[2]) Всѣ цитаты, за исключеніемъ тѣхъ, которыя составляютъ предметъ особыхъ указаній, взяты изъ двухъ писемъ Коленкура къ Шампаньи отъ 15 и 21 января 1810 г.

отвѣтъ: онъ былъ благопріятенъ. Несмотря на это, императрица-мать была въ крайнемъ затрудненіи и никакъ не могла рѣшиться. Ея возраженія не останавливались на какомъ-нибудь опредѣленномъ пунктѣ; они росли до безконечности и всякій день являлись новыя, то серьезныя, къ которымъ нельзя было отнестись безъ вниманія, то странныя и нелѣпыя.

Прежде всего она сослалась на молодость великой княжны. Правда, она не отрицала, что ея дочь можетъ уже выйти замужъ, «что были тому хотя и незначительные, но явные признаки», но тотчасъ же сослалась на примѣръ двухъ старшихъ дочерей, на эрцгерцогиню Палатинскую и герцогиню Мекленбургскую, которыя умерли оттого, что слишкомъ рано были выданы замужъ. Въ слѣдующіе дни вопросъ о годахъ, видимо, менѣе тревожилъ ее, но «она выходила изъ себя при мысли выдать дочь за разведеннаго государя». Развѣ, — говорила она,—церковь не осудила браки подобнаго рода? Коленкуръ подсказалъ царю отвѣтъ на это возраженіе. Раздѣляя весьма распространенное, но ошибочное мнѣніе, что бракъ Наполеона съ Жозефиной былъ только гражданскимъ бракомъ, и не зная о начатомъ въ парижскомъ духовномъ судѣ дѣлѣ и о послѣдовавшемъ по этому дѣлу рѣшеніи, онъ сказалъ, что церковнаго брака не существовало. Но у императрицы-матери всегда и на все были готовые доводы, иногда очень хитро придуманные. Теперь она стала на почву гражданскихъ законовъ и обратила вниманіе на то, что наполеоновскій кодексъ не позволяетъ разведенному супругу вторично жениться раньше двухъ лѣтъ. Пришлось отвѣтить, что наполеоновскому кодексу подчинены во Франціи всѣ, за исключеніемъ его творца [1]). Затѣмъ, говорила она, бракъ—не такое дѣло, которое можно скрутить какъ-нибудь. Его нужно обдумать зрѣло, неспѣша. Что за необходимость спѣшить съ рѣшеніемъ, когда изъ Парижа и намека нѣтъ на предложеніе — самъ императоръ Александръ сказалъ это, — и весь разговоръ идетъ только о возможной случайности?

Однажды императрица спросила: «могутъ ли быть у Напо-

---

[1]) Коленкуръ Шампаньи, 31 января 1810 г. Въ дѣйствительности наполеоновскій кодексъ требовалъ трехъ лѣтъ, въ случаѣ развода по обоюдному согласію. Ст. 297.

леона дѣти?» Александръ, не задумываясь, поручился за своего союзника. Она не унималась. Она высказала, будто ей извѣстно, что у Наполеона «даже отъ любовницъ» [1]) никогда не было дѣтей, и что, слѣдовательно, самаго-то главнаго бракъ могъ и не дать. Тогда, говорила она, одному Богу извѣстно, въ какомъ положеніи очутится будущая императрица и какія униженія придется ей переживать. Можетъ быть, и она будетъ отвергнута? Можетъ быть, потребуется ея участіе въ какомъ-нибудь гнусномъ обманномъ дѣяніи? Императрица тотчасъ же привела въ примѣръ одно истинное, а, быть можетъ, и вымышленное событіе, которое довольно продолжительное время служило предметомъ насмѣшекъ въ хроникѣ о дворахъ. Разсказывали, будто бы въ Швеціи, въ царствованіе Густава III, королевѣ вмѣсто короля подсунули другое лицо, обезпечивъ такимъ образомъ наслѣдника престола и пополнивъ королевскій недочетъ. «У моей дочери,—говорила императрица,—слишкомъ честныя правила, чтобы согласиться на что-либо подобное» [2]).

Александръ привелъ этотъ разговоръ Коленкуру, какъ примѣръ тѣхъ «тысячъ затрудненій, которыя создавались въ умѣ его матери» [3]). Чтобы въ болѣе яркомъ свѣтѣ выставить передъ нимъ исключительный характеръ этихъ переговоровъ, гдѣ самые пустые доводы противопоставлялись наиважнѣйшимъ интересамъ онъ не избавлялъ его ни отъ какой подробности и передавалъ ихъ въ фамильярно-дружескихъ бесѣдахъ, всѣ безъ исключенія, свойственнымъ ему мягкимъ и непринужденнымъ тономъ, употребляя живыя, картинныя и иногда рискованныя выраженія, превосходно пользуясь нашимъ языкомъ, тонкостями котораго онъ владѣлъ еще лучше, чѣмъ его правилами. Если посланникъ выражалъ нѣкоторую досаду на проволочки, на безконечныя колебанія, Александръ не только соглашался съ нимъ, но шелъ дальше его и возмущался поведеніемъ своей матери. Онъ давалъ понять, какъ велика должна быть его привязанность къ императору и Франціи, чтобы заставить его переносить всѣ непріятности, которыя доставляло ему это дѣло. «Если я добьюсь успѣха,—говорилъ онъ,—увѣряю васъ, я буду считать, что про-

[1]) Id., 18 февраля 1810 г.
[2]) Id.
[3]) Id.

велъ самые трудные переговоры; ибо приходится бороться не съ доводами, на которые можно отвѣтить другими доводами, а съ логикой женщины, и при томъ самой безтолковой...»

«Я не падаю духомъ,—продолжалъ онъ,—ибо вѣрю, что это дѣло выгодно для всѣхъ насъ, что для союза одной скрѣпой будетъ больше. Я въ этомъ не нуждаюсь, но я счастливъ при одной мысли, что наши преемники почтятъ наше дѣло, что они будутъ союзниками вашей династіи, подобно тому, какъ я состою союзникомъ ея великаго основателя». Затѣмъ онъ заговорилъ о томъ, что, если бы ему удалось сдѣлать что-нибудь пріятное лично императору Наполеону, это доставило бы ему истинное наслажденіе; что онъ чувствуетъ къ нему непритворную симпатію; что онъ имѣлъ возможность достойно оцѣнить его въ дни Тильзита и Эрфурта; что знаетъ, какъ завидна участь женщины, будущей супруги императора; что она найдетъ и семейное счастье и исполненіе самой смѣлой мечты. «Императора не знаютъ,—говорилъ онъ;—о немъ судятъ болѣе, чѣмъ строго, даже несправедливо; многіе считаютъ его безсердечнымъ. Я же, при болѣе близкомъ знакомствѣ съ нимъ, нашелъ въ немъ человѣка, не лишеннаго добродушія, въ глубинѣ души очень добраго, который искренно любитъ своихъ родныхъ и приближенныхъ»[1]). Далѣе онъ высказалъ, что даже въ вопросѣ: «не склоненъ ли онъ къ глубокой привязанности?» [2]) нѣтъ ничего страннаго.

Впрочемъ,—прибавлялъ Александръ,—посланникъ былъ бы неправъ, если бы приписалъ колебанія императрицы-матери личному ея предубѣжденію противъ Наполеона. Она вовсе не питаетъ къ нему антипатіи, какъ это многіе ей приписываютъ, и такъ какъ царь, видимо, стѣснялся высказаться вполнѣ по этому щекотливому вопросу, то Румянцевъ взялъ на себя эту задачу. Онъ передалъ Коленкуру слова императрицы, которыя должны

---

[1]) Донесеніе Коленкура императору № 72, 23 января 1810 г.

[2]) Id. Какъ разъ въ это время, въ разговорѣ съ княземъ Адамомъ Чарторижскимъ, Александръ набросалъ совсѣмъ иной портретъ Наполеона. „Это человѣкъ,—говорилъ онъ,—для котораго всѣ средства хороши, лишь бы онъ могъ достигнуть своей цѣли". Однако, отъ его собесѣдника не ускользнуло, что онъ, какъ-будто, не вполнѣ освободился отъ вліянія, которое Наполеонъ имѣлъ на него, что прежде всего онъ хотѣлъ жить въ ладу съ нимъ. „что онъ его очень боялся". Mémoires de Czartoryski, II, 223—225.

были обнадежить его. Она будто бы сказала: «Ошибаются насчетъ моего мнѣнія объ императорѣ Наполеонѣ. Какъ мать, я желала бы, чтобы мои сыновья были похожи на него, не только какъ на великаго полководца, но и какъ на государственнаго человѣка. Никто не управляетъ лучше его» [1]). Процессуальная сторона развода, въ томъ видѣ, какъ она была проведена въ Парижѣ, заслужила въ Гатчинѣ похвалу и одобреніе. Лица, вращающіяся въ кругу императрицы, слышали, что она высказывалась объ этомъ дѣлѣ въ справедливыхъ и корректныхъ выраженіяхъ.

Между тѣмъ, слухи о предполагаемомъ бракѣ начали распространяться. Первымъ поводомъ къ нимъ послужили нѣсколько фразъ императрицы-матери; затѣмъ въ разныхъ слояхъ общества были получены письма изъ Франціи, посланныя оттуда въ декабрѣ, т. е., въ то время, когда все говорило о принятомъ въ пользу Россіи рѣшеніи. Петербургъ, который былъ «эхо Парижа» [2]), но эхо, которое запаздывало на три или четыре недѣли, заключилъ изъ этихъ извѣстій, что предложеніе или уже сдѣлано, или придетъ въ самомъ непродолжительномъ времени, и что важное событіе виситъ въ воздухѣ. Разговоры объ этомъ шли и при дворѣ, и въ городѣ. Одни заговаривали объ этомъ съ самимъ Коленкуромъ, другіе же старались угадать тайну, которую онъ таилъ въ себѣ, по его лицу, по манерѣ держать себя. Въ высокоторжественные дни, когда онъ являлся для принесенія поздравленій императрицѣ-матери, которыя та принимала, окруженная своими младшими дѣтьми, взоры всѣхъ присутствующихъ съ любопытствомъ устремлялись на него, слѣдя за его малѣйшими движеніями. По глубинѣ его поклоновъ великой княжнѣ Аннѣ присутствующіе разсчитывали вывести заключеніе о степени его надеждъ, думали угадать, приходили ли переговоры къ концу или были временно пріостановлены [3]).

Въ общемъ, свѣтское общество не было противъ брака—таково было впечатлѣніе, вынесенное посланникомъ. Несмотря на упорное предубѣжденіе русскихъ противъ новой Франціи и ея главы, не были ли они польщены предпочтеніемъ, выпавшимъ на долю

---

[1]) Коленкуръ Шампаньи, 31 января 1810 г.

[2]) Коленкуръ Талейрану, предыдущее письмо отъ 6 февраля 1810 г.

[3]) Mémoires de la comtesse Edling, p. 49.

ихъ царствующаго дома, не умолкали ли ихъ политическія страсти предъ удовлетвореннымъ самолюбіемъ? Какъ бы тамъ ни было, но Коленкуръ утверждалъ, что императрица-мать, обратившаяся къ нѣкоторымъ лицамъ за совѣтомъ, получила отъ нихъ отвѣты, которые должны были расположить ее въ пользу проекта. Свѣтское общество не только не одобряло ея сопротивленія, но поощряло ее къ уступчивости, и даже заранѣе предсказывало ея рѣшеніе. Повсюду говорили о рѣшеніи въ утвердительномъ смыслѣ, и такое единодушное настроеніе, казалось, должно было повліять на государыню, очень чувствительную къ мнѣнію свѣта.

Но почему же она не уступала, когда всѣ упрашивали ее дать согласіе! На этотъ вопросъ, очень опредѣленно поставленный Коленкуромъ, императоръ Александръ отвѣтилъ слѣдующее: «Въ сущности, императрица ничего не имѣетъ противъ, но, по свойству своего характера, никакъ не можетъ рѣшиться... Словомъ, склонность къ проекту есть, но не хватаетъ рѣшимости, что зависитъ отъ недостатка характера, отъ слабости, присущей женщинамъ, которыя въ деликатномъ дѣлѣ выбора разсчитываютъ выйти изъ затрудненій, откладывая самый выборъ...» Казалось бы, достаточно было ея сыну сдѣлать еще одно послѣднее, энергичное усиліе, чтобы превратить это благопріятное настроеніе въ вполнѣ опредѣленное согласіе, вырвать то *да*, которое, какъ будто, само готово сорваться съ устъ императрицы. Александръ, котораго посланникъ умолялъ не откладывать этого усилія, обѣщалъ обратиться съ новыми и болѣе настойчивыми просьбами, но, въ то же время, повторялъ свои вѣчныя извиненія за свою медлительность. Онъ говорилъ, что не хочетъ неумѣстной поспѣшностью дать своей матери поводъ заподозрить, что Наполеонъ уже сдѣлалъ предложеніе. Коленкуръ выразилъ желаніе, чтобы Александръ не былъ такъ остороженъ и велъ переговоры энергичнѣе. Онъ просилъ его прямо сказать императрицѣ, что сдѣлано формальное предложеніе. На это Александръ отвѣтилъ, что онъ намѣренъ по возможности воздержаться отъ этого. «Такъ какъ онъ не былъ увѣренъ въ скромности своей матери, то необходимо было, чтобы, въ случаѣ неудачнаго исхода дѣла, тайна эта осталась при немъ». Впрочемъ, онъ продолжалъ предсказывать благопріятный исходъ, не проявляя большой энергіи въ дѣлѣ и не ускоряя его хода. Въ результатѣ,

когда Коленкуръ запечатывалъ свою вторую посылку, т. е., 21 января, вторая десятидневная отсрочка давнымъ-давно прошла, а посланникъ все еще ждалъ столько разъ просимаго отвѣта. Онъ высказывалъ надежду, что скоро получитъ его, думалъ, что онъ будетъ благопріятенъ, но, въ настоящее время, могъ сообщить только свои разговоры съ императоромъ Александромъ слова, приписываемыя императрицѣ-матери, ходившіе по Петербургу слухи—и обо всемъ этомъ слово-въ-слово доносилъ въ своихъ двухъ новыхъ депешахъ.

Эти бумаги, представленныя императору на другой день по ихъ прибытіи, окончательно выяснили ему дѣло и положили конецъ его колебаніямъ; онѣ нанесли смертельный ударъ его сомнѣніямъ. Въ словахъ Александра онъ увидалъ ясное доказательство уклончивыхъ намѣреній. Онъ думаетъ, что обѣщанный ему отвѣтъ или вовсе не придетъ или будетъ отрицательнымъ; во всякомъ случаѣ, чтобы повліять на его рѣшеніе, онъ будетъ слишкомъ позднимъ. Съ этихъ поръ онъ больше не колеблется. Усматривая въ отсрочкахъ только скрытое желаніе потѣшить его, только нежеланіе сразу же отвѣтить отказомъ, и думая, что этого болѣе чѣмъ достаточно, чтобы освободить его отъ его обязательствъ, онъ считаетъ, что можетъ безъ стѣсненія обратиться къ другой партіи, и, такимъ образомъ, превосходно отомстить Россіи за пренебрежительное къ нему отношеніе. Теперь съ неудержимой поспѣшностью хватается онъ за великолѣпный реваншъ, который предлагается ему изъ Вѣны. Во избѣжаніе непріятнаго впечатлѣнія отъ неудавшагося сватовства, онъ безъ подготовки приступаетъ къ другому браку. Всю ту страстность, весь пылъ, которые еще недавно влагалъ онъ въ стремленіе къ Россіи, влагаетъ онъ въ стремленіе въ противоположномъ направленіи. Онъ хочетъ, чтобы все было покончено съ Австріей въ двадцать четыре часа, и отказу изъ Петербурга, который онъ предчувствуетъ, который считаетъ неизбѣжнымъ и настолько близкимъ, что вотъ-вотъ онъ появится, спѣшитъ противопоставить свое отреченіе, которое должно разнестись повсюду еще до полученія отказа Россіи.

6-го утромъ онъ прочелъ депеши Коленкура. Въ тотъ же день, послѣ полудня, онъ приказалъ разыскать австрійскаго посланника. Шварценберга въ этотъ день не было въ Парижѣ:

онъ былъ приглашенъ на охоту. Тамъ-то и дошло до него «первое слово» [1]). Его предупредили, чтобы онъ вернулся въ свой отель и ждалъ важнаго сообщенія. Въ шесть часовъ вечера къ нему пріѣхалъ принцъ Евгеній, и въ немногихъ словахъ объявилъ, что императоръ остановилъ свой выборъ на эрцгерцогинѣ и готовъ жениться на ней, но при одномъ условіи: чтобы все было кончено сейчасъ же, и чтобы брачный договоръ былъ подписанъ не далѣе, какъ черезъ нѣсколько часовъ; что всякая отсрочка будетъ разсматриваться, какъ отказъ, и императоръ обратится съ предложеніемъ въ другое мѣсто.

Это сообщеніе вызвало въ Шварценбергѣ цѣлый рядъ противорѣчивыхъ чувствъ. Онъ очень обрадовался при мысли, что представляется неожиданный случай покончить съ несчастіями Австріи, т. е., обезпечить ея существованіе и поправить ея дѣла; но немедленное и безповоротное обязательство, котораго отъ него требовали, налагало на него крайне серьезную отвѣтственность. Его дворъ разрѣшилъ ему не уклоняться отъ предложеній и дать надежду на согласіе; но ему и въ голову не приходило, чтобы Наполеонъ потребовалъ отъ посланника письменнаго обязательства безотлагательно, не дожидаясь, пока тотъ получитъ новыя приказанія, и потому онъ не позаботился снабдить его соотвѣтствующими полномочіями. Посланнику дано было право на все, исключая права подписать брачный договоръ. «Никогда еще, разсказывалъ потомъ Евгеній, посланникъ не былъ въ болѣе жестокомъ положеніи. Я видѣлъ, какъ онъ волновался, какъ потъ крупными каплями выступалъ на его лицѣ, какія усилія онъ употреблялъ, чтобы въ возможно-деликатной формѣ выставить ни къ чему не ведущія возраженія» [2]). Понявъ, наконецъ, что для его карьеры наступилъ критическій моментъ, Шварценбергъ рѣшилъ, что существуютъ моменты, когда и осторожный дипломатъ долженъ быть готовымъ поплатиться за иниціативу, взять на себя отвѣтственность за принятое рѣшеніе и поставить на карту свое будущее. Онъ объявилъ, что согласенъ подписать брачный договоръ.

Евгеній поспѣшилъ съ этимъ отвѣтомъ въ Тюльери, гдѣ съ

[1]) Изъ письма герцога Дальберга.
[2]) Mémoires de la comtesse Edling, p. 193, по разсказу принца Евгенія.

величайшимъ нетерпѣніемъ ждалъ его императоръ «Какъ только я произнесъ *да*,—разсказывалъ принцъ [1]),—радость этого великаго человѣка выразилась въ такой дикой, въ такой сумасшедшей формѣ, что я остолбенѣлъ». Про эту сцену Евгеній разсказалъ въ 1814 г., въ Вѣнѣ, во время конгресса, графинѣ Эдлингъ, другу Каподистрія, горячей поклонницѣ Александра, Эгеріей *) котораго она считала себя одно время. Если принять во вниманіе тогдашнее положеніе обоихъ собесѣдниковъ и мѣсто и время ихъ встрѣчи, то позволительно думать, что этотъ разсказъ былъ выдуманъ или переданъ въ преувеличенномъ видѣ, не особенно лестномъ для падшаго героя. Тѣмъ не менѣе, мы охотно допускаемъ, что императоръ былъ чрезвычайно доволенъ. Такой исходъ устраивалъ и его лично, и былъ въ интересахъ его политики. Бракъ съ дочерью Габсбурговъ поднималъ его на болѣе высокую ступень и почти узаконялъ въ глазахъ Европы; кромѣ того, съ этихъ поръ онъ могъ не бояться послѣдствій недоброжелательства Россіи.

Не теряя времени, въ тотъ же самый вечеръ, онъ вторично собралъ чрезвычайный совѣтъ, того же состава, какъ и девять дней тому назадъ. Слѣдовало, чтобы дѣло имѣло такой видъ, какъ будто бы выборъ эрцгерцогини, въ дѣйствительности уже состоявшійся, исходилъ отъ этого внушительнаго совѣщанія. Впрочемъ, для Наполеона это скорѣе было способомъ всенародно объявить о выборѣ, чѣмъ дѣлать его предметомъ новыхъ преній: онъ хотѣлъ только дать свое заключеніе. Тотчасъ же разсылаются приглашенія, во всѣ стороны летятъ эстафеты, и въ теченіе вечера снова съѣзжаются въ Тюльери: «голландскій король, итальянскій вице-король, кардиналъ Фешъ, высочайшія особы, министры, предсѣдатели Сената и Законодательнаго Корпуса» [2]).

Собраніе подъ предсѣдательствомъ императора открылось очень поздно. Казалось бы, что это засѣданіе, столь спѣшно созванное, происходившее при свѣчахъ, въ ночной тиши, въ то время, когда вокругъ ярко освѣщеннаго дворца замерли послѣдніе звуки уснувшаго города, пріобрѣтало, благодаря позднему часу и необычайнымъ обстоятельствамъ, еще болѣе таинствен-

---

[1]) Id., p. 194.

*) Эгерія—нимфа, богиня-вдохновительница. (Прим. пер.)

[2]) Шампаньи Коленкуру, 8 февраля 1810 г.

ное значеніе. А, между тѣмъ, даже для непосвященныхъ не было уже почвы для серьезнаго обсужденія вопроса. Слухи о принятомъ утромъ рѣшеніи быстро распространились по городу; въ теченіе цѣлаго дня объ этомъ только и говорили во всѣхъ слояхъ общества, во всѣхъ салонахъ. Министры, а, въ особенности, ихъ жены, не стѣсняясь, разсказывали о знаменательномъ событіи; всюду предусматривались самыя ничтожныя послѣдствія, обсуждались даже подарки, указывались лица, которыя будутъ удостоены австрійскими орденами и «драгоцѣнными табакерками» [1]). Члены совѣта, не посвященные непосредственно въ тайну, были предупреждены тѣмъ или инымъ путемъ и знали, что ихъ роль ограничится одобреніемъ заранѣе рѣшеннаго выбора.

Къ тому же, и вопросъ былъ поставленъ такъ, что отвѣтъ на него былъ подсказанъ, или, лучше сказать, предписанъ заранѣе. Шампаньи прочелъ цѣликомъ четыре депеши Коленкура, не дѣлая уже тайны изъ переписки, изъ которой видно было, что въ Петербургѣ не было оказано императору должнаго вниманія. Во время чтенія присутствующіе внимательно наблюдали за императоромъ, стараясь прочесть на его лицѣ его мысли. Они ясно понимали, «что у него не было ни желанія, ни возможности ждать того дня, когда императрица-мать соблаговолитъ дать согласіе» [2]) При такихъ условіяхъ послѣдніе сторонники великой княжны принуждены были смолкнуть. Кое-кто изъ лицъ съ независимымъ положеніемъ рискнули высказать робкое пожеланіе въ пользу Саксоніи, всѣхъ же остальныхъ вдругъ обуялъ безграничный энтузіазмъ къ Австріи. Достаточно было, чтобы императоръ отвернулся отъ Россіи, чтобы всѣ поднялись противъ нея. Каждый хотѣлъ вставить свое слово, каждый старался найти новый доводъ, прибавить лишнюю причину къ тому, что было сказано, чтобы объяснить рѣшенное уже устраненіе Россіи. Прежде всего, сослались на возрастъ великой княжны, который далъ поводъ для серьезныхъ возраженій. Затѣмъ темой для безконечныхъ пересудъ послужилъ вопросъ о религіи. Требованіе поселить въ Тюльери иновѣрнаго священника было сочтено неумѣстнымъ, шокирующимъ, «подразумѣвающимъ извѣстное его превосходство, чѣмъ нація была бы оскорблена» [3]). Потомъ было высказано, что, кромѣ этого

---

[1]) Предыдущее письмо герцога Дальберга.
[2]) Ernouf, стр. 276, по запискамъ Марè.
[3]) Шампаньи Коленкуру, 8 февраля 1810 г.

непріемлемаго условія, развѣ различіе религіи не составляетъ само-по-себѣ непреодолимаго препятствія? «Подруга жизни императора, государыня Франціи, исповѣдовала бы вѣру, чуждую не только ея супругу, но и всѣмъ ея подданнымъ» [1]). Она исполняла бы на глазахъ своихъ подданныхъ невѣдомый имъ культъ узкаго формализма, загроможденный мелочными обрядностями; она совершала бы обряды покаянія, которые Франціи не извѣстны, и понять которыхъ французы не въ состояніи. Она, можетъ быть, занесла бы къ намъ не только свою вѣру, но и свое суевѣріе. У нея были бы свои отдѣльные праздники, другой календарь, что ставило бы ее въ постоянное противорѣчіе съ французами; она не присутствовала бы на религіозныхъ торжествахъ, столь дорогихъ нашей націи и такъ глубоко проникшихъ въ наши нравы; ея постъ совпадалъ бы съ днями нашего веселья; она веселилась бы, когда всѣ вокругъ нея переживали бы дни покаянія. Говорилось, «какъ неприлично было бы видѣть, что императрица предается удовольствіямъ масляницы въ то время, когда та окончилась бы для всей Франціи, и что она не раздѣляетъ съ императоромъ торжества перваго дня новаго года!..» [2]) Эти и многія другія возраженія въ такомъ же родѣ затянули собраніе до поздней ночи. Когда пренія были исчерпаны, Наполеонъ объявилъ свое рѣшеніе, закрылъ засѣданіе, собранное исключительно для того, чтобы поговорить при торжественной обстановкѣ и составить протоколъ, и предоставилъ въ достаточной степени подготовленной молвѣ разносить эту важную новость по всѣмъ частямъ города, имперіи и далеко за предѣлами Франціи.

Когда разъѣхались члены совѣта, когда въ Тюльери на мѣстѣ блестящаго собранія водворяется тишина и безмолвіе, императоръ не отдыхаетъ и не даетъ отдыха министру иностранныхъ дѣлъ. Обезпечивъ за собой съ чисто-военной быстротой эрцгерцогиню, онъ долженъ подумать о томъ, какъ держаться по отношенію къ Россіи. Какъ ни былъ онъ уязвленъ поведеніемъ Россіи, онъ все-таки думалъ, что австрійскій бракъ не могъ служить поводомъ къ политическому разрыву съ ней, а тѣмъ болѣе къ союзу съ Вѣной въ полномъ смыслѣ этого сло-

---

[1]) Шампаньи Коленкуру, 8 февраля 1810 г.

[2]) Id.

ва. Въ этомъ бракѣ онъ видѣлъ только средство расширить, а не измѣнить свою систему; онъ хотѣлъ улучшить свои отношенія къ Австріи, обезпечить спокойствіе въ Германіи и въ то же время поддерживать съ сѣвернымъ дворомъ, правда, не дѣятельный, но для всѣхъ очевидный союзъ. Обезопасивъ себя со стороны обѣихъ великихъ державъ континента: Россіи—подобіемъ союза, Австріи—семейными узами, онъ былъ бы въ состояніи обратиться со всѣми своими силами противъ Англіи. Вотъ какъ, на первый взглядъ, представлялось ему будущее. Мы видимъ, что желаніемъ его было, насколько возможно, насколько позволялъ ему горькій осадокъ, таившійся въ его душѣ, поддерживать съ Россіей добрыя отношенія, а тѣмъ болѣе избѣгнуть ссоры.

Мы знаемъ, что Наполеонъ судилъ о чувствахъ русскаго двора только по подозрѣніямъ, что онъ не получилъ еще опредѣленнаго отвѣта на предложеніе, связывавшее его извѣстными обязательствами. Понятно, что онъ задавался мыслью, какъ отнесется Александръ, который все время даетъ чувствовать, что усердно работаетъ въ пользу проекта, къ тому факту, что императоръ французовъ взялъ свое предложеніе обратно, не подождавъ опредѣленнаго отвѣта? Не усмотритъ ли онъ въ этомъ поступкѣ недостатокъ вниманія, обязательнаго между высочайшими союзниками и друзьями? А главное,—не будетъ ли онъ пораженъ тѣмъ, что, для того, чтобы занять мѣсто Россіи, Австрія явилась безъ особаго приглашенія, по собственной иниціативѣ, и при томъ въ столь строго опредѣленное время, что императору не пришлось ждать ни одного дня, ни одного часа? Не выведетъ ли онъ отсюда заключенія, что Наполеонъ велъ переговоры въ двухъ мѣстахъ, что онъ одновременно дѣлалъ предложеніе обѣимъ сторонамъ, съ цѣлью выбрать ту партію, которая, по зрѣломъ размышленіи, будетъ для него болѣе удобной, нисколько не заботясь о другомъ дворѣ, о его чести и достоинствѣ, столь беззастѣнчиво выставленныхъ на поруганіе?

Чтобы предупредить такой взглядъ, Наполеонъ думаетъ представить царю оба дѣла—отреченіе отъ русскаго брака и соглашеніе съ Австріей, которыя въ дѣйствительности шли одновременно—какъ событія, слѣдующія одно за другимъ. Онъ постарается раздѣлить на два періода слишкомъ бурное проявленіе своей воли. Путемъ умѣло распредѣленныхъ сообщеній, онъ сначала дастъ понять Александру, что смущенъ прибывшими

изъ Петербурга извѣстіями, что пораженъ создавшимися препятствіями къ браку; что, можетъ быть, помимо своей воли, долженъ будетъ отказаться отъ проекта. Послѣ этого онъ сдѣлаетъ паузу, переждетъ нѣкоторое время; затѣмъ сообщитъ, что, лишенный возможности выполнить самое завѣтное, самое дорогое свое желаніе, онъ вынужденъ былъ обратиться къ Австріи и подписать съ нею брачный договоръ.

Этотъ планъ пришелъ ему въ голову послѣ полудня, когда онъ поручилъ Евгенію вырвать согласіе у Шварценберга. Онъ тогда же отправилъ къ Шампаньи набросокъ депеши къ Коленкуру, которая должна была имѣть характеръ сообщенія, написаннаго до принятія окончательнаго рѣшенія, и въ которой слѣдовало только намекнуть на возможность отказа отъ проекта брака съ великой княжной. Министръ долженъ усиленно подчеркнуть обстоятельства первостепенной важности, которыя затрудняютъ осуществленіе этого проекта: возрастъ великой княжны, неувѣренность относительно ея физическаго развитія. Затѣмъ онъ долженъ указать на непріятное впечатлѣніе, произведенное требованіями Россіи по вопросу о религіи, на то, что общественное мнѣніе требуетъ отъ императора безотлагательнаго рѣшенія; но наиболѣе тщательно долженъ онъ установить то положеніе, что задержки въ отвѣтѣ возвращаютъ намъ полную свободу [1]). Императоръ приказалъ, чтобы это предварительное сообщеніе, въ которомъ онъ вѣжливо откланивался, было отправлено тотчасъ же и, во всякомъ случаѣ, «до шести часовъ» [2]). Послѣ совѣта онъ тотчасъ же вспомнилъ о спѣшной депешѣ. Ему пришло въ голову, не забылъ ли Шампаньи въ хлопотахъ и волненіяхъ этого дня предписанія о неотложной ея отсылкѣ. Отсюда слѣдующее напоминаніе, адресованное министру: «Герцогъ Кадорскій, прежде чѣмъ вы ляжете спать, прошу васъ отправить депешу въ Россію въ томъ смыслѣ, какъ я вамъ писалъ. Не говорите ничего о сегодняшнемъ вечернемъ засѣданіи» [3]). Завтра вечеромъ, думаетъ онъ, министръ можетъ извѣстить Россію о выборѣ «австріячки» [4]), сопрово-

[1]) Corresp., 16210.
[2]) Id.
[3]) Id., 16211.
[4]) Id.

ждая это увѣдомленіе подходящими объясненіями. Изъ предосторожности первая депеша будетъ помѣчена заднимъ числомъ, вторая—болѣе позднимъ, чѣмъ она была дѣйствительно написана. Все это дѣлается съ цѣлью увеличить видимый промежутокъ между двумя отправками и вѣрнѣе скрыть необычайную быстроту совершившейся перемѣны.

Принявъ мѣры по отношенію къ Россіи, Наполеонъ возвращается къ Австріи. Не теряя ни минуты, онъ хочетъ использовать усердіе Шварценберга. Онъ не допускаетъ и мысли, чтобы наступающій день миновалъ, не завершившись составленіемъ и подписью брачнаго контракта. Несмотря на поздній часъ, Шампаньи получаетъ приказаніе написать Шварценбергу коротенькую записку съ приглашеніемъ пріѣхать въ министерство на слѣдующій день къ двѣнадцати часамъ пополудни. Ночь въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ заканчивается справками въ государственныхъ архивахъ и въ поискахъ за реликвіей печальнаго прошлаго: разыскиваютъ брачный контрактъ Людовика XVI съ Маріей-Антуанеттой, который можно взять за образецъ. Какъ только наступило утро, Шампаньи съ отысканнымъ документомъ въ рукахъ отправляется на утренній пріемъ Его Величества. Наполеонъ одобряетъ выраженія контракта и приказываетъ воспользоваться ими при составленіи новаго, но, по возможности, упростивъ ихъ. У министра хватаетъ времени только на то, чтобы прямо изъ Тюльери отправиться на свиданіе съ австрійскимъ посланникомъ [1].

Шварценбергъ является въ назначенный часъ. Сіяя счастьемъ, онъ покоряется волѣ небесъ и ставитъ свою подпись на предъявленномъ ему актѣ, которому предстоитъ немедленно отправиться въ Вѣну на утвержденіе Его Апостолическаго Величества. Глубоко взволнованному, ошеломленному такимъ быстрымъ ходомъ событій, растерявшемуся до такой степени, что, выставляя число на своихъ отправкахъ, онъ ошибается мѣсяцемъ, Шварценбергу остается только приложить къ акту депеши и письма, въ которыхъ онъ въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ будетъ извиняться въ томъ, что выдалъ замужъ дочь своего государя, не имѣя на то точныхъ полномочій [2]. Въ то время,

[1]) Шампаньи Коленкуру, 8 февраля и 17 марта 1810 г.

[2]) Документъ, опубликованный Helfert'омъ, стр. 354 и 358.

когда все приходило уже къ концу, у подъѣзда министерства иностранныхъ дѣлъ остановилась тяжелая, роскошная карета князя Куракина. Несмотря на жестокія боли, онъ съ величайшимъ трудомъ поднялся въ министерство. Заболѣвъ за два дня до описываемыхъ событій подагрическимъ приступомъ, онъ сидѣлъ дома, не желая ничего знать, и, только понукаемый своимъ правительствомъ, требовавшимъ свѣдѣній по вопросу, который особенно озабочивалъ Россію, онъ пріѣхалъ узнать, въ какомъ положеніи находится дѣло о польской конвенціи, и утвердилъ ли ее императоръ. Онъ не былъ принятъ, принужденъ былъ изложить свое дѣло письменно, и то, что его—больного человѣка—не приняли и, безъ всякаго стѣсненія, отослали домой въ ту самую минуту, когда французы и австрійцы горячо поздравляли другъ друга, еще нагляднѣе подчеркивало, что нашей дружбѣ дано другое направленіе [1]).

Того же 7-го числа Наполеонъ принялъ всѣ зависящія отъ него мѣры, чтобы Австрія могла безъ задержки выполнить свое обѣщаніе—выдать за него Марію-Луизу. Онъ обсудилъ, какъ нужно дѣйствовать, чтобы бракосочетаніе по уполномочію, путешествіе и передача эрцгерцогини совершились какъ можно скорѣе. Его разсчеты были таковы: контрактъ долженъ прибыть въ Вѣну 13-го, слѣдовательно, утвержденіе его можетъ сдѣлаться извѣстнымъ въ Парижѣ 21-го. Князь Невшательскій, назначенный чрезвычайнымъ посланникомъ съ тѣмъ, чтобы оффиціально просить руки Маріи-Луизы, уѣдетъ 22-го и, путешествуя на курьерскихъ, прибудетъ къ мѣсту назначенія черезъ шесть или семь дней. Бракъ по уполномочію состоится 2 марта. «Принцесса проведетъ послѣдніе дни карнавала въ Вѣнѣ и от-

[1]) Куракинъ Шампаньи, среда 7 февраля, въ пять часовъ. „Вотъ уже третій день, какъ я страдаю отъ припадка подагры въ правомъ колѣнѣ. Боль, которую я испытываю, не дала мнѣ спать эту ночь и не позволяетъ ходить. Однако, собравъ послѣднія силы, я приказалъ отнести себя въ карету и былъ у Вашего Превосходительства... Къ несчастью, я не засталъ васъ дома.... Смѣю васъ просить отвѣтить мнѣ, утвердилъ ли Его Величество конвенцію, которую его посланникъ въ Петербургѣ только-что заключилъ съ графомъ Румянцевымъ по дѣламъ прежней Польши, или же Его Императорское и Королевское Величество держитъ ее еще у себя и не сдѣлалъ распоряженій по этому вопросу. Эта конвенція настолько интересуетъ императора, моего повелителя, что я считаю своимъ долгомъ довести до его свѣдѣнія все, что имѣетъ отношеніе къ ея утвержденію..." Archives des affaires étrangères, Russie, 1810.

будетъ 7-го, въ первый день Великаго поста. Все должно быть устроено такъ, чтобы она могла прибыть въ Парижъ около 26-го» [1]). Императоръ входитъ въ мельчайшія подробности, приказываетъ достать въ Вѣнѣ для образца «башмакъ и платье эрцгерцогини», чтобы немедленно приступить къ изготовленію приданаго. Завѣдываніе этимъ дѣломъ поручается принцессѣ Полинѣ. Затѣмъ онъ опредѣляетъ имущественную часть императрицы и назначаетъ составъ ея двора [2]). Къ вечеру онъ уже все установилъ, все распредѣлилъ, все обдумалъ,—такъ чтобы рѣшенный наканунѣ бракъ сдѣлался совершившимся фактомъ не позднѣе шести недѣль, и только одно дѣло откладываетъ онъ на слѣдующій день—приказать навести въ Вѣнѣ справки, касающіяся избранной имъ принцессы. Къ счастью, нашъ вновь назначенный представитель въ Австріи, графъ Отто, какъ предусмотрительный человѣкъ, по собственной иниціативѣ, взялъ на себя трудъ удовлетворить вполнѣ возможное любопытство императора. Прибывъ къ мѣсту назначенія 25 января, Отто поспѣшилъ представиться эрцгерцогинѣ, и въ тотъ самый часъ, когда Наполеонъ, не имѣя о ней никакого представленія, избралъ ее супругой, тотъ на всякій случай отправилъ необходимыя свѣдѣнія о ея наружности, воспитаніи и способностяхъ къ изящнымъ искусствамъ. «Я засталъ ее одну съ гувернанткой,—писалъ онъ,—но, тѣмъ не менѣе, одѣтой очень нарядно. Принцессѣ восемнадцать лѣтъ; она большого роста и хорошо сложена; осанка ея благородна, лицо пріятное, съ кроткимъ, привѣтливымъ и внушающимъ довѣріе выраженіемъ. Повидимому, ей дано тщательное образованіе: она поетъ, очень хорошо играетъ на фортепіано, пишетъ масляными красками. Я направилъ разговоръ на искусства. Она говорила о нихъ очень умно, но—что особенно важно—съ той скромностью, которая служитъ украшеніемъ юности» [3]).

Когда отъ Австріи ничего не оставалось болѣе желать, т. е., 7-го вечеромъ, оказалось, что двадцать четыре часа съ отправки перваго курьера въ Россію уже прошло. Можно было отправить второго съ увѣдомленіемъ объ австрійскомъ бракѣ.

---

[1]) Corresp., 16218.

[2]) Шампаньи Отту, 7 и 8 февраля 1810 г. Archives des affaires étrangères, Vienne, 1810.

[3]) Отто Шампаньи, 6 февраля 1810 г. Archives des affaires étrangères.

Письмо Шампаньи Коленкуру, умышленно помѣченное не тѣмъ числомъ, заканчиваетъ серію замѣчательныхъ событій, совершившихся въ дни 6 и 7 февраля, послѣдствія которыхъ должны были такъ сильно отозваться на будущемъ [1]).

По заведенному порядку, Шампаньи пишетъ по указаніямъ и почти подъ диктовку императора. Цѣль письма—объяснить Россіи, избѣгая всего, что могло бы оскорбить ее, какъ случилось, что пришли къ рѣшенію воздержаться отъ брака съ великой княжной и сдѣлать предложеніе въ другомъ мѣстѣ. Какъ видимъ, письмо вызвано желаніемъ не раздражать Россіи, примирить ее съ совершившимся фактомъ; но таковъ уже характеръ Наполеона, и такъ живо въ немъ чувство оскорбленной гордости, что на каждомъ шагу, сквозь мягкія, успокоительныя фразы письма проглядываетъ досада, горечь и желаніе уколоть.

Коленкуръ долженъ указать на причины, изложенныя вкратцѣ въ предшествующей депешѣ, но придать имъ болѣе широкій характеръ. Прежде всего, не нужно скрывать, что медлительность Россіи плохо отвѣчала нетерпѣнію французовъ и ихъ государя; но слѣдуетъ приписать эти задержки только императрицѣ-матери. Затѣмъ Коленкуръ долженъ указать,—какъ на существенное препятствіе,—на возрастъ великой княжны, и на невозможность допустить въ Тюльери иновѣрнаго священника; онъ долженъ дать понять силу и значеніе возраженій, сдѣланныхъ по этому поводу въ совѣтѣ, и прикрыться мнѣніемъ самыхъ выдающихся людей Франціи. Вообще, сообщеніе должно имѣть отпечатокъ откровенности и непринужденности, но необходимо придать ему, насколько возможно, вѣжливую и мягкую форму. Вотъ, по словамъ Шампаньи, случай использовать ту неразрывную дружбу, тѣ обаятельныя отношенія, которыя вполнѣ заслуженно упрочили положеніе посланника при дворѣ, при которомъ онъ аккредитованъ. Нужно высказать все, но сдѣлать это въ самой любезной формѣ. Пусть укажетъ онъ на провинности Россіи, но такъ, чтобы Александръ всегда оста-

[1]) См. Приложеніе I, буква Д. Пользуясь частью документальными данными, частью подробнѣйшими мемуарами, мы, какъ намъ думается, получили возможность возстановить—часъ за часомъ— все, что дѣлалось за эти два рѣшительныхъ дня и представить событія въ ихъ послѣдовательности.

вался въ сторонѣ и не чувствовалъ себя лично задѣтымъ. Хорошо выразить сожалѣніе о несостоявшемся дѣлѣ, но не возбраняется дать почувствовать, что, если у Россіи въ настоящее время нѣтъ уже великой княжны, которая отвѣчала бы желаніямъ Франціи, то въ этомъ не наша вина, и здѣсь вполнѣ умѣстно намекнуть на прошлое поведеніе императрицы-матери. «Какъ сожалѣлъ императоръ, что поторопились выдать замужъ великую княжну Екатерину за принца, который не могъ дать ни ей подобающаго высокаго положенія, ни принести пользы Россіи!».

Главное—неустанно слѣдуетъ повторять, что бракъ съ Маріей-Луизой нисколько не измѣнитъ установившихся отношеній съ царемъ, что система Тильзита остается въ полной силѣ, свято и нерушимо, что политическій бракъ между Франціей и Россіей будетъ существовать по-прежнему. Въ инструкціи этотъ пунктъ подчеркивается въ такихъ преувеличенныхъ выраженіяхъ, что уже этимъ однимъ ослабляется ихъ цѣнность. «Въ результатѣ,—говорится въ ней,—бракъ съ эрцгерцогиней ничего не измѣнитъ въ политикѣ. Вы уполномочены дать по этому поводу самыя положительныя увѣренія. Мы склонны думать, что онъ придастъ еще бо́льшую силу нашему союзу съ Россіей; онъ дастъ лишній поводъ стараться укрѣпить его, и, можетъ быть, къ этимъ политическимъ узамъ присоединятся впослѣдствіи и семейныя, при заключеніи которыхъ не возникнутъ тѣ затрудненія, какія встрѣтились въ настоящемъ случаѣ».

Послѣ предписанія, что́ и какъ слѣдуетъ говорить, въ письмѣ даются лично для герцога Виченцы нѣкоторыя цѣнныя конфиденціальныя свѣдѣнія, ибо, по мнѣнію Наполеона, они освѣтятъ герцогу истинныя причины австрійскаго брака и дадутъ возможность предугадать его послѣдствія. Тутъ императоръ высказывается вполнѣ откровенно. Онъ не скрываетъ отъ посланника, что, что бы онъ ни приказывалъ сказать императору Александру, онъ, по справедливости, считаетъ себя въ правѣ жаловаться на него. Онъ говоритъ, что не былъ бы оскорбленъ откровенно высказаннымъ отказомъ, тѣмъ болѣе, что таковой могъ опираться на уважительныя причины; но ему непонятно, зачѣмъ, вмѣсто того, чтобы дать опредѣленный отвѣтъ на вопросъ, поставленный съ полнымъ довѣріемъ, царь прибѣгъ къ уверткамъ и окольнымъ путямъ; что его огорчилъ и разсердилъ не самый

фактъ отказа, а употребленный пріемъ. Герцогъ Кадорскій писалъ Коленкуру: «На-дѣлѣ же—говорю это только для вашего свѣдѣнія,—императоръ полагаетъ, что имѣетъ основаніе жаловаться на императора Александра,—не за отказъ, а за задержки,—за тѣ отсрочки, изъ-за которыхъ потеряно столько драгоцѣннаго времени, а время слѣдовало цѣнить даже и въ томъ случаѣ, если бы дѣло шло только о томъ, чтобы положить конецъ теперешней однообразной семейной жизни Его Величества, не говоря уже объ исполненіи завѣтнаго желанія милліоновъ людей и о ихъ спокойствіи за будущее. При такихъ условіяхъ, изъ вниманія къ императору, должны были отвѣтить ему въ тридцать шесть часовъ, или, по крайней мѣрѣ, въ два дня, каковой срокъ и былъ указанъ въ моемъ первомъ письмѣ». Вообще, причиной, обусловившей австрійскій бракъ, слѣдуетъ признать то, что Россія не дала отвѣта въ надлежащій срокъ, что и пришлось объяснить ея желаніемъ только тянуть дѣло. Несмотря на побочныя причины, которыя могли ослабить предпочтеніе, которое сперва отдавалось русскому браку, онъ былъ бы уже свершившимся фактомъ, если бы въ Петербургѣ отнеслись доброжелательно. Въ инструкціи это говорится слово въ-слово и затѣмъ прибавлено: «Россія не воспользовалась очень важнымъ для нея случаемъ; не императора вина въ томъ». Тѣмъ не менѣе, императоръ не хотѣлъ, чтобы русскіе думали, что имъ удалось провести его своими ухищреніями; поэтому въ заключеніе онъ приглашаетъ посланника дать имъ почувствовать съ подобающими предосторожностями, что императоръ въ совершенствѣ понялъ, къ чему клонились эти постоянно повторяющіяся отсрочки. «Сдѣлайте, пишетъ Шампаньи, ваши сообщенія въ мягкихъ, сдержанныхъ и осторожныхъ, съ соотвѣтствующими увѣреніями, выраженіяхъ,—ихъ не будутъ оспаривать. Устраните все, что могло бы оскорбить, но дайте почувствовать, что просьбы о слѣдующихъ одна за другой десятидневныхъ отсрочкахъ, затѣмъ разговоры о 20 дняхъ, а потомъ и полное прекращеніе разговора о срокѣ отвѣта, «должны были пріобрѣсти видъ уклончиваго и двусмысленнаго поведенія, что и понудило къ извѣстному рѣшенію».

III.

ОТКАЗЪ РОССИИ.

Можно ли сказать, что, истолковывая нерѣшительность Россіи въ смыслѣ отрицательнаго отвѣта, усматривая въ этомъ только подготовительный фазисъ отказа, Наполеонъ судилъ правильно? Подтвердится ли это дальнѣйшимъ ходомъ событій или окажется, что онъ заблуждался? Пришедшее вскорѣ донесеніе Коленкура устранило на этотъ счетъ всякія сомнѣнія. Курьеры съ депешами, отправленные изъ Парижа 6 и 7 февраля, встрѣтились на пути съ третьимъ курьеромъ, посланнымъ герцогомъ Виченцы. Онъ везъ отвѣтъ Россіи; то былъ отказъ.

Въ продолженіе долгихъ пятнадцати дней посланникъ былъ въ неизвѣстности: вмѣсто исполненія просьбы, онъ слышалъ только слова ободренія. Каждый разъ, когда можно было приблизиться къ царю и говорить съ нимъ, царь увѣрялъ его въ горячемъ сочувствіи къ проекту, говорилъ о своихъ надеждахъ, о своихъ усиліяхъ, достойныхъ всякой похвалы. «Императоръ Наполеонъ—говорилъ онъ герцогу—можетъ разсчитывать, что я, какъ и вы, служу ему всѣмъ сердцемъ, всей душой» [1]). Но при этомъ онъ признавался, что еще не добился опредѣленнаго отвѣта. Когда же прошелъ весь январь, и посланникъ, теряя терпѣніе, въ достаточно-опредѣленной формѣ обратился съ просьбой не оставлять его въ невѣдѣніи, Александръ обѣщалъ дать неукоснительно и въ кратчайшій срокъ рѣшительный отвѣтъ своей матери въ томъ или иномъ смыслѣ. 4 февраля онъ сообщилъ Коленкуру отвѣтъ. По его словамъ, императрица рѣшилась. Она высказала, что не прочь согласиться на бракъ, но, принимая во вниманіе слишкомъ юный возрастъ своей дочери, не ранѣе, какъ черезъ два года. Такой отвѣтъ былъ равносиленъ отказу. И въ самомъ дѣлѣ сказать жениху, которому настоятельно необходимо жениться, что ему только черезъ два года дадутъ предметъ его желаній, не значило ли вѣжливо отказать? Императоръ Александръ такъ и объяснилъ рѣшеніе матери, т. е., какъ отказъ; при чемъ, передавая его Коленкуру, счелъ долгомъ высказать свой личный неутѣшительный взглядъ. Онъ выразилъ же-

[1]) Коленкуръ Шампаньи, 31 января 1810 г.

ланіе, чтобы покончили съ этимъ дѣломъ и не трудились дѣлать попытокъ, отнынѣ безполезныхъ. Онъ постарался закончить разговоръ банальными увѣреніями, тѣми общепринятыми выраженіями сожалѣнія, которыми въ подобныхъ случаяхъ обставляется отказъ и которыя указываютъ на желаніе покончить съ дѣломъ разъ навсегда.

Отъ 5 февраля посланникъ писалъ: «Императоръ настойчиво потребовалъ отвѣта. Имѣю честь дать Вашему Превосходительству отчетъ въ томъ, что онъ сказалъ мнѣ 4 февраля. По мнѣнію императрицы-матери, единственное препятствіе къ браку— возрастъ. Печальный примѣръ ея двухъ старшихъ дочерей сдѣлалъ то, что она не можетъ согласиться на бракъ ранѣе двухъ лѣтъ. Великая княжна Анна, по примѣру ея сестеръ Маріи Екатерины, не можетъ выйти замужъ раньше восемнадцати лѣтъ. Императрицѣ нравится идея этого брака, прибавилъ императоръ, но никакіе доводы не могли убѣдить ее отрѣшиться отъ страха подвергнуть опасности жизнь дочери, выдавая ее замужъ слишкомъ рано. Императоръ Александръ добавилъ, что императрицѣ, да и вообще никому, не извѣстно, что мысль о бракѣ исходила отъ императора Наполеона; что онъ, согласно своему обѣщанію, дѣйствовалъ отъ своего имени, и, видя, что нельзя измѣнить рѣшенія матери, онъ не пошелъ дальше, ибо ни императоръ Наполеонъ, ни самъ онъ не созданы, чтобы принимать что-либо изъ милости; что ради сохраненія достоинства обоихъ Императоровъ не слѣдуетъ настаивать на дѣлѣ, которому, можетъ быть, пожелали бы придать значеніе благодѣянія, тогда какъ, если бы и было благодѣяніе, то только для юной особы. Привожу Вашему Превосходительству собственныя слова Императора. Онъ сказалъ, что союзъ и дружба были искренними и сердечными и безъ этого; онъ надѣется, что неудавшееся дѣло ничего не измѣнитъ; для него лично не нужно никакой новой связи, чтобы быть преданнымъ Его Величеству; онъ сожалѣетъ, что это дѣло не устроилось въ желаемомъ направленіи и какъ онъ самъ того желалъ, ибо бракъ болѣе всего доказалъ бы Англіи, что союзъ нерасторжимъ и что миръ въ Европѣ не можетъ быть нарушенъ. Онъ прибавилъ еще, что Его Величество, вѣроятно, торопится, да и долженъ торопиться; ибо, объявивъ Европѣ, что желаетъ имѣть дѣтей, онъ не можетъ и не долженъ откладывать дѣла; онъ сожалѣетъ,

что можетъ предложить ему только пожеланія счастья; въ виду же того, что не можетъ дать ему въ залогъ своей дружбы одну изъ своихъ сестеръ, онъ будетъ воспитывать своихъ братьевъ въ духѣ союза и въ сознаніи общихъ интересовъ обоихъ государствъ».

Несмотря на полученный въ вѣжливой формѣ отказъ, Коленкуръ не считалъ себя побѣжденнымъ. Онъ вернулся къ своему порученію, умолялъ Александра поговорить еще разъ съ императрицей, упросить ее обдумать хорошенько свое рѣшеніе, попробовать вынудить ея согласіе. «Подогрѣвая—по его выраженію—на всѣ лады» [1], онъ началъ приводить одинъ за другимъ всѣ уже извѣстные намъ доводы и напрягалъ всѣ силы своего ума, чтобы отыскать новые. Увѣренный въ уваженіи и привязанности монарха, онъ заговорилъ съ нимъ даже черезчуръ рѣзко, не отступая ни передъ какимъ средствомъ возбудить его энергію и убѣдить снова взяться за дѣло. Онъ старался затронуть его самолюбіе, дошелъ до того, что стыдилъ царя, что тотъ былъ въ такомъ послушаніи у своей матери. При этомъ происходили любопытныя сцены, во время которыхъ царь даже не защищался и выслушивалъ нападки посланника съ кроткимъ терпѣніемъ.

Само собой разумѣется, говорилъ посланникъ, что русскій императоръ желаетъ брака—Александръ въ знакъ согласія кивнулъ головой. Онъ хочетъ брака потому, что «это дѣло выгодно для Россіи, что оно успокоитъ Европу, устрашитъ Англію, наконецъ, потому, что оно нравится его народу и отвѣчаетъ чувствамъ, съ какими онъ самъ относится къ императору французовъ». Итакъ! отчего же у него не хватаетъ характера приказать и показать, наконецъ, что онъ хозяинъ въ своемъ домѣ! Императоръ всегда говоритъ, что, не переставая быть почтительнымъ сыномъ, онъ особенно ревниво оберегаетъ свободу своихъ рѣшеній въ дѣлахъ политики и внутренняго управленія. Развѣ бракъ не подлежалъ бы рѣшенію верховнаго главы государства въ томъ случаѣ, если бы изъ-за этого могъ возникнуть вопросъ о войнѣ и мирѣ? «Вѣдь, ваша мать не можетъ заставить васъ объявить войну?—Конечно, нѣтъ.—Слѣдовательно, можетъ ли она помѣшать вамъ скрѣпить величайшій

---

[1]) Коленкуръ Шампаньи, 18 февраля 1810 г.

и полезнѣйшій изъ когда-либо существовавшихъ союзовъ? Если это—дѣло политики, дѣло полезное, даже выгодное, можете ли вы, какъ государь, поставить на одну доску неудовольствіе вашей матери, которое продержится, можетъ быть, сорокъ восемь часовъ, и благо міра? Развѣ существуетъ такая власть надъ Вашимъ Величествомъ, которая можетъ помѣшать вамъ сдѣлать то, что повело бы къ всеобщему миру, что составило бы краеугольный камень союза и доставило бы счастье вашему союзнику? Надо думать, что императрица—сила, гораздо болѣе грозная и могучая, чѣмъ Францiя и Россія, вмѣстѣ взятыя, если предъ ея капризами склоняются интересы той и другой!»

Эти замѣчанія, видимо, ставили Александра въ неловкое положеніе, смущали его, но не могли побудить его перемѣнить тонъ съ матерью. «По его лицу видно, что онъ думаетъ такъ же, какъ и я, писалъ Коленкуръ, но его мать внушаетъ ему страхъ». Царь старался оправдать ея слабости. «Если бы императоръ Наполеонъ, говорилъ онъ, заранѣе подготовилъ это дѣло и далъ больше времени, все было бы иначе». По его словамъ, поднятый императрицей вопросъ о вліяніи ранняго брака на здоровье, ея вполнѣ естественныя опасенія за дорогую ей жизнь, даютъ ей особую силу. Какъ сынъ, онъ можетъ бороться съ ея предубѣжденіями, но развѣ въ правѣ онъ разбить ея сердце? Александръ продолжалъ: «Что могу я, въ моемъ положеніи, сказать моей матери, оплакивающей двухъ дочерей, которыхъ она потеряла только потому, что онѣ слишкомъ юными были выданы замужъ?» Онъ то жаловался, то раздражался. «Конечно, моя сестра была бы болѣе чѣмъ счастлива. Можно ли сравнивать такую судьбу съ чѣмъ бы то ни было, съ какой-нибудь изъ тѣхъ глупыхъ партій, какія сдѣлали ея сестры?»

Подъ конецъ разговора, съ особой энергіей напирая на то, что, «какъ русскій и какъ государь», онъ отлично сознаетъ всѣ выгоды этого дѣла, онъ просилъ посланника не настаивать болѣе. Растроганнымъ и почти торжественнымъ тономъ, путаясь въ словахъ, но, тѣмъ не менѣе, въ имѣющей вполнѣ опредѣленный смыслъ фразѣ, которую онъ постарался выставить, какъ проявленіе своего исключительнаго къ нему довѣрія, онъ вкратцѣ повторилъ о невозможности и безцѣльности новой попытки. «Принимая во вниманіе, сказалъ онъ, возрастъ моей сестры и упорный характеръ моей матери—повторяю, что говорю вамъ это съ полнымъ со-

знаніемъ того, къ чему обязываютъ меня достоинство и величіе трона, къ чему обязываютъ меня, сверхъ того, довѣріе и дружба императора Наполеона; говорю вамъ все это съ той откровенностью, съ какой я всегда бесѣдую съ вами, потому что смотрю на васъ, какъ на друга, имѣющаго слишкомъ много такта, чтобы не придать моей откровенности того значенія, какое долженъ имѣть въ донесеніяхъ конфиденціальный разговоръ государя,—итакъ, повторяю, что, принимая во вниманіе помѣху въ возрастѣ, я думаю, что обращаться въ настоящее время къ моей матери съ просьбой измѣнить ея рѣшеніе значило бы унижать императора и меня».

На этотъ разъ посланнику пришлось склониться и прекратить свои настоянія. Онъ сообщилъ въ Парижъ, что до новыхъ приказаній воздержится «отъ активной дѣятельности». Онъ признавалъ себя побѣжденнымъ, считалъ дѣло проиграннымъ, извинялся въ безуспѣшномъ исходѣ порученнаго ему дѣла и просилъ милостиваго снисхожденія своего государя. «Конечно, говорилъ онъ, когда не удается такое важное дѣло, чувствуешь себя виноватымъ, но, по совѣсти говоря, не было возможности сдѣлать бóльшаго».

Итакъ, проницательность Наполеона не обманула его. Еще за два дня до того, какъ онъ самъ отказался отъ русскаго брака, тотъ уже ускользнулъ отъ него. У него не было выбора между двумя принцессами. Еще до того, какъ онъ сказалъ, что останавливаетъ свой выборъ на дочери императора Франца, онъ былъ уже лишенъ возможности жениться на сестрѣ Александра. Болѣе продолжительное ожиданіе только опредѣленнѣе выяснило бы ему неизбѣжность того брака, къ которому его привела его прозорливость; такъ или иначе уклончивость Россіи должна была имѣть результатомъ австрійскій бракъ.

Зависѣлъ ли отказъ исключительно отъ императрицы, одержавшей верхъ только благодаря безхарактерности своего сына? Былъ ли царь искрененъ, выражая свои чувства и сожалѣнія? Желалъ ли онъ брака и дѣйствительно ли ему было тяжело преклониться предъ нежеланіемъ и тревогами матери? Или же мать и сынъ вели игру заодно? Не легко съ положительностью отвѣтить на этотъ вопросъ. Чтенія и сравненія документовъ не всегда достаточно, чтобы дать историку то второе зрѣніе, которое позволяетъ читать въ душѣ человѣка и открывать сокро-

венныя причины его поступковъ. Тѣмъ не менѣе, въ настоящемъ случаѣ есть нѣкоторыя данныя для рѣшенія этой задачи. Въ послѣдній періодъ переговоровъ Коленкуръ постарался проникнуть въ тайну совѣщаній, происходившихъ въ Гатчинѣ, и навелъ справки о позиціяхъ, занятыхъ царемъ и матерью въ этомъ вопросѣ. Полученныя имъ свѣдѣнія, которыя подтверждаются и изъ другихъ источниковъ, даютъ возможность разобраться въ мнѣніяхъ, высказываемыхъ сыномъ и матерью, которые хотя и спорили, но въ результатѣ пришли къ полному единенію.

Императрица была противъ брака не только въ силу своихъ предразсудковъ; главную роль играли не материнскія тревоги, не тѣ тысяча возраженій, которыя присущи осторожной и богобоязненной государынѣ,—помимо всего этого она ссылалась на аргументы государственнаго значенія. Съ поразительной проницательностью указала она на вѣчно слабый пунктъ наполеоновской политики въ его сношеніяхъ съ Россіей; она доказывала, что предложенія и уступки императора французовъ всегда совпадаютъ съ просьбой о какой-нибудь услугѣ. «Императоръ Наполеонъ, сказала она, поддерживаетъ добрыя отношенія съ Россіей не потому, чтобы это лежало въ основѣ его политики, не изъ чувства симпатіи къ ней, а только потому, что ему временно нужно ея содѣйствіе. Настоящій союзъ—дѣло случайное и служитъ только для того, чтобы парализовать Сѣверъ, пока покоряется Югъ». По ея мнѣнію, если бы Наполеонъ хотѣлъ упрочить бракомъ свою политическую систему, онъ подготовилъ бы событія съ подобающимъ вниманіемъ, цѣлымъ рядомъ соотвѣтствующихъ поступковъ, а не дѣйствовалъ бы подъ вліяніемъ минуты. «Онъ не причинялъ бы императору Александру огорченій по вопросу о полякахъ. Дружескія рѣчи явились только вмѣстѣ съ разводомъ; о своихъ чувствахъ къ Россіи громко заговорили только тогда, когда состоялся разводъ». Искренни ли теперешнія увѣренія Наполеона? Не опровергаются ли они нѣкоторыми тайными поступками, указывающими на его крайнее двуличіе? [1]) Если бы еще можно было надѣяться вліять на него,

---

[1]) По одному разсказу того времени, Mémoires du comte Oginski II, 378—79, въ то самое время, какъ Наполеонъ всенародно отвергалъ въ отчетѣ Законодательнаго Корпуса всякую мысль о возстановленіи Польши, онъ будто бы потихоньку черезъ Дюрока увѣдомилъ поляковъ въ Парижѣ, чтобы они не понимали его словъ въ буквальномъ смыслѣ. Мы нигдѣ не

благодаря браку съ великой княжной, и такимъ образомъ держать его въ рукахъ! Но великая княжна Анна не способна имѣть вліяніе на подобнаго мужа. «Это—женщина кроткая, чрезвычайно добрая, отличающаяся своими добродѣтелями, но не умомъ; у нея не такой характеръ, какъ у ея сестры Екатерины, которая, и вдали отъ своихъ, и даже при характерѣ императора Наполеона, все-таки сумѣла бы до извѣстной степени обезпечить за собой счастье или, по крайней мѣрѣ, подобающее съ его стороны вниманіе и которая могла бы имѣть нѣкоторое вліяніе. Эта же не сумѣетъ доставить ни счастья себѣ, ни пользы Россіи. Она будетъ только покорной и добродѣтельной женой и, пожалуй, скоро надоѣстъ» [1]). Однимъ словомъ, по мнѣнію Маріи Өеодоровны, соглашаясь на столь нежданно явившееся желаніе Бонапарта, русскій императорскій домъ безъ пользы пожертвовалъ бы своимъ достоинствомъ, судьбой одного изъ членовъ своей семьи и необдуманно скомпрометировалъ бы себя неравнымъ бракомъ

Есть основаніе думать, что императрица вовсе не желала воспользоваться своимъ правомъ *veto*, какъ это угодно было приписывать ей въ разговорахъ съ Коленкуромъ царю. Она рѣзко и горячо высказывала свои мнѣнія, приводила свои возраженія, но не намѣрена была вступать въ открытую борьбу съ сыномъ, который былъ ея государемъ. Она заранѣе преклонялась предъ его рѣшеніемъ и признавала за нимъ право рѣшить дѣло. Собранныя по этому вопросу Коленкуромъ свѣдѣнія вполнѣ согласны; подобныя же указанія были получены иными путями и самимъ Наполеономъ [2]). Одно слово Александра рѣшило бы

нашли этого факта, впрочемъ, вполнѣ соотвѣтствовавшаго двойной игрѣ, которую Наполеонъ находилъ нужнымъ вести между Петербургомъ и Варшавой. Какъ бы тамъ ни было, но слухъ объ этомъ дошелъ до Александра и произвелъ на него чрезвычайно непріятное впечатлѣніе. Cf. Mémoires de Czartoryski, II, 223.

[1]) Коленкуръ Шампаньи, 18 февраля 1810 г.

[2]) Выписка изъ донесенія парижской полиціи: „На прошлой недѣлѣ въ четвергъ на столѣ князя (Куракина) видѣли довольно важную бумагу. Это случилось въ одинъ изъ припадковъ его довольно тяжкой дремоты. Удалось прочесть только первую страницу. Это была копія съ письма императрицы-матери къ ея сыну императору Александру. Вотъ ея содержаніе: „Сынъ мой, вы—государь и, благодаря нашему образу правленія, неограниченный повелитель вашего народа и вашей семьи. Вы можете располагать судьбой

все и не вызвало бы въ императорской семьѣ глубокаго разлада. Если это слово не было произнесено, если императоръ Александръ уговаривалъ свою мать только для соблюденія формы, такъ это потому, что онъ вполнѣ сочувствовалъ представленнымъ ею доводамъ и по многимъ вопросамъ думалъ такъ же, какъ и она. Онъ не рѣшался принять отказъ на свою отвѣтственность, но, предвидя возраженія, которыя будутъ сдѣланы въ Гатчинѣ, признавая ихъ справедливость, былъ счастливъ, что оказалась возможность отказать по обстоятельствамъ, которымъ онъ могъ придать характеръ не зависящихъ отъ его воли.

Словомъ, у вдовствующей императрицы были другія причины, а не вытекавшее изъ династической гордости и тайныхъ опасеній упрямство, равно какъ и у царя были тоже иныя причины, а не боязнь оскорбить свою мать и вызвать семейный разладъ. Оба повиновались внушеніямъ высшаго порядка, и дѣло исторіи выяснить этотъ вопросъ. Въ Петербургѣ Марія Ѳеодоровна воплощала въ себѣ духъ коалиціи; она олицетворяла стремленія аристократической и монархической Европы,—той Европы, которая, думая сначала найти въ революціи средство расчленить Францію, разсчитывая утолить свою вѣковую противъ нея злобу, съ ужасомъ увидѣла, что Франція выступила въ роли завоевательницы, что она всюду перешла свои границы и готова была ринуться на нее самое. Тогда, въ виду угрожающей опасности, Европа стала думать о собственной защитѣ. Она пришла къ сознанію о необходимости противопоставить непобѣдимому узурпатору солидарность древнихъ монархій, рѣшила ревниво охранять отъ его вліянія законныя династіи и на ненависти и страхѣ къ завоевателю построила свои руководящія начала. Въ Тильзитѣ Александръ на нѣкоторое время ускользнулъ изъ-подъ вліянія Европы или, по крайней мѣрѣ, думалъ, что освободился отъ него. Съ тѣхъ поръ безцеремонность и коварство наполеоновской политики, затѣмъ собственныя ошибки царя, страстное и неудовлетворенное ожиданіе рѣшенія восточнаго вопроса въ 1808 г., непріятности и огорченія 1809 г., затѣмъ роковой

вашей сестры, даже вашей матери. Какъ подданная, я буду молчать, но, какъ мать, я буду говорить вамъ о моей дочери, вашей сестрѣ, и о томъ рѣшеніи, которое хотятъ заставить васъ принять по этому поводу, и т. д." 8 февраля 1810 г. Archives nationales, AF, IV, 3722.

ходъ событій, возродившійся антагонизмъ интересовъ,—все это снова незамѣтно навело его на другіе пути, и въ настоящее время онъ былъ черезчуръ близокъ къ нашимъ врагамъ, чтобы возобновить въ болѣе компрометирующей формѣ договоръ 1807 г. Въ 1807 г. онъ, вѣроятно, пошелъ бы на семейный союзъ. Въ 1810 г. онъ явно не отвергнулъ его, но воспользовался своей матерью, чтобы отклонить. Такимъ образомъ, между императрицей и ея сыномъ создалось соглашеніе, быть можетъ, и молчаливое, въ силу котораго они подѣлили между собой роли. Императрица взяла на себя отвѣтственность за отказъ, тогда какъ молодой государь медовыми рѣчами смягчалъ непреклонность принятаго рѣшенія. Александръ желалъ сохранить на время оттѣнокъ дружбы и союза, ибо видѣлъ въ этомъ средство закрѣпить плохо упроченныя завоеванія, обезпечить за собой нѣкоторую безопасность и отдалить грозную опасность конфликта. Но онъ не хотѣлъ уже связывать себя съ человѣкомъ, судьба котораго была и грозна, и непрочна; съ человѣкомъ, окончательная побѣда и упроченное положеніе котораго означали бы паденіе старой Европы. При такомъ настроеніи русскій дворъ могъ еще входить съ Наполеономъ во временныя сдѣлки, могъ терпѣть изъ-за него нѣкоторыя неудобства, но не связывать себя съ нимъ узами брака. Если Австрія пошла навстрѣчу нашимъ желаніямъ, то только потому, что ужасъ ея положенія позволялъ ей видѣть только ближайшую опасность настоящей минуты. Находясь непосредственно подъ ударомъ завоевателя, завися отъ вспышки его гнѣва, она видѣла въ бракѣ единственное средство спасенія. Она принесла свою принцессу въ жертву, чтобы умилостивить бога зла и тѣмъ отвратить отъ себя громовой ударъ. На свой поступокъ она смотрѣла, какъ на подвигъ, совершенный подъ давленіемъ роковой необходимости, и искала семейнаго союза, потому что отлично сознавала, что, въ противномъ случаѣ, онъ будетъ предписанъ ей. Россія же, менѣе стѣсненная, менѣе потерпѣвшая отъ военныхъ неудачъ, болѣе свободная въ своихъ рѣшеніяхъ, неизбѣжно должна была отказаться отъ брака.

IV.

ОТКЛОНЕНІЕ ДОГОВОРА О ПОЛЬШѢ.

Положеніе, занятое въ концѣ-концовъ Россіей въ вопросѣ о бракѣ, опровергаетъ общепринятое объясненіе, которое давалось ея проволочкамъ. До послѣдняго времени, по недостатку точныхъ свѣдѣній, писали, и неоднократно, что императоръ Александръ, не отказываясь въ принципѣ отъ брака, хотѣлъ сдѣлать изъ своего согласія вознагражденіе за крупныя политическія выгоды; что, откладывая отвѣтъ, заставляя себя просить, онъ не имѣлъ иной цѣли, какъ только повліять на рѣшеніе своего союзника и въ обмѣнъ на великую княжну немедленно же получить утвержденіе заключеннаго противъ Польши акта; что царь охотно уступилъ бы, если бы Франція удовлетворила его желаніе, и что онъ ставилъ свое собственное рѣшеніе въ зависимость отъ принятаго въ Парижѣ [1]). Его послѣдніе разговоры съ Коленкуромъ, происходившіе въ то время, когда фактически нельзя было знать, утвержденъ ли договоръ, не допускаютъ уже этой гипотезы. Если бы императоръ Александръ ставилъ въ тѣсную связь эти два вопроса—о Польшѣ и о бракѣ—онъ подождалъ бы, пока Наполеонъ утвердитъ договоръ, и потомъ уже самъ рѣшилъ бы вопросъ о бракѣ. Не удовлетворяя сразу же нашихъ желаній, онъ до достиженія своей цѣли поддерживалъ бы въ насъ надежду и преждевременно не разочаровывалъ бы. Онъ задержалъ бы переговоры, тянулъ бы ихъ, но не прервалъ. Въ дѣйствительности же, дѣло обстояло иначе. Встревоженный и оскорбленный выгодами, предоставленными Варшавскому герцогству, онъ считалъ себя въ правѣ разсчитывать на гарантію, которая, удовлетворивъ его за обиду, исправила бы и созданное Вѣнскимъ миромъ положеніе. Между услугой, которой просили у него, и обязательствомъ, котораго онъ самъ требовалъ, онъ не допускалъ того характера вознагражденія, той тѣсной связи, какую, несомнѣнно, хотѣлъ установить Наполеонъ.

Если что и можно допустить, такъ это то, что Александръ, принимая на первыхъ порахъ радушно и даже сердечно предложеніе, но прося времени для того, чтобы уговорить свою мать и давая Коленкуру надежду на благопріятный исходъ черезъ двѣ-

[1]) Thiers, XI, 359—361, 374. Helfert, 86.

три недѣли, надѣялся, что Наполеонъ, руководствуясь этими первыми признаками, довѣрчиво и тотчасъ же, не получивъ еще предмета своихъ желаній, утвердитъ договоръ. 4 февраля, когда царь, подъ видомъ отсрочки на два года, замаскировалъ отказъ, онъ могъ предполагать, что императоръ, въ рукахъ котораго договоръ долженъ былъ находиться уже въ теченіе нѣсколькихъ дней, подписалъ и отправилъ его въ Россію и не былъ бы уже въ силахъ вернуть его обратно. Если бы произошелъ такой казусъ, Россія одна получила бы всю выгоду отъ переговоровъ о бракѣ и конвенціи. Сумѣвъ заставить заплатить себѣ впередъ, она достигла бы удивительнаго результата—получила бы желаемое, ничего не давая сама; выманила бы утвержденіе договора, не отдавая великой княжны [1]).

Допуская, что у Александра могъ быть этотъ тонкій разсчетъ, онъ и въ этотъ разъ разсчиталъ, не принявъ во вниманіе проницательности Наполеона. Мы уже видѣли, что, когда вмѣстѣ съ текстомъ договора до Наполеона дошли и первыя слова царя по поводу брака, слова любезныя, но мало говорящія, первымъ его дѣломъ было отложить на время договоръ, т. е., дѣло, которое онъ ставилъ въ непосредственную связь съ бракомъ; онъ не подписалъ конвенціи. Впрочемъ, содержаніе договора, само по себѣ, казалось ему трудно совмѣстимымъ съ его достоинствомъ При первомъ взглядѣ на статьи, слѣдующая—написанная красной строкой, вѣщая, какъ слова прорицателя—фраза: «Польша никогда не будетъ возстановлена», обратила на себя его вниманіе и возмутила его. Къ чему такая безпримѣрная формула? Дабы не наносить ущерба безопасности Александра, онъ охотно откажется отъ содѣйствія возстановленію Польши. Но развѣ можно требовать, чтобы онъ поручился за весь міръ и отстаивалъ безопасность Россіи противъ цѣлаго міра; чтобы онъ принялъ на себя роль дѣятельнаго и охраняющаго русскихъ Провидѣнія, занятаго только тѣмъ, чтобы устранять отъ нихъ всѣ опасности въ будущемъ? А именно къ этому обязывалъ его заключенный договоръ. Онъ пожелалъ узнать, уполномочивали ли Коленкура

---

[1]) Русскій издатель Мемуаровъ графини Эдлингъ приписываетъ царю честь такой тактики. „Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, — говоритъ онъ, Александръ водилъ Наполеона за носъ“, для того, чтобы заставить его „подписать чрезвычайно выгодный для Россіи договоръ“. Замѣтка на страницѣ 193.

идти такъ далеко данныя ему инструкціи, которыхъ онъ самъ не имѣлъ времени просмотрѣть во время ихъ спѣшной отправки. Онъ приказалъ отыскать черновой набросокъ и потребовалъ отъ Шампаньи обстоятельнаго доклада [1]). Съ этихъ поръ ему точно кто нашептываетъ не утверждать договора. Поэтому онъ ничего не рѣшаетъ и ждетъ, чтобы лучше выяснились намѣренія Россіи по вопросу о бракѣ. Между тѣмъ какъ Александръ старается разъединить оба вопроса, Наполеонъ все время ставитъ ихъ въ зависимость одинъ отъ другого.

Когда, десять дней спустя, просмотрѣвъ вновь полученныя бумаги, онъ понялъ, что Россія готовится его сплавить, и когда вслѣдствіе этого онъ быстро повернулъ дѣло съ Австріей, его первой заботой было заняться договоромъ. Безотлагательно, въ тотъ же день 6 февраля, несмотря на дѣла, требовавшія особеннаго его вниманія, онъ приступилъ къ его просмотру. Теперь онъ уже не колеблется; онъ не считаетъ нужнымъ сдерживать свое возмущеніе противъ отвлеченной и оскорбительной формулы. Онъ рѣшаетъ, что не дастъ крайне компрометирующаго обязательства тому, кто ничего не хочетъ сдѣлать для него. Въ угоду положительно не стоющей довѣрія Россіи, онъ не можетъ жертвовать Польшей, ибо на Польшу-то онъ всегда можетъ разсчитывать въ борьбѣ съ Россіей. Вслѣдствіе этого онъ рѣшаетъ не утверждать акта въ томъ видѣ, въ какомъ посланникъ преподноситъ ему для подписи.

Однако, думаетъ онъ, простое немотивированное отклоненіе было бы дѣломъ слишкомъ серьезнымъ. Извѣщеніе объ этомъ, дойдя до Петербурга вмѣстѣ съ извѣстіями объ австрійскомъ бракѣ, можетъ глубоко взволновать и даже напугать Россію, можетъ заставить ее повѣрить въ полное его отреченіе отъ тильзитской системы и бросить ее въ объятія нашихъ враговъ. Подавивъ въ себѣ чувство оскорбленной гордости, руководствуясь только политикой, которая требовала еще союза съ Россіей, Наполеонъ остановился на пріемѣ, который могъ бы удовлетворить обѣ стороны, и первая мысль о которомъ пришла ему на умъ въ минуту полученія договора [2]).

---

[1]) Corresp., 16177. Донесеніе находится въ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ, Россія, 1810 г.

[2]) Донесеніе Шампаньи.

Да! Онъ не откажется безусловно дать свою подпись. Онъ дастъ ее и отправитъ подписанный актъ въ Петербургъ, но приложитъ руку къ акту, нѣсколько отличающемуся отъ присланнаго. Другими словами, замѣнитъ предлагаемый ему договоръ, который считаетъ непріемлемымъ, другимъ, тождественнымъ по содержанію, но исправленнымъ по формѣ, и отправитъ его уже утвержденнымъ. Благодаря такому пріему, удовлетвореніе Россіи, совмѣстимое съ достоинствомъ и интересами Франціи, нисколько не запоздаетъ. Александръ желаетъ возможно скорѣе имѣть форменную бумагу, въ которой Наполеонъ обязуется, поскольку отъ него зависитъ, не стремиться къ возстановленію Польши—во французскомъ изложеніи договора требуемое увѣреніе будетъ выражено вполнѣ опредѣленно. Достаточно будетъ царю утвердить этотъ, уже утвержденный императоромъ французовъ, актъ, для того, чтобы договоръ между обоими государями немедленно вступилъ въ силу, чтобы онъ сдѣлался совершившимся фактомъ, чтобы Наполеонъ былъ связанъ и Россія успокоена. Наполеонъ тотчасъ же приказываетъ Шампаньи составить проектъ акта, при чемъ въ пространномъ письмѣ энергично указываетъ ему на причины, требующія болѣе приличной редакціи.

«Герцогъ Кадорскій, пишетъ онъ, представьте мнѣ проектъ договора, которымъ долженъ быть замѣненъ актъ, присланный герцогомъ Виченцы. Сообщите ему, что я не могу одобрить этого договора, такъ какъ въ немъ отсутствуетъ достоинство, и есть вещи, на которыя онъ не былъ уполномоченъ. Я не могу сказать, что *Польское королевство никогда не будетъ возстановлено* (ст. I-ая), ибо этимъ было бы сказано, что если когда-нибудь литовцы (Lithuaniens) или вообще кто бы то ни было, вздумаютъ возстановить его, я буду обязанъ послать войска, чтобы воспротивиться этому. Это не отвѣчаетъ моему достоинству. Моя цѣль успокоить Россію, а для достиженія этого достаточно статьи, составленной въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Императоръ Наполеонъ обязуется никогда не оказывать ни содѣйствія, ни защиты какому-либо государству или внутреннему возстанію или чему бы то ни было, что могло бы способствовать возстановленію Польскаго королевства»[1]).

---

[1]) Corresp. 16178.

Остальныя статьи тоже должны быть передѣланы въ соотвѣтственномъ смыслѣ. Вездѣ, гдѣ посланникъ обѣщалъ наше вмѣшательство, министръ долженъ говорить о нашемъ неучастіи. Напримѣръ, 2-ая статья русскаго проекта обязывала договаривающіяся стороны наблюдать за тѣмъ, чтобы впредь слова «Польша» и «поляки» никѣмъ не были употребляемы. «Смѣшное и нелѣпое обязательство!» [1]) воскликнулъ императоръ. Недостаетъ только чтобы императоръ французовъ предписалъ всѣмъ правительствамъ принять перифразу для обозначенія Польши и навязалъ имъ особый словарь; чтобы онъ ополчился войной противъ одного слова. Все, что онъ можетъ обѣщать—это, что впредь самъ онъ не будетъ употреблять выраженій, которыя не нравятся. Трактующая объ этомъ статья должна быть замѣнена слѣдующей: «Императоръ Наполеонъ обязуется никогда, ни въ одномъ государственномъ актѣ, въ какомъ бы родѣ онъ ни былъ, не пользоваться словами Польша и полякъ для обозначенія тѣхъ странъ, которыя составляютъ часть прежней Польши».

Затѣмъ, достоинство саксонскаго короля, отъ имени котораго договаривается Наполеонъ, не было достаточно принято во вниманіе. Такъ, 3-ей статьей грубо предписывается упраздненіе польскихъ орденовъ, присвоенныхъ велико-герцогской коронѣ. Это постановленіе могло бы быть истолковано, какъ запрещеніе королю Фридриху-Августу носить знаки отличія, которыми онъ привыкъ украшать свою грудь. Нужно ограничиться заявленіемъ объ упраздненіи орденовъ путемъ погашенія, запрещая всякую новую раздачу. Наконецъ, справедливость требуетъ установить полную взаимность обязательствъ и не позволять ни Россіи, ни Саксоніи расширяться за счетъ земель, которыя принадлежали бывшему королевству.

Контръ-проектъ, составленный согласно этимъ указаніямъ, былъ отосланъ Коленкуру 10 февраля. Не прошло и сорока восьми часовъ послѣ его отправки, какъ Наполеонъ, продолжая обдумывать договоръ, пришелъ къ убѣжденію, что нужно прибавить еще одно ограниченіе и, сверхъ того, замѣтилъ одно упущеніе, которое необходимо было исправить. Онъ не отмѣняетъ уступки, сдѣланной Россіи въ той формѣ, которую считаетъ пріемлемой, но эта уступка тяготитъ его душу.

[1]) Id.

Въ особенности, онъ не можетъ допустить, чтобы она была использована во вредъ ему въ Варшавѣ, среди народа, который, по мѣрѣ того, какъ отдаляется отъ него Россія, пріобрѣтаетъ для него бо́льшее значеніе. 12-го онъ приказываетъ отправить посланнику *post-scriptum* дополнительное сообщеніе. Само собой разумѣется, не такъ ли? — говорится въ немъ — что договоръ останется втайнѣ, что ни одна изъ сторонъ не будетъ имѣть права его обнародовать. Только при этомъ условіи Коленкуръ долженъ будетъ выдать актъ [1]). Таковъ смысль *post-scriptum*'а. Такимъ образомъ, никто не будетъ въ состояніи доказать варшавянамъ, съ документомъ въ рукахъ, что императоръ сдѣлалъ изъ нихъ и ихъ будущаго предметъ купли-продажи и никто не сможетъ лишить его ихъ преданности и сдѣлать его чуждымъ Польшѣ. Онъ не желаетъ, чтобы у него преждевременно сломали въ рукахъ то оружіе, которымъ ему, быть можетъ, придется воспользоваться противъ Россіи, если она сдѣлается его врагомъ.

Эти предосторожности не мѣшали ему заботливо и при всякомъ удобномъ случаѣ пользоваться прежнимъ языкомъ союза. Онъ счелъ своимъ долгомъ дать петербургскому кабинету непосредственное объясненіе по поводу причинъ, которыя привели его къ рѣшенію измѣнить договоръ. 12 февраля Шампаньи написалъ по этому поводу Румянцеву. При этомъ ему представился случай заговорить о бракѣ съ Маріей-Луизой. Онъ еще настойчивѣе повторилъ свои предыду́щія заявленія и высказалъ, какъ непреложную истину, что Наполеонъ остается непоколебимо вѣрнымъ Россіи, что, вступая въ бракъ съ эрцгерцогиней, онъ не женится на Австріи. Министръ пространно излагалъ мотивы, которые должны были убѣдить въ неизмѣнности нашей политики. «Императоръ,—говоритъ онъ, — дорожитъ императоромъ Александромъ въ силу привязанности, въ силу политическихъ принциповъ, изъ убѣжденія въ благотворное вліяніе союза на всю Европу. Его Величеству угодно было, чтобы при семъ случаѣ я подробно ознакомилъ васъ съ его намѣреніями и желаніями: всѣ они направлены къ тому, чтобы всегда оставаться другомъ и союзникомъ императора Александра» [2]).

[1]) Corresp., 16178. Cf. письмо Шампаньи къ Коленкуру отъ 12 февраля 1810 г.

[2]) Archives des affaires étrangères, Russie, 150.

Несмотря на столь блестящія фразы и превосходящія всякую мѣру увѣренія, странно было думать, что австрійскій бракъ и отказъ утвердить договоръ,—событія, непосредственно слѣдовавшія одно за другимъ,—не вызовутъ въ отношеніяхъ между Франціей и Россіей глубокаго разстройства. Каждое изъ этихъ событій, взятое въ отдѣльности, не уничтожая окончательно добрыхъ отношеній, способно было ихъ испортить. Совпаденіе же ихъ придавало имъ непоправимо-важное значеніе. Явившись одновременно на свѣтъ съ промежуткомъ только въ нѣсколько часовъ, они, соединясь, дали удвоенную массу, благодаря чему возросло и ихъ значеніе.

Съ государями случается то же, что и съ частными лицами. Всякая неудавшаяся попытка связать себя кровными узами неизбѣжно оставляетъ послѣ себя чувство оскорбленнаго самолюбія и ставитъ въ фальшивое положеніе союзъ, который, въ случаѣ успѣшнаго окончанія дѣла, должна была бы упрочить. Тщетно обмѣниваются они дружелюбными словами, тщетно сваливаютъ на обстоятельства вину неуспѣха—горечь проникла въ сердца, она ищетъ и даже изобрѣтаетъ обиды.

Въ настоящемъ случаѣ обидъ было болѣе, чѣмъ достаточно. Мы видѣли, до какой степени съ первой же минуты сватовства уклончивая игра Александра задѣвала за живое и злила императора. Послѣдніе отвѣты Россіи были не таковы, чтобы смягчить произведенное на него впечатлѣніе. Онъ просилъ царя сообщить рѣшеніе черезъ два дня. Александръ потребовалъ двадцать, а затянулъ на сорокъ, имѣя въ виду въ концѣ-концовъ совершенно уклониться отъ брака. Благодаря такому безспорно неоткровенному и неискренному поведенію, въ Наполеонѣ все болѣе крѣпло составленное имъ о характерѣ Александра мнѣніе; онъ считалъ себя вынужденнымъ быть на-сторожѣ, дабы не попасть въ западню вѣроломной политики. Съ другой стороны, если Россія и должна была приписать себѣ главную отвѣтственность за неуспѣхъ, если, въ концѣ-концовъ, только отъ нея одной зависѣло возвести на тронъ Франціи одну изъ своихъ великихъ княженъ, то слѣдуетъ замѣтить, что поведеніе Наполеона по отношенію къ ней не было корректнымъ въ послѣдніе дни переговоровъ. Несмотря на объяснительныя депеши и разныя ухищренія, никто въ Россіи не могъ отрѣшиться отъ слѣдующаго соображенія: если бы Александръ, получивъ отъ

Коленкура полномочіе передать формальное предложеніе, позволилъ себѣ серьезнѣе и энергичнѣе настаивать предъ своей матерью; если бы, послѣ продолжавшагося нѣсколько недѣль колебанія, императрица, вмѣсто отказа, выразила согласіе,—ея отвѣтъ все-таки получился бы тогда, когда дѣло съ австрійскимъ бракомъ было уже кончено. Въ какое же ложное и тяжелое положеніе поставило бы это событіе молодую великую княжну, ея семью, императорскій дворъ! Развѣ Наполеонъ не нарушилъ обязательныхъ правилъ приличія, отказавшись отъ брака съ великой княжной, не предупредивъ объ этомъ заблаговременно? Такимъ образомъ, случилось, что оба императора были другъ передъ другомъ виноваты; каждый считалъ себя въ правѣ высказывать справедливые упреки, и послѣдовавшее отсюда обоюдное раздраженіе наложило отпечатокъ горечи на ихъ отношенія и способствовало дальнѣйшему развитію зародыша разногласія, который уже внѣдрила между ними политика.

Мы не можемъ ручаться, что именно неудавшійся бракъ былъ причиной разрыва. Если, два съ половиной года спустя, Наполеонъ двинулъ по дорогѣ въ Москву соединенную подъ его начальствомъ Европу, то вовсе не потому, что русская императрица не пожелала имѣть его своимъ зятемъ. Причина къ разрыву существовала раньше: мы уже давно признали ее въ Польшѣ, на что и указывали много разъ. Но, въ то время, когда начались переговоры о бракѣ, политическій конфликтъ былъ на пути къ мирному разрѣшенію, такъ какъ Наполеонъ искренно и по доброму желанію соглашался на основы договора, на который Александръ указывалъ, какъ на единственный предметъ и какъ на предѣлъ своихъ желаній. Допуская даже, что императоръ, во всякомъ случаѣ, отвергъ бы необычную форму, въ какую Россія облекла этотъ договоръ, все-таки его поправки имѣли бы неизмѣримо меньшее значеніе, если бы состоялся семейный союзъ. Если бы это событіе, которое служило бы безспорнымъ и торжественнымъ доказательствомъ ихъ искренней дружбы, состоялось, оба государя продолжали бы вести переговоры въ духѣ согласія и, можетъ быть, среди сердечныхъ изліяній, которыми должно было сопровождаться бракосочетаніе и долженъ былъ ознаменоваться торжественный праздникъ союза, сама собой появилась бы на ихъ устахъ примирительная формула. Наоборотъ, недоброжелательное отношеніе, проявленное въ Россіи къ про-

екту о бракѣ, сдѣлаетъ Наполеона болѣе прямымъ, болѣе неуступчивымъ, придастъ его отвѣтамъ характеръ грубости; съ нескрываемой надменностью будетъ онъ подчеркивать свое несогласіе съ желаніями двора, не пожелавшаго сдѣлать ему угодное. Кромѣ того, хотя онъ пока и не думаетъ о политическомъ союзѣ съ Австріей, тѣмъ не менѣе, онъ воображаетъ, что обезоружилъ ее и завоевалъ ея симпатіи. Думая, что она ему безпредѣльно предана, что она готова отдаться ему, лишь бы только онъ пожелалъ этого, онъ меньше будетъ думать о поддержаніи добрыхъ отношеній съ Россіей и станетъ увлекаться предпріятіями, превосходящими по своимъ размѣрамъ и рискованности всякую мѣру. Съ своей стороны, и Россія, получивъ одновременно свѣдѣнія объ австрійскомъ бракѣ и объ отклоненіи договора, поставитъ эти два событія въ причинную зависимость. Безпокойный, подозрительный, видящій все въ дурномъ свѣтѣ русскій дворъ усмотритъ въ этомъ поворотъ нашей политики въ направленіи, обратномъ Тильзиту. У него не будетъ никакихъ сомнѣній, что императоръ нашелъ точку опоры внѣ Россіи, что онъ оперся на Австрію. Но, такъ какъ Наполеонъ заключалъ союзы только ради войны, то русскій дворъ немедленно же придетъ къ выводу, что союзъ направленъ противъ него, что его безопасность, его существованіе стоятъ подъ угрозой, и почувствуетъ у своей груди французскую шпагу, остріемъ которой служитъ Польша. Его страхъ превратится въ безумную храбрость отчаянія; онъ въ болѣе рѣзкой формѣ поставитъ свои требованія, предпишетъ свои условія, будетъ изыскивать средства къ борьбѣ и первый прибѣгнетъ къ интригамъ и враждебнымъ приготовленіямъ. Такимъ образомъ, хотя замѣна русскаго брака австрійскимъ и не была непосредственной причиной разногласія, тѣмъ не менѣе, вполнѣ допустимо, что она помѣшала его полюбовному разрѣшенію; она, безспорно, усилила, растравила, ожесточила, обострила это разногласіе. Первые дни февраля 1810 г.— кульминаціонный и роковой этапъ въ судьбѣ Наполеона—отмѣчаютъ критическій моментъ союза. Это тотъ моментъ, когда онъ могъ бы возродиться и окрѣпнуть—онъ вышелъ изъ этого испытанія нравственно разбитымъ. Эти дни служатъ рубежомъ двухъ періодовъ, какъ бы водораздѣльной линіей двухъ склоновъ. До сихъ поръ, несмотря на ихъ неудовольствія и возрастающее недовѣріе, Наполеонъ и Александръ ставили главной своей зада-

чей идти вмѣстѣ; даже въ послѣднее время, они сдѣлали достойную вниманія попытку остаться союзниками и снова сдѣлаться друзьями. Однако, это усиліе сблизиться не устояло до конца; въ минуту, когда вопросъ былъ поставленъ ребромъ, на обоихъ нашло затменіе. Монархи расходятся въ одномъ изъ выраженій соглашенія, на почвѣ котораго долженъ возродиться ихъ союзъ, и тотчасъ же съ обѣихъ сторонъ начинается попятное движеніе, которое должно навсегда разлучить ихъ и отбросить на противоположные пути. Это движеніе, сперва медленное, едва замѣтное, начинаетъ мало-по-малу ускоряться, скользя послушно по роковой наклонной плоскости событій и страстей, и въ концѣ-концовъ оно снова поставитъ обоихъ императоровъ въ ихъ первоначальное положеніе,—въ положеніе враждебности и борьбы, далеко отъ той почвы единенія, къ которой ихъ еще недавно притягивали взаимное влеченіе и какъ бы предчувствіе будущаго.

Глава VIII.

БРАКОСОЧЕТАНІЕ.

Императоръ Александръ не вѣрилъ въ возможность австрійскаго брака.—Первое впечатлѣніе.—Поздравленія императору.—Кислосладкія замѣчанія.—Роль общественнаго мнѣнія въ послѣдующихъ событіяхъ.—Какое впечатлѣніе произвело въ Парижѣ объявленіе о бракѣ; пристрастное влеченіе къ Австріи высшихъ классовъ.—Колоніи иностранцевъ: нѣмцы и поляки.—Вѣна на другой день послѣ извѣстія.—Антирусская партія.—Ея усилія отодвинуть Австрію къ Востоку и поставить во враждебныя отношенія къ Россіи.—Разочарованіе и тревога въ Петербургѣ.—Непопулярность императрицы-матери.—Прибытіе измѣненнаго договора.—Полная растерянность.—Жалобы канцлера Румянцева; его взглядъ на союзъ; предсказаніе будущаго.—Наполеонъ въ роли жениха.—Неудовольствіе по поводу упрековъ и намековъ Россіи.—Первая вспышка гнѣва.—Онъ смягчается и сдерживаетъ себя.—Пріѣздъ Бертье въ Вѣну; бракъ по уполномочію; стремленіе Франціи и Австріи понравиться другъ другу.—Наполеонъ извиняется предъ Россіей за прерогативы, данныя представителямъ Австріи.—Два займа.—Путешествіе Маріи-Луизы; характеръ и значеніе манифестацій, происходящихъ при ея проѣздѣ.—Графъ Меттернихъ въ Парижѣ и Компьенѣ.—Россія ревниво наблюдаетъ.—Торжественный день.—Дипломатическій корпусъ въ Луврѣ.—Часы ожиданія.—Тостъ графа Меттерниха.—Римскій король и король римлянъ.—Русское посольство въ день церемоніи.—Опасенія за будущее.—Наполеонъ и Карлъ XII.—Восторгъ и довѣріе народа: *самая блестящая эпоха царствованія*.—Усилія Наполеона дать Европѣ доказательства своей умѣренности.—Безполезныя попытки улучшить отношенія съ Англіей; роковая необходимость продолжать борьбу.—Бракъ не увѣнчаетъ дѣлъ императора,—онъ подготовляетъ новые конфликты.—Поведеніе императора Александра въ періодъ брачныхъ торжествъ; въ ту минуту, когда счастье Наполеона достигаетъ своего апогея, на горизонтѣ поднимается опасность войны съ Россіей.

Чувствовать влеченіе къ утраченному и испытывать позднее сожалѣніе о презрѣнныхъ нами выгодахъ, какъ только другіе на нашихъ глазахъ захватятъ ихъ и начинаютъ извлекать изъ нихъ пользу,—естественное свойство человѣческой души. Очевидно, императору Александру и въ голову не приходило, что неизбѣжнымъ слѣдствіемъ его отказа будетъ бракъ съ эрцгерцогиней. Традиціи и принципы Австріи не допускали и мысли о

подобномъ предположеніи. Онъ и представить себѣ не могъ такой предусмотрительной уступчивости съ ея стороны, такого умѣнья пользоваться случаемъ и такой рѣшимости. Въ то время, когда вѣнскій дворъ уже связалъ себя торжественнымъ обязательствомъ, царь почти-что предсказывалъ возобновленіе въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ враждебныхъ дѣйствій между Австріей и Франціей [1]). Поэтому извѣстіе о подписанномъ Шварценбергомъ контрактѣ очень поразило его и причинило ему горькое чувство разочарованія.

Правда, онъ слишкомъ хорошо владѣлъ собой и былъ слишкомъ гордъ, чтобы показать свою досаду. Его поведеніе было корректно, даже предупредительно, и онъ еще разъ доказалъ свое умѣнье держать себя. Онъ пожелалъ, чтобы его поздравленія прибыли въ Парижъ прежде всѣхъ другихъ, и первой его заботой было назначить чрезвычайнаго посла для принесенія поздравленій. Онъ избралъ для этого одного изъ министровъ, князя Алексѣя Куракина, брата посланника, и отправилъ его, не теряя ни минуты, едва давъ ему время собраться въ дорогу [2]). Но въ бесѣдахъ съ Коленкуромъ онъ не скрылъ, что императоръ могъ бы поступить съ бо́льшей деликатностью и вниманіемъ. Онъ высказалъ ему, что поспѣшность, съ какой Франція заключила брачный договоръ въ Вѣнѣ, въ то время, когда переговоры въ Петербургѣ, начатые столь энергично, были еще въ полномъ ходу, могла бы подвергнуть Россію наихудшему изъ униженій, если бы Россія не была достаточно благоразумна и не оградила себя отъ этого. Итакъ, это было счастьемъ, что императрица-мать была противъ брака, а главное, что ея сынъ ничего не говорилъ ей о нашемъ предложеніи; событія блестяще оправдали его благоразумный поступокъ. «Счастливая слу-

---

[1]) Mémoires du prince Adam Czartoryski, II, 221.

[2]) Коленкуръ Шампаньи 17 марта и 4 апрѣля 1810 г. „Императоръ, прибавляетъ посланникъ, такъ торопитъ съ отъѣздомъ князя Куракина, съ которымъ я только-что видѣлся, что тотъ уѣзжаетъ черезъ сорокъ восемь часовъ. Князь хотѣлъ отложить свой отъѣздъ на нѣсколько дней, чтобы представиться въ мундирѣ высшихъ чиновъ двора, и просилъ разрѣшенія сдѣлать его и носить во время этой миссіи, такъ какъ министерскій не достаточно нарядень. Императоръ, разрѣшая ему мундиръ, поставилъ условіемъ, чтобы онъ не дожидался его, что онъ будетъ доставленъ ему съ курьеромъ“.

чайность, сказалъ Александръ, что годы моей сестры удержали насъ отъ этого. Какое бы впечатлѣніе произвело это извѣстіе, если бы я не говорилъ о бракѣ только отъ своего имени и какъ о дѣлѣ, въ которомъ вы были ни при чемъ? Въ какомъ положеніи очутились бы мы, если бы я былъ менѣе остороженъ съ моей матерью и менѣе чтилъ ея права? А ваше положеніе?— Сколько упрековъ пришлось бы вамъ отъ меня выслушать! Вы видите, что проволочки, на которыя вы тогда жаловались, были только благоразуміемъ» [1]).

Эти замѣчанія, сдѣланныя между прочимъ, не мѣшали Александру при всякомъ удобномъ случаѣ высказывать пожеланія счастья своему союзнику. Что же касается политическихъ послѣдствій брака, то, по его словамъ, онъ смотрѣлъ на нихъ съ полнымъ довѣріемъ. Онъ напомнилъ посланнику, что улучшеніе нашихъ отношеній съ Австріей казалось ему всегда необходимой гарантіей европейскаго мира; говорилъ, сколько горя причинилъ ему разрывъ 1809 г.! Все это было справедливо. Но царь заблуждался, предполагая, что неизбѣжнымъ слѣдствіемъ брака будетъ политическій союзъ. Отъ простого улучшенія отношеній между Франціей и Австріей, чего такъ мудро желалъ Александръ, до интимнаго союза съ одной Австріей было очень далеко, а, между тѣмъ, первой мыслью его при извѣстіи о бракѣ было: императоръ замѣнилъ русскій союзъ австрійскимъ. Къ несчастью, его подозрѣнія скоро нашли поддержку въ общественномъ мнѣніи, по обыкновенію легкомысленномъ и склонномъ преувеличивать значеніе событій—въ зловѣщихъ разговорахъ, начавшихся вокругъ него, далѣе въ слухахъ, доходившихъ до него со всѣхъ сторонъ свѣта, въ безконечныхъ и шумныхъ комментаріяхъ, которые поднимались по всей Европѣ по мѣрѣ распространенія извѣстія о бракѣ. Значеніе, приписанное повсюду этому событію, особенно въ трехъ заинтересованныхъ столицахъ, въ Парижѣ, Вѣнѣ и Петербургѣ, усилило присущую ему важность. Общественная мысль, предрѣшая послѣдствія брака, въ извѣстной степени создавала ихъ и, благодаря настойчивости, съ какой она ихъ предсказывала, по меньшей мѣрѣ, ускорила ихъ развитіе.

На парижскую толпу извѣстіе о бракѣ произвело сильное,

[1]) Коленкуръ Шампаньи, 26 февраля 1810 г.

но кратковременное впечатлѣніе. Населеніе Парижа, привыкшее къ наполеоновскимъ чудесамъ, пресыщенное необычайными событіями, быстро освоивалось съ картинами развивавшейся передъ его глазами великой драмы, появлявшимися и слѣдовавшими одна за другой съ головокружительной быстротой. Оно по-прежнему испускало крики восторга при всякомъ случаѣ, когда ему показывалась неожиданная и величественная картина, но интересовалось ею только на одну минуту. Только неоднократно распространявшіеся слухи о реакціи, о суровыхъ мѣрахъ противъ революціонеровъ вызвали поверхностное волненіе. Нужно сказать, что вслѣдствіе прекращенія торговли, увеличенія налоговъ и глубокаго разстройства, внесеннаго въ экономическую жизнь націи, наступили крайне тяжелыя времена. Забота о хлѣбѣ насущномъ слишкомъ поглощала всѣхъ, чтобы чисто-политическое событіе могло надолго занять толпу и возбудить ея страсти. Что можетъ быть выразительнѣе слѣдующихъ словъ изъ донесенія полиціи: «Между тѣмъ, какъ всѣ партіи заняты политическими вопросами и интригами, населеніе Парижа хлопочетъ только объ увеличеніи съѣстныхъ припасовъ; тѣмъ не менѣе, оно упорно держится своихъ предубѣжденій противъ австрійской принцессы» [1].

Что же касается высшихъ слоевъ общества, то тамъ, какъ только высказался императоръ, тяготѣніе къ Австріи превратилось въ восторженное и настоящее ухаживаніе. 9 февраля вечеромъ у князя Шварценберга, открывшаго свой салонъ, была такая давка, что чуть не задыхались отъ тѣсноты. Каждый хотѣлъ засвидѣтельствовать князю свое почтеніе и доставить себѣ злостное удовольствіе присутствовать при появленіи русскаго посланника,—посмотрѣть, какъ тотъ приметъ извѣстіе о бракѣ и какъ будетъ держать себя. Общество, не знавшее истинныхъ причинъ неудавшагося брака съ русской великой княжной, не допускало и мысли, чтобы царь или его мать могли добровольно отказаться отъ чести, которой завидовалъ весь свѣтъ. Оно думало, что дѣло шло на почвѣ соревнованія между Австріей и Россіей; что Россія, по своей вялости и неповоротливости, дала предупредить и опередить себя болѣе находчивой соперницѣ, сумѣвшей, безъ особыхъ церемоній, согласиться раньше ея на бракъ

[1]) Бюллетень отъ 21 февраля 1810 г. Archives nationales, AF, IV. 1508.

и многіе уже заранѣе мечтали объ удовольствіи посмотрѣть на печальную фигуру русскаго посланника. Когда Куракинъ, котораго болѣзнь удержала дома, не пріѣхалъ, никто не отнесся серьезно къ этой вполнѣ возможной причинѣ. Всѣ усмотрѣли въ этомъ одну изъ тѣхъ дипломатическихъ болѣзней, которыя часто выручаютъ посланниковъ въ затруднительныхъ положеніяхъ [1]). Члены австрійскаго посольства открыто, съ торжествующимъ видомъ, выражавшіе свою «радость» [2]), заразили ею и всѣхъ проживавшихъ въ Парижѣ нѣмцевъ, изъ которыхъ наиболѣе проницательные, не стѣсняясь, говорили о неизбѣжномъ конфликтѣ съ отвергнутымъ государствомъ. Они приглашали свои правительства обратить вниманіе на это обстоятельство и не упускать его изъ виду при своихъ политическихъ разсчетахъ. Дальбергъ писалъ Меттерниху: «Можете быть увѣрены, что менѣе чѣмъ черезъ пять мѣсяцевъ у насъ будутъ холодныя отношенія съ Россіей и не далѣе восемнадцати—война» [3]). Еще одинъ знаменательный фактъ: польская колонія ликовала. Въ ноябрѣ и декабрѣ явный поворотъ Наполеона къ тильзитскому союзу привелъ ее въ отчаяніе; теперь она находила, что перемѣна въ императорской политикѣ снова давала ей право надѣяться на лучшія времена. Въ то время, когда другіе довольствовались только предсказаніями войны на восточной окраинѣ Европы, поляки начали уже громогласно учитывать ее въ свою пользу, и видѣли въ ней залогъ своего національнаго освобожденія. Они ликовали по случаю брака съ Маріей-Луизой не потому, что выборъ палъ на Австрію, а потому, что Франція отреклась отъ Россіи [4]).

Волненіе въ Вѣнѣ было тѣмъ сильнѣе, что никто не былъ подготовленъ къ этому событію. Питаемыя императоромъ Фран-

---

[1]) Helfert, 91.

[2]) Бюллетень полиціи. Archives nationales, AF, IV, 1508.

[3]) Письмо, о которомъ упоминаетъ Helfert, 354—358.

[4]) „Въ подготовляющемся крупномъ событіи поляки инстинктивно чувствуютъ будущее возстановленіе Польскаго королевства. Возстановленіе Польши настолько кажется имъ въ интересахъ Франціи, что для нихъ оно почти не подлежитъ сомнѣнію. Одна эта надежда мало-по-малу возвращаетъ императору много поляковъ, которыхъ заявленіе министра внутреннихъ дѣлъ съ трибуны Законодательнаго Корпуса оттолкнуло отъ него". Донесеніе полиціи отъ 9 февраля 1810 г. Archives nationales, AF, IV, 1508. Cf. Helfert, 91.

цемъ и его министрами надежды не вышли еще за предѣлы тѣснаго кружка, какъ вдругъ сообщеніе нашего представителя и полученіе брачнаго контракта поставили правительство и націю предъ совершившимся фактомъ. Въ это критическое время австрійское правительство сохранило душевное спокойствіе и сумѣло спасти свое достоинство. Оно сочло нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя оговорки по поводу характера сватовства, но не заставило ждать утвержденія контракта, и съ высоты своего величія дало согласіе, какъ будто Наполеонъ не вырвалъ его раньше. Безграничная радость, обуявшая Меттерниха, смотрѣвшаго на бракъ, какъ на дѣло рукъ своихъ, быстро распространилась среди его друзей и знакомыхъ. Когда народная масса очнулась отъ ошеломляющаго, невѣроятнаго извѣстія, когда поулеглось возмущенное чувство отдѣльныхъ лицъ, большинство публики присоединилось къ радости высокихъ круговъ.

Конечно, воспоминанія о послѣдней войнѣ были еще слишкомъ свѣжи, чтобы изгладиться въ одинъ день. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Вѣнѣ не могли такъ скоро забыть жестокостей побѣдителя и пережитыхъ униженій. Тамъ не могли забыть, что ихъ столица въ теченіе пяти мѣсяцевъ прошлаго года была занята нашими войсками, что она подвергалась обстрѣлу нашей артиллеріи, что укрѣпленія ея были снесены. Въ ней и теперь еще стояли, какъ позорное клеймо пораженія, свѣжія развалины. И все-таки бракъ являлся первымъ признаніемъ высокаго положенія Австріи, какъ бы данью уваженія, воздаваемаго ея достоинству. Сватовство побѣдителя утѣшало ее, внушало чувство гордости; являлось сознаніе, что Австрія опять дѣлается великой державой. Послѣ цѣлаго ряда тяжелыхъ годовъ, въ Вѣнѣ впервые прозвучала счастливая вѣсть. Увлекающееся впечатлительное населеніе, очень привязанное къ своимъ государямъ, пришло въ восторгъ и ликовало при мысли, что дщерь Австріи, всѣмъ имъ извѣстная и всѣми любимая принцесса, пріобрѣтетъ блестящее положеніе, что она раздѣлитъ первый тронъ въ мірѣ. Въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ общества это событіе было какъ бы семейной радостью, и это сказалось быстрымъ, но кратковременнымъ взрывомъ симпатій къ Франціи.

Не прошло и двадцати четырехъ часовъ послѣ перваго извѣстія, а нашъ посланникъ былъ уже осажденъ посѣтителями. Одинъ за другимъ пріѣзжали члены правительства увѣрить его въ своихъ чувствахъ преданности и принести повинную. Одинъ

изъ нихъ откровенно признался, что Австрія, несчастливая на боевомъ поприщѣ, должна была бы впредь придерживаться своего древняго девиза: *Felix Austria nube.* При встрѣчѣ «всѣ поздравляли другъ друга, всѣ потеряли голову» [1]). Городъ принялъ праздничный видъ; стеченіе публики въ увеселительныхъ и общественныхъ мѣстахъ было громадно. Вѣнцы вспомнили старую привычку собираться въ концертныхъ и бальныхъ залахъ и подъ звуки оркестра пирушками и тостами праздновали радостное событіе. Головы разгорячались, вмѣстѣ съ удачей явилось и честолюбіе, и вѣнцы съ особымъ удовольствіемъ разсуждали о блестящихъ перспективахъ, на которыя давалъ надежду бракъ. Въ первую минуту они видѣли въ немъ только залогъ мира, затѣмъ начали усматривать предвѣстника полнаго возстановленія государства. Они не сомнѣвались, что впредь побѣдитель будетъ пріобщать Австрію къ своимъ предпріятіямъ и сдѣлаетъ ее участницей въ прибыляхъ; отъ его дружбы они сулили себѣ цѣнныя выгоды, которыя до сихъ поръ доставались на долю другихъ и давно были предметомъ ихъ зависти, и громко хвастались, что мастерскимъ ходомъ похитили у Россіи союзъ съ Наполеономъ [2]).

Какъ извѣстно, въ Вѣнѣ было много русскихъ; они пользовались исключительнымъ вліяніемъ и занимали въ обществѣ первое мѣсто. Связанные съ Австріей общей враждебностью къ Франціи, они видѣли въ ней вѣрную и непоколебимую союзницу, послѣднее убѣжище своихъ идей. Ея измѣна страшно поразила ихъ. Съ какой бы точки зрѣнія ни разсматривали они этотъ бракъ, они видѣли въ немъ только униженіе и опасность для своей родины и, если можно такъ выразиться, среди всеобщаго веселья облеклись въ трауръ. По выраженію Меттерниха [3]), русскій посланникъ, графъ Шуваловъ, *оцѣпенѣлъ отъ ужаса.* Не обладая такимъ искусствомъ владѣть собою, какъ его государь, не такой тонкій дипломатъ, какъ высшее его начальство, онъ не сумѣлъ скрыть своихъ чувствъ и не явился вслѣдъ за своими коллегами съ поздравленіемъ во французское посольство. Въ

---

[1]) Отто Шампаньи, 16 февраля 1810 г.

[2]) Correspondance de M. Otto, février et mars 1810. Archives des affaires étrangères, Autriche, 385. Helfert, 93—97. Mémoires de Metternich, II, 323—324.

[3]) Mémoires, II, 324.

русскихъ салонахъ въ Вѣнѣ извѣстіе о бракѣ было принято, какъ вѣсть о несчастьѣ, постигшемъ Россію, какъ вѣсть о народномъ бѣдствіи. «Первое извѣстіе, — писалъ графъ Отто,—пришло во время бала въ одномъ русскомъ домѣ. Музыка тотчасъ же была прекращена, и многіе разъѣхались до ужина» [1]).

Надо сознаться, что нѣкоторые австрійцы приняли такой тонъ, что вполнѣ оправдывали скорбь и опасенія русскихъ. Австрія всегда отличалась удивительной способностью примѣняться къ обстоятельствамъ и въ зависимости отъ нихъ перемѣщать свои политическія задачи; она обладала поразительнымъ умѣньемъ пользоваться своимъ географическимъ положеніемъ, позволявшимъ ей то оказывать давленіе на Западъ, то устремляться на Востокъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Вѣнѣ образовалась партія, враждебная Россіи болѣе, чѣмъ Франціи. До сихъ поръ она была немногочисленна и не имѣла голоса. Она высказывала тотъ взглядъ, что, вмѣсто того, чтобы, на свою погибель, вести борьбу съ великой западной имперіей, Австрія должна опереться на Францію и дѣйствовать съ ней заодно въ видахъ сопротивленія восточнымъ замысламъ Россіи; что нужно побѣдить и вытѣснить Россію съ Востока, затѣмъ расширить свои владѣнія по теченію Дуная, перенести туда свою дѣятельность и тамъ возстановить свое счастіе. Въ настоящее время, когда считавшееся невозможнымъ, о чемъ и мысли не допускалось, стало совершившимся фактомъ, когда какъ бы чудомъ свалился съ неба брачный союзъ съ Франціей, эта небольшая группа людей заговорила громко, стала настойчиво проводить свои взгляды, и въ извѣстныхъ общественныхъ группахъ,—въ особенности среди молодежи, а также въ арміи,—ея воззванія пробудили воинственный отголосокъ. Храбрая, но неудачливая армія, удрученная постоянными пораженіями, жаждала случая одержать побѣду,— хотя бы за счетъ старыхъ союзниковъ,—и возымѣла злостное желаніе выместить на Россіи нанесенныя ей Франціей пораженія. Австрійскіе офицеры заходили къ нашимъ, оставшимся въ Вѣнѣ, офицерамъ и говорили: «Устройте, чтобъ мы могли сражаться рядомъ съ вами; вы увидите, что мы будемъ достойны этого» [2]).

---

[1]) Отто Шампаньи, 19 февраля 1810 г.

[2]) Отто Шампаньи 16 февраля. Cf. Beer, Geschichte der orientalischen Politik Oesterreich's, 226—229.

Отъ русскихъ, которыхъ до сихъ поръ носили на рукахъ, не ускользнули безтактные намеки и враждебныя выходки австрійцевъ. Не скрывая своего удивленія, они съ горечью говорили: «Еще нѣсколько дней тому назадъ мы были въ Вѣнѣ въ большомъ почетѣ. Теперь обожаютъ французовъ, и всѣ поголовно хотятъ воевать съ нами» [1]).

Дойдя до Петербурга, разсказы о настроеніи въ Вѣнѣ и Парижѣ еще больше усилили тревогу, вызванную въ русской столицѣ извѣстіемъ о бракѣ. Среди тѣхъ русскихъ, которые желали, чтобы выборъ палъ на ихъ великую княжну, разочарованіе было тѣмъ глубже, чѣмъ больше были ихъ надежды. Первоначальная досада превратилась въ злобу противъ правительства, которое они обвиняли въ томъ, что оно упустило случай закрѣпить благосклонность Наполеона и обезпечить Россіи безспорныя выгоды. Язвительныя и почти оскорбительныя фразы сыпались, главнымъ образомъ, на императрицу-мать; говорили, что все зло въ упрямствѣ государыни, въ ея безпочвенныхъ предубѣжденіяхъ. «Этотъ бракъ,—писалъ Коленкуръ Талейрану,— произвелъ здѣсь забавную революцію; наиболѣе ворчавшіе на союзъ съ нами, наиболѣе противившіеся ему бросаютъ камень въ императрицу-мать...» [2]). По странному противорѣчію, русскіе стали превозносить выгоды французскаго союза, которому до сихъ поръ придавали такъ мало цѣны. Теперь, когда Франція начала отдаляться отъ Россіи, каждый стремился сдѣлаться французомъ, а такъ какъ эта, уже несвоевременная, симпатія выражалась глубокими сожалѣніями, мрачными предчувствіями и зловѣщими предсказаніями,то все это, въ концѣ-концовъ, убѣдило Александра, что Наполеонъ отстранился отъ него и теперь питаетъ къ нему только враждебныя чувства [3]).

---

[1]) Отто Шампаньи, 21 февраля.

[2]) Коленкуръ Талейрану, 4 марта 1810 г. Archives des affaires étrangères, Russie, 150.

[3]) „Это извѣстіе,—писалъ Жозефъ де-Местръ, говоря объ объявленномъ бракѣ,—навело здѣсь ужасъ на всѣхъ. Дѣйствительно, я не знаю болѣе сильнаго удара для Россіи. Она плохо вела войну, плохо заключила миръ, создала всеобщее недовольство, разорила свою торговлю. Теперь, сдѣлавшись сосѣдкой Франціи, она имѣетъ противъ себя брачный союзъ, который вскорѣ превратится въ наступательный и оборонительный политическій союзъ и который сведетъ ее къ нулю". Нѣсколько времени спустя Местръ прибавляетъ: „Если вы хотите видѣть во всемъ своемъ блескѣ неудобства mezzi ter-

Все способствовало тому, чтобы укрѣпить въ немъ такое опасеніе—и поведеніе иностранныхъ правительствъ, и толки въ салонахъ и городахъ. Вѣнскій кабинетъ, недавно предупредительный до угодливости, сталъ задирать носъ, заговорилъ тономъ холоднаго достоинства и пренебрежительнаго невниманія. Меттернихъ, стараясь успокоить относительно послѣдствій брака сосѣднія государства—Пруссію и Оттоманскую Порту, давая имъ понять, что Австрія не помышляетъ о возмѣщеніи своихъ потерь за счетъ своихъ сосѣдей, не торопился успокоить Россію, къ которой съ 1809 г. питалъ непримиримую злобу. Онъ такъ характеризуетъ свои отношенія къ русскому двору. Мы поставили себѣ за правило, «не давая замѣтить нашего раздраженія, выказывать ему полнѣйшее безучастіе и презрѣніе, на которыя мы обрекли его за его поведеніе въ послѣднее время» [1]. Чтобы еще болѣе смутить и безъ того разстроенную душу Александра, къ неожиданной надменности Австріи присоединились, какъ знаменіе времени, выраженія сочувствія и предложенія, исходящія изъ другой страны. Считая, что союзъ, связующій царя съ императоромъ, нарушенъ, Англія предлагала ему себя въ утѣшительницы. Она дѣйствовала черезъ тайныхъ агентовъ, пробовала снова завязать съ нимъ сношенія, «стучалась во всѣ двери» [2], нашептывала, что отвергнутой Франціей Россіи остается только одинъ исходъ,—искать убѣжища у своихъ старыхъ истинныхъ друзей. При наличности столь разнообразныхъ, но одинаково тревожныхъ симптомовъ въ Петербургѣ неожиданно было получено извѣстіе, которое какъ бы подтверждало ихъ. Въ тотъ самый день, когда Наполеонъ обручился съ эрцгерцогиней, онъ отказался утвердить заключенный противъ Польши договоръ и пожелалъ замѣнить его другимъ.

Послѣ этого удара, непосредственно слѣдовавшаго за извѣстіемъ о бракѣ, Александръ и его министръ совсѣмъ потеряли голову. Ихъ охватило тягостное чувство безпомощности, одиночества, грозящей опасности. Между тѣмъ и теперь только отъ нихъ зависѣло дать другое направленіе столь грозному для будущаго польскому вопросу. Предложенный Наполеономъ и зара-

mini въ политикѣ, въ особенности во время всеобщаго смятенія, пріѣзжайте сюда". Corresp., III, 406—407 и 438.

[1]) Mémoires de Metternich, II, 323.

[2]) Донесеніе Коленкура № 84, 2 апрѣля 1810 г.

нѣе утвержденный имъ договоръ содержалъ въ себѣ всѣ гарантіи, какія только допустимы въ дипломатическомъ актѣ. У нихъ не хватило хладнокровія обсудить договоръ; они не сумѣли воспользоваться желаніемъ Наполеона наладить добрыя отношенія,—желаніемъ, хотя и сильно пошатнувшимся, но все еще существующимъ,— и вторично пропустили случай обезпечить свою безопасность. Думая, что все потеряно, что отношенія, по меньшей мѣрѣ, серьезно испорчены, и думая такъ только потому, что императоръ, давая обѣщаніе не возстановлять Польши, отказался прибавить, что она никогда и никѣмъ не будетъ возстановлена, они не приняли немедленнаго рѣшенія по контръ-проекту и провели нѣсколько дней въ полной растерянности.

Болѣе того, у нихъ не хватило выдержки скрыть свои душевныя тревоги. Въ присутствіи нашего посланника они высказали то, что составляло ихъ затаенную мысль и что говорили окружающіе ихъ. Они совершили непростительную ошибку, истолковывая въ его присутствіи бракъ императора и судьбу договора въ самомъ неблагопріятномъ для себя смыслѣ. Правда, безъ громкихъ и рѣзкихъ фразъ, безъ злобы, скорѣе съ грустью, дали они понять посланнику, что считаютъ наше отпаденіе совершившимся фактомъ. Они давали ему почувствовать это тягостными замалчиваніями, вѣчными недомолвками, тѣми ежеминутными намеками, которые подъ конецъ надоѣдаютъ больше, чѣмъ горячія сцены. Благодаря этому, Россія съ каждымъ днемъ все болѣе входила въ роль непонятаго, покинутаго друга. Упрекать императора въ намѣреніяхъ, которыхъ у него не было—значило наводить его на нихъ. Стремленіе навязывать ему воображаемые проступки и вѣроломство, въ коихъ онъ не былъ повиненъ, должно было, въ концѣ-концовъ, привести къ тому, что у него, дѣйствительно, появятся приписываемыя ему намѣренія и желанія.

Канцлеръ Румянцевъ посвятилъ себя спеціальной задачѣ излагать жалобы на обиды, чинимыя его правительству. Онъ громко говорилъ о томъ, на что государь его только намекалъ. Говоря о бракѣ, онъ безусловно держался того мнѣнія, что Наполеонъ никогда не былъ чистосердеченъ, что онъ подъ шумокъ велъ переговоры съ Австріей и дѣлалъ это въ то время, когда, повидимому, весь былъ поглощенъ Россіей. «Очевидно, что вы вели переговоры одновременно въ двухъ мѣстахъ» [1]), такова

[1]) Коленкуръ Шампаньи. 26 февраля 1810 г.

была фраза, которая съ несносной настойчивостью повторялась во всѣхъ его разговорахъ. Что же касается договора, то, не говоря пока, приметъ ли царь французскій текстъ, онъ указывалъ на то, что изъятіе первой фразы мѣняло характеръ всего акта; въ требованіи же хранить его въ тайнѣ онъ усматривалъ безполезное и нежелательное ограниченіе, доказывавшее двусмысленность намѣреній Наполеона.

Исходя изъ этихъ соображеній, онъ намекалъ, что Наполеонъ, безъ сомнѣнія, чувствуетъ необходимость перенести въ другое мѣсто свои симпатіи и хочетъ испробовать другіе союзы; что въ этомъ отношеніи у Россіи составилось опредѣленное мнѣніе, но что она не отплатитъ намъ тою же монетой; напротивъ, въ надеждѣ, что ея постоянство заставитъ невѣрнаго друга вернуться къ ней, Россія будетъ неподкупна и предана союзу попрежнему; что она не хочетъ даже задаваться вопросомъ, допускаетъ ли принятое по отношенію къ ней поведеніе нѣкоторый недостатокъ постоянства и съ ея стороны. «Нельзя сказать, продолжалъ Румянцевъ, чтобы союзъ улыбался намъ. И однако, господинъ посланникъ, относительно настоящаго момента вы должны отдать намъ справедливость и признать, что съ нашей стороны ничто не измѣнилось; что мы, какъ и прежде, дорожимъ союзомъ, а причина этому та, что онъ необходимъ для общаго блага. Поэтому я и впредь заботливо буду поддерживать его, въ твердой увѣренности, что императоръ Наполеонъ вернется къ нему. Доказательствомъ, что наши намѣренія прямодушны и что мы преданы союзу болѣе, чѣмъ кто бы то ни было, и *какъ никто не будетъ ему преданъ*, служитъ то, что мы не мѣняемъ своихъ взглядовъ. Пусть постучатся къ другимъ. Благодаря этому опыту, императоръ Наполеонъ оцѣнитъ насъ и увидитъ, что все говоритъ въ нашу пользу» [1]).

Затѣмъ, онъ съ увлеченіемъ сказалъ блестящее и вполнѣ справедливое хвалебное слово союзу—что вполнѣ согласовалось съ принципами, которые онъ исповѣдывалъ. Вдохновеннымъ тономъ истаго пророка онъ сказалъ, что союзъ между Франціей и Россіей долженъ сдѣлаться нерушимымъ закономъ, основой ихъ политики. «Слѣдуетъ, говорилъ онъ, чтобы онъ пережилъ нашихъ государей. Это—единственный естественный союзъ,—един-

---

[1]) Коленкуръ Шампаньи, 10 марта 1810 г.

ственный, который, при существующемъ укладѣ Европы, можетъ быть дѣйствительно полезенъ Франціи, равно какъ и Россіи, и не только теперь—при условіяхъ войны съ Англіей, при условіяхъ континентальной системы,—но и во всѣ времена...» Вы вернетесь къ намъ, продолжалъ онъ. Васъ приведутъ къ намъ и ваши выгоды, и благоразуміе, и уваженіе къ самому честному изъ друзей. -Это обращеніе къ будущему дало ему случай иносказательно бросить обвиненіе настоящему. «Въ этомъ разговорѣ, прибавляетъ Коленкуръ, болѣе чѣмъ въ предыдущихъ, министръ далъ замѣтить боязнь, чтобы мы не отказались отъ союза».

Эти жалобы застали Наполеона всецѣло поглощеннымъ приготовленіями къ свадьбѣ. Онъ неутомимо и горячо предавался имъ; ожидавшее его свѣтлое будущее заставляло его забывать огорченія, причиненныя разводомъ. Его горе,—горе южанина, живое, не знающее мѣры, но скоропреходящее,—уступило мѣсто нетерпѣливому желанію поскорѣе увидѣть Марію-Луизу и увѣрить ее въ своихъ чувствахъ. Онъ желалъ, чтобы въ Парижѣ эрцгерцогинѣ былъ оказанъ великолѣпный и радушный пріемъ, чтобы ничего не было упущено, дабы ободрить и плѣнить ее, дабы дать ей почувствовать, что она у себя дома; чтобы во Франціи она видѣла только почетъ и улыбки. Онъ старался угадать и предупредить малѣйшія ея желанія, боялся какъ бы не запугать ее, желалъ понравиться ей [1]). Ему хотѣлось, чтобы церемонія бракосочетанія совершилась при безпримѣрномъ блескѣ, и одной изъ главныхъ его заботъ было пригласить королей, состоявшихъ при его дворѣ, съ тѣмъ, чтобы они составили свадебный поѣздъ новобрачной. Затѣмъ, ему нужно было отвѣтить на восторженныя увѣренія, которыя расточали ему со всѣхъ сторонъ преданность или раболѣпство, на адреса государствъ, городовъ, корпорацій, на поздравленія государей. Государи, которыхъ онъ обидѣлъ и обобралъ, соперничали въ усердіи съ государями, величіе которыхъ онъ создалъ. Въ этомъ стройномъ хорѣ лести слова Россіи прозвучали, какъ единственная рѣзкая и фальшивая нота. Это взбѣсило его. Въ особенно-

[1]) Однажды онъ сказалъ королевѣ Гортензіи: „Не надо пугать молодую дѣвушку. Послушайте, поучите меня танцовать“. Урокъ былъ неудаченъ и больше не возобновлялся. Но какой сюжетъ для жанровой картины: дочь Жозефины преподаетъ Наполеону искусство нравиться Маріи-Луизѣ!

сти его взорвало обвиненіе, что онъ велъ двойную игру. Такой ни на чемъ не основанный упрекъ, — ибо онъ, дѣйствительно, до самаго конца не дѣлалъ никакихъ предложеній Австріи, — показался ему оскорбленіемъ не только его личнаго достоинства, но и достоинства его, какъ государя. При такомъ обидномъ предположеніи все, что въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ копилось въ душѣ его противъ Александра, прорвалось наружу и вылилось въ нѣсколькихъ дышащихъ гнѣвомъ и негодованіемъ строкахъ въ отвѣтѣ Коленкуру. Въ немногихъ словахъ, не уклоняясь замѣтно отъ истины, передалъ онъ исторію брака, но, чтобы оправдать себя, обвинялъ и осыпалъ упреками Россію.

«Герцогъ Кадорскій, писалъ онъ Шампаньи, приготовьте письмо для отправки въ Петербургъ; въ немъ вы сообщите герцогу Виченцы, сколь забавными кажутся мнѣ жалобы Россіи. Пусть онъ твердо отвѣтитъ императору и Румянцеву, когда зайдетъ объ этомъ рѣчь, что императоръ плохо знаетъ меня, если думаетъ, что я велъ переговоры въ двухъ мѣстахъ; что я не признаю условныхъ соглашеній, что въ этомъ я не нуждаюсь; что для того, чтобы дать мнѣ отвѣтъ, четыре раза просили по десяти дней; что переговоры съ Австріей начались только тогда, когда стало ясно, что императоръ—не глава своей семьи и не сдержитъ обѣщанія, даннаго въ Эрфуртѣ; что эти переговоры были начаты и кончены въ двадцать четыре часа, ибо Австрія заранѣе приняла мѣры и заранѣе прислала своему посланнику полномочія, дабы онъ могъ, въ случаѣ надобности, воспользоваться ими. Вопросъ же о религіи не возбудилъ ни малѣйшей тревоги; встревожило только обязательство имѣть попа въ Тюльери. Что же касается договора, то я не могъ утвердить акта, въ которомъ не было соблюдено приличіе и цѣлью котораго было не получить гарантіи безопасности, а восторжествовать надо мной, заставляя меня говорить нелѣпости» [1]).

Герцогъ Кадорскій не передалъ выраженій императора въ ихъ грубой формѣ. Онъ смягчилъ ихъ, представилъ въ тонѣ обыкновенныхъ международныхъ сообщеній, изложилъ въ деликатныхъ выраженіяхъ, завернулъ, такъ сказать, въ дипломатическую вату, которая сглаживаетъ шероховатости и ослабляетъ

[1]) Corresp. 16341.

непріятные удары [1]). Впрочемъ, Александръ не возвращался болѣе къ вопросу о бракѣ, и тѣмъ избавилъ Коленкура отъ необходимости вести тяжелый разговоръ. Съ своей стороны и Наполеонъ послѣ первой вспышки гнѣва успокоился или, по крайней мѣрѣ, сталъ болѣе сдерживать себя. Онъ попробовалъ еще разъ успокоить Россію насчетъ послѣдствій своего брака. Народной молвѣ, обвинявшей его въ томъ, что онъ измѣнилъ направленіе своей политики, онъ счелъ нужнымъ отвѣтить формальнымъ опроверженіемъ, которое вмѣстѣ съ тѣмъ служило и отвѣтомъ на тревожные намеки Александра и Румянцева. Онъ приказалъ разослать всѣмъ своимъ агентамъ циркуляръ съ предписаніемъ сообщить его всѣмъ правительствамъ. Назначеніемъ циркуляра было предостеречь какъ агентовъ, такъ и правительства, при которыхъ они аккредитованы, «отъ заключеній, которыя можно было бы сдѣлать на основаніи брачнаго союза, ибо бракъ, не будучи политическимъ союзомъ, не вноситъ никакихъ перемѣнъ въ наши отношенія къ дружественнымъ и союзнымъ съ Франціей державамъ» [2]). Это было новое и безспорное подтвержденіе существующаго союза съ Россіей. Но что могли сдѣлать увѣренія и даже добрыя намѣренія, какъ бы они ни были искренни, противъ рокового, непрерывно возраставшаго охлажденія? Послѣ обрученія съ эрцгерцогиней прошло едва шесть недѣль, а какъ все измѣнилось за этотъ короткій промежутокъ времени! Теперь Наполеонъ получалъ свѣдѣнія, что въ Россіи высказываются еще болѣе горькія сомнѣнія, даже подозрѣнія; что, при всякомъ удобномъ случаѣ, тамъ высказываются грустныя соображенія, и самъ онъ съ ожесточеніемъ негодованія возвращаетъ обратно не всегда заслуженные имъ упреки.

Какая разница съ рѣчами, полными нѣжности и преданности, приходившими изъ Вѣны! Мужественно покорившись необходимости принести жертву, австрійскій дворъ задался цѣлью получить отъ этого дѣла и почести, и пользу, прибѣгая ради этого къ самой изысканной предупредительности, а нація сумѣла превосходно понять намѣренія своего двора и помогала ему со свойственной ей привѣтливостью. За нѣсколько дней до пріѣзда

---

[1]) См. по этому поводу: Les origines de la France contemporaine, par M. Taine, Le régime moderne, I, 94.

[2]) Archives des affaires étrangères, Russie, 150.

маршала Бертье выяснилось, что празднества по случаю бракосочетанія не будутъ носить характеръ исключительно офиціальный,—а «поистинѣ будутъ національными». — «Каждый занятъ ими такъ, какъ будто дѣло идетъ о свадьбѣ въ собственной семьѣ» [1]), писалъ Отто. Не было обывателя, который не постарался бы украсить своего дома, не принялъ бы участія въ приготовленіяхъ къ пріему и не дѣлалъ этого съ увлеченіемъ. Императоръ Францъ пожелалъ самъ всѣмъ распоряжаться, всѣмъ руководить, и хлопоталъ ужасно. Онъ высказывалъ то удовольствіе, то опасенія, что что-нибудь да будетъ не такъ. «Давно не видали его такимъ довольнымъ, возбужденнымъ и занятымъ» [2]). По пріѣздѣ маршала начался цѣлый рядъ достопамятныхъ и блестящихъ сценъ—торжественный въѣздъ чрезвычайнаго посла, церемоніалъ данныхъ ему аудіенцій, пріемъ эрцгерцогиней депутацій, прибывшихъ со всѣхъ концовъ монархіи, наконецъ, бракъ по уполномочію, при чемъ представителемъ императора французовъ былъ эрцгерцогъ Карлъ. И что особенно поражало на этихъ торжествахъ,—не толпа зрителей и веселыя лица, не блескъ и невѣроятное разнообразіе костюмовъ и мундировъ, не небывалая роскошь нарядовъ дамъ, которыя гнулись «подъ тяжестью брильянтовъ и жемчуга» [3]), не величіе и блескъ высшаго тона, свойственнаго австрійскому дому,—поражало то утонченное и трогательное вниманіе къ императору французовъ, въ которое члены высочайшей семьи и двора, казалось, влагали всю свою душу. Въ французскомъ офиціальномъ извѣщеніи Бертье былъ названъ «товарищемъ императора, человѣкомъ, котораго онъ удостаиваетъ называть своимъ другомъ» [4]). Это качество, болѣе чѣмъ его званіе владѣтельнаго князя и вице-коннетабля, доставило ему самыя лестныя прерогативы. Дамы изъ высшей знати «первыми дѣлали ему визитъ—почетъ, которымъ никогда, быть можетъ, не пользовался въ Вѣнѣ ни одинъ иностранный государь» [5]). Эрцгерцоги уступали ему дорогу, и, когда онъ извинялся, что идетъ впереди нихъ, они съ чарующей простотой дѣлали видъ, что забываютъ различіе происхожденія.

[1]) Письмо къ Шампаньи отъ 2 марта 1810 г.
[2]) Отто Шампаньи, 19 февраля.
[3]) Id., 12 марта 1810 г.
[4]) Шампаньи Отту, 7 февраля 1810 г.
[5]) Отто Шампаньи, 11 марта 1810 г.

ссылались на общность карьеры, гордились тѣмъ, что и они тоже солдаты, и говорили, что смотрятъ на маршала, какъ на своего старшаго. «Мы тоже военные,—говорили они,—а вы старшій между нами» [1]). Несмотря на свою нелюбовь къ Франціи, императрица, мачеха Маріи-Луизы, сумѣла взять себя въ руки и была любезна. Что же касается императора, то онъ ничуть не сомнѣвался въ счастьѣ, выпавшемъ на долю «его горячо любимой дочери». Онъ думалъ, что передъ обоими народами открывается будущее, полное согласія и благоденствія; выражалъ надежду, что впослѣдствіи узы окрѣпнутъ еще болѣе, и его слова пріобрѣтали особое значеніе, благодаря тону и улыбкѣ, съ которыми они говорились, благодаря «чему-то задушевному и сердечному» [2]), что было въ немъ самомъ и что объясняло его стойкую популярность. Даже Марія-Луиза, поборовъ присущую невѣстамъ застѣнчивость, сумѣла скромно вставить свое замѣчаніе. На одномъ обѣдѣ-гала она сказала графу Отто, сидѣвшему по правую ея руку, что хочетъ быть преданной и послушной женой. Она дала понять, что не требуетъ ничего особеннаго, что проситъ только о невинныхъ развлеченіяхъ, о позволеніи усовершенствовать свой талантъ въ музыкѣ и живописи, говоря, «что для нея все хорошо, что она сумѣетъ приноровиться ко всякому образу жизни, что будетъ сообразоваться съ жизнію Его Величества и желаетъ только одного—понравиться ему» [3]).

Наполеонъ не былъ нечувствителенъ къ такому вниманію. Онъ очень цѣнилъ предупредительность древнихъ дворовъ, ко-

[1]) Id. Всѣ депеши изъ Вѣны, цитированныя въ этой главѣ, были опубликованы барономъ Imbert de Saint-Amand въ его интересномъ сочиненіи: Les beaux jours de Marie-Louise, 113—158.

[2]) Отто Шампаньи, 12 марта.

[3]) „Эрцгерцогиня,—писалъ Отто,—задавала мнѣ много вопросовъ, которые говорятъ о солидности ея вкусовъ. „Настолько ли близокъ отъ Тюль„ери наполеоновскій музей, чтобы я могла часто посѣщать его и изучать „древности и великолѣпные памятники? Любитъ ли императоръ музыку? „Можно ли будетъ мнѣ взять учителя для игры на арфѣ? Я очень люблю „этотъ инструментъ. Императоръ такъ добръ, что, вѣроятно, позволитъ мнѣ „имѣть ботаническій садъ; ничто меня такъ не порадуетъ. Надѣюсь, что импе„раторъ снисходительно отнесется ко мнѣ: я не умѣю танцовать кадрили, но, „если онъ хочетъ, я возьму учителя танцевъ..."—Долженъ замѣтить,—прибавляетъ посланникъ,—что во время моего разговора съ Ея Высочествомъ, продолжавшагося болѣе часу, она ни разу не спросила меня ни о модахъ, ни о театрахъ Парижа". 6 марта 1810 г. Cf. Saint-Amand, 144—145.

торые до сихъ поръ только по необходимости терпѣли его въ ряду королей, но не признавали его членомъ своей семьи. Довольный Австріей, онъ не захотѣлъ остаться у ней въ долгу. Въ ожиданіи пріѣзда эрцгерцогини и оказанія ей почестей, онъ началъ всячески отличать, какъ аккредитованныхъ представителей, такъ и лицъ, не занимающихъ офиціальнаго положенія, которыхъ Австрія держала при немъ, т. е., князя Шварценберга и графиню Меттернихъ. Онъ выразилъ желаніе, чтобы съ этихъ поръ посланникъ сопровождалъ его на охоту—это была исключительная, завидная милость. Въ Тюльери—Шварценбергъ и графиня Меттернихъ были допущены на интимныя собранія, на вечера, которые бывали въ малыхъ аппартаментахъ, иначе говоря, введены были въ семейный кругъ императора. На этихъ собраніяхъ Наполеонъ разспрашивалъ ихъ о своей невѣстѣ, читалъ вмѣстѣ съ ними полученныя изъ Вѣны письма, обходился съ ними не какъ съ иностранцами, имѣющими право на почетъ, а скорѣе, какъ съ людьми, ему близкими и пользующимися его довѣріемъ [1]).

Представители царя въ самый блестящій періодъ союза далеко не часто пользовались подобными привилегіями, ибо это не требовалось и не допускалось этикетомъ. Теперь, когда Россія увидитъ, что эти привилегіи дѣлаются исключительнымъ достояніемъ ея соперницы, не явится ли у ней чувство ревности? Не возрастутъ ли при такихъ условіяхъ тревоги и волненія недовѣрчиваго русскаго двора, вѣчно стоящаго на-сторожѣ, вѣчно шпіонящаго и толкующаго по-своему каждый жестъ и каждое слово императора? Желая во что бы то ни стало поддерживать съ русскимъ дворомъ добрыя отношенія, Наполеонъ не прочь дать ему объясненія и почти извиниться передъ нимъ за расточаемыя Австріи улыбки. По его приказанію Шампаньи принимается за страшный трудъ убѣдить при посредствѣ герцога Виченцы петербургскій дворъ, что, въ виду предстоящаго событія, нѣкоторое вниманіе къ Австріи необходимо, но что оно не будетъ имѣть никакихъ послѣдствій. Чтобы предупредить всякое толкованіе въ нежелательномъ смыслѣ, министръ заботится сообщить заранѣе, что близкій пріѣздъ императрицы въ Компьенъ, а затѣмъ въ Парижъ, неизбѣжно потребуетъ для австрій-

[1]) Шампаньи Отту, 4 марта 1810 г. Helfert, 107.

ской миссіи еще нѣкоторыхъ преимуществъ; но что эти милости—исключительно частнаго характера—обусловливаются строгими требованіями долга и приличія и не могутъ идти въ сравненіе съ публично подтвержденными вѣскими доказательствами, которыми императоръ удостовѣряетъ свой тѣсный союзъ съ русскимъ дворомъ; что тутъ есть разница, которую императоръ Александръ сумѣетъ оцѣнить. Онъ сумѣетъ отличить знаки вниманія, которые Наполеонъ, по обязанности, оказываетъ роднѣ, отъ фактовъ, которыми онъ доказываетъ свою дружбу къ нему.

«Съ момента подписанія брачнаго договора,—пишетъ министръ посланнику,—нѣтъ той предупредительности, нѣтъ тѣхъ почестей, которыми бы вѣнскій дворъ не осыпалъ Отто и князя Невшательскаго. Это обязываетъ императора оказывать австрійскому посланнику точно также особое вниманіе. Поэтому онъ пригласилъ его бывать на охотѣ. Князь Шварценбергъ, какъ кавалерійскій офицеръ, держитъ хорошихъ лошадей; онъ привыкъ къ подобнаго рода спорту, который необходимъ и для его здоровья. Со времени прекращенія большихъ собраній по случаю ремонта въ залѣ Тюльери, императоръ устраиваетъ въ аппартаментахъ императрицы маленькія, чисто-семейнаго характера, собранія, на которыя допускаются только лица, состоящія на его личной службѣ, и на которыя приглашеніе высшихъ сановниковъ и министровъ необязательно. Князь Шварценбергъ и графиня Меттернихъ получили приглашеніе на эти собранія, хотя ни одинъ иностранецъ на нихъ не допускается. Такое милостивое вниманіе не получило огласки, о немъ знаютъ только въ предѣлахъ тѣснаго кружка, а, между тѣмъ, оно доставляетъ императору случай говорить объ эрцгерцогинѣ и получать нѣкоторыя свѣдѣнія о будущей подругѣ жизни. Исключительное вниманіе, оказываемое послу Его Величества, налагаетъ на Его Величество извѣстный долгъ, и онъ уплачиваетъ его австрійскому посланнику.

«Имѣется въ виду поѣздка въ Компьенъ—князь Шварценбергъ будетъ въ ней участвовать. При празднествахъ въ честь брака императора съ австрійской эрцгерцогиней австрійскій посланникъ не можетъ не пользоваться особыми отличіями. Подобающее императрицѣ вниманіе требуетъ, чтобы представитель ея августѣйшаго родителя занималъ мѣсто близъ нея. Но эти

отличія относятся къ семейной жизни императора; это дѣло семейное и стоитъ въ сторонѣ отъ великихъ политическихъ отношеній и мѣропріятій кабинета.

«Не таковы отличія, расточаемыя обоимъ посланникамъ Россіи [1]); они иного рода, такъ какъ обусловливаются союзомъ двухъ націй и дружбой, связующей ихъ государей. Отличія, которыми пользуется австрійскій посланникъ, суть дань уваженія императрицѣ, императрица же не будетъ имѣть вліянія на дѣла: она постоянно будетъ въ сторонѣ отъ нихъ, и бракъ съ нею ни въ чемъ не измѣнитъ нашихъ политическихъ отношеній.

«Императоръ Александръ слишкомъ уменъ, чтобы не замѣтить, какое значеніе имѣетъ почетъ, о которомъ я говорю въ моемъ письмѣ, даже если бы таковой почетъ не былъ обычнымъ явленіемъ во всѣ времена, а вамъ извѣстно, что, кромѣ тѣхъ отличій, о которыхъ я имѣю честь бесѣдовать съ вами, въ обычаѣ были и другія. Итакъ, я думаю, что вамъ не придется бороться съ дурнымъ впечатлѣніемъ, которое могло бы быть слѣдствіемъ неправильной оцѣнки этихъ условностей; постарайтесь предупредить такое впечатлѣніе. Говоря о томъ, какъ императоръ цѣнитъ союзъ съ Россіей, вы скажете правду, и если сумѣете устранить на этотъ счетъ всякія сомнѣнія, вы приведете въ исполненіе желаніе императора» [2]).

Что бы ни говорилъ Наполеонъ Россіи, какъ бы ни увѣрялъ ее, не въ его силахъ было сдѣлать, чтобы взаимное положеніе Франціи и Австріи въ періодъ обрученія—періодъ ихъ дружескихъ увѣреній и утонченнаго вниманія—не приняло вида тѣснаго союза. Въ этотъ періодъ времени политическая сцена представляла поразительное сходство съ картиной во время и послѣ свиданія въ Тильзитѣ, съ той только разницей, что Австрія унаслѣдовала роль, которая незадолго передъ тѣмъ выпала на долю Россіи. Въ Тильзитѣ оба монарха обязались вновь встрѣтиться и посѣтить другъ друга въ ихъ столицахъ; послѣ разлуки они вступили въ дружескую переписку и обмѣнивались сувенирами и подарками. Теперь говорили о скоромъ пріѣздѣ въ Парижъ австрійскаго императора Франца I-го, гдѣ ему хотѣлось видѣть дочь во всемъ блескѣ ея положенія, на зарѣ ея счастья. Послѣ

[1]) Посланникъ Александръ Куракинъ и чрезвычайный посолъ князь Алексѣй Куракинъ.

[2]) 17 марта 1810 г.

Тильзита Наполеонъ посылалъ нѣжныя посланія Александру, теперь онъ посылаетъ ихъ австрійскому императору. Каждый день въ газетныхъ листкахъ сообщается о проѣздѣ черезъ Германію флигель-адъютантовъ и чиновъ двора, съ порученіемъ доставить интимныя письма и великолѣпные подарки будущей императрицѣ или ея родителямъ. Въ Тильзитѣ Наполеонъ пожелалъ, чтобы обѣ арміи, забывъ свою недавнюю вражду, въ братскомъ порывѣ примирились на его глазахъ. Тогда онъ собственноручно украсилъ орденомъ самаго храбраго изъ преображенцевъ. Теперь онъ вновь продѣлалъ нѣчто подобное. Онъ снялъ съ себя орденъ Почетнаго Легіона, простой солдатскій крестъ, какой обыкновенно носилъ, — точно такой, какой онъ прикололъ на грудь гренадера Лазарева,—и послалъ его эрцгерцогу Карлу, прося его украсить имъ свою грудь. Такимъ, неоцѣнимымъ по своей простотѣ, даромъ онъ воздалъ честь своему противнику при Ваграмѣ, какъ опытному и искусному полководцу, какъ лучшему солдату Австріи. Онъ всячески старался поднять недавнихъ побѣжденныхъ въ ихъ собственныхъ глазахъ и изгладить изъ ихъ памяти горькія воспоминанія о пережитыхъ ими бѣдствіяхъ.

Вслѣдъ за такимъ обиліемъ фактовъ, утѣшительныхъ для самолюбія Австріи, она начала извлекать изъ создавшагося положенія самые практическіе барыши, самыя прозаическія выгоды, и все, что она ни получала, дѣлалось, благодаря роковымъ образомъ сложившимся событіямъ и ихъ особенностямъ, за счетъ Россіи.

Русское правительство давно уже подготовляло выпускъ займа въ Парижѣ. Куракинъ усердно хлопоталъ о немъ, видя въ этомъ главное дѣло, ввѣренное въ настоящее время его попеченіямъ. Но, несмотря на офиціальное содѣйствіе французскаго правительства, операція, повидимому, должна была провалиться. Со времени неудачи съ брачнымъ проектомъ французскіе капиталисты, слѣдившіе за ходомъ политики, инстинктивно отстранились отъ Россіи. Тогда Россія вообразила, что Наполеонъ можетъ предписать довѣріе и такимъ образомъ доставить успѣхъ предпріятію. Думая, что на нее мало обращаютъ вниманія, она становилась болѣе требовательной и въ рѣзкой формѣ ссылалась на свои права союзницы. Куракинъ выразилъ желаніе, чтобы заёмъ былъ гарантированъ Франціей, чтобы Наполеонъ поручился и принялъ на себя отвѣтственность за императора Александра. Это значило, вмѣсто содѣйствія въ устройствѣ займа,

просить нѣчто въ родѣ правительственной ссуды. И въ періодъ наилучшихъ отношеній Наполеонъ счелъ бы это притязаніе чрезмѣрнымъ; тѣмъ паче при настоящихъ условіяхъ у него не было ни малѣйшей охоты согласиться на это. Чтобы отклонить такое притязаніе, онъ сослался на строгости конституціи, и кстати вспомнилъ, что основнымъ закономъ VIII года запрещалось отдавать въ заёмъ денежныя средства страны безъ согласія Законодательнаго Корпуса [1]). Узнавъ, что требованіе ея сочтено непріемлемымъ, Россія обидѣлась, отказалась отъ внѣшняго займа и открыла подписку на внутренній. На смѣну ей явилось австрійское правительство и начало хлопоты по займу для себя. Оно также нуждалось для покрытія неотложныхъ нуждъ и издержекъ по послѣдней войнѣ во внѣшнемъ займѣ, и обратилось съ просьбой выпустить его на биржахъ Парижа, Брюсселя и Женевы. Дѣйствуя болѣе обдуманно, избѣгая создавать затрудненія, Австрія удовольствовалась выгодами, предоставленными ей объявленіемъ о займѣ въ *Moniteur*'ѣ и допущеніемъ котировки займа на парижской биржѣ. Наполеонъ легко согласился на всѣ эти пункты, даже оказалъ содѣйствіе и, такимъ образомъ, разрѣшилъ Австріи получить капиталы, на которые разсчитывала Россія [2]).

Такая перемѣна въ симпатіяхъ Наполеона, такое роковое вытѣсненіе одного государства другимъ съ каждымъ днемъ становились все болѣе замѣтными. Это особенно бросалось въ глаза въ то время, когда императрица торжественно проѣзжала черезъ Германію, направляясь изъ Вѣны въ Парижъ. Наполеонъ хотѣлъ, чтобы путешествіе совершилось быстро, но торжественно. Бертье, руководившій путешествіемъ, распоряжался съ чисто-военной аккуратностью и энергіей, какъ подобаетъ начальнику штаба великой арміи. Онъ заранѣе точно назначилъ этапы, довелъ до минимума остановки и приказалъ ѣхать съ возможной быстротой. Но, несмотря на все это, торжественныя встрѣчи, устраиваемыя по правиламъ этикета на протяженіи всего пути, подчеркивали на каждомъ шагу, съ бьющимъ въ глаза тщеславіемъ, картины возрастающаго между французами и австрійцами единенія.

Въ тотъ день, когда императрица, при торжественной обста-

[1]) Шампаньи Коленкуру, 20 апрѣля 1810 г.
[2]) Mémoires de Metternich, II, 381—385.

новкѣ покидаетъ Вѣну, бо́льшая часть города украшается трехцвѣтными флагами, оркестры играютъ наши національные мотивы, и это вторженіе революціонныхъ напѣвовъ въ столицу Священной Имперіи поражаетъ, какъ знаменіе времени. Далѣе имѣетъ мѣсто передача императрицы избраннымъ императоромъ комиссарамъ. Это происходитъ въ Браунау, въ павильонѣ, раздѣленномъ на двѣ половины: французскую и австрійскую, гдѣ представители самой гордой аристократіи Европы обмѣниваются любезностями и дружескими увѣреніями съ вновь испеченной знатью, завоевавшей на полѣ битвы свои титулы. Въ то время, когда солдаты обоихъ конвоевъ—аристократическая гвардія Вѣны и французскіе стрѣлки, венгерскіе гусары и гренадеры Фріана—собираются вокругъ однихъ и тѣхъ же столовъ, подъ зеленой сѣнью деревъ и весело братаются и чокаются, подобно тому, какъ недавно еще французы и русскіе чокались на пиру въ Тильзитѣ, дочь Габсбурговъ, которую встрѣчаетъ и привѣтствуетъ неаполитанская королева, передается одной изъ рода Бонапартовъ. Далѣе на пути слѣдованія—нѣмецкіе города Мюнхенъ, Аугсбургъ, Ульмъ, Штутгартъ, Раштадтъ украшаются драпировками, цвѣтами, флагами и зажигаютъ иллюминаціи. Это короли и принцы Конфедераціи привѣтствуютъ высокую новобрачную и въ своихъ изъявленіяхъ вѣрноподданническаго долга соединяютъ воедино сегодняшняго покровителя со вчерашнимъ верховнымъ владыкой—Наполеона съ Францемъ, и повсюду населеніе, неспособное уловить оттѣнки, не умѣющее отличить семейныхъ узъ отъ политическаго единенія, простого примиренія отъ союза, привѣтствуетъ радостными кликами бракъ, какъ симптомъ союза, заключеннаго между двумя императорскими домами съ цѣлью общими силами положить основу новаго міровового порядка. Повсюду говорится о несуществующемъ еще союзѣ. Его прославляютъ въ прозѣ и стихахъ, въ рѣчахъ, тостахъ, поэмахъ; изображаютъ въ видѣ аллегорій, метафоръ, группами изъ миѳологіи. О немъ возвѣщаютъ—въ громкихъ и торжественныхъ выраженіяхъ—въ надписяхъ на тріумфальныхъ аркахъ, въ девизахъ, изображенныхъ на складкахъ развѣвающихся по вѣтру знаменъ и драпировокъ. О томъ же говорится и на щитахъ съ изображеніемъ римскаго орла Наполеона съ геральдическимъ австрійскимъ орломъ. Офиціальный лиризмъ соперничаетъ въ изобрѣтательности съ наивнымъ восторгомъ толпы;

пылкое французское воображеніе соединяется съ нѣмецкой сентиментальностью, и союзъ двухъ государствъ изображается символически въ тысяча видахъ. На громадномъ протяженіи выставляются напоказъ его эмблемы, и на разстояніи четырехсотъ льё отъ Вѣны до Парижа, на территоріи пяти государствъ и двадцати городовъ, воздвигаются въ честь его прозрачныя аллегоріи [1]).

Но въ этомъ бурномъ потокѣ дружескихъ изліяній, среди знаменательныхъ встрѣчъ и манифестацій, нигдѣ не появилось имени Россіи—этой офиціальной и законной союзницы Франціи. О ней какъ-будто забыли, какъ-будто пренебрегли ею. Держась въ сторонѣ, вдали отъ всего, забытая, оставленная въ одиночествѣ, она прислушивалась къ доходившему до нея шуму празднествъ и съ непріязненнымъ любопытствомъ созерцала несущійся вдали отъ нея потокъ великолѣпныхъ зрѣлищъ. «Итакъ, вы приближаетесь къ развязкѣ, писалъ Коленкуръ Талейрану, а мы издали смотримъ на это черезъ свои очки» [2]). Русскій посланникъ въ Вѣнѣ, графъ Шуваловъ, отмѣчалъ съ своего обсерваціоннаго пункта всѣ событія во время путешествія. Онъ не скупился на язвительныя замѣчанія по адресу императрицы, указывалъ на неожиданно появившіяся въ ней черты характера—надменность и повелительный тонъ; подчеркивалъ, какъ легко, по желанію Наполеона, разсталась она въ Мюнхенѣ съ своимъ другомъ,—воспитательницей графиней Лазанской. Въ малѣйшихъ мелочахъ онъ находилъ «указанія на то, что Австрія беззавѣтно отдается Франціи» [3]). Наконецъ, онъ сообщилъ о фактѣ, имѣющемъ не только важное, но даже тревожное значеніе. Графъ Меттернихъ только-что уѣхалъ въ Парижъ съ тѣмъ, чтобы присутствовать при въѣздѣ императрицы и остаться тамъ на нѣкоторое время. Шуваловъ сообщалъ далѣе, что, уѣзжая изъ Вѣны, Меттернихъ предоставилъ временное управленіе министерствомъ своему отцу, князю Меттерниху; но что этотъ престарѣлый государственный человѣкъ будетъ только подставнымъ

---

[1]) Письмо князя Невшательскаго императору, Archives national, AF, IV, 1675. Moniteurs de mars 1810; Correspondance du comte Otto; Helfert, 114—124.

[2]) Предыдущее письмо на стр. 309.

[3]) Шуваловъ Румянцеву, апрѣль—май 1810 г. Archives de Saint-Pétersbourg.

лицомъ, такъ какъ внѣшней политикой имперіи по-прежнему будетъ вѣдать его сынъ; что, такимъ образомъ, вмѣстѣ съ Меттернихомъ перемѣстился въ Парижъ и вѣнскій кабинетъ, и, вѣроятно, это дѣлается съ той цѣлью, чтобы окончательно выработать союзный договоръ, котораго такъ боятся въ Петербургѣ; что выборъ эрцгерцогини обозначилъ помолвку Наполеона съ Австріей; пріѣздъ же Меттерниха въ Парижъ, совпадающій съ пріѣздомъ Маріи-Луизы, повидимому, имѣетъ цѣлью дополнить и довести до конца дѣло единенія.

22 марта Марія-Луиза переѣхала около Страсбурга черезъ Рейнъ и вступила на французскую землю. Дальнѣйшій путь шелъ на Нанси и Реймсъ. Встрѣча супруговъ должна была произойти вблизи Суассона, въ палаткѣ, украшенной пурпуромъ и золотомъ. Здѣсь, по древнему обычаю, императрица должна была преклонить колѣно предъ своимъ повелителемъ и государемъ и, какъ первая изъ его подданныхъ, присягнуть въ вѣрности. Извѣстно, что Наполеонъ избавилъ ее отъ этой церемоніи. Выѣхавъ ей навстрѣчу и овладѣвъ ею во время пути, онъ проѣхалъ вмѣстѣ съ нею прямо въ Компьенъ. Князь Шварценбергъ, графиня Меттернихъ и незадолго до этого пріѣхавшій въ Парижъ графъ Меттернихъ были приглашены въ эту резиденцію. Наполеону хотѣлось, чтобы, при выходѣ изъ кареты, императрица увидала около себя дружескія лица, чтобы присутствіе ея соотечественниковъ дало ей иллюзію второй родины, чтобы, видя ихъ, она не такъ трусила и не чувствовала себя столь одинокой въ средѣ, гдѣ все ей было незнакомо и ново.

Въ слѣдующіе затѣмъ дни эти трое австрійцевъ, которымъ отведены были покои въ замкѣ и которые были допущены къ императорскому столу, пользовались исключительными прерогативами. 31 марта Меттернихъ сопровождалъ императорскую чету изъ Компьена въ Сенъ-Клу по шедшему мимо столицы пути, который парижскія женщины усыпали цвѣтами. 1 апрѣля онъ съ Шварценбергомъ и двумя соотечественниками, графами Шенборномъ и Клари, были единственными иностранцами, присутствовавшими при гражданскомъ бракѣ, совершенномъ великимъ канцлеромъ въ галлереѣ Сенъ-Клу въ присутствіи императорской семьи, придворныхъ и высшихъ чиновъ государства. При видѣ почестей, вполнѣ естественныхъ въ подобномъ случаѣ, толпа царедворцевъ не сомнѣвалась болѣе, что симпатіи императора

обратились къ Австріи. Она повернулась лицомъ къ восходящему солнцу и начала ухаживать за австрійцами, дѣлая видъ, что все это дѣлается по собственному побужденію, что вниманіе оказывается изъ личной симпатіи, такъ сказать, по сродству душъ, а не только потому, что это желательно ихъ повелителю.

Почести, которыми пользовался Меттернихъ, далеко превосходили обычныя почести. Онъ съ тѣмъ бо́льшимъ удовольствіемъ наслаждался своимъ настоящимъ положеніемъ, что видѣлъ въ этомъ указаніе на упадокъ значенія соперничествующаго съ Австріей двора. «Въ настоящее время, писалъ онъ своему государю, положеніе посланника Вашего Величества въ Парижѣ такое же, какимъ было положеніе русскаго посланника до послѣдней войны» [1]). Для довершенія контраста вдругъ распространился слухъ, что князь Куракинъ не будетъ присутствовать на церемоніи церковнаго брака, которой предстояло быть въ Парижѣ и которою должны были завершиться празднества. Въ свое оправданіе посланникъ Россіи будто бы ссылался на свои немощи. Этотъ слухъ не подтвердился. Тѣмъ не менѣе, мы увидимъ, что неожиданное стеченіе обстоятельствъ осудитъ представителя царя до самаго конца играть или жалкую, или тягостную роль—оно всюду выставитъ Австрію въ милости, Россію—въ опалѣ.

2 апрѣля наступилъ торжественный день. Рано утромъ, когда императоръ съ императрицей въ сопровожденіи свиты выѣхали изъ Сенъ-Клу и направились въ Парижъ, большинство приглашенныхъ изъ привилегированнаго класса,—все, что было въ городѣ самаго высокаго по рангу, состоянію, офиціальному или общественному положенію, собралось въ Луврѣ. Одни—въ большой художественной галлереѣ, другіе—въ залѣ Аполлона, превращенной въ капеллу. Первые были допущены смотрѣть на свадебное шествіе, которое должно было слѣдовать изъ Тюльери въ Лувръ внутренними покоями дворца; вторые—для присутствованія при религіозной церемоніи. Къ девяти часамъ утра мѣста были уже заняты, съѣздъ почти закончился. Четыре тысячи роскошно одѣтыхъ дамъ, въ придворныхъ мантіяхъ, занимали хоры капеллы и ряды скамеекъ, поставленныхъ по обѣимъ сторонамъ галлерей. На улицахъ непрерывно гремѣли залпы изъ орудій.

---

[1]) Mémoires. I, 332.

Начавшись при въѣздѣ высочайшихъ особъ въ городъ, они по мѣрѣ движенія процессіи приближались къ Лувру и обозначали ея ходъ. По все болѣе учащавшимся выстрѣламъ узнавали, что императоръ прослѣдовалъ подъ Тріумфальной аркой, что онъ спускается по Грандъ-Авеню, что онъ прибылъ на площадь Конкордія. Онъ приближался къ Лувру при звукахъ трубъ, окруженный военной свитой и толпой своихъ маршаловъ, привѣтствуемый на всемъ пути слѣдованія войсками. Впереди него шла кавалерія его гвардіи, затѣмъ церемоніймейстеры, герольды, его дворъ, дворъ трехъ королей и трехъ королевъ. Онъ ѣхалъ шагомъ въ парадной каретѣ, запряженной восьмерикомъ украшенныхъ панашами лошадей. Карета представляла изъ себя движущееся, построенное изъ хрусталя и золота, зданіе, чрезъ прозрачныя стѣнки котораго можно было видѣть римскій профиль Цезаря съ увѣнчаннымъ лаврами челомъ, и рядомъ съ нимъ украшенную императорской діадемой, изумленную молодую женщину, которую онъ показывалъ своему народу, какъ свое самое драгоцѣнное завоеваніе. Красота упряжи и ливрей, вновь введенная роскошь придворныхъ нарядовъ, блескъ оружія создавали во кругъ него ослѣпительное сіяніе. Восторженная толпа склонялась передъ нимъ съ чувствомъ обожанія, и на возгласы солдатъ: «Да здравствуетъ императоръ!» отвѣчала неумолкаемыми криками.

Это глубокое и почти религіозное настроеніе не проникло еще въ зданіе Лувра, гдѣ долгое ожиданіе притупило любопытство и ослабило напряженіе умовъ. Многіе оставляли свои мѣста и, въ зависимости отъ взаимныхъ симпатій или даже случайныхъ встрѣчъ, составлялись группы. Приглашенные въ капеллу смѣшались съ приглашенными въ галлерею, гдѣ играла музыка «и обносили прохладительными напитками» [1]). Эта часть дворца, украшенная художественными произведеніями, бóльшая часть которыхъ были побѣдными трофеями, приняла видъ громаднаго, наряднаго салона, гдѣ прогуливались, болтали, злословили и свободно обмѣнивались впечатлѣніями. Одни старались предусмотрѣть инциденты, которые могли бы внести нѣчто пикантное и неожиданное въ предстоящій великій актъ, другіе подмѣчали забавныя стороны, которыя всегда можно найти и въ величе-

[1]) Moniteur отъ 10 апрѣля.

ственныхъ зрѣлищахъ, и въ человѣческихъ страстяхъ и страданіяхъ.

Несмотря на большіе толки, вызванные отсутствіемъ въ рядахъ духовенства тринадцати кардиналовъ, протестовавшихъ противъ процедуры развода безъ вмѣшательства папскаго престола, прибытіе дипломатическаго корпуса ожидалось съ большимъ нетерпѣніемъ. Всѣхъ интересовало, явится ли посолъ Россіи, князь Куракинъ. Иностранныя миссіи, собравшись по особому приглашенію въ зданіи австрійскаго посольства, вошли всѣ вмѣстѣ въ установленномъ порядкѣ. Князь Куракинъ появился среди своихъ коллегъ болѣе великолѣпный, чѣмъ обыкновенно, сіяя орденами, покрытый золотомъ и драгоцѣнностями, неся на себѣ на два милліона драгоцѣнныхъ камней, но блѣдный и похудѣвшій, едва держась на ногахъ, достойный жалости и смѣха. Онъ разсказывалъ о своихъ страданіяхъ и выражалъ свой восторгъ въ такой преувеличенной формѣ, что для всѣхъ было ясно, какъ неловко онъ себя чувствовалъ.

Ни за что на свѣтѣ, говорилъ онъ, не согласился бы онъ отсутствовать на такомъ прекрасномъ торжествѣ. Его государь никогда не простилъ бы ему, если бы онъ заболѣлъ въ такой день. Уже это одно заставило его собрать послѣднія силы, превозмочь жестокія боли и приказать донести себя до капеллы. Онъ въ продолженіе долгаго времени упорно подчеркивалъ всѣ эти мелочи, желая, чтобы всѣ знали о его героизмѣ и оцѣнили причины, побудившія его къ этому. Изъ своего присутствія онъ желалъ создать цѣлое событіе, и, думая такимъ путемъ опровергнуть распространившійся слухъ, что въ Россіи недовольны этимъ бракомъ, онъ, наоборотъ, еще больше подтвердилъ этотъ слухъ и придалъ ему еще бо́льшее значеніе [1]).

Его натянутый и неискренній тонъ выдѣлялся еще болѣе рядомъ съ поразительной простотой и полной достоинства непринужденностью, съ какими Меттернихъ принималъ поздравленія и знаки почтенія. Тотъ весь сіялъ, разсыпался въ любезностяхъ, ухитрялся всегда быть на виду и играть первую роль. Онъ очень скоро далъ яркое доказательство своего искусства. Такъ какъ всѣ перипетіи церемоніи должны были слѣдовать другъ за другомъ безъ перерыва и, слѣдовательно, получившіе приглашеніе

[1]) Бюллетени полиціи. Archives nationales, AF, IV, 1508.

должны были оставаться во дворцѣ въ продолженіе всего дня, то графъ Рено-де-Сенъ-Жанъ-д'Анжели приказалъ приготовить изысканный завтракъ въ одной изъ залъ, отведенныхъ для занятій государственнаго совѣта, гдѣ онъ предсѣдательствовалъ на секціяхъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Такое любезное вниманіе относилось, главнымъ образомъ, къ дипломатическому корпусу. Австрійцы первые воспользовались имъ. Во время завтрака на Меттерниха нашло внезапное вдохновеніе. Этотъ вельможа не пренебрегалъ при случаѣ публичными манифестаціями и, когда считалъ это нужнымъ, умѣлъ говорить съ толпой. Онъ взялъ бокалъ, подошелъ къ открытому окну, выходившему въ переполненные народомъ проходы между зданіями дворца, и, показываясь передъ собравшейся любопытной и гудящей толпой, съ чувствомъ воскликнулъ, поднимая бокалъ: «За Римскаго Короля!» [1]).

Впечатлѣніе получилось поразительное. Всѣмъ было извѣстно, что первенецъ императора долженъ былъ носить титулъ Римскаго Короля, а, съ другой стороны, не было секретомъ, что даже послѣ Аустерлица австрійскій домъ не переставалъ требовать вернуть ему корону римлянъ, какъ простой знакъ достоинства, охраняемаго имъ съ ревнивой заботливостью. Благодаря такому упреждающему событія признанію похищеннаго у него титула, австрійскій домъ какъ бы узаконялъ захватъ; онъ отрекался въ пользу молодой имперіи отъ своихъ самыхъ высокихъ привилегій и устанавливалъ ихъ за нею. Это проявленіе необычайной уступчивости, указывавшее на преданность и поклоненіе Австріи императору французовъ, прогремѣло на всю Европу. Въ особенности этимъ были испуганы и возмущены русскіе. Они увидѣли въ этомъ лишнее доказательство того, что Австрія беззавѣтно отдалась Франціи. Одинъ изъ русскихъ въ письмѣ изъ Вѣны говорилъ о Меттернихѣ: «Министръ, который, устроивъ бракъ, могъ воскликнуть: «*Монархія спасена*!»; который за завтракомъ у Рено-де-Сенъ-Жанъ д'Анжели, въ день бракосочетанія императрицы Маріи-Луизы въ Парижѣ, могъ, не будучи на то вызванъ, пить за здоровье будущаго римскаго короля (вопреки священной для каждаго австрійца памяти о титулѣ римскаго короля), этотъ министръ—говорю я—чтобы быть

[1]) Souvenirs du baron de Barante, I, 318.

послѣдовательнымъ, неизбѣжно долженъ стараться вовлечь своего государя въ союзъ съ французскимъ правительствомъ» [1]).

Уже по провозглашеніи Меттернихомъ его тоста и послѣ того, какъ завтракъ былъ уже оконченъ, гости увидѣли, что въ залу идутъ члены русскаго посольства, которые тоже желали подкрѣпить свои силы; но они заблудились и безпомощно бродили по заламъ дворца, гдѣ на нихъ не обращалось уже особеннаго вниманія. «Это доставило обильную пищу для насмѣшекъ надъ Россіей, которая прозрѣла слишкомъ поздно» [2]).

Подъ конецъ, Куракинъ рѣшился удалиться отдохнуть въ отдѣльной комнатѣ, предоставленной въ его распоряженіе. И—о, жестокая иронія судьбы!—онъ отправился туда поддерживаемый съ одной стороны Меттернихомъ, съ другой—Шварценбергомъ, которые предложили ему опереться на ихъ руки [3]). Впрочемъ, престарѣлый князь скоро оправился отъ временнаго упадка силъ и, какъ только было объявлено о прибытіи высочайшихъ особъ и началѣ службы, снова явился въ капеллу. Когда онъ увидалъ Марію-Луизу, онъ счелъ нужнымъ разразиться по ея адресу потокомъ восторженныхъ фразъ. По его словамъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ видѣлъ ее въ Вѣнѣ, онъ нашелъ въ ней удивительную перемѣну къ лучшему. «Она хороша, какъ ангелъ!» съ восхищеніемъ повторялъ онъ. Выведенный изъ терпѣнія этимъ тономъ, звучавшимъ фальшиво и начинавшимъ производить дурное впечатлѣніе, Меттернихъ нашелъ необходимымъ умѣрить неумѣстный восторгъ князя и установить тонъ, въ какомъ надлежало восхвалять императрицу. «Правда, сказалъ онъ, Ея Величество замѣчательно развилась въ теченіе послѣднихъ трехъ-четырехъ лѣтъ; черты лица ея опредѣлились, въ ней много граціи и достоинства; здоровье ея великолѣпно; не будучи хорошенькой, она прекрасна» [4]).

Церемонія шла своимъ чередомъ съ величественной торже-

---

[1]) Штакельбергъ Румянцеву, 15—27 ноября 1810 г. Archives de Saint-Pétersbourg.

[2]) Souvenirs du baron de Barante, I, 318.

[3]) Бюллетень полиціи. Archives nationales, AF, IV, 1508, 3 апрѣля 1810 г. „Нѣкоторые шутники, говорится въ бюллетенѣ, видя, что Меттернихъ ведетъ Куракина, говорили: Это въ порядкѣ вещей, кому же другому выпроваживать его за дверь“.

[4]) Предыдущій бюллетень полиціи.

ственностью. Къ пышности, которую воскресилъ или даже создалъ Наполеонъ, религія присоединила свою традиціонную, вѣками несокрушимую торжественность. Никто не избѣгъ чарующаго впечатлѣнія того момента, когда шествіе въ величественномъ и строгомъ порядкѣ проходило по галлереѣ; когда въ сопровожденіи длинной вереницы Величествъ и Высочествъ императоръ велъ императрицу, шлейфъ которой поддерживали три королевы и двѣ принцессы крови. Никогда еще въ этомъ дворцѣ, гдѣ всюду оживало воспоминаніе о двухъ расахъ, монархія не выполняла въ такомъ порядкѣ, съ такимъ достоинствомъ и блескомъ, своихъ обязанностей по поддержанію величія и блеска. Отчего же эта безподобная сцена не дала зрителямъ полнаго удовлетворенія? Почему, хотя у многихъ изъ присутствующихъ взоры и были ослѣплены, сердца ихъ оставались холодными, и они были счастливы только потому, что это было имъ приказано? Наполеонъ отучилъ своихъ подданныхъ вѣрить въ его благоразуміе. Онъ слишкомъ сильно давалъ имъ чувствовать, что, если ему суждено быть вѣчно счастливымъ, то только въ силу его чудесной судьбы, попирающей всѣ законы природы и разума. Еще недавно на австрійскій бракъ указывали, какъ на узду для его воинственныхъ порывовъ, теперь же стали видѣть въ немъ предзнаменованіе новыхъ войнъ. Мысль о далекой Россіи неотступно преслѣдовала многихъ. Ея поведеніе, невзирая на то, что оно было и предусмотрѣно, и предсказано, и объяснено надлежащимъ образомъ, заставляло бояться со стороны императора внезапной вспышки гнѣва, влеченія къ неизвѣстному, смѣлости, превосходящей всякія границы. Во время шествія была подхвачена зловѣщая фраза. «Все это,—будто бы сказалъ Мунье,—не помѣшаетъ намъ въ недалекомъ будущемъ найти смерть въ Бессарабіи» [1]). Объ этой участи, подобной участи Карла XII, отъ которой Камбасересъ, какъ осторожный и мудрый совѣтникъ, предостерегалъ Наполеона, говорили теперь и другіе,—правда, въ полголоса, но съ грубой откровенностью. Многіе съ невозмутимой покорностью смотрѣли на ея приближеніе и ясно различали на Сѣверѣ величайшую опасность.

Правда, эти имѣющіе уже основаніе страхи, эти откровенно высказываемыя опасенія не распространялись далѣе офиціальной

---

[1]) Souvenirs du baron de Barante, I, 317.

и великосвѣтской среды, далѣе политическихъ и мыслящихъ круговъ. За стѣнами дворца громадная толпа, привлеченная въ Парижъ объявленіемъ о торжественныхъ празднествахъ, всецѣло отдавалась развлеченіямъ, уже не безъ пресыщенія, которое является неизбѣжнымъ спутникомъ дней, богатыхъ великими зрѣлищами и сильными душевными волненіями. Она разлилась по всему городу, ища повсюду обѣщанныхъ удовольствій и ожидая ночи, когда предполагались грандіознѣйшія зрѣлища, столь же интересныя, какъ и дневныя. Она наполняла Тюльерійскій садъ, гдѣ передъ появившейся на балконѣ дворца императорской четой проходили церемоніальнымъ маршемъ гвардейскія части. Затѣмъ наступила очередь драгунъ, уланъ, стрѣлковъ и гренадеръ. Пламенный, искренній восторгъ этихъ прославившихся солдатъ былъ неизсякаемъ. Поднявъ на сабляхъ кивера и каски, неистовыми криками привѣтствовали они своего главу, свое божество, видя въ дочери австрійскаго императора только лишній трофей, завоеванный его геніемъ и ихъ храбростью.

Среди тѣхъ французовъ, у которыхъ военная карьера не поддерживала постоянно приподнятаго восторженнаго настроенія, проявлялось иное чувство. Несмотря на то, что они хранили теплое воспоминаніе о Жозефинѣ и сожалѣли объ этой доброй императрицѣ, они снисходительно относились къ Маріи-Луизѣ, видя въ ней залогъ мира, знаменіе примиренія Франціи съ Европой. Повсюду повторяемыя слова о согласіи и единеніи на короткое время создали иллюзію всемірнаго покоя; они успокоили на время душевныя тревоги народа, привыкшаго уже вѣрить въ роковую неизбѣжность борьбы; они заставили его забыть свои страданія, мѣшали ему слышать глухой рокотъ пушекъ, гудѣвшій вдали за Пиринеями и обращавшій ихъ вниманіе на все еще длившуюся войну—на это преступное дѣяніе, которое не могло остаться безъ возмездія. Поклоненіе и преданность императору, сильно пошатнувшіяся за послѣдніе два года, снова начали овладѣвать всѣми. Мечтали о несбыточномъ; надѣялись, что наконецъ-то онъ почіетъ на лаврахъ счастья и славы, что исполненіе его самыхъ завѣтныхъ желаній облегчитъ страданія его подданныхъ. «Вотъ прекраснѣйшій моментъ его царствованія, — писалъ вѣрный его слуга,—да принесетъ онъ ему счастье, а намъ лучшія времена!» [1]). Это-то

[1]) Коленкуръ Талейрану, 25 февраля 1810 г. Archives des affaires étrangères, Russie, 150.

желаніе, въ осуществленіе котораго до сихъ поръ не смѣли вѣрить, нашло откликъ въ глубинѣ милліоновъ французскихъ сердецъ. Нація слишкомъ часто испытывала опьяняющую радость побѣды, чтобы и теперь гоняться за нею и находить въ ней удовольствіе. Она праздновала бракъ съ Маріей-Луизой, какъ залогъ забвенія прошлаго, какъ залогъ устойчивости, какъ зарю болѣе милостивой эры, какъ побѣду надъ войной.

Съ своей стороны Наполеонъ ничего не щадилъ, чтобы придать своему браку успокоительное значеніе. Въ это время онъ, дѣйствительно, старался сдѣлать себя менѣе грознымъ для Европы. Онъ принималъ серьезныя мѣры, чтобы увѣрить династіи въ ихъ безопасности и отвратить отъ себя ненависть народовъ. Онъ отозвалъ свои войска изъ Германіи и приказалъ имъ отойти за Рейнъ; очистилъ территорію Конфедераціи, рѣшивъ оставить тамъ только двѣ дивизіи: одну—для занятія ганзейскихъ городовъ съ цѣлью закрыть туда доступъ англійскимъ товарамъ, другую—для охраны Вестфаліи и надзора за Пруссіей. Онъ торопился окончить денежные споры съ Пруссіей; отсрочилъ присоединеніе Голландіи, предоставивъ царствовать тамъ королю Людовику и поставивъ ему условіемъ полнѣйшую покорность,—онъ нетерпѣливо желалъ кончить всѣ дѣла. Перенеся свое вниманіе на слишкомъ небрежно веденную испанскую войну, онъ собирался путемъ цѣлаго ряда лучше проведенныхъ операцій сломить сопротивленіе мятежниковъ, загнать на окраину полуострова и выбросить изъ Европы единственную армію—великобританскую. Конечно, если Англія упорно будетъ оспаривать его завоеванія, онъ будетъ дѣйствовать противъ нея вездѣ съ удвоенной энергіей. Въ немъ возрождается его вѣчная надежда, что примиреніе съ Австріей, обезпечивая прочный миръ на континентѣ, позволитъ ему обновить и необычайно развить средства къ морской войнѣ. Но прежде, чѣмъ начать противъ своей соперницы истребительную кампанію, онъ обращается къ ней со словами примиренія. Онъ напрашивается на переговоры, предлагаетъ,—какъ предварительное для переговоровъ условіе,—смягчить строгія мѣры блокады, лишь бы только британскіе министры отмѣнили свои постановленія, посягающія на свободу морей. «Само собой разумѣется, пишетъ онъ, что миръ можетъ состояться только тогда, когда война будетъ вестись не такъ жестоко» [1]).

[1]) Corresp., 16352.

Слишкомъ поздняя, недолговѣчная умѣренность и, къ тому же, безполезная! Борьбѣ Франціи съ Англіей, этому постоянному препятствію къ всеобщему умиротворенію, суждено было быть дуэлью на смерть, которая могла прекратиться только или съ возвращеніемъ Франціи въ ея прежнія границы, или съ полнѣйшимъ разгромомъ Англіи. Этотъ характеръ, который былъ приданъ борьбѣ съ первыхъ же завоеваній республики, развивался неуклонно, съ безпощадной энергіей. Чтобы не оставаться подъ пушками Антверпена и не дать Франціи завладѣть Шельдой, Англія создала коалицію и платила Европѣ жалованье. Благодаря такому способу ея дѣйствій, дѣло дошло до того, что Наполеонъ, побѣдивъ одного за другимъ всѣхъ враговъ, выдвигаемыхъ ею противъ него, началъ угрожать ей самой непосредственно и прицѣливаться въ нее отовсюду: съ острова Текселя, изъ Гамбурга, Данцига, Тріеста, Корфу, Италіи и Испаніи, повсюду выставивъ противъ нея французскую Европу. Не желая признавать за побѣдителемъ хотя бы нѣкоторой доли его сверхъестественныхъ завоеваній, Англія должна была упорно, до конца, вести борьбу, которая истощала ея средства, подвергала ея стойкость величайшимъ испытаніямъ, но зато, заставляя Наполеона ставить все на карту въ дѣлающихся все болѣе отдаленными и рискованными предпріятіяхъ, оставляла ей надежду вернуть все обратно, и эта надежда росла и оправдывалась съ каждымъ днемъ. Тщетно Франція въ послѣдній разъ старается повѣрить, что Наполеонъ хочетъ и можетъ сдержать себя, что онъ намѣренъ закончить свою карьеру завоевателя и спокойно ждать морского мира. Лучше освѣдомленная исторія не можетъ раздѣлять этой мечты. Въ мирной побѣдѣ 1810 года она ясно различаетъ точку отправленія новыхъ осложненій въ Европѣ, болѣе грозныхъ, чѣмъ всѣ предыдущія. Она не можетъ, руководствуясь своими личными симпатіями, отвратить взоры отъ будущаго и остановить ихъ съ полнымъ удовлетвореніемъ на этомъ свѣтломъ, но скоропреходящемъ моментѣ; она не можетъ отдѣлить этого момента отъ послѣдующихъ событій, ибо нельзя вырвать нити изъ непрерывной, сплошной ткани, которую ткетъ Провидѣніе—ткани, въ которой все тѣсно связано, все вытекаетъ одно изъ другого, гдѣ успѣхъ вчерашняго дня неизбѣжно подготовляетъ борьбу на завтра. Уже теперь, по ту сторону покоренной или зачарованной Европы, она различаетъ Россію, которая въ страшной тревогѣ спѣ-

шитъ вооружиться и готовится къ борьбѣ. Она видитъ императора Александра такимъ, какъ онъ рисуется въ секретныхъ мемуарахъ: какъ онъ, дошедши до послѣдней степени страха, съ искаженными чертами, съ «неподвижнымъ» и почти «дикимъ» [1]) взоромъ, играетъ при крушеніи своей политики роль простого зрителя, какъ онъ сознаетъ свои ошибки и приходитъ къ убѣжденію, что Наполеонъ захочетъ заставить его искупить ихъ цѣной раздробленія его имперіи. Исторіи извѣстно, что онъ не только боится нападенія, но уже предвидитъ время нападенія, и предсказываетъ, что оно будетъ сдѣлано на слѣдующій годъ; ей извѣстно, что онъ готовится къ оборонѣ и даже думаетъ первымъ напасть на своего противника. Для обоихъ императоровъ близится часъ непримиримой вражды и роковой борьбы. Счастливая звѣзда Наполеона все еще сіяетъ безподобнымъ блескомъ, но вдали собирается гроза. Австрійскій бракъ — его послѣднее торжество, онъ — предтеча бѣдствій, и за сіяющей картиной этого грандіознаго апоѳеоза уже виднѣется зловѣщій горизонтъ.

---

[1]) Mémoires du prince Czartoryski, II, 233.

ГЛАВА IX.

СЕКРЕТЪ ЦАРЯ.

Князь Адамъ Чарторижскій въ кабинетѣ императора Александра. — Начало ихъ отношеній. — Петербургъ въ 1796 г. — Встрѣча въ Таврическомъ саду. — Достопамятная сцена. - Уроки Лагарпа. — Врожденное великодушіе и высокіе порывы Александра. Онъ желалъ бы успокоить и утѣшить Польшу. — Радость и надежды Чарторижскаго. — Александръ сталкивается съ дѣйствительностью. — Постепенно во взглядахъ Александра происходитъ полная перемѣна. — Подъ вліяніемъ страха передъ Наполеономъ въ умѣ царя возникаетъ желаніе возстановить Польшу, присоединивъ ее къ Россіи. — Первая мысль о наступательной войнѣ съ Франціей. — Русская партія въ Варшавѣ. — Предложеніе, переданное Голицынымъ. — Александръ проситъ совѣта у Чарторижскаго. — Взаимное недовѣріе. — Различіе во взглядахъ царя и его канцлера. — Представитель традицій. — Дѣло о конвенціи остается въ неопредѣленномъ положеніи. — Отправка въ Парижъ русскаго контръ-проекта; къ Наполеону предъявляется требованіе подписать дипломатическую капитуляцію. - Тревоги Александра растутъ. Аустерлицкій взоръ. Новый разговоръ съ Чарторижскимъ. — Проектъ напасть врасплохъ на великое герцогство и овладѣть имъ. — Разныя комбинаціи. — Секретная политика Александра, которую онъ ведетъ самъ непосредственно. — Попытки воздѣйствія на Австрію. — Алопеусъ. — Фиктивное назначеніе посломъ къ Мюрату; дѣйствительное порученіе въ Вѣнѣ. — Соблазнительныя предложенія. — Яблоко раздора между Петербургомъ и Вѣной. — Александръ упорно стремится присоединить княжества и предлагаетъ Австріи компенсацію. — Сербія. — Великій проектъ 1808 г. - Хорошо разсчитанная болтливость. — Тайныя усилія Александра отвлечь отъ Наполеона Польшу и Австрію. — Параллельно съ возобновленіемъ переговоровъ онъ приступаетъ къ дипломатической кампаніи противъ Франціи.

Въ то время, какъ Франція и бóльшая часть Европы праздновали свадьбу новаго Карла Великаго, въ кабинетѣ императора Александра происходили тяжелыя сцены. Снѣдаемый безпокойствомъ и заботами, царь обратился къ человѣку, который былъ хранителемъ его первыхъ тайнъ, скорѣе другомъ, чѣмъ министромъ. Князь Адамъ Чарторижскій вернулся въ Петербургъ прошлой осенью послѣ годового отсутствія. Въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль Александръ искалъ случая приблизить его къ себѣ и вызвать на дружескія бесѣды. Когда вопросъ о

Польшѣ сдѣлался для него слишкомъ мучительнымъ, онъ рѣшилъ повѣрить свое горе польскому вельможѣ и просить его помощи. Патріотизмъ князя не былъ для него секретомъ, но онъ зналъ его преданность и высоко цѣнилъ ее.

Ихъ дружба тянулась уже четырнадцать лѣтъ. Она завязалась при трогательной и романической обстановкѣ. Послѣ окончательнаго раздѣла Польши въ 1795 г., императрица Екатерина потребовала, чтобы знаменитая семья Чарторижскихъ довѣрила ея попеченіямъ своихъ сыновей и тѣмъ дала залогъ своей покорности. Въ награду за это она позволила имъ надѣяться на смягченіе суровыхъ мѣръ и на возвратъ конфискованныхъ имѣній. Молодой князь Адамъ былъ выданъ ей заложникомъ. Въ Петербургѣ онъ былъ пожалованъ офицеромъ гвардіи и, какъ символъ рабства, носилъ русскій мундиръ. Императрица была къ нему милостива, общество старалось доставить ему развлеченія и удовольствія, но безуспѣшно — ничто не могло разсѣять грусть и меланхолію гордаго узника. По пріѣздѣ въ Петербургъ онъ былъ замѣченъ великимъ княземъ Александромъ, тогда еще восемнадцатилѣтнимъ юношей, старшимъ сыномъ цесаревича Павла, наслѣдникомъ престола во второй степени. По прошествіи нѣкотораго времени Александръ выразилъ желаніе поговорить съ нимъ наединѣ. Свиданіе произошло въ садахъ Таврическаго дворца, въ одинъ изъ тѣхъ весеннихъ дней, когда пробуждается сѣверная природа и, какъ бы торопясь жить, распускается во всемъ своемъ кратковременномъ блескѣ. Съ первыхъ же словъ непреодолимая симпатія влечетъ ихъ другъ къ другу; взаимное влеченіе душъ сближаетъ ихъ, и при дворѣ, гдѣ представитель осужденнаго на-смерть народа читаетъ на всѣхъ лицахъ только равнодушіе или обидную жалость, самъ наслѣдникъ Екатерины пожелалъ быть повѣреннымъ его думъ.

Было бы напрасной тратой времени отыскивать подобіе этой сцены въ исторіи; ее надо искать въ одномъ изъ великихъ твореній драматическаго генія; надо вспомнить, въ какихъ чертахъ нѣмецкій поэтъ обрисовалъ сына Филиппа II, Донъ-Карлоса, который въ душѣ проклиналъ жестокую политику отца, поклонялся справедливости и добродѣтели, страдалъ отъ великодушныхъ стремленій, и въ преданномъ другѣ нашелъ живой образъ своихъ думъ и терзаній. Александръ — Карлосъ Испанскій, Чарторижскій — Поза.

Русская императрица съ ревнивой заботливостью воспитывала своего внука подъ непосредственнымъ своимъ наблюденіемъ. Она видѣла въ немъ надежду своего народа, продолжателя ея дѣла. Однако, умѣя искусно льстить писателямъ и мыслителямъ Запада, привлекая къ себѣ этихъ творцовъ общественнаго мнѣнія, которые надѣляли славой и безсмертіемъ, она выбрала въ наставники великому князю одного изъ ихъ учениковъ, женевца Лагарпа. Она считала полезнымъ, чтобы будущій самодержецъ могъ щегольнуть либеральными и философскими идеями, блеснуть которыми она сама умѣла съ рѣдкимъ искусствомъ. Но оказалось, что молодой великій князь былъ одаренъ крайней воспріимчивостью и экзальтированнымъ воображеніемъ, что въ немъ была врожденная потребность вѣрить и сильно увлекаться. Принципы, которые развивалъ предъ нимъ Лагарпъ, отвѣчая его врожденнымъ возвышеннымъ и, пока еще, безсознательнымъ чувствамъ, не коснулись его только поверхностно, но глубоко внѣдрились въ него и завладѣли имъ. Его великая душа раскрылась подъ вѣяніемъ идеала, который пронесся надъ вѣкомъ. Онъ начинаетъ мечтать о всемірномъ царствѣ справедливости и счастья, «его сердце бьется для человѣчества», и когда Чарторижскій говоритъ ему объ освобожденіи крестьянъ, о свободѣ,—его слова находятъ въ немъ сочувственный откликъ и вызываютъ благородныя стремленія.

Счастливый, что нашелъ, кому открыть свою душу, кому повѣрить свои тайны, Александръ даетъ волю идеямъ, которыя до сихъ поръ скрывалъ и таилъ въ себѣ, такъ какъ, къ несчастью, постоянный надзоръ выработалъ въ немъ склонность и привычку скрывать свои чувства. Онъ признается Чарторижскому, что въ душѣ ненавидитъ все, чему принужденъ поклоняться всенародно. Онъ возстаетъ противъ существующихъ основъ государства, возмущается преступленіями, къ которымъ онѣ ведутъ и которымъ потворствуютъ; отказывается чтить умѣлою рукой поддерживаемое самодержавіе, величественное олицетвореніе котораго видитъ въ Екатеринѣ. Изъ словъ его видно, что ему нравятся только свободныя учрежденія. Слово «республика» производитъ на него мистическое обаяніе. Вездѣ онъ на сторонѣ угнетенныхъ; его влечетъ къ тѣмъ, которые борются или страдаютъ; онъ желаетъ побѣдъ французской республикѣ, борьба которой съ коалиціей монархій, идущая вдали отъ Россіи, рисуется передъ его

взорами; но въ особенности въ немъ пробуждается безпредѣльная жалость при имени Польши. Онъ жалѣетъ поляковъ; говоритъ, что преклонялся предъ ихъ послѣдними усиліями, что хотѣлъ бы видѣть ихъ счастливыми, и обѣщаетъ со временемъ сдѣлаться ихъ утѣшителемъ. При этихъ словахъ Чарторижскій былъ потрясенъ до глубины души. Все существо его трепетало отъ радости и волненія. Онъ благодаритъ Провидѣніе за сотворенное чудо; онъ славословитъ его за то, что оно внушило такія намѣренія великому князю, который, по всѣмъ даннымъ, былъ призванъ продолжать политику желѣза и крови. Теперь они вдвоемъ строятъ планы туманнаго будущаго, говорятъ о возстановленіи Польши, о томъ, чтобы, соединивъ ее братскими узами съ Россіей, вернуть жизнь ея народу. Въ юношѣ съ вдохновеннымъ взоромъ, съ чудными чертами лица, который говоритъ ему слова надежды и ободренія, Чарторижскій надѣется обрѣсти сверхъ-человѣка, на котораго Провидѣніе возложило миссію возстановить Польшу, и привѣтствуетъ въ немъ ангела-освободителя своей родины [1]).

Четыре года спустя, Александръ вступилъ на престолъ послѣ катастрофы, воспоминанію о которой суждено было постоянно мучить его совѣсть. Ставъ у кормила правленія, онъ столкнулся съ дѣйствительностью; ему пришлось считаться со ввѣренными ему интересами и традиціями государства. Онъ не дерзнулъ порвать эти узы, не рѣшился проводить въ жизнь свои высокія мечты, покорился необходимости царствовать такъ, какъ царствовали его предшественники, но думалъ иначе, чѣмъ они. Тѣмъ не менѣе, его дружба съ Чарторижскимъ, не прекращавшаяся съ ихъ перваго свиданія, существовала по-прежнему. Онъ пригласилъ князя въ тайный совѣтъ, гдѣ разсуждали о разныхъ мѣрахъ въ духѣ либерализма и гдѣ вырабатывались наброски реформъ. Иногда имя Польши появлялось на его устахъ, «но это было совсѣмъ не то» [2]). Правда, онъ обѣщалъ улучшить участь присоединенныхъ провинцій и въ единичныхъ случаяхъ возвращалъ конфискованныя имѣнія, но мысль объ автономной Польшѣ, которая входила бы въ имперію, какъ отдѣльный, ода-

---

[1]) Mémoires du prince Adam Czartoryski, опубликованные въ 1887 г. Мазадомъ, I, 94—99. Эти мемуары представляютъ историческій документъ громадной цѣнности.

[2]) Id., I, 279.

ренный жизнью, элементъ, слабѣла и меркла въ немъ. Теперь онъ смотрѣлъ на этотъ планъ, какъ на несбыточную мечту, хотя и говорилъ, что все еще любитъ и хранитъ ее въ глубинѣ своего сердца; что очень жалѣетъ о томъ времени, когда могъ предаваться этой благородной утопіи. «Это была ребяческая мысль, но она была божественно хороша!» [1]).

Позднѣе Чарторижскій былъ призванъ къ высокимъ, отвѣтственнымъ обязанностямъ: его назначили товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ, а въ 1804 и 1805 гг. онъ одинъ управлялъ министерствомъ. За это время онъ безрезультатно представилъ много проектовъ о возстановленіи Польши, и всѣ они были совмѣстимы съ сохраненіемъ цѣлости и даже съ расширеніемъ русскаго государства. Въ 1805 г. онъ почти добился обѣщанія, но оно было тотчасъ же взято обратно, и, мало-по-малу, роковое стеченіе обстоятельствъ довело Александра до того, что онъ сталъ смотрѣть на возрожденіе Польши, подъ какимъ бы то ни было видомъ, какъ на самую серьезную опасность, которая можетъ угрожать безопасности и единству его имперіи. Всегда мягко и человѣчно относившійся къ людямъ, съ болью въ сердцѣ прибѣгая къ строгостямъ, онъ дѣлался суровымъ и непреклоннымъ, когда затрагивались основные принципы русской политики. Вотъ откуда вытекало его ожесточеніе противъ польской идеи, вотъ почему онъ сталъ преслѣдовать всѣ ея проявленія, задался цѣлью подавить ее и сдѣлался «главнымъ гонителемъ» [2]) націи, которой боялся, но къ которой не питалъ предвзятой ненависти. Въ первую половину его царствованія его общая политика нѣсколько разъ мѣняла свое направленіе. Его неустойчивая мысль увлекала его по разнымъ путямъ, но ни на одномъ онъ не нашелъ спокойствія и счастья.

И, въ самомъ дѣлѣ, онъ испробовалъ все, и ничто ему не удалось. Въ началѣ царствованія онъ хотѣлъ сыграть среди государей роль умиротворителя, хотѣлъ избавить Европу отъ посягательствъ Бонапарта и возстановить ее на началахъ разума и справедливости. При дворахъ, которые онъ пріобщилъ къ этому дѣлу, онъ встрѣтилъ только безсердечность, эгоистичныя и безсовѣстныя стремленія, недостатокъ мужества или об-

[1]) Schiller, Don Carlos.
[2]) Mémoires de Czartoryski, II, 211.

манъ. Испытанныя имъ въ политикѣ разочарованія были не менѣе жестоки, чѣмъ пораженія его войскъ. Получивъ отвращеніе къ союзникамъ, онъ перешелъ на сторону побѣдителя. Онъ подпалъ подъ вліяніе генія, поклялся идти по стопамъ Наполеона и брать съ него примѣръ. Онъ захотѣлъ сдѣлаться завоевателемъ, испытать опьяняющій трепетъ военныхъ успѣховъ, вернуться къ завоевательнымъ планамъ своихъ предшественниковъ и далеко оставить ихъ за собой на этомъ пути. Онъ началъ повсюду расширять границы своего государства и на днѣ чаши съ опьяняющимъ напиткомъ нашелъ горечь. Полученные результаты, несмотря на ихъ наглядность, были ненадежны, зависѣли отъ чужой воли, и при томъ цѣной какого опаснаго заискиванія нужно было ихъ пріобрѣсти! Разочаровавшись въ Наполеонѣ, Александръ остановился, наконецъ, на рѣшеніи вести двусмысленную и сложную игру: сохранить союзъ, не исполняя вытекавшихъ изъ него обязательствъ; избавиться отъ необходимости дѣйствовать заодно съ честолюбивымъ императоромъ, но при этомъ поддерживать съ нимъ наилучшія отношенія, медовыми рѣчами льстить его самолюбію и на словахъ выражать ему преданность и уступчивость. Безъ сомнѣнія, онъ разсчитывалъ такой цѣной пріобрѣсти право жить спокойно; получить возможность удалиться отъ европейскихъ дѣлъ, всецѣло посвятить себя заботамъ внутри страны и не столько думать о величіи своего государства, сколько о счастьѣ своихъ подданныхъ. Послѣдняя и безплодная мечта! Наполеонъ не могъ допустить, чтобы Александръ отдавался ему только вполовину; онъ потребовалъ, чтобы тотъ вполнѣ опредѣленно перешелъ на его сторону, и на отказъ Александра дать доказательство беззавѣтной преданности отвѣтилъ переходомъ къ системѣ, въ которой Россія усматриваетъ намѣренія вредить ей, желаніе напасть на нее, правда, пока еще скрываемое. Александръ думаетъ, что война, отъ которой онъ цѣлымъ рядомъ отсрочекъ и полумѣръ надѣялся избавить территорію самой Россіи, теперь уже близка, что она вскорѣ настанетъ и захватитъ его врасплохъ за его трудами по обновленію Россіи. Въ 1810 г., когда только-что были выработаны проекты реформъ по улучшенію внутренняго строя, когда онъ разсчитывалъ собрать плоды жертвъ и трудовъ, понесенныхъ ради сохраненія мира съ Франціей, ему снова нужно думать о средствахъ къ войнѣ, готовиться къ борьбѣ за существованіе и снова оку-

нуться въ эру душевныхъ тревогъ и крови. Предъ взорами его уже рисуется грозное нашествіе. Ему всюду чудятся симптомы и предвѣстники этого нашествія, и мстительный рокъ дѣлаетъ то, что еще недавно бывшая предметомъ его сострадатія Польша, отъ которой онъ затѣмъ отвернулся и которую, въ концѣ-концовъ, сталъ жестоко и упорно преслѣдовать, дѣлается, въ рукахъ его противника, драгоцѣннымъ оружіемъ, однимъ изъ средствъ къ нападенію и орудіемъ пытки.

Тогда, съ душевной тревогой, онъ спрашиваетъ себя: не взглянулъ ли онъ яснѣе и глубже на дѣло, въ годы своей восторженной юности; не заблуждается ли онъ теперь, когда смотритъ на вещи съ точки зрѣнія эгоистичнаго разсчета главы государства и политика; не предписываетъ ли ему государственная польза, не задумываясь болѣе, отдаться чувствамъ справедливости и великодушія; не въ его ли интересахъ осуществить въ дѣйствительности романъ, набросанный нѣкогда въ садахъ Таврическаго дворца? Можетъ быть, еще не слишкомъ поздно загладить преступленіе, такимъ тяжкимъ бременемъ тяготѣющее надъ судьбами имперіи? Можетъ быть, еще можно предупредить Наполеона въ дѣлѣ возрожденія Польши, которую тотъ хочетъ возстановить ради своихъ честолюбивыхъ цѣлей и изъ ненависти къ Россіи? Можетъ быть, еще можно воспользоваться ею для борьбы съ нимъ и для побѣды надъ нимъ? Во владѣніи Россіи, думаетъ царь, находится наибольшая часть прежняго королевства и наибольшее количество его жителей. До сихъ поръ Россія думала только о томъ, чтобы держать подъ гнетомъ эти милліоны людей, чтобы изгладить у нихъ всякую память, всякое сожалѣніе о прошломъ. Но ей не удалось этого достигнуть. Не удастся ли, давъ имъ равноправіе, добиться того, чтобы они безъ всякаго давленія, по собственному желанію, соединили свою судьбу съ судьбой Россіи? Теперь Александръ только владѣетъ ими; а если онъ сдѣлается ихъ главой, если возвратитъ имъ имя, законы, учрежденія, языкъ; если даруетъ имъ народное представительство; превратитъ ихъ страну въ отдѣльное королевство, неразрывно соединенное и связанное съ его имперіей; если возстановитъ польскую корону и возложитъ ее на свою главу такъ же, какъ возложилъ и царскую корону— тогда возрожденное государство сдѣлается притягательной силой для другихъ частей раздробленной націи, и вскорѣ всѣ онѣ, включая и герцогство

Варшавское, вольются въ него и въ немъ найдутъ предѣлъ своихъ стремленій. Царь думаетъ, что съ этого момента русская Польша должна сдѣлаться для поляковъ той притягательной силой, которую въ настоящее время они видятъ въ великомъ герцогствѣ. Вѣдь варшавяне примкнули къ Наполеону только потому, что въ его покровительствѣ видятъ единственное средство возрожденія ихъ родины. Если на ихъ границѣ покажутъ имъ воскресшую, жизнеспособную Польшу, которая протянетъ къ нимъ свои объятія, они, конечно, бросятся къ ней и покинутъ Наполеона, подающаго только надежды, ради Александра, который осуществитъ ихъ мечту.

Въ тотъ самый часъ—думаетъ далѣе Александръ,—когда онъ провозгласитъ себя польскимъ королемъ, его войска внезапно вторгнутся въ очищенное французами герцогство. Варшавская армія, предупрежденная объ этомъ, подготовленная къ этому заранѣе, возмутится противъ власти саксонскаго короля и отречется отъ тягостнаго, при данныхъ условіяхъ, союза съ завоевателемъ. Она прорветъ свои ряды ради того, чтобы построиться около монарха своего народа, покинетъ знамена, чтобы пойти навстрѣчу своей родинѣ, и этой выгодной для нея измѣной быть можетъ, подастъ Европѣ сигналъ къ возстанію. Безспорно, это будетъ война съ Наполеономъ, война наступательная, безъ явной и осязаемой причины, начатая однимъ изъ тѣхъ вѣроломныхъ, внезапныхъ нападеній, за которыя Австрія и Пруссія по-очередно такъ жестоко были наказаны. Это значило бы взять на себя отвѣтственную роль зачинщика и имѣть противъ себя, если не право по существу, то, во всякомъ случаѣ, внѣшній видъ права. Ну, такъ что же! Александръ до такой степени убѣжденъ въ неизбѣжности войны съ Франціей, что задаетъ себѣ вопросъ, не будетъ ли лучше начать ее самому, не выгоднѣе ли предупредить противника, выиграть во времени и прійти до него на Вислу и Одеръ. Въ его воображеніи зарождаются дерзкіе планы, которые онъ по своей слабохарактерности никогда не рѣшится привести въ исполненіе. Бываютъ минуты, когда, чтобы спастись отъ преслѣдующаго его призрака, онъ не прочь броситься въ дѣйствительную опасность, въ ужасное предпріятіе, и именно страхъ, дошедшій въ немъ до крайнихъ предѣловъ, толкаетъ его на самые отважные поступки.

Нужно замѣтить, что его надежды не были основаны на чисто

умозрительныхъ данныхъ. Онѣ основывались на дѣйствительномъ фактѣ, на существованіи въ Польшѣ, и даже въ Варшавѣ, русской партіи. Еще недавно эта партія играла большую роль и исповѣдывала доктрину, которая имѣла много сторонниковъ. Въ концѣ восемнадцатаго вѣка, когда Рѣчь Посполитая, обезсиленная раздорами, изнуренная интригами, не способна была создать учрежденій, необходимыхъ въ жизни современныхъ государствъ; когда она, окруженная алчными сосѣдями, нетерпѣливо ждавшими ея конца, неудержимо приближалась къ своему паденію, нѣкоторые изъ ея лучшихъ гражданъ, — между прочимъ отецъ и дядя князя Адама,— только въ Россіи видѣли ея спасеніе и убѣжище. По ихъ мнѣнію, Польша могла избѣгнуть раздѣла, т. е., казни и окончательной гибели, только при условіи, если бы она вся цѣликомъ подчинилась великому славянскому государству, стала бы подъ его защиту и вступила съ нимъ въ тѣсную, неразрывную связь. Путемъ этой жертвы она сохранила бы за собой право управляться по своимъ законамъ, сохранила бы свою индивидуальность, и неприкосновенность территоріи, обезпечила бы за собой могущественное покровительство и цѣною независимости спасла бы свою національность.

Позднѣе политика Екатерины, ея участіе въ тройномъ раздѣлѣ, суровыя мѣры, которыя она примѣняла въ выпавшихъ на ея долю провинціяхъ, жестоко опровергли эти предположенія. Несмотря на все это, русская партія существовала по-прежнему. Порою она обращала на внука Екатерины взоры, полные надежды, и еще не такъ давно дала замѣчательное доказательство своей живучести. Въ 1809 г., во время войны съ Австріей, когда армія князя Голицына, послѣ цѣлаго ряда проволочекъ, перешла, наконецъ, границу, группа варшавскихъ вельможъ и галиційскихъ магнатовъ въ глубокой тайнѣ обратилась къ русскому главнокомандующему и передала ему слѣдующее предложеніе: если императоръ Александръ согласенъ возстановить прежнюю Польшу, взявъ ее подъ свою державную руку и возвративъ ей ея прежнія границы, вся партія польской знати тотчасъ же признаетъ его польскимъ королемъ, и ея примѣръ, можетъ быть, увлечетъ за собой и остальныхъ.

Захваченный врасплохъ этимъ предложеніемъ, переданнымъ ему и поддержаннымъ Голицынымъ, Александръ не воспользовался имъ. Онъ еще надѣялся, путемъ соглашенія съ императоромъ французовъ, не допустить возстановленія Польши въ какомъ бы

то ни было видѣ. Но такъ какъ возстаніе въ Галиціи увеличивало его опасенія, а добросовѣстность Наполеона дѣлалась все болѣе подозрительной, то онъ не счелъ нужнымъ вполнѣ разочаровывать партію, которая ручалась, что заставитъ Польшу перейти на его сторону. Если, думалъ онъ, допустить предположеніе, что Польша неминуемо должна ожить, не лучше ли, чтобы она воскресла по милости Россіи, чѣмъ при содѣйствіи французовъ? Поэтому въ отвѣтѣ, данномъ магнатамъ 27 іюня 1809 г., на всякій случай высказывалась слѣдующая, руководящая для будущаго времени, идея. Царь, говорилось въ ней, никогда не уступитъ провинцій, включенныхъ въ его имперію, для того, чтобы слить ихъ вмѣстѣ съ другими провинціями прежней Польши, въ одно автономное государство; но если обстоятельства будутъ тому способствовать, онъ не прочь былъ бы царствовать надъ Польшей, лежащей внѣ его границъ, въ составъ которой вошли бы и великое герцогство съ Галиціей [1]).

Въ слѣдующіе затѣмъ мѣсяцы, принявъ Чарторижскаго, вернувшагося изъ-за границы и по-прежнему защищавшаго дѣло своихъ соотечественниковъ, Александръ былъ съ нимъ холоденъ и сдержанъ. Тѣмъ не менѣе, въ разговорѣ съ нимъ, «опустивъ глаза и не окончивъ фразы» [2]), онъ ввернулъ нѣсколько словъ утѣшенія. Даже, какъ-то разъ, въ январѣ 1810 г., какъ бы невольно поддаваясь вліянію восторженныхъ рѣчей князя, онъ намекнулъ на ихъ прежній планъ и далъ понять, что не относится къ нему неодобрительно.

Это было какъ разъ то время, когда онъ лихорадочно обсуждалъ съ Коленкуромъ договоръ объ уничтоженіи Польши и, слѣдовательно, не могъ говорить съ поляками вполнѣ искренно, а только условно, на тотъ случай, если бы Наполеонъ не скрѣпилъ своей подписью ихъ смертный приговоръ. Онъ хотѣлъ возстановить Польшу въ свою пользу только въ томъ случаѣ, если бы для него выяснилась невозможность удержать ее въ могилѣ. Шесть недѣль спустя возвратъ неутвержденнаго договора вмѣстѣ съ неожиданнымъ, какъ ударъ грома, извѣстіемъ объ австрійскомъ бракѣ, повидимому, убѣдилъ его въ такой не-

[1]) Мы даемъ въ Приложеніи, подъ цифрой II, текстъ письма Голицына и отвѣтъ на него. Оба документа взяты изъ архивовъ С.-Петербурга; знакомству съ ними мы обязаны любезности Татищева.

[2]) Mémoires de Czartoryski, II, 211.

возможности и сразу же заставилъ вернуться къ планамъ юности. Эти неожиданныя событія сдѣлали то, что отринутый десять лѣтъ тому назадъ проектъ снова овладѣлъ имъ и занялъ его мысли. Внѣ себя, потерявъ голову, онъ спрашиваетъ себя, не въ этомъ ли смѣломъ планѣ его спасеніе, и признавая, что этотъ планъ, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, чреватъ самыми серьезными послѣдствіями, онъ все-таки покоряется необходимости въ самой же Россіи дать самоуправленіе своимъ польскимъ провинціямъ и создать изъ нихъ ядро будущаго королевства. Именно въ это то время онъ пожелалъ видѣть Чарторижскаго, пригласилъ его къ себѣ, и мы снова видимъ ихъ другъ передъ другомъ, вернувшихся, послѣ долгихъ испытаній, къ первымъ временамъ своей дружбы.

Во время перваго разговора. происходившаго въ мартѣ мѣсяцѣ, ни Александръ, ни Чарторижскій не рѣшались еще высказаться и вернуться къ прежнимъ откровеннымъ бесѣдамъ. Но такъ или иначе надо было начать. Александръ не прямо подошелъ къ вопросу. Сначала онъ осыпалъ князя увѣреніями въ своей личной дружбѣ къ нему, затѣмъ заговорилъ объ амнистіи, о примиреніи, о забвеніи прошлаго [1]). Онъ хотѣлъ бы доказать полякамъ, говорилъ онъ, что онъ имъ не врагъ, что искренно желаетъ имъ счастья, что его цѣль—заслужить ихъ любовь и довѣріе, и что дѣло князя указать ему средства для этого. Для начала онъ выразилъ желаніе создать изъ тѣхъ восьми губерній, которыя достались Россіи по раздѣламъ, одно національное тѣло съ присущими ему управленіемъ и привилегированнымъ положеніемъ. Чарторижскому не трудно бы разгадать въ немъ желаніе создать русскую Польшу, задачей которой было бы привлечь и поглотить созданную Наполеономъ на Вислѣ французскую Польшу.

Въ другое время князь съ восторгомъ привѣтствовалъ бы этотъ планъ, теперь же онъ плохо вѣритъ въ него; онъ смущенъ. Несмотря на величайшее отвращеніе его къ Наполеону и искреннюю привязанность къ Александру, любовь къ родинѣ дѣлала свое дѣло; онъ сталъ колебаться между Петербургомъ и

[1]) Чарторижскій въ своихъ Мемуарахъ, II, 226—234, подробно разсказываетъ о своихъ двухъ разговорахъ съ Александромъ въ мартѣ и апрѣлѣ 1810 г. Всѣ наши цитаты взяты изъ этой части его труда.

Варшавой. Въ настоящее время, когда спасеніе Польши, по всѣмъ даннымъ, шло съ Запада, имѣлъ ли право одинъ изъ ея сыновъ мѣшать этому, не совершалъ ли онъ преступленія, выдвигая другія комбинаціи? Быть можетъ, отдавшись видамъ царя, онъ собственными руками отдастъ на растерзаніе родину, раздѣлитъ ее на враждебные лагери, ввергнетъ въ междуусобную войну и своимъ преступнымъ вмѣшательствомъ нанесетъ смертельный ударъ отчизнѣ-матери и помѣшаетъ дѣлу національнаго возрожденія? Сверхъ того, былъ ли искрененъ Александръ? Вытекалъ ли возвратъ его къ идеямъ прошлаго изъ возвышеннаго и прочнаго чувства? Или же нужно видѣть въ этомъ только скоропреходящее дѣйствіе извѣстныхъ обстоятельствъ, обусловленныхъ исключительно страхомъ предъ Наполеономъ, одно слово, одна улыбка котораго, можетъ быть, разсѣетъ все это въ прахъ? Чарторижскій слишкомъ хорошо изучилъ непостоянный и скрытный характеръ своего собесѣдника, чтобы и теперь относиться къ нему съ тѣмъ же довѣріемъ, которое составляло главную прелесть ихъ первыхъ отношеній; теперь онъ то боялся, что царь отступитъ, то искалъ въ его словахъ задней мысли. «Императоръ Александръ,—писалъ онъ какъ то,—пріучилъ своихъ приближенныхъ во всѣхъ его рѣшеніяхъ искать совсѣмъ не тѣ поводы, на которые онъ ссылается» [1]).

Тѣмъ не менѣе, послѣ убѣдительныхъ просьбъ, онъ обѣщалъ изложить письменно свои мысли о способахъ, которые всего вѣрнѣе могутъ привлечь къ царю сердца поляковъ. Александръ спросилъ, когда можно разсчитывать на полученіе этой записки, и отложилъ дальнѣйшій разговоръ до того времени. Имѣя только намѣреніе—заронить въ душу Чарторижскаго первую и безпредѣльную надежду, онъ не рѣшился преждевременно открыть ему всѣ планы, которые носились въ его умѣ.

Въ сущности, переговоры съ Франціей, хотя и сильно скомпрометированные, не были еще прерваны. Въ петербургскій кабинетъ поступило вполнѣ опредѣленное предложеніе, по которому ему нужно было высказаться. Передъ нимъ находился, договоръ о гарантіяхъ, правда, измѣненный Наполеономъ, но, тѣмъ не менѣе, договоръ былъ предложенъ и утвержденъ заранѣе. Правда, Александръ думалъ, что безъ первой статьи, безъ столь

---

[1]) Mémoires, II, 225.

жестокой по своей краткости фразы: «Польша никогда не будетъ возстановлена», весь актъ, цѣликомъ, лишится всякаго значенія и силы. Но можно было думать, что, настаивая рѣшительнѣе, дѣлая нѣкоторыя уступки по другимъ статьямъ, можно было бы добиться отъ Наполеона, чтобы онъ взялъ обратно свой отказъ и принялъ формулу, которая избавила бы отъ всякихъ сюрпризовъ. Въ особенности, за надежду заставить императора французовъ принять соглашеніе, которое позволило бы сохранить союзъ, цѣплялся канцлеръ Румянцевъ. Все другое, внѣ этого соглашенія, казалось ему только опасными и праздными мечтами. Воспитанный въ школѣ Екатерины, пропитанный ея непреклонными принципами, Румянцевъ не допускалъ никакой сдѣлки съ неосновательной Польшей; онъ считалъ ее неспособной къ нормальной жизни [1]), видѣлъ въ ней только безпокойный элементъ и стремился вполнѣ покончить съ опасностью, тогда какъ его государь мечталъ только на-время отвратить ее. Съ другой стороны, онъ склоненъ былъ думать, что Наполеонъ, все вниманіе котораго было направлено на войну съ англичанами, преклонится предъ требованіемъ, если оно будетъ энергично поддержано. Онъ находилъ, что Россія слишкомъ часто грѣшила недостаткомъ мужества и рѣшимости, что она должна, наконецъ, показать характеръ, сдѣлаться непреклонной и упорно стоять на своихъ требованіяхъ. Онъ думалъ, что повторяя ихъ, она, безъ сомнѣнія, добьется своего, что она восторжествуетъ. Александръ, которому были извѣстны взгляды Румянцева, не счелъ нужнымъ посвящать его въ свои разговоры съ Чарторижскимъ; онъ предоставилъ ему идти своей дорогой; рѣшилъ дѣйствовать съ нимъ заодно, не отказываясь отъ намѣренія, въ случаѣ надобности, тайно отъ него вступить на другой путь.

Петербургская канцелярія составила новый договоръ, —третій по счету. Противъ французскаго контръ-проекта она выставила русскій контръ-проектъ и тщательно воспроизвела въ немъ фразу, которая была главнымъ камнемъ преткновенія. Она ограничилась только тѣмъ, что предпослала ей другую фразу и этимъ какъ бы подготовляла къ ней. Вмѣсто того, чтобы сказать:

---

[1]) „Поляки, говорилъ онъ, похожи на шампанское, которое играетъ, но скоро выдыхается. Они не въ состояніи быть самостоятельной націей". Коленкуръ императору, 2 августа 1809 г.

статья первая: «Польское королевство никогда не будетъ возстановлено», были употреблены слѣдующія слова: статья первая: «Е. В. Императоръ Французовъ, стремясь дать своему союзнику и Европѣ доказательство своего желанія отнять у враговъ мира на континентѣ всякую надежду нарушать его, обязуется, равно какъ и Е. В. Императоръ Всероссійскій, что Польское королевство никогда не будетъ возстановлено» [1]. Въ первомъ русскомъ проектѣ это была смерть безъ фразъ; во второмъ заключался тотъ же приговоръ, но съ объясненіями и мотивами. Что же касается слѣдующихъ статей, то въ обоихъ текстахъ не было существенной разницы. Александръ пожелалъ только, чтобы отмѣна знаковъ отличія была точно выражена.

Русскій контръ-проектъ былъ отправленъ изъ Петербурга 17 марта на имя князя Куракина; онъ снабженъ былъ собственноручными замѣтками императора. Посланникъ долженъ былъ представить его къ подписи французскому монарху, не допуская никакихъ измѣненій, не позволяя ни вычеркнуть, ни прибавить ни одного слова. Такимъ образомъ, въ то самое время, когда царь началъ протягивать руку полякамъ и льстить ихъ надеждамъ, онъ въ послѣдній разъ просилъ Наполеона покончить съ ними и закрыть предъ ними будущее.

Какъ примирить эти двѣ совершенно противоположныя задачи, которыя, въ случаѣ надобности, должны были замѣстить одна другую? Слухъ о готовящемся договорѣ дошелъ до поляковъ. Онъ взволновалъ ихъ, привелъ въ ужасъ. Да и понятно. Онъ вовсе не былъ такимъ, чтобы расположить ихъ слушать внушенія той самой Россіи, которая вырабатывала актъ, задачей котораго было довершить ихъ несчастье. Чарторижскій не могъ удержаться, чтобы не указать царю на это противорѣчіе. Онъ выразилъ удивленіе, что, «въ виду переговоровъ съ Франціей о конвенціи», Его Величество интересуютъ вопросы, о которыхъ онъ бесѣдуетъ съ нимъ. Можетъ быть, Наполеонъ отказался утвердить ее?—робко спросилъ онъ.—«Немного смутясь, Его Величество отвѣтилъ, что дѣло не въ этомъ, а что Шампаньи хотѣлъ помѣстить въ договорѣ выраженія и статьи, клонившіяся къ уничтоженію самаго названія поляковъ, но что онъ

[1]) См. серію статей въ Correspondance de Napoléon, XX, p. 177—178, въ Примѣчаніи.

измѣнилъ эти статьи и что договоръ, такимъ образомъ, измѣненный, снова отправленъ въ Парижъ». Итакъ, смѣло говоря какъ разъ обратное тому, что было на самомъ дѣлѣ, Александръ приписывалъ парижскому кабинету свои собственныя жестокія требованія. Онъ приписывалъ ему иниціативу этого дѣла, сваливая на него всю отвѣтственность и возбуждая къ нему ненависть поляковъ. Послѣ всего этого, ошибался ли Наполеонъ, думая, что цѣлью Россіи было не столько связать его нравственно, сколько уронить въ глазахъ поляковъ и, такимъ образомъ, лишить матеріальныхъ средствъ къ защитѣ; что она хотѣла не столько связать его честнымъ словомъ, сколько лишить его оружія?

Не вполнѣ довѣряя объясненіямъ Александра, Чарторижскій все-таки принялся за работу, которой отъ него требовали. Послѣ нѣсколькихъ дней, посвященныхъ изученію и размышленію, онъ составилъ записку и отнесъ ее императору. Со времени ихъ перваго разговора прошло приблизительно три недѣли За это время событія далеко шагнули впередъ. Празднованіе въ Парижѣ бракосочетанія съ его характерными особенностями, съ каждымъ днемъ возрастающія внѣшнія проявленія дружбы между Франціей и Австріей произвели на Александра глубокое, ужасъ наводящее впечатлѣніе. Сомнѣніямъ болѣе не было мѣста. Это былъ окончательный ударъ его политикѣ, крушеніе всѣхъ его надеждъ, дипломатическій Аустерлицъ. Чарторижскій былъ пораженъ его «унылымъ и полнымъ отчаянія видомъ». Въ это-то время онъ и уловилъ опять въ его взглядѣ выраженіе оцѣпенѣнія, которое онъ уже разъ видѣлъ послѣ ужаснаго дня 2 декабря 1805 г., когда молодой монархъ и его свита, увлеченные послѣ проиграннаго сраженія общимъ потокомъ бѣгства, въ галопъ покидали поле битвы, а вдали, позади нихъ, раздавались несмолкаемые радостные клики торжествующихъ французовъ, привѣтствовавшихъ проѣзжавшаго вдоль ихъ рядовъ императора [1]). Теперь, какъ и въ 1805 г., не сумѣли ничего ни предвидѣть, ни предупредить; дали бѣдствію обрушиться, какъ снѣгъ на голову, и послѣдствія этого бѣдствія сыпались со всѣхъ сторонъ все съ бо́льшей скоростью. Думая, что ему угрожаетъ неотвратимая опасность, что она по пятамъ преслѣдуетъ его,

[1]) Mémoires de Czartoryski, II, 409.

Александръ требовалъ во что бы то ни стало средства для спасенія и инстинктивно искалъ оружіе, чтобы защититься.

Чарторижскій прочелъ свою записку Александру, который внимательно прослушалъ ее. Плохо освѣдомленный относительно истинныхъ намѣреній царя, не зная, въ какомъ состояніи его отношенія съ Франціей, онъ поневолѣ вынужденъ былъ выражаться неопредѣленно. Что касается поляковъ, русскихъ подданныхъ, то онъ совѣтовалъ смѣло вступить на путь мягкой и великодушной политики, напоминалъ о столько разъ уже указанной имъ необходимости «возстановить Польшу, дабы упредить Бонапарта», но не подсказывалъ никакого способа дѣйствія. Да и не было ли уже слишкомъ поздно снова приниматься за проектъ, который, на несчастье, былъ отложенъ? Въ каждой строчкѣ записки сквозилъ упрекъ Россіи въ томъ, что она никогда не умѣла дѣйствовать своевременно и занималась только тѣмъ, что пропускала удобные случаи. Александръ не отрицалъ этой истины. Онъ вмѣстѣ съ Чарторижскимъ внимательно разобралъ свое поведеніе, раскаялся, что не возстановилъ Польшу въ 1805 г., позволилъ сказать себѣ, что въ 1809 г. его поведеніе было «самое дурное», но не допускалъ, чтобы не было средства исправить ошибки и что, слѣдовательно, нужно отказаться отъ мысли измѣнить ставшее невыносимымъ положеніе. «Онъ далъ понять, какъ велико его желаніе сдѣлать съ своей стороны все, чтобы устроить дѣла Польши какимъ бы то ни было способомъ», но при этомъ не скрылъ, что это желаніе отчасти обусловлено серьезнымъ, имѣющимъ основаніе безпокойствомъ, которое причиняла ему Франція. Конечно, говорилъ онъ, Наполеонъ не жалѣетъ для него успокоительныхъ фразъ — доказательство этого у него на письменномъ столѣ; но что эти заявленія, цѣну которымъ онъ знаетъ, не въ силахъ уже убѣдить его; чтобы быть увѣреннымъ въ своей безопасности, ему недостаточно нравственной гарантіи; ему необходимо матеріальное обезпеченіе, фактъ, т. е., уничтоженіе великаго герцогства. Но, спрашивается, какимъ путемъ заставить герцогство слиться съ Польшей, которая будетъ создана именно для того, чтобы поглотить его? Какимъ способомъ можно склонить его жителей къ перемѣнѣ ихъ маленькой родины на большую, которую дастъ имъ Россія?

На настойчивыя просьбы отвѣтить на этотъ вопросъ Чарто-

рижскій всякій разъ уклонялся, ссылаясь на отсутствіе связей въ Варшавѣ, и на то, что не знаетъ, какъ будутъ приняты тамъ русскія предложенія. Но Александра не убѣдили эти доводы, и онъ кончилъ тѣмъ, что высказалъ соображеніе, на которомъ основывалась его надежда. «Ну!—сказалъ онъ,—и не будучи на мѣстѣ, не трудно знать, что думаютъ въ провинціяхъ и въ герцогствѣ. Это можно выразить въ двухъ словахъ. Поляки пойдутъ за самимъ діаволомъ, если онъ поведетъ ихъ къ возстановленію родины». Тогда перешли къ болѣе подробному обсужденію вопроса и разсмотрѣли разные способы его выполненія. Чарторижскій всегда исходилъ изъ того предположенія, что Россія попробуетъ войти въ соглашеніе съ Наполеономъ; что она постарается добиться его согласія на упраздненіе герцогства, предоставивъ Франціи значительныя выгоды въ другихъ мѣстахъ и, сверхъ того, компенсацію для саксонскаго короля. Ему и въ голову не приходило, чтобы Александръ, не будучи вынужденъ крайней необходимостью, могъ допускать мысль о вооруженномъ столкновеніи съ побѣдителемъ при Аустерлицѣ и Фридландѣ, и чтобы онъ самъ, по собственному почину, пошелъ на разрывъ. Каково же было его удивленіе, когда онъ узналъ, что царь не исключалъ подобнаго исхода, а тѣмъ болѣе, когда ему былъ предложенъ вопросъ: «нельзя ли начать фиктивную войну съ герцогствомъ; при чемъ, по взаимному соглашенію, русскія войска могли бы дойти до тѣхъ позицій, на которыхъ, по присоединеніи къ нимъ польскихъ войскъ, они могли бы держаться противъ французовъ? При такихъ условіяхъ всѣ желанія Польши были бы исполнены».

Спѣшимъ добавить, что дѣло шло пока объ одной изъ затѣй, выдѣлившейся изъ хаоса идей Александра. Черезъ минуту, видя, что Чарторижскій содрогнулся при мысли о войнѣ съ Наполеономъ, «съ ея весьма сомнительными шансами на успѣхъ», онъ, совершенно неожиданно, перешелъ къ другой крайности, далъ другое направленіе своей фантазіи, и вторично несказанно удивилъ своего собесѣдника, высказавъ мысль — разоружить завоевателя уступчивостью и предупредительностью. Не будетъ ли достигнута эта цѣль, спросилъ онъ, «если не ставить препятствій для образованія Польскаго королевства изъ великаго герцогства и Галиціи, и позволить жителямъ польскихъ провинцій Россіи переходить туда на службу,

какъ въ ихъ собственную страну?—Послѣ такого удовлетворенія,—продолжалъ онъ,—поляки не будутъ имѣть причины враждебно относиться къ Россіи; они успокоятся, и у Франціи не будетъ уже повода къ войнѣ съ Россіей, такъ какъ между нею и Россіей не будетъ этого постояннаго яблока раздора». Но серьезно ли говорилъ Александръ въ этотъ разъ? Не хотѣлъ ли онъ просто испытать Чарторижскаго, посмотрѣть, не обрадуется ли онъ надеждѣ на возстановленіе Польши, даже если она будетъ возстановлена внѣ предѣловъ Россіи? Впрочемъ, снова противорѣча себѣ, онъ вслѣдъ затѣмъ высказалъ убѣжденіе, что конфликтъ, во всякомъ случаѣ, неизбѣженъ, что Наполеонъ вызоветъ его на это, если только Россія не упредитъ его. Эта роковая мысль была единственной, упорно засѣвшей въ его неустойчивомъ умѣ. «Онъ съ глубокимъ убѣжденіемъ сказалъ, что не думаетъ, что это произойдетъ уже въ этомъ году, ибо Наполеонъ всецѣло занятъ своимъ бракомъ, но что онъ ждетъ кризиса въ будущемъ году. *Теперь у насъ апрѣль*, продолжалъ онъ, *значитъ, это будетъ черезъ девять мѣсяцевъ*».

Онъ считаетъ необходимымъ, чтобы къ тому времени Россія установила свои взгляды на Польшу и выработала планъ своего поведенія; чтобы она держала въ запасѣ вполнѣ готовое рѣшеніе, дабы своевременно противопоставить его рѣшенію, которое постарается выдвинуть Наполеонъ. Вотъ цѣль, которой нужно достичь. Что же касается путей, которые привели бы къ ней, ихъ надо поискать. Александръ обѣщаетъ подумать и обсудить это дѣло. Онъ проситъ Чарторижскаго сдѣлать то же самое, поискать «нить, которая привела бы къ цѣли». Наконецъ, они разстались, не придя во время разговора ни къ какому рѣшенію, но пообѣщавъ другъ другу поискать его [1]). Хотя оба разговора съ княземъ Адамомъ не повлекли за собой сразу же осязаемыхъ послѣдствій, тѣмъ не менѣе, они отмѣчаютъ начало заговора, составленнаго царемъ безъ участія и безъ

---

[1]) Въ то же самое время Александръ говорилъ одному изъ соотечественниковъ Чарторижскаго, графу Огинскому: „Наполеонъ нуждается въ привязанности поляковъ и будетъ обольщать ихъ блестящими надеждами; я же всегда уважалъ вашу націю и надѣюсь когда-нибудь доказать вамъ это, при томъ не руководствуясь въ томъ, что я сдѣлаю, личной выгодой“. Mémoires de Michel Oginski sur la Pologne et les Polonais, II. 370.

вѣдома Румянцева, съ цѣлью, пользуясь посредничествомъ Чарторижскаго и другихъ агентовъ, вступить въ переговоры съ варшавянами, сдѣлать покушеніе на ихъ вѣрность Наполеону, обманомъ отвлечь ихъ отъ Франціи, подготовить ихъ къ самымъ неожиданнымъ перемѣнамъ въ русской политикѣ, принять мѣры къ тому, чтобы завладѣть великимъ герцогствомъ и уничтожить его въ сообществѣ съ его же обитателями; помѣшать планамъ, приписываемымъ Наполеону, и, съ цѣлью предупредить его, организовать противъ него войну въ самой же Польшѣ.

Можно было думать, что Наполеонъ имѣлъ въ виду воспользоваться не одной Польшей для нанесенія Россіи сокрушительнаго удара. Въ приписываемомъ императору французовъ планѣ польская армія служила только авангардомъ, правое же крыло должна была составить Австрія. Никто въ Петербургѣ не допускалъ, чтобы онъ не сдѣлалъ Австріи соблазнительныхъ предложеній, и чтобы она далека была отъ соблазна. Но трудно было допустить, чтобы, менѣе чѣмъ черезъ шесть недѣль послѣ сблизившаго оба двора событія, т. е., брачнаго обязательства, состоялось уже между ними полное и безповоротное соглашеніе. Было вполнѣ вѣроятно, что Австрія не связала себѣ рукъ такъ поспѣшно и такъ легкомысленно. Можно было думать, что въ Вѣнѣ была только склонность дѣйствовать во вредъ Россіи, а не было желанія брать на себя опредѣленнаго обязательства и скрѣплять его своей подписью. Поэтому, слѣдовало ли терять надежду на возможность, какъ здѣсь, такъ и тамъ, предупредить Наполеона и разстроить его планы, особенно, если взяться тотчасъ же за дѣло и сдѣлать въ значительной степени болѣе выгодныя предложенія?

На бѣду, новый руководитель австрійской политики, графъ Меттернихъ, видимо, всецѣло былъ преданъ принципу общности интересовъ съ Франціей. Его поѣздка въ Парижъ позволяла провидѣть злостныя намѣренія. Тѣмъ не менѣе, какъ бы ни было велико вліяніе Меттерниха, онъ не былъ полновластнымъ хозяиномъ. Въ сферѣ, окружавшей императора Франца, человѣка непостояннаго и нерѣшительнаго, дѣйствовали и другія вліянія, которыя уравновѣшивали вліяніе Меттерниха. Высокопоставленныя лица, затѣмъ лица, къ совѣтамъ которыхъ относились внимательно, и нѣкоторые изъ принцевъ императорской фамиліи были противъ всякой серьезной сдѣлки съ узурпаторомъ. Многимъ

изъ аристократіи имя Бонапарта внушало ужасъ, другіе начинали уже сознавать свое заблужденіе. Въ Австріи,—какъ и въ Россіи послѣ Тильзита,—составилась въ большомъ свѣтѣ оппозиціонная партія. Пользуясь вліяніемъ въ Вѣнѣ, она была всесильна въ Прагѣ, гдѣ была главная квартира недовольныхъ и гдѣ вырабатывался планъ дѣйствій. На этихъ-то данныхъ въ Петербургѣ основали свои надежды. Тамъ думали, что, пока Меттернихъ будетъ вести переговоры въ Парижѣ, русской дипломатіи, можетъ быть, удастся сплотить разнородные элементы и воспользоваться ими, чтобы за спиной Меттерниха вести интригу, которая свела бы къ нулю его планы и отвлекла его государя отъ серьезнаго обязательства съ Франціей. Въ Петербургѣ вовсе не имѣлось въ виду доводить австрійскаго монарха до враждебнаго или даже холоднаго по отношенію къ намъ тона. Александръ отлично понималъ потребности положенія; онъ вполнѣ допускалъ, что Австрія пожелаетъ извлечь пользу изъ брака и обезпечить себѣ, благодаря лучшимъ отношеніямъ съ Наполеономъ, нѣсколько спокойныхъ лѣтъ. Но, думалъ онъ, неужели для достиженія этого результата необходимо связывать себя съ политикой человѣка, который доказалъ, что цѣль его—всѣобщее порабощеніе? Развѣ не можетъ императоръ Францъ, оставаясь съ виду въ самыхъ сердечныхъ и искреннихъ отношеніяхъ со своимъ зятемъ, втайнѣ оказать предпочтеніе и отнестись довѣрчиво къ своимъ старымъ друзьямъ, въ особенности къ Россіи? Не нарушая офиціальныхъ и иного рода связей, соединявшихъ императоровъ Россіи и Австріи съ императоромъ французовъ, они могли бы условиться все сообщать другъ другу, не имѣть никакихъ тайнъ другъ отъ друга, ничего не предпринимать во вредъ тому или другому изъ нихъ и, въ случаѣ нужды, взаимно оказывать помощь всѣми своими силами. Такимъ путемъ Россія и Австрія, каждая въ отдѣльности, имѣла бы законную связь съ Франціей, но между ними самими создалась бы тѣсная связь, которая хранилась бы втайнѣ до той поры, когда обстоятельства позволятъ упорядочить положеніе и порвать съ Наполеономъ, превративъ тогда тайное соглашеніе двухъ дворовъ въ открытый союзъ.

Чтобы предложить въ Вѣнѣ эту хитроумную и двусмысленную комбинацію, нужно было дѣйствовать крайне осто-

рожно, такъ какъ трудно было съ достовѣрностью опредѣлить, какъ далеко зашла дружба между Франціей и Австріей. Если Австрія уже не располагала собой, то всякое, исходящее изъ Петербурга, ясно высказанное предложеніе подвергалось опасности; оно могло быть передано въ Парижъ и, безъ всякой пользы для дѣла, скомпрометировало бы Россію. Слѣдовательно, необходимо было объясняться только полу-словами и намеками.

Изъ особой предосторожности Александръ не захотѣлъ пользоваться въ этомъ дѣлѣ услугами своего естественнаго посредника съ Австріей, т. е., аккредитованнаго при ней посла, а нашелъ нужнымъ назначить, рядомъ съ графомъ Шуваловымъ, особаго тайнаго посланника. Такіе параллельные посланники всегда были въ обычаѣ и въ духѣ русской дипломатіи. Въ ея распоряженіи былъ одинъ изъ самыхъ искусныхъ ея дѣятелей—Давидъ Алопеусъ, недавно занимавшій мѣсто посланника въ Стокгольмѣ. «Нельзя отрицать,—писалъ о немъ одинъ французскій дипломатъ,—что это умный и талантливый человѣкъ, но далеко не сторонникъ Франціи, если только онъ не измѣнился въ теченіе послѣднихъ шести лѣтъ» [1]). Офиціально Александръ назначилъ его посланникомъ въ Неаполь къ королю Мюрату, шурину Наполеона. На пути изъ Петербурга въ Италію, Алопеусъ долженъ былъ проѣхать черезъ Вѣну. Тамъ онъ долженъ былъ остановиться, устроиться на жительство, избѣгать, подъ предлогами частнаго характера, отправляться на свой постъ и на полпути найти конечный пунктъ своего путешествія. Въ Вѣнѣ онъ долженъ познакомиться съ обществомъ, посѣщать салоны, присматриваться къ настроенію умовъ, вывѣдывать мнѣнія правительственныхъ лицъ, и, если его заигрыванія не будутъ дурно приняты,—серьезно приступить къ возложеннымъ на него переговорамъ. Для руководства, что и какъ говорить, ему была вручена пространная меморія. Составленіе ея Александръ могъ довѣрить канцлеру Румянцеву, такъ какъ между государемъ и министромъ не было разногласія по вопросу о необходимости немедленной попытки привлечь Австрію на свою сторону. Усердіе Румянцева увѣнчалось созданіемъ образца искусства. Это было кружево изъ тонкихъ намековъ и загадокъ, дававшихъ людямъ, которыхъ нужно было заманить въ сѣти, возможность предугадывать самыя за-

[1]) Депеша Бургуэна, посланника въ Дрезденѣ, 20 мая 1810 г. Archives des affeires étrangères, Saxe, 79.

манчивыя перспективы, не выдавая имъ при этомъ ни одного обѣщанія, которымъ они могли бы злоупотребить [1]).

Трудно придумать болѣе искусное вступленіе. Чтобы заручиться благосклонностью Австріи, русскій кабинетъ воспользовался событіемъ, которое, очевидно, должно было перетянуть Австрію на сторону Франціи. Онъ намекнулъ на бракъ и разсуждалъ такъ. Императоръ всегда питалъ глубокую симпатію къ своему австрійскому брату. Въ послѣдніе годы явилось обстоятельство, препятствовавшее ему слѣдовать влеченію своего сердца, ибо Австрія упорствовала въ своей непримиримой враждебности къ Франціи, тогда какъ онъ въ Тильзитѣ вступилъ на діаметрально-противоположный путь. Сдѣлавшись союзникомъ Франціи, императоръ Александръ не могъ оставаться другомъ ея враговъ. Въ настоящее время, когда счастливое событіе улучшило отношенія между Парижемъ и Вѣной, препятствіе къ сближенію Австріи съ Россіей отпадаетъ само-собой, и царь можетъ отдаться своей симпатіи къ Австріи, что вполнѣ совмѣстимо съ другими его связями. Вотъ почему онъ искренно радуется браку. «Человѣкъ менѣе справедливый, чѣмъ Его Величество, быть можетъ, испугался бы его послѣдствій и почувствовалъ бы нѣкоторую зависть. Его Величество не впадаетъ въ подобную ошибку; напротивъ, онъ находитъ, что бракъ способствуетъ сближенію съ дворомъ, на разлуку съ которымъ онъ смотрѣлъ съ сожалѣніемъ, и отнынѣ его цѣль—сохранить наитѣснѣйшій *союзъ* съ императоромъ французовъ и параллельно установить наитѣснѣйшую *дружбу* съ австрійскимъ императоромъ».

Въ этомъ искусно разсчитанномъ сопоставленіи терминовъ, въ этой подчеркиваемой разницѣ въ выраженіяхъ, употребленныхъ для характеристики отношеній, которыя нужно поддерживать съ Франціей и завязать съ Австріей, ясно проглядываетъ истинная цѣль инструкціи. Въ ней ясно видно желаніе рѣзко обозначить разницу, которую слѣдуетъ дѣлать между еще обязательнымъ союзомъ и всегдашней симпатіей. Вся суть въ томъ, чтобы убѣдить Австрію, что отнынѣ у императора Александра дружба будетъ стоять выше союза и непремѣнно

---

[1]) Этотъ документъ находится въ архивахъ С.-Петербурга, откуда мы и получили его. Мартенсъ упоминаетъ о немъ въ своемъ Recueil des raités de la Russie avec l'Autriche, II, 35; документъ помѣченъ 31 марта 1810 г.

переживетъ его. Спрашивается, отчего бы и императору Францу не взять за образецъ подобное поведеніе? Въ данный моментъ онъ безусловно нашелъ бы въ немъ залогъ безопасности, а въ будущемъ—громадныя выгоды.

Само собой разумѣется, что, когда Россія выражаетъ намѣреніе держаться системы Тильзита, она говоритъ о настоящемъ и не связываетъ себя на будущее время. Нельзя допустить, чтобы и Австрія считала окончательнымъ то положеніе, въ какое поставили ее послѣдніе договоры; чтобы она мирилась съ мыслью навѣки быть исключенной изъ Германіи, выброшенной изъ Италіи, отдѣленной отъ моря, заключенной въ тѣсныхъ границахъ, начертанныхъ ей шпагой побѣдителя. Вернуть, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ своихъ провинцій—такова должна быть ея тайная, но неизмѣнная, цѣль. Но вернуть себѣ часть утраченнаго, не подвергая себя новымъ случайностямъ и риску войны она можетъ только благодаря доброжелательству Россіи. Въ случаѣ осложненій въ Европѣ,—конечно, при условіи, что императоръ Александръ будетъ ею доволенъ,—онъ не забудетъ о ней въ возможныхъ въ будущемъ разверсткахъ чужихъ владѣній, и будетъ считаться съ ея желаніями, которыя предугадываетъ и одобряетъ. «Всѣ соображенія австрійскихъ государственныхъ людей, говорится въ инструкціи, могутъ быть построены только на единственной основѣ: дать отдохнуть монархіи отъ недавней бѣдственной войны, возвратить часть утраченнаго могущества не новой пробой силы своего оружія, а путемъ переговоровъ, которые будутъ слѣдствіемъ общаго согласія. Въ этихъ устояхъ будущей политики вѣнскаго кабинета Его Величество не находитъ ничего такого, что не отвѣчало бы его интересамъ».

Мало-по-малу авторъ меморіи расширяетъ свои предложенія. Предусматривая вполнѣ естественное предположеніе, что Австрія когда-нибудь рѣшится на болѣе дѣятельную роль, точнѣе выражаясь, на политику реванша, онъ открываетъ вожделѣніямъ австрійскаго дома цѣликомъ весь центръ Европы. Вотъ что несомнѣнно, и во что въ Вѣнѣ должны хорошенько вдуматься: для Россіи нѣтъ никакой выгоды не только помогать Франціи удерживать ея завоеванія, предоставлять ей царствовать надъ Италіей и оказывать давленіе на Германію, но даже оберегать ея естественныя границы. Австрія можетъ вновь занять и прочно основаться въ областяхъ, которыя присвоилъ

себѣ ненасытный народъ. Ея восточный сосѣдъ не найдетъ въ этомъ ничего предосудительнаго.

Здѣсь авторъ меморіи съ удивительнымъ искусствомъ разыгрываетъ роль искусителя. Онъ не сразу приглашаетъ Австрію снова захватить владѣнія, изъ которыхъ она была вытѣснена въ нѣсколько пріемовъ. Сначала онъ ограничивается тѣмъ, что пробуждаетъ ея сожалѣнія, раздражаетъ ея желанія, приводитъ ей на память всѣ ея утраты. Съ почти жестокой настойчивостью онъ долго перечисляетъ ея потери, рисуетъ предъ ея взорами королевства, герцогства, провинціи, которыми она не такъ давно гордилась и которыя теперь оплакиваетъ; указываетъ на плодородныя равнины Ломбардіи, на побережья Адріатики, на гавани Истріи и Далмаціи, на цвѣтущія поля Германіи; показываетъ вдали линію Рейна и Бельгію. Развернувъ передъ ней эти необъятныя перспективы, онъ вдругъ дѣлаетъ видъ, что отворачивается отъ нихъ. Россіи тамъ нечего дѣлать. Она не интересуется этими областями; она предоставляетъ Австріи требовать ихъ обратно, но съ условіемъ отплатить ей взаимностью, т. е., дать и ей свободу, предоставить и ей распоряжаться по ея усмотрѣнію въ областяхъ, смежныхъ съ ея государствомъ, и вотъ здѣсь-то читается между строкъ нигдѣ не называемое имя Польши. Слѣдуетъ, говорится далѣе, установить принципъ невмѣшательства и взаимнаго потворства по отношенію къ областямъ, въ которыхъ каждое изъ двухъ государствъ заставитъ признать свои права и захватитъ свою долю. Въ инструкціи говорится: «Въ числѣ утраченныхъ провинцій, возвращенія которыхъ можетъ желать Австрія, бóльшая часть, почти все, можетъ отойти обратно въ ея владѣніе, не затрагивая прямыхъ интересовъ Его Величества. Въ самомъ дѣлѣ, что за дѣло Россіи, если Нидерланды, или Миланъ, или Венеціанская республика, Тироль, Зальцбургъ, часть самой Австріи, которую она только-что уступила, какъ-то: Тріестъ, Фіуме, побережье—сдѣлались бы предметомъ желаній императора Франца и даже были бы мало-по-малу пріобрѣтены имъ или его наслѣдниками? Единственное правило, которому долженъ слѣдовать петербургскій кабинетъ, это—оставаться вѣрнымъ мудрому принципу равновѣсія и не допускать расширенія, безъ соотвѣтственнаго вознагражденія Россіи, дабы не нарушать относительной силы обоихъ государствъ. Вѣнскій дворъ не можетъ не при-

знать, что Россія—единственная страна, прямой интересъ которой никогда не будетъ затронутъ его пріобрѣтеніями въ Германіи или Италіи. Но вѣнскій дворъ не можетъ также не знать, что ни въ Германіи, ни въ Италіи онъ ничего не можетъ предпринять, если не будетъ увѣренъ въ молчаніи или, лучше сказать въ молчаливомъ согласіи Россіи».

Къ несчастью, былъ пунктъ, гдѣ между интересами обѣихъ имперій, которые такъ легко было примирить въ другихъ мѣстахъ, существовалъ вѣчный антагонизмъ. Это былъ Востокъ. Кризисъ, вызванный на Дунаѣ въ 1807 г., оставался все еще открытымъ; онъ тянулся параллельно съ войнами, терзавшими Европу, и, разъединяя Россію и Австрію, служилъ препятствіемъ для новыхъ коалицій. Александръ I-ый и его кабинетъ знали, до какой степени порицалось въ Вѣнѣ фактическое присоединеніе княжествъ къ Россіи, какое неудовольствіе вызвало тамъ открыто заявленное ими намѣреніе оставить ихъ за собой. Въ Вѣнѣ смотрѣли на Дунай, какъ на австрійскую рѣку или, по меньшей мѣрѣ, какъ на имѣющую сдѣлаться таковою. Налагая руку на нижнюю часть его теченія и на его устья, Россія давала поводъ тревожиться и за интересы настоящей минуты, и за возможность поступательнаго движенія Австріи въ будущемъ. Она превращала въ тупикъ великолѣпнѣйшій путь, пользуясь которымъ Австрія надѣялась обезпечить себѣ сообщеніе съ Чернымъ моремъ и въ одинъ прекрасный день проскользнуть на Востокъ. Чтобы вполнѣ угодить Австріи, Россіи нужно было бы отказаться отъ княжествъ и подписать миръ съ турками, признавая чуть ли не цѣлость ихъ владѣній.

Эту жертву Александръ считалъ пока свыше своихъ силъ, внѣ предѣловъ своей уступчивости. Въ продолженіе трехъ лѣтъ вся его политика была направлена на пріобрѣтеніе Молдавіи и Валахіи; это было основной идеей его царствованія, давно лелѣянной мечтой, которая, послѣ долгаго мучительнаго ожиданія, осуществилась, наконецъ, въ Эрфуртѣ. Несмотря на свое отреченіе отъ союза съ Франціей, царь не могъ свыкнуться съ мыслью, что ему придется вернуть то, что онъ пріобрѣлъ благодаря совмѣстной дѣятельности съ Наполеономъ. Поэтому онъ рѣшилъ удержать за собой княжества, не отказываясь отъ надежды сговориться съ Вѣной о дѣлахъ на Востокѣ. Вѣрный завѣтамъ и традиціямъ Екатерины, онъ хотѣлъ предложить Австріи,

вмѣсто уступокъ, компенсацію. Беря самъ, онъ хотѣлъ предоставить ей двигаться впередъ бокъ-о-бокъ съ нимъ и выкраивать по близости отъ него свою долю. Развѣ, думалъ онъ, Турецкая имперія—эта всѣмъ доступная развалина, этотъ неисчерпаемый источникъ для обмѣна, сдѣлокъ и дѣлежа—не достаточно обширна для того, чтобы честолюбіе двухъ великихъ державъ не могло ужиться тамъ и утолять свои аппетиты, безъ столкновеній и борьбы?

По его мнѣнію, не трудно было разграничить кругъ обоюдныхъ интересовъ. Въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ австрійской границей, совсѣмъ подъ рукой Австріи, была Сербія, которая должна была привлекать ея взоры. Сербія возмутилась и отдѣлилась отъ Турціи еще въ 1804 г., и съ тѣхъ поръ банды сербовъ, подъ предводительствомъ Карагеоргія, мужественно боролись съ турками. Несмотря на то, что сербы неоднократно просили царя взять ихъ подъ свою высокую руку, несмотря на то, что они сдѣлали въ его интересахъ полезную для него диверсію, русскій государь всячески избѣгалъ сдѣлать ихъ своими подданными или даже вассалами. Конечно, ни совѣсть, ни честь не позволяли ему отдать этихъ послушныхъ союзниковъ въ полную власть и подъ гнетъ невѣрныхъ, но онъ былъ бы очень доволенъ, если бы христіанское государство взяло на себя трудъ заботиться о ихъ судьбѣ. Онъ думалъ, что Австрія могла бы взять ихъ подъ свою защиту и добиться для нихъ льготъ и привилегій; въ случаѣ надобности она могла обратить Сербію въ автономное княжество, которое стало бы отъ нея въ зависимость въ политическомъ и торговомъ отношеніяхъ.

Но, быть можетъ, она желаетъ бóльшаго? Можетъ быть, она хочетъ расширить не только сферу своего вліянія, но и свое господство; можетъ быть она хочетъ врѣзаться въ самое сердце оттоманскихъ владѣній? Для достиженія этой цѣли существуетъ только одно средство: заслужить довѣріе Россіи и откровенно сговориться съ ней. Приложивъ старанія направить на Востокъ честолюбіе Австріи, инструкція добавляетъ: «И, если бы пришлось допустить у вѣнскаго двора намѣреніе возмѣстить свои утраты путемъ пріобрѣтенія нѣкоторыхъ плодородныхъ провинцій, стонущихъ подъ гнетомъ Оттоманской имперіи, то—спрашиваю я,—будетъ ли она въ состояніи сдѣлать это, дѣйствуя наперекоръ Россіи? А, между тѣмъ, какъ легко было бы ей добиться

выполненія этого плана, если бы она своимъ поведеніемъ въ политикѣ заблаговременно сдѣлалась достойной добра, котораго желаетъ ей Его Величество?» Далѣе говорится, что императоръ Александръ всегда находилъ, что здравая политика предписываетъ обоимъ государствамъ дружно вести свои дѣла на Востокѣ и идти нога въ ногу; что эта мысль не является у него результатомъ случайнаго стеченія обстоятельствъ; напротивъ, это зрѣло обдуманное и твердо установившееся мнѣніе, символъ вѣры, который онъ всегда исповѣдывалъ, даже въ то время, когда предложенія, шедшія изъ другого мѣста, и поведеніе самой Австріи побуждали его использовать эти предложенія и доставили бы ему славу и выгоду. Угодно доказательство? Петербургскій кабинетъ готовъ дать таковое; оно убѣдительно и неопровержимо. Чтобы лучше доказать свое доброжелательство въ недалекомъ прошломъ и дать гарантію искренности въ будущемъ, онъ не прочь, полагаясь на тактичность Австріи, выдать ей государственную тайну, которая до сего времени была погребена въ тайникахъ архивовъ.

Тогда многозначительнымъ и таинственнымъ тономъ Румянцевъ открываетъ Алопеусу, позволяя ему въ подходящій моментъ быть болтливымъ, что два года тому назадъ Востокъ едва спасся отъ крупныхъ перемѣнъ; что зимой 1808 г. Россіи неожиданно были сдѣланы Наполеономъ удивительныя предложенія, вслѣдствіе которыхъ начались переговоры о раздѣлѣ Турціи. Сообщая объ этомъ истинномъ фактѣ, Румянцевъ указываетъ только на одну изъ его сторонъ и передаетъ его далеко не такъ, какъ это было въ дѣйствительности. Мы знаемъ, что въ февралѣ и мартѣ 1808 г., во время переговоровъ, которые имѣли цѣлью передѣлать карту Стараго свѣта и которыхъ однихъ было бы достаточно, чтобы охарактеризовать эти небывалыя въ исторіи времена, во всѣхъ сношеніяхъ двухъ императоровъ, во всѣхъ переговорахъ ихъ министровъ было принято, что Австрія должна быть приглашена къ раздѣлу, и что ея территорія, удлиненная на юго-востокъ, должна послужить для разъединенія будущихъ владѣній Франціи и Россіи. Этотъ принципъ былъ принятъ съ общаго согласія, но онъ былъ выдвинутъ на первое мѣсто Наполеономъ, на него вполнѣ опредѣленно было указано въ его письмѣ отъ 2 февраля 1808 года, Россія же употребляла всѣ усилія, чтобы ограничить выгоды Австріи. Въ инструкціи Алопеусу вся честь при-

писывается русскому государю, который, будто бы, потребовалъ, чтобы раздѣлъ былъ выполненъ втроемъ и на правахъ совершеннаго равенства.

Въ непрестанномъ стремленіи къ умѣренности, говорится въ ней, императоръ Александръ былъ противъ раздѣла; но, полагая, что этотъ переворотъ могъ сдѣлаться неизбѣжнымъ, онъ не отказывался отъ раздѣла, но ставилъ *conditio sine qua non* (непремѣннымъ условіемъ) своего содѣйствія, чтобы и Австрія была приглашена къ участію и въ широкихъ размѣрахъ воспользовалась выгодами предпріятія. Онъ настаивалъ, чтобы доля Австріи была какъ можно больше и возможно лучше составлена. Онъ по-дружески, съ утонченной заботливостью, собственноручно намѣтилъ ее, заботясь о чужихъ интересахъ, какъ бы о своихъ собственныхъ. Онъ сказалъ себѣ, что Австріи не достаточно будетъ расширенія въ континентальныхъ частяхъ Турціи; что, чтобы дѣлать производительныя затраты на свои новыя владѣнія и поднять доходность земли, ей необходимъ выходъ къ морю. Поэтому онъ потребовалъ, чтобы она получила на Эгейскомъ морѣ гавань, т. е., возможность привлечь къ себѣ и захватить часть торговли на Востокѣ—«единственный источникъ богатства, котораго ей не достаетъ». Можно ли дать болѣе вѣрное доказательство своей симпатіи и искренняго желанія добра? При томъ, въ какую минуту такъ горячо заботился императоръ Александръ объ интересахъ своихъ сосѣдей? И въ инструкціи говорится слѣдующее: «Его Величество столь усердно заботился объ интересахъ и величіи Австріи въ то самое время, когда вѣнскій кабинетъ былъ далеко уже не въ дружбѣ съ нами». Это дружественное сообщеніе,—говорится далѣе,—если его сдѣлать умѣло, не можетъ не произвести впечатлѣнія. «Оно должно, вызывая чувство благодарности, подготовить чувство самой беззавѣтной дружбы».

Во всякомъ случаѣ, Алопеусъ долженъ рѣшиться сдѣлать это секретное сообщеніе, имѣющее столь важное значеніе, только хорошо ознакомившись съ положеніемъ и крайне обдуманно. Прежде чѣмъ выдать тайну, которая въ такой же мѣрѣ принадлежитъ Франціи, какъ и Россіи, онъ долженъ удостовѣриться, что находится въ присутствіи собесѣдниковъ, которые хорошо подготовлены принять ее; что, имѣя въ виду воспользоваться данными совѣтами, они будутъ свято хранить ее, и будутъ готовы вступить на путь, на который слѣдуетъ ихъ направить. «Вы

сдѣлаете это секретное сообщеніе, пишетъ Румянцевъ, не сразу, а, по мѣрѣ того, какъ, по вашимъ соображеніямъ, у вѣнскаго кабинета начнетъ появляться значительное довѣріе, и когда вы найдете, что онъ рѣшился предпочесть тѣсную общность интересовъ съ Россіей всякимъ другимъ политическимъ отношеніямъ». Тутъ снова обнаруживается и яркимъ пламенемъ освѣщается основная мысль инструкціи: нужно во что бы то ни стало добиться, чтобы Австрія только на словахъ присоединилась къ Наполеону, но чтобы въ глубинѣ души она приняла рѣшеніе во всѣхъ могущихъ возникнуть конфликтахъ всегда жертвовать Франціей ради Россіи.

Итакъ, хотя первое время послѣ брака императоръ Александръ и старался еще поддерживать фикцію союза, его сокровенныя надежды, его планы о гарантіи своей безопасности основывались на поступкахъ, противныхъ идеѣ союза. Первой мыслью его было — быть на-сторожѣ и принять мѣры противъ французскаго нападенія. Основывая свои опасенія не на вещественныхъ доказательствахъ, а на знаніи характера Наполеона, онъ считалъ необходимымъ подготовиться къ оборонѣ путемъ дипломатической кампаніи. Онъ втихомолку старался отвлечь отъ насъ возможныхъ союзниковъ и наиболѣе вѣрныхъ вассаловъ, пытался овладѣть Австріей и подкупить Польшу. Предвидя, что французская интрига будетъ работать въ Вѣнѣ и въ Варшавѣ, онъ и тутъ, и тамъ заранѣе подводилъ контръ-мины. Эта подпольная работа, эти подкопы и усилія отвлечь отъ насъ нашихъ друзей будутъ идти непрерывно, все время усиливаясь, и даже не одинъ разъ выйдутъ на свѣтъ Божій и будутъ накрыты, несмотря на всѣ старанія царя скрыть ихъ. Правда, Россія вступала на эти кривые и подпольные пути, не прерывая переговоровъ, начатыхъ непосредственно съ Франціей, и по-прежнему внося въ нихъ долю искренности. Александръ постоянно говорилъ, что готовъ за одну статью договора, за одну фразу, оставаться нашимъ наилучшимъ и самымъ вѣрнымъ союзникомъ. Дѣйствительно, если онъ вырветъ окончательный смертный приговоръ Польшѣ, этотъ главный предметъ его желаній, онъ будетъ считать, что устранилъ или, по меньшей мѣрѣ, отдалилъ опасность и будетъ менѣе расположенъ вызывать разрывъ, возможныя послѣдствія котораго приводили его въ ужасъ. Вся суть въ томъ, оставятъ ли пере-

говоры, перенесенные въ Парижъ и вступившіе, благодаря вторично отправленному трактату, въ новую фазу, какую-нибудь надежду на успѣшный исходъ? Удастся ли при помощи ихъ наладить искреннее примиреніе между Наполеономъ и Александромъ и спасти союзъ?

Меттернихъ.

Тип. Р. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ. СПБ.

ГЛАВА X.

ОКОЛО ОДНОЙ ФРАЗЫ.

Прибытіе въ Парижъ русскаго контръ-проекта.—Наполеонъ послѣ брака.—Сознаніе полнаго счастья.—Сладкія рѣчи по адресу Австріи.—Меттернихъ поселяется въ Парижѣ.—Его планы.—Онъ обвиняетъ Россію въ агитаціи.—Просмотръ контръ-проекта и новый взрывъ негодованія противъ первой статьи.—Наполеонъ лично вмѣшивается въ пренія и диктуетъ рядъ замѣчаній.—Образецъ полемическаго искусства.—Опасенія за великое герцогство; мысль объ оборонительномъ союзѣ между Швеціей, Даніей и Варшавскимъ герцогствомъ.—Вечера въ Компьенѣ.—Бонапарты и Поццо.—Наполеонъ и люди стараго режима.—Австрія съ готовностью предлагаетъ свои услуги.—Наполеонъ старается избавиться отъ обязательствъ къ Россіи и не подписываетъ договора.—Онъ откладываетъ свой отвѣтъ на контръ-проектъ.—Искусство класть дѣла подъ сукно.—Какъ онъ пользуется своимъ положеніемъ новобрачнаго.—Поѣздка во Фландрію.—Письмо къ императору Александру.—Неблагодарный трудъ Куракина.—Возрастающая милость къ Меттерниху; его роль между императоромъ и императрицей.—Меттернихъ поддерживаетъ разладъ съ Россіей.—Онъ старается, но безъ успѣха, выдвинуть на сцену и поднять восточный вопросъ.—Поведеніе Александра; тактика Румянцева.—Возбужденіе въ Варшавѣ.—Наполеону ставятъ въ вину газетныя статьи. — Недовольство противъ Россіи возрастаетъ. — Жестокая вспышка гнѣва.—Что диктовалось 1 іюня 1810 г.—Первая угроза войной.—Балъ въ австрійскомъ посольствѣ.—Несчастье, постигшее князя Куракина.—Наполеонъ останавливается на мысли прекратить полемику съ Россіей.—Онъ поднимаетъ вопросъ о полномочіяхъ посла.—Прекращеніе переговоровъ; отвѣтственность той и другой стороны.

Вечеромъ 1 апрѣля герцогъ Кадорскій, вернувшись изъ Сенъ-Клу послѣ церемоніи гражданскаго брака, нашелъ у себя два письма. Въ первомъ канцлеръ Румянцевъ сообщалъ ему о новомъ проектѣ договора, на принятіи котораго онъ очень настаивалъ и который только-что былъ переданъ въ министерство княземъ Куракинымъ; во второмъ—Куракинъ увѣдомлялъ французскаго министра, что вскорѣ посѣтитъ его по важному дѣлу [1]). Все это, вмѣстѣ взятое, доказывало, съ какимъ не-

[1]) Письмо Шампаньи Наполеону отъ 1 апрѣля 1810 г. въ полночь. Archives nationales, AF, IV, 1698.

терпѣніемъ русскіе желали добиться возможно скораго рѣшенія вопроса. Проектъ былъ отосланъ въ Компьенъ, куда императоръ возвратился съ Маріей-Луизой на третій день послѣ свадьбы.

Въ это время Наполеону было не до Россіи. Обстоятельства требовали, чтобы онъ всецѣло принадлежалъ Австріи. Понятно, что, только-что женившись, онъ посвятилъ себя молодой женѣ. Онъ ухаживалъ за ней, окружалъ ее заботами, вниманіемъ, предупредительностью; старался дать ей почувствовать свою любовь и, повидимому, пользовался взаимностью. Онъ даже постарался обратить на это вниманіе Австріи, сообщая, что въ императорской семейной жизни все идетъ прекрасно и что Марія-Луиза счастлива. «Она оправдываетъ всѣ мои надежды,— пишетъ онъ своему тестю.—Въ теченіе двухъ дней мы только и дѣлали, что обмѣнивались доказательствами нѣжныхъ чувствъ, которыя насъ соединяютъ. Мы вполнѣ подходимъ другъ къ другу». И въ заключеніе онъ благодаритъ Его Апостолическое Величество «за чудный даръ». Императоръ Францъ, тронутый до слезъ, не зналъ, какъ выразить свое счастье. Онъ всѣмъ давалъ читать письма, получаемыя отъ новобрачныхъ, и каждое бьющее въ глаза выраженіе вызывало общее умиленіе. «Фраза: «*Мы вполнѣ подходимъ другъ къ другу*»,—сообщалъ изъ Вѣны нашъ посланникъ, — имѣла огромный успѣхъ, равно какъ и два письма Ея Императорскаго Величества, написанныхъ по-нѣмецки, гдѣ она, между прочимъ, говоритъ: «*Я такъ счастлива, какъ только можно быть счастливой; то, что мнѣ такъ часто говорилъ отецъ, оправдалось; я нахожу, что императоръ Наполеонъ замѣчательно милъ*». Сообщая мнѣ всѣ эти подробности,—пишетъ далѣе Отто,—князь Меттернихъ *) плакалъ отъ радости; онъ бросился мнѣ на шею и поцѣловалъ меня. Съ тѣхъ поръ, какъ пришло извѣстіе о встрѣчѣ Августѣйшихъ супруговъ и о томъ, что они взаимно внушили другъ другу любовь и довѣріе, радость при австрійскомъ дворѣ достигла своего апогея. Чтобы отпраздновать эту счастливую вѣсть, завтра будетъ при дворѣ съѣздъ и концертъ, такъ какъ для иныхъ развлеченій время неудобно» [1]).

---

*) Отецъ министра. (Прим. пер.)

[1]) Отто Шампаньи, 8 апрѣля 1810 г. Нѣсколько дней спустя посланникъ прибавляетъ: „Въ настоящее время между обоими дворами царитъ

И, дѣйствительно, Марія-Луиза нравилась Наполеону. Эта нѣмка съ спокойнымъ характеромъ, неразвитымъ умомъ и малыми способностями, но кроткая и предупредительная, обладавшая, вмѣстѣ съ привлекательностью молодости, чувствительнымъ сердцемъ, по крайней мѣрѣ, судя по ея наружности и по тому, какъ она держалась съ окружающими, болѣе чѣмъ достаточно отвѣчала тому, чего онъ требовалъ отъ императрицы. Сверхъ того, благодаря единственному въ своемъ родѣ ослѣпленію, блескъ заключеннаго имъ брачнаго союза ввелъ его въ заблужденіе насчетъ личныхъ качествъ императрицы, и онъ сердечно привязался къ женщинѣ, къ которой привели его политика и честолюбіе. При томъ онъ находилъ, что австрійскій домъ сумѣлъ во всемъ этомъ дѣлѣ дать доказательства своей искренности, сердечности, своего желанія породниться съ нимъ, и отнесся съ утонченнымъ вниманіемъ даже къ мельчайшимъ подробностямъ. «Ничто не было забыто,—говорилъ онъ,—чтобы сдѣлать мнѣ настоящее счастливое событіе сколь возможно болѣе пріятнымъ» [1]). Однимъ словомъ, онъ былъ доволенъ женой, ея родней и чрезвычайнымъ посломъ, котораго вѣнскій дворъ аккредитовалъ при немъ въ лицѣ графа Меттерниха.

Меттернихъ пріѣхалъ во Францію не съ намѣреніемъ, какъ того боялись въ Петербургѣ, предложить Наполеону договоръ и тотчасъ же заключить союзъ. Предполагая въ немъ этотъ планъ, русскій дворъ былъ только на пути къ истинѣ. Меттернихъ былъ слишкомъ тонкимъ дипломатомъ, чтобы такъ скоро приняться за дѣло. Намѣченный имъ планъ можно выразить словами: побольше наблюдательности, поменьше торопливости.

Цѣлью его поѣздки было руководить первыми шагами императрицы, направить ее такъ, чтобы она понравилась и имѣла успѣхъ. Затѣмъ, онъ имѣлъ въ виду воспользоваться своимъ пребываніемъ, чтобы ликвидировать нѣкоторыя дѣла, въ которыхъ была заинтересована его родина, добиться того, чтобы

такое согласіе, что вибрація струны, до которой слегка прикасаются въ Парижѣ, доходитъ до Вѣны и приводитъ въ восторгъ всѣхъ хорошо настроенныхъ людей". Cf. Saint-Amand, Les beaux jours de Marie-Louise, p. 251—252.

[1]) Mémoires de Metternich. II, 326.

извѣстныя статьи послѣдняго мирнаго договора были смягчены или истолкованы менѣе сурово. Въ этомъ-то пока и состояли тѣ незначительныя выгоды, которыя предполагалось извлечь изъ брака. Наконецъ,—и это было главной побудительной причиной его поѣздки—ему интересно было наблюдать Наполеона въ первое время послѣ его новаго брака,—посмотрѣть, до какой степени измѣнитъ этотъ великій актъ его личное настроеніе и направленіе его политики, вывѣдать, какіе планы формируются въ его «вулканическомъ» [1]) мозгу, и что будетъ дѣлать великій руководитель событій, чтобы направить ихъ въ надлежащее русло. Слишкомъ проницательный, чтобы думать, что бракъ положитъ конецъ разразившемуся надъ Европой кризису, онъ надѣялся: на основаніи своихъ наблюденій, предугадать предстоящій ходъ событій, съ тѣмъ, чтобы Австрія успѣла заручиться въ нихъ извѣстной ролью и могла извлечь для себя пользу. Не создавая себѣ политическаго идеала изъ продолжительнаго и прочнаго союза между двумя имперіями, упорно сохраняя надежду въ одинъ прекрасный день измѣнить Наполеону и примкнуть къ Европѣ въ тотъ моментъ, когда она въ состояніи будетъ потребовать реванша у Франціи, онъ находилъ, что это столь-желанное для многихъ время было еще очень далеко. Въ настоящія тяжелыя времена у Австріи могло быть только одно желаніе: жить, жить по возможности лучше. Сдѣлаться полезной или, по меньшей мѣрѣ, пріятной ужасному человѣку, который могъ стереть ее съ лица земли, не было ли въ настоящее время единственнымъ средствомъ сохранить существованіе, избѣгнуть новыхъ пораженій и даже обезпечить за собой нѣкоторыя выгоды? Такимъ образомъ, Меттернихъ находилъ, что во всѣхъ предстоящихъ осложненіяхъ его правительство должно принять за правило считаться со взглядами императора и даже, если это будетъ неизбѣжно, оказывать ему содѣйствіе. Въ какой степени, въ какой формѣ и когда должно оказываться подобное содѣйствіе, онъ обѣщалъ опредѣлить позднѣе на основаніи данныхъ, собранныхъ во время поѣздки. Поставивъ себѣ цѣлью изслѣдовать почву, онъ разсчитывалъ также и подготовить ее. Съ этихъ поръ онъ считалъ за благо, чтобы Австрія подружилась съ побѣдителемъ и

---

[1]) Депеша графа Толстого, 25 октября—7 ноября 1807 г. Archives de Saint-Pétersbourg.

попала къ нему въ милость,—однимъ словомъ, хотѣлъ создать между обоими дворами такую близость, которая могла бы при случаѣ превратиться въ союзъ.

Онъ никому не хотѣлъ довѣрить этой задачи, считая, что только онъ одинъ способенъ ее выполнить. Хорошо зная человѣка, съ которымъ придется имѣть дѣло, изучивъ его за время своей прежней миссіи, онъ надѣялся имѣть на него нѣкоторое вліяніе, и твердо помнилъ, что передъ послѣдней войной онъ не былъ въ большомъ накладѣ, выдержавъ самую неблагодарную роль и оставаясь до конца терпимымъ посланникомъ ненавистнаго двора. Въ настоящее время, когда положеніе совершенно измѣнилось, и при томъ въ пользу Австріи, онъ чувствовалъ себя болѣе свободнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ и могъ, безъ особаго стѣсненія, пустить въ ходъ свои таланты. Вполнѣ увѣренный въ себѣ, обладая рѣдкими дипломатическими способностями и еще бóльшимъ самомнѣніемъ, умѣло пользуясь своимъ талантомъ и не сомнѣваясь въ своей геніальности, онъ не испытывалъ въ присутствіи императора того смущенія, которое часто парализовало волю другихъ. Онъ обладалъ искусствомъ и слушать его, и говорить съ нимъ. Никто лучше, краснорѣчивѣе его, не сумѣлъ бы придать цѣну австрійской дружбѣ.

Конечно, Наполеонъ будетъ нуждаться въ Австріи только въ томъ случаѣ, если у него не будетъ точки опоры въ другомъ государствѣ; его симпатіи къ Вѣнѣ будутъ стоять въ прямой зависимости отъ его отношеній къ Петербургу. Меттернихъ твердо проникся этой истиной. Съ момента обрученія онъ уже не сомнѣвался, что роковымъ послѣдствіемъ этого событія будетъ охлажденіе, даже ссора, между Франціей и Россіей, и надѣялся, что эти осложненія приведутъ къ возвышенію его отечества. Нельзя сказать, чтобы онъ хотѣлъ теперь же вызвать острый конфликтъ между тильзитскими союзниками. При настоящихъ условіяхъ онъ не могъ имѣть такихъ намѣреній, а тѣмъ паче признаться въ нихъ, даже передъ своимъ собственнымъ правительствомъ, такъ какъ главный интересъ Австріи состоялъ въ томъ, чтобы насладиться нѣсколькими годами покоя и за время мира въ Европѣ собраться съ силами. Императоръ Францъ, получившій отвращеніе къ рискованнымъ предпріятіямъ, уставшій отъ волненій и хлопотъ, былъ такъ счастливъ сознаніемъ своей безопасности, доставленной ему бракомъ его дочери, что

страшно боялся новыхъ крупныхъ потрясеній въ политикѣ, которыя могли бы нарушить его душевный покой и подвергнуть жестокимъ испытаніямъ его нерѣшительный характеръ. Тѣмъ не менѣе, для успѣшнаго выполненія плана Меттерниха необходимо было, чтобы Наполеонъ не былъ въ слишкомъ хорошихъ отношеніяхъ съ Россіей, — напротивъ, требовалось чтобы онъ мало-по-малу отдалялся отъ нея, и австрійскій министръ задался цѣлью работать въ этомъ направленіи тактично и настойчиво.

Съ первыхъ же дней свиданія съ Наполеономъ въ Компьенѣ онъ нашелъ открытое и хорошо подготовленное для своей дѣятельности поле. Императоръ, обращаясь съ нимъ, какъ съ своимъ гостемъ, какъ съ человѣкомъ, близкимъ къ своей семьѣ, вступалъ съ нимъ до и послѣ обѣда въ откровенныя бесѣды, длившіяся долгими часами. Не трудно было замѣтить, что первые дни, проведенные Наполеономъ съ Маріей-Луизой, произвели на него самое хорошее впечатлѣніе. Онъ былъ веселъ, улыбался, сіялъ сознаніемъ своего счастья и всемогущества. Онъ былъ неистощимъ въ похвалахъ императрицѣ, въ дружескомъ тонѣ говорилъ объ Австріи и, не произнося еще слова—союзъ, находилъ удовольствіе изображать въ яркихъ краскахъ будущія отношенія между дворами Вѣны и Парижа; говорилъ, что предвидитъ между ними новую эру,—свѣтлую и безмятежную. Видно было, что онъ относился къ Австріи даже съ нѣкоторымъ участіемъ, сочувствовалъ ея финансовымъ и административнымъ затрудненіямъ, давалъ ей совѣты и, такъ какъ всякаго рода проблемамъ свойственно было воспламенять его воображеніе и пробуждать его вдохновеніе, то онъ экспромтомъ высказывалъ о попыткахъ къ реформамъ въ Вѣнѣ всегда своеобразныя, а иногда и глубокія мысли. Въ одинъ прекрасный день, послѣ безконечныхъ отклоненій въ сторону, воспоминаній о прошломъ и безчисленныхъ анекдотовъ, онъ завелъ разговоръ о положеніи дѣлъ въ Европѣ.

Меттернихъ прежде всего счелъ долгомъ изложить свои политическіе, въ высокой степени миролюбивые, взгляды. Такая декларація принциповъ ни къ чему не обязывала и могла только вызвать на довѣріе. У Австріи, сказалъ онъ, только одно желаніе: чтобы повсюду царили миръ и согласіе. Онъ возводилъ своего повелителя «въ апостола этой прекрасной идеи» [1]. Но

[1]) Mémoires de Metternich, II, 331.

почти тотчасъ же онъ позаботился указать на темную точку на горизонтѣ и постарался обратить на нее вниманіе. Зная, что безпокойство въ Петербургѣ усиливалось съ каждымъ днемъ и выражалось глухимъ недовольствомъ, онъ намекнулъ на это обстоятельство, дѣлая видъ, что сожалѣетъ объ этомъ. «Такъ какъ миръ и спокойствіе, сказалъ онъ, составляютъ наше величайшее желаніе, то въ наши виды не входитъ, чтобы Россія поступала опрометчиво».—«Что понимаете вы подъ словами поступать опрометчиво»?—спросилъ императоръ. — «Россія дѣйствуетъ подъ вліяніемъ страха,—отвѣчалъ Меттернихъ. Она боится Франціи, а, тѣмъ паче, нашихъ отношеній къ Франціи, и, живя сама въ вѣчной тревогѣ, будетъ источникомъ волненій» [1]). Онъ съ рѣдкой проницательностью предсказалъ поведеніе Александра; онъ, какъ ясновидящій, проникъ въ двусмысленную игру, на которую въ это время рѣшался русскій монархъ, и, еще не зная о ней, предугадалъ ее и указалъ на нее императору.

«Будьте покойны, отвѣчалъ Наполеонъ; если русскіе вздумаютъ поступать предосудительно, я сдѣлаю видъ, что не замѣчаю этого» [2]). Съ своей стороны онъ избѣгалъ высказаться откровенно, и дѣлалъ видъ, что относится безразлично, что совсѣмъ не гармонировало съ его характеромъ. Къ несчастью, онъ не долго выдерживалъ характеръ, и скоро далъ замѣтить Меттерниху, какимъ испытующимъ окомъ, съ какимъ недовѣріемъ слѣдилъ онъ за всѣми поступками Россіи. Онъ не устоялъ и высказался о томъ, что съ давнихъ поръ оскорбляло его въ ея поведеніи. Онъ не скрылъ, что въ 1809 г. понялъ и осудилъ политику русскаго кабинета; что въ то время Румянцевъ проявилъ полное непониманіе создавшагося положенія. При этомъ горькомъ воспоминаніи лицо его омрачилось, голосъ дрожалъ, рѣчь сдѣлалась оживленнѣе, и Меттернихъ понялъ, что разрывъ союза ближе, чѣмъ онъ смѣлъ на это надѣяться. Онъ сообщилъ о своемъ открытіи своему повелителю тономъ сердечнаго сокрушенія. «Дѣло дошло до той точки, пишетъ онъ ему, когда для отдаленія ссоры потребуется вся мудрость и полное самообладаніе въ направленіи политики Вашего Величества» [3])

---

[1]) Mémoires de Metternich, II, 329.
[2]) Id., I. 102.
[3]) Id., II. 329.

Въ дѣйствительности же, онъ несказанно обрадовался, подмѣтивъ между Франціей и Россіей уже сформировавшійся и готовый дать пышный расцвѣтъ зародышъ разлада. Онъ рѣшилъ всячески поддерживать его и какъ можно болѣе содѣйствовать дальнѣйшему его развитію.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этихъ разговоровъ Наполеонъ нашелъ на своемъ письменномъ столѣ представленный Россіей второй проектъ договора и сталъ его просматривать. Съ перваго же взгляда фраза: «Польское королевство никогда не будетъ возстановлено», вызывающе поставленная на прежнее мѣсто, опять непріятно поразила его. Такая манера возвращать ему выраженіе, котораго онъ не хотѣлъ, которое онъ рѣшительно отвергъ разъ навсегда, чрезвычайно не понравилась ему. Онъ не зналъ, чему приписать эту дерзкую настойчивость. Было ли въ этомъ упорствѣ, съ которымъ представлялся ему оскорбляющій его достоинство текстъ, желаніе унизить его, испытать его терпѣніе? Или же тутъ скрывался умыселъ подготовить себѣ противъ него оружіе, иначе говоря, вырвать у него обязательство, которымъ легко можно было бы злоупотребить? И то, и другое предположеніе казались ему имѣющими основаніе. При мысли о первомъ предположеніи возмущалось его чувство гордости; второе наводило его на тревожныя мысли о политикѣ, о необходимости быть осторожнымъ. Кромѣ того, съ какой бы точки зрѣнія ни разсматривалъ онъ эту, столь упорно навязываемую ему, необычную формулу—съ точки ли зрѣнія права, въ строгомъ смыслѣ этого слова, съ точки ли зрѣнія справедливости, приличія, даже просто здраваго смысла,—развѣ можетъ она выдержать критику? И онъ начинаетъ снова обсуждать ее горячо и страстно. Теперь онъ хочетъ основательно разобраться въ ней и обсудить ее снова, въ болѣе широкомъ масштабѣ. По заведенной ради точнаго опредѣленія своихъ мыслей привычкѣ набрасывать ихъ на бумагѣ, онъ диктуетъ рядъ замѣтокъ по всей совокупности вопроса. По мѣрѣ того, какъ онъ говоритъ, онъ яснѣе сознаетъ превосходство защищаемой имъ точки зрѣнія; онъ все болѣе проникается этимъ сознаніемъ, считаетъ правильными свои мысли и чувствуетъ подъ собой твердую почву. Убѣжденный въ безусловной своей правотѣ, онъ укрѣпляется на этой непреодолимой позиціи со всѣми средствами своей аргументаціи и покидаетъ ее только ради того,

чтобы разрушить и опровергнуть доводы противника. Возраженія и доводы стекаются къ нему со всѣхъ сторонъ. Онъ сортируетъ ихъ, распредѣляетъ по группамъ, выводитъ въ линію и направляетъ въ бой. Онъ отыскиваетъ ихъ всюду, даже въ прошломъ. И отъ событій прошлаго требуетъ онъ помощи; онъ призываетъ ихъ въ свидѣтели, пользуется ихъ примѣрами. Дабы предупредить возраженія противника, онъ самъ цитируетъ тексты, приводитъ примѣры. Отдаваясь всей душой этому состязанію, такъ какъ споръ напоминаетъ ему сраженіе, онъ всецѣло отдается ему, находитъ въ немъ своего рода удовольствіе, даетъ полную свободу своей страсти къ словеснымъ битвамъ, своей склонности къ тяжбамъ, которую унаслѣдовалъ отъ своихъ латинскихъ родичей, и въ результатѣ получается цѣлый трактатъ по спорному вопросу, написанный по вдохновенію, въ одинъ присѣстъ, съ неподражаемымъ мастерствомъ.

Онъ начинаетъ съ изложенія фактической стороны дѣла и намѣчаетъ цѣль, которой слѣдуетъ достигнуть. Онъ говоритъ: «Было представлено три проекта договора: первый Россіей, второй Франціей и третій, въ видѣ контръ-проекта—Россіей. Всѣ три проекта ведутъ къ одной и той же цѣли. Всѣ они успокаиваютъ Россію насчетъ намѣреній Франціи относительно Польши. Они отличаются только по формѣ, но различіе это такого рода, что компрометируетъ честь и достоинство Франціи, вслѣдствіе чего императоръ Наполеонъ не можетъ колебаться» [1]).

Россія требуетъ отъ него гарантіи его намѣреній. Онъ далъ таковую и на словахъ, и на дѣлѣ. Онъ могъ возстановить Польшу въ 1807 г. послѣ Фридланда и въ 1809 г. послѣ Ваграма. Онъ не сдѣлалъ этого. Онъ не только воздержался отъ дѣйствій въ пользу поляковъ, но даже высказался противъ нихъ. И въ письмахъ къ царю,—онъ приводитъ ихъ выраженія,—и въ отчетѣ Законодательнаго Корпуса, (приводятся цитаты слово-въ-слово), онъ заявлялъ, что возстановленіе Польскаго королевства никоимъ образомъ не входитъ въ его виды. Онъ болѣе чѣмъ доказалъ это, предлагая составить договоръ, первая статья котораго лишаетъ его права оказывать какую бы то ни было поддержку всякой попыткѣ къ возстановленію Польши. «Если Россія желаетъ только быть успокоенной насчетъ намѣреній

---

[1]) Corresp., 16180.

императора Наполеона, допуская, что событія не достаточно ярко освѣтили таковыя; если она нуждается въ документѣ, эта статья должна вполнѣ успокоить ее. Если же она хочетъ восторжествовать надъ Франціей, омрачить ея честь и заставить ее подписать договоръ, не какъ равную съ равной, но какъ подчиненную къ старшей, въ такомъ случаѣ она, конечно, должна желать замѣнить эту статью другой, въ силу которой Франція не получаетъ равныхъ правъ.

«И, дѣйствительно, если сказать: «Польша никогда не будетъ возстановлена», то должны равнымъ образомъ сказать: «Пьемонтское королевство никогда не будетъ возстановлено», да и, помимо того, такой догматическій стиль не принятъ и не согласуется съ здравымъ смысломъ. Какъ бы ни были могущественны Франція и Россія, ихъ могущества недостаточно, чтобы какое-нибудь событіе не совершилось помимо ихъ воли. Онѣ соединились ради поддержанія мира на континентѣ и, однако, не могли его поддержать: война вспыхнула. Онѣ соединились ради того, чтобы возстановить миръ на моряхъ и отдать ихъ въ пользованіе всѣмъ націямъ, и, однако, имъ и по сіе время не удалось этого достигнуть. Такія выдающіяся событія доказываютъ, что, какъ бы сильны ни были обѣ имперіи, ихъ могущество имѣетъ границы. Одинъ Богъ можетъ говорить такъ, какъ предлагаетъ Россія; подобной редакціи нельзя найти въ лѣтописяхъ ни одного народа. Императоръ не можетъ дать своего согласія на такую редакцію, ибо тутъ ничего не говорится о взаимности; но онъ находитъ, что можетъ, сколько будетъ угодно его союзнику, говорить и повторять въ своихъ письмахъ, рѣчахъ и договорахъ, *что онъ не будетъ оказывать покровительства, ничего не предприметъ и не будетъ помогать.*

«Посмотримъ же, чего желаютъ. Того ли, чтобы Франція дала твердое обязательство, что она никогда ничего не предприметъ для возстановленія Польши?—это императоръ можетъ обѣщать; или же, чтобы Франція объявила войну государству, которому вздумалось бы возстановить Польшу? —этого обѣщать императоръ не можетъ, потому что для сохраненія принципа равенства требуется, чтобы за подобную статью была равносильная компенсація, ибо безъ этого нельзя было бы понять, что̀ могло заставить Францію дать обязательство, вынужденность котораго столь очевидна. Конечно, Польша существуетъ

только въ воображеніи тѣхъ, кто хочетъ имѣть предлогъ создавать себѣ химеры; но если бы бывшимъ подданнымъ Польши посчастливилось при благопріятныхъ обстоятельствахъ возвратить себѣ независимость, и русскихъ военныхъ силъ было бы недостаточно для покоренія ихъ, статья контръ-проекта обязываетъ Францію двинуть свои войска для покоренія ихъ. Очевидно, Франція можетъ дать подобное обязательство только при условіи взаимной услуги, т. е., что и Россія обяжется въ свою очередь двинуть свои войска въ случаѣ, если вновь присоединенныя къ Франціи страны захотятъ освободиться изъ-подъ французскаго владычества, а французскаго оружія не будетъ достаточно, чтобы привести ихъ снова къ повиновенію.

«Нельзя понять, какую цѣль преслѣдуетъ Россія, отказываясь отъ редакціи, въ силу которой дается ей то, чего она требуетъ; зачѣмъ ей нужно замѣнить ее догматической формулой, не употребительной, противной здравому смыслу и при томъ изложенной въ такомъ видѣ, что императоръ не можетъ подписать ее, не покрывъ себя позоромъ» [1]).

Итакъ, о согласіи на первую формулу не можетъ быть и рѣчи. Наполеонъ упорно отстаиваетъ свою редакцію противъ той, которую хочетъ навязать ему Россія. При условіи принятія его редакціи, онъ еще не прочь связать себя письменнымъ обязательствомъ и подписать договоръ. Онъ даже не отвергаетъ всего контръ-проекта Александра. По двумъ несущественнымъ пунктамъ онъ допускаетъ предлагаемыя измѣненія. Если только вычеркнуть выраженія, подъ которыми Франція не можетъ подписаться, не теряя своего достоинства, ибо «слова устанавливаютъ степень уваженія между націями, равно какъ и между частными лицами» [2]), онъ согласенъ, чтобы его обязательства, въ начертанныхъ имъ предѣлахъ, были изложены по возможности ясно, точно и сообразно желаніямъ Россіи. Вотъ въ какомъ смыслѣ долженъ быть составленъ отвѣтъ на контръ-проектъ. Шампаньи поручается приготовить его. Онъ долженъ взять канвою императорскую диктовку, изложить ее канцелярскимъ слогомъ и представить ѣдкое и сильное разсужденіе Наполеона въ формѣ дипломатической ноты; онъ «смягчитъ выраженія, от-

---

[1]) Corresp., 16180.
[2]) Id

нюдь не стараясь смягчать мыслей» [1]). Но, прежде чѣмъ отправить ноту князю Куракину, онъ долженъ представить ее для просмотра и одобренія Его Величеству.

Несмотря на неизмѣнное желаніе придти къ соглашенію съ Россіей, Наполеонъ живетъ подъ гнетомъ все болѣе возрастающаго недовѣрія къ ней. Въ виду того, что Россія настойчиво требуетъ столь необычныхъ гарантій, онъ спрашиваетъ себя, не пора ли намъ самимъ подумать о мѣрахъ предосторожности противъ нея? Въ безпощадной войнѣ, объявленной польской идеѣ, Наполеонъ чуетъ угрозу великому герцогству, и сознаетъ необходимость предохранить этотъ постъ, стоящій беззащитно на самой отдаленной окраинѣ нашей стратегической системы. Онъ думаетъ: не можетъ ли герцогство опереться на другія государства, расположенныя рядомъ или позади него? Онъ предполагаетъ, что, устроивъ тройственное согласіе между Варшавскимъ герцогствомъ, Швеціей и Даніей, наша политика могла бы добиться, чтобы они оказывали другъ другу поддержку и помощь. Исходя изъ этихъ соображеній, Наполеонъ подъ большимъ секретомъ приказываетъ сказать въ Копенгагенѣ: «Общность интересовъ можетъ вынудить Швецію, Данію и Варшавское герцогство заключить при извѣстныхъ условіяхъ тайный союзъ, который могъ бы быть гарантированъ Франціей. Его единственнымъ назначеніемъ было бы охранять неприкосновенность этихъ трехъ государствъ...» Это было съ его стороны первымъ шагомъ къ антирусской политикѣ прежней монархіи, одной изъ чертъ которой было группировать второстепенныя государства Сѣвера въ оборонительный союзъ противъ ихъ грозной сосѣдки. Само собой разумѣется, что предписанный Наполеономъ шагъ, которому къ тому же суждено было остаться безрезультатнымъ, нужно было сдѣлать крайне осторожно. Наполеонъ считаетъ необходимымъ утверждать, что онъ въ дружбѣ съ Россіей, и, хотя и хочетъ принять мѣры предосторожности противъ возможной съ ея стороны измѣны, но отнюдь не желаетъ бросать ей вызова. Въ инструкціи, отправленной въ Копенгагенъ, содержатся слѣдующія знаменательныя по своей справедливости, начертанныя рукой одного изъ императоровъ, слова, которыя, къ несчастью, ничто иное,

---

[1]) Слова, которыя Шампаньи упоминаетъ въ письмѣ Наполеону, 20 іюня 1810 г. Archives nationales, AF. IV, 1698.

какъ обвинительный приговоръ имъ обоимъ: «Ни одинъ союзъ не можетъ быть прочнѣе союза, связующаго насъ съ Россіей, ибо онъ основанъ на взаимныхъ интересахъ. Слѣдуетъ только опасаться вмѣшательства людскихъ страстей, которыя слишкомъ часто заставляютъ людей относиться небрежно къ ихъ истиннымъ интересамъ» [1]).

При такихъ условіяхъ Наполеонъ объявляетъ о предстоящемъ отъѣздѣ на сѣверъ Франціи. Онъ хочетъ совершить съ Маріей-Луизой брачное путешествіе въ Брюссель, въ департаменты Шельды, Мааса и Рейна,—въ тѣ страны, которыя ожили и пришли въ цвѣтущее состояніе подъ французскимъ владычествомъ и гдѣ до этого, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, царствовали предки императрицы. Онъ хочетъ польстить старинной преданности фламандскаго населенія къ законной династіи, показавъ имъ, какъ чудное видѣніе, дочь Австріи, сочетавшуюся бракомъ съ ихъ новымъ государемъ и коронованную его рукой. Въ лицѣ Маріи-Луизы онъ хочетъ представить имъ ручательство ихъ безповоротнаго присоединенія къ имперіи; хочетъ доказать имъ, что разъ австрійскій домъ отдалъ за него эрцгерцогиню, онъ тѣмъ самымъ призналъ совершившійся фактъ и добровольно закрѣпилъ своей подписью это завоеваніе. Такимъ образомъ, даже тогда, когда онъ являетъ міру великія сцены примиренія и прекращенія войны, онъ безпрестанно и повсюду примѣшиваетъ къ нимъ воспоминаніе о борьбѣ, бряцаетъ оружіемъ и въ мирное время демонстративно указываетъ на результаты войны.

«Меттернихъ,—сказалъ онъ графу,—вы поѣдете съ нами?»—«Въ Брюссель, Ваше Величество?—не будетъ ли это рановато?» Императоръ понялъ тонкій намекъ на неблагодарную роль, какая выпала бы на долю перваго австрійскаго министра во время пребыванія въ присоединенныхъ департаментахъ, и поправилъ свое предложеніе. «По крайней мѣрѣ,—сказалъ онъ,—вы будете сопутствовать намъ до Камбрè» [2]). Меттернихъ поклонился въ знакъ согласія. Онъ не могъ не сдѣлать этой уступки монарху, который осыпáлъ его вниманіемъ и милостями. И, въ самомъ дѣлѣ, съ каждымъ

---

1) Герцогъ Кадорскій Диделоту, повѣренному въ дѣлахъ въ Копенгагенѣ, 2 мая 1810 г. Archives des affaires étrangères, Danemark. 183. Cf. Corresp. 16313 et 16402.

2) Неизданные документы.

днемъ Наполеонъ обращался съ нимъ все лучше и не разъ выражалъ желаніе, чтобы онъ продлилъ свое пребываніе во Франціи и пользовался всѣми удобствами. Онъ отдалъ въ его распоряженіе дворецъ въ Парижѣ, роскошный экипажъ, полную обстановку, и въ дни, предшествовавшіе своему отъѣзду во Фландрію, приглашалъ его въ Компьенъ чаще обыкновеннаго.

Въ этой резиденціи, гдѣ этикетъ не былъ такъ строгъ, гдѣ жизнь скорѣе походила на помѣщичью, чѣмъ на придворную, случаи видѣть хозяина и бесѣдовать съ нимъ были болѣе часты. Вечеромъ, когда удалялась императрица, императоръ удерживалъ Меттерниха и продолжалъ съ нимъ съ глазу-на-глазъ тѣ нескончаемыя, полуночныя бесѣды, въ которыхъ любилъ высказывать то, что было у него на душѣ. Мѣряя быстрыми шагами большую галлерею дворца, сто разъ повторяя ту же самую прогулку, онъ отдавался той потребности говорить, которая съ годами усиливалась въ немъ, и очень часто въ окна глядѣлъ уже разсвѣтъ, а разговоръ ихъ не былъ оконченъ. Теперь, въ «эти вечера-ночи»—по выраженію, вывезенному императоромъ Александромъ изъ Тильзита,—Наполеонъ затрагивалъ съ Меттернихомъ самые высокіе и самые интимные вопросы, высказывалъ величественные, иногда несбыточные планы, затѣмъ переходилъ къ подробностямъ своей частной и семейной жизни, поражалъ неожиданными вспышками своего блестящаго ума, ослѣплялъ своимъ геніемъ, проявлялъ поразительное богатство идей, но въ то же время давалъ возможность уловить и свои слабости. Его гордость, гордость великаго человѣка, болѣе законная, чѣмъ всякая иная, опускалась иногда до пустого бахвальства. Однажды вечеромъ онъ долго убѣждалъ Меттерниха, что Бонапарты очень хорошаго происхожденія, что его родъ считается однимъ изъ самыхъ древнихъ на островѣ, и, конечно, стоитъ выше рода Поццо. Держа въ рукѣ скипетръ міра, онъ не забывалъ мелкаго соперничества дней своей молодости и тѣхъ, кого ненавидѣлъ въ бытность корсиканцемъ [1]).

Впрочемъ, не одна благосклонность къ Австріи побуждала его откровенничать и давать волю своему воображенію предъ собесѣдникомъ, который слѣдилъ за нимъ съ хладнокровіемъ наблюдателя и долженъ былъ использовать противъ него даже

[1]) Неизданные документы.

самыя пустыя его фразы. Ему былъ по душѣ самъ графъ, и бесѣда съ нимъ доставляла ему удовольствіе. Онъ легко поддавался своей слабости къ людямъ съ громкимъ именемъ, хорошаго тона, если при высокомъ происхожденіи они обладали умомъ и талантами. Примѣромъ можетъ служить Талейранъ, котораго онъ осыпалъ жестокими упреками, но не лишилъ вполнѣ своей милости и постоянно совѣтовался съ нимъ; котораго презиралъ, но не могъ ненавидѣть. Люди стараго режима, у которыхъ привычная непринужденность обращенія имѣла иногда видъ истиннаго благородства, давали ему возможность отдохнуть отъ окружавшей его пошлости и грубой лести, которую расточала ему распростертая у его ногъ толпа; эти, по крайней мѣрѣ, умѣли курить предъ нимъ болѣе тонкій ѳиміамъ. Меттернихъ противорѣчилъ ему ровно настолько, сколько нужно было, чтобы подчеркнуть свое восхищеніе. Онъ не соглашался сразу со всѣми высказанными императоромъ идеями, нѣкоторыя оспаривалъ, но затѣмъ, крайне искусно и въ совершенствѣ выдержавъ свою роль, дѣлалъ видъ, что соглашается съ его мнѣніемъ, что вполнѣ побѣжденъ имъ. Его лесть была облечена въ самыя утонченныя формы, блестѣла умомъ, была изящна, скромна и деликатна. Онъ былъ изъ тѣхъ, которые умѣли «гладить льва по гривѣ» [1]).

Онъ постарался заслужить благосклонность императора, выступивъ во-время съ предложеніемъ услугъ, которыя могли бы доказать, что, какъ бы слаба и въ какія бы тѣсныя границы ни была заключена Австрія, она могла быть полезной и по-своему оказать помощь своему побѣдителю. Нужно сказать, что были минуты, когда Наполеонъ сознавалъ, какую громадную ошибку сдѣлалъ онъ въ недостойной его борьбѣ, которую велъ противъ главы церкви. Чрезмѣрная гордость мѣшала ему загладить ее, т. е., вернуть Пію VII захваченныя владѣнія и похищенныя права. Онъ все еще надѣялся нѣсколькими незначительными уступками склонить папу къ примиренію, устроить нѣкоторое подобіе полюбовной сдѣлки, которая привела бы первосвященника къ покорности и, покончивъ, такимъ образомъ, съ конфликтомъ, избѣгнуть раскола. Австрія, католическое государство, породнившееся съ новымъ домомъ Франціи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, по-

---

[1]) Mémoires de Talleyrand, I. 421.

чтительная дочь Святого престола, являлась между папой и императоромъ какъ бы свыше избранной посредницей. Меттернихъ съ большимъ искусствомъ сумѣлъ заставить обратиться къ себѣ съ просьбой сдѣлать попытку къ примиренію и обѣщалъ свое содѣйствіе. Попытка не привела ни къ чему, но все-таки была внесена, въ качествѣ хорошей отмѣтки, въ активъ его правительства. Почти въ то же самое время Меттернихъ предложилъ участіе своего двора въ переговорахъ съ Англіей и содѣйствіе въ дѣлѣ всеобщаго умиротворенія. Наполеонъ, пытавшійся черезъ тайныхъ агентовъ войти въ сношенія съ лондонскимъ кабинетомъ, побоялся помѣшать имъ параллельными переговорами. Онъ не воспользовался добрыми услугами Австріи, но былъ ей благодаренъ за предложеніе [1]).

Словомъ, онъ прекрасно чувствуетъ себя въ обществѣ Австріи и не можетъ удержаться, чтобы не сравнить этихъ изысканно-дружескихъ отношеній съ недавно усвоеннымъ образомъ дѣйствій Россіи, которая, какъ нарочно, умудряется осложнять всѣ вопросы и усѣивать ихъ шипами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, видя желаніе Австріи предложить ему свои услуги, увѣренный, что ему стоитъ только протянуть руку въ ея сторону, чтобы подхватить союзъ, онъ дѣлался менѣе склоннымъ относиться снисходительно къ желаніямъ Россіи и выносить ея фантастическіе капризы и дурное настроеніе. Чѣмъ больше предупредительности видитъ онъ со стороны австрійцевъ, тѣмъ больше притязанія Александра и Румянцева кажутся ему неумѣстными, безразсудными, оскорбительными, дурнымъ предзнаменованіемъ для будущаго, и, въ виду того, что Россія не воспользовалась благопріятнымъ моментомъ и дважды пропустила удобный случай получить договоръ, его мало-по-малу начинаетъ соблазнять мысль уклониться отъ всякихъ обязательствъ по этому вопросу и не вступать ни въ какія соглашенія.

Конечно, думаетъ онъ, ему слѣдуетъ дѣйствовать крайне умно и осторожно. Слишкомъ явное разногласіе на Сѣверѣ необходимо отсрочить, ибо теперь Испанія требуетъ нашихъ лучшихъ войскъ, и въ нынѣшнемъ году тамъ должны быть предприняты рѣшительныя дѣйствія. Слѣдовательно, желательно избѣгнуть даже намека на разрывъ, а потому должно дать царю

---

[1]) Mémoires de Metternich, II, p. 330 et 333 à 335.

нѣкоторыя данныя для его безопасности, которыя могли бы внести успокоеніе въ его неспокойный умъ. Но, если бы, утомивъ русскаго государя долгими переговорами, внушивъ ему страхъ предъ возникающими при заключеніи договора затрудненіями, удалось убѣдить его отказаться отъ своего требованія и удовольствоваться менѣе компрометирующимъ актомъ, напримѣръ, декларацiей, т. е., простымъ, но, насколько возможно, точно выраженнымъ обѣщаніемъ, это было бы крайне выгодно для нашихъ интересовъ, и онъ съ радостью согласился бы на такой исходъ дѣла. Наполеонъ и теперь готовъ подтвердить свои принципы, ибо принципы его не измѣнились; ему, какъ и раньше, и въ голову не приходитъ думать о возстановленіи Польши безъ всякой надобности. Но теперь онъ отступаетъ предъ опредѣленнымъ, быть можетъ, предательскимъ или, по меньшей мѣрѣ, крайне стѣснительнымъ договоромъ, имѣя въ виду тотъ случай, если бы Россія заняла по отношенію къ нему враждебное положеніе и вынудила его передѣлать Польшу съ цѣлью воспользоваться ею противъ нея. Поэтому Наполеонъ останавливается на мысли затянуть, даже прекратить на время споръ о договорѣ, не давать ему усиленнаго хода, какъ онъ намѣревался сдѣлать это еще въ самое недавнее время. Онъ рѣшаетъ, что въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль воздержится отъ малѣйшаго намека на договоръ, и надѣется, что время и обстоятельства наведутъ на другое средство къ соглашенію или позволятъ совсѣмъ обойтись безъ него.

Когда Шампаньи представилъ ему написанную по его личнымъ указаніямъ ноту, онъ оставилъ ее безъ своей санкціи, не далъ разрѣшенія передать ее посланнику, а оставилъ до поры до времени въ портфелѣ министра. Онъ откладываетъ отвѣтъ на контръ-проектъ и прибѣгаетъ къ той уклончивой тактикѣ, за которую нѣсколько мѣсяцевъ до этого вполнѣ справедливо упрекалъ царя. Повидимому, оба императора, увлекшись прискорбнымъ соревнованіемъ, по-прежнему по очереди ведутъ ту же самую игру и отплачиваютъ другъ другу тою же монетой. Во время кампаніи противъ Австріи и въ переговорахъ о бракѣ Александръ все время прибѣгалъ къ разнымъ ухищреніямъ; онъ примѣнялъ сотни уловокъ, чтобы уклониться отъ нашихъ усиленныхъ просьбъ. Теперь, когда Россія, которую подшпориваютъ и придаютъ ей смѣлость ея тревоги, настойчиво преслѣ-

дуетъ свою цѣль, когда она обращается съ требованіями и неотступно проситъ слова, которое внесло бы лучъ свѣта въ ея наболѣвшую душу, Наполеонъ заставляетъ ее ждать этого слова и прибѣгаетъ къ уловкамъ уклончивой политики.

Его богатая фантазія всегда доставляла ему сколько угодно предлоговъ для того, чтобы выиграть время и уклониться отъ требованій. Въ настояшее время онъ заимствуетъ ихъ изъ своихъ семейныхъ дѣлъ и пользуется своимъ положеніемъ новобрачнаго. Что удивительнаго, что въ апогеѣ супружескаго счастья онъ не занимается политикой, что его министрамъ трудно овладѣть его вниманіемъ, найти къ нему доступъ и добиться отъ него рѣшенія? Нашколенный въ этомъ направленіи Шампаньи разсказываетъ Куракину, что не знаетъ мнѣнія Его Величества о контръ-проектѣ, «такъ какъ послѣ брака очень рѣдко работаетъ съ нимъ» [1]). Онъ пишетъ въ Россію, что отсылка дѣлъ поневолѣ задержалась, «такъ какъ императоръ со дня брака исключительно занятъ императрицей» [2]). Хотя Коленкуру приказывается не подавать надежды на то, что Его Величество когда-либо согласится на русскую редакцію, и хотя для оправданія этого несогласія въ его распоряженіе даются особые доводы, тѣмъ не менѣе, онъ не долженъ настаивать на томъ, чтобы русская фраза была замѣнена французской, ибо это неизбѣжно привело бы къ заключенію договора. Намѣреніе, существующее у императора въ этотъ періодъ времени, обнаруживается въ слѣдующихъ словахъ депеши, написанной Шампаньи герцогу Виченцы 30 апрѣля: «Было бы крайне желательно, чтобы вы придумали какую-нибудь уловку, которая могла бы удовлетворить Россію! Договоръ, который я вамъ посылалъ, былъ жертвой со стороны императора, и онъ былъ бы очень доволенъ, если бы его избавили отъ него. Если бы русскій императоръ, не придавая цѣнности представленному ему договору, пришелъ къ мысли не заключать таковаго, это доставило бы удовольствіе императору. Но Его Величеству нежелательно, чтобы результатомъ этихъ переговоровъ было неудовольствіе Россіи».

Давъ своему талантливому посланнику почти неразрѣшимую задачу, Наполеонъ отправляется въ свадебное путешествіе.

---

[1]) Шампаньи императору, 29 апрѣля 1810 г. Archives nationales, AF., IV, 1698.

[2]) Шампаньи Коленкуру, 16 мая 1810 г.

Выѣхавъ съ императрицей 29 апрѣля изъ Компьена, онъ направляется черезъ С.-Кентенъ, Камбрè и Валансьенъ въ бывшую Бельгію. Онъ ѣдетъ въ сопровожденіи всего своего дома, имѣя въ своей свитѣ вестфальскую королевскую чету, королеву Неаполитанскую, вице-короля Итальянскаго, великаго герцога Вюрцбургскаго, князя Шварценберга и графа Меттерниха, т. е., и посланника, и чрезвычайнаго посла Австріи. Въ Камбрè оба посланника разстаются съ нимъ, что далеко не согласуется съ его желаніемъ. Не желая быть внимательнымъ къ Россіи въ дѣлѣ удовлетворенія ея существенныхъ требованій, онъ хотѣлъ быть внимательнымъ къ ней въ поддержаніи внѣшнихъ формъ добрыхъ отношеній. Поэтому онъ тотчасъ же хватается за разлуку съ Шварценбергомъ и Меттернихомъ, чтобы дать знать въ Петербургъ, что Австрія не пользуется при его дворѣ никакими особыми прерогативами. Повѣрить ему, такъ выйдетъ, что, по его повелѣнію, оба представителя императора Франца присутствовали только при началѣ его путешествія; что, если онъ не оказалъ той же милости князю Куракину, то только потому, что состояніе здоровья князя лишило его возможности пригласить его; что, не имѣя возможности взять его съ собой, онъ желалъ, по крайней мѣрѣ, предоставить ему случай пріятно провести лѣто въ красивой мѣстности. Шампаньи пишетъ Коленкуру: «Императоръ приказалъ отдать въ распоряженіе князя Куракина замокъ Вилльe... Князь Шварценбергъ и графъ Меттернихъ должны сопровождать императора только до Камбрè. Почесть, оказанная Меттерниху, ничѣмъ не умаляетъ того вниманія, какое всегда оказывается русскому посланнику; впрочемъ, его продолжительная болѣзнь устранила вопросъ о соперничествѣ» [1]).

Покончивъ съ этой предосторожностью, Наполеонъ продолжаетъ свой путь. Прежде чѣмъ посѣтить Брюссель, онъ спускается съ военной флотиліей по Шельдѣ, направляясь прямо къ важному стратегическому пункту страны—Антверпену. Онъ въѣзжаетъ въ него при громѣ пушекъ со всѣхъ фортовъ; присутствуетъ при спускѣ военнаго корабля *Фридландъ*; затѣмъ проѣзжаетъ по Зеландіи, обозрѣваетъ и изслѣдуетъ всѣ излучины берега, дабы заложить новые прибрежные пункты обороны, осма-

[1]) Шампаньи Коленкуру, 20 апрѣля 1810 г.

триваетъ пограничныя крѣпости и показываетъ самого себя голландцамъ. Всюду онъ намѣчаетъ крупныя общественныя работы и работы по оборонѣ страны; приказываетъ рыть каналы, воздвигать батареи. Всюду порождаетъ дѣятельность, подшпориваетъ власти, дѣлаетъ выговоры духовенству, поражаетъ города великолѣпіемъ своей свиты и шумнымъ блескомъ въѣздовъ, что, впрочемъ, вызывало въ населеніи Сѣвера, уставшемъ отъ деспотизма и войны, скорѣе удивленіе, чѣмъ восторгъ. Этимъ поразительнымъ по своей быстротѣ, разнообразію и богатству впечатлѣній, путешествіемъ онъ пользуется, чтобы не отвѣчать Россіи. Онъ извиняетъ себя, говоря: развѣ можетъ онъ отдаться заботамъ о столь сложныхъ переговорахъ въ то время, когда ему нужно быть вѣчно въ движеніи, когда онъ долженъ каждый день переѣзжать изъ города въ городъ, принимать почести, искоренять злоупотребленія, предписывать реформы, обозрѣвать отдѣльную часть своей имперіи и намѣчать въ ней общественныя работы и сооруженія?

Въ сущности, онъ не забываетъ о Россіи въ той мѣрѣ, какъ старается показать это. Онъ не перестаетъ искать способа удовлетворить Александра, по возможности, не нанося ущерба своимъ интересамъ. Одно время онъ надѣется, что нашелъ такой способъ. Онъ еще не благодарилъ царя за поздравленія по случаю своего брака. Въ отвѣтномъ письмѣ, помѣченномъ замкомъ Лёкенъ, близъ Брюсселя, и написанномъ въ очень нѣжныхъ выраженіяхъ, онъ ввернулъ имѣющій большое значеніе намекъ на польскія дѣла. «Мой Братъ,—говоритъ онъ,—Коленкуръ передалъ мнѣ все, что Вашему Императорскому Величеству угодно было сказать мнѣ любезнаго по поводу моего брака. Въ этомъ я увидѣлъ тѣ же чувства, съ какими вы всегда изволите ко мнѣ относиться. Прошу васъ принять мою глубокую благодарность. Мои чувства къ вамъ неизмѣнны, равно какъ и принципы, руководящіе политикой моей имперіи. Никогда у Вашего Величества не будетъ повода жаловаться на Францію. Въ декларацiяхъ, которыя я сдѣлалъ въ прошломъ декабрѣ, заключается весь секретъ моей политики. Сказанное тогда я буду повторять всякій разъ, какъ только представится къ тому случай. Прошу Ваше Величество никогда не сомнѣваться въ моей дружбѣ и глубокомъ уваженіи» [1]). Напоминая такимъ

---

[1]) Corresp., 16481.

путемъ о своихъ прежнихъ увѣреніяхъ по вопросу о Польшѣ, предлагая возобновить ихъ, онъ и теперь подтверждаетъ ихъ. Не было ли подобное письмо само по себѣ гарантіей, и не было ли оно равнозначуще договору?

Въ Петербургѣ объ этомъ судили иначе. Не получая отвѣта на новую редакцію договора, Александръ сталъ тревожиться еще болѣе. Письмо, отправленное изъ Лёкена, было принято любезно. Доставившій его офицеръ былъ осыпанъ милостями; былъ даже представленъ императрицѣ-матери въ ея резиденціи въ Павловскомъ дворцѣ, гдѣ появленіе французскаго мундира произвело сенсацію. Но Коленкуръ очень скоро замѣтилъ, что царь и его министръ приняли императорское письмо за актъ простой вѣжливости и не нашли въ немъ данныхъ для успокоенія. Единственнымъ средствомъ поддержать добрыя отношенія Россія по-прежнему считала то, что неоднократно предлагалось ею, и не допускала ничего другого. Она стояла за свой договоръ, требовала его въ той редакціи, какъ она его составила, и не переставала съ вѣжливостью царедворца, но вполнѣ ясно, высказывать это. «Это, писалъ Коленкуръ, все то же упорство по существу дѣла, съ тѣмъ же стремленіемъ къ соглашенію по внѣшности» [1]).

Главнымъ образомъ, Александру хотѣлось, какъ можно скорѣе, узнать что-либо опредѣленное. Онъ желалъ, чтобы Наполеонъ былъ поставленъ въ необходимость сказать да или нѣтъ, и послалъ Куракину соотвѣтствующія инструкціи. Подгоняемый и подшпориваемый своимъ правительствомъ, старый князь долженъ былъ встать съ одра болѣзни, ломиться въ дверь герцога Кадорскаго, жившаго во время путешествія императора въ Парижѣ, и добиваться отвѣта, котораго приказано было не давать ему. Онъ надоѣдалъ своими визитами министру, которому нѣчего было сказать ему. Онъ то подвергалъ его правильной осадѣ, не жалѣя ни своего времени, ни своихъ трудовъ, то ходилъ на приступы, послѣ которыхъ возвращался домой совсѣмъ измученнымъ; онъ считалъ себя героемъ, а, между тѣмъ, былъ только въ тягость. По возвращеніи изъ Фландріи, которое имѣло мѣсто 1 іюня, Наполеонъ съ неудовольствіемъ увидѣлъ грустную и жалкую фигуру этого посланника, съ удру-

[1]) Шампаньи Коленкуру, 1 іюня 1810 г.

ченнымъ видомъ пришедшаго вести надоѣдливый разговоръ. Онъ приказалъ Шампаньи сказать ему, «что все его путешествіе до такой степени было посвящено заботамъ внутренней администраціи, что онъ вынужденъ былъ отложить въ сторону все, что имѣло отношеніе къ внѣшней политикѣ» [1]).

Въ Парижѣ Наполеонъ застаетъ и Меттерниха,—изящнаго, живого, сумѣвшаго съ каждымъ днемъ дѣлаться все болѣе полезнымъ и почти необходимымъ. Даже въ домашней жизни императорской четы ему стали отводить нѣкоторую роль, прибѣгая къ его услугамъ и посредничеству въ интимныхъ и деликатныхъ случаяхъ. Наполеонъ по-прежнему относился къ Маріи-Луизѣ съ безпредѣльнымъ вниманіемъ, нѣжно, почти боязливо. Ему хотѣлось бы давать ей нѣкоторыя наставленія, выработать въ ней черты, которыя требуются ея ролью императрицы, направлять ея неопытные шаги, но такъ, чтобы не было властнаго тона, чтобы это не носило характера замѣчаній, дабы не уподобиться «ворчливому мужу» [2]). Онъ стѣснялся самъ давать ей указанія и воспользовался для передачи ей своихъ совѣтовъ ловкостью и искусствомъ Меттерниха. Онъ думалъ, что австрійскій министръ, котораго императрица знала много лѣтъ и очень цѣнила, былъ предназначенъ самой судьбой для выполненія обязанностей авторитетнаго и, въ то же время, скромнаго совѣтника. Черезъ него-то Наполеонъ и убѣждалъ Марію-Луизу не довѣрять просителямъ и интриганамъ, быть менѣе доступной, уклоняться отъ просьбъ своихъ приближенныхъ, когда тѣ захотятъ представить или рекомендовать ей кого-либо, не довѣрять протекціи своихъ любимцевъ, не покровительствовать ихъ родственникамъ «и всевозможнымъ кузенамъ» [3]).

При томъ, онъ ничего не имѣлъ противъ того, чтобы былъ очевидецъ его вниманія къ императрицѣ и чтобы объ этомъ давался отчетъ въ Вѣну; болѣе того, онъ хотѣлъ, чтобы черты и особенности его характера, на которыя, между прочимъ, неоднократно указывалось въ сообщеніяхъ Меттерниха, выставили его въ иномъ свѣтѣ и опровергли его репутацію ужаснаго человѣка. Однажды утромъ онъ назначилъ Меттерниху свиданіе въ гостиной императрицы.

---

[1]) Шампаньи Коленкуру, 12 іюня 1810 г.
[2]) Mémoires de Metternich, I, 106.
[3]) Mémoires de Metternich, I, 106.

Тамъ онъ оставилъ ихъ вдвоемъ и, уходя, заперъ двери и положилъ ключъ въ карманъ. Спустя около часа, онъ вернулся и, смѣясь, спросилъ: «Хорошо ли побесѣдовали? Что, очень бранила меня императрица? Что она—смѣялась или плакала? Я не спрашиваю у васъ отчета: это ваши секреты, не касающіеся третьяго лица, хотя бы то былъ мужъ». На другой день, отведя Меттерниха въ сторону, онъ непремѣнно хотѣлъ узнать, чтó говорила ему императрица, и, такъ какъ Меттернихъ не сразу отвѣтилъ, томя его своимъ молчаніемъ, онъ сказалъ: «Вѣроятно, императрица сказала вамъ, что она счастлива со мной, что ей не на что жаловаться. Надѣюсь, вы скажете это вашему императору, и онъ повѣритъ вамъ болѣе, чѣмъ другимъ» [1].

Въ этой, отчасти навязанной ему, роли повѣреннаго обоихъ супруговъ Меттернихъ велъ себя тактично, избѣгая подавать поводъ къ упрекамъ въ нескромномъ вмѣшательствѣ и интригахъ. «За исключеніемъ пріемныхъ дней и другихъ болѣе или менѣе торжественныхъ случаевъ» [2]), онъ не являлся къ императрицѣ безъ особаго приглашенія, да и то всегда ждалъ, чтобы императоръ самъ пригласилъ его. Съ другими членами императорской семьи онъ стѣснялся гораздо менѣе. Обласканный сестрами императора, онъ, чтобы понравиться имъ, пустилъ въ ходъ всѣ свои обаятельные таланты, которыми щедро наградила его природа. Блестящій собесѣдникъ, изящный, «хорошо сложенный, всегда со вкусомъ одѣтый» [3]), онъ умѣлъ изобрѣтать игры и пріятныя развлеченія,—на что его русскій коллега совершенно не былъ способенъ,—и, благодаря этому, занялъ выдающуюся роль въ интимной жизни принцессъ. Этотъ въ высшей степени свѣтскій человѣкъ, привыкшій къ успѣхамъ въ свѣтѣ, которые любилъ ради нихъ самихъ и которыхъ страстно добивался, видѣлъ въ нихъ одно изъ средствъ политической дѣятельности и пользовался своимъ привилегированнымъ положеніемъ при дворѣ и среди близкихъ къ императору лицъ, чтобы получить возможность отъ времени до времени бесѣдовать съ нимъ. Тогда онъ, какъ бы помимо воли, направлялъ разговоръ на дѣловую почву. Превосходно обо всемъ освѣдомленный, слѣдя за

[1]) Id., I, 105.
[2]) Id.
[3]) Неизданные документы.

всѣми фазами переговоровъ о Польшѣ, онъ ловилъ Наполеона въ благопріятную минуту,—въ тѣ часы, когда тотъ особенно былъ недоволенъ Румянцевымъ, и, давая ему случай говорить о русскихъ, старался еще болѣе усилить его раздраженіе. Неудовольствіе императора возрастало уже изъ-за того только, что онъ находилъ, съ кѣмъ поговорить по душѣ. При случаѣ, Меттернихъ искусно вставлялъ свое слово, замѣчаніе, но такое, которое еще болѣе разжигало разладъ. Въ концѣ-концовъ онъ началъ говорить о Востокѣ, какъ будто одной Польши не было достаточно, чтобы довести до ссоры. Возвращаясь къ этому вѣчному вопросу, онъ, чтобы вѣрнѣе разъединить Францію съ Россіей, началъ мало-по-малу коварно выдвигать его впередъ, внѣдряя его, подобно клину, между ними.

Скоро для этого представился вполнѣ подходящій случай. Изъ только-что полученныхъ свѣжихъ извѣстій съ Дуная стало извѣстно, что военныя дѣйствія между русскими и турками, прекратившіяся зимой, возобновились съ наступленіемъ весны, и война началась въ четвертый разъ. Россія, недостаточно энергично ведшая и плохо закончившая послѣднюю кампанію, готовилась начать новую, имѣя въ виду употребить въ дѣло подавляющія силы. Она хотѣла, во что бы то ни стало, покончить съ Турціей, завершить блестящимъ ударомъ тянувшуюся изъ года въ годъ войну и, предписавъ Портѣ миръ остріемъ своей шпаги, добиться отъ нея безспорнаго права владѣнія провинціями, которыя были предоставлены ей въ Эрфуртѣ. Все наводило на мысль, что турки, продержавшіеся въ предыдущемъ году только благодаря благопріятному для нихъ стеченію непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, не устоятъ предъ болѣе мощнымъ, искуснѣе направленнымъ, ударомъ, и подчинятся закону, предписанному побѣдителемъ. Договоръ, который будетъ имъ продиктованъ, очевидно, закрѣпитъ за Россіей присоединеніе княжествъ и, быть можетъ, доставитъ русскимъ и другія выгоды.

Въ Вѣнѣ съ грустью предвидѣли этотъ исходъ войны, считали его гибельнымъ для австрійской монархіи, но неизбѣжнымъ. Тѣмъ не менѣе, австрійскіе министры были убѣждены, что дать другое направленіе событіямъ зависитъ только отъ одного человѣка; что одно слово, одинъ жестъ Наполеона вѣрнѣе остановятъ русскихъ, чѣмъ всѣ вооруженныя полчища, которыми располагалъ великій визирь. Почему бы, думали они, не обра-

титься къ верховному вершителю европейскихъ судебъ, почему не попробовать добиться отъ Наполеона, чтобы онъ взялъ назадъ уступки, сдѣланныя Александру, и, такимъ образомъ, теперь же извлечь пользу изъ создавшагося новаго положенія? Развѣ присоединеніе русскими княжествъ не наноситъ вреда интересамъ Франціи, равно какъ и интересамъ Австріи? Вѣдь въ этомъ случаѣ могли понести серьезный ущербъ всѣ государства, для которыхъ поддержаніе равновѣсія на Востокѣ вошло въ традицію или сдѣлалось необходимостью. Поэтому, вскорѣ послѣ путешествія, Меттернихъ обратилъ вниманіе императора на это обстоятельство.

— «Вы сами виноваты»,—отвѣтилъ Наполеонъ,—и, приподнимая завѣсу надъ переговорами въ Эрфуртѣ, онъ указалъ, что, хотя Австрія и не присутствовала на знаменитомъ свиданіи, она въ значительной степени обусловила его результаты; что ея вооруженія, ея враждебныя выходки, почти нескрываемое намѣреніе объявить намъ войну, заставили насъ по необходимости прибѣгнуть къ содѣйствію Россіи, и были причиной нашихъ обязательствъ. Австрія сама создала свою судьбу. Она своимъ поведеніемъ вызвала «полученное императоромъ Александромъ обѣщаніе, что онъ, Наполеонъ, не будетъ противиться присоединенію княжествъ къ Россіи» [1]. Наполеонъ долго говорилъ объ этомъ историческомъ вопросѣ, выражая при этомъ сожалѣніе, «что былъ насильно выбитъ изъ своей колеи, которая несравненно болѣе отвѣчала интересамъ Австріи и Порты, чѣмъ интересамъ Россіи» [2]. Но развѣ нельзя поправить дѣла?—замѣтилъ Меттернихъ. Зло еще не свершилось, ибо русскіе пока еще не добились отъ Порты акта объ уступкѣ. Почему бы Франціи и Австріи не сговориться, не вмѣшаться теперь же въ восточныя дѣла, «и не направить ихъ къ такому рѣшенію, которое возможно болѣе приближалось бы къ положенію дѣлъ, существовавшему до войны?» Хотя и въ замаскированныхъ выраженіяхъ, это значило просить императора отречься отъ сдѣланнаго Александру подношенія.

Здѣсь Наполеонъ прикинулся глухимъ. И было отчего. Австрія, правда, нерѣшительно, въ видѣ намековъ, но просила его ни болѣе, ни менѣе, какъ о томъ, чтобы онъ разорвалъ тор-

---

[1] Mémoires de Metternich, II, 361.
[2] Id.

жественный актъ и оскорбительнымъ образомъ нарушилъ клятву. Этимъ поступкомъ онъ доставилъ бы русскимъ справедливый и непосредственный поводъ къ конфликту. Если, въ силу своего раздраженія противъ Россіи, онъ и могъ пойти на разрывъ съ ней, тѣмъ не менѣе, онъ вовсе не былъ намѣренъ умышленно стремиться къ этому и, главнымъ образомъ, не желалъ открыто брать на себя вину. Онъ далъ понять Меттерниху, что у него просятъ невозможнаго. Но, предвидя, что ему нужны будутъ союзники въ томъ,—уже не казавшемся ему невѣроятнымъ,—случаѣ, если бы Россія совершенно отстранилась отъ насъ, онъ не хотѣлъ лишать Австрію надежды сойтись съ нимъ, не хотѣлъ отваживать ее искать у него поддержки и потому не лишилъ ее надежды на общую съ нимъ дѣятельность. Возвращаясь къ своимъ до-тильзитскимъ мыслямъ, онъ указалъ на то, что вопросъ о сохраненіи Турціи можетъ послужить въ недалекомъ будущемъ пунктомъ для сближенія обоихъ государствъ; что, можетъ быть, теперешній успѣхъ русскихъ заставитъ другія государства придти къ соглашенію для предупрежденія болѣе рѣшительныхъ успѣховъ. Разсматривая присоединеніе княжествъ, какъ фактъ уже совершившійся, онъ сказалъ: «Это-то расширеніе Россіи и создастъ въ одинъ прекрасный день основу для союза между Франціей и Австріей» [1]. Хотя онъ все еще откладывалъ австрійскій союзъ, какъ преждевременный и въ данное время ненужный, тѣмъ не менѣе, въ виду могущихъ произойти въ будущемъ случайностей, онъ держалъ его въ запасѣ.

Между тѣмъ, откровенность Меттерниха настроила его довѣрчиво. Увлекаясь страстью говорить и высказывая болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, онъ не скрывалъ уже своей все усиливающейся непріязни къ Россіи. Правда, онъ все еще притворяется, что отдѣляетъ императора Александра отъ его кабинета, и, браня Россію, не бранитъ царя. Когда ему приходится говорить о немъ, онъ говоритъ безъ озлобленія, но тономъ пренебрежительной жалости. «У императора, сказалъ онъ, добрыя намѣренія, но вѣдь онъ ребенокъ». Привилегія воспламенять его гнѣвъ и служить мишенью его остротъ всегда остается за канцлеромъ. Наполеонъ считаетъ его пустымъ мечтателемъ, блуждающимъ «въ заоблачныхъ сферахъ», неспособнымъ разобраться въ положи-

[1]) Mémoires de Metternich, II, 361.

тельныхъ возможностяхъ, на которыхъ строится политика. Онъ жестоко нападаетъ на Румянцева, перечисляетъ все, что у него накопилось противъ него, намекаетъ даже на дѣло о бракѣ, на теорію, высказанную Румянцевымъ по поводу брачныхъ союзовъ. Съ чувствомъ горечи вспоминаетъ онъ объ этомъ дѣлѣ, и тѣмъ самымъ показываетъ, что рана, нанесенная его самолюбію, все еще кровоточитъ. Въ заключеніе онъ переходитъ къ польскому договору и отстаиваетъ всѣ свои положенія. Съ трудно-объяснимой болтливостью, увлекаясь страстью повторять при всякомъ удобномъ случаѣ сильныя и картинныя выраженія, въ которыя онъ облекъ свои мысли, увлекаясь желаніемъ повторять придуманныя имъ остроты и понравившіяся ему образныя выраженія, онъ и въ разговорѣ съ Меттернихомъ употребляетъ тѣ же выраженія, какъ съ Шампаньи и Коленкуромъ: «Чтобы сказать, что Польша никогда не будетъ существовать, мнѣ нужно быть Богомъ!—сказалъ онъ ему. Я могу обѣщать только то, что могу исполнить. Я не сдѣлаю ни одного шага для ея возстановленія... но я никогда не соглашусь на обязательство, выполненіе котораго не зависитъ отъ меня». И, все болѣе горячась и волнуясь, онъ впадаетъ въ крупную ошибку, давая замѣтить Меттерниху, заинтересованному въ томъ, чтобы поссорить его съ русскими, насколько ихъ требованія по польскому вопросу сердятъ его и выводятъ изъ терпѣнія.

Однако, нужно же когда-нибудь кончить съ этимъ докучливымъ дѣломъ, которое вотъ уже скоро три мѣсяца ждетъ рѣшенія. Въ виду того, что Коленкуръ не нашелъ ни «уловки», ни приличной отговорки, а Россія, по-прежнему, настаиваетъ на отвѣтѣ на свой контръ-проектъ, Наполеонъ берется, наконецъ, за составленіе его. Онъ требуетъ отъ Шампаньи заготовленную для передачи Куракину, но остававшуюся пока подъ сукномъ, ноту, прочитываетъ ее, обдумываетъ и передѣлываетъ. Все болѣе склоняясь къ мысли увернуться отъ всякаго рода договора, онъ, какъ лукавый подьячій, думаетъ поднять дѣло о полномочіяхъ. Куракинъ не скрылъ, что онъ не уполномоченъ допустить какое-либо измѣненіе въ представленномъ имъ текстѣ. Разъ это такъ, то, по мнѣнію Наполеона, не служитъ ли такое ограниченіе его полномочій помѣхой къ успѣшному продолженію переговоровъ? Съ какой стати разговаривать съ безправнымъ посланникомъ? Наполеонъ хочетъ, чтобы этой нотой

Куракинъ былъ поставленъ въ необходимость точно высказать, до чего простирается его компетенція. Впрочемъ, онъ не рѣшается еще безповоротно сослаться на непріемлемость русскаго проекта, онъ только ведетъ къ этому. Онъ согласенъ, чтобы въ нотѣ были изложены вся суть и всѣ подробности вопроса и чтобы въ ней достаточно сильно были подчеркнуты его возраженія. Это само-собой вынуждало Россію къ отвѣту и, слѣдовательно, не исключалась возможность придти къ соглашенію [1]). Онъ только-что собирался формулировать окончательную редакцію, какъ изъ Россіи прибыли новые курьеры.

Глубоко огорченный, оскорбленный его молчаніемъ, Александръ пересталъ уже ждать отвѣта на контръ-проектъ и окончательно счелъ это молчаніе за недостатокъ вниманія со стороны Наполеона. Слишкомъ проницательный, чтобы не разобраться въ довольно грубыхъ хитростяхъ, слишкомъ гордый, чтобы жаловаться, онъ пересталъ настаивать и молчалъ; но его манера держать себя была полна значенія.

По внѣшности, въ его отношеніяхъ съ нашимъ посланникомъ не произошло никакой перемѣны. Онъ такъ же былъ доступенъ, такъ же привѣтливъ, обращеніе его носило тотъ же характеръ сердечности и дружбы, какъ и прежде. Герцогъ Виченцы сохранялъ при дворѣ всѣ свои преимущества, сопровождалъ императора на всѣхъ смотрахъ и маневрахъ, а въ установленные дни обѣдалъ во дворцѣ. Когда посланникъ давалъ балъ — Ихъ Императорскія Величества вмѣняли себѣ въ обязанность показываться на балу и «оживляли его своимъ присутствіемъ» [2]). Его разговоры съ Александромъ были такъ же часты, продолжительны и дружественны, какъ и прежде; разница была только въ томъ, что они вращались теперь исключительно около вопросовъ, чуждыхъ политикѣ. На воскресномъ парадѣ Александръ говорилъ только о военныхъ вопросахъ. Съ нѣкоторымъ самодовольствомъ указывалъ онъ ему на успѣхи своей арміи съ тѣхъ поръ, какъ ввелъ въ нее нашу систему обученія. Онъ обратилъ его вниманіе на своихъ солдатъ, избавившихся отъ «нѣмецкой одеревенѣлости»; говорилъ, что сдѣлалъ гибкими этихъ автоматовъ и

---

[1]) См. Archives nationales, AF, IV, 1699, разные конспекты, ноты и письма, написанныя по этому поводу Шампаньи императору.

[2]) Донесеніе Коленкура № 92, 23 мая.

далъ имъ ловкую и вольную походку нашихъ французовъ. Онъ былъ доволенъ, что покончилъ съ «безполезной стѣснительностью старыхъ прусскихъ правилъ», что во всемъ послѣдовалъ нашему примѣру, и съ любезностью, далеко не искренней, прибавилъ, «что соединенныя французскія и русскія войска могли бы сразу же маневрировать вмѣстѣ—и ни въ строю, ни въ выполненіи маневровъ не было бы замѣтно ни малѣйшей разницы» [1]). Въ своемъ кабинетѣ онъ охотно разсказывалъ герцогу о событіяхъ при дворѣ и въ свѣтѣ, объ интригахъ и скандалахъ. Коснулся даже своихъ интимныхъ огорченій: говорилъ о горѣ, которое причинилъ ему окончательный разрывъ съ Нарышкиной. Онъ тщательно отмѣчалъ разницу между Коленкуромъ, своимъ личнымъ другомъ, пользующимся его полнымъ довѣріемъ, и Коленкуромъ, общественнымъ дѣятелемъ, посломъ иностранной державы, и съ каждымъ днемъ это различіе становилось все ощутительнѣе. Когда же Коленкуръ пытался прервать ледяное замалчиваніе царемъ политическихъ вопросовъ и заговаривалъ объ обстоятельствахъ, которыя могли бы извинить наши проволочки,—одна улыбка, одинъ жестъ давали понять, что его собесѣдника не проведешь подобными доводами. Александръ тотчасъ же обрывалъ разговоръ на эту тему. Письма посланника, въ которыхъ онъ отдавалъ отчетъ о своихъ аудіенціяхъ, бывшія прежде такими содержательными и объемистыми, неизмѣнно состояли изъ нѣсколькихъ фразъ въ такомъ родѣ:—25 апрѣля. «Его Величество удостоилъ меня продолжительной бесѣды, но не о дѣлахъ политики. Онъ говорилъ со мной только о событіяхъ въ большомъ свѣтѣ».—13 іюля. «12-го я опять имѣлъ честь видѣть Его Величество на большихъ маневрахъ гарнизона. Онъ соблаговолилъ встрѣтить меня съ обычной благосклонностью и добротой, но не говорилъ со мной о дѣлахъ» [2]).

Инымъ было поведеніе Румянцева. Румянцевъ говорилъ много, жаловался гораздо больше своего государя; быть можетъ, потому, что былъ болѣе искрененъ, менѣе разочарованъ, не свыкся еще съ мыслью о разрывѣ съ Франціей и все еще старался отдѣлить истинныя намѣренія нашего правительства отъ неясностей и противорѣчій нашей политики. Чтобы вырвать у

---

[1]) Донесеніе Коленкура № 96, 29 іюня.
[2]) Письмо къ Шампаньи и донесеніе № 87.

Наполеона отвѣтъ, онъ прибѣгъ къ уже примѣнявшейся имъ плохо придуманной системѣ. Безъ сомнѣнія, умѣстнѣе всего было бороться съ непростительнымъ молчаніемъ императора твердой, полной достоинства, настойчивостью по существу самаго спора, т. е., договора. Румянцевъ предпочелъ дѣйствовать окольнымъ путемъ—путемъ упрековъ и обвиненій.

Съ нѣкотораго времени онъ былъ встревоженъ и возмущался слухами и случайными разговорами, доходившими до него изъ Варшавы. Жители Варшавы, съ ихъ обычнымъ бахвальствомъ и показнымъ бравированіемъ, продолжали носиться съ своими патріотическими надеждами и во всеуслышаніе предсказывали крупныя событія. Польша—по наблюденіямъ нашихъ агентовъ—по преимуществу страна ложныхъ извѣстій. Въ легкомысленныхъ умахъ ея обитателей воспринимается всякій звукъ, усиливается тамъ, какъ въ резонаторѣ, и, затѣмъ, какъ эхо, разносится по всѣмъ направленіямъ. Ничтожнѣйшія событія порождаютъ вздорныя мысли, которыя прорываются наружу потокомъ дерзкихъ рѣчей. Варшава, снова ставшая столицей, была однимъ изъ тѣхъ городовъ въ Европѣ, гдѣ болѣе всего разглагольствовали. Свѣтская жизнь приняла тамъ свой старинный блескъ: открылись многочисленные, кипящіе дѣятельностью, салоны; обольстительныя женщины своими рѣчами разжигали умы, и въ этой блестящей и шумной средѣ, среди удовольствій и интригъ, періодически рождались извѣстія о войнѣ, о предстоящихъ перемѣнахъ, о близкомъ и полномъ возстановленіи Польши. Мѣстныя и иностранныя газеты подхватывали эти слухи, выпускали сенсаціонныя статьи, которыя принимались къ свѣдѣнію тѣми, кому надлежало считаться съ этимъ. Наполеонъ былъ чуждъ этимъ нелѣпымъ разговорамъ и статьямъ. Онъ даже порицалъ ихъ, когда они доходили до его свѣдѣнія. Не желая силой зажимать ротъ полякамъ, такъ какъ его двусмысленное положеніе по отношенію къ Россіи все болѣе вынуждало его поддерживать съ ними добрыя отношенія, онъ, тѣмъ не менѣе, убѣждалъ ихъ быть спокойными и иногда жестоко распекалъ. Несмотря на это, Румянцевъ, вооружась всѣмъ, что говорилось и писалось въ Польшѣ или по поводу Польши, безъ согласія и часто безъ вѣдома императора Наполеона, хотѣлъ взвалить всю отвѣтственность на него. Онъ вмѣняетъ ему въ вину и слова, которыя говорятся варшавскими дамами, и извѣстія, которыя попадаются въ нѣмецкихъ газетахъ, и во всемъ этомъ

отыскиваетъ матеріалъ для безконечныхъ язвительныхъ замѣчаній. Имѣя въ своемъ распоряженіи дѣйствительные поводы къ жалобамъ, онъ ссылается на дурно обоснованные или вздорные; онъ выставляетъ обвиненія, на которыя очень не трудно отвѣтить, и которыя, не принося никакой пользы дѣлу, могутъ только портить отношенія. Чтобы заставить Наполеона заговорить и объясниться, онъ постоянно наноситъ уколы его самолюбію, отпускаетъ на его счетъ мелочныя, но колкія и несносныя остроты, и изо всѣхъ силъ старается раздразнить его ѣдкими замѣчаніями и обидными намеками.

Сперва онъ говоритъ, что удивленъ и огорченъ тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ французскихъ газетахъ снова встрѣчаются для обозначенія герцогства Варшавскаго и варшавской націи слова «Польша» и «поляки». Затѣмъ онъ указываетъ на статью, появившуюся въ *Gasette de Hambourg.* Въ этой весьма распространенной въ Европѣ газетѣ, которую читали, главнымъ образомъ, въ канцеляріяхъ, въ рубрикѣ о Варшавѣ было упомянуто о появившемся слухѣ о возстановленіи Польши. Эти строки были напечатаны въ городѣ, занятомъ нашими войсками, а потому спрашивается: нужно ли считать такой фактъ за офиціальное поощреніе запретныхъ упованій? Вотъ что спрашиваютъ Румянцевъ и самъ Александръ, и они выслушиваютъ отъ имени Наполеона отвѣтъ въ успокоительномъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и пренебрежительномъ тонѣ.

«Императоръ съ огорченіемъ узналъ, — заставляетъ Наполеонъ писать Шампаньи,—какое важное значеніе придаетъ императоръ Александръ статьѣ—я не знаю, какой — въ *Gasette de Hambourg.* Развѣ русскому государю неизвѣстно, что, несмотря на надзоръ правительства, множество ложныхъ слуховъ, ежедневно распространяемыхъ газетами, являются слѣдствіемъ агитаціи; что эти газеты или находятся подъ вліяніемъ Англіи, или служатъ отголоскомъ спекулянтовъ? Что удивительнаго, если подобная статья ускользнула отъ надзора Бурьенна (тогдашняго консула въ Гамбургѣ), который, къ тому же, не состоитъ цензоромъ печатаемыхъ въ Гамбургѣ газетъ: онъ видитъ ихъ только по выходѣ, и, слѣдовательно, не можетъ предупредить подобныхъ неблаговидностей; онъ можетъ только выразить свое неудовольствіе редактору и лицамъ, стоящимъ во-главѣ правительства. Но очевидно, что статья, въ которой объявляется о возстановленіи Польскаго королевства, до такой степени нелѣпа, въ осо-

бенности, въ глазахъ агентовъ Его Величества,—которые отлично знаютъ, что вся политика императора состоитъ въ томъ, чтобы поддерживать континентъ въ его теперешнемъ состояніи и направлять его во всей его совокупности противъ Англіи,—что ни одинъ изъ нихъ не могъ предвидѣть, чтобы подобная вызывающая улыбку сожалѣнія статья могла обезпокоить великую державу и причинить неудовольствіе другу и союзницѣ Франціи» [1]).

Нѣсколько дней спустя—новая тревога. Канцлеръ волнуется изъ-за брошюры, появившейся въ герцогствѣ, написанной въ національномъ польскомъ духѣ и подписанной именемъ, малоизвѣстнымъ во Франціи, но популярнымъ въ Варшавѣ, нѣкіимъ Коллонтаемъ, бывшимъ незадолго до этого однимъ изъ сподвижниковъ Костюшки. Наполеонъ узнаетъ объ этой брошюрѣ только благодаря тревогѣ, которую забила Россія. Онъ приходитъ въ гнѣвъ, видя, что ему ставятъ въ вину и это происшествіе. «Герцогъ Кадорскій,—пишетъ онъ своему министру,—я желаю, чтобы вы поговорили съ княземъ Куракинымъ по поводу письма герцога Виченцы отъ 29 мая. Скажите ему, что меня огорчили слова, сказанныя графомъ Румянцевымъ герцогу Виченцы. Скажите ему, что ни въ одной французской газетѣ не говорится о Польшѣ, что я не имѣю никакого понятія о Коллонтаѣ, что я не читалъ его брошюры, которая и не появлялась здѣсь, и что мнѣ говорятъ о вещахъ, свалившихся съ неба» [2]).

Это письмо ясно выдаетъ все усиливающееся раздраженіе императора. Сквозь его выраженія, которыя дѣлаются все болѣе рѣзкими, чувствуется, какъ нарастаетъ, какъ бурной волной поднимается его гнѣвъ. Но онъ еще сдерживаетъ себя, и, въ виду того, что Россія придаетъ столько значенія тому, что печатается и издается, онъ приказываетъ, чтобы въ статьѣ *Journal de l'Empire* уличили во лжи и хорошенько пробрали нѣмецкія газеты, распространившія ложные слухи или употребившія запрещенныя выраженія [3]). Сверхъ того, 30 іюня,

---

[1]) Шампаньи Коленкуру, 18 мая 1810 г.

[2]) Неизданное письмо. Archives nationales, AF, IV, 910.

[3]) „Корреспонденты періодическихъ изданій въ Германіи, — говорится по этому поводу въ офиціальномъ органѣ,— обладаютъ большой плодовитостью и выдумываютъ разныя побасенки для забавы своихъ читателей и, какъ видно, въ этомъ отношеніи жители береговъ Эльбы не уступаютъ въ легковѣріи уроженцамъ береговъ Гаронны...“ Номеръ отъ 18 іюня.

въ замѣткѣ, помѣщенной въ *Moniteur*'ѣ, еще разъ подтверждается тѣсный союзъ обѣихъ имперій.

Въ этотъ же самый день къ Шампаньи является Куракинъ и говоритъ, что ему поручено сдѣлать важное сообщеніе. Ну, что такое? Князь читаетъ длинное письмо Румянцева. Въ немъ ему предписывается: «безотлагательно навести справки по поводу «договора, или вѣрнѣе, по поводу все болѣе распространяющихся «слуховъ о намѣреніи императора Наполеона возстановить Поль-«шу». Въ этотъ разъ обвиненіе имѣетъ положительное основаніе. На чемъ же основано оно? Какъ и всегда, на толкахъ нѣкоторыхъ газетъ, на слухахъ, на сплетняхъ, гуляющихъ по Варшавѣ. Вотъ на какихъ данныхъ основываются подозрѣнія Россіи, и Наполеону приходится выслушивать сомнѣнія въ его словѣ, которое онъ столько разъ и такъ торжественно давалъ!

Тогда разражается долго надвигавшаяся гроза. Отъ чувства досады и неудовольствія императоръ переходитъ къ нескрываемому, бурному и неудержимому гнѣву. Вѣчныя жалобы, которыя звенятъ въ его ушахъ, какъ назойливый припѣвъ, становятся ему ненавистны. Его выводитъ изъ терпѣнія эта тяжба, которую ведутъ съ нимъ, преслѣдуя совсѣмъ не ту цѣль, о которой говорятъ, и ужъ если Румянцевъ такъ упорно создаетъ изъ всего поводъ къ жалобамъ на него, даже ставитъ ему въ вину агитацію, о которой ему ничего не извѣстно, «дѣлаетъ его отвѣтственнымъ за газетныя статьи, написанныя за двѣсти льё отъ Парижа или за брошюры, которыя никогда не будутъ извѣстны во Франціи, равно какъ и ихъ авторы» [1]), то, въ такомъ случаѣ, онъ возстановитъ отвѣтственность той и другой стороны и своимъ грознымъ отвѣтомъ заставитъ замолчать Россію. Въ эту минуту онъ не старается уже ни скрывать своей досады, ни притворяться. Онъ становится великимъ, но забываетъ о дипломатическомъ искусствѣ. Въ достойномъ сожалѣнія припадкѣ высокомѣрія и ярости, онъ разоблачаетъ свою политику и необдуманно высказываетъ свои мысли.

1 іюля утромъ, въ присутствіи Шампаньи, явившагося къ нему съ докладомъ о представленіи Куракина, онъ говоритъ о Россіи, затѣмъ диктуетъ письмо герцогу Виченцы и приказываетъ, чтобы его выраженія были дословно переданы герцогу, дабы этотъ черезчуръ кроткій и мягкій посланникъ имѣлъ въ этомъ посланіи руководство для своихъ рѣчей, и зналъ, какъ нуж-

[1]) Corresp., 16181.

но говорить съ русскими. Итакъ, онъ самъ, черезъ избраннаго посредника, надлежащимъ образомъ отвѣтитъ Россіи. Онъ хлещетъ ее обидными словами, осыпаетъ жестокими упреками; онъ перечисляетъ свои уступки, свои благодѣянія; напоминаетъ, что взамѣнъ онъ получилъ только двусмысленную поддержку до австрійской кампаніи, смѣхотворное содѣйствіе во время войны и теперь, въ довершеніе всего, ни на чемъ не основанныя жалобы, «достойные смѣха намеки и оскорбительныя подозрѣнія». И говоря, что его не сумѣли оцѣнить, что на него клевещутъ, онъ вполнѣ искренно убѣжденъ въ этомъ. По склонности, свойственной цѣльнымъ и гордымъ натурамъ, онъ обращаетъ вниманіе только на ту сторону вопроса, въ которой считаетъ и чувствуетъ себя неуязвимымъ. Не желая вспомнить, что его поведеніе, его затяжная игра, предоставленная полякамъ свобода дѣйствій—все это неоднократно давало право къ подозрѣніямъ, онъ сосредоточивается на своемъ собственномъ я, на своихъ истинныхъ намѣреніяхъ, а, въ этомъ отношеніи,—нельзя не признать этого,—брошенное ему въ лицо обвиненіе, въ тѣхъ опредѣленныхъ выраженіяхъ, въ какихъ оно высказывается, безусловно несправедливо. Конечно, говоритъ онъ, если Россія своими враждебными поступками создастъ для него изъ возстановленія Польши стратегическую необходимость, если она вынудитъ его возстановить Польшу,—онъ сдѣлаетъ это; но онъ не намѣренъ возстановлять Польши по собственному почину, у него нѣтъ такого умысла; онъ не сдѣлаетъ этого изъ принципа, по неправильно понимаемому чувству благородства, по *донкихотству*—послѣднее выраженіе онъ повторяетъ до пресыщенія. Онъ не имѣетъ ни малѣйшаго желанія съ легкимъ сердцемъ углубляться на Сѣверъ, пускаться на громадное, крайне рискованное, предпріятіе, только ради того, чтобы разбивать цѣпи чуждаго ему народа, исправлять преступленіе прошлаго вѣка и пріобрѣтать себѣ славу безъ всякой выгоды для своей имперіи. Не было и нѣтъ государя, болѣе далекаго отъ мысли начать войну изъ-за идеи. Такой взглядъ на вещи до такой степени не соотвѣтствуетъ его исключительно практической и дѣловой манерѣ смотрѣть на политику, что онъ не допускаетъ, чтобы ему могли приписывать таковой безъ задней мысли. Наконецъ, онъ задаетъ себѣ вопросъ: искренна ли Россія въ выраженіи своихъ страховъ. Ему думается, что, подъ покровомъ

ея словъ, онъ видитъ затаенную, предательскую заднюю мысль: Не хочетъ ли Россія, напрашиваясь на ссору съ нимъ, подготовить предлогъ бросить его; не хочетъ ли вернуться къ Англіи? Собравъ плоды союза, не думаетъ ли она отказаться отъ обязательствъ? Ну, что же! Результатомъ ея измѣны будетъ война. Онъ откровенно, безъ обиняковъ и увертокъ, можетъ сказать это, и слово — война, впервые брошенное Россіи, сверкаетъ въ его рѣчи, какъ блескъ шпаги.

«Чего добивается Россія подобными рѣчами? — восклицаетъ онъ.—Войны, что ли? Откуда ея постоянныя жалобы? Къ чему эти оскорбительныя подозрѣнія? Можетъ быть, Россія хочетъ подготовить меня къ своей измѣнѣ? Въ тотъ же день, когда она заключитъ миръ съ Англіей, я начну съ ней войну. Развѣ не она собрала всѣ плоды отъ союза? Развѣ Финляндія—предметъ столь долгихъ вожделѣній и столь упорной борьбы, о пріобрѣтеніи хотя бы частицы которой не смѣла даже мечтать Екатерина II, не сдѣлалась русской губерніей на всемъ своемъ обширномъ протяженіи? Развѣ, безъ союза, Валахія и Молдавія остались бы за Россіей? А мнѣ что далъ союзъ? Предотвратилъ ли онъ войну съ Австріей, изъ-за которой пришлось отложить всѣ дѣла въ Испаніи? Развѣ успѣхи этой войны обусловливались союзомъ? Я былъ въ Вѣнѣ прежде, чѣмъ сформировалась русская армія,—и, однакоже, я не жаловался; значитъ—не нужно жаловаться и на меня. Я не хочу возстановлять Польши; не хочу идти себѣ на погибель въ ея безплодные пески. Я долженъ жить для Франціи — для ея интересовъ, и не возьмусь за оружіе ради интересовъ, чуждыхъ моему народу, если только меня не вынудятъ къ этому. Но я не хочу обезчестить себя заявленіемъ, что *Польское королевство никогда не будетъ возстановлено*; не хочу уподобляться Божеству и дѣлаться смѣшнымъ; не хочу запятнать моей памяти, утверждая своей подписью и печатью этотъ актъ Маккіавелевской политики; ибо сказать, что Польша никогда не будетъ возстановлена, значитъ больше, чѣмъ признать ея раздѣлъ. Нѣтъ! Я не могу взять на себя обязательства поднять оружіе на людей, которые мнѣ ничего дурного не сдѣлали, которые, напротивъ, хорошо служили мнѣ и постоянно выказывали доброжелательство и глубокую преданность. Ради ихъ собственной выгоды, ради Россіи, я убѣждаю ихъ быть спокойными и покорными; но я не объявлю себя ихъ врагомъ;

не скажу французамъ: вы должны проливать вашу кровь, дабы отдать Польшу въ рабство Россіи. Если я когда-либо подпишу, что *Польское королевство никогда не будетъ возстановлено*, это будетъ значить, что я имѣю намѣреніе возстановить его. Это будетъ западня, которую я поставлю Россіи, и позоръ подобнаго заявленія будетъ заглаженъ поступкомъ, который докажетъ, что мое заявленіе было обманомъ. Я старался удовлетворить Россію: ей посланъ заранѣе утвержденный договоръ. Въ немъ заключалось все, что вполнѣ разумно я могъ обѣщать и что могъ исполнить; въ немъ было даже больше того, чего имѣли права просить у меня; онъ такъ же хорошо удовлетворялъ своей цѣли, какъ первый и второй проектъ договора. Но Россія все-таки настаиваетъ на своемъ проектѣ,—по причинамъ, мнѣ непонятнымъ. Мнѣ кажется, что это борьба изъ-за самолюбія. Всѣ разсудительные люди согласны, что, даже по выраженіямъ, это—одинъ и тотъ же договоръ, и сами русскіе того же мнѣнія. Если бы захотѣли унизить меня, диктуя мнѣ свою волю, не могли бы найти для этого лучшаго средства, какъ предписать мнѣ тѣ выраженія, въ которыхъ я долженъ подписать актъ, цѣль котораго мнѣ чужда, на который я соглашаюсь только изъ снисходительности, и въ которомъ для меня нѣтъ ни выгоды, ни необходимости» [1]).

Но рѣшится ли Наполеонъ въ подтвержденіе своихъ жестскихъ словъ рѣзко порвать со споромъ о договорѣ и просто-на-просто взять обратно свои предложенія? Можетъ быть, въ виду того, что онъ предполагаетъ у Россіи враждебныя поползновенія, онъ откажется выдать ей обязательство, въ какой бы то ни было формѣ, и не дастъ ей противъ себя оружія? Однако, по мѣрѣ того, какъ онъ диктуетъ, онъ, видимо, смягчается и даже говоритъ о постоянствѣ своихъ чувствъ. «Хотя, диктуетъ онъ, императоръ недоволенъ заявленіями, которыя дѣлаются ему со стороны Россіи, а также ихъ тономъ, онъ, тѣмъ не менѣе, твердо стоитъ за союзъ: онъ всегда шелъ прямо и безъ колебаній... По отношенію къ Россіи императоръ остается тѣмъ же, какимъ былъ все время съ момента тильзитскаго мира» [2]). Что же касается договора, онъ «согласенъ допустить нѣкото-

---

[1]) Corresp., 16181.

[2]) Id.

рыя измѣненія, но не омрачитъ своей памяти безславнымъ поступкомъ» [1]). Кончая диктовать, онъ сказалъ, что черезъ нѣсколько дней отправитъ Куракину отвѣтную ноту. Къ несчастью, роковая случайность вынуждаетъ его снова отложить передачу этой бумаги, вслѣдствіе чего откладывается на нѣкоторое время и развязка, которой съ такимъ мучительнымъ нетерпѣніемъ ожидали въ Россіи. Благодаря тому же несчастному случаю, гнѣву его предоставляется время созрѣть и принести плоды.

По возвращеніи Ихъ Величествъ въ Сенъ-Клу, празднества и балы по случаю брака, прерванные на время пребыванія въ Компьенѣ и путешествія на Сѣверъ, возобновились. Парижъ, армія, принцы, иностранные представители поочередно старались оказать императорской четѣ всевозможныя почести и придумывали развлеченія. 10 іюня былъ балъ въ городской ратушѣ съ бенгальскими огнями и большой иллюминаціей; 14—сельскій праздникъ у принцессы Полины въ ея садахъ въ Нейльи; 24 гвардія дала балъ въ военномъ училищѣ. Повсюду давались разнообразныя развлеченія, всюду веселились; небывалая роскошь и великолѣпіе дошли до неслыханныхъ размѣровъ. Извѣстно, что конецъ этого упоительнаго времени омрачился печальнымъ событіемъ и какъ бы зловѣщимъ заревомъ озарилъ будущее.

1 іюля князь Шварценбергъ давалъ большой балъ въ своемъ отелѣ въ улицѣ Провансъ. Отель по этому случаю былъ превращенъ въ волшебный замокъ. На балу, котораго ждали, какъ крупнаго событія, присутствовали въ полномъ составѣ дворъ, высшее парижское общество и дипломатическій корпусъ, во главѣ котораго блисталъ почти выздоровѣвшій князь Куракинъ. Ихъ Величества, по своемъ прибытіи, присутствовали въ саду на представленіи пасторали, а затѣмъ смотрѣли аллегорическія картины, которыя были поставлены въ танцовальномъ залѣ, на устроенной изъ досокъ, роскошно убранной коврами и драпировками, эстрадѣ. Вдругъ загорѣлась одна изъ декорацій, поставленная слишкомъ близко къ группѣ свѣчей. Въ одну минуту вся зала была въ пламени. Наполеонъ вышелъ съ императрицей, поддерживая и успокаивая ее. Онъ удалялся спокойно, неторопливыми шагами, стараясь сохранить свое достоинство и подать другимъ примѣръ хладнокровія. Позади него собралась толпа.

[1]) Id.

Приглашенные давили другъ друга, не смѣя опередить его. Вдругъ изъ этой обезумѣвшей отъ нетерпѣнія и ужаса толпы раздался возгласъ: «Скорѣе!». Императоръ ускорилъ шагъ, повинуясь анонимному призыву. Въ этомъ зрѣлищѣ, гдѣ непобѣдимый человѣческими арміями Цезарь отступалъ передъ возмутившейся стихіей, передъ надвигавшимся на него пламенемъ,—древній Цезарь, можетъ быть, усмотрѣлъ бы знаменіе и прообразъ будущей катастрофы. Отведя императрицу въ безопасное мѣсто, Наполеонъ вернулся туда, гдѣ была наибо́льшая опасность, и вступилъ съ нею въ бой. Онъ организовалъ борьбу съ пожаромъ, принялъ мѣры для спасенія остальныхъ, нетронутыхъ еще огнемъ, частей дворца, затѣмъ для розыска жертвъ, погребенныхъ подъ развалинами рухнувшей постройки. Къ несчастью, пострадавшихъ было много. Въ числѣ ихъ однимъ изъ первыхъ былъ поднятъ князь Куракинъ со страшными ожогами на головѣ, лицѣ и рукахъ [1]).

Такимъ образомъ, этотъ до конца злополучный человѣкъ сходилъ со сцены въ ту минуту, когда его присутствіе было особенно нужно, когда онъ долженъ былъ служить передаточной инстанціей нашихъ послѣднихъ предложеній. Въ продолженіе двѣнадцати дней жизнь его была въ опасности, и, само собой разумѣется, французскій кабинетъ долженъ былъ воздержаться отъ всякихъ дѣловыхъ сношеній съ нимъ. Въ этотъ промежутокъ времени императоръ предавался размышленіямъ. Возмущеніе его противъ Россіи возрастало съ каждымъ днемъ, и, въ концѣ-концовъ, онъ остановился на мысли не касаться требованій Александра по существу, а ограничиться только вопросомъ о полномочіяхъ. Въ приготовленной Куракину растянутой нотѣ онъ приказалъ прибавить нѣсколько короткихъ и сухихъ строкъ. «Нижеподписавшійся желаетъ знать,—писалъ министръ иностранныхъ дѣлъ подъ его диктовку,—имѣетъ ли посланникъ необходимыя полномочія, чтобы подписать договоръ, который можетъ— не менѣе трехъ другихъ - достигнуть намѣченной цѣли, но въ которомъ нѣкоторыя выраженія русскаго проекта, противныя обы-

[1]) „Я видѣлъ, и какъ-будто и теперь еще вижу,—пишетъ въ своихъ Воспоминаніяхъ покойный герцогъ Бродли,—бѣднаго, искалѣченнаго подагрой, осыпаннаго брильянтами князя Куракина; вижу его огромную тушу, барахтающуюся подъ дымящимися обломками, и вмѣстѣ съ нимъ генерала Гюло, брата жены маршала Моро, старавшагося своей единственной рукой освободить его изъ-подъ нихъ“. I. 118.

чаямъ дипломатіи, будутъ замѣнены равнозначущими. Подобное измѣненіе необходимо, ибо только при этомъ условіи этотъ актъ можетъ сдѣлаться совмѣстимымъ съ достоинствомъ Франціи, и, въ то же время, удовлетворить интересы Россіи» [1]).

На эту ноту отвѣтилъ отъ имени своего больного начальника первый секретарь посольства Нессельроде. Согласно строгимъ предписаніямъ своего двора, онъ заявилъ, что русскій представитель въ Парижѣ не уполномоченъ соглашаться на какую бы то ни было поправку; но, что, во всякомъ случаѣ, онъ желаетъ знать, какія измѣненія желательны Франціи, дабы довести ихъ до свѣдѣнія своего правительства [2]). На основаніи предыдущихъ словъ Куракина, Наполеонъ предвидѣлъ этотъ отвѣтъ. Вызывая его, у него была только одна цѣль—лишній разъ обвинить Россію, заставить ее самое признать, что ея притязанія не укладываются ни въ какія рамки, что ея политика ни съ чѣмъ не считается, и—какъ слѣдствіе всего этого—доставить себѣ предлогъ окончательно уклониться отъ обсужденія дѣла. Лишь только онъ заручился этимъ предлогомъ, онъ поторопился ухватиться за него, запретилъ отвѣчать Нессельроде и приказалъ прекратить разговоръ о договорѣ—«этомъ предметѣ столькихъ споровъ» [3]). Номинально Франція и Россія оставались союзницами, но стоявшій между ними польскій вопросъ подтачивалъ ихъ довѣріе, отравлялъ всѣ ихъ отношенія и быстро велъ къ ссорѣ. Съ каждымъ днемъ исходный пунктъ разлада давалъ себя чувствовать все болѣе; онъ все болѣе выступалъ на первый планъ уже только потому, что громадныя усилія, сдѣланныя съ цѣлью объясниться и придти къ соглашенію, оказались безплодными.

Въ этихъ преніяхъ, вертѣвшихся около одной фразы, — но фразы, за которой скрывались непримиримыя стремленія, основы права безспорно были на сторонѣ Наполеона. Онъ предложилъ все, на что позволяли ему согласиться его достоинство и интересы. Онъ сказалъ, что согласенъ отречься отъ Польши и ни при какихъ обстоятельствахъ не оказывать ей помощи. Россія хотѣла бо̀льшаго. Она хотѣла, чтобы онъ самъ нанесъ Польшѣ ударъ, чтобы онъ своей рукой доконалъ націю, дока-

---

[1]) Archives des affaires étrangères, Russie, 151. Этотъ документъ помѣченъ такъ: Dictée de l'Empereur.

[2]) Corresp., 16181.

[3]) Archives des affaires étrangères, Russie, 151.

завшую ему свою преданность; чтобы онъ довелъ ее до окончательнаго паденія, чтобы обязался и за своихъ наслѣдниковъ; чтобы взялъ на себя и даже усугубилъ преступленіе другихъ, такъ какъ даже три подѣлившія Польшу государства не внесли въ договоръ, что она никогда не оживетъ. Подобная формула, таившая, быть можетъ, западню, во всякомъ случаѣ, была нарушеніемъ международныхъ обычаевъ; она не согласовалась съ языкомъ, который приличествуетъ государямъ при постановкѣ условій и заключеніи договоровъ. По всей справедливости, по долгу чести, Наполеонъ имѣлъ право сказать, что подчиниться такому требованію значило унизить свое достоинство и омрачить свою славу. Но нужно признать, что своими неправильными дѣйствіями, то уклончивыми, то грубыми, утратившими мало-по-малу характеръ законности, приличія и мѣры, онъ самъ подорвалъ значеніе этихъ словъ. Да и помимо того, его положеніе вершителя судебъ, его обычныя злоупотребленія силою поставили его внѣ общепринятыхъ правилъ, господствующихъ въ международныхъ сношеніяхъ; ему не къ лицу было приглашать другихъ держаться на почвѣ международнаго права во всей его строгости послѣ того, какъ самъ онъ столько разъ подчинялъ его нуждамъ своей политики, своей алчности, своему неукротимому гнѣву. Эта истина должна отнынѣ стоять на первомъ планѣ при оцѣнкѣ его поступковъ. Если Наполеонъ и былъ правъ въ большинствѣ возникавшихъ между нимъ и Европой вопросовъ, взятыхъ въ отдѣльности и разбираемыхъ имъ съ тѣмъ совершенствомъ и искусствомъ, съ какими онъ одинъ умѣлъ ставить и обсуждать ихъ, то, во всей ихъ совокупности, онъ былъ неправъ; неправъ по вездѣсущности своихъ притязаній и по огромному количеству дерзкихъ, превосходящихъ всякую мѣру, предпріятій. Все это вполнѣ оправдывало принимаемыя противъ него исключительныя мѣры предосторожности и узаконяло всеобщее недовѣріе.

ГЛАВА XI.

НА ПУТИ КЪ КОНФЛИКТУ.

Меттернихъ пользуется минутой, когда императоръ особенно раздраженъ противъ русскихъ, чтобы указать ему на успѣхи ихъ на Дунаѣ.—Надежды, подаваемыя Австріи.—Состояніе умовъ въ Вѣнѣ: двѣ партіи.—Министерство забѣгаетъ съ предложеніемъ союза.—Личное вмѣшательство императора Франца.—Меттернихъ проситъ Наполеона нарушить эрфуртскія обязательства и не давать Россіи княжествъ.—Отказъ Наполеона; причины его честности.—Онъ запрещаетъ Россіи завоевывать что-либо за Дунаемъ.—Новыя причины его недовольства Румянцевымъ; жестокія нападки на Румянцева.—Русскіе въ курортахъ Германіи; женская политика.—Русская колонія въ Вѣнѣ.—Положеніе нашего посольства въ Вѣнѣ; аристократическая и свѣтская оппозиція.—Король Вѣны.—Салонъ княгини Багратіонъ.—Интриги Алопеуса.—Поццо ди Борго снова выступаетъ на сцену.—Наполеонъ настаиваетъ на его изгнаніи и проситъ отозвать графа Разумовскаго.—Новый проступокъ русскихъ въ Вѣнѣ.—Жалобы Наполеона; онъ замѣщаетъ своего министра и лично берется за перо; ноты, передѣланныя и исправленныя его рукой. — Переселеніе князя Куракина на дачу. — Разговоръ императора съ братомъ Куракина. Грозныя слова.—Взглядъ императора на его отношенія къ Россіи.—Необходимое условіе мира—союзъ.—Какое впечатлѣніе производитъ на Европу и Россію сопротивленіе Испаніи.—Наполеонъ старается отдалить конфликтъ на Сѣверѣ и не отказывается отъ мысли избѣгнуть его.—Характеръ его личныхъ отношеній съ императоромъ Александромъ.—Примѣненіе болѣе строгихъ мѣръ въ борьбѣ съ Англіей; континентальная блокада; приготовленія къ морскимъ экспедиціямъ; неизмѣнные виды Наполеона на Египетъ; въ 1812 г. онъ намѣренъ предпринять большую кампанію на моряхъ.—Военныя предосторожности въ герцогствѣ Варшавскомъ.—Продолженіе русскихъ интригъ въ Вѣнѣ.—Тайная и офиціальная дипломатія.—Фиктивное отреченіе отъ Поццо ди Борго; его отправляютъ съ секретнымъ порученіемъ въ Константинополь.—Пропаганда въ Польшѣ.—Россія втихомолку начинаетъ готовиться къ войнѣ: работы на Двинѣ и Днѣстрѣ; формированіе нѣсколькихъ армій.—Планы обороны и наступленія.—Предвидя разрывъ, Александръ начинаетъ первымъ готовиться къ войнѣ. Ошибки и деспотизмъ Наполеона ускорятъ разрывъ.

I.

Послѣдняя нота Куракину была продиктована 4 іюля. На другой день вечеромъ Меттернихъ поѣхалъ въ Сенъ-Клу и на-

стоялъ, чтобы его допустили къ вечерней аудіенціи императора, ссылаясь на то, что долженъ сдѣлать Его Величеству интересныя сообщенія. Дѣло въ томъ, что наканунѣ въ посольствѣ было получено извѣстіе, въ которомъ сообщалось, что русская армія на Дунаѣ, перейдя рѣку, овладѣла Силистріей, осадила въ Шумлѣ великаго визиря и смѣло направилась въ центральныя части Турціи. Авангардныя колонны, перейдя Балканы, угрожали Варнѣ. Это и были тѣ важныя, прибывшія черезъ Вѣну изъ Бухареста, извѣстія, о которыхъ императоръ Наполеонъ долженъ былъ узнать прежде всѣхъ. Отправляясь въ Сенъ-Клу, Меттернихъ взялъ съ собой выдержки изъ бюллетеней, прибывшихъ съ театра военныхъ дѣйствій [1]).

Увидя его, Наполеонъ отпустилъ всѣхъ. При первыхъ же словахъ австрійца, онъ пошелъ за картой и принесъ ее уже развернутой. Булавки, воткнутыя въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится бассейнъ Дуная, указывали расположеніе воюющихъ сторонъ и пути слѣдованія различныхъ корпусовъ. Это доказывало, съ какимъ вниманіемъ слѣдилъ Наполеонъ за ходомъ русско-турецкой войны. По даннымъ Меттерниха, онъ переставилъ булавки, отмѣтивши такимъ образомъ успѣхи русскихъ. Послѣ этого онъ болѣе четверти часа, не говоря ни слова, разсматривалъ карту, желая дать себѣ отчетъ и хорошенько выяснить новое положеніе, дабы вывести изъ него заключеніе. Затѣмъ, онъ сразу поставилъ діагнозъ: турки проиграли кампанію. Имъ остается только подписаться подъ требованіями побѣдителя. Съ нѣкоторымъ волненіемъ онъ сказалъ: «Вотъ и миръ!—да, это—миръ: турки вынуждены заключить миръ. Ну, что же! Это значитъ, какъ я недавно говорилъ вамъ, союзъ между Франціей и Австріей: теперь у насъ общіе интересы». И онъ повторилъ нѣсколько разъ: «Да, вотъ истинный союзъ между нами, основанный на общихъ интересахъ,—единственный прочный союзъ» [2]).

Между этими, сорвавшимися съ языка, словами и словами, сказанными Австріи въ видѣ простого поощренія три недѣли тому назадъ, была громадная разница; и эта разница въ словахъ позволяла оцѣнить, до какой степени въ короткій проме-

[1]) Mémoires de Metternich, II, 364.
[2]) Id.

жутокъ времени Наполеонъ отдалился отъ Россіи: она ясно опредѣляла, какой ужасающій прогрессъ сдѣлало его отчужденіе. Было ли дѣло только за тѣмъ, чтобы поймать императора на словѣ и немедленно согласиться на предложеніе? Оставалось ли тестю и зятю только условиться о выраженіяхъ, въ какихъ слѣдуетъ формулировать принятый въ принципѣ и въ сущности уже состоявшійся союзъ? Дальнѣйшій разговоръ выяснилъ, что такое толкованіе словъ императора шло дальше его мысли. Хотя въ началѣ разговора онъ и выразился въ настоящемъ времени, съ цѣлью произвести бо̀льшее впечатлѣніе на собесѣдника, но тотчасъ же спохватился и далѣе говорилъ только о будущемъ. Въ настоящее время, сказалъ онъ, Австрія должна посвятить себя возстановленію своихъ силъ и спокойно положиться на будущее. Уже однимъ тѣмъ, продолжалъ онъ, что установлена общность интересовъ, сдѣланъ большой шагъ впередъ. Союзъ состоится; когда нужно будетъ, это сдѣлается— въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. И тогда увидятъ, что брачный союзъ между высочайшими фамиліями можетъ способствовать ихъ единенію, что бы о томъ ни думали нѣкоторые люди съ превратными понятіями. «Румянцевъ, витая въ области всякаго вздора, думаетъ, что семейный союзъ не имѣетъ никакого значенія, что даже, наоборотъ, онъ долженъ привести къ нѣкоторому охлажденію, будто бы потому, что, поссорившись въ одинъ прекрасный день съ императрицей, я естественно долженъ буду поссориться и съ ея отцомъ. Онъ не знаетъ, что императоръ Наполеонъ никогда не поссорится съ своей женой; что онъ не поссорился бы съ нею даже и въ томъ случаѣ, если бы она во всѣхъ отношеніяхъ была во сто кратъ менѣе достойной, чѣмъ это есть на самомъ дѣлѣ. Брачный союзъ значитъ много, но, конечно, не все» [1]). Въ теченіе разговора онъ нѣсколько разъ касался вопроса «о болѣе тѣсныхъ политическихъ отношеніяхъ» [2]), не выражая, однако, желанія тотчасъ же связать себя подписью, ибо въ глубинѣ души всегда ставилъ союзъ съ Вѣной въ зависимость отъ того случая, если бы Россія вздумала совершенно отстраниться отъ него. Видя, что такое предположеніе дѣлается все болѣе вѣроятнымъ, онъ хотѣлъ

[1]) Mémoires de Metternich, II. 365.
[2]) Id.

прочнѣе заручиться имѣющейся у него въ виду поддержкой. Подавая Австріи болѣе серьезныя надежды, онъ разсчитывалъ вѣрнѣе удержать ее за собой, не связывая себя, однако, обязательствами, несовмѣстимыми съ тѣми обязательствами, на которыхъ покоился его союзъ съ Россіей и которыхъ онъ рѣшилъ не порывать первымъ.

Между тѣмъ, въ Вѣнѣ, по крайней мѣрѣ, въ извѣстныхъ кругахъ, считали нужнымъ торопиться. Тамъ хотѣли поскорѣе приступить къ дѣлу и смотрѣли на союзъ съ Наполеономъ, какъ на неотложную необходимость. Успѣхи русскихъ произвели въ столицѣ Австріи глубокое впечатлѣніе. По общему мнѣнію, водвореніе русскихъ въ княжествахъ будетъ упрочено и вскорѣ завершится теперь уже неизбѣжнымъ миромъ. Этотъ захватъ русскихъ на нижнемъ Дунаѣ долженъ былъ окончательно закрыть всѣ выходы монархіи, уже замкнутой на Западѣ французскими Германіей и Италіей. Теперь, вслѣдъ за Западомъ, закрывался и Востокъ, и какъ ни была подготовлена Австрія къ этому результату войны, она возмутилась, видя близкое его осуществленіе. Окруженная двумя стремящимися къ безпредѣльному расширенію имперіями, сжатая между ними, какъ въ тискахъ, она испытывала невыносимо-тягостное чувство,—и мысль рѣшиться на что-нибудь необычайное, дабы высвободиться изъ этихъ тисковъ, сохранить за собой выходъ на Востокъ и добиться удаленія русскихъ съ Дуная, приходила многимъ на умъ.

Но какъ достигнуть этого? Мнѣнія раздѣлились, и на сцену выступилъ глубокій и жестокій расколъ. Высшее общество, попрежнему враждебно относившееся къ Франціи, перестало скрывать свои чувства, и, подъ вліяніемъ графа Разумовскаго и его партіи, возлагало надежду только на откровенное и сердечное объясненіе съ Россіей. Царь, увѣряли они, желаетъ только одного—сговориться съ Австріей. Появленіе Алопеуса въ Вѣнѣ какъ-будто подтверждало ихъ слова. Русскій агентъ,—про отъѣздъ котораго изъ Петербурга мы говорили выше и съ инструкціями котораго уже познакомились,—только-что появился въ австрійской столицѣ. Онъ остановился въ ней, и, по неестественнымъ натяжкамъ, къ которымъ прибѣгалъ, чтобы продлить свое пребываніе подъ предлогами частнаго и семейнаго характера,—предлогами, слишкомъ призрачными, чтобы ввести кого-нибудь въ заблужденіе, не трудно было догадаться, что Неаполь никогда

не дождется его визита, и что ареной его дѣятельности назначена Вѣна. Онъ былъ принятъ императоромъ и эрцгерцогами, старался втереться къ нимъ въ довѣріе, но, главнымъ образомъ, стремился «завербовать приверженцевъ» [1]) въ обществѣ и салонахъ и, нужно сказать, имѣлъ въ этомъ полный успѣхъ. Въ этомъ направленіи почва для него была отлично подготовлена Разумовскимъ, его другомъ и старымъ товарищемъ. Еще до его пріѣзда Разумовскій постарался создать ему репутацію искуснѣйшаго, почти геніальнаго политика; говорилъ о немъ, какъ объ одномъ изъ самыхъ выдающихся дѣятелей русской дипломатіи, и какъ о человѣкѣ, пользующемся довѣріемъ императора Александра. Благодаря такимъ высокимъ рекомендаціямъ, Алопеусъ былъ принятъ въ самыхъ замкнутыхъ кругахъ общества. Вездѣ его встрѣчали съ почетомъ, носили на рукахъ. Онъ разъигрывалъ роль непримиримаго врага Франціи, и, не стѣсняясь, говорилъ о созданіи новой лиги для освобожденія Европы. Рядомъ съ предметомъ столь высокаго значенія, прибавлялъ онъ, стоитъ ли говорить о второстепенныхъ интересахъ на Дунаѣ? Къ тому же, говорилъ онъ далѣе, императоръ Александръ, не отказываясь отъ своихъ справедливыхъ требованій, желаетъ оберегать интересы Австріи; онъ готовъ щадить ея самолюбіе и при окончательномъ соглашеніи не прочь уступить ей хорошую долю. Отчего бы, говорили наперерывъ члены англійской и русской партіи, не воспользоваться столь счастливыми обстоятельствами, отчего не ухватиться за эту нить и не добиться отъ царя соглашенія на Востокѣ, пожертвовавъ союзомъ на Западѣ? [2]).

Иного, но не менѣе рѣшительнаго, мнѣнія держались лица, которыя изъ принципа или выгоды были на сторонѣ Меттерниховъ. Они, какъ и самъ министръ, вѣрили въ пользу кратковременнаго, но тѣснаго сближенія съ Франціей. Въ отсутствіе своего главы, отецъ котораго былъ плохимъ его замѣстителемъ, они пошли дальше его намѣреній. Въ настоящемъ кризисѣ они видѣли спасеніе только въ Наполеонѣ. По ихъ словамъ, слѣдовало, какъ можно скорѣе, перейти на сторону Наполеона, от-

---

[1]) Отто Шампаньи, 7 іюля 1810 г.

[2]) Correspondance de M. Otto, juin-juillet, août 1810 г., passim.

далить его отъ Россіи и добиться, чтобы онъ наложилъ *veto* на княжества.

Эта партія, не столь многочисленная, какъ первая, была сформирована изъ менѣе высокой общественной среды и со времени брака занимала среди совѣтниковъ императора господствующее положеніе; она захватила власть, но не имѣла времени упрочить ее за собой. Несмотря на то, что императоръ Францъ вполнѣ искренно оказывалъ предпочтеніе Франціи, наши противники не пренебрегали никакими усиліями снова овладѣть имъ. Они никогда и нигдѣ не давали ему покоя. Это были самые неугомонные заговорщики противъ спокойствія монарха, уставшаго отъ политики, любившаго тихую спокойную жизнь. Во время недавняго путешествія въ Богемію они постоянно приставали къ нему съ назойливыми совѣтами. То же самое было, когда онъ поѣхалъ на воды въ Баденъ, около Вѣны, имѣя въ виду поправить здоровье и пожить въ уединеніи,—и тамъ онъ не избавился отъ агентовъ Россіи, слова которыхъ ввергали его въ сомнѣніе и нарушали его покой. Сознавая свою слабость, не увѣренный въ самомъ себѣ, онъ желалъ формальнаго обязательства съ Наполеономъ, которое оградило бы его и отъ собственной слабохарактерности, и отъ назойливыхъ совѣтниковъ. Онъ стремился связать себя обязательствами, хотѣлъ наложить на себя путы; отречься отъ свободной воли, которую боялся дурно использовать. Онъ говорилъ нашему посланнику: «Интриги прекратятся только съ подписью договора о союзѣ» [1]). Пользуясь настроеніемъ монарха, партія Меттерниха настояла на томъ, чтобы обратились къ Наполеону съ положительными предложеніями и офиціально просили его вмѣшательства въ дѣла на Дунаѣ.

Въ началѣ іюля князь Меттернихъ завелъ откровенный разговоръ съ нашимъ посланникомъ. Съ горечью указывая ему на успѣхи Россіи, онъ закончилъ указаніемъ на выгоды «соглашенія между Франціей и Австріей съ цѣлью положить предѣлъ захватамъ варварскаго государства, которое производитъ угнетающее дѣйствіе на всю Европу и грозитъ наложить на нее свое ярмо» [2]). Въ слѣдующіе за тѣмъ дни Отто только и слышалъ разглагольствованія о русской опасности, «о страсти къ

[1]) Отто Шампаньи, 19 іюля 1810 г.

[2]) Id., 6 іюля 1810 г.

завоеваніямъ, которая угрожаетъ поглотить все отъ Лапландіи до Эгейскаго моря» [1]). Ему говорилось, что слѣдуетъ, во что бы то ни стало, отдалить Наполеона отъ Россіи, что нужно разрушить послѣдній остатокъ союза, который, по признанію австрійскихъ министровъ, ставилъ «Австрію въ крайне затруднительное положеніе». Князь Меттернихъ говорилъ, что Россія никогда не будетъ искреннимъ другомъ Франціи; что «каковы бы ни были личные взгляды императора Александра, ея самые вліятельные люди всегда будутъ на сторонѣ Англіи» [2]); что, чтобы сбросить съ себя маску, она ждетъ только окончанія войны съ турками, т. е., момента, когда эти исконные союзники Франціи будутъ поставлены внѣ возможности бороться. Дѣйствительно, какъ бы въ подтвержденіе такихъ намѣреній Россіи, наши офиціальные и тайные агенты говорятъ «о подозрительномъ поведеніи» петербургскаго кабинета, о его двойственной игрѣ, о противорѣчіи между его публичными заявленіями и тайными продѣлками его агентовъ. Они доносятъ «о странномъ поведеніи Алопеуса, про котораго можно подумать, что онъ посланъ королемъ Георгомъ, а не императоромъ Александромъ» [3]); сообщаютъ, что эти интриги волнуютъ вѣнское общество, подрываютъ кредитъ французской партіи; что теперешнее министерство воодушевлено самыми лучшими намѣреніями, но, прибавляютъ они, будетъ ли оно въ силахъ выдержать натискъ враждебныхъ элементовъ, если Франція не позволитъ ему разсчитывать на ея поддержку. Вотъ случай окончательно овладѣть Австріей и закрѣпить принципы ея политики, какого, можетъ быть, не представится болѣе. Но императоръ Наполеонъ долженъ, не теряя времени, воспользоваться этимъ случаемъ, иначе ни за что нельзя ручаться. «Все это держится на ниточкѣ,—говорилъ князь Меттернихъ,—чтобы порвать ее, немного нужно» [4]). Вмѣстѣ съ этимъ удвоилась и небезкорыстная лесть по адресу Наполеона, и въ этомъ отношеніи императоръ Францъ со свойственнымъ ему простодушіемъ не щадилъ самого себя. Онъ приходитъ въ восторгъ, болѣе того—онъ умиляется при извѣстіи,

---

[1]) Id., 12 іюля.
[2]) Отто Шампаньи, 6 іюля.
[3]) Id., 12 іюля 1810 г.
[4]) Id.

что Марія-Луиза вскорѣ подаритъ ему внука. Говоря о будущемъ римскомъ королѣ, онъ произноситъ слова, о которыхъ впослѣдствіи ему пришлось болѣе чѣмъ забыть: «Этотъ ребенокъ всегда найдетъ во мнѣ отеческія чувства» [1]).

Когда, такимъ образомъ, почва была подготовлена, австрійской миссіи было поручено приступить къ дѣлу и напрямикъ возбудить вопросъ о княжествахъ. Не зная, находится ли Меттернихъ въ Парижѣ, такъ какъ онъ то извѣщалъ о своемъ возвращеніи въ Вѣну, то откладывалъ отъѣздъ, вѣнскій кабинетъ отправилъ инструкціи князю Шварценбергу. Было бы большимъ счастьемъ, — говорилось въ отправленныхъ 17 іюля инструкціяхъ, — если бы Наполеонъ согласился присоединиться къ Австріи съ тѣмъ, чтобы помѣшать русскимъ захватить что-либо по нижнему теченію Дуная. Вѣроятно, совмѣстнаго представленія Франціи и Австріи было бы вполнѣ достаточно для достиженія этой цѣли. Австрія охотно поддержитъ этотъ шагъ военной демонстраціей, но необходимо, чтобы Наполеонъ началъ дѣло дипломатическимъ путемъ и первый возвысилъ голосъ; теперь всѣ усилія посольства должны быть направлены къ тому, чтобы заставить его взять на себя иниціативу по этому дѣлу [2]).

Это было уже нескрываемымъ натравливаніемъ на Россію. Съ удивительнымъ безстыдствомъ, съ поразительной дерзостью Австрія открыто выступила въ роли, которую до сихъ поръ вела подъ сурдинку. Она безъ всякаго стѣсненія просила Наполеона разорвать эрфуртскій договоръ и толкала его на клятвопреступленіе. Меттернихъ былъ еще въ Парижѣ, когда прибыли инструкціи отъ 17 іюля. Шварценбергъ познакомилъ его съ ними. Спокойный, уравновѣшенный Меттернихъ не одобрялъ такой поспѣшности. Онъ предпочиталъ, чтобы, вмѣсто того, чтобы забѣгать къ императору, Австрія выждала, пока онъ самъ обратится къ ней. Тѣмъ не менѣе, онъ постарался исполнить желаніе своего двора. Предоставляя Шварценбергу дѣйствовать оффиціальнымъ и іерархическимъ путемъ, т. е., обратиться къ министру, онъ, съ своей стороны, обратился къ самому императору и задалъ ему слѣдующій вопросъ: «Думаетъ ли онъ сохранить

---

[1]) Id., 8 août.

[2]) Beer, Geschichte der orientalischen Politik Oesterreich's, 232.

полностью заключенныя въ Эрфуртѣ обязательства, или, быть можетъ, согласится заодно съ Австріей сдѣлать въ Петербургѣ шаги, которые могли бы спасти княжества?» [1]).

Отвѣтъ Наполеона былъ вполнѣ опредѣленный. «Я далъ извѣстныя обязательства, сказалъ онъ, и у меня нѣтъ ни причины, ни предлога нарушать ихъ. Эти обязательства чрезвычайно чувствительны для меня; я усматриваю въ нихъ истинный вредъ для Франціи, но вѣдь вы знаете, что̀ меня привело къ этому. Отречься при настоящихъ условіяхъ отъ этихъ обязательствъ значитъ тотчасъ же доставить Россіи предлогъ къ войнѣ, что не согласуется съ моими видами и, сверхъ того, навсегда лишитъ меня права на довѣріе къ моимъ обязательствамъ. Какую же гарантію могу я дать вамъ самимъ, если нарушу точное обязательство по той лишь причинѣ, что, въ силу измѣнившихся обстоятельствъ, я могу менѣе церемониться съ государствомъ, съ которымъ я его заключилъ?» [2]).

За этими, полными достоинства, словами скрывался политическій разсчетъ. Наполеонъ ничего не имѣлъ противъ того, чтобы Александръ завладѣлъ княжествами, ибо это пріобрѣтеніе всего вѣрнѣе разъединило бы Австрію и Россію; оно поставило бы между ними вѣчную преграду, направивъ ихъ соперничество на Востокѣ на одинъ пунктъ—низовье Дуная. Здѣсь, при своемъ стремленіи на Югъ, Россія встрѣчала на своемъ пути послѣднее остававшееся открытымъ для австрійскаго расширенія поприще, и, овладѣвая имъ, закрывала его для Австріи. Такимъ образомъ, интересы обоихъ государствъ должны были непримиримо столкнуться на этомъ пунктѣ ихъ честолюбивыхъ стремленій. Пока участь княжествъ не была рѣшена, пока дѣло не было кончено, можно было опасаться, что какой-нибудь компромиссъ примиритъ притязанія соперниковъ. Но лишь только русскіе наложатъ руку на предметъ спора, до-нельзя оскорбленная Австрія увидитъ, что, кромѣ насъ, ей некуда идти; и если когда-нибудь обстоятельства вынудятъ Наполеона обратиться къ ней, онъ можетъ сдѣлать это съ бо̀льшей увѣренностью, что не встрѣтитъ отказа.

Поэтому онъ не только отказалъ австрійцамъ въ своей ма-

[1]) Mémoires de Metternich, II, 375.
[2]) Mémoires de Metternich, II, 375.

теріальной и нравственной поддержкѣ, но и убѣждалъ ихъ смириться и преклониться предъ готовымъ совершиться фактомъ. Онъ высказалъ, что не запрещаетъ имъ оспаривать у Россіи княжества и даже начать съ ней изъ-за нихъ войну; что готовъ предоставить имъ полную свободу, что будетъ соблюдать строгій нейтралитетъ и останется простымъ зрителемъ. Но будетъ ли имъ выгодно пускаться въ одиночествѣ на ничего добраго не обѣщающее предпріятіе? Онъ не думаетъ этого, и, конечно, не посовѣтуетъ имъ ничего подобнаго. По его словамъ, было бы лучше всего, если бы Австрія, отказавшись отъ войны, дала туркамъ совѣтъ согласиться на уступку княжествъ, дабы теперь же покончить съ войной, начинавшей принимать тревожные размѣры. Но, вѣрный избранной имъ два мѣсяца тому назадъ тактикѣ, онъ не хотѣлъ, чтобы Меттернихъ вышелъ изъ его кабинета подъ гнетомъ слишкомъ мрачныхъ мыслей, и постарался оставить ему нѣкоторую надежду на будущее. Онъ сказалъ, что, хотя онъ и смотритъ на вопросъ о княжествахъ, какъ на вопросъ въ настоящее время рѣшенный, хотя лично никогда не заведетъ о немъ разговора, но что, можетъ быть, въ одинъ прекрасный день Россія сама дастъ предлогъ поднять его, порвавъ съ нами и перейдя на сторону нашихъ враговъ. За свою измѣну она тотчасъ же поплатится тѣмъ, что пріобрѣла въ Эрфуртѣ; и, если Австрія сумѣетъ занять въ нашей дружбѣ мѣсто русскихъ, она можетъ наслѣдовать признанныя нами за русскими права на княжества. Тогда,—и только тогда,—онъ не откажется возобновить разговоръ о предметѣ, который теперь внѣ обсужденія. «Въ случаѣ, сказалъ онъ Меттерниху, если русскіе дойдутъ до безумія и поссорятся съ нами, что будетъ имъ стоить Финляндіи, Молдавіи и Валахіи, пріобрѣтенныхъ ими благодаря союзу со мной, вы знаете, что можете разсчитывать на меня. Тогда вы сообщите мнѣ ваши мысли, а я вамъ свои» Этими подающими надежду словами онъ и закончилъ разговоръ [1]).

Однако, онъ полагалъ, что за причиненную австрійцамъ непріятность слѣдуетъ доставить имъ нѣкоторое утѣшеніе менѣе призрачнаго свойства. Онъ предлагаетъ имъ протекторатъ надъ Сербіей, не вѣдая, что это же самое предлагается имъ и императоромъ Александромъ. Онъ приглашаетъ ихъ вмѣ-

[1]) Mémoires de Metternich, II, 375—376.

шаться въ дѣла Сербіи, распространить на нее свое вліяніе и, въ случаѣ надобности, ввести въ Бѣлградъ нѣкоторое количество войскъ [1]). Затѣмъ былъ еще одинъ пунктъ, по которому, при извѣстныхъ условіяхъ, онъ допускалъ немедленное соглашеніе съ Австріей. Возможно было, что русскіе, опьяненные успѣхами, видя у ногъ своихъ безсильную Турцію, захотятъ перейти назначенный для нихъ предѣлъ; что они забудутся до того, что потребуютъ отъ турокъ, кромѣ княжествъ, еще нѣкоторыя земли на правомъ берегу Дуная; что они задумаютъ, дабы уничтожить ту главную преграду, которая останется единственнымъ средствомъ защиты Оттоманской имперіи, удержать за собой по ту сторону рѣки, подъ видомъ залога, нѣкоторые стратегическіе пункты и крѣпости или предмостныя укрѣпленія. Въ 1808 г. петербургскій кабинетъ обѣщалъ удовольствоваться княжествами и не касаться другихъ оттоманскихъ владѣній. Отнесется ли онъ съ уваженіемъ, какъ по буквѣ, такъ и по духу, къ этому обязательству? «Я хотѣлъ бы вѣрить этому, говорилъ Наполеонъ Меттерниху; но за ѣдой разыгрывается аппетитъ, а теперь я не позволю себѣ потворствовать замысламъ графа Румянцева» [2]). Но, продолжалъ онъ, если Россія проявитъ хотя бы малѣйшее желаніе присвоить себѣ что-либо на запретномъ берегу,—онъ знаетъ, что дѣлать. Тогда онъ рѣшительно выступитъ противъ такого намѣренія и тотчасъ же объявитъ о своемъ переходѣ на сторону Австріи.

Еще до этого разговора онъ приказалъ своему посланнику въ Вѣнѣ затронуть это предположеніе [3]). Въ интимныхъ бесѣдахъ съ Меттернихомъ онъ былъ болѣе откровененъ и точенъ. «Если русскіе, сказалъ онъ, возымѣютъ намѣреніе выйти изъ предѣловъ заключенныхъ съ нами обязательствъ и, слѣдовательно, нарушить ихъ,—я буду считать себя свободнымъ, и вы можете разсчитывать на меня во всѣхъ отношеніяхъ» [4]). Впрочемъ, онъ не хотѣлъ оставлять русскихъ въ невѣдѣніи и сообщилъ въ Петербургъ, что онъ признаетъ и чего не допуститъ. «Мнѣ будетъ пріятно, писалъ онъ, если Турція заключитъ миръ,

[1]) Id., 362, 370—373, 376.
[2]) Mémoires de Metternich, II, 370.
[3]) Шампаньи Отто, 23 іюля 1810 г.
[4]) Mémoires de Metternich, II, 376.

уступивъ лѣвый берегъ Дуная: это отвѣчаетъ моимъ желаніямъ. Но, если Россія удержитъ что-либо на правомъ берегу и вмѣшается въ дѣла Сербіи, она тѣмъ самымъ нарушитъ свои обязательства со мной. Насколько я доволенъ тѣмъ, что Россія кончаетъ войну съ Турціей, въ той же мѣрѣ я буду недоволенъ, если она удержитъ правый берегъ; даже одна крѣпость, удержанная Россіей на правомъ берегу Дуная, покончитъ съ независимостью Порты и совершенно измѣнитъ положеніе вещей». Такимъ образомъ, несмотря на всѣ усилія Австріи сбить его съ почвы эрфуртскаго договора, онъ по-прежнему упорно держится на ней, но при этомъ объявляетъ, что ни на іоту не допуститъ выйти изъ предѣловъ договора.

II.

Предостереженіе, данное Петербургу, было излишне, такъ какъ Александръ хотѣлъ получить только Молдавію и Валахію и ничего болѣе. Вовсе не желая давать войнѣ на Востокѣ непредусмотрѣннаго развитія, онъ мечталъ только о томъ, какъ бы скорѣй развязаться съ нею, дабы имѣть возможность свободно располагать своими силами. Западъ внушалъ ему слишкомъ много опасеній, чтобы онъ могъ мечтать о сомнительныхъ завоеваніхъ по ту сторону Дуная. Поэтому самъ по себѣ восточный вопросъ не заключалъ въ себѣ повода къ конфликту; онъ не долженъ былъ ни отягчать польскаго вопроса, ни дѣлать отношеній болѣе натянутыми.

Къ несчастью, Румянцевъ своей манерой держаться обострилъ разладъ, хотя по существу вопросовъ—поводовъ для разногласія не существовало. Этотъ желчный, потерявшій счетъ своимъ разочарованіямъ старикъ окончательно пересталъ сдерживать себя. Онъ не могъ утерпѣть, чтобы при всякомъ удобномъ случаѣ не высказать гнусныхъ предположеній. Когда онъ дѣлалъ заявленіе, что Его Величество русскій императоръ, какъ до своихъ побѣдъ, такъ и теперь, не имѣетъ въ виду подписывать мира, несогласнаго со статьями эрфуртскаго договора, онъ намекнулъ, что императоръ Наполеонъ не можетъ похвалиться такой строгой вѣрностью своимъ обязательствамъ. Онъ прибавилъ, что ему извѣстно, что Франція не чужда тѣмъ затрудненіямъ, какія Россія встрѣтила на Востокѣ. Развѣ Франція не выступала секретнымъ образомъ въ Константинополѣ и не по-

ощряла Порту къ сопротивленію?—сказалъ онъ. Такое обвиненіе было построено на безразсудныхъ подозрѣніяхъ или на неточныхъ свѣдѣніяхъ, ибо Наполеонъ, не обязывая турокъ къ уступкѣ княжествъ, неоднократно совѣтовалъ имъ это, и мы видѣли, что у него были на то свои причины. Во всякомъ случаѣ, поднимать заднимъ числомъ споръ о томъ, были ли искренни, и можно ли поставить намъ въ заслугу наши уступки въ то время, когда Россія была на пути къ полученію отъ союза самой главной выгоды, было дѣломъ, по меньшей мѣрѣ, безплоднымъ и несвоевременнымъ.

Эта придирка вызвала у Наполеона новую вспышку гнѣва. Онъ воскликнулъ, что приписывать ему жалкія средства и мизерные пріемы—значитъ не уважать его, не имѣть понятія ни о его характерѣ, ни о его могуществѣ; что не въ его обыкновеніи вести двойную игру и отнимать одной рукой то, что онъ щедро давалъ другой; ужъ кто другой, а Румянцевъ-то, жившій въ Парижѣ и видѣвшій, какъ здѣсь дѣлаются дѣла, долженъ бы знать это. «Министръ, продолжалъ императоръ, потерялъ всякое представленіе о моей странѣ. Ему доставляетъ удовольствіе всякими способами оскорблять насъ. Во всемъ виноватъ герцогъ Виченцы: онъ не «*не осаживаетъ*» его [1]). Наполеонъ находитъ, что Коленкуръ не даетъ надлежащаго отпора, что онъ годенъ въ посланники только при ясномъ горизонтѣ, а не въ бурное время. Въ результатѣ онъ начинаетъ думать о его замѣщеніи. По его мнѣнію, будь герцогъ болѣе находчивымъ, онъ могъ бы отвѣтить, что, если бы императоръ хотѣлъ помѣшать успѣхамъ русскихъ, онъ сдѣлалъ бы это во главѣ всѣхъ своихъ войскъ; что никто не принуждалъ его соглашаться на присоединеніе княжествъ; что, если это дѣлается, то, безусловно, по его желанію и благодаря его щедрости, и не отъ него зависитъ, что присоединеніе давнымъ-давно не состоялось. Развѣ его вина, что Россія, благодаря цѣлому ряду вялыхъ операцій, затягивала результатъ, который при небольшой энергіи былъ бы давно достигнутъ? Впрочемъ, говоритъ далѣе Наполеонъ, у нея вошло въ привычку обвинять другихъ за послѣдствія своихъ ошибокъ,—все это только слѣдствіе ея обычной системы: жаловаться, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать.

[1]) Corresp.. 16706.

Наполеонъ дѣлаетъ видъ, что приписываетъ эту систему «нытья» исключительно Румянцеву; но въ глубинѣ души онъ ничуть не меньше упрекаетъ въ этомъ и Александра; онъ считаетъ его отвѣтственнымъ не менѣе Румянцева. Такой взглядъ на царя окончательно укрѣпляется въ его умѣ. Подъ его пріятной внѣшностью онъ видитъ только непостоянство и слабохарактерность, и, не признавая въ русскомъ государѣ ни одного свойственнаго мужчинѣ качества, —ибо онъ постоянно жалуется и безумствуетъ, постоянно нуждается въ утѣшеніи и поддержкѣ, постоянно зоветъ въ затрудненіяхъ на помощь, вмѣсто того, чтобы черпать силы въ самомъ себѣ, въ своихъ мужественныхъ рѣшеніяхъ,— онъ начинаетъ презирать его, какъ женщину [1]).

Въ придачу ко всему этому Россія повсюду доставляетъ ему поводы къ неудовольствію и досадѣ. Въ іюлѣ и августѣ 1810 г. онъ замѣчаетъ въ Германіи—въ странѣ, про которую онъ думалъ, что навсегда подчинилъ ее себѣ—враждебные голоса, ничего хорошаго не предвѣщающее шушуканье. И что же это такое? Это среди всеобщей тишины раздаются дерзкіе и недовольные голоса русскихъ. Въ то время, когда сама Россія возбраняетъ къ себѣ доступъ иностранцамъ, когда она воздвигаетъ предъ ними на всей границѣ своей имперіи непреодолимыя преграды, она широко раскрываетъ границы своимъ собственнымъ подданнымъ, дабы они повсюду разносили свои антифранцузскія чувства, повсюду вносили свой духъ хулы и презрѣнія къ Франціи. Бóльшая часть русской знати проводитъ жизнь въ путешествіяхъ. Лѣтомъ эта бродячая стая собирается въ курортахъ Германіи и населяетъ прохладныя долины Саксоніи и Богеміи. Теплицъ, Карлсбадъ, Эгры, Баденъ дѣлаются ея излюбленнымъ мѣстопребываніемъ. Въ эти мѣста свиданій стекаются со всего свѣта праздные и недовольные люди. Тамъ ищутъ развлеченія отъ скуки министры безъ портфелей, короли безъ королевствъ. Этотъ предметъ контрабанднаго ввоза сталкивается здѣсь съ высшимъ обществомъ Европы. Въ этихъ космополитическихъ стоянкахъ, гдѣ лѣчатся отъ праздности злословіемъ и интригами, тонъ задается русскими, въ особенности, рус-

[1]) „Я никогда не встрѣчалъ подобныхъ людей, говорилъ онъ Меттерниху, они всегда готовы жаловаться; я,—я никогда не жалуюсь; я предоставляю жаловаться женщинамъ, а самъ дѣйствую". Mémoires de Metternich, II, 372.

скими дамами. Онѣ слетаются туда роями, какъ пчелы, и наполняютъ эти мѣста непрерывнымъ жужжаніемъ, откуда оно разносится далеко во всѣ стороны. Нарядныя, съ хитрымъ, лукавымъ умомъ, съ острымъ языкомъ, онѣ ведутъ открытый образъ жизни, выставляютъ напоказъ свое богатство, и, благодаря свободѣ въ выборѣ знакомствъ и свободѣ обращенія, допускаемыми жизнью на водахъ, легко собираютъ около себя многочисленные и разнородные элементы. Каждая тотчасъ же создаетъ свой кружокъ, устраиваетъ салонъ и собираетъ публику, которая выслушиваетъ ихъ, направленныя противъ насъ, полныя яда, рѣчи, воспринимаетъ ихъ зловредныя и вздорныя внушенія, пропитывается ихъ ненавистью. Все говорится непринужденнымъ шаловливымъ тономъ и затѣмъ, какъ эхо, разносится по свѣту.

У всѣхъ этихъ дамъ желаніе показать свою освѣдомленность, у всѣхъ страсть разыгрывать роль государственной женщины. Среди нихъ нѣтъ ни одной, у которой не было бы претензіи на то, что она посвящена въ тайну дворовъ, которая не принимала бы на себя роль Эгеріи при какомъ-либо высокопоставленномъ лицѣ, которая не увѣряла бы, что обладаетъ вѣрными свѣдѣніями изъ надежнаго источника. Принявъ таинственный, подстрекающій любопытство видъ, опустивъ очи въ землю, онѣ роняютъ съ полуоткрытыхъ устъ полупризнанія, которыя распространяются далеко за предѣлы ихъ салоновъ и порождаютъ ложныя извѣстія и сенсаціонные слухи. Онѣ безъ устали говорятъ о неминуемомъ разрывѣ между Франціей и Россіей; о томъ, что императоръ Александръ сознаетъ теперь свои интересы и знаетъ, гдѣ его истинные друзья; что онъ сближается съ Англіей, что въ его распоряженіи Пруссія и Австрія, и что Европа должна ожидать, что онъ снова выступитъ въ роли освободителя; что въ недалекомъ будущемъ онъ станетъ во-главѣ королей и начнетъ крестовый походъ противъ корсиканскаго выскочки. Эти слухи то затихаютъ, то вновь нарождаются, носятся въ воздухѣ, какъ вѣтеръ передъ бурей, распространяются съ одного конца Германіи до другого и вызываютъ въ ней глухое волненіе.

Развѣ въ этомъ нѣтъ опасности для созданнаго Наполеономъ строя, нѣтъ поводовъ къ смутамъ и, слѣдовательно, къ опасеніямъ императора за свою безопасность? Если вопли по-

ляковъ въ Варшавѣ держатъ императора Александра въ постоянной тревогѣ, то, съ другой стороны, рѣчи русскихъ въ Германіи раздражаютъ Наполеона, заставляютъ его хмурить брови. Онъ отлично помнитъ, что подобныя, на первый взглядъ не имѣющія серьезнаго значенія, нападенія часто предшествовали и были предвѣстникомъ самыхъ серьезныхъ вооруженныхъ столкновеній; что подобная малая война обычно подготовляла большую. Кромѣ того, есть мѣсто, гдѣ уже и теперь происки русскихъ создаютъ нашей политикѣ серьезныя затрудненія, гдѣ русскіе непосредственно нападаютъ на нашу политику и становятся ей поперекъ дороги. Такимъ мѣстомъ является Вѣна, гдѣ утвержденіе и преобладаніе нашего вліянія существенно важно [1]).

Безполезно скрывать, что, кромѣ императора и кабинета, только-что предложившаго намъ свои услуги, въ Вѣнѣ, по крайней мѣрѣ, въ высшихъ слояхъ общества, къ намъ относятся или по-прежнему враждебно, или вновь начинаютъ относиться такимъ образомъ. Подобная оппозиція знати, да еще въ самомъ аристократическомъ государствѣ, подрываетъ и дѣлаетъ неустойчивымъ нашъ политическій кредитъ, и это пріобрѣтаетъ тѣмъ бóльшую важность, что единственной его опорой являются лишь воля нерѣшительнаго монарха и непрочное министерство. Это то же самое положеніе, какое было и въ Петербургѣ послѣ Тильзита, съ тѣми же опасностями и оскорбительными характерными особенностями. Нашъ посланникъ, представитель перваго властелина въ мірѣ, зятя императора, не имѣетъ положенія въ свѣтѣ. Онъ дружески принятъ въ Бургѣ, министры его боятся, льстятъ ему, но общество, гдѣ недавно еще блистали и царили ретивые посланники прежней французской династіи, едва терпитъ его. Сравнивая ихъ блестящее положеніе съ своимъ собственнымъ, страдая отъ такой перемѣны отношеній, Отто не смѣетъ открыто донести объ этомъ въ Парижъ; но изъ частныхъ свѣдѣній императору все извѣстно. «Французское посольство по-прежнему держатъ на приличномъ разстояніи,—пишетъ герцогу Кадорскому его родственникъ, одинъ изъ секретарей посольства. Несмотря на всевозможную предупредитель-

---

[1]) Correspondance du comte Otto, juillet à octobre 1810; id. de M. de Bourgoing, ministre à Dresde, archives des affaires étrangères, Saxe 79 et 80.

ность и затраты графа Отто, онъ все еще не можетъ побѣдить сдержанности, укоренившейся въ людяхъ, въ обществѣ которыхъ онъ желалъ бы вращаться и которые могли бы быть ему до нѣкоторой степени полезны. Ему врядъ ли удастся поставить домъ французскаго посланника въ Вѣнѣ на ту высоту, на которой онъ стоялъ во времена де-Ноаля и барона де-Бретёля» [1]).

Тщетно Отто старается ослѣпить легкомысленное общество блестящимъ образомъ жизни. Тщетно этотъ простой и серьезный человѣкъ, этотъ строгій протестантъ, насилуетъ свои вкусы и привычки, чтобы казаться изящнымъ—поклонникомъ пышности и блеска. Онъ только попусту бросаетъ деньги. Напрасно дѣлаетъ онъ пріемы, украшаетъ свой домъ и напрягаетъ воображеніе, предлагая вѣнцамъ постоянно новыя и разнообразныя развлеченія. Его балы посѣщаютъ, какъ театральныя зрѣлища, но относятся къ нимъ съ пренебрежительнымъ любопытствомъ, самого же его почти не принимаютъ и совершенно не допускаютъ въ интимный кружокъ. При всякой его попыткѣ тѣснѣе сблизиться съ кѣмъ-нибудь, его съ перваго же шага осаживаютъ холодно-любезными, но уклончивыми фразами. Гордая вѣнская аристократія, которую перенесенныя невзгоды вынуждаютъ жить въ согласіи съ агентомъ Бонапарта, не пропускаетъ случая дать ему почувствовать, что онъ не принадлежитъ къ ихъ кругу и долженъ держаться на приличномъ разстояніи. Такимъ образомъ, нашъ посолъ лишенъ тѣхъ цѣнныхъ средствъ собирать свѣдѣнія и слѣдить за общественными теченіями, какія даетъ въ распоряженіе хорошо поставленнаго посланника постоянное вращеніе въ свѣтѣ: у него нѣтъ руководящей нити. «Тяжело сознаться,—пишетъ родственникъ Шампаньи,—что пройдетъ еще много лѣтъ, прежде чѣмъ французскій посланникъ въ Вѣнѣ будетъ въ состояніи найти въ обществѣ такой источникъ свѣдѣній, когда одно подхваченное слово, какъ молнія, осѣняетъ такой трезвый и проницательный умъ, какъ графъ Отто. Я даже думаю, что, можетъ быть, и политическій союзъ не измѣнитъ поведенія независимаго общества, мало расположеннаго примкнуть къ новой политической си-

---

[1]) Де Ла Бланшъ герцогу Кадорскому. Archives des affaires étrangères, Vienne, 385 bis. Де-Бретель и де-Ноаль были въ Вѣнѣ посланниками Людовика XVI.

стемѣ своего государя». Далѣе онъ высказываетъ, что подобной оппозиціи нельзя объяснить ни кастовыми предразсудками, ни горькими воспоминаніями о прошломъ. Онъ думаетъ, что австрійскіе салоны повинуются иностранному лозунгу; что причиной всему проживающіе въ Вѣнѣ русскіе. Онъ говоритъ, что Разумовскій и его партія отстраняютъ всѣхъ отъ нашего посланника, что именно они, а никто другой, исключаютъ его изъ общества и держатъ на необитаемомъ островѣ.

Дерзость этихъ людей не знаетъ границъ, съ тѣхъ поръ какъ они подмѣтили, что императоръ Александръ не по-прежнему держится за избранную имъ политическую систему и мало-по-малу возвращается къ ихъ идеямъ. Они до скандальнаго открыто сторонятся отъ всѣхъ, кто имѣетъ дѣло съ Франціей. «Они избѣгаютъ меня,—пишетъ Отто,—точно между нашими правительствами война» [1]). Они осуждаютъ и дискредитируютъ офиціальнаго представителя царя за то, что тотъ внѣшне поддерживаетъ дружескія отношенія съ французской миссіей. Въ глазахъ свѣта настоящій посланникъ Россіи—не графъ Шуваловъ, а все еще графъ Андрей Разумовскій. Невзирая на то, что графъ Разумовскій уже нѣсколько лѣтъ устраненъ отъ должности посла, онъ сохраняетъ въ обществѣ права своего прежняго высокаго положенія и пользуется имъ, какъ никто изъ его предшественниковъ. Пріобрѣтенныя имъ въ странѣ многочисленныя связи, надменная и властная манера держать себя, громадное состояніе, которое онъ тратитъ по-царски, просвѣщенное покровительство, оказываемое имъ искусствамъ, въ особенности столь любимой вѣнцами музыкѣ, расточительная и порою филантропическая щедрость,—все это, вплоть до громадныхъ долговъ включительно, которые австрійскій императоръ имѣлъ слабость нѣсколько разъ заплатить, способствуетъ усиленію его престижа. Въ Вѣнѣ привыкли къ тому, что онъ всюду является въ полномъ блескѣ и вездѣ занимаетъ первое мѣсто. Это всѣмъ извѣстный, всѣмъ близкій, почти необходимый человѣкъ, и столица Габсбурговъ въ благодарность за все, чѣмъ она обязана его присутствію, вознаграждаетъ его популярностью. Его дворецъ сдѣлался однимъ изъ лучшихъ украшеній города; это музей образцовыхъ произведеній, приманка для иностран-

[1]) Письмо отъ 7 іюля 1810 г.

цевъ. Чтобы расширить его и придать ему болѣе красивый видъ, онъ скупилъ по близости всю недвижимость. Онъ соединилъ его съ Пратеромъ мостомъ, который построилъ на Дунаѣ на свои собственныя средства; преобразилъ цѣлый кварталъ, оживилъ его и оставитъ ему свое имя [1]). Его балы обращаютъ на себя всеобщее вниманіе; на нихъ собирается все наиболѣе выдающееся и интересное. Здѣсь можно встрѣтить Шлегеля, послушать Бетховена. Его привычка дѣлать все на широкую ногу, его искусство устраивать вечера, придумывать развлеченія; наконецъ, та жизнь, то веселье, которыя онъ распространяетъ вокругъ себя, составляя рѣзкій контрастъ съ тихою жизнью двора, дѣлаютъ изъ него истиннаго короля Вѣны, и когда Разумовскій объявляетъ, что онъ нашъ первый противникъ и главный врагъ Франціи, въ его лицѣ поднимается противъ насъ не призрачная сила [2]).

Въ открытой противъ насъ кампаніи главнымъ помощникомъ Разумовскаго была женщина, княгиня Багратіонъ. Княгиня на-дѣлѣ играла въ политикѣ ту роль, о которой въ то время мечтали многія русскія дамы высшаго свѣта и въ которой послѣ нея подвизались и другія дамы. Нѣкоторые изъ дѣятелей нашего времени могли еще видѣть ее на склонѣ ея жизни и познакомиться съ этой свѣтской и дипломатической знаменитостью. Но они видѣли ее въ то время, когда она уже пережила самое себя и являлась чуть ли не единственной представительницей того типа, который игралъ такую роль въ дни ея молодости и ея подвиговъ. Она и въ старости упорно держалась былыхъ традицій и обычаевъ, оставаясь вѣрной воздушнымъ нарядамъ, жеманнымъ манерамъ и томнымъ позамъ, которые такъ нравились въ началѣ XIX столѣтія. Въ 1810 г. у нея былъ первый салонъ въ Вѣнѣ. Въ отсутствіе мужа, который никогда не показывался на ея пріемахъ, она собирала у себя своихъ приверженцевъ, обожателей и поклонниковъ. Въ этомъ кружкѣ избранниковъ, куда не допускался ни одинъ непосвященный, составлялось мнѣніе и задавался тонъ; тутъ безапелляціонно рѣ-

[1]) И теперь еще есть въ Вѣнѣ улица и площадь, носящія имя Разумовскаго.

[2]) Correspondance du comte Otto, juillet à octobre 1810, spécialement la dépêche du 16 octobre. Vassiltchikoff, IV, 384—424.

шалось, какого рода отношенія считать допустимыми, съ кѣмъ можно видѣться и кого нужно избѣгать. Тутъ и было постановлено, что французское посольство не принадлежитъ къ обществу хорошаго тона, что слишкомъ часто бывать въ немъ— значитъ манкировать принципами и правилами приличія, и всѣ подчинялись этому приговору не столько изъ убѣжденія, сколько ради моды, изъ боязни людского мнѣнія, порицанія или насмѣшекъ. «Каждаго, кого бы увидали въ интимномъ обществѣ французскаго посланника,—писалъ Отто,—подняли бы на смѣхъ» [1]).

Въ салонахъ княгини и ея соотечественниковъ выковывалось и другое оружіе антифранцузской пропаганды. Отсюда при всякомъ удобномъ случаѣ выпускаются ложныя извѣстія и изумительные слухи, вызывающіе страшный переполохъ въ городѣ [2]). Тутъ составлялись заговоры противъ лицъ, стоявшихъ у власти; здѣсь зарождались оппозиціонныя страсти, которыя, постепенно захватывая всѣ слои общества, вызывали неизвѣстные доселѣ вольнодумные разговоры и давали Отто поводъ говорить присущимъ ему поучительнымъ тономъ: «Духъ анархіи, изгнанный изъ общественныхъ клубовъ, нашелъ убѣжище при дворахъ» [3]). Въ результатѣ, горсть русскихъ галлофобовъ заняла въ Австріи положеніе вліятельной партіи. По словамъ нашихъ агентовъ, она-то и есть постоянная причина безпорядковъ и смутъ. Да и, сверхъ того, постоянное присутствіе среди этихъ крамольниковъ офиціальнаго агента, облеченнаго его правительствомъ извѣстными полномочіями, т. е., Алопеуса, этого, устроившаго свою резиденцію въ Вѣнѣ, аккредитованнаго при неаполитанскомъ дворѣ посланника, поощряетъ интригу и служитъ источникомъ ея силы, придавая ей какъ бы офиціальный характеръ и санкцію царя.

Между тѣмъ, Алопеусъ пересталъ даже и говорить о своемъ отъѣздѣ въ Италію. Онъ даетъ понять, что ему хорошо живется въ Вѣнѣ, что онъ желаетъ продлить въ ней свое пребы-

---

[1]) Отто Шампаньи, 7 іюля.

[2]) „Еще третьяго дня,—писалъ Отто 4 августа,—дѣло шло ни болѣе, ни менѣе, какъ о революціи въ Парижѣ и о бѣгствѣ Ея Величества императрицы и королевы, при чемъ сообщалось, будто бы она прибыла въ Страсбургъ“.

[3]) Отто Шампаньи, 12 іюля.

ваніе, и преспокойно остается въ столицѣ Австріи. Правда, его доступъ къ должностнымъ лицамъ очень ограниченъ, его вліяніе на правительство, по всей вѣроятности, ничтожно; онъ даже состоитъ подъ надзоромъ полиціи, и, все-таки, онъ вмѣстѣ съ Разумовскимъ въ корень «развращаетъ духъ общества». Къ тому же, онъ непрерывно получаетъ подкрѣпленія; они стекаются къ нему со всѣхъ сторонъ. Въ разгаръ лѣтняго сезона наши агенты въ Вѣнѣ доносятъ о постоянномъ приливѣ и отливѣ странствующихъ иностранцевъ. Это бо́льшею частью русскіе. Нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ Строгоновъ и Новосильцевъ, извѣстны своими близкими отношеніями къ императору Александру и ненавистью къ Франціи. Проѣздомъ на воды въ Германію и при возвращеніи оттуда, они останавливаются въ Вѣнѣ, ради того, чтобы оказать поддержку проживающимъ въ Австріи соотечественникамъ и проявить зловредное вліяніе въ странѣ, гдѣ завязывается борьба между союзниками Тильзита. Съ каждымъ курьеромъ Наполеонъ получаетъ донесенія о дѣяніяхъ этихъ смѣлыхъ партизановъ, этихъ непримиримыхъ враговъ, которые въ теченіе десяти лѣтъ подкапываются подъ его славу. И кого же онъ видитъ среди нихъ въ первомъ ряду? Кого узнаетъ онъ? Своего брата-корсиканца, своего заклятаго врага Поццо ди Борго, одно имя котораго вызываетъ въ немъ горькія воспоминанія и бѣшеную злобу! Поццо открыто появляется въ Вѣнѣ; онъ разгуливаетъ тамъ въ мундирѣ русскаго офицера, въ эполетахъ полковника, состоящаго на личной службѣ царя, и, подъ прикрытіемъ своего званія, безнаказанно возобновляетъ борьбу съ нами. Очевидно, что Россія снова вручила ему полномочія и дѣлаетъ его орудіемъ своей интриги; что послѣ временнаго устраненія отъ дѣлъ императоръ Александръ вновь призвалъ его къ дѣятельности.

При этомъ зрѣлищѣ, до глубины души оскорбляющемъ Наполеона, онъ не выдерживаетъ и рѣшается на суровыя мѣры. Такъ какъ Россія не умѣетъ, или, вѣрнѣе, не хочетъ обуздать перешедшее всякіе предѣлы дозволеннаго усердіе своихъ подданныхъ и агентовъ, то онъ самъ учинитъ надъ ними судъ и расправу. Онъ требуетъ отъ австрійскаго кабинета выдачи Поццо, давая понять, что готовъ удовольствоваться его изгнаніемъ [1]).

---

[1]) Corresp., 16722.

Онъ хочетъ гнать своего врага отовсюду и не давать ему пристанища на землѣ.

Онъ рѣшаетъ, что слѣдуетъ предупредить царя о предъявленномъ требованіи, и, кстати, хочетъ дать почувствовать Александру, что приличіе требуетъ, чтобы онъ выразилъ порицаніе Разумовскому, отозвалъ бы его въ Россію и запретилъ ему выѣзжать за-границу. Онъ не хочетъ излагать этого въ формѣ требованія и думаетъ ограничиться достаточно ясно выраженнымъ желаніемъ. Исходя изъ этого, онъ и даетъ Шампаньи канву для депеши Коленкуру. Просмотрѣвъ ее, дважды передѣлавъ, исправивъ, прибавивъ къ ней цѣлые параграфы, онъ придаетъ ей отпечатокъ своей мысли и своего стиля. Когда въ депешѣ употребляются по адресу Поццо крайне оскорбительныя выраженія, когда въ ней высказывается удивленіе, что онъ носитъ мундиръ дружественнаго монарха, чувствуется, что это собственныя слова императора. «Странно,—говорится въ депешѣ, — что Россія жалуетъ чинами и званіями сторонниковъ Англіи, съ которой она ведетъ войну, и даже общепризнаннаго врага императора, своего союзника». Что же касается «Разумовскаго», говорится въ ней далѣе, то онъ «снова начинаетъ разыгрывать въ Вѣнѣ свою старую роль... Вѣна успокоилась бы, при дворѣ исчезли бы интриги, населеніе Австріи не тревожилось бы въ чаяніи новой войны, если бы партія, непрестанно говорящая о готовящейся войнѣ, ибо желаетъ таковой, лишилась своего вождя. Отозваніемъ Разумовскаго и запрещеніемъ ему выѣзжать изъ своихъ помѣстій русскій императоръ далъ бы доказательство своей дружбы и доброжелательства къ императору, нашему повелителю, равно какъ и къ императору австрійскому. Разумовскій — его подданный, былъ его посломъ, обязанъ императорской фамиліи своимъ колоссальнымъ состояніемъ, и, несмотря на все это, пользуется выгодами своего положенія только для того, чтобы интриговать противъ своего собственнаго государя, противъ пріютившаго его императора и, помимо всего этого, открыто объявляетъ себя другомъ враговъ континента. Столь наглое поведеніе есть оскорбленіе Величества; оно должно быть обуздано. Настойте, милостивый государь, на отозваніи Разумовскаго, не дѣлая, однако, этого предметомъ офиціальнаго

требованія. Русскій императоръ долженъ прибѣгнуть къ этой мѣрѣ въ интересахъ своего собственнаго достоинства и своего сана, которому изо дня-въ-день наносится оскорбленіе продерзостнымъ поведеніемъ одного изъ его подданныхъ» [1]).

Вмѣсто того, чтобы получить удовлетвореніе за Разумовскаго и его единомышленниковъ, Наполеонъ узнаетъ о новомъ дѣяніи этихъ агитаторовъ. Не довольствуясь уже войной на словахъ, они доходятъ до враждебныхъ поступковъ и только что проявили себя посягательствомъ на международное право. Персидскій посланникъ, посланный къ Наполеону шахомъ Фетъ-Али, при возвращеніи на родину проѣзжалъ черезъ Вѣну. Его сопровождала получившая назначеніе въ Тегеранъ французская миссія подъ начальствомъ Утрея. Она состояла изъ довольно большого количества лицъ и везла съ собой документы государственнаго значенія. Русскіе, проживавшіе въ Вѣнѣ, т. е., на пути лицъ, сопровождавшихъ дипломатическую миссію, подкараулили ее. Князь Багратіонъ, мужъ княгини, появился въ Вѣнѣ какъ будто только для того, чтобы подкупить одного изъ причисленныхъ къ миссіи переводчиковъ. Онъ уговорилъ его перейти на русскую службу и бѣжать въ главную квартиру фельдмаршала Каменскаго на Дунаѣ, захвативъ съ собой всѣ бумаги, касавшіяся переписки между французскимъ и персидскимъ правительствами. Если бы, благодаря стараніямъ нашего консула, бѣглецъ не былъ пойманъ въ Бухарестѣ, эти важныя бумаги попали бы въ руки русскихъ и были бы для нихъ истинной находкой.

На этотъ разъ Наполеонъ приноситъ жалобу офиціальнымъ порядкомъ. Онъ приказываетъ передать Куракину ноту. Интересенъ черновикъ этой бумаги. По изложеніи въ проектѣ ноты фактовъ, герцогъ Кадорскій затруднился вывести изъ нихъ заключеніе, т. е., что Россія должна не только наказать Багратіона, но, сверхъ того, въ качествѣ предполагаемаго сообщника покушенія отозвать Разумовскаго и водворить его въ его помѣстьяхъ. Прежде, чѣмъ приступить непосредственно къ дѣлу, министръ счелъ нужнымъ обставить его длинными подготовительными фразами. Онъ сдѣлалъ это краснорѣчиво и изящнымъ слогомъ. При чтеніи проекта Наполеонъ находитъ подоб-

[1]) Шампаньи Коленкуру, 30 іюля 1810 г.

ное многословіе излишнимъ. Взявъ перо, онъ вычеркиваетъ цѣлыя фразы и вмѣсто нихъ то тутъ, то тамъ, своимъ жесткимъ и неразборчивымъ почеркомъ набрасываетъ на бумагу какое-нибудь одно слово. Перечитавъ абзацъ, онъ находитъ его все-таки слишкомъ слабымъ и растянутымъ, зачеркиваетъ все цѣликомъ и замѣняетъ министерское многословіе нѣсколькими надменными и сильными строками.

«Мнѣ предписано,—приказываетъ онъ сказать посланнику,—принести жалобу на князя Багратіона и просить справедливаго возмездія за поведеніе, столь противорѣчащее волѣ русскаго правительства. По поводу этого, я долженъ просить Ваше Превосходительство довести до свѣдѣнія вашего правительства, что въ Вѣнѣ обосновалось преступное сообщество изъ русскихъ и иностранцевъ, состоявшихъ и, по ихъ словамъ, и по сіе время числящихся на службѣ Россіи. Эти господа объявляютъ себя друзьями англичанъ; они выступаютъ въ роли враговъ мира и спокойствія на континентѣ, въ роли подстрекателей къ континентальной войнѣ, факелы которой они стараются снова зажечь. Имъ дважды удалось вызвать войну, и теперь еще война остается очевидной цѣлью ихъ святотатственныхъ усилій и подлыхъ интригъ. Во-главѣ этого сообщества стоитъ бывшій русскій посланникъ въ Вѣнѣ, графъ Разумовскій. Русскій императоръ сдѣлаетъ дѣло, пріятное французскому правительству, отозвавъ изъ Вѣны этихъ господъ и водворивъ ихъ въ ихъ помѣстьяхъ. Франція могла бы потребовать удовлетворенія отъ Вѣны, если бы эти иностранцы не находились подъ защитой своихъ званій русскихъ офицеровъ и чиновниковъ. У Франціи, Австріи и даже у самого русскаго императора нѣтъ бóльшихъ враговъ, какъ эти интриганы» [1]).

Не останавливаясь долѣе на событіяхъ въ Вѣнѣ, на этихъ проявленіяхъ злого умысла, корень которыхъ находился въ другомъ мѣстѣ, Наполеонъ возымѣлъ желаніе объясниться съ Россіей въ широкомъ значеніи этого слова и разобрать свои отношенія къ ней во всей ихъ совокупности. Дабы имѣть возможность высказываться болѣе свободно и откровенно, онъ желалъ

[1]) 6 сентября 1810 г. Archives des affaires étrangères. См. Corresp. 16814, и Archives nationales, AF, IV, 1699, письма, написанныя министромъ императору по поводу этой ноты.

бы объясниться не на бумагѣ, а на словахъ. Онъ хочетъ основательнѣйшимъ образомъ разобрать всѣ вопросы, которые нарушили согласіе и могутъ скомпрометировать миръ. Онъ думаетъ, что можетъ доказать, что по каждому изъ этихъ вопросовъ Россія жалуется и безпокоится напрасно; что ея жалобы плохо обоснованы; что она ихъ придумываетъ и что такой образъ дѣйствій даетъ поводъ къ законнымъ подозрѣніямъ. Онъ хочетъ внушить ей, что, вызывая разрывъ, навлекая на себя грозу, которая не такъ давно миновала ее, она ставитъ на карту свое достоинство великой державы, свое положеніе въ Европѣ. Еще разъ онъ считаетъ нужнымъ прибѣгнуть къ угрозѣ, привести Россію въ трепетъ и уныніе. На булавочные уколы онъ хочетъ отвѣтить ударами дубины.

При немъ состоялъ представитель России; но это не былъ аккредитованный, вѣчно больной, не вполнѣ оправившійся послѣ ужаснаго событія посланникъ. Незадолго до этого Куракинъ, не являясь ко двору, отбылъ на поправку за городъ въ замокъ Клиши, куда приказалъ торжественно перенести себя, при обстановкѣ, пригодной только для того, чтобы выставить въ смѣшномъ видѣ даже постигшее его несчастье [1]). То былъ братъ посла, князь Алексѣй Куракинъ, присланный царемъ для передачи его поздравленій по случаю брака и не получившій еще отъ Наполеона разрѣшенія вернуться обратно. Въ сущности, единственной заботой князя было весело пожить, насладиться всевозможными удовольствіями Парижа и удовлетворить свое праздное любопытство. Не подражая поведенію другого чрезвычайнаго посла, не беря примѣра съ Меттерниха, онъ и не думалъ воспользоваться своей блестящей миссіей, чтобы повліять

---

[1]) „Не умѣя ничего дѣлать просто, онъ, чтобы перебраться на дачу, придумалъ цѣлую процессію. Впереди шли попарно его слуги, низкорослые впереди; его самого несли въ золоченомъ креслѣ; на немъ былъ бархатный халатъ, на головѣ соломенная шляпа. За кресломъ шли члены посольства; процессія заканчивалась его личными секретарями и камердинерами. Весь Парижъ говорилъ объ этомъ маскарадѣ. Не довольствуясь этимъ чудачествомъ, онъ заказалъ ставшую теперь большой рѣдкостью гравюру, на которой онъ изображенъ въ профиль, съ забинтованной рукой, лежащимъ на кушеткѣ. Картина имѣетъ слѣдующую надпись: „Le prince Alexandre Kou„rakine dans son état de Lazare de l' Ecriture sainte, à Paris, en août 1810 г.“. Vassiltchikoff, IV, 420. Экземпляръ картины хранится въ національныхъ архивахъ.

на ходъ дѣлъ. Онъ жилъ на положенiи путешественника, не дѣлалъ никакихъ прiемовъ, не сумѣлъ завязать полезныхъ знакомствъ и обычно вращался въ подозрительной компанiи. Въ донесенiяхъ полицiи много говорилось о немъ; въ нихъ подробно разсказывалось о его ночныхъ прогулкахъ въ Пале́-Рояль, о его восхищенiи этимъ учрежденiемъ,—восхищенiемъ немного наивнымъ среди увеселенiй и соблазновъ Парижа. Все это не могло дать особенно высокаго понятiя о его вкусахъ и способностяхъ. Все равно! Въ распоряженiи Наполеона нѣтъ другого человѣка. Поэтому онъ не прочь воспользоваться имъ, чтобы довести до Петербурга слова, которыя, быть можетъ, удержатъ императора Александра на наклонной плоскости, по которой тотъ скользитъ; можетъ быть, они властно напомнятъ ему объ обязанностяхъ, налагаемыхъ союзомъ.

Однажды, когда Алексѣй Куракинъ явился на выходъ императора въ Сенъ-Клу, онъ подозвалъ его и, отпустивъ другихъ, завелъ съ нимъ длинный разговоръ, или, точнѣе, сказалъ горячiй монологъ. Онъ горячо обвиняетъ русское правительство и, въ частности, Румянцева. Изъ словъ его видно, что его преслѣдуютъ, что у него не выходятъ изъ ума ни прежнiя жалобы Румянцева, ни недавнiе его намеки. Онъ говоритъ, что ничего не понимаетъ въ этихъ каждодневныхъ жалобахъ, смѣшныхъ по содержанiю, несправедливыхъ по духу; что во всемъ виноватъ французскiй посланникъ въ Россiи: онъ не долженъ допускать ничего подобнаго; что съ перваго же слова онъ долженъ былъ оборвать канцлера и не терпѣть такого тона. «Коленкуръ говоритъ вамъ только любезности,—сказалъ императоръ; это портитъ Румянцева» [1]). Но, что касается его лично, онъ не намѣренъ долѣе выносить его безтактныхъ замѣчанiй; что подобныя замѣчанiя предполагаютъ превосходство, котораго онъ ни за кѣмъ не признаетъ; что, очевидно, Россiя забываетъ то положенiе, въ какомъ она была во время Тильзита, забываетъ, изъ какой пропасти вытащилъ ее великодушный побѣдитель и какими обѣщанiями она откупилась. Не замышляетъ ли она отречься отъ своихъ обязательствъ?—продолжалъ императоръ.

1) Эта и слѣдующiя цитаты до 439 стр. взяты изъ депеши отъ 30 iюля 1810 г., въ которой Шампаньи особенно подробно пишетъ Коленкуру о разговорѣ императора съ княземъ Алексѣемъ.

Глядя, какъ она, безъ всякой видимой причины, ухитряется создавать предлоги къ неудовольствiю и ссорѣ, онъ можетъ подумать это.

Какой вопросъ можетъ разъединять ихъ? Что стоитъ между ними? Востокъ?—Въ эрфуртскомъ договорѣ все предусмотрѣно, все точно обозначено; въ немъ разрѣшено русскимъ отнести свои границы до русла Дуная, ни на одинъ дюймъ не переходя за средину рѣки, и, конечно, не изъ-за этого ясно изложеннаго и, къ тому же, никѣмъ не оспариваемаго текста, могъ возникнуть законный поводъ къ жалобамъ и ссорѣ.

Правда, остается нерѣшеннымъ вопросъ о Польшѣ—этотъ вѣчный источникъ тренiя и всякаго рода недоразумѣнiй. Здѣсь Наполеонъ напоминаетъ, что онъ предлагалъ всѣ гарантiи, какихъ только можно желать. Съ помощью своихъ обычныхъ доводовъ, онъ доказываетъ Куракину эту безспорную истину и заставляетъ его согласиться съ нимъ. Онъ вкратцѣ повторяетъ причины, заставившiя его отказаться отъ ничѣмъ не оправдываемой формулы и оборвать дальнѣйшее обсужденiе вопроса, и, намекая на раздѣлъ—это преступное дѣянiе, безсильной зрительницей котораго была незадолго до этого Францiя, и которое теперь хотѣли заставить его санкцiонировать, онъ съ дрожью въ голосѣ кидаетъ своему собесѣднику слѣдующiя слова:

«Раздѣлъ Польши—позоръ Францiи. Изъ дружбы къ императору Александру я не касался этого пятна, но я не хочу брать его на самого себя, санкцiонируя его такимъ способомъ, который приведетъ въ негодованiе Францiю и оттолкнетъ отъ меня поляковъ. Францiя не считаетъ дѣло Польши своимъ дѣломъ. Французская кровь не прольется за Польшу; но и противъ этой несчастной нацiи не будетъ пролита наша кровь. Согласиться на такое обязательство, или иное, имѣющее такое же значенiе, было бы дѣломъ черезчуръ унизительнымъ для меня. Я не хотѣлъ расширенiя герцогства Варшавскаго, но я не могъ отнять отъ поляковъ того, что они сами завоевали. Если бы для выступленiя въ походъ Россiя не выжидала моего вступленiя въ Вѣну, она сама могла бы занять Галицiю, и тогда Галицiя не досталась бы герцогству Варшавскому; это входило и въ мою политику, и въ мой планъ кампанiи. Слѣдовательно, расширенiе герцогства Варшавскаго было плодомъ нерѣшительной политики Румянцева. Я имѣлъ право жаловаться на медли-

тельность русскихъ войскъ; однако, я этого не сдѣлалъ. Зачѣмъ же жалуются теперь, когда нѣтъ даже и тѣни обиды?»

Императоръ высказывалъ свои мысли, слѣдуя своему вдохновенію, горячо, безъ опредѣленнаго плана, иногда смягчаясь и переходя къ миролюбивымъ и даже дружескимъ увѣреніямъ. Отпустивъ Куракина, онъ приказалъ, чтобы разговоръ въ сжатомъ изложеніи былъ сообщенъ въ депешѣ Коленкуру съ комментаріями, которые показали бы его политику во всѣхъ ея видахъ. Онъ хотѣлъ, чтобы посланникъ въ совершенствѣ постигъ его мысль, чтобы онъ проникся ею, и въ будущемъ вѣрнѣе сообразовалъ съ нею свое поведеніе и свою рѣчь.

Въ каждой строкѣ этой депеши, въ которой излагаются и основы политики императора, и его намѣренія, проглядываетъ подозрѣніе, что Россія хочетъ насъ покинуть, что она подготовляетъ свой переходъ въ орбиту Англіи, что та притягиваетъ ее къ себѣ. «Развѣ ваша война съ Англіей дѣло серьезное?»—сказалъ Наполеонъ Куракину. Отыскивая причины такой перемѣны со стороны Россіи, Наполеонъ думаетъ, что, отчасти, виной этому ходъ событій въ Испаніи. Онъ думаетъ, что война на полуостровѣ,—уже только потому, что она затягивается и идетъ вяло,—поощряетъ всюду измѣну, нанося ударъ престижу нашего оружія, его славѣ неувядаемаго счастья. Несмотря на значительное количество военныхъ силъ въ Испаніи, несмотря на присутствіе тамъ Массена, результаты заставляютъ себя ждать. Нѣтъ тѣхъ ударовъ, которые разрушаютъ вѣру врага въ свои силы и въ одинъ день рѣшаютъ судьбу кампаніи. Всюду затяжной характеръ операцій, всюду убійственныя для исхода кампаніи осады; вмѣсто побѣдъ — рѣзня. У испанцевъ—всеобщій подъёмъ, сопротивленіе повсюду; у нашихъ—утомленіе. На сцену выступаютъ симптомы упадка духа; среди солдатъ—недостатокъ дисциплины, разладъ среди начальства; маршалы не умѣютъ ни командовать, ни повиноваться. На югѣ Сультъ дѣйствуетъ особнякомъ. Онъ завоевалъ Андалузію, но подъ Кадиксомъ потерпѣлъ неудачу. Массена со своими тремя корпусами не занялъ еще Португаліи и не вошелъ въ соприкосновеніе съ англичанами. Ожеро въ Каталоніи, Сюшѐ въ королевствѣ Валенсія подвигаются медленно, шагъ-за-шагомъ; въ каждомъ городѣ они вынуждены брать приступомъ кварталъ за кварталомъ, должны завоевывать каждый клокъ земли. Въ Жиронѣ, въ Тортозѣ французы могутъ встрѣтить вторую Сара-

госсу. Затяжной и трудный походъ не ускользаетъ отъ вниманія Европы, и англійскіе журналы наполняютъ континентъ ложными слухами, превращая неполные успѣхи нашихъ войскъ въ неудачи, а неудачи въ пораженія. Испаренія этого лживаго источника доходятъ до Петербурга. Вѣроятно, они-то и туманятъ взоры канцлера, затемняютъ его разсудокъ, думаетъ императоръ. «Румянцевъ зараженъ міазмами!» восклицаетъ онъ. Можетъ быть, этотъ государственный человѣкъ хочетъ подражать примѣру, поданному Австріей въ 1809 г.; можетъ быть, онъ думаетъ, что представляется удивительно удобный случай броситься на занятую въ другомъ мѣстѣ Францію или, по крайней мѣрѣ, безопасно перейти на сторону Англіи?—Слѣдуетъ вывести его изъ такого заблужденія; необходимо довести до его свѣдѣнія, что Франція готова къ войнѣ, что она сейчасъ же можетъ начать ее съ подавляющими средствами. Эти мысли Наполеонъ высказалъ Куракину, онъ повторяетъ ихъ и Коленкуру. «И пусть не думаютъ, милостивый государь,—пишетъ Шампаньи Коленкуру,—что императоръ не въ состояніи начать новую войну на континентѣ. Правда, въ Испаніи занято триста тысячъ человѣкъ, но во Франціи и другихъ мѣстахъ у него есть еще четыреста тысячъ. Итальянская армія совсѣмъ еще не тронута. Въ моментъ объявленія войны, императоръ можетъ явиться на Нѣманъ съ гораздо бóльшей арміей, чѣмъ это было при Фридландѣ. Есть основаніе думать, что его родственныя связи съ Австріей позволятъ ему разсчитывать на ея поддержку, такъ какъ Австрія не на шутку встревожена успѣхами русскаго оружія въ Турціи.

«Императоръ не хочетъ войны. Онъ цѣнитъ союзъ съ Россіей и смотритъ на него, какъ на основу своей политики, но, если Россія сблизится съ Англіей, онъ тотчасъ же начнетъ войну. Первый же шагъ къ сближенію повлечетъ за собой немедленное объявленіе войны. Императору невольно приходитъ въ голову, что въ Россіи желаютъ сближенія съ Англіей, ибо Румянцевъ, судя по его замѣчаніямъ, очевидно, приписываетъ недостаточности силъ Его Величества то, что является результатомъ его соглашеній: онъ осмѣливается говорить, что Россія пріобрѣтаетъ Валахію и Молдавію помимо его воли».

Въ этомъ письмѣ не трудно прочесть между строкъ, какое понятіе составилъ себѣ императоръ о своихъ отношеніяхъ къ Россіи. Въ Тильзитѣ, подъ опасеніемъ разгрома, Россія пошла

ему навстрѣчу и просила пощады. Онъ простилъ ее, но зато потребовалъ, чтобы Александръ проникся его идеями, сдѣлался врагомъ его врага и дѣйствовалъ съ нимъ заодно противъ Англіи. Вмѣсто того, чтобы требовать у побѣжденнаго монарха земель и провинцій, онъ потребовалъ отъ него политическаго единодушія и обѣщанія полнаго, неограниченнаго содѣйствія. Непремѣннымъ условіемъ мира былъ союзъ. Александръ принялъ это условіе. Само собой разумѣется, что, если царь хочетъ вернуть себѣ свободу дѣйствій, прежній договоръ и все, что вытекало изъ него, теряютъ свою силу. Тильзитъ и Эрфуртъ, торжественныя лобзанія, взаимныя клятвы, признанныя за Россіей выгоды, присоединеніе Финляндіи, завоеваніе княжествъ—все, что за это время внесено на страницы исторіи, должно быть вырвано изъ нея, признано не бывшимъ. Должно быть возстановлено прежнее положеніе,—то, какое было послѣ Фридланда, т. е., Наполеонъ въ войнѣ съ Россіей, предъ лицомъ побѣжденнаго врага, отступившаго къ своимъ границамъ. Слѣдовательно, ему остается только воспользоваться своими выгодами, продолжать преслѣдованіе, двинуться вслѣдъ за отступающимъ врагомъ и перейти Нѣманъ. Однако, нѣсколько недѣль тому назадъ, онъ самъ указалъ на опасность и безуміе войны на далекомъ Сѣверѣ. Не сказалъ ли онъ, говоря о Польшѣ: «Я не хочу кончить моего земного поприща въ ея безплодныхъ пескахъ». Дѣло въ томъ, что, когда онъ говорилъ это, вопросъ шелъ о подвигахъ блестящаго донкихотства, о походѣ, въ родѣ похода Карла XII,—о дѣлѣ, предпринимаемомъ только ради того, чтобы прибавить нѣсколько звучныхъ названій къ списку своихъ побѣдъ, чтобы, овладѣвъ коронами, раздать ихъ; чтобы возсоздать Польское королевство и дать ему короля. Такой войны онъ, дѣйствительно, не понимаетъ, онъ и теперь не признаетъ ее и осуждаетъ. Но дѣло принимаетъ совсѣмъ иной оборотъ, лишь только онъ останавливается на предположеніи, что Россія хочетъ возобновить добрыя отношенія съ Англіей. Если таковое сближеніе состоится, то въ самомъ непродолжительномъ времени слѣдуетъ ожидать активнаго союза между Россіей и Англіей. Во всякомъ случаѣ, въ континентальной системѣ будетъ пробита брешь, Англія избавится отъ блокады, континентъ снова будетъ открытъ произведеніямъ ея промышленности, интригамъ Англіи будетъ дана точка приложенія силы;—въ результатѣ сопротивленіе нашихъ

враговъ затянется надолго. Разъ Россія сдѣлается главнымъ препятствіемъ къ миру на морѣ, война съ нею будетъ только однимъ лишнимъ событіемъ въ дѣлѣ борьбы съ Англіей,—она будетъ послѣднимъ, заключительнымъ актомъ. Слѣдовательно, война выгодна, законна, необходима, и мысль нанести пораженіе на Сѣверѣ, которую Наполеонъ незадолго до этого отвергалъ, теперь снова зарождается въ немъ. Онъ приходитъ къ этой мысли, уступая влеченію своихъ страстей, но, главнымъ образомъ, руководствуясь своей строгой, но ослѣпленной логикой, позволяя «разсужденіямъ окончательно взять верхъ надъ разсудкомъ» [1]. Громадныя опасности предпріятія, его страшный рискъ, его преступное безразсудство—все исчезаетъ предъ его затемненными взорами, и если онъ и признаетъ трудности, то въ вѣрѣ въ себя, въ свой геній, въ свою счастливую звѣзду находитъ увѣренность восторжествовать надъ ними. Вмѣсто того, чтобы, во что бы то ни стало, постараться предотвратить отпаденіе русскихъ, даже жертвуя своимъ самолюбіемъ, своими насущными и безспорными интересами; вмѣсто того, чтобы въ крайнемъ случаѣ примириться съ ихъ измѣной и отказаться отъ мысли покарать ихъ, онъ предпочитаетъ лишній разъ довѣриться своей столь часто испытанной способности сокрушать всякое встрѣчающееся на пути сопротивленіе; склоняется къ своей привычкѣ грубо разсѣкать спутанный узелъ затрудненій и мечомъ упрощать дѣло.

Слѣдуетъ ли изъ этого, что онъ хочетъ войны; что онъ преднамѣренно и обдуманно стремится къ ней? Несомнѣнно, что онъ не хочетъ начать ее сейчасъ. Если бы она вспыхнула теперь, она поставила бы его, что бы онъ ни говорилъ, въ серьезное затрудненіе, ибо Испанія пожираетъ его арміи, истощаетъ казну и оставляетъ въ его распоряженіи только незначительное количество войскъ и денегъ. Когда онъ говоритъ, что въ состояніи выставить противъ Россіи армію въ четыреста тысячъ человѣкъ, онъ учитываетъ возможности будущаго. Онъ называетъ эту цифру, конечно, не наобумъ: она результатъ его предположеній и точныхъ вычисленій. Въ подрастающемъ поколѣніи Франціи онъ видитъ достаточно людей для пополненія наличнаго состава до указанной имъ цифры, которую его математическій умъ точно опредѣлилъ. Онъ уже сдѣ-

[1] Michelet.

лалъ подсчетъ выросшихъ для него молодыхъ людей, онъ знаетъ, что рекрутскій наборъ 1811 г. поставитъ ихъ въ потребномъ количествѣ подъ его знамена. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ можетъ имѣть четыреста тысячъ человѣкъ, но теперь у него ихъ нѣтъ. Онъ прекрасно сознаетъ это и поэтому считаетъ нужнымъ возвысить голосъ, думаетъ взять дерзостью, нагнать страху. Выдвигая предъ взорами Россіи миражъ, который только по прошествіи года можетъ превратиться въ дѣйствительность, онъ надѣется оттянуть ея рѣшенія, задержать ее на пути, по которому она еще блуждаетъ, даже, быть можетъ, совершенно остановить ее и не только отдалить войну, но и избѣгнуть ея.

Застращивая и громя Россію, онъ въ то же время старается успокоить ее, убѣдить въ своихъ добрыхъ намѣреніяхъ и даже прибѣгаетъ къ лести. Онъ объясняетъ свои рѣзкія выходки силой своей привязанности. «Императоръ твердо и искренно преданъ союзу, говорится въ письмѣ, вотъ почему онъ обижается, когда ему не воздаютъ должной справедливости». Почти поссорившись съ русскимъ кабинетомъ, онъ упорно называетъ себя другомъ Александра и старается сохранить на него хотя бы часть прежняго вліянія. Съ рѣдкой заботливостью избѣгаетъ онъ впутывать имя царя въ вызывающія раздраженіе препирательства, какъ будто ихъ отношенія должны держаться въ высокой заоблачной сферѣ, какъ будто они должны стоять выше споровъ и вопросовъ текущей политики. Дѣлая мишенью своихъ нападокъ Румянцева, онъ дѣлаетъ это съ извѣстнымъ умысломъ. Съ министромъ, стоящимъ впереди государя, онъ можетъ свободно скрестить шпаги, не подвергая Александра слишкомъ чувствительнымъ ударамъ. О русскомъ монархѣ онъ всегда говоритъ въ изысканно-любезныхъ выраженіяхъ. Въ особенности старается онъ сохранить съ нимъ общеніе и не прерывать личной переписки. Онъ не отпускаетъ Алексѣя Куракина безъ письма къ русскому императору. Онъ желаетъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы высказать царю горячія увѣренія въ своихъ чувствахъ, и, предоставляя Александру узнать отъ князя сильныя фразы его монолога, только однимъ-двумя словами, такъ сказать, мимоходомъ, подтверждаетъ фактъ этого непріятнаго объясненія. «Мои чувства къ Вашему Величеству,— пишетъ онъ,—равно какъ и политическія задачи моей импе-

ріи все болѣе укрѣпляютъ меня въ желаніи процвѣтанія и нерушимости заключеннаго нами союза. Поскольку зависитъ отъ меня, онъ переживетъ всякое испытаніе, всякое событіе. Я откровенно говорилъ съ княземъ Куракинымъ о нѣкоторыхъ второстепенныхъ вопросахъ. Но, первѣе всего, прошу Ваше Величество оказать ему довѣріе, когда онъ будетъ говорить о моей дружбѣ къ вамъ и о моемъ желаніи, чтобы связующій насъ союзъ былъ вѣченъ» [1]).

Передъ тѣмъ, какъ довѣрить это письмо князю Алексѣю, онъ принялъ его въ прощальной аудіенціи, и, пользуясь случаемъ, завелъ съ нимъ разговоръ, стараясь убѣдить его, что Франція никогда не начнетъ кампаніи изъ-за причинъ, чуждыхъ ея борьбѣ съ Англіей. Не считаясь съ логикой событій, онъ не терялъ надежды разсѣять появившійся между обоими государствами призракъ, и еще разъ вызвался успокоить Александра по поводу Польши, лишь бы это не наносило ущерба его достоинству и не лишало его возможности принимать вытекавшія изъ недовѣрія къ союзнику необходимыя мѣры предосторожности. Его желаніемъ было, чтобы Россія не требовала отъ него никакихъ гарантій, а согласилась повѣрить его слову. Но, можетъ быть, она желаетъ получить отъ него торжественное и при томъ письменное увѣреніе, что возстановленіе Польши не входитъ въ его планы?—Онъ готовъ выпустить въ этомъ смыслѣ декларацію и дать ей самую широкую огласку. Онъ сказалъ Куракину: «Пусть императоръ Александръ возьметъ перо и составитъ газетную статью, я напечатаю ее безъ измѣненій въ *Moniteur*'ѣ» [2]). Въ случаѣ же возобновленія Россіей дѣла о договорѣ, онъ не имѣлъ въ виду заявлять о его непріемлемости. Не желая связывать себя договоромъ, онъ не отказывается придумать что-нибудь другое; онъ все еще надѣялся отыскать не призрачный способъ выйти изъ затрудненія, а такое рѣшеніе, которое не исключало бы надежды на развязку. Можно думать, что, на случай новыхъ требованій, у него было уже въ запасѣ нѣчто поразительное, чего онъ не довѣрилъ своему посланнику. «Императоръ, писалъ Шампаньи герцогу Виченцы, предлагаетъ вамъ прекратить переговоры по этому дѣлу и всѣ

[1]) Corresp., 16852.

[2]) Слова Александра Коленкуру. Донесеніе посланника № 103, сентябрь 1810 г. Cf. Содержаніе разговоровъ съ Куракинымъ приведено у Соловьева въ сочиненіи: Императоръ Александръ I-ый, 208—209, по донесеніямъ князя.

новыя предложенія, если бы таковыя были сдѣланы, присылать сюда. Если дѣло вновь поступитъ къ императору, Его Величество намѣренъ придать ему новый оборотъ и обсуждать его широко и съ непредвидѣнной точки зрѣнія; но главное и неизмѣнное его желаніе, чтобы объ этомъ вопросѣ не было болѣе рѣчи». Эта оговорка, служившая доказательствомъ его возраставшаго нежеланія связывать себя какимъ бы то ни было обязательствомъ, не имѣла, однако, ничего общаго съ намѣреніемъ поощрять несвоевременныя требованія поляковъ. Напротивъ, онъ предписывалъ имъ умѣрить свои вопли, налагалъ узду на безразсудное усердіе своихъ флигель-адъютантовъ польскаго происхожденія, опровергалъ распространяемые ими слухи, и приказывалъ варшавянамъ держать себя спокойно, не лишая ихъ, однако, надеждъ на будущее [1]).

Въ результатѣ его размышленій предъ нимъ ясно предстала мысль о большой войнѣ на Сѣверѣ. Ужасный конфликтъ кажется ему все болѣе вѣроятнымъ, и онъ начинаетъ смотрѣть на него, какъ на нѣчто, внесенное въ книгу судебъ. Нужно прибавить, что, хотя онъ и рѣшилъ начать войну съ Россіей только въ случаѣ неисполненія ею обязательствъ, но, уже теперь, въ его умѣ носилась мысль, что успѣшный исходъ войны повсюду и въ корень уничтожитъ всякое поползновеніе къ протестамъ и мятежамъ. Уже въ это время онъ думаетъ, что война съ Россіей избавитъ его отъ союзниковъ, т. е., отъ необходимости признавать себѣ равныхъ; что среди колѣнопреклоненной Европы она поставитъ его одного вершителемъ судебъ. Чудовищная мечта о всемірномъ владычествѣ, которое явилось бы результатомъ паденія послѣдняго самостоятельнаго государства, коснулась его своимъ крыломъ. Этотъ гибельный призракъ всталъ предъ нимъ; онъ манитъ, онъ искушаетъ его. Но императоръ не отдается еще ему вполнѣ, и только временами отводитъ взоры свои отъ дѣйствительности и погружается въ мечты.

---

[1]) Онъ приказалъ написать французскому дипломатическому агенту въ герцогствѣ: „Его Величество поручаетъ вамъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, внушать полякамъ, что имъ слѣдуетъ оставаться спокойными и воздерживаться отъ всего, что могло бы внушить недовѣріе сосѣдямъ герцогства, въ особенности же, Россіи, или что могло бы поддерживать противъ Россіи вражду въ самомъ герцогствѣ, словомъ, отъ всего, что имѣло бы видъ провокаціи и могло послужить вызовомъ къ войнѣ“. 6 іюля 1810 г. Archives des affaires étrangères. Pologne, 326.

По-прежнему естественнымъ и неизмѣннымъ правиломъ своего поведенія считаетъ онъ преслѣдованіе главной цѣли,—той цѣли, которой онъ отдался всей душой съ того момента, какъ овладѣлъ властью и сталъ повелѣвать французами. У него нѣтъ ни малѣйшаго желанія сражаться съ Россіей. И теперь онъ предпочелъ бы идти непосредственно на Англію,—съ нею сразиться грудь съ грудью. Послѣ неудачи начатыхъ весной съ Англіей мирныхъ переговоровъ, онъ приказалъ дѣйствовать противъ своей соперницы новыми пріемами, которые доходятъ до высшей степени развитія, превышаютъ всякую мѣру. Теперь онъ примѣняетъ противъ Англіи конфискаціи имуществъ, захватываетъ простыми декретами цѣлыя государства, ведетъ тарифную войну; его оружіе—континентальная блокада. До крайности напрягая пружины этого сложнаго и грознаго механизма, пуская въ ходъ всѣ колеса, доводя до послѣдняго предѣла силу его дѣйствія, онъ надѣется нанести врагамъ ударъ настолько сильный, чтобы сломить ихъ упорство. Если и эти средства окажутся недѣйствительными, онъ намѣренъ употребить другія, которыя уже давно налаживаетъ и готовитъ къ дѣлу. Рядомъ съ теперешней экономической войной, онъ строитъ планы войны на полѣ брани, обдумываетъ цѣлый рядъ военныхъ операцій. Допуская, что ему не удастся укротить Англію строгой блокадой, онъ имѣетъ въ виду напасть на нее непосредственно: онъ все еще надѣется выполнить всегдашнюю мечту своей жизни. Онъ съ увлеченіемъ страсти отдается заботамъ о морскихъ силахъ и постоянно занятъ снабженіемъ всѣмъ необходимымъ военныхъ портовъ и возсозданіемъ эскадръ. Во всѣхъ портахъ, на всѣхъ рейдахъ, въ устьяхъ рѣкъ онъ торопитъ съ вооруженіемъ кораблей, спѣшно строитъ новыя суда и, мало-по-малу, создаетъ боевой и транспортный флотъ. Конечно, если произойдетъ разрывъ съ Россіей, онъ употребитъ противъ нея тѣ войска, которыя дастъ ему предстоящій рекрутскій наборъ, но онъ предпочелъ бы другое. Въ его мечтахъ носятся картины, какъ его войска занимаютъ береговую линію, какъ они готовятся овладѣть моремъ и формируются въ войска для десанта. Онъ хочетъ поставить одну изъ армій въ устьяхъ Шельды, другую въ Булонѣ, третью въ Шербургѣ, четвертую противъ Сициліи и пятую, самую сильную, въ Тулонѣ. Планъ его будущей войны съ Англіей тотъ же, что и планъ 1808 г., только обновленный и передѣланный сообразно обстоятельствамъ, т. е., цѣлая система, состоящая изъ диверсій

и неожиданныхъ нападеній, изъ цѣлаго ряда передвиженій войскъ и эскадръ, безупречная согласованность которыхъ во времени и дѣйствіяхъ должны обезпечить ему подавляющій эффектъ. Его желаніе, чтобы, по мановенію его руки, моментально на нашихъ берегахъ явились стаи кораблей, чтобы они разсыпались по всѣмъ морямъ и достигли тѣхъ странъ, гдѣ можно напасть на Англію. Онъ думаетъ, что на это разбросанное по всему земному шару государство нужно напасть повсюду сразу. Только повсемѣстная угроза дастъ ему возможность и случай вонзить копье въ жизненныя части Англіи. Онъ думаетъ, что, когда въ его распоряженіи будетъ сто четыре линейныхъ корабля для перевозки двухсотъ тысячъ солдатъ, онъ можетъ тревожить врага и наносить ему удары въ Шотландіи, Ирландіи, Лондонѣ, на Антильскихъ островахъ, въ Бразиліи и Сициліи и, въ то же время, внезапно захвативъ Египетъ, снова открыть себѣ путь въ Индію. «Когда же,—пишетъ онъ,—я буду въ состояніи перевезти въ Египетъ, примѣрно, сорокъ тысячъ человѣкъ съ двумястами пушекъ и двумя тысячами артиллерійскихъ и кавалерійскихъ лошадей?» [1]). Эти побѣды за моремъ—предметъ его постояннаго и страстнаго желанія, опьяняющее дѣйствіе которыхъ ему только и остается испытать, кажутся ему вполнѣ возможными. Онъ думаетъ, что завоеванія, которыя должны положить конецъ его войнамъ, которыя упрочатъ его могущество, могутъ быть сдѣланы въ двухлѣтній срокъ. Вотъ обычныя картины, которыя прельщаютъ и завлекаютъ его, которыя сверкаютъ предъ его взорами чарующимъ блескомъ и озаряютъ будущее. И именно 1812 г., этотъ роковой годъ, намѣчаетъ онъ для выполненія своихъ плановъ морской войны. «Таковъ мой планъ кампаніи на 1812 годъ,—пишетъ онъ Декрé,—нельзя терять изъ виду, что именно къ такимъ результатамъ слѣдуетъ придти» [2]).

Однако, видя, что Россія волнуется, что она готовится занять враждебное положеніе, онъ опасается съ ея стороны диверсіи и хочетъ принять мѣры, чтобы отразить или предупредить таковую. Онъ не посылаетъ еще по ту сторону Рейна ни одного лишняго солдата, его армія въ Германіи ограничивается пока тремя дивизіями Даву; тѣмъ не менѣе, онъ считаетъ нужнымъ принять «на всякій случай» [3]) нѣкоторыя стратегическія предо-

[1]) Corresp., 16916.
[2]) Corresp., 16916.
[3]) Id., 16811.

сторожности. Исходя изъ этой точки зрѣнія, онъ начинаетъ внимательнѣе слѣдить за своимъ сторожевымъ постомъ на Сѣверѣ—герцогствомъ Варшавскимъ, и думаетъ, какъ бы оградить его отъ нечаяннаго нападенія. Въ секретномъ письмѣ онъ проситъ короля Саксонскаго, великаго герцога Варшавскаго, ознакомить его съ состояніемъ войскъ и крѣпостей и съ количествомъ находящихся въ Польшѣ орудій. «Въ переживаемое нами время,—пишетъ онъ,—обстоятельства предписываютъ быть осторожнымъ» [1]). Онъ указываетъ ему пункты, которые слѣдуетъ укрѣпить: вопервыхъ Прагу, впереди Варшавы, и затѣмъ Модлинъ,—родъ центральнаго укрѣпленія, въ которомъ можно засѣсть и держаться довольно продолжительное время. Вотъ еще болѣе важный фактъ. Онъ предлагаетъ королю снабдить его тридцатью тысячами ружей для раздачи въ случаѣ надобности населенію и обѣщаетъ прислать ихъ въ Варшаву [2]). Оставаясь вѣрнымъ своимъ взглядамъ на Польшу, признавая въ ней только оружіе на случай войны, онъ и не думаетъ создавать націи, а хочетъ устроить изъ нея только армію. При видѣ поднимающейся на горизонтѣ опасности, онъ считаетъ нужнымъ лучше обезпечить свою первую оборонительную линію и укрѣпить передовые посты.

III.

Въ то время, какъ Наполеонъ только приступаетъ къ обсужденію гипотезы войны между Франціей и Россіей, Александръ уже предвидитъ неизбѣжность войны, и начатая имъ четыре мѣсяца тому назадъ тайная дѣятельность, съ цѣлью возстановить противъ насъ Польшу и Австрію, быстро подвигается впередъ. Особенно замѣтной она дѣлается въ Вѣнѣ, гдѣ намъ уже не разъ приходилось наталкиваться на нее. Рѣшительное отклоненіе Наполеономъ договора, прекращеніе переговоровъ о Польшѣ, его рѣзкія выходки и угрозы,—все это не могло способствовать прекращенію подпольной борьбы. Александръ горячо отдался ей, но считалъ выгоднымъ, какъ можно лучше, скрывать свою игру и обманывать нашу бдительность.

Съ этого времени онъ надѣваетъ на себя личину безмятежной покорности судьбѣ; онъ чуть не улыбается Наполеону. И въ то вре-

[1]) Id., 16762.
[2]) Id., 16812.

мя, когда разладъ растетъ съ каждымъ днемъ, когда пропасть дѣлается все глубже, ихъ отношенія снова принимаютъ безоблачный характеръ. Александръ пересталъ настаивать на договорѣ, онъ избѣгаетъ высказывать свои требованія, почти не говоритъ о Польшѣ, и предоставляетъ Наполеону «ссориться съ Румянцевымъ» [1]), не заступаясь за своего министра. Его слова полны ласки и даже сердечности. «Я хочу мира,—говоритъ онъ,—хочу союза» [2]). Но увѣренія не мѣшаютъ ему упорно оспаривать у насъ почву въ Вѣнѣ и Варшавѣ, то съ помощью своей офиціальной дипломатіи, то черезъ таинственныхъ посредниковъ. Когда его агенты компрометируютъ его чрезмѣрнымъ усердіемъ, онъ отрекается отъ нихъ, отзываетъ обратно, но вслѣдъ затѣмъ замѣщаетъ другими, ни минуты не теряя изъ вида преслѣдуемой имъ цѣли.

Въ Австріи Алопеусъ уже подготовилъ почву и оказалъ нѣкоторое вліяніе на общественное мнѣніе; но въ правящихъ сферахъ онъ не понравился и не имѣлъ успѣха. Его неугомонная дѣятельность скоро обратила на себя вниманіе Франціи. Когда его козни вышли наружу, нашли нужнымъ замѣстить его другимъ. Тогда началъ дѣйствовать офиціальный представитель Россіи, не терявшій надежды добиться успѣха тамъ, гдѣ потерпѣлъ неудачу тайный агентъ. Благодаря внѣшней корректности своего поведенія, Шуваловъ заранѣе узнавалъ о нашихъ подозрѣніяхъ и съ большимъ искусствомъ водилъ за носъ Отто, поздравлявшаго себя съ тѣмъ, что нашелъ хоть одного русскаго, искренно преданнаго союзу съ Франціей. На самомъ же дѣлѣ, Шуваловъ былъ нашимъ врагомъ, тѣмъ болѣе опаснымъ, что умѣлъ скрывать свои чувства. Онъ постоянно напоминалъ своему правительству о крайней необходимости подготовиться къ рѣшительной и въ высшей степени важной войнѣ, «которую, говорилъ онъ, Франція начнетъ, лишь только будутъ окончены ея дѣла въ Испаніи» [3]).

Нѣсколько дней спустя, Шуваловъ съ радостью замѣтилъ, что австрійскіе министры относятся сдержаннѣе къ Франціи, что, какъ будто, данъ отбой. Дѣйствительно, вѣнскій кабинетъ,

[1]) Донесеніе Коленкура № 98, отъ 18 іюля 1810 г.

[2]) Донесеніе № 101, августъ 1810 г.

[3]) Шуваловъ Румянцеву, 20 августа—1 сентября 1810 г. Archives de Saint-Pétersbourg.

оставшійся за отсутствіемъ Меттерниха безъ руководителя, считалъ необходимымъ для упроченія своего внутренняго положенія прибѣгнуть къ внѣшней поддержкѣ. Вынужденный выбирать между Наполеономъ, не торопившимся воспользоваться его добрымъ расположеніемъ, и Россіей, которая подъ большимъ секретомъ домогалась его дружбы, онъ поддался искушенію перейти на сторону Россіи. Въ пользу этого рѣшенія особенно склоняло его то обстоятельство, что успѣхи русскихъ на Востокѣ не были продолжительны. Вслѣдъ за ними послѣдовали довольно серьезныя неудачи, и новый оборотъ войны, отдаляя миръ съ турками, предоставлялъ Австріи время и возможность требовать для себя уступокъ на Дунаѣ. Все это способствовало тому, что у вѣнскаго кабинета явилось намѣреніе войти въ соглашеніе съ Россіей. Поэтому, когда Шуваловъ выразилъ желаніе, чтобы оба двора возобновили старую дружбу и составили тайную коалицію, министерство императора Франца не лишало его надежды.

Шуваловъ донесъ своему правительству о своихъ надеждахъ. Въ отвѣтъ на это онъ получилъ полномочія и горячія поздравленія. «Его Величество, писалъ ему Румянцевъ 29 іюля, съ особымъ удовольствіемъ отмѣтилъ высказанное вами мнѣніе, что настоящій моментъ благопріятствуетъ скрѣпленію дружескихъ узъ, никогда не прекращавшихся между обоими древними императорскими дворами. Въ этомъ главное желаніе Его Величества, ибо онъ всегда былъ убѣжденъ въ истинной пользѣ, которая отсюда для обѣихъ сторонъ должна воспослѣдовать. Инструкціи, которыя онъ вамъ далъ, равно какъ и все, что я послѣ того имѣлъ честь писать вамъ по приказанію государя, служатъ доказательствомъ его искренняго желанія изгладить самое воспоминаніе о кратковременномъ разладѣ, разъединившемъ оба двора, и во всей полнотѣ возстановить прежнія отношенія доброй дружбы, которыя связывали ихъ столь долгое время. Все, что вы сдѣлаете, чтобы приблизиться къ этой цѣли, несомнѣнно будетъ крайне пріятно Его Величеству» [1]). Такимъ образомъ, Россія снова берется за дѣло и возобновляетъ свои попытки къ сближенію, мѣняя только способы дѣйствій. Шуваловъ, не теряя времени, начинаетъ работать. Но, вынужденный дѣйствовать въ опасныхъ, усѣянныхъ подводными камнями, мѣстахъ,

[1]) Румянцевъ Шувалову. 14—26 августа 1810 г. Archives de Saint-Pétersbourg.

онъ будетъ остороженъ, будетъ подвигаться впередъ, только изучивъ предварительно почву, и только спустя нѣсколько недѣль мы будемъ въ состояніи указать на результаты его интригъ.

Въ виду того, что веденіе переговоровъ было передано въ руки офиціальнаго посредника, присутствіе Алопеуса въ Вѣнѣ дѣлалось безполезнымъ и даже стѣснительнымъ. Оставалось только удалить его, давъ Наполеону наиболѣе правдоподобное объясненіе, какимъ образомъ миссія Алопеуса, назначеннаго на постъ въ Неаполь, цѣликомъ закончилась въ Австріи. Александръ съ большимъ искусствомъ вышелъ изъ этого затрудненія. Алопеусъ, сказалъ онъ Коленкуру, былъ уже на пути въ Италію, когда въ Петербургѣ стало извѣстно, что, своимъ прошлымъ поведеніемъ, онъ имѣлъ несчастье не понравиться императору Наполеону. Этого было болѣе чѣмъ достаточно, чтобы отказаться отъ намѣренія назначить его къ королю, зятю Его Величества. Поэтому онъ получилъ приказаніе остановиться въ пути. Такимъ образомъ, только изъ уваженія къ монарху-другу, онъ былъ задержанъ въ Вѣнѣ, откуда вскорѣ долженъ вернуться къ мѣсту своего отправленія [1]).

Удаленіе Алопеуса не повлекло за собой удаленія Разумовскаго. Его услуги въ Вѣнѣ были настолько полезны Россіи, что она не могла рѣшиться отозвать его и осудить на бездѣйствіе. Александръ подъ благовиднымъ предлогомъ отдѣлался отъ нашихъ требованій. Графъ Разумовскій, сказалъ онъ, уже не русскій, онъ—австріецъ. Переселясь на житье за-границу, онъ сталъ космополитомъ. Это дезертиръ, перебѣжчикъ. Его отечество можетъ не признавать его, но не въ правѣ вытребовать обратно, ибо своимъ добровольнымъ изгнаніемъ онъ поставилъ себя внѣ закона [2]).

Что же касается Поццо, то дальнѣйшее пребываніе его въ Вѣнѣ, очевидно, было немыслимо, ибо австрійское правительство, всегда готовое уступить желаніямъ императора, собиралось высказаться за его изгнаніе. Будучи не въ силахъ защитить его, Александръ постарался представить вынужденное отъ

[1]) Донесеніе Коленкура № 101, августъ 1810 г.

[2]) Позднѣе Александръ назначилъ Разумовскаго однимъ изъ своихъ уполномоченныхъ на конгрессы въ Шатильонѣ и Вѣнѣ и пожаловалъ ему княжескій титулъ.

него отреченіе, какъ любезность, за которую должны быть ему благодарны. Онъ отрекся отъ Поццо, заявилъ, что не желаетъ его знать, что лишилъ его права носить русскій мундиръ, и навсегда исключилъ со службы. Въ дѣйствительности же онъ только перемѣстилъ его, и, по отъѣздѣ Поццо изъ Вѣны, далъ ему другое назначеніе. Онъ не отказался отъ мысли пользоваться втайнѣ талантами и чувствомъ ненависти человѣка, отъ котораго отрекался публично. Въ присутствіи Коленкура онъ не находилъ достаточно презрительныхъ выраженій, чтобы пройтись насчетъ «какого-то Поццо». Онъ отзывался о немъ, какъ объ одномъ изъ тѣхъ людей, «услугами которыхъ, куда ни шло, можно пользоваться во время войны; теперь же,—добавилъ онъ,—строго придерживаясь союза и не желая вступать ни въ какія сношенія съ Англіей, я всѣхъ ихъ уволилъ» [1]). А, между тѣмъ, какъ разъ для сношеній съ Англіей и имѣлось въ виду воспользоваться услугами Поццо. Ему дано было порученіе отвезти представителю англійскаго двора въ Константинополѣ первыя тайныя предложенія о примиреніи.

Дѣло шло о предложеніи Англіи соглашенія по дѣламъ Востока. Россія соглашалась не требовать отъ турокъ, какъ предварительнаго условія мира, разрыва съ англичанами. Англичане, съ своей стороны, не должны отговаривать Турцію вести съ Россіей переговоры о мирѣ. Не стремясь еще къ полному примиренію съ нашими врагами, Александръ старался поставить борьбу съ Англіей въ извѣстныя рамки и предлагалъ ей частичный миръ. Въ особомъ письмѣ Румянцевъ поручаетъ Шувалову умненько направить Поццо въ Константинополь и дать ему наставленія. «Я не вижу для него другого убѣжища, кромѣ Константинополя, подъ защитой британской миссіи,—говоритъ онъ. Это не только лучшее рѣшеніе, которое онъ можетъ принять,—по-моему, оно единственное. Если онъ рѣшится на это, вы можете дать ему секретное порученіе, какъ бы исходящее отъ васъ самихъ. Позаботьтесь болѣе всего о томъ, чтобы отнюдь не компрометировать министерства Его Величества. Скажите, что вамъ извѣстно, что англійская миссія при Оттоманской Портѣ употребляетъ всѣ усилія помѣшать туркамъ заключить съ нами миръ; что, дѣйствуя такимъ образомъ, она исходитъ

[1]) Донесеніе Коленкура № 101, августъ 1810 г.

изъ ошибочнаго взгляда, будто однимъ изъ условій, безъ котораго мы не можемъ заключить мира, является разрывъ Порты съ Англіей. Это болѣе чѣмъ невѣрно. Его Величество желаетъ добиться мира, не вмѣшиваясь ни въ какія отношенія Порты къ иностраннымъ государствамъ» [1]). Въ концѣ депеши намекалось, что, если бы лондонскій кабинетъ былъ лучше освѣдомленъ, онъ долженъ бы былъ содѣйствовать примиренію Россіи съ турками, ибо миръ позволитъ царю дать своимъ войскамъ на Дунаѣ назначеніе, болѣе соотвѣтствующее интересамъ Англіи, т. е., позволитъ отвести ихъ на сѣверъ по направленію къ Польшѣ и, можетъ быть, парализовать французскія силы.

Что касается Польши, то работа, которую втайнѣ велъ тамъ Александръ съ цѣлью отдалить отъ Франціи поляковъ и переманить ихъ на свою сторону, не такъ легко уловима, какъ дипломатическіе подкопы и свѣтскія интриги въ Вѣнѣ, ибо дѣятельность царя сказывалась, главнымъ образомъ, въ его личныхъ попыткахъ повліять на нѣкоторыхъ лицъ и на нѣкоторыя семьи. Тѣмъ не менѣе, она проявляется нѣкоторыми данными и иногда ясно выступаетъ наружу. Среди предложеній, неоднократно дѣлаемыхъ императору Францу черезъ Шувалова, было одно, которое выдавало возможные планы Александра относительно Польши. Царь не разъ предлагалъ австрійцамъ уступить имъ западную Валахію, т. е., часть княжествъ, на которыя онъ смотрѣлъ, какъ на свои владѣнія, и располагать которыми считалъ себя въ правѣ, въ обмѣнъ на Буковину, провинцію до нѣкоторой степени польскую, лежащую на юго-востокъ отъ Галиціи и вошедшую за тридцать шесть лѣтъ до описываемаго момента въ составъ Габсбургской монархіи [2]). Если бы царю удалось присоединить къ своимъ владѣніямъ еще нѣкоторую часть польскихъ земель, онъ получилъ бы лишній шансъ вліять на націю, которую хотѣлъ заманить въ свои сѣти; у него было бы больше надежды на то, что она отнесется къ нему съ бо́льшимъ довѣріемъ, съ бо́льшимъ вниманіемъ въ тотъ моментъ, когда онъ явится предъ ней, какъ бы назначенный самимъ Провидѣніемъ возстановить ее и собрать воедино подъ своимъ скипетромъ всѣ ея части.

---

[1]) Archives de Saint-Pétersbourg. Письма Румянцева Шувалову, № 76.

[2]) Beer, Geschichte der orientalischen Politik Oesterreich's, 244.

Въ тѣхъ же видахъ онъ съ еще бо̀льшимъ вниманіемъ сталъ заниматься своими польскими подданными. Желая не только подавить въ нихъ малѣйшее поползновеніе къ возстанію, но и привязать ихъ къ себѣ, онъ поступаетъ съ ними то строго, то милостиво. Эта тактика была вполнѣ законная и честная. Не таковы были его пріемы объясняться съ поляками по поводу договора. Царь дѣлалъ видъ, что получилъ уже конвенцію, содержавшую въ себѣ смертный приговоръ Польшѣ. Извѣстно, что на дѣлѣ это было не такъ: онъ не въ силахъ былъ выманить ее у императора. Затѣмъ русскими властями былъ пущенъ слухъ, что конвенція подписана; что Наполеонъ отказался отъ поляковъ; что онъ продалъ ихъ, выдалъ съ головой и навсегда сдѣлался недостойнымъ ихъ симпатій. Одинъ изъ нашихъ агентовъ въ Варшавѣ, указавъ на всевозможныя усилія антифранцузской пропаганды, прибавляетъ: «Вотъ еще одинъ пріемъ, употребленный русскими съ цѣлью лишить поляковъ всякой надежды на Францію и не оставшійся здѣсь безъ вліянія—это опубликованіе тайной конвенціи, которая, будто бы, была заключена въ Петербургѣ и въ которой императоръ обѣщаетъ Россіи: никогда не содѣйствовать возстановленію Польши, отнять назначенную семи тысячамъ военныхъ чиновъ великаго герцогства субсидію и не разрѣшать новыхъ раздачъ польскаго ордена. То, что послѣднія двѣ статьи приводятся въ исполненіе, заставляетъ вѣрить въ существованіе конвенціи и вызываетъ здѣсь нѣкоторое безпокойство. Я не знаю, гдѣ тутъ правда, гдѣ ложь, но навѣрное могу сказать, что въ русской Польшѣ нѣтъ письма, въ которомъ бы не говорилось объ этомъ» [1]).

Вслѣдъ за этой сѣтью интригъ Россія начинаетъ подготовлять свои боевыя средства и въ строжайшей тайнѣ, мало-помалу, становится подъ ружье. Уже съ августа 1810 г. Александръ сталъ обдумывать стратегическій планъ на случай разрыва съ Франціей и, какъ извѣстно, разрѣшилъ одному нѣмецкому офицеру представить ему планъ кампаніи противъ Франціи [2]). Въ это же время въ прибалтійскихъ и литовскихъ губерніяхъ начинается какой-то неясный гулъ. Это — согнанное населеніе роетъ и возитъ землю, исправляетъ и вооружаетъ крѣпости, расширяетъ ихъ зону и соединяетъ

---

[1]) Archives des affaires étrangères, Pologne, T. 326.
[2]) Haüsser, Deutsche Geschichte, III, 529.

укрѣпленія длинными рядами окоповъ. Въ первую голову Россія хочетъ устроить близъ своихъ границъ обширную систему укрѣпленій, съ цѣлью защитить центральныя части государства, прикрыть обѣ столицы и преградить всѣ пути къ вторженію. Работы ведутся съ лихорадочной поспѣшностью. Строятся не долгосрочныя укрѣпленія, а принимаются мѣры неотложной предосторожности,—идутъ приготовленія къ предстоящей въ скоромъ времени войнѣ. Изъ современныхъ источниковъ извѣстно, что, когда Наполеонъ посовѣтовалъ варшавянамъ приступить къ фортификаціоннымъ работамъ, работы русскихъ въ Динабургѣ и Ригѣ были уже въ полномъ ходу, гдѣ «онѣ, по высочайшему повелѣнію, ведутся непрерывно день и ночь» [1]). Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ—въ сентябрѣ—по Двинѣ и Днѣпру, въ промежуткѣ, раздѣляющемъ обѣ рѣки и представляющемъ наиболѣе уязвимый пунктъ имперіи, точно изъ земли вырастаютъ и обрисовываются на горизонтѣ профили редутовъ укрѣпленныхъ лагерей.

Александръ не ограничивается тѣмъ, что намѣчаетъ для будущей войны свои оборонительныя линіи и опорные пункты. Онъ приказываетъ произвести сборы и передвиженія войскъ. Въ этомъ дѣлѣ первый шагъ безспорно принадлежитъ ему. Во второй половинѣ 1810 г., – когда Наполеонъ не двинулъ еще ни одного человѣка,—къ стоявшимъ близъ границы русскимъ корпусамъ, содержавшимся въ полной боевой готовности, подошли еще другіе корпуса. Къ расположеннымъ здѣсь войскамъ непрерывно подходятъ подкрѣпленія, наличный составъ ихъ увеличивается; незамѣтно формируются цѣлыя арміи. Но ни одинъ звукъ не выходитъ за предѣлы этой громадной и нѣмой имперіи, гдѣ замираетъ всякое слово, гдѣ молчаніе сдѣлалось второй натурой и стало закономъ; ничто не выдаетъ этого прокальзыванія къ границамъ людей, пушекъ и предметовъ боевого снаряженія. Съ нашимъ посланникомъ въ Петербургѣ обходятся по-прежнему изысканно-любезно. Лишенный всякой возможности пріобрѣсти надежныя и точныя свѣдѣнія, отдѣленный отъ націи непреодолимой преградой—незнаніемъ языка, онъ не за-

---

[1]) Письмо изъ Митавы отъ 23 августа 1810 г. Въ двухъ донесеніяхъ отъ 16 и 19 сентября даются болѣе обстоятельныя подробности. Archives nationales, AF, IV, 1653.

мѣчаетъ ничего подозрительнаго, ибо видитъ только дворецъ и дворъ; только эти свѣтлыя точки мелькаютъ предъ нимъ среди окружающей его непроглядной ночи. Онъ не знаетъ и, слѣдовательно, не можетъ донести своему повелителю о перемѣнахъ въ расположенiи русскихъ войскъ, которыя исподволь подходятъ къ границѣ и располагаются въ западныхъ губернiяхъ. Александръ надѣется, что до конца года,—раньше, чѣмъ какое-нибудь извѣстiе вызоветъ тревогу Наполеона,—у него будетъ триста тысячъ человѣкъ, готовыхъ войти въ боевую линiю и двинуться на Западъ; въ случаѣ надобности, для усиленiя ихъ будутъ служить нѣсколько корпусовъ, взятыхъ изъ дунайской армiи [1]). Ему извѣстно, что къ востоку отъ Рейна у Францiи нѣтъ и пятидесяти тысячъ солдатъ. Но это неравенство силъ даетъ ему только лишнiй поводъ первому начать приготовленiя къ войнѣ. Собравъ войска, на что рѣшится онъ? Станетъ ли онъ ожидать врага на своей территорiи, чтобы шагъ-за-шагомъ оспаривать у него почву и заманивать его въ глубь дебрей своей страны, или же захочетъ предупредить его, и бросившись на герцогство Варшавское, подать руку возставшей Германiи? Какъ будто онъ скорѣе склоненъ отважиться на послѣднiй рискованный шагъ. Онъ все еще не отказывается отъ проекта, который довѣрилъ Чарторижскому, но пока не даетъ этому проекту вполнѣ законченной формы. Рѣшенiе стать въ оборонительное положенiе не исключаетъ въ немъ поползновенiя самому перейти въ нападенiе.

Слѣдуетъ ли, на основанiи этихъ приготовленiй, сдѣлать заключенiе, что Александръ безповоротно рѣшился на войну, что для того, чтобы начать ее, онъ только выжидаетъ благопрiятнаго момента и подходящаго случая? Подобно Наполеону, у него не было ни желанiя, ни предвзятаго намѣренiя вести войну, но онъ неудержимо шелъ къ ней, не отдавая себѣ вполнѣ яснаго отчета, къ какой цѣли приближается онъ съ каждымъ днемъ. Конечно, онъ переживалъ минуты жестокой борьбы, и весьма вѣроятно, среди смущавшихъ и сдерживавшихъ его мотивовъ, главную роль игралъ страхъ столкновенiя съ генiемъ, котораго никто еще не захватывалъ врасплохъ, которому счастье никогда не измѣняло. Затѣмъ, возможно и

[1]) Письма Александра Чарторижскому, опубликованныя въ Mémoires du prince Adam Czartoryski, II, 254 273. Cf. Boutourline, Histoire militaire de la campagne de Russie en 1812, I, 45.

то, что у него, отъ природы чувствительнаго и гуманнаго, являлась боязнь угрызеній совѣсти, что его душа содрогалась отъ жалости при мысли открыть широкое поле дѣятельности ужасному бичу войны. Къ несчастью, убѣжденіе, что Наполеонъ посягаетъ на его безопасность, все болѣе усиливающееся отвращеніе къ той политикѣ, въ которой теперь онъ видитъ только беззаконіе и насиліе, затѣмъ честолюбивыя мечты выступить мстителемъ за похищенныя короны и сдѣлаться освободителемъ народовъ,—все это, вмѣстѣ взятое, мало-по-малу беретъ верхъ надъ его нерѣшительностью. Онъ не можетъ уже остановиться на пути, по которому устремился и который неизбѣжно приведетъ его къ войнѣ, если только Англія не пойдетъ на уступки прежде, чѣмъ онъ завершитъ свою эволюцію. Только изъявленіе покорности нашей соперницей могло сдержать готовыхъ вернуться къ ней союзниковъ и парализовать ихъ волю; только это одно могло удержать подъ желѣзной десницей императора распростертую у ногъ его Европу и окончательно упрочить его торжество. Падетъ ли Англія въ жестокой борьбѣ, которая все тѣснѣе охватываетъ ее и доходитъ до кульминаціоннаго пункта? Она еще на ногахъ, но уже бываютъ моменты, когда она шатается, когда у ней сказываются признаки истощенія. Но, вѣдь, выкованное императоромъ оружіе, которымъ онъ наноситъ удары съ такимъ ожесточеніемъ и злобой, можетъ обратиться и противъ него самого?—Очевидно, Наполеонъ не допускалъ этой мысли Подчинивъ себѣ волю всѣхъ народовъ отъ Пиринеевъ до Нѣмана, опьяненный властью онъ поддался безумнымъ идеямъ о своемъ всемогуществѣ; потерялъ сознаніе, что и его мощи есть предѣлъ. Подъ наитіемъ этихъ идей, онъ рѣшаетъ, что для достиженія конечнаго результата ему все дозволено. Поэтому онъ усиливаетъ и безъ того жестокія мѣры, дѣлаетъ ошибку за ошибкой, и, думая, что приближается къ цѣли, быстрыми шагами идетъ по пути къ гибели. Система, избранная имъ для закрытія британской торговлѣ послѣднихъ рынковъ, проводится имъ съ такимъ подавляющимъ деспотизмомъ, какой никогда еще не тяготѣлъ надъ народами. Онъ вмѣшивается во внутреннюю жизнь государствъ, присоединяетъ своей верховной властью цѣлыя области и въ мирное время, путемъ простыхъ декретовъ, дѣлаетъ серію захватовъ. Эти вѣчные, налагающіе на Европу клеймо рабства, захваты тревожатъ и возмущаютъ единствен-

ное государство, въ которомъ еще сохранились сознанiе и гордость независимости. Они примиряютъ Александра съ мыслью о неизбѣжности жестокаго рѣшенiя. Мы увидимъ изъ дальнѣйшаго изложенiя, что къ имѣющейся уже главной причинѣ къ конфликту—польскому вопросу—они прибавятъ и даже создадутъ новые поводы къ раздору. Вокругъ этого центральнаго пункта разлада они сгруппируютъ побочныя осложненiя, и тѣ самыя мѣры, которыя принимаются императоромъ съ цѣлью разорить Англiю, если онѣ не дадутъ быстраго результата, неминуемо ускорятъ разрывъ съ Россiей.

ГЛАВА XII.

ИЗБРАНІЕ БЕРНАДОТА.

Континентальная блокада на сѣверѣ Европы.—Ея главная задача; война съ колоніальными товарами.—Откуда взялась ея идея.—Комитетъ Общественнаго Спасенія; Наполеонъ подпадаетъ подъ вліяніе своихъ страстей и роковымъ образомъ идетъ по проложеннымъ до него путямъ.—Ошибка и основной недостатокъ системы.—Блокада ведетъ къ безпредѣльному расширенію имперіи.—Присоединеніе Голландіи.—Александръ не одобряетъ присоединенія Голландіи, но обходитъ его молчаніемъ.—Усилія Наполеона закрыть товарамъ своихъ враговъ входъ въ нѣмецкія рѣки.—Рѣшеніе участи ганзейскихъ городовъ отложено на неопредѣленное время.—Налогъ въ пятьдесятъ процентовъ на колоніальные товары; Европа задыхается въ тенетахъ запретовъ; новый родъ инквизиціи.—Изгнанные изъ Нѣмецкаго моря англійскіе товары находятъ сбытъ въ Балтійскомъ морѣ.—Нарушеніе законовъ блокады въ Помераніи.—Швеція дѣлается складочнымъ мѣстомъ англійскихъ товаровъ.—Попытки Наполеона оказать давленіе на Швецію.—Опасность устанавливать сферу вліянія Франціи въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Россіей.—По политическимъ соображеніямъ Швеція склоняется на сторону Франціи, тогда какъ матеріальные интересы связываютъ ее съ Англіей.—Смерть наслѣднаго принца.—Созывъ сейма для избранія наслѣдника.—Король Карлъ XIII мечтаетъ объ избраніи брата покойнаго принца и представляетъ его кандидатуру на благоусмотрѣніе императора.—Нѣкоторыя указанія Наполеона въ пользу датскаго короля.—Мысль о соединеніи скандинавскихъ коронъ.—Journal de l'Empire.—Наполеонъ присоединяется къ выбору, предложенному шведскимъ дворомъ.—Мудрость этого рѣшенія.—Баронъ Алькіеръ получаетъ приказаніе отправиться въ Стокгольмъ и поддержать кандидатуру принца Августенбурга.—Пріѣздъ поручика Мёрнера въ Парижъ.—Группа шведовъ по собственной иниціативѣ обращается къ Бернадоту.—Бернадотъ испрашиваетъ у императора позволеніе выставить свою кандидатуру.—Наполеонъ блуждаетъ въ области противорѣчивыхъ интересовъ и страстей.—Не желая причинить неудовольствіе Россіи, онъ отказывается поддержать Бернадота, но позволяетъ ему выставить свою кандидатуру.—Ошибочные разсчеты.—Отъѣздъ Алькіера отмѣняется; Наполеонъ систематически воздерживается отъ участія въ дѣлѣ.—Тщетныя усилія барона Лагельбіельке узнать мнѣніе императора.—Швеція въ отчаяніи обращается къ Наполеону и проситъ у него „одного изъ его королей“.—Антирусскія заявленія повѣреннаго въ дѣлахъ Дезожьè. Отъ Дезожьè отрекаются и отзываютъ его.—Сеймъ въ Эребро; предвыборныя интриги.—Пріѣздъ Фурньè.—Магъ и волшебникъ.—Махинаціи, которыя въ самую послѣднюю минуту обез-

печиваютъ успѣхъ Бернадота. — Сопротивленіе стараго короля; король уступаетъ.—Бернадотъ избранъ.—Отвѣтственность императора въ этомъ событіи, имѣющемъ роковое значеніе для Франціи. — Какія объясненія даются Россіи. Негодованіе петербургскаго общества; показное спокойствіе Александра; его тайная мысль.—Наполеонъ и Александръ ближе разсматриваютъ возможность разрыва.—Оба они думаютъ о возстановленіи Польши съ цѣлью воспользоваться ею въ предстоящей войнѣ.—Какая подготовительная работа была поручена Александромъ графу Потоцкому.—Слова Наполеона Меттерниху; онъ вывѣдываетъ мнѣніе Австріи по поводу идеи обмѣна Галиціи на иллирійскія провинціи.—Князь и графъ Меттернихъ; политика сына идетъ вразрѣзъ съ политикой отца. Продолженіе, успѣшный ходъ и полное крушеніе переговоровъ, начатыхъ графомъ Шуваловымъ.—Возвращеніе Меттерниха въ Вѣну.—Тѣсная связь между попытками императоровъ сойтись съ Австріей и ихъ предполагаемыми планами относительно Польши.

I.

Великое сраженіе на экономической почвѣ, которое Наполеонъ рѣшилъ дать англичанамъ, разыгралось на сѣверѣ Европы. Югъ континента, т. е., завоеванная и строго-охраняемая Италія, присоединенная Иллирія, залитая кровью несчастная Испанія, Турція, не обладавшая сухопутными сообщеніями съ другими странами,—все это предоставляло въ распоряженіе нашихъ противниковъ или неприступныя для высадки мѣста, или мѣста съ весьма ограниченнымъ райономъ сбыта. Сѣверъ же, благодаря цѣлому ряду путей, открывалъ Англіи доступъ къ главнымъ центрамъ потребленія. Въ эту эпоху, когда все достигало невѣроятныхъ размѣровъ, и оборона стремилась довести свои средства до уровня нападенія. Въ то время, когда Наполеонъ считалъ возможнымъ держать въ осадѣ, какъ военную крѣпость, цѣлое королевство, когда онъ мечталъ о томъ,чтобы лишить его всякихъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ, цѣлыя государства, цѣлые народы стали покровительствовать тайному ввозу англійскихъ товаровъ, и сами занялись контрабандой. Ближайшая сосѣдка Франціи—Голландія, несмотря на то, что ея королемъ былъ французъ, служила для англичанъ складочнымъ мѣстомъ. Далѣе на востокъ—устья большихъ нѣмецкихъ рѣкъ представляли громадный пріемникъ для продуктовъ нашихъ враговъ. Еще дальше—прибрежные жители Балтійскаго моря, пользуясь своей отдаленностью и безнаказанностью, считали возможнымъ не признавать или обходить обязательныя постановленія блокады.

Для успѣха кампаніи нужно было повліять и оказать давленіе на всѣ эти страны. Если Наполеонъ не на шутку думалъ остановить торговую дѣятельность Англіи — этой громадной фабрики, снабжающей мануфактурами всю Европу, то именно изъ этихъ странъ слѣдовало ему изгнать ея мануфактурные товары, въ нихъ нужно было преслѣдовать ихъ.

Но, помимо этого, онъ надумалъ болѣе быстрое и, по его мнѣнію, болѣе вѣрное средство добить своего врага. Дѣло въ томъ, что съ нѣкотораго времени главная надежда англичанъ на обогащеніе была основана на единственной въ своемъ родѣ спекуляціи—на исполинскомъ торговомъ предпріятіи, оборудованномъ въ громадныхъ размѣрахъ. Благодаря революціи и послѣдующимъ за ней войнамъ, господство на моряхъ перешло въ руки англичанъ и сдѣлало ихъ хозяевами всѣхъ внѣевропейскихъ рынковъ; въ частности, событія 1808 г. открыли имъ доступъ въ испанскія колоніи и предоставили въ ихъ пользованіе цѣлую часть свѣта. Съ этихъ поръ торговля колоніальными товарами всецѣло перешла въ ихъ руки. Только отъ нихъ или, по крайней мѣрѣ, съ ихъ позволенія, Европа могла получать сахаръ съ Антильскихъ островов, кофе, пряности и хлопокъ изъ Америки, т. е., всѣ, ставшіе общеупотребительными, предметы. Пользуясь такимъ положеніемъ, англичане захотѣли сдѣлаться единственными покупателями и поставщиками колоніальныхъ товаровъ. Они оптомъ скупили произведенія обѣихъ Индій, надѣясь продать ихъ съ большимъ барышомъ въ Европѣ. Въ погонѣ за наживой ихъ торговые дома, кредитныя и финансовыя учрежденія смѣло пустились въ это предпріятіе. Они выпустили и продавали черезъ англійскій банкъ процентныя бумаги, гарантируя ихъ тѣми точно вычисленными суммами, которыя имѣлось въ виду получить отъ предполагаемой продажи товаровъ. Наполеонъ думалъ, что, если онъ сумѣетъ помѣшать этой продажѣ; если онъ добьется, чтобы Европа закрыла двери сдѣлавшимся почти исключительной собственностью англичанъ колоніальнымъ товарамъ; если Европа обойдется безъ нихъ, воздержится отъ ихъ употребленія, — эти товары должны будутъ вернуться въ Англію; они запрудятъ лондонскіе магазины и останутся за счетъ покупателя. Не проданные и лишенные возможности быть проданными, они падутъ въ цѣнѣ; равнымъ образомъ обезцѣнятся и бумаги, для которыхъ товары служатъ обезпеченіемъ. Это остановитъ

всѣ сдѣлки, вызоветъ общее банкротство. Вмѣсто способной превращаться въ деньги цѣнности съ обезпеченной прибылью, у Англіи будетъ на рукахъ мертвый, непроизводительный, дошедшій до ничтожной цѣны грузъ; она очутится въ положеніи спекулятора, который, употребивъ всѣ свои деньги на покупку одной ненадежной цѣнности, будетъ, въ случаѣ ея паденія, разоренъ въ конецъ. Добиться этого результата, т. е., воспрепятствовать операціямъ съ колоніальными товарами, и составляетъ теперь задачу Наполеона; съ этой цѣлью онъ и примѣняетъ блокаду. Все сводится къ тому, чтобы, при содѣйствіи всей Европы, цѣлымъ рядомъ колоссальныхъ мѣропріятій, разорить сильно раздутое дѣло, въ которое англичане рискнули вложить свое состояніе.

Этотъ заманчивый, но неосуществимый планъ не былъ новъ. На него впервые указалъ Комитетъ Общественнаго Спасенія, какъ на единственное средство покончить въ нашу пользу начавшуюся между Франціей и Англіей безпощадную войну [1]). Наполеону суждено было управлять Франціей въ то время, когда она для достиженія своихъ цѣлей искала средствъ внѣ предѣловъ возможнаго. По свойству своего характера, онъ еще далѣе увлекалъ ее по этому пути и заставлялъ пройти его весь до конца. Его геній, его удачи позволяли ему придавать самымъ фантастическимъ взглядамъ его предшественниковъ видъ возможнаго, и на короткое время налагали печать дѣйствительности на ихъ мечты.

Завладѣвъ послѣ битвы при Іенѣ морскимъ берегомъ отъ Неаполя до Данцига, онъ получилъ возможность издать Берлинскій декретъ, иначе говоря, постановленіе о *континентальной блокадѣ*, въ силу котораго британскому флагу воспрещалось приближаться къ берегамъ и возбранялся непосредственный ввозъ колоніальныхъ товаровъ. Англичане парировали

---

[1]) Въ 1795 г., въ цѣломъ рядѣ инструкцій посланнику Голландской республики Комитетъ указывалъ, что слѣдуетъ добиться „изгнанія англичанъ съ континента“.—„Если у Англіи будутъ отняты ея громадные рынки, говорилъ онъ, вслѣдствіе чего внутри страны начнутся возмущенія и волненія, ея колоніальные и азіатскіе товары поставятъ ее въ очень затруднительное положеніе. Непроданные колоніальные товары понизятся въ цѣнѣ и англичане будутъ подавлены изобиліемъ пищи въ тотъ моментъ, когда они думаютъ одолѣть французовъ голодомъ“. Albert Sorel, L'Europe et la Révolution française III, 389.

ударъ, отвѣтивъ на Берлинскій декретъ знаменитыми постановленіями Палаты въ 1807 г. Этими актами они обязали всѣ нейтральныя государства, проще говоря, корабли не принимавшихъ участія въ борьбѣ государствъ Европы и Америки, признать, подъ страхомъ захвата, свое первенство на моряхъ; обязали ихъ платить себѣ налогъ и брать разрѣшеніе на плаваніе. Съ того времени, за весьма рѣдкими исключеніями, они давали подобныя разрѣшенія только тѣмъ судамъ, которыя соглашались брать на свой бортъ принадлежавшіе англичанамъ колоніальные товары съ обязательствомъ перевозить ихъ на континентъ и складывать тамъ за ихъ счетъ. Нейтральные корабли, главнымъ образомъ американскіе, вынуждены были сдѣлаться факторами британской торговли. Такимъ образомъ, ввозъ колоніальныхъ товаровъ не прекратился,—измѣнился только способъ доставки. Тогда Наполеонъ, противопоставляя насилію насиліе, отвѣтилъ на постановленія Палаты Миланскимъ декретомъ, изданнымъ въ ноябрѣ 1807 г. Въ виду того, что Англія подчинила себѣ и заставила работать на себя всѣ нейтральныя суда, онъ объявилъ, что не будетъ признавать ихъ нейтралитета, что будетъ считать ихъ англійскими, т. е., непріятельскими, и смотрѣть на нихъ, какъ на законную добычу, подлежащую захвату въ морѣ и во всѣхъ портахъ. До сихъ поръ для большинства сѣверныхъ странъ декретъ имѣлъ только принципіальное значеніе — значеніе простой угрозы. Теперь дѣло шло о томъ, чтобы примѣнить его на дѣлѣ и дать ему самое широкое распространеніе, ибо, по мнѣнію Наполеона, въ тотъ самый день, когда ни одно нейтральное судно не найдетъ доступа въ гавани континента, колоніальные товары лишатся послѣдняго средства для ввоза и сбыта, и Англія будетъ побѣждена.

Но изданіе декрета о безусловномъ изгнаніи, вслѣдъ за англійскими судами, и нейтральныхъ—равносильно было лишенію Европы морской торговли; это значило остановить экономическую жизнь всѣхъ народовъ и возложить на нихъ тяготы свыше мѣры ихъ покорности и терпѣнія. Вступая въ борьбу съ интересами не считающихся съ политикой народныхъ массъ, Наполеонъ наталкивается на силу, которая стоитъ внѣ его воздѣйствія. Слабыя, запуганныя правительства подчиняются его требованіямъ; они унижаются, клянутся, что будутъ исполнять его

волю, но втайнѣ по-прежнему дѣлаютъ угодное Англіи. Они обѣщаютъ все, что угодно, и не держатъ слова. Они и не въ силахъ сдержать его, ибо никакое государство не дастъ—да и не можетъ искренно и по доброй волѣ—дать обѣщанія тиранить своихъ подданныхъ ради выгодъ государя чуждой страны; оно не захочетъ сдѣлаться орудіемъ ихъ пытки. Чтобы преодолѣть сопротивленіе народовъ, Наполеонъ роковымъ образомъ приходитъ къ мысли сокрушить то, что не оказываетъ ему содѣйствія, т. е., правительства. Онъ дѣйствуетъ путемъ экспропріацій, захватываетъ провинціи, присваиваетъ себѣ цѣлыя королевства; онъ безъ устали подвигается впередъ, беретъ безъ конца, и съ лихорадочной, жестокой настойчивостью примѣняетъ и истолковываетъ сообразно своимъ желаніямъ законъ, систематическое проведеніе котораго онъ считаетъ потребностью даннаго момента. Никогда еще такъ рельефно, какъ въ 1810 г., не выступала основная ошибка, которую сдѣлала революція, поставивъ интересы Европы въ неразрывную связь съ интересами Англіи и избравъ одинаково непріемлемую—какъ Европой, такъ и Англіей—систему завоеваній, ибо она вынудила Францію идти къ побѣдѣ надъ Англіей путемъ порабощенія Европы. Въ этомъ году ярко обнаруживаются неизбѣжныя слѣдствія этой ошибки; они накопляются съ удивительной быстротой и доходятъ до крайнихъ предѣловъ; они настолько рѣзки, что бросаются всѣмъ въ глаза, а, между тѣмъ, несмотря на отсутствіе въ нихъ здраваго смысла, они естественны, они логически вытекаютъ изъ основного положенія. До этого года Наполеонъ придерживался на сѣверѣ завоеванной еще республикой границы, которая хотя и была проведена по границѣ прежней Бельгіи, тѣмъ не менѣе, позволяла держать въ сферѣ нашего вліянія и Голландію. Теперь же, когда принципъ примѣненія блокады вынуждаетъ его къ болѣе сильному давленію на стремящуюся уклониться отъ его требованій Голландію, онъ начинаетъ съ того, что сперва доходитъ до Рейна, но овладѣваетъ этой естественной границей древней Галліи только для того, чтобы перешагнуть черезъ нее. Въ погонѣ за постоянно убѣгающей отъ него цѣлью, онъ тотчасъ же налагаетъ свою руку на сосѣднія страны, безостановочно идетъ вдоль побережья и расширяетъ границы Франціи по морскому берегу Германіи. Въ теченіе семи мѣсяцевъ онъ захватываетъ пространство между Рейномъ и Балтійскимъ моремъ и достигаетъ результата, противнаго основнымъ прин-

ципамъ своей политики: приведя на своемъ пути все къ одному знаменателю, подавивъ всякое сопротивленіе, возбудивъ всеобщую ненависть, онъ доводитъ свои границы до Россіи, сближается съ ней почти до соприкосновенія.

Весной Голландія, которой прежде другихъ грозило присоединеніе, добилась отсрочки. Только пожертвовавъ своими за-рейнскими провинціями, она могла не надолго продлить свое существованіе, при чемъ должна была обѣщать энергичное содѣйствіе въ борьбѣ съ Англіей и согласиться на крайне унизительное подчиненное положеніе. Король подписалъ договоръ, но у него не хватило духу соблюдать его. Отношенія сдѣлались натянутыми, и испортились до такой степени, что Луи-Наполеонъ, не смѣя открыто выступить противъ своего брата, а, съ другой стороны, не желая насиловать своихъ подданныхъ, сходитъ со сцены и покидаетъ Голландію. 9 іюля Наполеонъ декретомъ объявляетъ о присоединеніи Голландіи; тотчасъ же окружаетъ ее таможеннымъ кордономъ и закрываетъ въ нее доступъ англичанамъ. По поводу упраздненія этого многовѣкового государства онъ даетъ другимъ дворамъ—и въ частности Россіи—весьма краткія объясненія. Александръ ограничился молчаніемъ. «Онъ не говоритъ мнѣ ни слова о Голландіи», писалъ Коленкуръ [1]). Какъ ни взволновалъ царя этотъ грабежъ, онъ не счелъ нужнымъ протестовать. Интересы Россіи не были въ достаточной степени затронуты, да и ударъ былъ нанесенъ слишкомъ далеко отъ нея.

За Голландіей Наполеонъ натыкается на государства, которыя играютъ не менѣе важную роль въ его политикѣ и въ его системѣ блокады. Восточная Фрисландія, княжества и герцогства нижней Германіи, Сѣверъ Ганновера, ганзейскія территоріи—все это служитъ географическимъ продолженіемъ Нидерландовъ. Тутъ тотъ же характеръ природы, то же сочетаніе земли и воды; тутъ такъ же сливаются и борются за существованіе двѣ стихіи. Это все тѣ же низкіе, песчаные, стоящіе въ уровень съ моремъ и доступные со всѣхъ сторонъ берега, гдѣ земля дробится на тысячи островковъ, куда море проникаетъ черезъ глубокіе заливы и безчисленныя выемки. Нѣтъ страны, болѣе подходящей для дѣятельности контрабандистовъ, для разгрузки судовъ, которымъ нужно ускользнуть отъ надзора. Въ устьяхъ Яда и Ве-

---

[1]) Донесеніе № 99, августъ 1810 г.

зера англичане сохранили еще наблюдательные посты и станціи. Противъ устьевъ Эльбы, на островѣ Гельголандѣ, они устроили укрѣпленный и неприступный складъ товаровъ, изъ котораго время-отъ-времени вывозится излишекъ на близлежащіе берега.

Сдѣлавшись повелителемъ Голландіи, Наполеонъ считаетъ невозможнымъ терпѣть наѣзды англичанъ въ сосѣднія съ его новыми провинціями страны, тѣмъ болѣе, что въ нихъ уже четыре года стоятъ его войска. Нужно сказать, что онъ всегда признавалъ тѣсную связь между Голландіей и ганзейскимъ побережьемъ. Незадолго до этого онъ носился съ мыслью продолжить удѣлъ брата Луи до Гамбурга и соединить всѣ эти территоріи подъ однимъ скипетромъ. Онъ мечталъ создать изъ этихъ странъ крупное королевство Европейскихъ Нидерландовъ, и, вдвинувъ его между Германіей и моремъ, которымъ владѣла Англія, создать между Англіей и Германіей нѣчто въ родѣ буфера. Присоединеніемъ нѣмцевъ къ Голландіи онъ разсчитывалъ закрѣпить нѣмецкіе народы за чуждымъ имъ государствомъ и, ослабивъ такимъ путемъ возрождавшіяся въ нихъ національныя и патріотическія идеи, «оторвать нѣмецкій духъ отъ родной почвы» [1]). Теперь, занявъ тронъ Голландіи, думаетъ ли онъ осуществить этотъ планъ за свой счетъ, намѣренъ ли перенести за Эльбу свою собственную границу? Если онъ приведетъ въ исполненіе и этотъ смѣлый планъ, т. е., захватитъ и ганзейское побережье, тогда въ теченіе трехъ мѣсяцевъ онъ сократитъ на половину отдѣлявшее его отъ Россіи разстояніе и доведетъ опасенія Александра до крайнихъ предѣловъ.

Онъ медлитъ еще съ выполненіемъ своего плана; онъ не рѣшаетъ участи ганзейскихъ провинцій и на нѣкоторое время откладываетъ окончательное ихъ присоединеніе къ своей имперіи. Онъ даже не прочь намѣтить около рѣки Эмсъ конечную черту своей границы [2]), и заботится только о болѣе строгомъ выполненіи своихъ декретовъ на нѣмецкомъ побережьѣ. Онъ мало-по-малу переводитъ изъ Эмдена въ Любекъ три дивизіи Даву, ставитъ ихъ въ три ряда лицомъ къ берегу, употребляетъ ихъ для таможенной и полицейской службы, предписы-

---

[1]) Письмо, опубликованное принцемъ Наполеономъ въ его сочиненіи Napoléon et ses détracteurs, 238--245.

[2]) Corresp., 16853.

ваетъ мѣры надзора и захвата англійскихъ судовъ и, такимъ образомъ, доводитъ до береговъ Балтійскаго моря воздвигаемыя имъ противъ вторженія британскихъ произведеній преграды.

Англійская торговля, лишенная сбыта въ Голландіи, стѣсненная въ Сѣверномъ морѣ, переносится подъ нейтральнымъ флагомъ въ Балтійское. Теперь Наполеону нужно изгнать ее съ береговъ Балтики. Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ нашъ врагъ двигается по морю къ сѣверо-востоку, Наполеонъ слѣдомъ за нимъ идетъ по берегу, всюду преграждая ему доступъ на сушу. Въ іюлѣ онъ предписываетъ Даніи, Пруссіи и Мекленбургу не пускать къ себѣ кораблей, нагруженныхъ колоніальными товарами [1]). Вскорѣ послѣ этого, декретами отъ 5 августа и 11 сентября 1810 г., онъ облагаетъ колоніальные товары громадной пошлиной въ пятьдесятъ процентовъ и заставляетъ всѣ нѣмецкія государства принять его декреты. Въ принципѣ этотъ налогъ долженъ примѣняться только къ товарамъ захваченныхъ въ морѣ нейтральныхъ судовъ; на-дѣлѣ же онъ примѣняется и къ товарамъ, по необходимости допущеннымъ къ ввозу, если нельзя съ точностью доказать ихъ англійское происхожденіе; но, если это доказано, они подлежатъ уничтоженію. Этотъ режимъ имѣлъ цѣлью обогатить государственную казну за счетъ контрабанды и вмѣстѣ съ тѣмъ служилъ средствомъ преслѣдованія внутри государствъ товаровъ, пробившихся за черту блокады и сложенныхъ на континентѣ, дабы если и допускать ихъ обращеніе и сбытъ, то только по цѣнамъ, разорительнымъ для Англіи [2]). Съ этого времени Наполеонъ требуетъ, чтобы всѣ рынки въ Германіи и Швейцаріи подвергались осмотру, чтобы кладовыя обыскивались, чтобы недозволенные товары забирались и уничтожались цѣликомъ. Подчинивъ своихъ собственныхъ подданныхъ безпримѣрному фискальному закону, онъ предлагаетъ и предписываетъ его, какъ образецъ, леннымъ государствамъ. Императоръ все болѣе злоупотребляетъ своей властью надъ порабощенными народами въ наиболѣе мучительныхъ ея формахъ. Онъ держитъ ихъ подъ замкомъ, стѣсняетъ свободу ихъ движеній, опутываетъ удушливой сѣтью предписаній и запретовъ, и подъ гнетомъ давящей ее безчеловѣчной ма-

---

[1]) Id., 16713.

[2]) О примѣненіи и строѣ этой системы см. Thiers'a XII, 182—190.

шины Европа изнемогаетъ отъ недостатка воздуха; она силится вздохнуть и не можетъ.

По отношенію къ иностраннымъ государствамъ новые декреты поддерживали во всей строгости принципъ закрытыхъ гаваней. Эти декреты не касались прежнихъ попустительствъ, но не допускали таковыхъ въ будущемъ. Правда, Наполеонъ сознавалъ, что не въ силахъ вполнѣ помѣшать контрабандѣ, тѣмъ не менѣе, онъ безжалостно преслѣдовалъ ее всюду, гдѣ могъ до нея добраться. Но въ то время, когда онъ думалъ, что окружилъ непрерывной, непроницаемой линіей моря Сѣверное и прилегающую къ Германіи часть Балтійскаго, онъ замѣчаетъ, что англійскіе продукты просачиваются сквозь едва-замѣтную скважину, что наноситъ вредъ всей экономической системѣ. Дѣло въ томъ, что между Пруссіей и Мекленбургскими герцогствами во владѣніи шведовъ оставалась еще небольшая часть Помераніи, въ видѣ узкой полосы земли на побережьѣ. Это было все, что сохранили шведы отъ своихъ громадныхъ владѣній въ Германіи,— все, что осталось имъ на память отъ созданной нѣкогда Густавомъ-Адольфомъ имперіи. Когда 6 января 1810 г. Наполеонъ даровалъ имъ миръ, онъ вернулъ имъ Померанію подъ условіемъ, что они объявятъ войну англичанамъ и подчинятся всѣмъ требованіямъ блокады. Несмотря на это положительное обязательство, Померанія и ея гавань Штральзундъ остались открытыми для колоніальныхъ товаровъ. Тамъ были ихъ главное пристанище и складъ, откуда они направлялись въ сосѣднія страны. Сверхъ того, и сама Швеція сохраняла прямыя сношенія съ нашимъ врагомъ и оказывала ему неоцѣнимое содѣйствіе. Хотя бѣдный и малонаселенный Скандинавскій полуостровъ самъ по себѣ не могъ служить значительнымъ рынкомъ сбыта для запрещенныхъ товаровъ, тѣмъ не менѣе, онъ оказывалъ содѣйствіе уже тѣмъ, что принималъ ихъ въ свои гавани, главнымъ образомъ, въ Гетеборгъ. Тамъ англичанамъ разрѣшалось свозить товары на берегъ, складывать ихъ въ амбары и ждать случая, когда обслѣдованіе нѣмецкихъ береговъ укажетъ на возможность доставить ихъ на континентъ. Въ Швеціи сосредоточивалась главная дѣятельность контрабанды; тамъ она находила себѣ точку опоры и возможность безнаказанно производить набѣги на континентъ. Гетеборгъ въ Балтійскомъ морѣ оказывалъ англичанамъ тѣ же услуги, что и Гельголандъ въ Сѣверномъ, но толь-

ко въ гораздо болѣе значительныхъ размѣрахъ. Наполеонъ хочетъ закрыть это громадное складочное мѣсто, равно какъ и остальные склады въ Германіи и Помераніи, и теперь главное его вниманіе обращается на Швецію. Но Швеція граничитъ непосредственно съ Россіей. Если онъ слишкомъ открыто водворитъ свою власть въ Стокгольмѣ, тогда и на крайнемъ сѣверѣ онъ встрѣтится съ государствомъ, съ которымъ уже граничитъ герцогствомъ Варшавскимъ. Создавая точку соприкосновенія еще и на сѣверѣ, онъ удвоитъ случаи для столкновеній и раздора.

II.

Въ маѣ 1810 г. Наполеонъ обратился къ стокгольмскому правительству съ рѣшительной и угрожающей нотой. Въ ней онъ требовалъ, кромѣ объявленія войны англичанамъ, кромѣ выдачи нѣкоторыхъ французскихъ эмигрантовъ, еще и секвестра колоніальныхъ товаровъ, складываемыхъ въ Помераніи. Въ случаѣ неисполненія въ теченіе пяти дней этихъ требованій, Швеція теряла предоставленныя ей договоромъ выгоды и подвергала себя опасности разрыва и суроваго возмездія [1]).

Эти жестокія приказанія отдавались несчастному государству, на которое и такъ уже обрушилось слишкомъ много страданій, выпавшихъ на долю Европы. Вовлеченная безразсудствомъ своего короля Густава IV въ бѣдственную, стоившую ей Финляндіи войну, Швеція низложила его, избрала герцога Зюдерманландскаго и вышла изъ критическаго положенія, но только для того, чтобы попасть въ еще болѣе безвыходное положеніе. Въ настоящее время ей предстояло выбрать одну изъ двухъ враждующихъ между собой сторонъ, при чемъ и та, и другая были необходимы для ея существованія, и ни той, ни другой она не могла поступиться.

Инстинктивно, въ силу традиціи, она склонялась на сторону Франціи, понимая, что ей выгодно сойтись снова со старой союзницей, выгодно примкнуть къ ней. Покровительство Наполеона казалось ей необходимымъ; безъ него ей трудно было противостоять Россіи, водворившейся непосредственно противъ ея столицы, а тѣмъ болѣе возстановить прежнее политическое значеніе. Но

[1]) Corresp., 16476. Archives des affaires étrangères, Suède, 294.

первой необходимостью народа, даже прежде заботъ о мѣрахъ безопасности и величія государства, является потребность жить, иначе говоря, вопросъ о хлѣбѣ насущномъ, объ удовлетвореніи ежедневныхъ потребностей. Разрывъ съ Англіей ставилъ Швецію буквально въ невозможность прокормиться. Торговля съ Великобританіей сдѣлалась нормальной и существенной функціей ея жизни. Только эта торговля позволяла скандинавцамъ повысить доходность ихъ естественныхъ богатствъ, давала средства разрабатывать лѣса и рудники, открывала постоянный рынокъ для сбыта строевого лѣса, желѣза и стали. Въ обмѣнъ на эти произведенія Англія доставляла своимъ сѣвернымъ данникамъ бо́льшую часть необходимыхъ для питанія продуктовъ, предметы первой необходимости, напримѣръ, соль, которой Швеція не имѣла и которую не умѣла выдѣлывать самостоятельно. Полное прекращеніе сношеній съ Англіей подвергло бы ее невыносимымъ лишеніямъ. Поэтому ей приходилось хитрить и лавировать между Наполеономъ, который могъ сокрушить или, по меньшей мѣрѣ, предать ее русскимъ, и Англіей, въ распоряженіи которой были средства морить ее голодомъ. Она вынуждена была давать обѣщанія Наполеону и постоянно нарушать ихъ ради Англіи.

Къ мучительнымъ тревогамъ, причиняемымъ этимъ положеніемъ, присоединились затрудненія и опасности надвигавшейся революціи. Страсти по-прежнему волновали страну; партіи работали, не покладая рукъ, и не мирились съ создавшимся положеніемъ, а, между тѣмъ, не было никого, кто могъ бы сдерживать и направлять ихъ. Царствовавшій въ это время король, Карлъ XIII, избранный сначала регентомъ, а затѣмъ, — по устраненіи отъ престола его племянника Густава IV съ потомствомъ, —вступившій на престолъ, былъ старъ, немощенъ и не имѣлъ дѣтей. Королева была не популярна и пользовалась дурной славой. Ее подозрѣвали въ самыхъ низменныхъ интригахъ. Нужно сказать, что и старшая линія Ваза не лишилась своихъ приверженцевъ. Антиправительственныя партіи обвиняли представителей дворянства въ потворствѣ русскимъ и натравливали на нихъ буйную демагогію, которая придавала своимъ разрушительнымъ тенденціямъ окраску восторженнаго патріотизма.

Среди такого смятенія и опасностей, Швеція стремилась,— правда, безъ надежды на успѣхъ,—создать такое положеніе, при

которомъ она могла бы привести въ порядокъ свои дѣла и возстановить пошатнувшуюся судьбу своего народа. Ея главной заботой было возстановить свою династію, создать королевскій родъ, который, по смерти Карла XIII, могъ бы наслѣдовать младшей линіи Ваза и привить жизненную вѣтвь къ этому изсохшему стволу. 14 іюня 1809 г. сеймъ избралъ наслѣдникомъ престола Карла-Августа Августенбурга, зятя датскаго короля. Самъ по себѣ этотъ принцъ не обладалъ никакими качествами, способными плѣнять людей и увлекать сердца [1]); и, все-таки, Швеція видѣла въ немъ надежду на болѣе вѣрное обезпеченіе своей судьбы, залогъ національной независимости. Этого было для нея вполнѣ достаточно, чтобы окружить его заботой и уваженіемъ. И въ это-то время, когда всѣ бѣды готовы были обрушиться на несчастныхъ шведовъ, когда Наполеонъ особенно настаивалъ на выполненіи своихъ требованій, надъ Швеціей неожиданно разражается громовой ударъ. 28 мая 1810 г., во время смотра, принцъ Августенбургъ внезапно почувствовалъ себя дурно, упалъ съ лошади и тутъ же скончался. Эта смерть, слишкомъ внезапная, чтобы удрученный горемъ народъ могъ приписать ее естественнымъ причинамъ, снова ставила въ неопредѣленное положеніе будущее Швеціи и отдавала ее на жертву всевозможнымъ случайностямъ.

Приходилось приступить къ избранію новаго наслѣдника престола. Для этого нужно было собрать сословныхъ представителей, созвать сеймъ, т. е., предоставить открытое поле соперничеству и безпорядкамъ. Во время этой неурядицы правительство осѣнила мысль, что само Провидѣніе позаботилось приготовить ему средство сократить и, по возможности, упростить переходное время. У оплакиваемаго принца былъ братъ. Естественно было думать, что, если призвать этого молодого человѣка занять мѣсто умершаго и направить на него избирательные голоса сейма, все могло бы свестись къ замѣнѣ одного лица другимъ изъ той же семьи, и можно было разсчитывать сразу же

[1]) „Наслѣдникъ престола,—пишетъ нашъ повѣренный въ дѣлахъ въ Стокгольмѣ,—отъ природы человѣкъ серьезный и разсудительный; чтобы понравиться онъ не прибѣгаетъ къ ничтожнымъ средствамъ, которымъ шведы придаютъ такое большое значеніе. Онъ не говоритъ любезностей женщинамъ, не откровененъ съ мужчинами и почти никогда не улыбается; словомъ, онъ не приноситъ жертвъ богинямъ Граціи, но посвящаетъ свою жизнь наукамъ“. 11 мая 1810 г, Archives des affaires étrangères.

оборвать интриги, которыя стали сказываться уже повсюду. Правда, король и его совѣтники допускали это рѣшеніе только съ одной важной оговоркой. Подъ гнетомъ возраставшихъ бѣдствій, Швеція пришла къ убѣжденію, что ей слѣдуетъ снова завоевать благосклонность Наполеона, что слѣдуетъ обратиться къ нему за совѣтомъ и заручиться его покровительствомъ. Она спрашивала себя, не отнесется ли императоръ къ ней съ бóльшимъ участіемъ, если она обратится къ нему съ просьбой устроить ея судьбу и одобрить и заранѣе утвердить выборъ будущаго короля? Она думала, что, можетъ быть, умилостивленный такимъ изъявленіемъ покорности и почета, удовлетворенный ея готовностью слѣдовать его указаніямъ, Наполеонъ согласится смягчить свои экономическія требованія; что, можетъ быть, онъ приметъ во вниманіе интересы и страданія народа, жаждущаго отдать себя въ его распоряженіе и просящаго у него только немного терпѣнія и снисходительности. Отдавшись этой надеждѣ, шведское правительство отложило всякое окончательное рѣшеніе до тѣхъ поръ, пока не получитъ изъ Парижа совѣта, или, вѣрнѣе, предписанія. 2 іюня, въ то время, когда кабинетъ въ принципѣ соглашался на всѣ требованія французской ноты, король написалъ императору слезное письмо. Въ немъ онъ особенно подчеркивалъ удручающія его старость несчастья, и, указавъ на свои симпатіи, намекнувъ на второго принца Августенбурга, въ довольно ясныхъ выраженіяхъ просилъ Наполеона принять благосклонно этого кандидата и признать его наслѣдникомъ престола [1]).

Наполеонъ узналъ о смерти наслѣднаго принца еще до полученія этого письма. Для него не было существенно важно избраніе наслѣдникомъ опредѣленнаго лица. Онъ просто желалъ, чтобы въ Швеціи установилась власть настолько сильная, чтобы, съ одной стороны, заставить націю порвать съ Англіей, а съ другой, не подпасть подъ вліяніе и опеку Россіи. Молва приписывала петербургскому кабинету намѣреніе выставить въ числѣ претендентовъ принца Ольденбургскаго, родственника дома Романовыхъ. Наполеонъ не считалъ возможнымъ согласиться на этотъ выборъ, но, съ другой стороны, рѣшилъ не оказывать покровительства кандидату, который могъ быть непріятенъ царю. Онъ всегда ду-

[1]) Archives des affaires étrangères, Suède, 294.

малъ, что наиболѣе разумнымъ средствомъ поддержать Швецію было—сблизить ее съ Даніей, которая, будучи другомъ Франціи, не была врагомъ Россіи; дать Швеціи возможность опереться на владѣвшее въ то время Норвегіей Датское королевство, сгруппировать вокругъ Балтійскаго моря ихъ боевыя силы и создать нѣчто въ родѣ скандинавской федераціи. Выборъ покойнаго принца ему нравился, ибо онъ доказывалъ стремленіе шведовъ вступить на этотъ путь. Въ настоящее время онъ задавался вопросомъ, не наступилъ ли удобный моментъ предпринять рѣшительный шагъ, и теперь же подготовить не только самыя тѣсныя отношенія между обоими правительствами, но и сліяніе коронъ? Для достиженія этой цѣли достаточно было бы предоставить права внезапно открывшагося въ Стокгольмѣ наслѣдія, вмѣсто датскаго принца, самому королю Даніи, Фридриху VI, и возвести на шведскій престолъ царствовавшаго въ Копенгагенѣ монарха. Когда Наполеонъ въ первый разъ подумалъ о возможныхъ кандидатахъ, онъ какъ-будто и склонялся въ пользу этой развязки. По крайней мѣрѣ на это указываетъ появившаяся 17 іюня въ офиціозномъ *Journal de l'Empire* статья. Въ ней—въ нѣсколькихъ строкахъ, достаточно ясныхъ, чтобы поставить въ извѣстность о желаніи императора, иначе говоря, направить общественное мнѣніе,—вниманіе шведовъ обращалось на датскаго короля.

Нѣсколько дней спустя въ Парижъ прибыло письмо Карла XIII. Кандидатура, представленная на благоусмотрѣніе императора, не отличалась существенно отъ кандидатуры, сразу же завоевавшей его симпатіи. Она вела къ той же цѣли, правда, менѣе прямымъ путемъ. Не подготовляя сліянія коронъ, она создавала связь между Швеціей и Даніей. За ней было даже нѣкоторое преимущество, ибо Россія легко могла согласиться на нее, тогда какъ возможность полнаго сліянія скандинавскихъ государствъ, вѣроятно, встревожила бы ее. Наполеонъ перестал думать о датскомъ королѣ и охотно присоединился къ выбору принца Августенбурга. Принявъ за правило не вмѣшиваться непосредственно въ дѣла Швеціи, онъ не высказалъ своего согласія въ точныхъ выраженіяхъ, но въ своемъ отвѣтномъ письмѣ королю отъ 24 іюня вставилъ слѣдующую фразу: «Я получилъ письмо Вашего Величества отъ 2 іюня. Принимая искреннее участіе въ вашемъ горѣ, я глубоко огорченъ затрудненіями, въ

какія поставило васъ это новое обстоятельство. Я испыталъ нѣкоторое удовлетвореніе, увидя по вашему письму, что Провидѣніе указало вамъ средство выйти изъ затрудненій... Проектъ возобновить связь Швеціи съ Даніей, очевидно, представляетъ особыя выгоды для вашей страны» [1]).

Нашей дипломатіи поручено было разъяснить эти не вполнѣ ясныя выраженія. Со времени заключенія мира Франція держала въ Стокгольмѣ простого повѣреннаго въ дѣлахъ, и, хотя императоръ и назначилъ посланникомъ въ Стокгольмъ барона Алькіера, онъ приказалъ ему оставаться въ Парижѣ до тѣхъ поръ, пока Швеція не исполнитъ всѣхъ нашихъ требованій относительно блокады. 24 іюня императоръ посылаетъ Алькіеру приказаніе уѣхать на другой же день въ Стокгольмъ и немедленно вступить въ должность. «Въ видѣ инструкціи,—пишетъ онъ Шампаньи,—вы дадите ему предписаніе горячо поддерживать датскаго принца, но не компрометируя меня». (Подъ словомъ «датскаго принца» онъ разумѣлъ принца Августенбурга, состоявшаго въ родствѣ съ датской династіей [2]). Словомъ, онъ остановился на мысли принять дѣятельное, хотя и осторожное участіе въ пользу наипростѣйшаго, самаго правильнаго и естественнаго рѣшенія, которое должно было обезпечить будущее Швеціи, не причиняя безпокойства Россіи.

Письмо къ шведскому королю было отправлено на другой день, 25-го. Алькіеръ спѣшно готовился къ отъѣзду. Все налаживалось въ пользу принца Августенбурга, и, безъ сомнѣнія, императоръ былъ бы крайне удивленъ, если бы узналъ, что, въ эти же часы, безъ его вѣдома, въ самомъ Парижѣ, у маршала,—зятя короля Жозефа,—замышлялся совершенно иной планъ. За нѣсколько дней до этого пріѣхалъ въ Парижъ молодой шведскій офицеръ, поручикъ Мёрнеръ. У него не было никакихъ порученій отъ его правительства. Онъ не былъ даже представителемъ партіи, а только извѣстной группы людей. Небольшой кружокъ друзей далъ ему порученіе найти для Швеціи наслѣдника. Нѣсколько военныхъ и профессоровъ Упсальскаго

[1]) Corresp., 16588.

[2]) Это ясно видно изъ инструкціи, адресованной въ то же время и нашему посольству въ Копенгагенѣ, дабы побудить его съ своей стороны поддержать кандидата, предложеннаго шведскимъ королемъ. Archives des affaires étrangères, Danemark, 183. Corresp., 16585.

университета, всей душой отдавшихся возрожденію своей родины, страстныхъ поклонниковъ Франціи и ея арміи, возымѣли мысль возстановить силы Швеціи у источника воинскихъ доблестей и героизма. Имъ пришло въ голову поискать наслѣдника и будущаго короля въ императорскомъ главномъ штабѣ и съ этой цѣлью обратиться къ одному изъ маршаловъ Наполеона.

Естественно, что изъ группы маршаловъ ихъ выборъ палъ на единственнаго человѣка, котораго Швеція знала не только по имени. Во время кампаніи 1807 г. Бернадотъ, принцъ Понте-Корво, сражался со шведами въ Помераніи. Онъ держался какъ любезный противникъ и великодушный побѣдитель. Позднѣе, въ 1808 г., когда русскіе напали на Финляндію, ему было поручено произвести высадку въ Сканію. Воспользовавшись неопредѣленностью инструкцій, онъ не посягнулъ на шведскую территорію. Онъ предпочелъ щадить старыхъ союзниковъ Франціи, не пріобрѣтая за ихъ счетъ военной славы, и его бездѣйствіе, вызвавшее въ Петербургѣ большое неудовольствіе, положило начало его популярности въ Швеціи. Его-то, главнымъ образомъ, и имѣли въ виду Мёрнеръ и его друзья. Молодой поручикъ съ безразсудной, свойственной его годамъ, самонадѣянностью вызвался позондировать въ Парижѣ почву, и взялъ на себя предложить маршалу новое поприще дѣятельности, испросить согласіе французскаго правительства и убѣдить Бернадота и Наполеона [1]).

Въ Парижѣ Мёрнеръ открылся сначала какому-то пріятелю, географу Латапи, человѣку мало кому извѣстному, занимавшему скромную должность въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Просмотрѣвъ вмѣстѣ списокъ маршаловъ и подвергнувъ его тщательной критикѣ, Мёрнеръ и Латапи вынесли твердое убѣжденіе, что изъ всѣхъ знаменитостей только одинъ Бернадотъ отвѣчалъ требуемымъ условіямъ, ибо, будучи участникомъ славы Наполеона, не былъ слѣпымъ поклонникомъ его политики.

---

[1]) Mémoires inédits de M. de Suremain, aide de camp du roi de Suède, cités par le baron Ernouf, dans un article intitulé: Comment Bernadotte devint roi de Suède. Revue contemporaine, mars et avril 1868, 237—269. A. Geffroy, Des intérêts du Nord scandinave dans la guerre d'Orient, élection de Bernadotte. Revue des Deux Mondes du 15 septembre 1855, 1269—1296.

Самымъ труднымъ дѣломъ было заставить повѣрить въ дѣйствительное существованіе, а тѣмъ болѣе въ важное значеніе партіи, существовавшей только въ воображеніи нѣсколькихъ человѣкъ, «увлекавшихся воинственнымъ энтузіазмомъ» [1]). Такъ какъ въ Швеціи такой партіи не существовало, рѣшено было создать ее въ Парижѣ. Мёрнеръ привлекъ къ своему плану шведскаго консула, Сигнеля, затѣмъ графа Вреде, человѣка съ громкимъ именемъ и высокимъ положеніемъ, посланнаго шведскимъ правительствомъ для принесенія поздравленій императору по случаю брака. 25 іюня Вреде взялся повидать Бернадота и сдѣлать ему первыя предложенія.

Мечтой Бернадота было царствовать. Сначала онъ прикинулся, какъ заведено и полагается въ подобныхъ случаяхъ, что нисколько не интересуется этимъ дѣломъ; но затѣмъ сдался на убѣжденія, что безъ него гибель Швеціи неминуема. Нѣсколько часовъ спустя онъ былъ у императора. Онъ сказалъ ему, что могущественная партія обратилась къ нему съ предложеніями и просилъ позволенія выступить кандидатомъ на выборахъ въ сеймѣ [2]).

Сперва императоръ выслушалъ его съ нѣкоторымъ недовѣріемъ: слишкомъ трудно было взглянуть серьезно на эту неожиданную кандидатуру. Но когда онъ услышалъ тѣ же рѣчи отъ нѣкоторыхъ изъ своихъ приближенныхъ, содѣйствіемъ которыхъ заручились находящіеся въ Парижѣ шведы, онъ отнесся къ ихъ просьбѣ съ бо̀льшимъ вниманіемъ. Вмѣстѣ съ кандидатурой Бернадота возникалъ и новый вопросъ. Слѣдовало ли рѣшительно отклонить ее или же воспользоваться ею? Императоръ не допускалъ и мысли объ открытой, или даже тайной поддержкѣ принца Понте-Корво. У него не было ни малѣйшаго желанія раздражать русскихъ и выводить ихъ изъ терпѣнія, что неминуемо случилось бы, если бы онъ собственной властью водворилъ по сосѣдству съ Россіей не только французское вліяніе, но, въ лицѣ ея маршала, самое Францію. Однако, покончивъ съ вопросомъ не оказывать ни явной, ни тайной поддержки Бернадоту, онъ спрашиваетъ себя, какъ же ему дер-

---

[1]) Письмо Сюремена нашему повѣренному въ дѣлахъ. Archives des affaires étrangères. Suède, 294.

[2]) Geffroy, 1285—88. Ernouf, 254—255.

жаться дальше. Запретить ли Бернадоту выставить свою кандидатуру, или же, не покровительствуя, но и не мѣшая ему, предоставить ему дѣйствовать и попытать счастья на свой страхъ? Въ каждомъ изъ этихъ рѣшеній онъ видѣлъ выгоды и затрудненія, и, по мѣрѣ обсужденія, и тѣ, и другія выступали все болѣе [1]).

У него были принципіальныя возраженія противъ избранія кого-либо изъ маршаловъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ увѣрился, что путемъ брака создалъ самому себѣ законное право на наслѣдственность, онъ потерялъ всякую охоту размножать королей изъ своихъ подчиненныхъ и выступилъ въ качествѣ строгаго охранителя наслѣдственнаго права. Кромѣ того, онъ боялся, какъ бы, позволивъ подняться до столь необычайной высоты одному изъ своихъ боевыхъ товарищей, уже достигшему вершины военной іерархіи, не возбудить въ другихъ идей независимости и маніи величія, которыя и безъ того уже сказывались у нѣкоторыхъ изъ нихъ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на всю основательность и важность этихъ соображеній, онъ думалъ, что, можетъ быть, въ силу обстоятельствъ, слѣдуетъ поступиться этими соображеніями ради высшей пользы, т. е., ради того, чтобы дать Швеціи возможность тѣснѣе сблизиться съ нами. Онъ думалъ, что черезъ избраннаго ею изъ среды французовъ вождя ему несомнѣнно гораздо легче будетъ оказать на нее давленіе и отвлечь отъ Англіи. Съ другой стороны, если намъ когда-нибудь придется сражаться съ русскими, Швеція тотчасъ же сдѣлается намъ полезной и въ другомъ отношеніи. Она должна будетъ напасть на врага съ фланга и затруднить и парализовать его движенія. Императоръ думалъ, что можно будетъ лучше руководить этой диверсіей, что она будетъ болѣе производительной, что ударъ будетъ вѣрнѣе, если во-главѣ шведовъ будетъ стоять маршалъ имперіи, воспитанный въ его школѣ, получившій боевое крещеніе въ большой войнѣ; что такой вождь вернетъ шведамъ увѣренность въ самихъ себя, пріучитъ къ дисциплинѣ ихъ храбрыя, но плохо руководимыя войска и снова выучитъ ихъ одерживать побѣды.

Правда, всѣ эти выгоды могли встрѣтить въ самой личности

[1]) Различныя стороны разсматриваемаго имъ вопроса выступаютъ въ его бесѣдахъ съ Меттернихомъ. См. Мемуары этого государственнаго человѣка. II, 365—367; 388—392.

избираемаго маршала, принца Понте-Корво, весьма серьезныя препятствія. Наполеонъ слишкомъ давно и слишкомъ хорошо зналъ Бернадота, чтобы полагаться на его характеръ или его вѣрность. Онъ цѣнилъ его военныя способности, но никогда не любилъ его. Ни при какихъ обстоятельствахъ не встрѣчалъ онъ въ немъ того сердечнаго порыва, той страстной преданности, какую видѣлъ и цѣнилъ въ другихъ маршалахъ. Онъ ставилъ ему въ упрекъ присущія ему скрытность и неискренность, проявлявшіяся во многихъ случаяхъ; его резонерскій и неподатливый умъ, нравъ, склонный къ оппозиціи,—словомъ, все, что онъ разумѣлъ подъ родовымъ понятіемъ «якобинство». Осыпавъ Бернадота милостями и деньгами, онъ не пріобрѣлъ его преданности и не разъ вынужденъ былъ обуздывать его непокорный нравъ. Со времени Ваграма онъ держалъ его въ полу-немилости, что́, конечно, не могло ослабить затаенной вражды злопамятнаго маршала. Было вполнѣ возможно, что Бернадотъ не сдѣлается послушнымъ слугой его воли. Наполеонъ настолько не довѣрялъ ему, что одно время мечталъ о другомъ французскомъ кандидатѣ и думалъ предложить шведамъ, просившимъ у него Бернадота, принца Евгенія. Но Евгеній отказался, не желая мѣнять вѣры—условіе, необходимое для занятія престола въ Стокгольмѣ. Пришлось вернуться къ принцу Понте-Корво, который въ этомъ отношеніи мало стѣснялся [1]).

Впрочемъ, хотя Наполеонъ и не закрывалъ глазъ на возраженія, которыя являлись по поводу выбора Бернадота, онъ не считалъ ихъ неопровержимыми. Онъ отвѣтилъ на нихъ двумя одинаково ошибочными разсужденіями, которыя не могли не привести его къ одной изъ самыхъ роковыхъ ошибокъ. Допуская возможность измѣны со стороны Бернадота, онъ думалъ что это не произойдетъ такъ скоро; что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторое время, принцъ будетъ идти по инерціи, что нѣкоторое время онъ будетъ повиноваться лозунгу родины, который гласилъ — вести съ Англіей безпощадную войну. Императоръ думалъ, что для того, чтобы сломить уже пошатнувшееся, вслѣдствіе цѣлаго ряда нападеній, мужество нашего врага, чтобы подчинить его нашей волѣ, быть можетъ, достаточно будетъ нанести ему на Сѣверѣ неожиданный, быстрый ударъ и

---

[1]) Mémoires de Suremain, d'après Ernouf, 260.

хотя временно закрыть ему доступъ въ Швецію. Что же касается Россіи, то Наполеонъ не сомнѣвался, что уже одинъ слухъ о разрывѣ между Россіей и Франціей вызоветъ у шведовъ воинственное настроеніе. Для нихъ русскіе были наслѣдственными, традиціонными врагами. Потеря Финляндіи была вѣчной кровоточащей раной въ ихъ сердцахъ. Конечно, они не устоятъ противъ представившагося имъ случая возвратить Финляндію и нападутъ на Россію въ тотъ моментъ, когда начнется война между ней и Франціей, и, если даже предположить, что Бернадотъ сталъ бы колебаться, сталъ бы руководствоваться эгоистическими соображеніями и тайными разсчетами, народъ увлечетъ его за собой и заставитъ вмѣшаться въ дѣло. Швеція будетъ болѣе французской, чѣмъ ея французъ-король, будетъ болѣе воинственной, чѣмъ избранный ею военачальникъ. Его народъ самъ схватится за оружіе и займетъ мѣсто рядомъ съ нами. При нежеланіи правительства народъ самъ рѣшитъ начать войну, самъ выступитъ мстителемъ, а Бернадоту, съ его опытомъ и талантами, останется только съ успѣхомъ руководить ею.

Конечно, избраніе Бернадота будетъ имѣть, по меньшей мѣрѣ, то существенное неудобство, что сдѣлаетъ болѣе вѣрнымъ, болѣе неизбѣжнымъ разрывъ съ Россіей, приближеніе котораго Наполеонъ ясно чувствуетъ, но котораго онъ все еще не желаетъ. Какъ бы ни старался Наполеонъ не дать замѣтить своей руки въ томъ, что имѣетъ совершиться, трудно допустить,— даже въ томъ случаѣ, если бы онъ на самомъ дѣлѣ вполнѣ устранился отъ вліянія на выборы наслѣднаго принца,—чтобы Россія не содрогнулась при видѣ, какъ маршалъ французской имперіи прочно водворяется на ея границахъ и располагается противъ Петербурга во-главѣ враждебнаго ей народа. Правда, ея тревога не будетъ такъ сильна, если императоръ, не вмѣшиваясь лично, предоставитъ дѣйствовать другимъ. Но, во всякомъ случаѣ, она забьетъ тревогу, и союзъ, или, вѣрнѣе, то, что осталось отъ него, едва ли переживетъ это новое испытаніе. На этотъ счетъ Наполеонъ ничуть не заблуждался. Къ несчастью, онъ началъ смотрѣть на будущее съ непростительнымъ фатализмомъ. Видя, что Александръ съ каждымъ днемъ ускользаетъ отъ него, онъ думалъ, что ихъ дружба могла кончиться, уступивъ мѣсто только войнѣ; что непреодолимая сила толкаетъ обѣ имперіи другъ противъ друга, и уже недалеко то время, когда онъ скажетъ:

«У меня будетъ война съ Россіей по причинамъ, независящимъ отъ человѣческой воли, такъ какъ корень ихъ лежитъ въ самой природѣ вещей»[1]). Убѣжденный, что война, если ужъ ей суждено быть, вспыхнетъ по причинамъ, стоящимъ внѣ человѣческой воли, онъ не считаетъ нужнымъ противиться событію, которое, несомнѣнно, ускоритъ войну, но которое зато дастъ ему возможность вести ее при болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Онъ не принадлежитъ къ разряду людей, которые пренебрегаютъ попавшимся въ ихъ руки оружіемъ; онъ хватался за него даже тогда, когда въ немъ не было увѣренности, что ему придется воспользоваться имъ. Поэтому, взвѣсивъ все, онъ рѣшаетъ не запрещать Бернадоту выступить кандидатомъ. Такое рѣшеніе не доставляетъ ему удовольствія, ибо по правдѣ говоря, онъ не знаетъ, чтó ему слѣдуетъ предпочесть; тѣмъ болѣе, что онъ съ большимъ недовѣріемъ относится къ шансамъ маршала. Онъ рѣшаетъ, что не окажетъ ему никакой поддержки, ни матеріальной, ни моральной; что не будетъ обращать вниманія на Швецію, предоставитъ ее самой себѣ, ея собственному вдохновенію. Пусть она сама устраиваетъ свою судьбу и вліяетъ на судьбы Европы. Единственный разъ въ теченіе своей карьеры, онъ отдается во власть событій; онъ не хочетъ не только дѣйствовать, но даже желать, какъ-будто увлекавшія его событія настолько превышали всѣ человѣческіе разсчеты, что даже его геній не могъ совладать съ ними. Вопросъ, который можетъ серьезно повредить его отношеніямъ съ Россіей, онъ предоставляетъ на произволъ судьбы и ввѣряется слѣпому Провидѣнію. Въ игрѣ, въ которой и онъ косвеннымъ образомъ принимаетъ участіе, онъ ставитъ свои отношенія къ Россіи на чисто-случайную карту. Онъ предоставляетъ дѣлу случая, результату народнаго избранія, вѣтру, который подуетъ въ шведскомъ сеймѣ, право рѣшить, долженъ ли онъ вести войну съ Россіей или нѣтъ.

Какъ примирить это новое настроеніе, это рѣшеніе ничего не предпринимать съ шагами, которые онъ велѣлъ сдѣлать въ пользу принца Августенбурга—съ письмомъ, адресованнымъ королю, съ миссіей, ввѣренной барону Алькіеру? Письмо было отправлено, но вѣдь оно должно пріобрѣсти значеніе только при

[1]) Mémoires de Metternich. II. 109.

извѣстномъ толкованіи, дать которое поручено было Алькіеру. Алькіеръ же не успѣлъ еще уѣхать изъ Парижа. Онъ немедленно получаетъ приказаніе остаться. Такимъ образомъ, во время сессіи сейма у императора не будетъ въ Швеціи посланника. Онъ добровольно держитъ свою дипломатію внѣ мѣста дѣйствія и лишаетъ себя даже возможности вмѣшаться въ дѣло. Но, чтобы вернуться къ положенію безусловной бездѣятельности, ему пришлось прекратить уже начатое дѣло, отдернуть простертую руку, и это попятное движеніе, которымъ онъ предоставляетъ Бернадоту свободу дѣйствій, точно опредѣляетъ его долю отвѣтственности въ послѣдующихъ событіяхъ.

III.

Для партіи, которая всю свою надежду возлагала на имя Наполеона на его поддержку, одного нейтралитета императора, безъ всякаго поощренія было слишкомъ мало. Бернадотъ же былъ доволенъ и этимъ. Онъ уѣхалъ изъ Парижа въ свое имѣніе Ла-Гранжъ и спокойно проживалъ тамъ, поручивъ другимъ усиленно работать въ Стокгольмѣ. Онъ нѣсколько разъ писалъ императору, но ограничивался тѣмъ, что сообщалъ ему новости, держалъ его въ курсѣ дѣла и не просилъ отвѣта на свои письма [1]). Но Вреде, Мёрнеръ и ихъ соучастники были болѣе требовательны. Они добивались болѣе опредѣленнаго слова, какого-нибудь знака одобренія, которые послужили бы имъ залогомъ успѣха. Для того, чтобы добиться содѣйствія императора, они сочли нужнымъ посвятить въ свою тайну шведскаго посланника въ Парижѣ, барона Лагельбіельке—единственнаго человѣка, который имѣлъ право дѣйствовать офиціальнымъ путемъ и просить отвѣта. Узнавъ о странной, завязавшейся бокъ-о-бокъ съ нимъ, интригѣ, Лагельбіельке остолбенѣлъ отъ изумленія, и пришелъ въ себя только для того, чтобы погрузиться въ безконечныя размышленія. Относясь въ глубинѣ души враждебно къ Франціи, онъ не могъ одобрить желанія маршала вступить на шведскій престолъ. Съ другой стороны, ревниво оберегая свои личные интересы, онъ считалъ неблагоразумнымъ ссориться съ

[1]) Эта, состоящая изъ коротенькихъ записокъ, переписка хранится въ Archives nationales, AF, IV, 1683—85.

партіей, которой, быть можетъ, принадлежитъ будущее и которая несомнѣнно одержитъ верхъ, если только таково будетъ желаніе Наполеона. Такъ какъ онъ желалъ установить свое поведеніе съ наибольшей для себя выгодой, то съ этого времени единственной его мыслью, единственной цѣлью было узнать, заинтересованъ ли Наполеонъ въ успѣхѣ маршала, и принимаетъ ли Его Величество участіе въ этомъ дѣлѣ. Аудіенціи, которыхъ онъ добился у императора, не пролили свѣта на этотъ вопросъ; тогда онъ набросился на министра иностранныхъ дѣлъ и сталъ повсюду преслѣдовать Шампаньи—въ министерствѣ, въ свѣтѣ, на балахъ. 1 іюля, на балу въ австрійскомъ посольствѣ, закончившемся такъ трагически, онъ протолкался сквозь толпу приглашенныхъ до герцога Кадорскаго. Онъ употреблялъ всѣ усилія заставить того высказаться, но получалъ только уклончивые отвѣты. «Мы предоставили дѣла ихъ теченію... Я нахожусь въ полномъ невѣдѣніи относительно мнѣнія императора...»—говорилъ герцогъ и тотчасъ же «отворачивался отъ него, отвѣчая на привѣтствія или раскланиваясь съ другими» [1]. Но шведъ не отставалъ отъ него, стараясь обратить на себя его вниманіе, какъ вдругъ поднявшійся со всѣхъ сторонъ зловѣщій крикъ: «Пожаръ!» поневолѣ заставилъ его прервать разговоръ. Лагельбіельке долженъ былъ отказаться отъ удовлетворенія своего любопытства, хотя молчаніе, которое хранили въ его присутствіи, приводило его въ отчаяніе. Онъ приписывалъ это умышленному равнодушію и пренебреженію къ Швеціи. «Насъ слишкомъ презираютъ здѣсь», печально говорилъ онъ [2]. Въ промежутокъ времени между концомъ іюня и первыми числами іюля онъ спѣшно отправилъ въ Стокгольмъ нѣсколько курьеровъ. Съ ними онъ доносилъ о непредвидѣнныхъ событіяхъ, объ образовавшейся партіи Бернадота, но не былъ въ состояніи пролить свѣта на желанія императора.

Въ періодъ описываемыхъ событій шведское правительство далеко было отъ мысли серьезно отнестись къ кандидатурѣ маршала, хотя она и начала уже пролагать себѣ дорогу въ низшихъ слояхъ народа и въ войскѣ. Но такой взглядъ прави-

---

[1] Geffroy, 1289.

[2] Секретное донесеніе министру, подписанное Фурньè. Archives des affaires étrangères, Suède, 294.

тельства ничуть не ослабилъ его горячаго желанія узнать, кого изъ конкурентовъ предпочитаетъ императоръ. Нетерпѣніе его возросло еще болѣе подъ вліяніемъ тревожныхъ симптомовъ. Въ Стокгольмѣ только-что произошелъ взрывъ дремавшихъ въ народныхъ массахъ инстинктовъ безпорядка и анархіи. 20 іюня было привезено въ столицу тѣло наслѣднаго принца. Во время похороннаго шествія изъ кортежа былъ вырванъ и звѣрски умерщвленъ разъяренной толпой фельдмаршалъ, графъ Ферзенъ, на котораго, главнымъ образомъ, падали несправедливыя подозрѣнія. Это было дѣломъ демагогіи, выступившей на сцену съ присущими ей насиліями и покушеніями. Перепуганные этимъ зрѣлищемъ Карлъ XIII и его совѣтники съ возрастающимъ безпокойствомъ обращали взоры на Наполеона. Они хотѣли видѣть въ немъ богоподобнаго спасителя своей страны,— того, чье одно слово могло укротить разыгравшіяся страсти, того, кто могъ на какомъ-нибудь одномъ лицѣ примирить разнородныя мнѣнія и снова создать нравственное единство націи. Въ душевной тревогѣ они обратились къ единственному, жившему въ Швеціи, представителю Франціи, т. е., къ скромному секретарю посольства, исполнявшему обязанности повѣреннаго въ дѣлахъ. Дезожьè—такъ звали агента—надоѣли визитами и замучили вопросами; его умоляли сказать хоть одно слово, которое было бы принято, какъ приказаніе. Швеція припадала къ стопамъ Наполеона; она просила сообщить ей его намѣренія, выражала желаніе сообразоваться съ ними и ходатайствовала только о правѣ повиноваться. «Пусть императоръ дастъ намъ одного изъ своихъ королей, и Швеція будетъ спасена» [1]), говорилъ Дезожьè старшій флигель-адъютантъ короля Сюременъ, не допускавшій и мысли, чтобы повѣренный въ дѣлахъ не былъ посвященъ въ тайну своего двора.

Однако, это было болѣе чѣмъ правда, такъ какъ Шампаньи, имѣя въ виду отрицательныя намѣренія императора, счелъ за лучшее прервать всякую переписку съ Дезожьè, предоставивъ его самому себѣ и держа его какъ бы въ одиночномъ заключеніи на его далекомъ посту. Удивленный и обиженный молчаніемъ министра, Дезожьè напрягалъ всѣ силы своего ума, чтобы уловить и разгадать мысль, которая для всѣхъ была загадкой.

[1]) Депеша, приведенная Ernouf'омъ, 257.

За неимѣніемъ точныхъ свѣдѣній, онъ вынужденъ былъ подхватывать и комментировать самые незначительные симптомы; ему приходилось прислушиваться къ малѣйшимъ слухамъ и искать въ газетахъ мнѣніе своего правительства. Въ это время ему попалась на глаза статья, появившаяся 17 іюня въ *Journal de l'Empire*. Какъ извѣстно, въ этой статьѣ, отразившей проскользнувшую въ умѣ императора мысль, говорилось въ сочувственныхъ выраженіяхъ о датскомъ королѣ. Это неопредѣленное указаніе отвѣчало личнымъ симпатіямъ Дезожьѐ. Какъ и большинство нашихъ заграничныхъ агентовъ, онъ находился подъ вліяніемъ традицій и придерживался принциповъ нашей старой политики. Онъ считалъ выгоднымъ сплотить скандинавскія государства и такимъ образомъ создать изъ нихъ преграду развивающемуся могуществу Россіи. Ободренный словами статьи офиціальной газеты, онъ вообразилъ, что, дѣйствуя въ смыслѣ своихъ личныхъ симпатій, онъ будетъ дѣйствовать сообразно видамъ своего двора. Заклинаемый обступившими его шведами высказать свое мнѣніе и дѣятельно выступить въ качествѣ представителя Франціи, онъ не былъ настолько благоразуменъ, чтобы отказаться отъ предлагаемой ему роли. Онъ далъ волю своему языку и дважды, 4-го и 5 іюля, высказался за датскаго короля и за сліяніе коронъ, выставляя эту мѣру, какъ средство защиты и борьбы противъ Россіи.

«Теперь, сказалъ онъ шведамъ, ваша страна зависитъ отъ милости русскихъ... Возможно, что скоро настанетъ конецъ нашимъ добрымъ отношеніямъ съ ними. Если вы тогда не будете сильнѣе, чѣмъ теперь, то съ Швеціей будетъ покончено: сорока тысячъ русскихъ достаточно для ея завоеванія. Если же, наоборотъ, вы соединитесь, Сѣверъ будетъ совсѣмъ инымъ. Арміи отъ восьмидесяти до ста тысячъ человѣкъ, которую соединенное королевство въ состояніи выставить противъ русскихъ, будетъ болѣе чѣмъ достаточно, чтобы сдержать ихъ. Если императоръ вынужденъ будетъ вести съ ними войну, онъ, конечно, побѣдитъ ихъ, какъ побѣдилъ и другихъ своихъ враговъ, и продиктованный имъ миръ вернетъ вамъ Финляндію, если къ тому времени вы сами не завоюете ее обратно. Кто знаетъ, не будетъ ли когда-нибудь Петербургъ зависѣть отъ Скандинавскаго королевства?»... [1])

[1]) Депеша отъ 6 іюля, приведенная M. Geffroy, 1284.

Когда Дезожьѐ позволилъ себѣ выступить съ такой рѣчью, ему трудно было придумать что-либо болѣе противорѣчащее теперешнимъ намѣреніямъ императора, ибо основнымъ желаніемъ Наполеона было поддерживать съ русскими добрыя отношенія, по крайней мѣрѣ, съ внѣшней стороны. Ради этого онъ и не хотѣлъ поддерживать Бернадота. Но, съ другой стороны, въ его виды не входило вредить маршалу и покровительствовать его конкурентамъ. И, при такихъ-то условіяхъ, нашъ повѣренный въ дѣлахъ, поддавшись зловреднѣйшему вдохновенію, вздумалъ предложить, вмѣсто кандидатуры Бернадота, другую кандидатуру, да, сверхъ того, поддержалъ ее вздорными, оскорбительными для Россіи доводами. Этотъ двойной промахъ объясняетъ гнѣвъ императора, когда онъ прочелъ депешу, въ которой Дезожьѐ съ величайшимъ простодушіемъ давалъ отчетъ въ своихъ неосторожныхъ заявленіяхъ. Грозной фразой, какъ молніей, сразилъ онъ несчастнаго повѣреннаго въ дѣлахъ: «Герцогъ Кадорскій, пишетъ онъ Шампаньи 25 іюля, не могу выразить вамъ, до какой степени возмущенъ я письмомъ господина Дезожьѐ. Не знаю, въ силу какихъ инструкцій могъ этотъ агентъ считать себя въ правѣ говорить такія нелѣпыя рѣчи. Я желаю, чтобы вы немедленно отозвали его» [1]. Выговоръ не миновалъ и министра, который былъ виновенъ въ томъ, что пересталъ руководить Дезожьѐ, и, вмѣсто того, чтобы строго-на-строго предписать ему молчаніе, далъ разыграться его воображенію.

Чтобы, насколько возможно, исправить впечатлѣніе, произведенное словами Дезожьѐ, императоръ приказалъ Алькіеру отправиться въ Стокгольмъ и на этотъ разъ уже безповоротно [2]. Уѣзжая изъ Парижа въ концѣ іюля, посланникъ могъ пріѣхать въ Швецію только въ концѣ августа, т. е., послѣ выборовъ, которые должны были состояться въ первой половинѣ августа. Слѣдовательно, онъ не могъ уже играть въ нихъ никакой роли, что вполнѣ отвѣчало желаніямъ его повелителя. Впрочемъ, ему было предписано: каковъ бы ни былъ исходъ выборовъ, высказываться въ томъ смыслѣ, что императору болѣе всего былъ бы желателенъ принцъ Августенбургъ, т. е., нейтральный, а, главное, безцвѣтный кандидатъ [3]. Выражать таковое желаніе импера-

[1] Corresp., 16712.
[2] Id.
[3] Id.

тора послѣ свершившагося факта, т. е., желаніе исключительно платоническаго характера, ибо оно не могло повліять на исходъ выборовъ, имѣло своей цѣлью обѣлить насъ въ глазахъ Россіи.

Дѣйствительно, 25 іюля въ городѣ Эребро собрался сеймъ для избранія наслѣднаго принца. Въ это время королевское правительство было поставлено въ крайне затруднительное положеніе и совершенно сбито съ толку. Слова Дезожьѐ не могли устранить его сомнѣній, такъ какъ почти въ то же время Карлъ XIII получилъ письмо отъ 24 іюня, въ которомъ императоръ, повидимому, высказывался за брата покойнаго принца. Въ виду столь противорѣчивыхъ указаній, а также вслѣдствіе того, что императоръ избѣгалъ выразить хотя бы малѣйшій знакъ сочувствія въ пользу Бернадота, стокгольмскій кабинетъ счелъ себя въ правѣ слѣдовать своимъ первоначальнымъ планамъ и постарался провести кандидатуру Августенбурга [1]). Для достиженія этого, онъ пошелъ окольными путями и съ большимъ искусствомъ повелъ выборную кампанію.

Прежде всего, онъ ополчился противъ Бернадота, кандидатура котораго начала завоевывать прочное положеніе. Благодаря демократическому происхожденію и военнымъ талантамъ маршала, его кандидатура пришлась по душѣ народнымъ массамъ, такъ какъ вполнѣ отвѣчала ихъ патріотическимъ чувствамъ. Ее привѣтствовали радостными кликами на сходкахъ и «въ кабакахъ» [2]). Но король, дворъ, «высшій свѣтъ» [3]) были сильно предубѣждены противъ сдѣлавшаго блестящую карьеру солдата и не прощали ему его революціоннаго прошлаго. Чтобы провалить его, правительство сдѣлало видъ, что присоединяется къ выбору Фридриха VI. Нужно сказать, что этотъ король, датское происхожденіе котораго было антипатично большинству шведовъ, располагалъ въ сеймѣ обширными средствами вліянія. Съ поддержкой власти его шансы въ нѣсколько дней поднялись настолько, что сторонники Бернадота, сознавая, что они останутся за флагомъ, сочли за лучшее сойти со сцены и отказаться

---

[1]) Rapport sur les événements qui ont precédé l'élection du prince royal de Suède, par M. Desaugiers: Archives des affaires étrangères, Suède, 294. Во время засѣданія сейма Дезожьѐ не зналъ, что будетъ отозванъ и не уѣхалъ еще изъ Стокгольма.

[2]) Mémoires de Suremain, d'après Ernouf, 257.

[3]) Id.

отъ борьбы. Правительство, успокоенное съ этой стороны, тотчасъ же перемѣнило позицію. Датская кандидатура была въ его рукахъ только средствомъ уронить кредитъ Бернадота. Какъ только этотъ результатъ былъ полученъ, оно начало разрушать дѣло рукъ своихъ. Оживляя дурную память, которую оставили по себѣ въ странѣ датское господство въ шестнадцатомъ столѣтіи и Кальмарскій союзъ, ему не трудно было вызвать въ обществѣ настолько сильное движеніе противъ Фридриха VI, что его успѣхъ сдѣлался немыслимъ. Датчанинъ былъ вытѣсненъ, послѣ того, какъ самъ отстранилъ француза, и, умышленно, на короткое время отодвинутая на задній планъ кандидатура принца Августенбурга выступила снова на первое мѣсто и осталась одна на очереди среди очищенной отъ конкуренціи почвы. Это и былъ тотъ результатъ, котораго, въ концѣ-концовъ, желала достичь придворная партія. Она тотчасъ же сбрасываетъ маску съ своихъ намѣреній и требуетъ резервовъ. Въ Эребро вызывается генералъ Адлерспаръ. Это былъ ветеранъ выборной борьбы, «человѣкъ, привыкшій руководить умами и направлять къ урнамъ избирательные голоса» [1]. Благодаря его вліянію, комитетъ, образовавшійся въ самомъ сеймѣ съ цѣлью подготовить рѣшеніе собранія и выборъ кандидата, высказывается за принца Августенбурга одиннадцатью голосами противъ одного, который остался вѣренъ Бернадоту. Успѣхъ конкурента, ставленника двора, былъ, повидимому, обезпеченъ. Заранѣе подготовленная развязка приближалась къ концу, какъ вдругъ, въ послѣднюю минуту возникъ и съ быстротой вспышки пороховой нити распространился и пошелъ гулять по городу удивительный слухъ. Всѣ въ одинъ голосъ твердили, что Наполеонъ заговорилъ, что онъ желаетъ—болѣе того—требуетъ избранія Бернадота и рекомендуетъ его избирателямъ.

Слухъ этотъ былъ ложный. Онъ былъ дѣломъ нѣкоего плута и самозванца. Нужно сказать, что въ то время, когда нѣсколько шведовъ экспромтомъ создали въ Парижѣ кандидатуру принца Понте-Корво, нѣкій французъ, по фамиліи Фурньè, принялъ дѣятельное участіе въ ихъ интригахъ. Бывшій купецъ по профессіи, онъ жилъ нѣкогда въ Готенбургѣ и даже занималъ тамъ мѣсто вице-консула. Затѣмъ, вслѣдствіе неудачныхъ финансо-

[1]) Донесеніе Дезожьè.

выхъ операцій, въ которыхъ потерялъ состояніе и сильно повредилъ своей репутаціи, онъ долженъ былъ оставить этотъ городъ. Такъ какъ въ торговлѣ ему не повезло, то онъ ударился въ политику, разсчитывая найти въ ней средство поправить свое состояніе. Выборы Бернадота показались ему подходящимъ дѣломъ, и онъ предался ему тѣломъ и душой. Обладая большимъ запасомъ ловкости и пронырливости, онъ сумѣлъ проскользнуть въ министерство иностранныхъ дѣлъ, и даже получилъ доступъ въ министерскій кабинетъ. Не заблуждаясь на его счетъ, герцогъ Кадорскій отнесся къ нему, какъ къ одному изъ тѣхъ людей, которые могутъ быть полезны въ закулисныхъ дѣлахъ политики.

Вскорѣ Фурньѐ сумѣлъ убѣдить министра, что Франціи выгодно будетъ имѣть соглядатая въ шведскомъ городѣ, гдѣ предстоитъ собраться сейму. Въ результатѣ, онъ получилъ разрѣшеніе отправиться въ Эребро въ качествѣ безгласнаго дѣятеля, которому дано было единственное порученіе—подсматривать, подслушивать и доносить въ Парижъ о всѣхъ перипетіяхъ выборной борьбы. Для облегченія ему въѣзда въ Швецію и выполненія его задачи, Шампаньи вручилъ ему бумагу, такъ называемый *дипломатическій паспортъ*, и простеръ свою любезность до того, что написалъ ее собственноручно. Заручившись этой бумагой, Фурньѐ немедленно пускается въ путь, конечно, не забывъ запастись порученіями и инструкціями отъ Бернадота. Немного времени спустя, Шампаньи сообразилъ, что поступилъ опрометчиво. У него явилось опасеніе, не выдалъ ли онъ ненадежному человѣку оружіе, которымъ тотъ легко могъ злоупотребить. Онъ поспѣшилъ написать въ наше посольство въ Стокгольмъ, что отрекается отъ всякой солидарности съ уволеннымъ вице-консуломъ. Къ несчастью, эта предосторожность опоздала. Пока шло письмо Шампаньи, выѣхавшій до отправки письма Фурньѐ успѣлъ высадиться въ Швеціи и пріѣхалъ въ Эребро 11 августа, за нѣсколько дней до назначеннаго для выборовъ дня.

Едва прибывъ въ Швецію, онъ тотчасъ же мѣняетъ личину и безсовѣстно искажаетъ возложенную на него роль. Изъ простого эмиссара маршала и шпіона министра онъ становится глашатаемъ воли Франціи. Его рѣчь такова: правительство императора желаетъ избранія принца Понте-Корво. Въ силу того, что высшіе инте-

ресы не позволяютъ ему открыто высказать своего желанія оно должно прибѣгнуть къ услугамъ неофиціальнаго скромнаго посредника и такимъ путемъ довести до свѣдѣнія сейма свое желаніе. Въ подтвержденіе своихъ словъ, Фурньé представляетъ свой паспортъ, обращаетъ вниманіе на почеркъ министра и пользуется этимъ, чтобы пріобрѣсти довѣріе шведовъ. Онъ привезъ съ собой и другіе документы: письмо маршала и портретъ, изображавшій «маленькаго сына Бернадота, играющаго со шпагой своего отца». Изъ находящихся въ его распоряженіи элементовъ пропаганды онъ ухитряется создать изумительныя вещи. Въ одну ночь заставляетъ онъ перепечатать письмо Бернадота въ сотняхъ экземпляровъ. Его квартира превращается въ лабораторію, откуда по его рецептамъ ежеминутно выпускаются брошюры, картинки, патріотическія пѣсни, популярные діалоги,—все это наводняетъ городъ и ходитъ по рукамъ въ сеймѣ. Въ распространяемыхъ во множествѣ пасквиляхъ дѣлается воззваніе къ народнымъ страстямъ и національной ненависти; въ нихъ побѣду на выборахъ французскаго героя стараются представить, какъ нравственное пораженіе Россіи, какъ начало эры отмщенія. Вслѣдъ за тѣмъ втягиваются въ игру всѣ четыре сословія сейма: дворянство, духовенство, горожане и крестьянство. Поддавшись впечатлѣнію искусно подобранныхъ доводовъ, каждый классъ націи вообразилъ, что Бернадотъ питаетъ къ нему исключительную любовь и будетъ заботиться о его счастьѣ. Болѣе же всего мысль, что изъ-за спины своего ставленника выступаетъ самъ Наполеонъ, что онъ прервалъ молчаніе и высказалъ свои желанія — эта мысль возбуждаетъ людей, преданныхъ Бернадоту, лишаетъ почвы его противниковъ, заставляетъ прекратить всякую оппозицію, и въ двадцать четыре часа, съ почти невѣроятной быстротой, создается теченіе, которое, все прибывая, выступаетъ изъ береговъ и уноситъ все на своемъ пути [1]).

Только престарѣлый король держался стойко. Онъ никакъ не мирился съ мыслью, что ему навязываютъ въ наслѣдники вышедшаго въ люди солдата, которому Наполеонъ для занятія трона не далъ даже первоначальной практической подготовки,

---

[1]) Mémoires de Suremain, d'après Ernouf, 263—264. Geffroy, 1291—1294. Донесеніе Дезожьè.

и никогда не довѣрялъ въ управленіе ни одного изъ своихъ государствъ. Между тѣмъ, министры, сознавая необходимость уступить теченію, отправили къ королю Сюремена, поручивъ ему переговорить съ королемъ и убѣдить его согласиться на избраніе Бернадота. Сюременъ засталъ короля усталымъ отъ безсонной ночи; на лицѣ его отражались заботы. «Теперь я положительно не знаю, кого выбрать, сказалъ онъ. Сперва я останавливался на принцѣ Августенбургѣ: онъ мой двоюродный братъ и братъ покойнаго принца. Но этотъ выборъ не можетъ состояться, вы сами возставали противъ него. А теперь они пристаютъ ко мнѣ со своимъ Бернадотомъ! Они говорятъ, что это желаніе императора. Но повѣренный императора дѣйствуетъ совсѣмъ въ иномъ духѣ. Лагельбіельке тоже ни слова не пишетъ изъ Парижа о его желаніи. Есть съ чего съ-ума сойти... Ей-Богу! Если императору желательно, чтобы я взялъ французскаго генерала, онъ могъ бы ясно высказаться по этому поводу, а не заставлять меня догадываться. Развѣ вы не говорили мнѣ, что онъ не любитъ Бернадота?

«— Да, государь, и это настолько общеизвѣстно, что прошлой зимой, во время моего пребыванія въ Парижѣ, мнѣ совѣтовали порѣже видаться съ нимъ.

«— Что думаете вы о немъ? Густавъ Мёрнеръ превозноситъ его до небесъ [1].

«— Я не могу судить о наиболѣе важныхъ качествахъ человѣка, съ которымъ поддерживалъ только свѣтскія отношенія. Онъ красивый мужчина, очень вѣжливъ, хорошо говоритъ. Надо признаться, у него благородная осанка.

«— Ничего такого, что отдавало бы революціей?

«— Я этого не замѣтилъ. Во Франціи у него хорошая репутація. Его не причисляютъ къ грабителямъ.

«— Но какъ бы хорошъ онъ ни былъ—подумайте только, вѣдь было бы смѣшно избрать французскаго капрала въ наслѣдники моего престола?

«— Государь, я согласенъ съ вами; и меня это коробитъ не менѣе васъ. Но нужно подумать о томъ, что васъ могутъ принудить сдѣлать это...

[1]) Здѣсь говорится о другомъ, болѣе родовитомъ Мёрнерѣ, чѣмъ пріѣхавшій въ Парижъ поручикъ.

«— Вы думаете, что меня могутъ заставить сдѣлать это?

«— Государь, подумайте о несчастномъ положеніи вашего королевства и о вашихъ преклонныхъ годахъ».

«Онъ долго еще разспрашивалъ меня о принцѣ Понте-Корво, о его происхожденіи, о его сынѣ и женѣ, прибавляетъ Сюременъ въ своемъ разсказѣ. Я сказалъ ему все, что зналъ. Разставаясь со мной, король съ волненіемъ сказалъ мнѣ: «Боюсь, какъ бы мнѣ не пришлось испить чашу до дна... Одинъ «Богъ можетъ знать, чѣмъ все это кончится» [1]).

Пять дней спустя послѣ этого разговора совѣтъ министровъ, съ разрѣшенія короля, офиціально представилъ кандидатуру Бернадота, и 21 августа четыре сословія сейма избрали его, въ полной увѣренности, что повинуются исходящему изъ Тюльери приказанію и что подаютъ голоса за кандидата императора. Въ результатѣ, предоставивъ другимъ рѣшать за него дѣло и сдѣлавшись, благодаря цѣлому ряду промаховъ и интригъ, орудіемъ въ рукахъ какого-то проходимца, Наполеонъ понесъ наказаніе за то, что въ этомъ случаѣ политика его преднамѣренно велась съ закрытыми глазами, съ упорнымъ нежеланіемъ заявить о себѣ самомъ. Одно своевременно сказанное слово могло бы все предотвратить: ошибку Дезожьѐ, неосторожное назначеніе Фурньѐ, и имѣвшія рѣшающее значеніе продѣлки этого «мага и волшебника» [2]). Вмѣсто того, чтобы однимъ спасительнымъ словомъ убить въ зародышѣ предпріятіе Бернадота, Наполеонъ предпочелъ, чтобы оно шло своимъ порядкомъ, чтобы Бернадотъ попыталъ счастья. Онъ не отказывался извлечь изъ избранія Бернадота пользу, хотя и утверждалъ, что не интересуется вопросомъ о выборѣ наслѣднаго принца, и, нужно сказать правду, дѣйствительно воздержался отъ участія въ этомъ дѣлѣ. Но никто не вѣрилъ въ такое безпримѣрное отреченіе, въ такое обезличеніе воли, которую Европа привыкла искать и находить повсюду и вліяніе которой постоянно чувствовалось. Такъ какъ императоръ молчалъ, то каждый считалъ себя въ правѣ высказаться за него. Въ результатѣ, низкій, покрытый позоромъ, человѣкъ приписалъ ему слова, которыя прекратили борьбу партій въ Швеціи, и продерзостное злоупотребленіе его именемъ обусловило избраніе Бернадота.

При извѣстіи о событіяхъ въ Швеціи, Наполеонъ выразилъ

[1]) Mémoires de Suremain, d'après Ernouf, 264-267.

[2]) Mémoires de Suremain, d'après Ernouf, 263.

непритворное удивленіе и неудовольствіе. Онъ сейчасъ же подумалъ о Россіи, о волненіи, которое должны были вызвать тамъ, какъ избраніе Бернадота, такъ и обстоятельства, при которыхъ оно совершилось. Если вѣрить показаніямъ современниковъ, его первымъ побужденіемъ было признать выборы недѣйствительными,— дѣломъ обмана. Онъ хотѣлъ было воспретить Бернадоту принять избраніе сейма и думалъ удержать его во Франціи [1]). Но затѣмъ у него явилось опасеніе, что, оттолкнувъ искавшую у него спасенія Швецію, онъ навсегда отдалить ее отъ себя и отдастъ въ руки нашихъ враговъ. Онъ отказался отъ своего намѣренія, что было съ его стороны крупной ошибкой. Въ концѣ-концовъ онъ позволилъ Бернадоту согласиться на предложеніе; позаботился, принимая его, придать своему лицу милостивое выраженіе; оказалъ ему пріемъ полный достоинства и доброты, и, получивъ отъ него формальное обѣщаніе порвать съ Англіей и вовлечь Швецію въ континентальную систему, разрѣшилъ ему уѣхать, осыпавъ его знаками своего благоволенія. Теперь онъ начинаетъ представлять себѣ, какое потрясающее впечатлѣніе произведетъ въ Лондонѣ неожиданный успѣхъ маршала. Онъ надѣется, что извѣстіе объ этомъ будетъ для Англіи горькимъ, быть можетъ, удручающимъ сюрпризомъ, и эта мысль, удовлетворяя его чувство ненависти вознаграждаетъ его за все остальное. Фраза, сказанная имъ въ, присутствіи Меттерниха, проливаетъ свѣтъ на его поведеніе. «Во всякомъ случаѣ, сказалъ онъ, я не могъ отказаться отъ этого дѣла: французскій маршалъ на тронѣ Густава Адольфа!— это одинъ изъ самыхъ ловкихъ фокусовъ, продѣланныхъ съ Англіей» [2]).

Признавъ совершившійся фактъ, онъ счелъ нужнымъ увѣрить Россію, что не принималъ въ этомъ дѣлѣ никакого участія. На этотъ разъ онъ не ограничился простыми увѣреніями; онъ хотѣлъ доставить доказательства и оправдаться съ документами въ рукахъ. Онъ сообщилъ царю свою переписку со шведскимъ королемъ, въ которой, дѣйствительно, говорилось только о принцѣ Августенбургѣ, и указалъ на отозваніе Дезожье, какъ на удовлетвореніе, данное своему союзнику. Затѣмъ приказалъ напечатать въ *Moniteur'ѣ* статью, содержащую точный пересказъ о

[1]) Ernouf, 267, d'après Sémonville et Maret.
[2]) Metternich, II, 392.

совершившихся въ Эребро событіяхъ. Въ то же время онъ отдалъ Шампаньи слѣдующее приказаніе: «Вы напишете герцогу Виченцы, что я ни при чемъ во всемъ этомъ дѣлѣ; что я не могъ противиться единодушной просьбѣ; что я желалъ избранія или принца Аугустенбурга, или датскаго короля. Вы подчеркнете, что все это безусловная правда; что, слѣдовательно, герцогъ Виченцы долженъ заявить объ этомъ искреннимъ, полнымъ достоинства, тономъ, и затѣмъ не возобновлять объ этомъ разговора. Если же будетъ выражено сомнѣніе, онъ долженъ продолжать говорить въ томъ же духѣ, такъ какъ это правда, а правду всегда слѣдуетъ защищать» [1]. Но, какъ ни старался онъ придать силу своимъ увѣреніямъ, онъ не заблуждался насчетъ ихъ значенія. Онъ понималъ, что Россія не повѣритъ ему; что, во всякомъ случаѣ, отъ нея не ускользнетъ, что Франція наблюдаетъ за ней, что сфера вліянія Франціи охватываетъ ее все болѣе. Онъ сознавалъ, что теперь былъ сдѣланъ новый, и, быть можетъ, рѣшительный шагъ на пути къ охлажденію.

Во время сессіи сейма русскій дворъ держался выжидательной тактики и ничѣмъ не проявлялъ себя. Онъ тщательно избѣгалъ вмѣшиваться въ дѣло, какъ-будто хотѣлъ предоставить французскимъ интригамъ возможность развиться на свободѣ, какъ-будто копилъ свои обиды. Наполеонъ неоднократно заявлялъ, что, такъ какъ онъ принципіально исключаетъ кандидатуру принца Ольденбургскаго, онъ тѣмъ самымъ предоставляетъ царю полную свободу сдѣлать то же самое относительно кандидатуры Бернадота. Александръ не воспользовался предоставленнымъ ему правомъ, и его безразличное отношеніе не мало удивило императора.

Когда результатъ выборовъ сталъ извѣстенъ, въ Петербургѣ поднялась цѣлая буря негодованія. Никогда еще салоны не оглашались такой бранью по адресу Франціи. «Это время,— писалъ позднѣе Коленкуръ, — было однимъ изъ самыхъ трудныхъ, какія только приходилось мнѣ переживать здѣсь» [2]. Какъ и всегда, спокойствіе государя составляло полный контрастъ со взрывомъ враждебныхъ чувствъ въ обществѣ. Александръ все еще старался никакимъ внѣшнимъ проявленіемъ не выдавать своего сочувствія общественнымъ стра-

---

[1]) Corresp., 16876.

[2]) Коленкуръ Шампаньи, 10 ноября 1810 г.

стямъ, вліянію которыхъ съ каждымъ днемъ поддавался все болѣе. Впрочемъ, можно думать, что онъ смотрѣлъ на происшедшее событіе съ меньшимъ страхомъ, чѣмъ его окружающіе. Не предвидѣлъ ли онъ, со свойственной ему прозорливостью, что Бернадотъ, водворившись въ Стокгольмѣ, не сдѣлается послушнымъ орудіемъ императора; что онъ не будетъ работать на него; что на шведскомъ тронѣ недовольный императоромъ, не склонный къ повиновенію французъ будетъ для России полезнѣе всякаго другого соискателя? Что такова была его затаенная мысль, доказываетъ то обстоятельство, что еще въ Парижѣ немедленно же явился къ маршалу одинъ изъ его офицеровъ съ поздравленіями и чуть ли не со словами: добро пожаловать. Отвѣтъ на это привѣтствіе не заставилъ себя ждать. Онъ пришелъ въ Петербургъ окольными путями. Еще до отъѣзда изъ Парижа Бернадотъ признался, что намѣренъ принести съ собой на Сѣверъ безусловно мирныя стремленія. Онъ склонялся къ мысли, что лучшій способъ служить усыновившей его родинѣ—это не поддаваться воинственнымъ стремленіямъ партіи, которая пользовалась его именемъ и выставляла его, какъ будущаго мстителя за Швецію. «Я знаю терніи этого положенія,— сказалъ онъ, говоря о своемъ новомъ санѣ.—Я избранъ небольшой партіей, и не ради моихъ прекрасныхъ глазъ, а какъ вождь, съ условіемъ, которое обходятъ молчаніемъ,—отвоевать Финляндію. Но начинать изъ-за этого войну было бы безуміемъ, къ которому я не приложу своихъ рукъ» [1]). Эти слова были сказаны въ присутствіи Меттерниха, который передалъ ихъ въ Вѣну. Тамъ они дошли до Шувалова, сообщившаго ихъ въ Петербургъ, гдѣ они послужили первымъ оправданіемъ надеждъ Александра. Несмотря на то, что это сообщеніе почти успокоило царя, все-таки его встревожилъ и разсердилъ подмѣченный имъ у императора умыселъ доставить себѣ новыя средства къ нападенію и диверсіи,— его стремленіе окружить Россію врагами, сплотить и поднять противъ нея второстепенныя государства Сѣвера и Востока. Подъ давленіемъ этой мысли, его недовѣріе усилилось и дошло до ожесточенія,—и результатомъ авантюры, открывшей

---

[1]) Шуваловъ Румянцеву, 21 октября—2 ноября 1810 г. Archives de Saint-Pétersbourg.

путь къ престолу Бернадоту, было то, что непріязнь Россіи къ намъ возросла, а Швеціи мы не пріобрѣли.

IV.

Въ отношеніяхъ Наполеона и Александра была одна особенность: всякое вновь возникавшее между ними треніе тотчасъ же отражалось на болѣзненно-чувствительномъ пунктѣ ихъ политики. Такъ было и съ событіями въ Швеціи: они ухудшили польскій вопросъ; они обострили его и сдѣлали болѣе жгучимъ. Правда, въ своихъ любезныхъ, но безсодержательныхъ письмахъ, императоры считали безполезнымъ возвращаться къ нему, воздерживались возобновлять уже исчерпанный споръ. Но въ сокровенныхъ мысляхъ каждаго изъ нихъ Польша съ каждымъ днемъ занимала все болѣе важную роль. И тотъ, и другой, прекрасно сознавая, что имъ придется воспользоваться ею въ предстоящей борьбѣ, снова сдѣлали ее предметомъ своихъ сокровенныхъ плановъ; они старались втихомолку кое-что подготовить тамъ въ свою пользу, и сдѣлали еще шагъ впередъ на пути враждебныхъ интригъ въ странѣ, гдѣ предполагали встрѣтиться и гдѣ, въ глубокой тайнѣ другъ отъ друга, работали бокъ-о-бокъ.

Считая, что война дѣлается все болѣе вѣроятной, Наполеонъ обстоятельнѣе разсматриваетъ средства, которыми ему придется пользоваться, и, мысленно заглядывая въ арсеналы, гдѣ его политика держитъ всегда готовое къ бою оружіе, онъ прежде всего останавливается на Польшѣ. Онъ думаетъ о томъ, какую выгоду можетъ онъ извлечь изъ варшавянъ и ихъ соотечественниковъ въ Россіи въ томъ случаѣ, если вспыхнетъ война. Онъ думаетъ, что для того, чтобы возбудить мужество поляковъ, чтобы заставить ихъ служить его цѣлямъ, полезно будетъ дать имъ понять, что воскресеніе ихъ родины, въ томъ видѣ, какъ они сами понимаютъ это, — не призракъ, а дѣло вполнѣ возможное. Онъ думаетъ, что возстановленіе Польши, до сихъ поръ допускаемое имъ только, какъ условная возможность, займетъ въ войнѣ съ Россіей, быть можетъ, первое мѣсто. Но эта мѣра влечетъ за собой разнаго рода вопросы и затрудненія: нужно заранѣе обсудить ихъ, подготовиться къ нимъ, составить новую карту Европы — словомъ, обставить дѣло такъ, чтобы Польша вполнѣ естественно могла найти

и снова занять въ ней свое прежнее мѣсто, и только теперь идея, которую доселѣ такъ часто и такъ неосновательно приписывали Наполеону, впервые принимаетъ въ его умѣ опредѣленную форму; только теперь срывается она у него съ языка. 20 сентября, въ присутствіи Меттерниха, который, по обыкновенію, наблюдаетъ за нимъ и подслушиваетъ его мысли, онъ рѣшается сказать: «Въ тотъ день, когда я вынужденъ буду начать войну съ Россіей, у меня явится сильный и цѣнный союзникъ въ лицѣ польскаго короля» [1]).

Теперь мы видимъ, что этими словами онъ оправдалъ упорное недовѣріе къ нему Александра. Но, нужно замѣтить, что, если бы онъ могъ читать въ умѣ царя, онъ нашелъ бы въ немъ свой собственный замыселъ, дошедшій, по меньшей мѣрѣ, до той же степени развитія. Въ это время Александръ склоненъ былъ искренно и серьезно слѣдовать совѣтамъ Чарторижскаго; онъ самъ не прочь былъ осуществить мечту варшавянъ, самъ хотѣлъ преобразовать и присоединить къ себѣ Польшу и воспользоваться ею, какъ орудіемъ нападенія, т. е., свершить дѣло, въ намѣреніи осуществить которое онъ постоянно подозрѣвалъ и обвинялъ Наполеона. Незадолго до этого онъ постарался найти себѣ для сношеній съ поляками новыхъ посредниковъ въ самой Польшѣ. Нѣсколько вліятельныхъ лицъ были освѣдомлены о его планахъ и посвящены въ подробности дѣла. Его проектъ получилъ настолько опредѣленный и солидный характеръ, что вскорѣ о немъ заговорили въ извѣстныхъ кругахъ, и слухъ о немъ не могъ не дойти до нашихъ агентовъ. Одинъ изъ нихъ, отправленный наблюдать за границами Австріи, Турціи и Польши, проѣзжая въ ноябрѣ черезъ Варшаву, пишетъ оттуда, обращая наше вниманіе на то, что: «Существуетъ планъ, которымъ страшно увлекается русскій императоръ и который не встрѣчаетъ возраженій въ провинціяхъ русской Польши. Планъ этотъ,—возстановленіе польскаго королевства, сохраняющаго свою независимость и свои привилегіи, но навсегда присоединеннаго къ Россійской имперіи, подобно тому, какъ въ настоящее время Италія присоединена къ Франціи. Разработка этого проекта поручена графу Яну Северину Потоцкому. Несмотря на усилія русскихъ скрыть его, онъ получилъ здѣсь широкую огласку. Онъ не особенно улыбается имъ, но онъ слишкомъ льститъ ихъ

[1]) Mémoires de Metternich, I, 109.

эгоизму и ихъ лѣнивой безпечности, чтобы не найти сторонниковъ среди знатныхъ вельможъ русско-польскихъ провинцій, которые весьма склонны отнестись къ нему сочувственно. Къ тому же, онъ найдетъ сильную поддержку въ фанатически настроенныхъ грекахъ. Имѣется въ виду пригласить великое герцогство Варшавское присоединиться къ бóльшей половинѣ прежней Польши. Таковъ планъ, который Россія намѣрена осуществить при первомъ сигналѣ войны, и было бы крайне важно заблаговременно выступить съ подобнымъ же планомъ, ибо такое выступленіе раздѣлитъ поляковъ на двѣ партіи, и, по меньшей мѣрѣ, вызоветъмежду ними раздоръ» [1]).

Кто бы ни взялъ на себя иниціативу возстановленія Польши— Франція ли, Россія ли—имъ неизбѣжно придется считаться съ третьимъ лицомъ. Этимъ лицомъ была Австрія. Необходимо было заранѣе узнать ея мнѣніе, слѣдовало обсудить вопросъ совмѣстно съ нею, вознаградить ее и привлечь на свою сторону, въ противномъ случаѣ могли встрѣтить въ ней врага. Дѣло въ томъ, что при осуществленіи проекта Австрія почти неминуемо должна была потерять всю оставшуюся за нею часть Галиціи. Этотъ оторванный кусокъ Польши сталъ бы тяготѣть къ своему тѣлу, эта часть ея непреодолимо стремилась бы слиться воедино съ возстановленнымъ государствомъ и, конечно, была бы поглощена имъ. Чтобы примирить Австрію съ этой жертвой, необходимо было предоставить ей крупное вознагражденіе, предложить ей обмѣнъ непрочной части Галиціи на болѣе солидныя пріобрѣтенія. Такимъ образомъ, ближайшей задачей было обсудить съ нею вопросъ о вознагражденіи. Для начала необходимо было, какъ можно скорѣе, запастись средствами для сближенія съ Вѣной и заручиться ея довѣріемъ. И императоръ, и царь, дѣйствуя подъ большимъ секретомъ, будутъ прилагать всѣ усилія сблизиться съ Австріей и втянуть ее въ свою игру.

Упоминая въ присутствіи Меттерниха о Польшѣ, Наполеонъ имѣлъ въ виду вывѣдать мнѣніе министра. Яснѣе онъ выска-

---

[1]) Archives des affaires étrangères, Pologne. 326. То же, но болѣе пространное донесеніе находится въ Archives nationales, AF, IV, 1699. Агентъ былъ Тіаръ, бывшій камергеръ императора. См. инструкціи императора въ Correspondance № 16811.

зался въ дальнѣйшемъ разговорѣ. Нужно сказать, что и теперь онъ не имѣлъ въ виду заключать союза съ Австріей и не разсчитывалъ воспользоваться ея вооруженнымъ содѣйствіемъ. Онъ былъ далекъ отъ этой мысли. Наблюдая за тѣмъ, что происходитъ въ Вѣнѣ, видя, что тамъ по-прежнему живетъ неизгладимое чувство горечи и недовѣрія, онъ не вѣрилъ, чтобы австрійцы и французы—побѣжденные и побѣдители при Ваграмѣ—могли искренно и безъ задней мысли маршировать рука-объ-руку. Но онъ не довольствуется уже простымъ нейтралитетомъ,—онъ требуетъ, чтобы Францъ І-ый и его совѣтники сдѣлались его пассивными сообщниками, чтобы они заранѣе обязались признать и одобрить тѣ передѣлки въ Европѣ, которыя могутъ потребоваться будущимъ положеніемъ вещей. Имѣя это въ виду, онъ теперь же старается сговориться съ ними о ихъ будущемъ вознагражденіи. Изъ всѣхъ утраченныхъ владѣній Австрія ничего такъ не желала вернуть себѣ, какъ берега Адріатическаго моря съ ихъ гаванями. Поэтому уже теперь Наполеонъ говоритъ Меттерниху: «Все это можетъ быть вамъ возвращено; эти области *для меня то же, что концы волосъ*» [1]). Затѣмъ, намекнувъ на возможное возрожденіе Польши, онъ добавилъ: «Скажите, вы не откажетесь въ надлежащее время начать переговоры ради обмѣна части Галиціи на равную часть этихъ провинцій?... Если мнѣ удастся избѣгнуть войны съ Россіей,—тѣмъ лучше; въ противномъ случаѣ, лучше заблаговременно опредѣлить, что дѣлать послѣ войны» [2]). Послѣ этихъ словъ онъ довольно продолжительное время говорилъ на тему, что, вернувъ себѣ побережье, Австрія будетъ въ выигрышѣ. Онъ сказалъ, что за это онъ не потребуетъ активнаго содѣйствія; что способъ, какимъ русскіе оказали ему содѣйствіе въ 1809 г., вселилъ въ него отвращеніе къ коалиціямъ; что онъ не проситъ и даже не хочетъ отвѣта на свои предложенія; что въ томъ случаѣ, если императоръ Францъ допуститъ въ принципѣ идею обмѣна, пусть онъ начнетъ, мало-по-малу, продавать владѣнія короны въ Галиціи, а онъ изъ этого пойметъ, что Австрія не отказывается сговориться съ нимъ о возможныхъ послѣдствіяхъ кризиса, котораго можно ждать въ недалекомъ будущемъ.

---

1) Mémoires de Metternich, II, 365.
2) Id., I. 110–111.

Заручившись этимъ признаніемъ, Меттернихъ нашелъ, что его освѣдомительная миссія выполнена и приготовился покинуть Францію. Онъ былъ увѣренъ, что разрѣшилъ вопросъ, выяснить который было его задачей. Теперь онъ располагалъ основой, на которой могъ построить всѣ свои разсчеты. Изъ послѣднихъ словъ императора онъ понялъ, что конфликтъ съ Россіей, за зарожденіемъ котораго онъ такъ тщательно слѣдилъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, состоится. Предстоящая война, которая будетъ самымъ выдающимся событіемъ недалекаго будущаго, открывала честолюбивымъ стремленіямъ его двора широкіе горизонты. Австріи, которая будетъ на флангахъ обѣихъ воюющихъ сторонъ, могъ представиться случай бросить на вѣсы рѣшающій грузъ. Съ другой стороны, всякая неосторожность въ началѣ кампаніи могла подвергнуть ее въ подготовлявшейся грозной схваткѣ смертельной опасности и, быть можетъ, даже гибели. Она можетъ съ пользой проявить свою дѣятельность только въ томъ случаѣ, если будетъ весьма заботливо держаться выжидательной политики. Въ данный же моментъ Меттернихъ видитъ только одинъ способъ дѣйствовать: не принимая активнаго участія въ войнѣ, согласиться на предложенія императора и принять обмѣнъ Галиціи на иллирійскія провинціи. Поэтому онъ хочетъ посовѣтовать своему повелителю дать согласіе на эту выгодную уступку, ибо, ставъ на эту почву, императоръ Францъ не будетъ имѣть повода безповоротно ссориться съ русскими и не станетъ къ нимъ въ враждебныя отношенія. Онъ сохранитъ за собой право перейти снова на сторону русскихъ и использовать въ своихъ интересахъ ихъ успѣхи, если въ одинъ прекрасный день непостоянная богиня счастья перейдетъ въ ихъ лагерь, но при этомъ онъ будетъ имѣть возможность обезпечить за собой гарантіи и нѣкоторыя выгоды въ томъ, гораздо болѣе вѣроятномъ, случаѣ, когда побѣду одержатъ французы. Доведя Наполеона до того, что тотъ во всѣхъ своихъ планахъ принималъ въ разсчетъ австрійскіе интересы, Меттернихъ достигъ очень многаго, и возвращался въ Вѣну съ увѣренностью человѣка, исполнившаго свой долгъ, радуясь тому, что привезетъ добрыя вѣсти и съ полной надеждой на радушный пріемъ.

Но въ Вѣнѣ его ждалъ непріятный сюрпризъ. Можно судить, каковы были его изумленіе и гнѣвъ, когда онъ узналъ, что незадолго до его возвращенія завязавшаяся, безъ его вѣдома, тай-

ная интрига могла уничтожить всѣ плоды его миссіи и бросить Австрію на самый опасный путь. И въ этотъ разъ Россія опередила Францію. Дѣйствуя уже нѣсколько недѣль съ удвоенной энергіей, она достигла въ Вѣнѣ удивительныхъ успѣховъ. Болѣе требовательная, чѣмъ Наполеонъ, она просила союза, и австрійскій кабинетъ готовъ былъ согласиться. Огорченіе и досада Меттерниха были тѣмъ чувствительнѣе, что его родной отецъ, которому онъ, ради сохраненія за собой министерскаго кресла, предоставилъ предсѣдательствовать вмѣсто себя въ совѣтѣ, ускользнулъ изъ-подъ его руководства и попался въ сѣти русской дипломатіи. Временной замѣститель министра позволилъ себѣ слѣдовать собственной политикѣ, совершенно противоположной политикѣ самого министра, задержаннаго вдали миссіей, обѣщавшей столь цѣнные результаты. Пока сынъ, разсчитывая каждый шагъ, крайне осторожно и осмотрительно шелъ навстрѣчу Франціи, отецъ его, не отдавая себѣ отчета въ своихъ дѣяніяхъ, внезапно бросился въ объятія Россіи.

Старому князю Меттерниху не доставало необходимой гибкости, чтобы вести игру, подобную той, какую съ такимъ искусствомъ велъ его сынъ; онъ не сумѣлъ удержаться въ равновѣсіи между Франціей и Россіей—такъ, чтобы, не переходя на сторону Франціи, только немного склониться къ ней. Сначала князь болѣе, чѣмъ слѣдовало, склонился къ французамъ, но затѣмъ, не встрѣтивъ съ этой стороны поддержки, грузно опустился въ объятія Россіи. Его пунктомъ помѣшательства было спасти отъ русскихъ княжества. Несмотря на то, что русскіе, побѣдой при Батинѣ и занятіемъ крѣпостей, блестяще закончили войну на Востокѣ, онъ все болѣе цѣплялся за надежду убѣдить ихъ быть болѣе умѣренными и ограничить свои требованія на Дунаѣ, предлагая имъ за это союзъ и гарантіи въ другихъ мѣстахъ.

Какъ мы видѣли, увлеченіе князя было подмѣчено Шуваловымъ, получившимъ приказаніе воспользоваться этимъ обстоятельствомъ. Чтобы завязать болѣе близкія отношенія съ княземъ Меттернихомъ, Шуваловъ подружился съ Гюделистомъ, довѣреннымъ лицомъ князя, чиновникомъ, занимавшимъ высокое положеніе въ государственной канцеляріи. «Живя на положеніи путешественника,— писалъ Шуваловъ,—я пригласилъ Гюделиста пообѣдать къ себѣ,

запросто. Онъ пришелъ; вѣроятно, получивъ на это разрѣшеніе» [1]). Во время обѣда завязался разговоръ, пошли на откровенности, и Гюделистъ кончилъ тѣмъ, что сказалъ, что, если бы Россія пожелала сблизиться, Австрія «не прочь сдѣлать полпути въ этомъ направленіи» [2]). На эти слова петербургскій кабинетъ немедленно же отвѣтилъ предложеніемъ тайнаго договора. По виду дѣло шло о самомъ скромномъ актѣ. Оба двора должны были дать простое обязательство «ни въ какомъ случаѣ не оказывать помощи» [3]) третьему лицу при нападеніи на одного изъ нихъ. Но мысль русскихъ шла дальше ихъ письменныхъ предложеній. Шувалову было поручено, одновременно съ представленіемъ проекта о договорѣ, возобновить предложеніе «объ обмѣнѣ восточной Валахіи на нѣкоторыя части Польши» [4]). Въ Петербургѣ думали, что такимъ путемъ было бы положено необходимое начало для дальнѣйшихъ соглашеній. Къ тому же, не дурно было пріучить австрійцевъ къ мысли отказаться отъ своихъ польскихъ территорій и сдѣлать ихъ предметомъ торга. Кромѣ того, тамъ говорили себѣ, что, разъ Австрія будетъ связана подписью или какимъ-нибудь договоромъ, не трудно будетъ привлечь ее окончательно на свою сторону; что, если бы возродились прежнія дружба и довѣріе, получилась бы возможность во всѣхъ событіяхъ идти дружно рука-объ-руку. Эта сокровенная мысль выступаетъ наружу въ частномъ письмѣ канцлера Румянцева Шувалову, которое было полно лести и любезностей по адресу князя Меттерниха и его правительства. «Его Величество,—пишетъ Румянцевъ,—въ нѣкоторомъ родѣ уже предупредилъ шаги, только-что сдѣланные вѣнскимъ дворомъ навстрѣчу петербургскому. Тѣмъ лучше. Дружба императоровъ, въ виду того, что оба они отлично сознаютъ ея пользу, сдѣлается отъ этого только прочнѣе. Вотъ все, чего я желаю. Императоръ очень доволенъ вами, графъ, и надѣется, что вы доведете до конца такъ хорошо начатое вами дѣло. Благоволите поблагодарить князя Меттерниха за его добрую память обо мнѣ. Я съ удовольствіемъ вспоминаю время, проведенное въ его

---

[1]) Шуваловъ Румянцеву, 31 августа—12 сентября 1810 г. Archives de Saint-Pétersbourg.

[2]) Id.

[3]) Румянцевъ Шувалову, 16—28 сентября. Id.

[4]) Mémoires de Metternich, II, 397.

обществѣ, и охотно признаюсь всѣмъ, что часто пользовался его свѣтлымъ умомъ и опытностью. Сколь былъ бы я польщенъ, если бы намъ обоимъ суждено было возвратиться къ былому счастливому времени, когда оба кабинета ничего не предпринимали безъ общаго согласія!» [1]).

Начатые такими любезностями переговоры пошли быстрымъ темпомъ. Меттернихъ-отецъ сдѣлалъ докладъ императору Францу, который одобрилъ его поведеніе и предоставилъ ему дѣйствовать. Единственнымъ затрудненіемъ былъ вопросъ о княжествахъ, переговоры о которыхъ Австрія хотѣла вести параллельно съ вопросомъ о союзѣ. Австрія желала добиться отъ русскихъ, чтобы они дали ей обѣщаніе отказаться отъ нѣкоторыхъ требованій, или, по крайней мѣрѣ, допустили ее сдѣлаться посредницей между ними и турками, и предоставили ей право высказать свое мнѣніе объ условіяхъ мира. Шуваловъ не былъ уполномоченъ брать на себя какое-либо обязательство въ этомъ родѣ. Тѣмъ не менѣе, австрійское министерство было не прочь заключить союзъ. Договоръ о простомъ нейтралитетѣ былъ на пути къ тому, чтобы превратиться въ договоръ о взаимной оборонѣ, и все было направлено къ возобновленію союза между обоими древними императорскими дворами, когда неожиданное возвращеніе Меттерниха-сына, вступившаго немедленно по пріѣздѣ въ управленіе дѣлами, положило всему конецъ [2]).

Предупрежденный о готовящемся, Меттернихъ, не теряя ни минуты, помчался, чтобы покончить со всѣмъ этимъ. Только на самое короткое время заѣхавъ въ Вѣну, онъ тотчасъ же отправился въ Штирію, гдѣ находился императоръ Францъ; добился, что слабохарактерный монархъ призналъ недѣйствительными «предварительные» переговоры съ Россіей и убѣдилъ его отклонить русскія предложенія. Послѣ этого Меттернихъ вернулся въ Вѣну, повидался съ Шуваловымъ, и въ любезномъ до приторности разговорѣ, уснащенномъ самыми изысканными фразами, но, тѣмъ не менѣе, вполнѣ яснымъ, разрушилъ надежды русскаго посла. Австрія, сказалъ онъ, ни съ кѣмъ не можетъ связывать себя обязательствами. Онъ утверждалъ,—и это была правда, —

---

[1]) Письмо отъ 16 сентября 1810 г. Archives de Saint-Pétersbourg.

[2]) Шуваловъ Румянцеву, 31 августа—12 сентября, 5—17 октября 1810 г. Beer, Geschichte der orientalischen Politik Oesterreichs, 244—248. Martens, Traités de la Russie avec l'Autriche, II, 72—77.

что не подписывалъ съ Франціей никакихъ обязательствъ, что его политическія и личныя симпатіи влекутъ его къ Петербургу. Но, прибавилъ онъ, настало ли время сбросить маску и обнаружить эти чувства? Далѣе онъ продолжалъ, что дружба между австрійскимъ и русскимъ государями существуетъ съ-поконъ вѣка, что ихъ взаимное довѣріе покоится на вѣковыхъ традиціяхъ тѣсной дружбы и общности интересовъ. Къ чему же, въ такомъ случаѣ, компрометировать себя договоромъ, который не ускользнулъ бы отъ вниманія Наполеона? Что же касается обмѣна территорій, то Меттернихъ отклонилъ это дѣло съ не меньшей энергіей, чѣмъ Шуваловъ предлагалъ. Словомъ, онъ прекратилъ переговоры, вернулъ себѣ полную свободу дѣйствій и освободилъ Австрію отъ узъ, которыми она такъ опрометчиво хотѣла опутать себя [1]).

Внѣ себя отъ такого несчастнаго оборота дѣла, Шуваловъ подумывалъ было ополчиться противъ Меттерниха поискать другихъ путей и дѣйствовать помимо и противъ министра Конечно, при вѣнскомъ дворѣ, въ этомъ оригинальномъ кругу, гдѣ скрещивалось столько разнородныхъ вліяній, можно было бы поискать посредниковъ обоего пола, которые могли бы повліять на императора. Императоръ любилъ свою жену, высоко ставилъ сестру императрицы—эрцгерцогиню Беатрису, сохранялъ нѣкоторое расположеніе къ старику Меттерниху, охотно совѣтовался съ графомъ Зичи, и не переставалъ выказывать непонятную слабость къ своему секретарю Бальдачи, котораго всѣ считали злымъ геніемъ династіи. Шуваловъ подумалъ обо всѣхъ этихъ лицахъ, а затѣмъ еще и о другихъ. Однако, перебравъ всѣхъ онъ убѣдился, что среди нихъ нѣтъ никого, кто отвѣчалъ бы условіямъ, необходимымъ для того, чтобы довести до желаннаго результата порученное ему щекотливое дѣло, и кто могъ бы подорвать кредитъ могущественнаго министра. Въ депешѣ, въ которой онъ изливаетъ свою досаду и признается, что дѣло его проиграно, онъ нѣсколькими бойкими штрихами, посвященными каждому изъ этихъ лицъ, набрасываетъ картину, не особенно лестную для приближенныхъ монарха. «Императрица, говоритъ онъ, очень умна и желала бы вмѣшаться въ дѣла, но ея авгу-

[1]) Шуваловъ Румянцеву, 21 октября — 2 ноября 1810 г. Archives de Saint-Pétersbourg. Beer, 248—49. Metternich, II, 395—99. Martens, 72—77.

стѣйшій супругъ устраняетъ ее отъ нихъ. Князь Меттернихъ не пойдетъ открыто противъ сына, не говоря уже о томъ, что онъ можетъ сказать императору только выученный заранѣе урокъ, да и тотъ наполовину забудетъ. Гюделистъ только у князя имѣетъ значеніе. Эрцгерцогиня Беатриса боится вмѣшиваться въ дѣла, и не желаетъ видѣть своего имени въ *Moniteur'ѣ*. Графъ Сикингенъ могъ бы еще замолвить слово, но онъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ лицами, преданными графу Меттерниху. Остальные ничего не могутъ сдѣлать, исключая Зичи, котораго нужно подкупить, и Бальдачи. Но это уже послѣднее средство» [1]).

Спустя нѣкоторое время послѣ этой блестяще начатой и печально окончившейся кампаніи, Шуваловъ, назначенія котораго всегда бывали только временными, былъ отозванъ. Въ это время аккредитованный посланникъ Штакельбергъ пріѣхалъ уже въ Вѣну. Штакельбергъ неоднократно пытался возобновить дѣло о союзѣ, но Меттернихъ всякій разъ ускользалъ отъ него. Онъ всѣми способами отклонялъ разговоры, избѣгалъ съ нимъ свиданій и становился неуловимымъ, дѣлая видъ, что его болѣе всего радуетъ то, что онъ вернулся въ Вѣну, что можетъ повидаться съ друзьями и знакомыми, и что занятъ удовольствіями, а не дѣлами. Со времени своего возвращенія, оставаясь вѣрнымъ своимъ свѣтскимъ привычкамъ, Меттернихъ много выѣзжалъ и показывался всюду. Очевидно, желая смягчить неудовольствіе, которое могъ вызвать въ Петербургѣ его уклончивый способъ дѣйствій, онъ посѣщалъ русскіе салоны въ Вѣнѣ, гдѣ Разумовскій и другіе продолжали интриговать по-прежнему. Избѣгая разговоровъ съ офиціальными и посылаемыми къ нему царемъ посредниками, онъ вознаграждалъ себя за это въ обществѣ русскихъ дамъ и разсыпался передъ ними въ любезностяхъ. Въ то самое время, когда онъ отказывался выслушать Шувалова и Штакельберга, всеобщее вниманіе обратило на себя его упорное ухаживаніе за княгиней Багратіонъ. На его языкѣ это называлось «работать на почвѣ примиренія» [2]). Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ поддерживалъ самыя дружескія отношенія съ французскимъ посланникомъ, который не могъ достаточно нахва-

[1]) Шуваловъ Румянцеву, 17—29 ноября 1810 г. Archives de Saint-Pétersbourg.

[2]) Correspondance de M. Otto, ноябрь и декабрь 1810 г., passim.

литься имъ. При такомъ разнообразіи способовъ держать себя, которыми онъ пользовался съ одинаковой непринужденностью, онъ оставался вѣрнымъ начертанному себѣ плану: пользоваться благосклонностью Наполеона, не лишая себя возможности, при случаѣ, сблизиться съ другой стороной и войти въ милость Россіи.

Правда, русскому двору нужны были не любезности, которыми прикрывался отказъ вести переговоры, а нѣчто болѣе существенное. Его досада изливалась въ рѣзкихъ выраженіяхъ. Въ своей перепискѣ русскіе агенты не жалѣли оскорбительныхъ эпитетовъ по адресу Меттерниха. Постигшую ихъ неудачу они всецѣло приписывали этому государственному человѣку, къ которому до сихъ поръ его современники относились не безъ вниманія, но, нельзя сказать—съ уваженіемъ. Шуваловъ считалъ его «скорѣе пролазомъ, чѣмъ умнымъ». Штакельбергъ, обладавшій острымъ языкомъ и бойкимъ перомъ, видѣлъ въ немъ креатуру Наполеона—человѣка, безгранично преданнаго императору французовъ, и объяснялъ его поведеніе самыми предосудительными побужденіями. Вспоминая его роль въ дѣлѣ брака и его продолжительное пребываніе въ Парижѣ, онъ вывелъ изъ этого заключеніе, что у Меттерниха—преднамѣренная цѣль подчинить Австрію французской волѣ. «Не пріобрѣтаетъ ли такое подозрѣніе,—прибавляетъ онъ,—еще бóльшую вѣроятность, разъ есть основаніе думать, что политическое бытіе этого министра зависитъ отъ близости съ правительствомъ, покровительство котораго, правда, устраняетъ опасность его вліянія на монарха, но не спасаетъ его самого, если не отъ общаго неуваженія, то, по крайней мѣрѣ, отъ недостатка въ уваженіи, необходимомъ на столь высокомъ посту! Приведу только одинъ примѣръ: что, въ самомъ дѣлѣ, можно подумать о министрѣ, часы занятій котораго нужно угадывать?—до такой степени увлекается онъ свѣтскими удовольствіями! Разсказываютъ о герцогѣ Шуазелѣ, что тотъ съ наибóльшей пользой служилъ Людовику XV не въ своемъ рабочемъ кабинетѣ; это—сущая правда, но наиболѣе важныя дѣла его министерства обсуждались въ салонѣ министра, а не въ будуарахъ» [1]).

---

[1]) Штакельбергъ Румянцеву, 15—27 ноября 1810 г. Archives de Saint-Pétersbourg. Въ это время французская полиція доноситъ въ своихъ бюллетеняхъ, что Меттернихъ пользуется не „бóльшимъ уваженіемъ, чѣмъ Талейранъ“. Archives nationales, AF, IV, 1508.

Конечно, и императоръ Александръ долженъ былъ питать недоброе чувство къ министру, который съ такимъ искусствомъ указалъ Россіи на дверь, какъ разъ въ ту минуту, когда она была увѣрена, что овладѣетъ Австріей. Тѣмъ не менѣе, царь не хотѣлъ еще отчаяваться въ Австріи. Если нельзя сдѣлать ее своей союзницей, думалъ онъ, нельзя ли, по крайней мѣрѣ, устроить такъ, чтобы не имѣть въ ней врага? Мало-по-малу, въ силу курьезнаго, но вполнѣ естественнаго, совпаденія, Александръ дойдетъ до того, что будетъ разсматривать характеръ отношеній, которыя ему слѣдуетъ установить съ Австріей, буквально съ точки зрѣнія императора французовъ. Временно отказываясь отъ мысли о союзѣ, онъ помирится на заранѣе обезпеченномъ и щедро оплаченномъ доброжелательномъ нейтралитетѣ Австріи. Онъ будетъ просить австрійцевъ только о томъ, чтобы не мѣшали ему, не волновались, ничему не удивлялись, безъ тревоги смотрѣли на то, что можетъ произойти вблизи нихъ, напримѣръ, въ Польшѣ, и, при случаѣ, за соотвѣтствующее вознагражденіе примирились съ потерей Галиціи. Какъ и Наполеонъ, онъ назначитъ имъ вознагражденіе на Востокѣ и укажетъ имъ на виднѣвшуюся вдали, предоставленную всеобщимъ вожделѣніямъ добычу. Наполеонъ говорилъ объ иллирійскихъ провинціяхъ, Александръ кончитъ тѣмъ, что предложитъ наибóльшую часть княжествъ [1]). Оба одинаково сознаютъ, что разъ Австрія, получивъ вознагражденіе, будетъ держаться вдали отъ событій, задача каждаго изъ нихъ будетъ значительно упрощена. Затѣмъ, Наполеонъ надѣется упрочить преданность поляковъ, а Александръ поколебать ихъ вѣрность Франціи. Даже тогда, когда они ведутъ переговоры съ Австріей, они думаютъ о Польшѣ. Около нея развивается ихъ подпольная политика, около нея вращаются всѣ ихъ планы нападенія и обороны. Втайнѣ всѣ усилія Франціи направлены къ тому, чтобы удержать Польшу за собой; усилія Россіи — обольстить ее и переманить на свою сторону. Какъ видно, она до крайности нужна имъ обоимъ, для того, чтобы обезпечить за собой шансы будущей войны. И это дѣлается людьми, которые стоятъ во главѣ самыхъ доблестныхъ, самыхъ многочисленныхъ войскъ въ мірѣ; по первому слову, по мановенію руки которыхъ встанутъ мил-

---

1) Beer, 250—51. Martens, 78—79. Metternich, II, 417.

ліоны солдатъ и послушно ринутся въ бой. Тѣмъ не менѣе, они находятъ, что этихъ средствъ не достаточно, чтобы склонить побѣду на свою сторону. Каждый изъ нихъ думаетъ, что выгода его положенія зависитъ отъ добровольнаго содѣйствія угнетенной націи, трижды подвергавшейся дѣлежу, на двѣ трети находящейся въ плѣну, но въ которой прочно заложено жизненное начало и стремленіе къ свободному развитію. Когда они обращаются къ Польшѣ, они не столько стараются пріобрѣсти себѣ лишнюю армію, сколько привлечь на свою сторону крупную моральную силу, поставить ее подъ свои знамена. Они невольно воздаютъ дань уваженія мощи народа, въ которомъ живетъ идея государственности, но за которымъ не признается правъ на существованіе. Странно видѣть, какъ два властелина, изъ которыхъ одинъ располагаетъ всѣми средствами старой Европы, а другой владѣетъ имперіей, болѣе обширной, чѣмъ вся Европа, оспариваютъ одинъ у другого расположеніе горсти мечтающихъ о возстановленіи своей родины людей, какъ будто среди стольких элементовъ грубой силы и возможностей успѣха, которые имѣютъ въ своемъ распоряженіи царь и императоръ французовъ, это зернышко справедливости и законнаго права могло склонить на чью-либо сторону вѣсы Фортуны!

ГЛАВА XIII.

КОНФЛИКТЪ.

Съ внѣшней стороны отношенія между Россіей и Франціей остаются хорошими до конца 1810 г.—Обоюдныя любезности и притворныя улыбки.— Благодаря разногласію въ вопросѣ о блокадѣ, вскорѣ выяснится антагонизмъ въ стремленіяхъ и задачахъ Россіи и Франціи.—Результаты континентальной системы.—Бѣдственное и опасное положеніе Англіи.—Признаки финансоваго кризиса въ Лондонѣ.—Надежды на миръ.—Отчаянныя усилія британской торговли найти доступъ въ Европу; Англія ищетъ въ Россіи рынокъ для сбыта своихъ товаровъ и содѣйствіе для транзита.—Наполеонъ проситъ Александра закрыть гавани Россіи для всѣхъ кораблей съ колоніальными товарами.—Въ Балтійскомъ морѣ собирается торговый флотъ въ шестьсотъ кораблей и держитъ курсъ въ Россію. — Наполеонъ настойчиво проситъ исполнить его просьбу. — Онъ вступаетъ въ объясненіе по всей совокупности его отношеній къ Россіи. — Флигель-адъютантъ Чернышевъ въ Парижѣ; его успѣхи въ свѣтѣ; подпольная дѣятельность. — Балъ въ Фонтенебло.—Долгія бесѣды съ Чернышевымъ; смѣлая откровенность императора.—Дружба, вытекающая изъ географическаго положенія.—Письмо императору Александру.—Основная мысль тильзитскаго соглашенія.—Отказъ Александра принять новые тарифы и закрыть доступъ въ Россію нейтральнымъ судамъ.—Причины его отказа.—Просьба Наполеона оказать содѣйствіе въ дѣлѣ закрытія гаваней Швеціи.—Затруднительное положеніе царя; тайная надежда на Бернадота.—Чернышевъ посылается въ Стокгольмъ; показная и истинная цѣль его миссіи.—Глубокое двуличіе.—Поступательный ходъ дружескихъ отношеній между русскимъ эмиссаромъ и наслѣднымъ принцемъ Швеціи: офиціальное свиданіе, частная аудіенція, завтракъ вдвоемъ; Бернадотъ въ своемъ кабинетѣ и передъ фронтомъ войскъ. — Бернадотъ мало-по-малу усиливаетъ значеніе своихъ словъ: онъ дастъ честное слово, затѣмъ клятвенное обѣщаніе.—Горькое чувство къ Наполеону.—Чернышевъ успокаиваетъ императора Александра относительно намѣреній Швеціи.—Россія снабжаетъ Германію колоніальными товарами.—Наполеонъ не даетъ воли своему гнѣву.—Дальнѣйшія ошибки.— Присоединеніе къ имперіи ганзейскихъ городовъ.—Цѣль этого присоединенія.—Присоединеніе нѣмецкаго побережья создаетъ вопросъ о герцогствѣ Ольденбургскомъ.—Географическое положеніе этого герцогства. Близкое родство между владѣтельнымъ принцемъ и императоромъ Александромъ.— Наполеонъ предлагаетъ герцогу обмѣнъ; на его отказъ, онъ приказываетъ занять герцогство.—Нарушеніе тильзитскаго договора.—Не зная еще о присоединеніи ганзейскихъ городовъ и Ольденбурга, Александръ первый откры-

то нарушаетъ статьи договора о союзѣ.—Паденіе курса въ Россіи и торговый балансъ.—Указъ отъ 31 декабря 1810 г.—Экономическій разрывъ съ Франціей.—Антагонизмъ между Наполеономъ и Александромъ достигаетъ конечнаго предѣла.—Россія заканчиваетъ приготовленія къ войнѣ; въ распоряженіи Александра находится двѣсти сорокъ тысячъ солдатъ противъ трехъ дивизій Даву.—Ему приходитъ мысль самому начать войну и перейти въ наступленіе.—Его планъ—завладѣть герцогствомъ, возстановить Польшу и поднять Европу.—Довѣрительныя сообщенія Чарторижскому.—Судьба Европы въ рукахъ пятидесяти тысячъ солдатъ герцогства.—Поведеніе Англіи: пассивное сопротивленіе, тактика Ватерлоо.—Угрожающій характеръ военныхъ приготовленій Россіи вынуждаетъ Наполеона отвернуться отъ Испаніи и быстро перенестись на Сѣверъ.—Наплывъ французскихъ войскъ въ Германію.—Какія причины помѣшаютъ Александру привести въ исполненіе его наступательные планы и дадутъ возможность возобновить переговоры.—Франція и Россія въ началѣ 1811 г.; упорное недоразумѣніе по польскому вопросу обиды частнаго и общаго характера; признаніе общности интересовъ.—Союзъ или война.

I.

Въ то самое время, когда императоры съ удвоенной энергіей ведя подпольную войну, обдумывали всевозможныя средства наносить другъ другу вредъ, Александръ I-ый сказалъ Брайю, посланнику Баваріи—дипломату, извѣстному свой преданностью Франціи: «Я люблю императора Наполеона, какъ брата; думаю, что и ему внушилъ такія же чувства; поэтому слѣдуетъ разсчитывать на прочное согласіе между нашими кабинетами» [1]. Съ своей стороны, и Наполеонъ строго-на-строго приказалъ своимъ дипломатическимъ агентамъ не дѣлать и не говорить ничего такого, что могло бы «внушить хотя бы малѣйшее сомнѣніе относительно тѣсной дружбы, связующей его съ Россіей» [2]. Съ той и другой стороны съ одинаковымъ усердіемъ постоянно заботились о поддержаніи внѣшняго вида дружбы и довѣрія. Съ тѣхъ поръ, какъ Александръ и Наполеонъ стали избѣгать говорить о томъ, что поселяло между ними вражду, они не обмѣнялись ни однимъ рѣзкимъ словомъ; они бросали даже другъ на друга ласковые взгляды и обмѣнивались улыбками. Александръ старался напомнить о себѣ своему союзнику знаками вниманія и подарками. Изъ лошадей своей конюшни онъ выбралъ самыхъ лучшихъ и рѣз-

---

[1]) Archives des affaires étrangères, Vienne, 12 septembre 1810.

[2]) Шампаньи Отто, 11 октября 1810 г. То же сказано и въ инструкціяхъ графу Нарбонну, въ Баваріи, 11 октября 1810 г.

выхъ для отправки императору. Въ Парижѣ съ представителями царя обходились любезнѣе, чѣмъ съ представителями другихъ дворовъ, и если Наполеонъ и отступалъ иногда отъ этого правила въ пользу австрійцевъ, то тотчасъ же извинялся передъ Россіей и выражалъ сожалѣніе, что Куракинъ, вслѣдствіе болѣзни рѣдко показывавшійся при дворѣ, не могъ пользоваться такими же знаками благоволенія и милости. «Скажите ему,— писалъ онъ Шампаньи, давая ему канву письма къ герцогу Виченцы,—что, несмотря на все мое желаніе, я ничѣмъ не могъ доказать ему *) моего благорасположенія, ибо онъ постоянно боленъ; что если я приглашалъ нѣсколько разъ на охоту князя Шварценберга, такъ это является слѣдствіемъ моего брака, а затѣмъ и потому, что ему, какъ военному, это доставляетъ большое удовольствіе» [1]). Въ заключеніе онъ прибавлялъ: «Поручите герцогу Виченцы заявить, что я твердо держусь союза съ Россіей и не уклоняюсь съ этого пути».

Впрочемъ, оба двора по-старому придерживались буквы договоровъ и строго исполняли юридически обоснованныя обязанности союза. Русскія гавани были закрыты кораблямъ подъ англійскимъ флагомъ. Призовой судъ присуждалъ къ конфискаціи тѣ изъ объявлявшихъ себя нейтральными судовъ, британское происхожденіе которыхъ не могло подлежать сомнѣнію и которыя ужъ слишкомъ грубо старались скрыть это. Французское правительство, по примѣру прошлаго, считало долгомъ вести сообща съ Россіей всѣ дѣла, въ которыхъ обѣ стороны были заинтересованы. Наполеонъ шагъ-за-шагомъ извѣщалъ царя о своихъ переговорахъ съ Англіей и сообщалъ въ Петербургъ о всѣхъ перемѣнахъ въ этихъ переговорахъ, какъ будто хотѣлъ доказать этимъ, что онъ никогда не заключитъ мира отдѣльно отъ Россіи. Но, несмотря на всѣ старанія добросовѣстно соблюдать полную корректность въ отношеніяхъ и не давать повода къ сколько-нибудь обоснованнымъ жалобамъ, не было никакой возможности надолго сохранить, даже во внѣшнихъ проявленіяхъ, то единеніе, котораго уже не было въ ихъ сердцахъ. Разладъ неизбѣжно долженъ былъ вспыхнуть, неизбѣжно должно было наступить острое разногласіе. Связующія

*) Говорится о Куракинѣ. (Прим. пер.)

[1]) Corresp., 17023.

ихъ узы, растягиваясь мало-по-малу, должны были дойти до такой тонины, что достаточно было малѣйшаго прикосновенія, чтобы они не выдержали и лопнули. Дѣйствительно, какъ только Наполеонъ захотѣлъ заставить Россію согласиться на примѣненіе противъ англійской торговли въ высшей степени суровыхъ мѣръ, которыя онъ уже ввелъ у остальныхъ своихъ союзниковъ, разрывъ произошелъ самъ собой.

Дѣйствіе этихъ мѣръ, аккуратнѣйшимъ образомъ примѣняемыхъ во всѣхъ зависящихъ отъ Франціи странахъ, начало сказываться. Присоединеніе Голландіи, закрытіе нѣмецкихъ рѣкъ, болѣе строгій надзоръ за берегами, безжалостное преслѣдованіе контрабанды; война, объявленная нейтральнымъ судамъ, конфискаціи товаровъ въ Германіи, примѣненіе новыхъ тарифовъ къ терпимымъ товарамъ,—все это нанесло нашимъ врагамъ непоправимые и громадные убытки. Огромное количество колоніальныхъ товаровъ, на пріобрѣтеніе которыхъ англичане затратили свои капиталы, не находя сбыта на континентѣ, было разбросано по морямъ и валялось по палубамъ и трюмамъ нейтральныхъ кораблей. Англійскіе владѣльцы этихъ товаровъ, не имѣя возможности обратить ихъ въ деньги, не знали, гдѣ добыть средства сдержать свои обязательства и покрыть срочные платежи. Въ Лондонѣ начались банкротства; вполнѣ солидные торговые дома, пользующіеся европейской извѣстностью, падали одинъ за другимъ, и каждое изъ этихъ паденій отзывалось на кредитѣ Англіи. Неизбѣжный разрывъ съ Соединенными Штатами долженъ былъ закрыть британскому экспорту одинъ изъ послѣднихъ его рынковъ. Кромѣ того, быстрый ростъ государственной задолженности, рабочій кризисъ, дороговизна хлѣба, невозможность пополнить недостатокъ урожая закупками заграницей,—все это, слѣдуя непосредственно за временемъ небывалаго процвѣтанія торговли, усилило тяжелое положеніе этихъ мрачныхъ дней. Война положила начало богатству англичанъ; продолженіе войны вело ихъ къ разоренію. Если сегодня во всѣхъ слояхъ народа царили только безденежье, упадокъ духа, опасеніе за будущее, то завтра должны были наступить всеобщая нужда, а въ ближайшемъ будущемъ возстаніе народныхъ массъ и классовая война [1]).

[1]) См. Green. Histoire du peuple anglais, II, 413—418.

Наполеонъ зналъ о тяжеломъ положеніи англичанъ. Онъ слѣдилъ за развитіемъ его по англійскимъ журналамъ, которые онъ жадно прочитывалъ, затѣмъ по доставлявшимся изъ Лондона свѣдѣніямъ, изъ которыхъ, по его приказанію, составлялись для него обстоятельныя выборки; наконецъ, по преніямъ въ парламентѣ,—и каждый новый симптомъ страданій ненавистнаго ему врага наполнялъ радостью его душу. Приближался ли онъ къ цѣли, къ которой стремился во все свое царствованіе? Сдѣлала ли экономическая война то, чего не смогли сдѣлать приготовленія къ высадкѣ въ Англію и удары, нанесенные Англіи одинъ за другимъ въ Европѣ, какъ-то: Булонскій лагерь, Аустерлицъ, Іена, Фридландъ, Ваграмъ, поглощеніе Германіи и Италіи, побѣда надъ Россіей и союзъ съ нею, разгромъ Австріи и почти союзныя съ нею отношенія, захватъ Испаніи, угроза Турціи и Индіи? Признаетъ ли Англія себя побѣжденной, подпишетъ ли она морской миръ, благодаря которому наступитъ конецъ континентальнымъ войнамъ, въ корень уничтожатся будущія осложненія, повсюду прояснится горизонтъ, и упрочатся величіе и безопасность Франціи? Впервые, послѣ многихъ лѣтъ борьбы, подобная развязка становится возможной. Она какъ будто уже близка и неизбѣжна, но при условіи, что мы смѣло, съ удвоенной энергіей, будемъ идти по намѣченному пути, ибо англійскіе торговцы упорно хотятъ продолжать борьбу, несмотря на сопряженные съ нею опасности и убытки, и не отказываются отъ надежды перешагнуть барьеры, которыми Наполеонъ старается окружить Европу.

Корабли съ колоніальными товарами по-прежнему укрывались и скоплялись въ Балтійскомъ морѣ. Здѣсь они дѣлали отчаянныя усилія найти лазейку для запрещенныхъ товаровъ. Корабли всѣхъ національностей, въ особенности американскіе, часто подъ прикрытіемъ и защитой англійскихъ военныхъ судовъ, несмѣтными стаями—сотнями и тысячами, носились по Балтійскому морю, «какъ остатки обращенной въ бѣгство арміи» [1]). Они блуждали по берегамъ, стучались во всѣ двери. Когда ихъ отталкивали отъ одного мѣста, они направлялись къ другому. Послѣ безплодныхъ попытокъ въ Любекѣ, Штетинѣ и Данцигѣ, гдѣ они всюду натыкались на Францію, они отказа-

[1]) Шампаньи Коленкуру, 16 октября 1810 г.

лись добиться чего-нибудь въ этихъ мѣстахъ и поднялись выше къ Сѣверу. Куда направлялись они?—Въ Швецію? Правда, она была еще для нихъ открыта; но она могла дать имъ только временное пристанище, такъ какъ и королевское правительство, и поѣхавшій въ Стокгольмъ Бернадотъ дали императору по этому поводу торжественныя обѣщанія. Къ тому же, для большинства судовъ Швеція была скорѣе пристанищемъ, чѣмъ конечной цѣлью. Какъ оказалось, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, торговыя флотиліи, на которыя Англія возлагала всѣ свои упованія, направлялись въ Россію, въ разсчетѣ на ея обширную береговую полосу, гдѣ изгнаніе нейтральныхъ судовъ не пріобрѣло еще силы закона.

Въ Россіи кораблямъ подъ нейтральнымъ флагомъ разрѣшалось свозить на берегъ товары, лишь бы была возможность доказать по наружному виду или посредствомъ очень легко получаемыхъ удостовѣреній, ихъ американское, а не англійское происхожденіе. Черезъ эту полу-открытую дверь ввозились на континентъ товары, принадлежавшіе, въ сущности, англичанамъ. Одни потреблялись въ русскихъ губерніяхъ; другіе, продолжая свой путь по сушѣ, шли черезъ Россію за-границу и расходились по Европѣ. Наши агенты были свидѣтелями, какъ они громадными обозами, настоящими караванами, приходили въ Германію. Все, что въ этомъ году было продано на ярмаркѣ въ Лейпцигѣ, пришло съ Сѣвера и было привезено на семистахъ повозокъ. Если Россія и впредь будетъ принимать англійскіе товары, если она будетъ разрѣшать ихъ сбытъ и провозъ заграницу, она въ обмѣнъ за товары будетъ снабжать англичанъ золотомъ, которое дастъ имъ возможность поддержать свой кредитъ и платить жалованье солдатамъ въ Испаніи. Она, въ полномъ смыслѣ слова, дастъ имъ въ руки оружіе для безконечной войны. Наоборотъ, если царь согласится наглухо закрыть свои гавани, и, признавая въ нейтральныхъ судахъ только агентовъ и посредниковъ британской торговли, закроетъ имъ доступъ въ Россію, онъ этимъ самымъ довершитъ блокаду Англіи, и, отнявъ у нея возможность распродать свои товары, лишитъ ее послѣдняго источника доходовъ и заставитъ просить пощады. По замѣчанію, сдѣланному Наполеономъ, миръ и война были въ рукахъ Россіи. Какъ видимъ, союзъ могъ принести несомнѣнную пользу какъ разъ въ то время, когда ошибки

той и другой стороны привели къ охлажденію и скрытой враждѣ.

При существовавшихъ условіяхъ, когда царю дано было столько причинъ къ опасеніямъ и недовѣрію, отвѣчало ли требованіямъ справедливости, разумно ли было просить у него новой и весьма тяжелой жертвы—неопровержимаго доказательства его преданности и самоотреченія? Правда, во всѣхъ разговорахъ, во всѣхъ письмахъ русскаго государя постоянно высказывалось горячее и неизмѣнное желаніе всеобщаго мира; сверхъ того, онъ утверждалъ, что никогда не нарушитъ союза первымъ: Коленкуръ съ каждымъ курьеромъ ручался за его добрыя намѣренія [1]). Можно ли было думать, что,—обращаясь къ чувствамъ Александра, вызывая въ немъ сочувствіе къ страданіямъ человѣчества, указывая на возможность въ недалекомъ будущемъ великаго всемірнаго успокоенія,—удастся добиться отъ него важнаго рѣшенія, согласнаго съ духомъ договора 1807 г., объявленной цѣлью котораго было: совокупными усиліями обѣихъ имперій привести Англію къ покорности? Одно время Наполеонъ цѣплялся за эту надежду, или, по крайней мѣрѣ, хотѣлъ сдѣлать нѣкоторыя попытки въ этомъ направленіи.

7 сентября онъ приказалъ предложить русскимъ принять новые тарифы на колоніальные товары и теперь ждалъ отвѣта на свое предложеніе. 13 октября онъ поднимаетъ вопросъ о нейтральныхъ судахъ. Въ одинъ и тотъ же день, дважды обращаясь къ Шампаньи, онъ предписываетъ ему: составить письмо герцогу Виченцы и повидать Куракина и настоять на конфискаціи всѣхъ транспортныхъ судовъ съ запрещенными товарами [2]). Затѣмъ, онъ приказываетъ переслать въ Петербургъ письмо командующаго войсками въ Данцигѣ генерала Раппа. Нужно сказать, что Раппъ видѣлъ въ Балтійскомъ морѣ огромныя сборища кораблей. Онъ доноситъ, что «огромное количество судовъ, нагруженныхъ за счетъ Англіи, направилось къ портамъ Рос-

[1]) Въ Приложеніи, подъ цифрой III, мы опубликовываемъ письма, написанныя въ продолженіе этого времени Коленкуромъ министру иностранныхъ дѣлъ. Архивы министерства иностранныхъ дѣлъ, Россія, 150 и 151. Эти письма ярко освѣщаютъ благородный характеръ посланника, его смѣлую откровенность, но въ то же время и его упорное заблужденіе насчетъ истинныхъ намѣреній Александра.

[2]) Corresp., 17040, 17041.

сіи» [1]). Наполеонъ думаетъ, что, вѣроятно, они теперь уже въ портахъ; что, прикрывшись флагами всевозможныхъ цвѣтовъ, они ждутъ, чтобы подлежащія власти высказались по ихъ поводу; что нельзя откладывать дѣла; что наступило время выдвинуть французскую теорію во всей ея строгости и указать Россіи на исключительное примѣненіе, которое ей надлежитъ сдѣлать на основаніи этой теоріи.

Шампаньи написалъ Коленкуру съ экстреннымъ курьеромъ. Въ письмѣ онъ вкратцѣ перечислилъ полученные отъ блокады результаты, поздравилъ Россію по поводу недавно произведенныхъ конфискацій, указалъ на прискорбныя послабленія и продолжалъ такъ: «Теперь, милостивый государь, когда мы приближаемся къ цѣли, ради которой принесено было столько жертвъ, представьте русскому правительству, какъ важно для общаго дѣла, какъ важно для самой Россіи, желающей мира, нанести совмѣстно съ Франціей послѣдній ударъ, который долженъ привести къ миру. Пусть русскій императоръ отдастъ приказъ конфисковать всѣ направляющіяся въ его порта суда. Они нагружены колоніальными товарами. Уже это одно даетъ безспорное право на наказаніе. Всякій колоніальный товаръ безусловно англійскій, подъ какимъ бы флагомъ онъ ни прибылъ. Поэтому конфискація его есть только слѣдствіе обязательствъ, принятыхъ на себя континентальными государствами. Въ настоящее время она принесетъ большую пользу континенту. Никогда еще Англія не была въ столь бѣдственномъ положеніи. Такое положеніе является, главнымъ образомъ, слѣдствіемъ послѣднихъ принятыхъ императоромъ мѣръ. Вексельный курсъ Англіи падаетъ съ каждымъ днемъ, банковыя бумаги превратились въ ассигнаціи, паденіе которыхъ уже даетъ себя знать. Банкротства учащаются съ каждымъ днемъ. Банкротство дома Беккера, спекулировавшаго на колоніальныхъ товарахъ, произошло отъ неудачныхъ спекуляцій. Крахъ Гольдсмита, *одного изъ столповъ Сити*, какъ говорятъ англичане, произошелъ такъ же, хотя и косвенно, отъ той же причины. Онъ взялъ на себя крупную партію послѣдняго, выпущеннаго правительствомъ, займа и пріобрѣлъ облигаціи государственнаго долга. Купцы, спекулирующіе на колоніальныхъ товарахъ, послѣ тщетнаго ожиданія выручки, должны были для покры-

---

[1]) Id., 17041.

тія срочныхъ обязательствъ продавать имѣющіяся у нихъ облигаціи государственнаго долга. Отсюда пониженіе въ цѣнѣ этихъ бумагъ, затѣмъ заёмныхъ векселей и разореніе Гольдсмита, пустившаго себѣ пулю въ лобъ. Все это произошло только отъ того, что задержалась продажа грузовъ, предназначенныхъ для сѣверной Германіи или Балтійскаго моря. Какой же получится результатъ, если всѣ перевезенные въ Россію грузы будутъ конфискованы въ моментъ ихъ прибытія! Изъ вѣрнаго источника намъ извѣстно, какое отчаяніе царитъ въ англійскомъ торговомъ мірѣ, какъ тамъ всѣ желаютъ мира, тогда какъ еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ равнодушно относились къ продолженію войны.

«Вскорѣ Швеція будетъ закрыта для англійской торговли, и, если Россія присоединится къ Франціи, если она приметъ и прикажетъ строго выполнить мѣру, которую поручается вамъ предложить ей, миръ сдѣлается всеобщимъ желаніемъ въ Англіи—и ея правительство вынуждено будетъ просить о немъ.

«Итакъ, настаивайте на конфискаціи транспортныхъ судовъ съ колоніальными товарами. Какую бы личину они ни принимали, подъ какимъ бы флагомъ ни шли, что бы ни разсказывали, они англійскія или законтрактованы Англіей. Если приказанія русскаго императора на этотъ предметъ будутъ послѣдовательно, строго и точно выполнены, они дадутъ русской государственной казнѣ громадный доходъ, приблизительно въ шестьдесятъ милліоновъ, и нанесутъ Англіи тяжкій ударъ.

«Императоръ придаетъ такое громадное значеніе этой мѣрѣ, что ему угодно было, чтобы я сдѣлалъ ее предметомъ особаго письма, которое было представлено ему на просмотръ. Если вамъ удастся добиться принятія и введенія ея по всей русской имперіи, вы дадите Его Величеству новое доказательство таланта и усердія, съ какими вы ему служите» [1]).

Нѣсколько дней спустя послѣ отправки депеши, съ Сѣвера пришли новыя извѣстія. Дѣла въ Балтійскомъ морѣ начинали выясняться. Громадная партія въ шестьсотъ судовъ, столпившись при входѣ въ Балтійское море, подошла къ берегамъ Мекленбурга. Не принятая тамъ, она двинулась вдоль побережья, и все даетъ поводъ думать, что она будетъ искать доступа въ

[1]) Шампаньи Коленкуру, 16 октября 1810 г. Cf. Corresp., 17040, 17041.

гавани Пруссіи. Тутъ-то Наполеонъ и хочетъ поймать и перехватить ее. Всей душой отдаваясь этой охотѣ, онъ предписываетъ Пруссіи изгнать или конфисковать эти шестьсотъ судовъ. «Въ противномъ случаѣ, добавляетъ онъ, я вступлю въ Пруссію. У меня нѣтъ другого способа вести войну съ Англіей. Этотъ способъ оказывается дѣйствительнымъ, и ничто не остановитъ меня» [1]). Никогда еще болѣе грубая фраза не сопровождалась болѣе краткимъ приказаніемъ; никогда рука побѣдителя не опускалась съ такой тяжестью на порабощенную Пруссію. Но почти въ то же время Наполеонъ узнаетъ, что, дрожавшій за свою судьбу, вполнѣ подчинившійся ему потсдамскій дворъ опередилъ наши желанія и наглухо закрылъ свои гавани. Очевидно, что, эти шестьсотъ кораблей вынуждены будутъ выйти въ открытое море и должны будутъ направиться въ поискахъ удачи къ Россіи. Въ этомъ-то послѣднемъ убѣжищѣ и слѣдуетъ преслѣдовать врага, окружить его и принудить къ сдачѣ. Послѣ предъявленнаго Пруссіи требованія закрыть гавани, Наполеонъ заклинаетъ Россію забрать просящія ея покровительства суда, завладѣть богатой добычей, которую ея союзникъ направляетъ къ ней въ руки. По его мнѣнію, когда представляется такой великолѣпный случай, раздумье непростительно, угрызеніе совѣсти преступно. Итакъ, пусть императоръ Александръ не пугается воплей торговаго міра и ропота своего народа; пусть проявитъ рѣшительность и энергію; на его долю выпадаетъ честь нанести смертельный ударъ находящемуся при послѣднемъ издыханіи врагу. Британская торговля ищетъ въ Россіи спасенія,—пусть она найдетъ тамъ гибель. Одно усиліе, еще одно послѣднее усиліе,—и Англія будетъ повалена. «Конфискація шестисотъ грузовыхъ судовъ будетъ самой блестящей побѣдой, когда-либо одержанной надъ англичанами; пусть же Россіи достанутся въ этомъ дѣлѣ слава и барышъ» [2]).

Обращаясь къ Александру съ этимъ пылкимъ воззваніемъ, Наполеонъ сознавалъ, что, ради того, чтобы заставить Александра исполнить его желаніе, необходимо было вернуть царю нѣкоторую долю душевнаго спокойствія. Развѣ исчезла всякая возможность разсѣять собравшіяся за послѣдніе мѣсяцы тучи?—думаетъ

[1]) Corresp., 17062.
[2]) Шампаньи Коленкуру, 23 октября 1810 г.

онъ. По своей необузданной гордынѣ и вполнѣ понятному недовѣрію, Наполеонъ всегда уклонялся отъ выдачи какого бы то ни было ручательства своихъ намѣреній; онъ всегда избѣгалъ подтвердить ихъ безспорнымъ актомъ уступчивости и умѣренности. Но онъ и теперь готовъ повторить данныя имъ объясненія, онъ не прочь повторить то, что, въ сущности, и было его мыслью, т. е., что у него нѣтъ заранѣе обдуманнаго плана порвать съ союзомъ, «что его интересы, его политика заставляютъ его желать продолженія союза» [1]). Онъ хочетъ нарушить молчаніе; онъ намѣренъ заговорить о щекотливыхъ вопросахъ, къ разсмотрѣнію которыхъ умышленно не приступалъ уже нѣсколько недѣль, и еще разъ готовъ сдѣлать попытку, чтобы его выслушали и поняли. Онъ рѣшилъ написать императору Александру и лично возобновить свою просьбу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ему желательно было, чтобы его шаги нашли поддержку и оправданіе въ словахъ, которыя могли бы убѣдить и успокоить царя и которыя исходили бы непосредственно отъ него.

Какъ же передать эти слова, черезъ кого? Какъ ни былъ увѣренъ онъ въ усердіи Коленкура, въ его умѣньѣ вести дѣла, онъ предпочитаетъ обратиться къ царю черезъ человѣка, состоящаго на русской службѣ, болѣе близкаго къ царю. Русскій посланникъ совершенно не былъ пригоденъ для точной передачи, для авторитетнаго истолкованія разговора, гдѣ каждое слово имѣло свое значеніе и свою цѣну. Князь Куракинъ съ каждымъ днемъ замѣтно слабѣлъ и дряхлѣлъ. Онъ уже не искалъ случая заслужить довѣріе своего двора, ограничивалъ свои обязанности тѣмъ, что изрѣдка писалъ высокопарнымъ, вымученнымъ слогомъ длинныя депеши, а его секретари, за неимѣніемъ серьезной работы, занимались во время присутственныхъ часовъ въ канцеляріи самымъ необычайнымъ дѣломъ [2]). Но у царя былъ во Франціи времен-

[1]) Донесеніе Чернышева императору Александру, октябрь 1810 г. Recueil de la Société impériale d'histoire de Russie, t. XXI, 17.

[2]) Донесеніе полиціи о русскомъ посольствѣ, 1 сентября 1810 г.: „Секретари смѣются надъ безполезной работой, которую ихъ торжественно заставляютъ продѣлывать. Во-главѣ насмѣшниковъ стоятъ Нессельроде и Крюденеръ. Въ одномъ изъ послѣднихъ конвертовъ посланника они отправили стихи собственнаго издѣлія, гдѣ князь выставленъ въ смѣшномъ видѣ. Чтобы не выдать себя, они заставили всѣхъ секретарей снять копіи и послать ихъ своимъ друзьямъ въ Россію". Archives nationales F7, 3724.

ной агентъ, дѣятельный и полезный,—полная противоположность Куракину. Это былъ одинъ изъ его флигель-адъютантовъ, тотъ самый полковникъ Чернышевъ, который, какъ помнитъ читатель, исполнялъ должность гонца между Петербургомъ и нашей главной квартирой во время кампаніи 1809 г. Александръ замѣтилъ въ немъ особый нюхъ, особую проницательность, иначе говоря, даръ все высмотрѣть и при томъ хорошо высмотрѣть, вслѣдствіе чего онъ обыкновенно назначалъ его гонцомъ съ порученіями къ императору. Царь только-что снова прислалъ его съ дружескими письмами, пользуясь представившимся случаемъ, чтобы ввести въ Парижъ крайне дѣятельнаго, и, къ тому же, не брезгавшаго средствами соглядатая.

Уже съ давнихъ поръ Александръ пользовался всякимъ случаемъ дать Чернышеву возможность втереться въ довѣріе французскаго правительства. Онъ говорилъ, что этотъ молодой человѣкъ боготворитъ императора Наполеона; что онъ неистощимъ въ похвалахъ всему, что видитъ во время своихъ командировокъ и «говоритъ такъ, будто онъ самъ французъ» [1]). Что же касается Коленкура, онъ не разгадалъ ни характера, ни замашекъ странствующаго флигель-адъютанта. Въ своихъ донесеніяхъ въ Парижъ онъ характеризуетъ его, «какъ добраго малаго, какъ превосходнаго молодого человѣка» и отзывается съ похвалой о его «скромномъ и полномъ такта поведеніи» [2]).

Въ Парижѣ Чернышевъ, дѣйствительно, оказался полной противоположностью Куракину: онъ былъ столь же подвиженъ, какъ тотъ неповоротливъ. Онъ бывалъ во всѣхъ слояхъ общества, въ одинаковой степени увлекаясь и собираніемъ свѣдѣній, и желаніемъ повеселиться. Обладая большимъ апломбомъ и удивительнымъ умѣньемъ сходиться съ людьми, онъ втирался въ тѣ круги общества, знакомство съ которыми имѣло для него особую важность, и потерялъ счетъ своимъ успѣхамъ въ свѣтѣ. Онъ пользовался большимъ успѣхомъ у женщинъ, былъ «большимъ сердцеѣдомъ» [3]); въ женскомъ обществѣ былъ неизсякаемъ въ комплиментахъ и любезныхъ фразахъ, и, хотя нѣкоторыя изъ дамъ, идя про-

---

[1]) Донесеніе Коленкура № 57, октябрь 1809 г.

[2]) Письмо Талейрану, 22 января и 6 февраля 1810 г. Archives des affaires étrangères, Russie, 150.

[3]) Comtesse de Choiseul-Gouffier. Réminiscences sur Napoléon I-er et Alexandre I-er, p. II.

тивъ всеобщаго увлеченія, считали его «самонадѣяннымъ, фатомъ, приторнымъ и, слѣдовательно, крайне пошлымъ» [1]), многія находили его неотразимо-очаровательнымъ. Такимъ образомъ, онъ нашелъ пріятный способъ наводить справки, и въ будуарахъ парижанокъ производилъ полезныя ему развѣдки, выжидая случая проникнуть дальше и добраться до военныхъ канцелярій включительно. Онъ успѣлъ уже завязать сношенія въ министерствѣ, на которое, главнымъ образомъ, была направлена его подпольная дѣятельность. Онъ началъ съ подкупа чиновниковъ, просмотрѣлъ нѣкоторыя бумаги, изъ которыхъ могъ узнать о количествѣ и расположеніи нашихъ войскъ, надѣялся выкрасть нѣкоторые документы и снять съ нихъ копіи, и, забывая о чести мундира, готовился къ ремеслу шпіона [2]). Его продѣлки не ускользнули отъ вниманія новаго министра полиціи, генерала Савари. Недовѣрчивый по натурѣ и по долгу службы, Савари слѣдилъ за нимъ, но другіе министры были такъ увлечены, что называли подозрѣнія своего коллеги пустыми бреднями. Они усиленно покровительствовали сумѣвшему понравиться имъ Чернышеву, такъ что онъ сдѣлался въ Парижѣ «маленькой силой» [3]). Слишкомъ проницательный, чтобы не почуять въ его поѣздкахъ тайнаго умысла, императоръ, тѣмъ не менѣе, принималъ его не безъ удовольствія. Онъ считалъ его однимъ изъ тѣхъ умныхъ, не имѣющихъ предразсудковъ людей, съ которыми всегда пріятно побесѣдовать и иногда не трудно сговориться. Его-то онъ и избралъ исполнителемъ своего порученія и нашелъ дѣломъ вполнѣ подходящимъ открыто высказать свою мысль тому, кто пріѣхалъ съ цѣлью вывѣдать и уловить ее.

Въ это время дворъ былъ въ Фонтенебло. 21 октября дипломатическій корпусъ и выдающіяся лица иностранной колоніи получили приглашеніе на балъ въ Фонтенебло. До бала, во время общей аудіенціи, дѣлая обычный обходъ приглашенныхъ, императоръ три раза подходилъ къ Чернышеву и на-ходу бросилъ ему нѣсколько милостивыхъ словъ. Вечеромъ во время бала, съ высоты эстрады, гдѣ онъ находился съ императрицей и принцами, онъ поглядывалъ на толпу, ища въ ней русскій мундиръ.

---

1) Id.
2) Mémoires du duc de Rovigo, V, 124—132.
3) Id., 206.

Какъ только увидалъ онъ Чернышева, онъ приказалъ позвать его. Вслѣдъ за тѣмъ, когда императрица направилась къ игорнымъ столамъ, онъ овладѣлъ молодымъ человѣкомъ, и, уединившись съ нимъ въ амбразуру окна, дружески и долго бесѣдовалъ съ нимъ. Въ началѣ разговора, обращаясь къ нему, какъ къ военному, онъ заговорилъ о военномъ дѣлѣ. Онъ высказалъ рядъ замѣчаній относительно послѣдней русско-турецкой кампаніи: сдѣлалъ оцѣнку военныхъ операцій, критиковалъ однѣ, хвалилъ другія; высказалъ свое мнѣніе о достоинствахъ начальниковъ; очистилъ бюллетени отъ преувеличеній; возстановилъ факты въ ихъ истинномъ свѣтѣ; суммировалъ полученные результаты и опредѣлилъ дальнѣйшие шансы. Предлагая неоднократно Чернышеву вопросы, онъ старался заставить его проговориться. Не трудно было замѣтить, какъ интересовала, какъ занимала его мысли эта война, съѣдавшая, истощавшая русскія силы и державшая ихъ вдали отъ него; до какой степени ему хотѣлось узнать, когда и чѣмъ она кончится. Рѣшивъ прекратить этотъ допросъ, Чернышевъ воспользовался краткимъ молчаніемъ и поздравилъ Его Величество съ его успѣхами въ Португаліи, о которыхъ говорилось въ *Moniteur'ѣ*. Наполеонъ, всегдашнимъ желаніемъ котораго было имѣть ясное представленіе о чужихъ дѣлахъ, не любилъ, чтобы близко разсматривали его собственныя. Онъ очень холодно отвѣтилъ на поздравленіе и отвлекъ разговоръ слѣдующей выходкой: «Что, ваши генералы,—спросилъ онъ,—очень грабятъ?» [1]). Напустивъ на себя скромный и испуганный видъ, Чернышевъ отвѣтилъ, что подобныя безобразія неизвѣстны въ войскахъ царя. «Ну!—сказалъ императоръ,—напрасно вы не откровенны со мной. Я отлично знаю, что у васъ далеко не такіе грабители, какъ у меня, но я не рискнулъ бы поручиться за вашихъ командировъ авангарда и за казачьихъ полковниковъ».

Поговоривъ о каждой изъ обѣихъ имперій въ отдѣльности, коснулись и ихъ взаимныхъ отношеній и заговорили о Франціи и Россіи въ совокупности. Разговоръ тянулся, пока не кончилась партія императрицы. Тогда Наполеонъ отпустилъ Чер-

[1]) Эта и слѣдующія цитаты до стр. 523, за исключеніемъ тѣхъ, по поводу которыхъ сдѣланы особыя ссылки, взяты изъ донесенія Чернышева, опубликованнаго въ Recueil de la Société impériale d'histoire de Russie t. XXI, p. 1 à 22.

нышева, наговоривъ ему много лестнаго. На другой день, онъ пригласилъ его во дворецъ и принялъ въ своемъ кабинетѣ. Онъ возобновилъ и довелъ до конца начатый наканунѣ разговоръ. Въ этотъ день, какъ и наканунѣ, онъ, по обыкновенію, говорилъ очень растянуто, много, несвязно, но иногда у него вырывались яркія фразы, которыя всесторонне освѣщали высказываемыя имъ мысли. На этотъ разъ, вмѣсто того, чтобы морочить своего собесѣдника, онъ, наоборотъ, счелъ необходимымъ играть съ открытыми картами, рѣшивъ, что, въ данномъ случаѣ, высшее искусство—быть дерзко-откровеннымъ. Затрагивая поочередно всѣ вопросы, онъ далъ неожиданныя объясненія о точкѣ зрѣнія, съ какой онъ до сихъ поръ разсматривалъ и обсуждалъ каждый вопросъ, и далъ понять, правда, съ нѣкоторыми замалчиваніями, въ какомъ положеніи его политика относительно Россіи.

Нечего скрывать, сказалъ онъ, что между обоими дворами существуетъ нѣкоторая холодность въ отношеніяхъ; что, хотя его личныя чувства къ императору Александру нисколько не измѣнились, но между ними нѣтъ уже ни прежней дружбы, ни прежняго довѣрія. Причиной этому Польша. И, принимаясь снова за этотъ безконечный вопросъ, Наполеонъ шагъ-за-шагомъ разобралъ его съ самаго начала, т. е., съ момента его возникновенія, все время ставя въ вину Россіи то, что она своей умышленной медлительностью въ 1809 г. допустила его возникновеніе. Онъ говорилъ, что тогда онъ, помимо своей воли, долженъ былъ подчиниться необходимости увеличить герцогство. Что же касается мысли пересоздать герцогство въ королевство, то это никогда не входило въ разсчеты его политики; но что онъ никогда не скажетъ объ этомъ въ выраженіяхъ, «несовмѣстимыхъ съ его честью». Въ этомъ отношеніи не слѣдуетъ поддерживать никакихъ иллюзій. Онъ не подпишетъ договора, который, къ тому же, самъ по себѣ «ничего не докажетъ».

Онъ говорилъ далѣе, что желаемаго обезпеченія слѣдуетъ искать въ общей сложности его поступковъ, въ здравой оцѣнкѣ его характера. Предполагать въ немъ склонность уподобляться классическимъ завоевателямъ, думать, что онъ склоненъ къ безконечнымъ войнамъ,—значитъ совершенно не знать его. У него одна цѣль: принудить Англію къ миру, и онъ никогда не сойдетъ съ этого пути, чтобы гоняться за далекими романиче-

скими приключеніями. Что ему дѣлать въ снѣгахъ Польши или въ украинскихъ равнинахъ? «Это можетъ прельщать Александра, но, что касается его, это совсѣмъ не въ его духѣ. Война, близкая его сердцу,—это война на моряхъ; всѣ его мечты направлены къ тому, чтобы создать внушительный флотъ. Поэтому Его Величество русскій императоръ можетъ быть спокоенъ; онъ можетъ безопасно двинуть свои войска противъ Турціи; можетъ отмѣнить приказъ о новомъ безполезномъ рекрутскомъ наборѣ и тѣмъ избѣгнуть крупныхъ расходовъ. Онъ самъ не производилъ въ этомъ году рекрутскаго набора». Сколько у него войскъ въ Германіи? продолжалъ онъ далѣе.— Шестьдесятъ батальоновъ маршала Даву. Развѣ войну съ Россіей ведутъ съ шестьюдесятью батальонами? Если онъ придвинулъ эти войска къ Сѣверу, если поставилъ ихъ между Ганноверомъ и Гамбургомъ, то единственно съ цѣлью установить надзоръ за Везеромъ и Эльбой. Впрочемъ, онъ согласился, что поляки возводятъ ретраншементы передъ Варшавой,—онъ самъ первый сказалъ объ этихъ работахъ. Но развѣ не русскіе первые подали примѣръ поспѣшностью, съ какой они укрѣплялись вблизи своихъ границъ? Онъ ничего не можетъ сказать противъ этого—каждый хозяинъ въ своемъ домѣ; только, по его мнѣнію, было вполнѣ естественно, что и варшавяне, видя, что ихъ сосѣди принимаютъ извѣстныя мѣры, дѣлали то же самое и на своей территоріи. Онъ не можетъ помѣшать имъ быть настороже, но не имѣетъ желанія дѣлать ихъ орудіемъ нападенія. Его разговоръ съ Чернышевымъ служилъ разъясненіемъ тѣхъ словъ, которыя онъ въ это же самое время приказалъ передать въ Петербургъ герцогу Виченцы. «Я не отрицаю, что Швеція и Польша, въ случаѣ войны съ Россіей, будутъ служить орудіемъ противъ нея, но эта война никогда не будетъ дѣломъ моихъ рукъ» [1]).

По поводу Швеціи онъ снова подтвердилъ, что не оказывалъ ни малѣйшаго содѣйствія избранію Бернадота,—что только съ большой натяжкой было согласно съ истиной. Онъ указалъ на тѣ стороны, которыя ему, дѣйствительно, не нравились въ этомъ дѣлѣ, а именно: что въ наслѣдники престола былъ избранъ «одинъ изъ его маршаловъ, не состоящій съ нимъ въ родствѣ. Это вскружило головы остальнымъ, которые теперь во-

[1]) Corresp., 17023.

ображаютъ, что имѣютъ право на короны». Затѣмъ онъ высказалъ, что предпочелъ бы, чтобы въ Швеціи не было никакихъ перемѣнъ, но при условіи, что она вступитъ въ континентальную систему и будетъ ей вѣрна. Онъ признался, что, если бы ему предстояло высказаться о желательной политикѣ на Сѣверѣ, онъ высказался бы въ пользу союза скандинавскихъ королевствъ. Что же касается Пруссіи, то весь интересъ его къ ней сводится къ требованію строгаго примѣненія блокады. Впрочемъ, по его словамъ, въ этомъ отношеніи онъ былъ ею крайне доволенъ, и русскіе напрасно довѣряютъ свои тайны потсдамскому двору, ибо этотъ дворъ, изъ страха передъ нимъ, все ему передаетъ. Перейдя затѣмъ къ Австріи, онъ сказалъ нѣсколько словъ о партіи Разумовскаго, объ антифранцузскихъ проискахъ, о своихъ жалобахъ, и, не останавливаясь на нихъ, прибавилъ, «что русскому императору не трудно было бы, не огорчая его уклончивыми отвѣтами, исполнить его просьбы». Въ концѣ-концовъ онъ почти совсѣмъ раскрылъ свои отношенія съ вѣнскимъ дворомъ, и впервые, послѣ семи мѣсяцевъ молчанія, заговорилъ о деликатномъ вопросѣ—о брачномъ союзѣ, т. е., исходной точкѣ нынѣшнихъ отношеній съ вѣнскимъ дворомъ. Развѣ въ этомъ случаѣ онъ не обратился прежде всего къ Россіи?—сказалъ онъ. Только несогласіе императрицы-матери, которое было причиной неоднократныхъ отсрочекъ, вынудило его обратиться къ Австріи. Съ Австріей же все было покончено «въ нѣсколько часовъ», благодаря тому, что онъ нашелъ въ князѣ Шварценбергѣ «ловкаго человѣка», умѣющаго пользоваться случаемъ. Тѣмъ не менѣе, говорилъ онъ, онъ сожалѣетъ о несостоявшемся между домами Франціи и Россіи семейномъ союзѣ. Онъ съ видимымъ удовольствіемъ началъ распространяться объ этомъ предметѣ, но, вдругъ спохватившись, что въ его сожалѣніи ничего не было лестнаго для Маріи-Луизы, онъ продолжалъ: «Я не сожалѣю о случившемся. Я доволенъ моей женой, она мнѣ нравится. Вы видѣли ее. Но, такъ какъ у государей политика должна входить во всѣ дѣла, я долженъ сознаться, что вашъ бракъ былъ бы для меня болѣе подходящимъ».

Послѣ брака, продолжалъ онъ, Австрія была бы къ его услугамъ, если бы только онъ захотѣлъ этого. Изъ ненависти къ русскимъ, завидуя имъ, недовольная ихъ успѣхами на Дунаѣ, она старалась расположить его въ свою пользу и пріобрѣ-

сти его дружбу. Онъ намекнулъ на неоднократно дѣланныя ему предложенія, и имѣлъ полное основаніе похвастаться, что отклонилъ ихъ. Онъ не заключилъ, продолжалъ онъ, политическаго союза съ Австріей, да и не желаетъ этого, ибо прекрасно сознаетъ, что причинилъ Австріи слишкомъ много страданій, чтобы разсчитывать, что она когда-либо сдѣлается его вѣрной союзницей. Онъ пошелъ еще дальше. Выдавая до нѣкоторой степени тайну своихъ послѣднихъ разговоровъ съ Меттернихомъ, во время которыхъ онъ старался только обезпечить себѣ нейтралитетъ Австріи, онъ сказалъ: «Возможно, что Франція объявитъ войну Россіи, но она никогда не поведетъ ее совмѣстно съ Австріей». Нужно прибавить, что онъ и не думалъ скрывать, что его цѣль—создать между древними императорскими дворами антагонизмъ интересовъ и поддерживать между ними постоянныя подозрѣнія; что онъ предоставилъ царю княжества не столько по дружбѣ, сколько изъ разсчета; не ради любви къ своему союзнику, но изъ желанія поссорить его съ Австріей; что та же причина заставляетъ его быть уступчивымъ и поддерживать требованія Россіи на лѣвомъ берегу Дуная.

Такимъ образомъ, по его словамъ, еще и теперь только отъ Александра зависитъ пожать плоды союза и сдѣлать свое царствованіе самымъ славнымъ, самымъ блестящимъ, какое когда-либо знавала Россія—конечно, при условіи, если царь останется вѣренъ союзу. Развѣ дать Россіи Финляндію и русло Дуная, да еще надежду на морской миръ въ ближайшемъ будущемъ,— не значитъ исполнить желанія ея народа, не значитъ осуществить его самыя смѣлыя мечты, «закончить ея романъ?» И все это вполнѣ возможно, если не остановятся передъ строгими мѣрами, если оградятъ себя отъ всякаго рода контрабанды!... *По своему географическому положенію Россія рождена, чтобы быть другомъ Франціи.* Если она останется таковымъ и впредь, ея наградой будетъ расширеніе ея владѣній и выгоды, которыя воспослѣдуютъ для нея изъ ея содѣйствія близкому уже морскому миру, который впредь не будетъ зависѣть отъ капризовъ и деспотизма націи, находящейся, благодаря принятымъ за послѣднее время мѣрамъ, наканунѣ гибели. Въ противномъ случаѣ Россія опять станетъ въ положеніе, въ которомъ у ней останутся только надежды. Онъ знаетъ, что и онъ можетъ стать въ такое же положеніе, но, во всякомъ случаѣ,

достовѣрно то, что, если между ихъ имперіями вспыхнетъ война, она неизбѣжно принесетъ вредъ и побѣдителю, и побѣжденному».

Впрочемъ, сказалъ онъ, исходя изъ того, «что русскій императоръ и его министръ—первые и единственные люди, которые поняли его, онъ увѣренъ, что Его Величество приметъ во вниманіе его просьбу и все, что съ ней связано; но, что для этого безусловно необходимо отказаться отъ всѣхъ полумѣръ, которыя могутъ затянуть, можетъ быть, на годъ, а то и на два, неопредѣленное положеніе обѣихъ имперій и, безъ сомнѣнія, доведутъ ихъ до ссоры». Стало быть, прежде всего необходимо, чтобы императоръ Александръ не пускалъ въ свои гавани тѣ шестьсотъ судовъ, на которыхъ сложены остатки британскаго богатства; чтобы онъ снова выкинулъ въ море то, что оно выбросило къ нему на берегъ послѣ громаднаго кораблекрушенія, а то—и это еще лучше—онъ можетъ, впустивъ ихъ, завладѣть ими и объявить ихъ своей законной добычей. Эта суровая мѣра, обогативъ его казну, довершитъ финансовый крахъ англичанъ; за этимъ вскорѣ послѣдуетъ миръ, и цѣль союза будетъ достигнута. Вотъ тема, которую Наполеонъ развивалъ въ двадцати различныхъ видахъ. Несмотря на тысячи отклоненій въ сторону, онъ постоянно возвращался къ ней самыми неожиданными подходами, всякій разъ приводя новые факты, новыя доказательства и соображенія и, наконецъ, въ заключеніе разговора, передалъ въ руки Чернышева письмо императору Александру, составленное въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Мой Братъ, Ваше Императорское Величество прислали мнѣ чудныхъ лошадей, за что спѣшу принести вамъ мою благодарность.

«Англичане сильно страдаютъ отъ присоединенія Голландіи и отъ моего приказанія занять порты Мекленбурга и Пруссіи. Въ Лондонѣ каждую недѣлю происходятъ банкротства, приводя Сити въ замѣшательство. Фабрики стоятъ безъ работы; магазины завалены товаромъ. Я только-что приказалъ забрать во Франкфуртѣ и Швейцаріи громадное количество англійскихъ и колоніальныхъ товаровъ. Шестьсотъ англійскихъ судовъ, скитавшихся въ Балтійскомъ морѣ, не были приняты ни въ Мекленбургѣ, ни въ Пруссіи и направились къ владѣніямъ Вашего Величества. Если вы примете ихъ, война затянется; если же за-

держите и конфискуете ихъ грузъ, – тогда ли, когда суда будутъ въ вашихъ гаваняхъ, или же когда товары будутъ уже свезены на берегъ,—ударъ, нанесенный Англіи, будетъ ужасенъ. Всѣ эти товары принадлежатъ англичанамъ. Миръ или продолженіе войны въ рукахъ Вашего Величества. Вы желаете и должны желать мира. Ваше Величество можетъ быть увѣреннымъ, что мы добьемся мира, если вы конфискуете эти шестьсотъ судовъ и ихъ грузъ. Какими бы бумагами они ни были снабжены, подъ какимъ бы именемъ ни скрывались—французскимъ, нѣмецкимъ, испанскимъ, датскимъ, русскимъ,—Ваше Величество можетъ быть увѣренъ, что они принадлежатъ англичанамъ.

«Графъ Чернышевъ, который возвращается къ Вашему Величеству, отлично держалъ себя здѣсь.

«Мнѣ остается только просить Ваше Величество всегда разсчитывать на мои неизмѣнныя къ вамъ чувства, которыхъ не могутъ поколебать ни время, ни событія» [1]).

Кромѣ изложенной въ этомъ письмѣ просьбы, Чернышеву поручено было передать на словахъ еще другую, которую Коленкуру предписывалось поддерживать всѣми силами. Дѣло шло о Швеціи. За нѣсколько дней до этого недовольство Наполеона Швеціей снова усилилось. Дѣло въ томъ, что стокгольмскій кабинетъ только дѣлалъ видъ, что желаетъ исполнять принятыя на себя обязательства. Онъ все время изобрѣталъ предлоги не прерывать сношеній съ англичанами и просилъ отсрочки. Правда, Наполеонъ надѣялся, что Бернадотъ, по пріѣздѣ въ Стокгольмъ, сдержитъ слово и заставитъ объявить войну англичанамъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы сломить сопротивленіе Швеціи, онъ искалъ и другихъ средствъ воздѣйствія на нее. Онъ сдѣлалъ посланнику Швеціи жестокую сцену. Его выкрики доносились до сосѣднихъ комнатъ, такъ что дежурные офицеры, находившіеся рядомъ съ кабинетомъ императора, сочли нужнымъ, изъ скромности, удалиться. «Швеція, говорилъ онъ барону Лагельбіельке, сдѣлала мнѣ въ этомъ году зла больше, чѣмъ пять коалицій, съ которыми я справился. . Она одна, что-ли, хочетъ служить складомъ, откуда всѣ англійскіе и колоніальные товары могутъ найти свободный доступъ на континентъ?—Ну, нѣтъ! Если бы даже появился новый Карлъ XII и сталъ лагеремъ на высотахъ Монмартра, онъ

[1]) Corresp., 17071

не добился бы этого отъ меня!» [1]). Его гнѣвъ былъ непритворный, но, прежде всего, тутъ былъ разсчетъ. Императоръ высказывалъ свою угрозу въ такой рѣзкой формѣ потому, что не былъ въ состояніи нанести Швеціи удара, такъ какъ, въ силу своей отдаленности и своего почти островного положенія, она была недоступна для насъ, внѣ нашего нападенія. Но вѣдь есть косвенный путь добраться до нея. Вѣдь нашъ союзникъ, владѣнія котораго прилегаютъ къ Швеціи, можетъ оказать на ея рѣшенія спасительное давленіе. Одно слово царя, въ которомъ Швеція почувствовала бы возможность вооруженнаго вмѣшательства, одно данное царемъ предостереженіе, за которымъ бы можно было предвидѣть вторженіе русскихъ войскъ, сдѣлало бы гораздо больше, чѣмъ всѣ свирѣпыя слова Франціи. Слово царя придало бы силу и значеніе словамъ Наполеона. Наполеонъ могъ только свирѣпствовать, но важно было не это: вся суть была въ томъ, чтобы Россія стала въ угрожающую позу. Поэтому императоръ рѣшилъ просить Александра, чтобы онъ обратился къ правительству короля Карла XIII съ строгимъ внушеніемъ, чтобы онъ напомнилъ ему о его обязанностяхъ, потребовалъ бы войны съ англичанами, а, главнымъ образомъ, конфискаціи сваленныхъ въ докахъ Готенбурга колоніальныхъ товаровъ. Возвращаясь, такимъ образомъ, къ намѣченному въ Тильзитѣ плану, Наполеонъ старается воспользоваться Россіей для того, чтобы оказать давленіе на весь Сѣверъ, чтобы возбранить англичанамъ туда доступъ, закрыть ихъ торговлѣ послѣднія мѣста сбыта и быстро довести ихъ до унизительной капитуляціи. «Въ настоящее время, писалъ Шампаньи Коленкуру, это единственный предметъ его политики. Успѣхъ его послѣднихъ мѣръ заставляетъ его придавать громадную цѣну тому, чтобы онѣ всюду примѣнялись, и, при томъ, настойчиво и строго, до тѣхъ поръ, пока онѣ не приведутъ къ желаемой цѣли — миру» [2]).

---

[1]) См. Armand Lefebvre, Histoire des cabinets de l'Europe pendant le Consulat et l'Empire, V, 73—75, по архивамъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Шведская версія разговора по донесенію Лагельбіелька была опубликована стокгольмскимъ правительствомъ въ 1813 г.

[2]) Депеша отъ 23 октября 1810 г.

II.

Есть основаніе думать, что наши просьбы не повліяли на императора Александра въ желаемомъ смыслѣ и не измѣнили его дальнѣйшаго поведенія. Мнѣніе его уже установилось, и рѣшенія были приняты. Онъ признавалъ обязательства, вытекавшія изъ заключеннаго въ Тильзитѣ договора и изъ войны съ Англіей, т. е., изгнаніе кораблей безспорно англійскаго происхожденія; онъ не спорилъ противъ этого; болѣе или менѣе добросовѣстно исполнялъ эти постановленія, но и слышать не хотѣлъ о томъ, чтобы подчиняться мѣрамъ, которыя Наполеонъ опубликовалъ въ простомъ декретѣ о нейтральныхъ судахъ, и не признавалъ за нимъ права предписывать законы всей Европѣ.

Сверхъ того, хотя Наполеонъ и былъ правъ, утверждая, что почти всѣ нейтральныя суда плавали за счетъ Англіи и что единственнымъ средствомъ добраться до врага, было нанести ему ударъ въ лицѣ его самыхъ полезныхъ сотрудниковъ, но своими поступками онъ ослабилъ значеніе своихъ доводовъ. Считая себя въ правѣ запрещать другимъ поддерживать даже косвенныя торговыя сношенія съ Англіей, онъ, въ интересахъ французскаго народа, не лишалъ себя возможности заключать непосредственно съ нею нѣкоторыя торговыя сдѣлки. Французскія суда, снабженныя *особыми разрѣшеніями*, возили на Британскіе острова продукты нашего земледѣлія и нашей промышленности. Въ обмѣнъ они привозили нѣкоторые колоніальные товары, безъ которыхъ Франціи трудно было обойтись. Недавно одно изъ судовъ съ такимъ разрѣшеніемъ было въ русскомъ порту. Такимъ образомъ, русское правительство получило доказательство существованія разрѣшенной Наполеономъ противозаконной торговли и накрыло императора въ нарушеніи его собственныхъ постановленій.

Правда, Наполеонъ могъ отвѣтить, что онъ никогда не запрещалъ своимъ сѣвернымъ союзникамъ пользоваться особыми разрѣшеніями, что онъ даже совѣтовалъ это; что дозволенная, такимъ образомъ, торговля, завися исключительно отъ доброй воли государей, могла быть использована ими, какъ средство помочь ихъ подданнымъ пережить трудное время, не облегчая въ значительной степени тяжелаго положенія врага, тогда какъ

наплывъ нейтральныхъ судовъ въ русскіе порта, въ томъ видѣ, какъ это подготовлялось, сводилъ почти къ нулю результаты блокады. Правда и то, что, когда въ 1807 г. императоръ Александръ сразу порвалъ прямыя сношенія съ Англіей и закрылъ произведеніямъ Россіи главный ихъ рынокъ, онъ наложилъ на своихъ подданныхъ не менѣе неожиданную и гораздо болѣе тяжелую жертву, чѣмъ дополнительныя строгія мѣры, о которыхъ просили его теперь. Но то было въ 1807 г. Тогда онъ горѣлъ желаніемъ угодить Наполеону, вѣрилъ въ благотворное вліяніе союза и ждалъ отъ него сказочныхъ результатовъ. Не будучи, подобно другимъ государямъ, въ тискахъ Наполеона, онъ подчинился его нравственному авторитету. Въ концѣ 1810 г., когда онъ разочаровался въ союзѣ; когда позналъ, какія терніи и опасности таитъ онъ въ себѣ; когда онъ готовъ былъ отказаться отъ нѣкоторой части пріобрѣтенныхъ, благодаря союзу, выгодъ и даже собирался наградить Австрію частью княжествъ, онъ уже не хотѣлъ, ради чуждаго ему интереса, усугублять страданія своего народа и запрещать ему вести торговлю съ Англіей. Сверхъ того, теперь онъ не хотѣлъ гибели англичанъ, видя въ ихъ сопротивленіи послѣднюю гарантію противъ окончательнаго порабощенія Европы, и его отказъ, хотя онъ и объяснялъ его причинами частнаго и экономическаго характера, обусловливался, главнымъ образомъ, соображеніями высшей политики. Императоры разошлись въ способахъ дѣйствій потому, что преслѣдовали разныя цѣли. Ихъ разномысліе по вопросу о блокадѣ только вызвало наружу давно существующій антагонизмъ. Въ исторіи ихъ ссоры разладъ по поводу блокады являлся слѣдствіемъ, а не причиной ихъ дурныхъ отношеній; онъ былъ результатомъ давно прекратившейся между ними дружбы.

Румянцевъ еще раньше сказалъ Коленкуру, что принятіе въ Россіи новыхъ тарифовъ будетъ дѣломъ неудобоисполнимымъ и пагубнымъ. «Императоръ,— сказалъ онъ,—готовъ всѣми способами вредить Англіи, но не слѣдуетъ вредить себѣ больше, чѣмъ врагу» [1]). Послѣ нашихъ первыхъ просьбъ по вопросу о нейтральныхъ судахъ, Александръ имѣлъ объясненіе съ посланникомъ въ двухъ продолжительныхъ бесѣдахъ. Онъ говорилъ спокойно, сдержанно, любезно, но его слова были настолько опре-

[1]) Коленкуръ Шампаньи, 8 октября 1810 г.

дѣленны, что не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ его отрицательныхъ намѣреній. Въ продолженіе трехъ лѣтъ—говорилъ онъ—онъ всегда дѣлалъ больше, чѣмъ требовалось обязательствами, возложенными на него договорами и дружбой къ императору. «Поступки, слова, письменные акты—все доказываетъ, какъ онъ старался сдѣлать все, что могло быть полезно и даже просто пріятно его союзнику» [1]). Онъ болѣе, чѣмъ кто другой, наносилъ вредъ англичанамъ, онъ и теперь готовъ вредить имъ, но желаетъ самъ быть судьей тѣхъ способовъ, которые позволятъ ему выполнить его намѣреніе. Рекомендованныя ему мѣры могутъ быть хороши и дѣйствительны въ другихъ государствахъ, но въ Россіи онѣ не отвѣчаютъ ея интересамъ и нуждамъ. Русскіе не могутъ подчиняться правиламъ, выработаннымъ и приноровленнымъ для другихъ: это причинитъ имъ непосильныя тяготы. «Мы не можемъ, сказалъ царь Коленкуру, шить себѣ одежду на вашъ ростъ» [2]). По словамъ царя, къ нейтральнымъ судамъ въ русскихъ портахъ относятся съ недовѣріемъ. Ихъ подлинная національность и происхожденіе ихъ груза провѣряются осмотромъ судовыхъ документовъ. Установленъ строгій контроль; онъ порученъ особымъ чиновникамъ, назначеннымъ на эту должность за ихъ безупречную честность и строгое отношеніе къ своимъ обязанностямъ. Онъ оставилъ за собой право лично пересматривать документы и выносить окончательное рѣшеніе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Онъ готовъ отнестись къ этому дѣлу съ удвоеннымъ вниманіемъ, но не можетъ допустить, чтобы между нейтральными судами не было извѣстнаго числа невинныхъ, которыхъ не трудно смѣшать съ виновными. Онъ не хочетъ подводить всѣхъ подъ одну мѣрку и не закроетъ своихъ гаваней всѣмъ торговымъ судамъ, которыя покажутся въ открытомъ морѣ.

Въ отвѣтъ на привезенное Чернышевымъ письмо императора, онъ благодарилъ Наполеона за письмо и въ сотый разъ повторилъ свои обычныя увѣренія. «Все, что Ваше Величество высказали мнѣ о своей политикѣ и о своихъ личныхъ чувствахъ ко мнѣ,—писалъ онъ,—доставило мнѣ громадное удовольствіе; тѣмъ болѣе, что эти чувства вполнѣ соотвѣтствуютъ чув-

---

[1]) Коленкуръ Шампаньи. 5 октября 1810 г.
[2]) Id., 9 ноября.

ствамъ, которыя я питаю къ Вашему Величеству и которыя неизмѣнны. Подобно вамъ, я ничего такъ не желаю, какъ продленія союза, связующаго обоихъ императоровъ и обезпечивающаго спокойствіе Европы. Вы, Ваше Величество, также могли убѣдиться, что и я, съ своей стороны, не упускалъ случая открыто заявить о существующемъ между нами самомъ тѣсномъ единеніи». Что же касается практическихъ способовъ достигнуть цѣли этого единенія, то Александръ только вскользь упомянулъ о возникшемъ между ними спорномъ вопросѣ. Онъ осторожно далъ замѣтить, что устанавливаетъ извѣстное различіе между англійскими и нейтральными судами, и сдѣлалъ видъ, что понялъ, будто Наполеонъ пишетъ ему исключительно объ англійскихъ судахъ. Далѣе онъ безусловно отрицалъ прибытіе въ его гавани вышеуказаннаго торговаго флота. «Мѣры противъ англійской торговли, продолжалъ онъ, соблюдаются во всей строгости; множество произведенныхъ въ моихъ гаваняхъ конфискацій доказываютъ это. За это время едва ли прибыло шестьдесятъ судовъ разныхъ націй. Нельзя разсчитывать на прибытіе новыхъ судовъ, такъ какъ входъ въ нѣкоторыя гавани уже покрылся льдомъ. Во всякомъ случаѣ, число этихъ судовъ можетъ быть только самое ничтожное. Тѣ же строгія мѣры будутъ примѣнены и къ нимъ. Такъ что тѣ шестьсотъ судовъ, о которыхъ пишетъ мнѣ Ваше Величество, по всей вѣроятности, вернутся въ Англію» [1]).

Въ сущности, нельзя было доказать, что нагруженныя англійскими товарами нейтральныя суда всѣ гуртомъ ломились въ русскія гавани. Обыкновенно они собирались въ Готенбургѣ, который съ каждымъ днемъ все болѣе дѣлался гаванью для торговыхъ судовъ, гдѣ они запасались всѣмъ необходимымъ. Здѣсь была ихъ главная квартира. Отсюда они направлялись по одиночкѣ или небольшими партіями къ берегамъ сосѣдней имперіи, гдѣ находили радушный пріемъ. Кромѣ того, часть сложенныхъ въ Готенбургѣ грузовъ увозилась внутрь Скандинавскаго полуострова и направлялась къ сѣверу до Ботническаго залива. По переправѣ черезъ это внутреннее море, колоніальные товары ввозились въ Россію, гдѣ и сбывались, или же спускались къ югу и наводняли Германію. Такимъ образомъ, Россія, подобно фильтру, изо дня въ

---

[1]) Письмо, опубликованное Татищевымъ, стр. 541—543.

день, незамѣтнымъ образомъ пропускала черезъ свои владѣнія запрещенные товары. Закрытіе шведскихъ гаваней могло бы пресѣчь зло въ самомъ корнѣ. Оно нанесло бы ударъ въ томъ мѣстѣ, откуда въ длинный обходъ отправлялись товары не только для Россіи, но и для Европы. Сдѣлать это было тѣмъ болѣе важно, что, по словамъ царя, онъ не въ силахъ запретить совершенно ихъ ввозъ на свою собственную территорію. Такимъ образомъ, вопросъ касался Швеціи, по меньшей мѣрѣ, въ той же степени, какъ и Россіи, и Александръ самъ обратилъ на это обстоятельство наше вниманіе. За нѣсколько недѣль до этого, онъ сказалъ Коленкуру: «Настоящее складочное мѣсто англійскихъ товаровъ, главный пунктъ контрабанды—Готенбургъ... Его и нужно закрыть. Если съ пріѣздомъ принца Понте-Корво у Англіи будетъ отнято это мѣсто сбыта, этимъ будетъ нанесенъ ударъ, который, дѣйствительно, дастъ себя почувствовать въ Сити Лондона» [1]).

Когда Александръ давалъ этотъ совѣтъ, онъ и не подозрѣвалъ, что Наполеонъ въ скоромъ времени поймаетъ его на словѣ и обратится къ нему съ просьбой посодѣйствовать закрытію шведскихъ гаваней. Узнавъ о второмъ пунктѣ нашей просьбы, Александръ былъ въ большомъ затрудненіи. Онъ вовсе не хотѣлъ натравлять на англичанъ лишняго врага; но, главнымъ образомъ, не хотѣлъ вредить самимъ шведамъ, такъ какъ его не покидала мысль не только отвратить ихъ вражду, но и привлечь ихъ на свою сторону. Избраніе Бернадота не создавало препятствій его плану, напротивъ, оно могло способствовать его осуществленію.

Прибывъ въ срединѣ октября въ Стокгольмъ, новый наслѣдникъ престола занялъ положеніе, которое могло вполнѣ успокоить нашихъ враговъ. Онъ объявилъ войну англичанамъ только для виду, такъ какъ за этой демонстраціей до сихъ поръ не послѣдовало ни одного враждебнаго поступка, ни одной конфискаціи. Съ первыхъ же сношеній съ русскимъ посланникомъ, Бернадотъ былъ на-рѣдкость любезенъ и милостивъ съ нимъ. Онъ простеръ свое вниманіе до того, что написалъ царю письмо, въ которомъ въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ высказалъ желаніе жить въ дружбѣ съ сосѣдями. Можно ли было на основаніи такой предупредительности вывести заключеніе, что бывшій

---

1) Коленкуръ Шампаньи, 9 ноября 1810 г.

маршалъ не былъ «человѣкомъ, преданнымъ императору Наполеону?» [1]). Возстановивъ въ памяти свои личныя впечатлѣнія, Чернышевъ высказалъ это, какъ непреложную истину. Во время своего пребыванія въ Вѣнѣ и во Франціи, молодой офицеръ имѣлъ и случай сблизиться съ принцемъ Понте-Корво, и достаточно времени изучить его. Онъ почуялъ въ немъ человѣка недовольнаго, завистливаго, одного изъ тѣхъ людей, которыхъ и благодѣянія, и упреки озлобляютъ въ одинаковой степени. Исходя изъ этого, онъ считалъ возможнымъ использовать во вредъ Наполеону драгоцѣнныя качества этого желчнаго, злопамятнаго человѣка, не говоря уже о тѣхъ вполнѣ законныхъ причинахъ, которыя препятствовали Швеціи всецѣло перейти на сторону Франціи. Ободренный этими свѣдѣніями, Александръ съ нѣкоторыхъ поръ упорно предавался самымъ смѣлымъ надеждамъ. Каковъ былъ бы ударъ, если бы ему удалось похитить у Наполеона одного изъ его свитскихъ генераловъ и превратить въ агента Россіи имперскаго маршала, назначеннаго главнокомандующимъ цѣлымъ народомъ!

Но какъ провѣрить чувства наслѣднаго принца, какъ поддержать его намѣренія? Какъ подойти къ нему и, не возбуждая подозрѣній, осторожно поговорить съ нимъ? Просьба Наполеона давала средство къ этому. Опираясь на наши просьбы, царь могъ, подъ предлогомъ придать бо́льшій вѣсъ предостереженіямъ Россіи, подъ маской агента, посланнаго въ Стокгольмъ со спеціальнымъ порученіемъ, отправить къ принцу довѣренное лицо. Въ глазахъ Франціи это будетъ агентъ, которому поручено сдѣлать желаемое Наполеономъ внушеніе, въ дѣйствительности же онъ долженъ говорить какъ разъ противоположное. Вмѣсто угрозъ онъ долженъ ободрить и не скупиться на успокоительныя слова; его истинная задача—войти въ сношенія съ Бернадотомъ и вызвать его на болѣе откровенные разговоры.

Благодаря давнему знакомству съ принцемъ, Чернышевъ могъ лучше всякаго другого выполнить это щекотливое порученіе. Ему было поручено доставить въ Парижъ отвѣтъ Александра на императорское письмо отъ 23 октября, но при этомъ онъ получилъ приказаніе ѣхать черезъ Стокгольмъ. Въ письмѣ къ

---

[1]) Донесеніе Чернышева, Société impériale d'histoire de Russie, XXI, 45.

императору Александръ объяснялъ сдѣланный Чернышевымъ крюкъ во фразѣ, которая даетъ понятіе, до какой степени онъ обладалъ искусствомъ за безупречными по искренности и правдивости фразами скрывать свои мысли и намѣренія. «Мнѣ кажется, что полковникъ Чернышевъ сумѣлъ снискать благосклонность Вашего Величества, почему я и избралъ его для передачи этого письма, писалъ онъ. Я приказалъ ему ѣхать черезъ Стокгольмъ, дабы объявить шведскому правительству о желаніи Вашего Величества, чтобы я поддержалъ шаги, сдѣланные вами съ цѣлью понудить Швецію порвать съ Англіей, хотя мною уже получено извѣстіе, что это сдѣлано». Эта фраза и по духу, и по буквѣ вполнѣ отвѣчала истинѣ. Да, Чернышеву поручено сказать, какъ страстно, какъ упорно желаетъ Наполеонъ, чтобы Россія обратилась къ Швеціи съ протестомъ и угрозой; только, согласно секретной инструкціи, Чернышевъ тотчасъ же долженъ прибавить, что Александръ рѣшилъ не обращать вниманія на это желаніе, что онъ предоставляетъ Швеціи вполнѣ располагать своими рѣшеніями, что она можетъ избрать относительно Англіи то поведеніе, какое ей будетъ угодно, и можетъ не принимать участія въ морской войнѣ. Однимъ словомъ, истинная цѣль поѣздки въ Стокгольмъ состояла въ томъ, чтобы дать понять, что показную ея задачу никоимъ образомъ не слѣдуетъ выполнять. Выдавая, подъ предлогомъ исполненія желаній императора, его намѣренія Швеціи, Александръ надѣялся создать себѣ право на ея благодарность и положить начало примиренію, а, быть можетъ, и прочной дружбѣ съ нею. Такимъ образомъ, императоры по-старому стараются тайкомъ оспаривать одинъ у другого позиціи, которыя дадутъ имъ возможность наблюдать другъ за другомъ и успѣшно вести борьбу. Какъ только въ этой непрерывной игрѣ Наполеонъ дѣлаетъ какой-нибудь ходъ, Александръ тотчасъ же протягиваетъ руку, чтобы использовать его во вредъ своему противнику. Всячески добиваясь склонить на свою сторону Польшу и Австрію, онъ старается завладѣть и Швеціей; но въ этотъ разъ, далеко шагнувъ впередъ въ двуличіи, онъ прикрываетъ свои происки личиной уступчивости, желаніемъ угодить императору. Просьба Франціи объ услугѣ даетъ ему случай не только не оказать ей услуги, но даже повредить ей.

Чернышевъ уѣхалъ въ Стокгольмъ въ послѣднихъ числахъ

ноября. Чувствуя, что выступаетъ на первыя роли, что значеніе его возрастаетъ, въ восторгѣ отъ порученія, отвѣчавшаго его вкусамъ и талантамъ, онъ бодро пустился въ путь и храбро боролся съ трудностями, которыя создавали ему во время его зимняго путешествія и природа, и дурное время года. Во время переправы черезъ заливъ ему пришлось пробираться между Аландскими островами «частью пѣшкомъ, по чрезвычайно тонкому льду, частью на лодкѣ» [1]). Буря задержала его на три дня на пустынномъ островкѣ, вслѣдствіе чего онъ могъ пріѣхать въ Стокгольмъ только ночью съ 1 на 2 декабря, страшно измученный и полузамерзшій. Оказанный ему въ шведской столицѣ пріемъ вернулъ ему силы. Тотчасъ по пріѣздѣ его предупредили, что наслѣдный принцъ будетъ очень радъ повидаться съ нимъ. Слѣдовало только, чтобы молодой путешественникъ, по правиламъ этикета, былъ сначала представленъ Карлу XIII. Чернышевъ исполнилъ эту формальность, и тотчасъ же послѣ аудіенціи у короля, русскій посланникъ, генералъ Сухтеленъ, проводилъ его къ Бернадоту. Шведскій министръ иностранныхъ дѣлъ Энгерстрёмъ присутствовалъ при свиданіи въ качествѣ четвертаго свидѣтеля.

Увидѣвъ Чернышева, Бернадотъ тотчасъ же пошелъ ему навстрѣчу, бросился ему на шею въ буквальномъ смыслѣ этого слова и нѣсколько разъ крѣпко облобызалъ. Благодаря присутствію обоихъ министровъ, сцена свиданія ограничивалась нѣкоторое время этой пантомимой и обычными увѣреніями въ дружбѣ; но, «когда принцъ отошелъ немного отъ присутствующихъ», Чернышевъ, улучивъ минуту, намекнулъ ему, что у него есть къ нему порученіе, которое должно устранить нежелательное недоразумѣніе по поводу личныхъ чувствъ русскаго императора, и что онъ проситъ Его Высочество соблаговолить дать ему частную аудіенцію. Крайне заинтригованный, Бернадотъ назначилъ свиданіе на другой день, въ воскресенье, *послѣ проповѣди.* (Съ тѣхъ поръ, какъ Бернадотъ вступилъ на шведскую землю, онъ сдѣлался усерднымъ лютераниномъ и считалъ дол-

---

[1]) Всѣ цитаты, до стр. 542 взяты изъ донесеній Чернышева, Société impériale d'histoire de Russie, vol. cit. 22 à 48. Тѣ же донесенія были опубликованы Арвидомъ Анфельдомъ въ Revue historique, 1888 t. II.

гомъ добросовѣстно соблюдать всѣ обряды религіи, которыхъ крѣпко держались его будущіе подданные). Но, съ ужасомъ думая о Россіи, онъ, не откладывая до завтра, рѣшился освѣдомить Чернышева со своими взглядами на политику, которой хотѣлъ держаться по отношенію къ ней. Онъ ничего такъ не желаетъ, сказалъ онъ, какъ поддерживать съ Россіей наилучшія отношенія и никогда не дѣлать ей ни малѣйшихъ затрудненій. «Его Императорское Величество можетъ двинуть свои войска на Востокъ, на Югъ, на Западъ», — Швеція будетъ спокойна. Швеція отлично понимаетъ, что ея безопасность зависитъ только отъ сосѣдняго государства. Она можетъ забыть весь свѣтъ, но не Россію. Все это было сказано второпяхъ, полушопотомъ, но горячимъ и убѣжденнымъ тономъ. Затѣмъ, подойдя къ присутствующимъ, принцъ «говорилъ только о безразличныхъ вещахъ».

Въ воскресенье послѣ проповѣди, когда они свидѣлись безъ свидѣтелей въ кабинетѣ принца, тотъ первый заговорилъ вполнѣ откровенно. Онъ сказалъ, что будетъ говорить, «какъ съ самимъ собой». Правда ли, спросилъ онъ, что Россія хочетъ принудить Швецію къ извѣстнымъ рѣшеніямъ? Если это такъ, то Россія болѣе, чѣмъ достигла этого, такъ какъ только страхъ ея вмѣшательства привелъ къ объявленію войны англичанамъ,— къ этому гибельному для страны поступку. Конечно, справедливость требуетъ, чтобы и Швеція «внесла свою лепту въ дѣла континента». Но отчего же не принять въ соображеніе ея положенія и ея средствъ? Болѣе восьми или десяти мѣсяцевъ она не въ силахъ обойтись безъ доставляемыхъ ей Великобританіей колоніальныхъ товаровъ; что же касается конфискаціи уже выгруженныхъ и сложенныхъ въ амбарахъ товаровъ, то объ этомъ нечего и думать. Этого не допускаютъ ни уваженіе къ частной собственности, ни законы Швеціи. Къ тому же, Бернадотъ крайне скептически относился къ мысли воздѣйствовать на Англію примѣненіемъ этихъ строгихъ мѣръ. По его мнѣнію, тормазъ къ установленію всеобщаго мира былъ не въ Англіи, и, не произнося пока имени Наполеона, а пользуясь только перефразировкой, онъ далъ понять, что главное препятствіе къ миру заключается «въ честолюбіи и эгоизмѣ французскаго правительства».

Изъ послѣдней фразы Бернадота, полной заднихъ мыслей, Чернышевъ понялъ, что можетъ говорить безбоязненно и что

его секретныя сообщенія встрѣтятъ радушный пріемъ. Въ своемъ донесеніи царю онъ говоритъ: «Подмѣтивъ истинныя чувства принца къ Франціи и видя, что онъ по-прежнему откровененъ со мной, я сказалъ ему, что императоръ Наполеонъ дѣйствительно обращался къ Вашему Величеству съ просьбой поддержать предъявленныя имъ къ Швеціи требованія; но, въ виду того, что со времени Фридрихсгамскаго мира требованія и интересы политики Вашего Величества вынуждаютъ васъ желать внутренняго процвѣтанія Швеціи и сохраненія существующихъ между Россіей и Швеціей дружественныхъ отношеній, вы никоимъ образомъ не желаете оказывать давленіе на волю и рѣшенія Швеціи; что въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, она можетъ руководствоваться только своими собственными интересами, безъ всякой помѣхи съ вашей стороны».

Едва были произнесены эти слова, какъ на лицѣ Бернадота явилось выраженіе величайшаго удовольствія, почти восторга; какъ будто съ него свалился тяжкій грузъ. Онъ сказалъ, что теперь ему возвращенъ покой. Какъ бы въ отвѣтъ на полную откровенность Чернышева, онъ, безъ всякихъ околичностей, заговорилъ о непріятномъ и тяжеломъ положеніи, въ какое ставили его французскія требованія. Развѣ такого обхожденія долженъ былъ ожидать онъ «отъ государства, которому своей тридцатилѣтней службой приносилъ пользу, а, можетъ быть, и честь; развѣ могъ онъ ожидать чего-нибудь подобнаго отъ императора Наполеона, котораго изо всѣхъ силъ поддерживалъ въ извѣстныя времена и неоднократно выручалъ изъ непріятныхъ и затруднительныхъ положеній?». Заговоривъ на эту тему, онъ уже не сходилъ съ нея,—и далъ замѣтить и свою безпредѣльную преданность шведамъ, и дурныя чувства, которыя таилъ въ душѣ противъ стараго товарища по оружію, вся вина котораго состояла въ томъ, что онъ такъ страшно обогналъ его на пути карьеры, начатой ими въ одно время. Въ этомъ отношеніи одна фраза всецѣло выдала его. «Къ несчастью,— сказалъ онъ,—судьбѣ угодно было, чтобы изъ товарища я сдѣлался подданнымъ». Но, прибавилъ онъ, хотя онъ и простой маршалъ, онъ покраснѣлъ бы отъ стыда, если бы ему пришлось рабски подчиняться всѣмъ причудамъ деспотическаго характера; тѣмъ болѣе онъ не долженъ переносить «подобныхъ нагоняевъ» теперь, когда доблестная нація оказала ему честь, избравъ

его своимъ главой. Не довольно ли и того, что онъ привезъ въ подарокъ шведамъ разорительную войну. Далѣе онъ говорилъ, что его мучитъ мысль, что онъ такъ дурно отплатилъ Швеціи за довѣріе, что эта мысль составляетъ несчастье его жизни; что онъ никогда не утѣшится. Его высокопарныя и пылкія выраженія, свойственная южанамъ оживленная жестикуляція, напыщенная рѣчь, до гасконскаго произношенія включительно, отъ котораго онъ никогда не могъ отдѣлаться—все это придавало еще болѣе пикантности страннымъ признаніямъ, которыя съ наслажденіемъ выслушивалъ Чернышевъ.

Видя, что Бернадотъ заговорилъ безъ удержу, Чернышевъ не прерывалъ его и только изрѣдка вставлялъ свое слово съ цѣлью добиться отъ него еще болѣе важныхъ признаній. Вскорѣ, какъ бы желая отблагодарить императора Александра за благосклонно-сочувственное отношеніе къ его тяжелому положенію, въ особенности, за то, что тотъ входитъ въ его положеніе, и, сильнѣе подчеркивая сказанное имъ наканунѣ, Бернадотъ сказалъ, что отъ своего имени и отъ имени шведскаго правительства обязуется честнымъ словомъ: «ни при какихъ обстоятельствахъ не предпринимать ничего такого, что мало-мальски могло бы причинить неудовольствіе» Его Величеству, императору всея Россіи. Онъ сказалъ, что не приметъ участія ни въ чьихъ распряхъ, никогда не будетъ дѣйствовать заодно ни съ Польшей, ни съ Турціей, даже тогда, когда иниціатива враждебныхъ дѣйствій будетъ исходить отъ Петербурга. «Его Императорское Величество можетъ вести войну съ Константинополемъ, Вѣной или Варшавой, и Швеція не шелохнется. Жить всегда въ единеніи съ Россіей—вотъ ея единственная цѣль». Съ этихъ поръ Россія должна смотрѣть на нее «какъ на свой вѣрный сторожевой постъ», и вѣрить, что новый наслѣдный принцъ «сталъ человѣкомъ, всецѣло преданнымъ Сѣверу». Такими рѣчами, продолжавшимися въ теченіе двухъ часовъ, Бернадотъ преисполнилъ сердце Чернышева радостью и надеждой. Въ заключеніе, желая сдѣлать еще шагъ къ сближенію, онъ пригласилъ Чернышева на другой день позавтракать запросто, вдвоемъ.

Въ періодъ этихъ разговоровъ французскій представитель въ Швеціи безсознательно оказалъ содѣйствіе планамъ Чернышева и облегчилъ его задачу. Баронъ Алькіеръ былъ человѣкъ дѣятельный, съ твердымъ характеромъ. Къ несчастью, какъ

бывшій членъ Конвента, гдѣ онъ подавалъ голосъ за самыя гнусныя мѣры, онъ сохранилъ отъ своего якобинскаго прошлаго оттѣнокъ рѣзкости и нетерпимости. Онъ былъ грубъ въ обращеніи, страдалъ полнымъ отсутствіемъ такта и на придачу ко всему этому сохранилъ замашки члена народнаго Конвента. Вмѣстѣ съ тѣмъ, дурно сложившаяся семейная жизнь и незаконная семья, которую онъ привезъ изъ Неаполя въ Стокгольмъ, не позволяли ему бывать въ свѣтѣ, гдѣ, по своему положенію, онъ долженъ былъ играть выдающуюся роль. Это ложное положеніе, причинявшее ему немало страданій, дѣлало его еще болѣе желчнымъ и раздражительнымъ. Изъ-подъ вышитаго мундира дипломата въ немъ проглядывалъ характерный, своенравный революціонеръ, и, что еще хуже—революціонеръ ожесточенный. Его слова дышали надменностью, язвительностью и задоромъ; онъ только тѣмъ и занимался, что бранилъ правительство и страну, при которыхъ состоялъ представителемъ.

О наслѣдномъ принцѣ онъ говорилъ въ совершенно неприличныхъ выраженіяхъ. Онъ охотно допускалъ, что «принцъ добрый малый, добрый человѣкъ и не безъ талантовъ», но съ южной, горячей, «вулканической головой». Онъ говорилъ, что принцъ легко поддается самымъ разнороднымъ внушеніямъ, что у него на дню семь пятницъ; никакой послѣдовательности въ мысляхъ; полное или почти полное отсутствіе характера—ничего такого, что требуется отъ него, какъ отъ человѣка, на долю котораго выпала задача овладѣть положеніемъ въ тяжелыя времена и подавить волненія, сдѣлавшіяся въ Стокгольмѣ хроническими и заставляющія думать «о временахъ террора во Франціи». Принцъ, говорилъ онъ, никогда не сумѣетъ возстановить порядокъ хорошимъ государственнымъ переворотомъ, а, между тѣмъ, это единственное «что могло бы спасти Швецію». Шведовъ же Алькіеръ считалъ народомъ легкомысленнымъ, заносчивымъ, пустомелями и называлъ «сѣверными гасконцами». Впрочемъ, онъ признавалъ, что положеніе ихъ отчаянное, что полный разрывъ съ Англіей поставитъ ихъ въ самое бѣдственное положеніе, и не скрывалъ, что въ инструкціяхъ ему предписано требовать почти невозможнаго. Тѣмъ не менѣе, говорилъ онъ, разъ такова воля императора, слѣдуетъ, чтобы невозможное свершилось. Онъ говорилъ это всякому встрѣчному и болѣе всего Чернышеву. Чтобы доказать, что Франція располагаетъ Россіей, онъ дѣлалъ видъ, что состоитъ

въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ эмиссаромъ русскаго двора, относился къ нему съ полнымъ довѣріемъ,—что было громадной ошибкой съ его стороны,—и распространялъ по городу, что флигель-адъютантъ царя пріѣхалъ исключительно съ цѣлью вразумить упрямую Швецію.

Своими оскорбительными рѣчами, которыя не оставались неизвѣстными Бернадоту, онъ, безъ всякаго повода, безъ всякой надобности, обижалъ и раздражалъ принца. Въ тотъ день, когда Чернышевъ завтракалъ у Бернадота, тотъ, лишь только сѣли за столъ, «выслалъ лакеевъ» и тотчасъ же, въ выраженіяхъ, полныхъ горечи, намекнулъ на слова французскаго посла и на приписываемыя имъ России намѣренія. Видя, какъ онъ разстроенъ и удрученъ, Чернышевъ счелъ это обстоятельство чрезвычайно удобнымъ, чтобы повторить свои утѣшительнаго свойства сообщенія и постарался посильнѣе подчеркнуть ихъ значеніе, ибо, думалъ онъ, при данныхъ условіяхъ они должны произвести еще бо́льшее впечатлѣніе. Поэтому онъ еще разъ сказалъ, и положительно утверждалъ на всѣ лады, что Россія никогда не примкнетъ ни къ какимъ принудительнымъ и суровымъ мѣрамъ противъ Швеціи; что его государь нарочно прислалъ его, чтобы, полагаясь на скромность принца, передать ему свое непоколебимое рѣшеніе.

При этихъ словахъ, вполнѣ успокоившись, внѣ себя отъ радости, Бернадотъ не зналъ, какъ выразить свою благодарность. Онъ придумывалъ, какъ бы придать бо́льшую цѣну вчерашнимъ увѣреніямъ. Наканунѣ онъ далъ честное слово никогда ничего не предпринимать противъ России; теперь же онъ давалъ *клятвенное* обѣщаніе и заговорилъ уже о письменномъ обязательствѣ. Въ дальнѣйшемъ разговорѣ онъ выставлялъ себя жертвой Наполеона. Его чрезмѣрное, мѣшавшее ему вѣрно смотрѣть на вещи, тщеславіе заставляло его иногда дѣлать наивные промахи. Такъ онъ додумался до того,—и не на шутку воображалъ это,—что императоръ завидуетъ ему. Императоръ, сказалъ онъ, всегда обставлялъ его такъ, чтобы погубить его, что «императоръ очень заботился, чтобы одной славой на свѣтѣ было меньше». Если онъ такъ сурово относится къ Швеціи, то, конечно, дѣлаетъ это не только изъ желанія властвовать надъ всѣмъ міромъ, но также и «изъ чрезвычайнаго нерасположенія къ нему», изъ желанія напакостить и сдѣлать непріятное ему—Бернадоту. А между

тѣмъ, сколько услугъ сказалъ маршалъ Бернадотъ своему бывшему главѣ? Изъ какихъ только затрудненій не помогалъ ему выкручиваться? Онъ неумолкаемо говорилъ о своей самоотверженности, о своемъ безкорыстіи, и всѣ его слова клонились къ тому, чтобы доказать, что Наполеонъ былъ ему всѣмъ обязанъ и всегда платилъ ему черной неблагодарностью. Но,—сказалъ Бернадотъ, возвращаясь къ прежней темѣ разговора,—тона, принятаго съ недавняго времени со Швеціей, нельзя допускать во второй разъ, и, воодушевляясь мало-по-малу, опьяняясь своими собственными словами, онъ не удовольствовался обѣщаніемъ Россіи доброжелательнаго нейтралитета, а дошелъ до того, что началъ строить предположенія о разрывѣ и войнѣ съ Франціей. Онъ скорѣе готовъ «съ честью погибнуть съ оружіемъ въ рукахъ, говорилъ онъ, но не позволитъ унизить націи, которая избрала его своимъ вождемъ. Если Россія не вмѣшается въ дѣло, императоръ Наполеонъ не будетъ въ состояніи добраться до нея; да если бы онъ и могъ сдѣлать это, посмотримъ еще, чью сторону возьмутъ французскіе солдаты, разъ они будутъ на шведской территоріи. Солдаты хорошо знаютъ его, любятъ и уважаютъ; онъ командовалъ ими во многихъ случаяхъ и можетъ до извѣстной степени разсчитывать на нихъ».

«Въ это время,—прибавляетъ Чернышевъ въ своемъ донесеніи,—разговоръ былъ прерванъ, и принцъ, которому нужно было ѣхать на парадъ, пригласилъ и меня». Передъ фронтомъ Чернышевъ увидалъ снова того блестящаго генерала, котораго знавалъ въ арміи на Дунаѣ,—вождя съ осанкой Марса, съ орлинымъ взглядомъ, съ развѣвающимися по вѣтру густыми волосами. Что его особенно поразило въ Бернадотѣ, такъ это полная непринужденность, съ какой онъ вошелъ въ свою новую роль. Ничто не давало въ немъ чувствовать случайнаго человѣка; ни одного невѣрнаго или неумѣстнаго движенія. Съ спокойнымъ достоинствомъ дѣлалъ онъ смотръ войскамъ, прекрасно держалъ себя передъ собравшимся народомъ, принималъ прошенія, раздавалъ деньги бѣднымъ, принималъ почести и привѣтствія, какъ будто былъ рожденъ царствовать.

Бернадотъ разстался съ Чернышевымъ только для того, чтобы отправиться къ королю, которому оказывалъ самое глубокое почтеніе. На другой день онъ снова пожелалъ повидать русскаго офицера. На этотъ разъ онъ оставилъ его у себя завтракать и

обѣдать. Въ виду того, что Чернышевъ не могъ дольше откладывать своего отъѣзда въ Парижъ, принцъ, прежде чѣмъ окончательно разстаться съ нимъ, передалъ ему одно письмо для императора Наполеона, другое—принцессѣ Полинѣ. Въ первомъ онъ просилъ небольшой отсрочки для выполненія своихъ обѣщаній, во второмъ, просилъ принцессу Полину быть его заступницей. Онъ просилъ и Чернышева оказать ему въ Парижѣ ту же услугу, т. е., взять подъ свою защиту его дѣло, ознакомить императора съ печальнымъ положеніемъ Швеціи и просить снисхожденія. Дѣло въ томъ, что пока еще онъ боялся держать себя вызывающе съ Наполеономъ, и одну изъ причинъ, заставившихъ его отложить ссору, онъ не скрылъ отъ своего новаго друга. «Принцъ, писалъ Чернышевъ, былъ настолько откровененъ, что сказалъ мнѣ, что вынужденъ сдерживать себя, ибо Швеція такъ бѣдна, что ему необходимо извлечь изъ Франціи все свое имущество до послѣдняго франка».

Но эта благоразумная осторожность не помѣшала ему, нѣсколько минутъ спустя, строить самые геройскіе планы. Пусть Наполеонъ, говорилъ онъ, воздержится отъ нападенія на Швецію: онъ можетъ наткнуться на вторую Испанію. «Если воодушевить шведовъ и талантливо руководить ими», ихъ можно сдѣлать непобѣдимыми—и Бернадотъ уже видѣлъ себя укрывшимся въ сѣверныхъ льдахъ, окруженнымъ вѣрнымъ народомъ, подающимъ міру великій примѣръ твердости и отваги. Придумавъ для себя эту блестящую роль, онъ хвастливо рисовался въ ней передъ своимъ слушателемъ. Несмотря на то, что, увлекаясь пылкимъ воображеніемъ и страстью къ хвастовству, онъ позволялъ себѣ иногда строить и развивать подобные планы, въ немъ было слишкомъ развито пониманіе истиннаго положенія вещей, чтобы серьезно останавливаться на своихъ мечтаніяхъ. Осторожный и предусмотрительный, несмотря на свое фанфаронство, онъ думалъ про себя, что, по всей вѣроятности, и для усыновившаго его отечества, и для него лично ссора съ Франціей будетъ менѣе опасна, чѣмъ ссора съ Россіей; что они могутъ остаться даже въ выигрышѣ, и въ этомъ-то отчасти и былъ секретъ его поведенія. По его мнѣнію, предполагая даже, что побѣдоносная война вернетъ шведамъ Финляндію, успѣхъ этотъ будетъ слишкомъ кратковременнымъ. Онъ будетъ только поводомъ къ цѣлому ряду войнъ, и побѣда, въ концѣ-концовъ, останется за тѣмъ,

у кого больше батальоновъ, т. е., за государствомъ, располагавшимъ сорока милліонами человѣкъ противъ четырехъ. Наоборотъ, если Швеція примирится съ потерей Финляндіи, если она безповоротно откажется отъ мысли вернуть свои потери на континентѣ, если ограничитъ свои задачи Скандинавскимъ полуостровомъ и на немъ спокойно будетъ расширять свои владѣнія, она не только обезоружитъ вражду своей грозной сосѣдки, но и пріобрѣтетъ въ ней покровительницу и, такимъ образомъ, обезпечитъ безопасность своей единственной незащищенной границы. Устранивъ себя отъ Европы и ея великихъ дѣлъ, она поставитъ себя въ болѣе скромное, но зато болѣе вѣрное положеніе; положитъ начало своему спокойствію въ будущемъ, не отказываясь, однако, отъ права получить немедленно весьма цѣнныя возмѣщенія. Не выгоднѣе ли ей искать не реванша, а компенсаціи? Вмѣсто того, чтобы упорно смотрѣть на Востокъ—на Финляндію, отчего не обратить свои взоры на Западъ—на Норвегію, которая какъ бы сама собой напрашивается ей въ вознагражденіе? По пріѣздѣ въ Стокгольмъ, Бернадотъ въ главныхъ чертахъ предусматривалъ этотъ планъ, который ему пришлось осуществить впослѣдствіи и который далъ ему случай сыграть въ исторіи роль не столько славнаго, сколько полезнаго дѣятеля [1]). Но онъ не смотрѣлъ еще на этотъ планъ, какъ на нѣчто непреложное. Склонный преувеличивать значеніе своихъ наблюденій, Чернышевъ, безъ сомнѣнія, зашелъ слишкомъ далеко, донося въ Петербургъ, что императоръ Александръ отнынѣ же можетъ располагать наслѣднымъ принцемъ и вертѣть имъ, какъ ему угодно [2]). Какъ человѣкъ практичный, Бернадотъ будетъ считаться съ обстоятельствами и руководствоваться ихъ указаніями. Во всякомъ случаѣ, когда наступитъ для него время окончательнаго рѣшенія, главную роль будутъ играть два элемента, съ которыми онъ сроднился: политическая идея и страсть. Съ одной стороны, создавшееся въ его умѣ представленіе объ истинныхъ интересахъ Швеціи, съ другой—ненависть къ Наполеону всегда будутъ давать сильный перевѣсъ въ пользу Россіи. Быть можетъ, Чернышевъ и заблуждался, приписывая уже теперь непреодолимую силу этимъ двумъ двигателямъ, но онъ отлично подмѣтилъ

[1]) См. донесеніе Чернышева.
[2]) Id.

и тотъ, и другой двигатель, и, по всей справедливости, могъ похвастаться, что не только подмѣтилъ, но и сумѣлъ воспользоваться ими. Для этого стоило пожертвовать нѣсколькими днями и задержать доставку письма, въ которомъ Александръ отвѣчалъ на требованія Франціи вѣжливо, но уклончиво.

III.

Еще задолго до пріѣзда Чернышева Наполеонъ изъ другихъ источниковъ узналъ, что Россія откажется присоединиться полностью къ его системѣ веденія войны. Въ послѣднихъ числахъ октября Куракинъ передалъ ноту, въ которой его правительство, вмѣсто того, чтобы высказаться по двумъ вопросамъ—о тарифахъ и нейтральныхъ судахъ—ограничилось неопредѣленными обѣщаніями содѣйствія и учрежденія строгаго надзора за судами. Въ это же время съ Сѣвера прибыли знаменательныя вѣсти. Часть собравшихся въ Балтійскомъ морѣ судовъ, полное число которыхъ дошло теперь до тысячи двухсотъ, выгрузили свою кладь въ Россіи. Громадный транзитъ товаровъ по-прежнему шелъ черезъ Россію, наводнялъ колоніальными товарами великое герцогство и снабжалъ ими Германію. Подъ впечатлѣніемъ этихъ фактовъ, Наполеонъ приказываетъ приготовить отвѣтъ на ноту Куракина. Онъ хочетъ, чтобы онъ былъ составленъ «крайне вѣжливо и мягко», но содержалъ въ себѣ «истины, которыя не мѣшало бы знать Россіи» [1]). Въ немъ, въ весьма энергичной формѣ, будутъ воспроизведены всѣ наши доводы и наши просьбы, и въ заключеніе будетъ сказано: «Доколѣ англійскіе и колоніальные товары будутъ идти черезъ Россію въ Пруссію и Германію, доколѣ мы будемъ вынуждены задерживать ихъ на границахъ, до тѣхъ поръ будетъ очевиднымъ и тотъ фактъ, что Россія не дѣлаетъ того, что надлежитъ, дабы нанести вредъ Англіи» [2]). Набросавъ планъ этой ноты, императоръ поручилъ Шампаньи оформить ее, какъ вдругъ въ первой половинѣ ноября получилъ отчетъ о разговорахъ Александра съ Коленкуромъ, въ которыхъ царь принципіально высказался противъ поголовнаго изгнанія нейтральныхъ судовъ. По этому за-

[1]) Corresp., 17099.
[2]) Id.

явленію о невозможности согласиться на его просьбы, которое какъ бы заранѣе служило отвѣтомъ на его письмо, онъ понялъ, что ему сказано достаточно. Теперь онъ потерялъ всякую надежду на то, что его выслушаютъ съ должнымъ вниманіемъ и исполнятъ его просьбы, и понялъ, что Россія никогда не поможетъ ему доконать Англію.

На этотъ разъ онъ затаилъ гнѣвъ. Ускореніе разрыва не было въ его интересахъ; поэтому онъ сдержался и скрылъ свои чувства. Къ тому же, сознавая, что у него нѣтъ законнаго основанія быть требовательнымъ, и что Россія, отклоняя его просьбы, не давала ему никакого права выразить ей свое неудовольствіе, онъ воздержался и отъ жалобъ. Мало того, отказываясь отъ надежды убѣдить Александра, онъ счелъ безполезнымъ продолжать и обострять споръ, который могъ привести преждевременно къ раздору. Онъ передѣлываетъ и сокращаетъ приготовленную Куракину ноту, превращая свою горячую просьбу въ простую декларацію принциповъ [1]). У него не вырывается ни одного слова, которое могло бы выдать его враждебное настроеніе. Онъ рѣшилъ, что, когда увидитъ Чернышева, онъ «сдержаннымъ тономъ, не выказывая ни малѣйшаго гнѣва», скажетъ ему, что считалъ своей обязанностью ознакомить русскаго императора «съ единственнымъ способомъ покончить съ англичанами; но такъ какъ императоръ Александръ считаетъ, что этотъ способъ не отвѣчаетъ интересамъ его страны --что, можетъ быть, вполнѣ справедливо—онъ уже не придаетъ ему столь важнаго значенія» [2]). Если,—думаетъ онъ,—Россіи для того, чтобы успокоиться насчетъ нашихъ намѣреній, нужны только фразы о миролюбіи, онъ не откажетъ ей въ этомъ удовольствіи, на то и Коленкуръ въ Петербургѣ, чтобы говорить ихъ. Только ради этого онъ и оставляетъ тамъ своего посланника, который неизмѣнно пользуется благосклонностью царя [3]). Но

---

[1]) См. по этому поводу Archives nationales, AF, IV, 1699, переписку Шампаньи съ императоромъ.

[2]) Донесеніе Чернышева, Société impériale d'histoire de Russie, XXI, 54 55.

[3]) Шампаньи Коленкуру, 5 декабря 1810 г. „Императоръ приглашаетъ васъ ничѣмъ не пренебрегать, чтобы укрѣпить и надолго упрочить за собой расположеніе, которое вамъ оказываютъ: въ этомъ заключается теперь единственная цѣль вашей миссіи“.

не ожидая уже ничего отъ Россіи, онъ, при достиженіи цѣли своими единичными усиліями, совершенно перестанетъ считаться съ интересами и обидчивостью Александра. Для борьбы съ Англіей онъ безъ всякаго стѣсненія будетъ распоряжаться всѣми странами, которыя занимаетъ своими войсками или удерживаетъ за собой. Онъ всюду будетъ дѣйствовать сообразно своимъ необузданнымъ теоріямъ, будетъ кроить королевства, перемѣщать границы, распредѣлять и размѣщать человѣческій матеріалъ, какъ-будто онъ одинъ былъ императоромъ и хозяиномъ въ Европѣ. Такъ какъ онъ знаетъ, что его смѣлыя нововведенія еще сильнѣе вооружатъ противъ него Россію, то онъ немедленно же станетъ приводить ихъ въ исполненіе—прежде, чѣмъ миръ съ Портой вернетъ войскамъ царя полную свободу дѣйствій. Если послѣ мира на Востокѣ, который, вѣроятно, будетъ заключенъ въ теченіе будущаго года, императоръ Александръ будетъ держаться пассивнаго положенія, если онъ безропотно примирится съ тѣмъ, что онъ будетъ дѣлать, онъ предоставитъ его его одиночеству и займется исключительно Англіей. Но онъ считаетъ болѣе вѣроятнымъ, что, развязавшись съ Турціей, Россія открыто перейдетъ на сторону нашихъ враговъ,— если только они до тѣхъ поръ не сложатъ оружія,— что тогда она сброситъ маску съ своихъ враждебныхъ намѣреній; но къ этому времени онъ и самъ успѣетъ усилить свои войска въ Германіи и возстановитъ свою великую армію. Тогда въ его распоряженіи будетъ огромное количество людей, неизмѣримо болѣе того, что онъ до сихъ поръ вводилъ въ дѣло;— столько войскъ, что ихъ вполнѣ будетъ достаточно, чтобы навсегда устранить Россію съ европейской сцены или силой заставить ее снова вступить въ союзъ. Мысль, что неизбѣжно придется кончить этимъ, что ему предстоитъ рѣшительная кампанія на Сѣверѣ, представляется ему, какъ завершеніе его трудовъ, и властно овладѣваетъ его умомъ. Теперь перспектива этой кампаніи, мысль о которой только по временамъ приходила ему на умъ, все ярче выступаетъ изъ-за нынѣшнихъ его предпріятій. Она непрерывно растетъ, поднимается надъ горизонтомъ и въ все болѣе яркихъ чертахъ обрисовывается и выступаетъ въ туманѣ будущаго.

Въ настоящее же время Наполеонъ считаетъ нужнымъ самовластно пустить въ ходъ цѣлый рядъ жестокихъ мѣръ. Онъ

положительно неистовствуетъ въ дѣлѣ захватовъ и накладываетъ самую суровую опеку на тѣ страны, куда ему важно не допускать англичанъ, или откуда необходимо изгнать ихъ. Что касается Юга, онъ находитъ, что наступилъ удобный моментъ для окончательнаго подчиненія Испаніи. На окраинѣ полуострова Массена занялъ, наконецъ, Португалію. Онъ прогналъ армію Веллеслея, прошелъ мимо Каимбры, овладѣлъ господствующими надъ Лиссабономъ позиціями, и, по послѣднимъ извѣстіямъ, находился въ пяти миляхъ отъ Лиссабона. Конечно, трудно судить о ходѣ и оборотахъ военныхъ операцій, скрытыхъ за густой цѣпью горъ, откуда могли доходить только смутные и преувеличенные слухи объ ожесточенной борьбѣ. Тѣмъ не менѣе, Наполеонъ ежеминутно ждетъ извѣстій, что Массена занялъ Лиссабонъ, что Веллеслей сѣлъ со своими войсками на суда, и что Португалія очищена отъ непріятеля. Въ надеждѣ на такой благопріятный исходъ дѣла, онъ предписываетъ правительству въ Мадридѣ начать переговоры съ мятежными кортесами Кадикса и въ послѣдній разъ потребовать отъ нихъ признанія французской династіи и Байоннскаго договора. За это признаніе онъ готовъ согласиться не нарушать цѣлости Испаніи; въ противномъ же случаѣ, въ наказаніе за ея сопротивленіе, онъ грозитъ расчленить Испанію, присоединить къ Франціи сѣверныя провинціи, и, съ высоты своихъ перенесенныхъ до Эбро границъ, всей своей тяжестью налечь на изувѣченную Испанію. Склонный, по складу своего характера, вести за-разъ много дѣлъ, онъ желаетъ, чтобы одновременно съ покореніемъ полуострова были приняты рѣшительныя мѣры на Сѣверномъ и Балтійскомъ моряхъ. Откладывая до сихъ поръ, изъ желанія не портить отношеній съ Россіей, рѣшеніе участи ганзейскихъ городовъ и прилегающихъ къ нимъ территорій, теперь онъ рѣшаетъ присоединить ихъ къ своей имперіи. Это рѣшеніе созрѣло въ немъ уже 14 ноября, черезъ три дня послѣ полученія имъ отказа Александра примѣнять къ нейтральнымъ судамъ выработанныя имъ правила, но объ этомъ рѣшеніи Европа должна узнать только черезъ мѣсяцъ изъ опубликованнаго сенатскаго рѣшенія.

Онъ замѣщаетъ своихъ консуловъ и командующихъ войсками въ Бременѣ, Гамбургѣ и Любекѣ префектами, иначе говоря, подмѣняетъ оккупацію присоединеніемъ; онъ ста-

вить въ суровые тиски своей администраціи тѣ страны, на которыя до сихъ поръ распространялась только сфера его вліянія, и надѣется такимъ путемъ отнять у Германіи всякую возможность стремиться къ независимости. Онъ думаетъ, что тогда ему легче будетъ использовать для морской борьбы соединенныя подъ его властью страны, легче будетъ поднять противъ врага другіе народы и выставить противъ него новыя силы. Главнымъ же образомъ, онъ хочетъ доказать англичанамъ, что каждый ихъ отказъ вести переговоры, каждое проявленіе упрямства будетъ стоить имъ безспорнаго бѣдствія, будетъ сопровождаться окончательнымъ закрытіемъ какого-нибудь необходимаго для ихъ торговли рынка. Весной онъ объявилъ имъ, что единственное средство спасти Голландію и ганзейскіе города—это немедленное заключеніе мира. Лондонскій кабинетъ остался глухъ къ этому предостереженію; Голландія была присоединена. Недавно на совѣщаніяхъ въ Морлеи по поводу обмѣна плѣнниковъ, во время переговоровъ, которые могли привести къ переговорамъ о мирѣ, англійское министерство проявило только злую волю и неуступчивость. Слѣдовательно, необходимо, чтобы угроза была приведена въ исполненіе, чтобы нѣмецкія гавани постигла участь Голландіи, чтобы господство Франціи на побережьѣ распространялось непрерывно, роковымъ образомъ, сокрушая на пути всѣ преграды, по мѣрѣ того, какъ англичане будутъ упорно распространять и удерживать за собой исключительное господство на моряхъ. Такое поступательное движеніе впередъ, положенное Наполеономъ въ основу своихъ дѣйствій, приводитъ его къ поступкамъ, которые являлись вызовомъ человѣческому разуму и здравому смыслу. Онъ доходитъ до того, что хочетъ создать чудовищную по размѣрамъ имперію, уродливую по формѣ и величинѣ, состоящую, сказалъ бы я, изъ двухъ рукъ, изъ которыхъ одна начиналась у Альповъ и Рейна и протягивалась вдоль побережья Средиземнаго моря за Римъ включительно, а другую проектировалось протянуть по нѣмецкому побережью, въ видѣ узкой полосы французскихъ департаментовъ отъ острова Текселя до Любека. Этими руками онъ хотѣлъ охватить центральную Европу, изолировать ее отъ англичанъ, устроить изъ всего побережья континента одинъ непрерывный фронтъ для обороны и нападенія, и, выпустивъ декретъ объ отлученіи отъ міра Британскихъ

островов, подвергнуть ихъ строгой и правильной блокадѣ. На Югѣ онъ можетъ, не наталкиваясь на сопротивленіе, подвигаться впередъ, сколько ему угодно, такъ какъ на своемъ пути онъ встрѣчаетъ только слабосильные, безвольные, уже подчинившіеся его вліянію народы. На Сѣверѣ же, стоитъ ему сдѣлать еще одинъ шагъ впередъ,—и онъ натолкнется на препятствіе, на единственное, способное къ сопротивленію государство, оставшееся въ цѣлости отъ стертой съ лица земли Европы, т. е., на Россію. Уже однимъ тѣмъ, что онъ довелъ до Балтики свои границы, онъ наноситъ безопасности Россіи ударъ, болѣе сильный и болѣе серьезный, чѣмъ всѣ предыдущіе.

Нужно сказать, что присоединеніе побережья носило въ самомъ себѣ зачатокъ прямого конфликта съ Россіей. Для того, чтобы придать нашимъ новымъ владѣніямъ больше устойчивости, необходимо было подвергнуть участи ганзейскихъ владѣній и нѣкоторыя другія территоріи, которыя должны были служить для связи и округленія нашихъ владѣній и для непрерывности береговой границы. Для этого нужно было отрѣзать отъ Вестфальскаго королевства и отъ великаго герцогства Бергскаго ихъ сѣверныя провинціи, и, сверхъ того, поглотить нѣкоторыя княжества, которыя, благодаря черезполосицѣ германскихъ государствъ, были вкраплены въ страны, подлежащія анексіи. Среди маленькихъ государствъ, предназначенныхъ къ экспропріаціи, лежало, между прочимъ, герцогство Ольденбургское—узкая полоса земли между восточной Фрисландіей и Ганноверомъ, прилегавшая на сѣверѣ къ широкому устью р. Яде, уже занятому и укрѣпленному нашими войсками. Ольденбургъ былъ удѣльнымъ владѣніемъ древняго дома, который состоялъ въ родствѣ съ домомъ Романовыхъ. Теперешній герцогъ былъ дядей императора Александра, который могъ смотрѣть на Ольденбургъ, какъ на фамильную собственность. Дойдетъ ли Наполеонъ до того, чтобы поступить съ протеже царя, съ его родственникомъ, такъ же, какъ и съ сосѣдними князьками? Рѣшится ли отнять у него его владѣнія, назначивъ ему денежное вознагражденіе или пенсію, и лишивъ, такимъ образомъ, царя правъ на его фамильную собственность?

Не желая причинять неудовольствія императору Александру, онъ не прочь былъ сдѣлать исключеніе въ пользу Ольденбурга. Сначала онъ остановился на мысли пощадить герцогство. Онъ хотѣлъ окружить его нашими владѣніями, нашими таможнями и, вклю-

чивъ въ нашу военную и фискальную систему, иначе говоря заточивъ и замуравивъ его въ своей имперіи, предохранить отъ всякаго общенія съ Англіей. Но такое нарушеніе общаго правила онъ допускалъ, только скрѣпя сердце. Получавшійся, вслѣдствіе этого, перерывъ нашей морской границы не отвѣчалъ его принципамъ, мозолилъ ему глаза. Нѣсколько дней спустя, онъ рѣшилъ, что герцогъ, вѣроятно, не откажется обмѣнять призрачную верховную власть на болѣе прочное положеніе въ другой части Германіи. Въ ожиданіи сенатскаго рѣшенія по поводу ганзейскихъ городовъ, онъ приказалъ разсмотрѣть вопросъ объ Ольденбургѣ, а самъ тѣмъ временемъ подыскивалъ, гдѣ бы найти равнозначущее владѣніе, и остановился на мысли, что таковымъ могъ бы быть Эрфуртъ съ прилегающими къ нему землями. Это составляло шестую часть герцогства «по поверхности, третью по населенію и немного болѣе половины по доходности» [1]). Въ случаѣ надобности, прибавка сосѣднихъ земель могла бы дополнить разницу.

13 декабря было издано сенатское рѣшеніе. Въ немъ санкціонировалось присоединеніе Голландіи, и объявлялось о присоединеніи нѣмецкаго побережья, не входя пока въ подробности о тѣхъ странахъ, которыя подлежали присоединенію. Въ то же время императоръ объявилъ—и даже приказалъ написать объ этомъ своему посланнику въ Россіи,—что герцогу Ольденбургскому придется сдѣлать выборъ между двумя рѣшеніями: или остаться на мѣстѣ и согласиться на тѣ ограниченія его верховныхъ правъ, которыя будутъ связаны съ учрежденіемъ французскихъ таможенъ, или же отказаться отъ своего герцогства и получить взамѣнъ Эрфуртъ [2]). Особому послу поручено было предложить герцогу вторую комбинацію, но давалось понять, что его воля ни въ коемъ случаѣ не будетъ стѣснена и что онъ свободно можетъ выбрать любое изъ двухъ.

Въ дѣйствительности же, эта оговорка была простой формальностью. Императоръ не сомнѣвался, что его желаніе будетъ принято за приказаніе. Но оказалось, что герцогъ, смотрѣвшій на себя, какъ на временнаго владѣльца герцогства, не счелъ себя въ пра-

---

[1]) Донесеніе Шампаньи императору отъ 10 декабря 1810 г. Archives des affaires étrangères, папка съ дѣлами, относящимися къ герцогству Ольденбургскому.

[2]) Шампаньи Коленкуру, 14 декабря 1810 г. Cf. Bignon, IX, 362.

вѣ распоряжаться родовымъ имуществомъ своего дома. Онъ предпочелъ пріятной съ виду мѣстности Эрфурта бѣдные пески, которыми издревле владѣли его предки. Онъ просилъ разрѣшенія остаться въ Ольденбургѣ, при какихъ бы то ни было условіяхъ. Въ кроткихъ и почтительныхъ выраженіяхъ онъ отклонилъ обмѣнъ [1]). Между тѣмъ, французскія власти, исходя изъ общихъ выраженій сенатскаго рѣшенія и не сомнѣваясь въ согласіи герцога на обмѣнъ, появились въ герцогствѣ, отстранили мѣстную администрацію и завладѣли денежными кассами. Герцогъ протестовалъ во имя своего признаннаго самимъ императоромъ права, теперь дерзко попираемаго. Но Наполеонъ не допускалъ, чтобы протестъ вассала—какого-то маленькаго члена Конфедераціи—могъ задержать развитіе его господства и принудить Францію къ отступленію. Онъ разрѣшилъ затрудненіе, которое не удалось ему распутать, какъ истинный самодержецъ. 22 января 1811 г., онъ подписалъ декретъ, въ которомъ приказывалось: вступить во владѣніе Ольденбургомъ, права же герцогской семьи перенести на Эрфуртъ. Этимъ грубымъ поступкомъ онъ нарушилъ 12-ю статью тильзитскаго договора, въ которой говорилось, что герцоги Ольденбургскій, Саксенъ-Кобургскій и Мекленбургъ-Шверинскій «каждый въ отдѣльности будутъ возстановлены въ полномъ и мирномъ владѣніи своими государствами». Правда, не желая ускорять конфликта, онъ велѣлъ сдѣлать герцогу Виченцы запросъ о средствахъ смягчить неудовольствіе въ Петербургѣ [2]); но, поддавшись слѣпому убѣжденію, что воля его должна быть закономъ всему міру, онъ оказался въ результатѣ виновнымъ предъ Александромъ въ неуваженіи къ нему лично, въ нанесеніи ему ничѣмъ не вызваннаго и совершенно не нужнаго явнаго оскорбленія, котораго нельзя было ни оправдать, ни извинить.

Но 31 декабря 1810 г., за три недѣли до вышеизложеннаго, еще до полученія Александромъ извѣстій о присоединеніи ганзейскихъ городовъ и объ опасности, угрожавшей Ольденбургу, царь, безъ всякаго повода со стороны Наполеона, первый открыто нанесъ ударъ союзу. Это произошло въ области торговыхъ интересовъ, къ которымъ Наполеонъ относился особенно

---

[1]) Archives des affaires étrangères, Oldenbourg et Confédération du Rhin.
[2]) Шампаньи Коленкуру, 14 ноября 1810 г.

чутко и подозрительно. Въ Тильзитѣ, по 27-ой статьѣ опубликованнаго договора, обѣ договаривающіяся стороны обязались: впредь до заключенія торговой конвенціи возстановить экономическія сношенія въ томъ видѣ, какъ это было до войны. Это значило временно ввести въ дѣйствіе договоръ 11 января 1787 г.,— единственный договоръ, который до того былъ заключенъ между Франціей и Россіей. По этому акту, который былъ однимъ изъ послѣднихъ и наиболѣе полезныхъ успѣховъ королевской дипломатіи, наши произведенія въ Россіи пользовались въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ привилегіями и были обложены весьма умѣренными пошлинами. Возстановленіе этого договора въ 1807 г., въ связи съ обязательствами противъ Англіи, считалось въ Петербургѣ одной изъ причинъ остраго кризиса, наносившаго ущербъ матеріальнымъ интересамъ и благосостоянію народа, ибо, вслѣдствіе прекращенія торговли съ Лондономъ, Россія не могла сбывать произведеній своей страны, тогда какъ ввозъ французскихъ товаровъ по сушѣ принялъ весьма широкіе размѣры. Французскіе товары состояли, главнымъ образомъ, изъ дорогихъ предметовъ роскоши, пріобрѣтеніе которыхъ уносило изъ Россіи громадное количество звонкой монеты, которая не возмѣщалась, какъ въ нормальное время, деньгами, получаемыми отъ морского экспорта. Торговый балансъ,—говоря языкомъ и ссылаясь на доктрины того времени,—страдалъ отъ этихъ ничѣмъ не вознаграждаемыхъ потерь. Совѣтники царя по финансовой части приписывали этой причинѣ сильное пониженіе курса, которое разоряло націю и тревожило правительство. Въ концѣ 1810 г. Александръ уступилъ убѣжденіямъ своихъ совѣтниковъ и измѣнилъ это положеніе самовластной мѣрой, не считаясь съ тѣмъ, какъ это могло отразиться на политическихъ отношеніяхъ Россіи. Не посовѣтовавшись съ Наполеономъ и не предупредивъ его, онъ приказалъ комитету изъ свѣдущихъ людей выработать, а затѣмъ опубликовалъ знаменитый указъ, въ которомъ, по передѣлкѣ всѣхъ таможенныхъ ставокъ, главный ударъ наносился Франціи, при чемъ положеніе, установленное договоромъ, измѣнено было простымъ указомъ [1]).

[1]) Правда, что актъ 1787 г. былъ составленъ на двадцать лѣтъ. Но развѣ по статьѣ Тильзитскаго договора не подразумѣвалась отсрочка его на неопредѣленное время?

По этому указу, товары, ввозимые по сушѣ, т. е., французскіе, были обложены суровыми, а нѣкоторые даже запретительными пошлинами. Въ случаѣ проникновенія ихъ въ Россію путемъ контрабанды, приказано было сжигать ихъ. Это было равносильно объявленію Франціи экономической войны,—самой жестокой и самой несправедливой изъ войнъ. Что же касается привозимыхъ моремъ товаровъ, т. е., не французскихъ, то указъ въ принципѣ ставилъ ихъ въ лучшія условія и ни въ коемъ случаѣ не присуждалъ къ истребленію, если они попадали путемъ контрабанды. Конечно, своя рубашка къ тѣлу ближе; правда и то, что примѣненіе новыхъ тарифовъ не касалось государствъ, съ которыми Россія вела войну. Для нихъ безусловный запретъ сохранялъ, по-прежнему, силу закона, такъ что гавани, какъ и прежде, были закрыты товарамъ безспорно англійскаго происхожденія, но, по толкованію указа самимъ Александромъ [1]), благопріятствующія постановленія этого акта примѣнялись къ торговлѣ, которая происходила на бортахъ нейтральныхъ и спеціально американскихъ судовъ, т. е., къ той торговлѣ, на которую Наполеонъ, смотрѣлъ, и не безъ основанія, какъ на самую доходную статью британской торговли, и считалъ необходимымъ не допускать ея. Слѣдовательно, указъ покровительствовалъ Англіи за нашъ счетъ. Торговый разрывъ съ Россіей становился для насъ еще тяжелѣе, благодаря облегченіямъ, допущеннымъ въ пользу нашихъ соперниковъ. Новый таможенный режимъ вдвойнѣ оскорблялъ чувство тѣсной солидарности, которая офиціально лежала въ основѣ отношеній между Франціей и Россіей. Въ наши дни одинъ государственный человѣкъ сказалъ: «Экономическая война несовмѣстима съ политической дружбой» [2]). Насколько же она не была совмѣстима въ тѣ дни, когда Наполеонъ старался на экономической почвѣ сломить упорство англичанъ, когда онъ на эту почву перенесъ центръ тяжести борьбы, въ которой хотѣлъ заставить всю Европу принять участіе! Отдалиться отъ насъ на этой почвѣ и сдѣлать шагъ навстрѣчу нашимъ врагамъ значило рѣзко подчеркнуть наступившее разногласіе въ интересахъ,

---

[1]) Письмо, опубликованное Татищевымъ, 547—552.

[2]) Канцлеръ Каприви. См. статью Paul Leroy-Beaulieu въ Revue des deux Mondes du 1-er février 1892, sur Les traités de commerce de l'Europe centrale, les conventions commerciales entre les Etats d'Amérique et le régime douanier de la France.

полную противоположность основныхъ началъ политики, и предъ лицомъ всего міра отречься отъ союза [1]).

Такимъ образомъ, Наполеонъ и Александръ на протяженіи двадцати дней, независимо другъ отъ друга,—такъ какъ указъ Александра не можетъ быть разсматриваемъ, какъ отвѣтъ на деспотическіе поступки Наполеона,—дошли до того, что нарушили букву договора, отъ духа котораго уже давно отреклись. Они почти безсознательно приблизились къ естественному результату, т. е., къ неизбѣжному концу предпринятаго ими въ разныхъ направленіяхъ движенія, которое въ теченіе десяти мѣсяцевъ удаляло ихъ другъ отъ друга. Оба сдерживали себя до тѣхъ поръ, пока видѣли въ союзѣ средство обезпечить себѣ взаимныя поблажки. Они допускали этотъ тормазъ, потому что въ ихъ рукахъ былъ еще рычагъ къ нему. Теперь же, когда Наполеонъ потерялъ надежду на активное содѣйствіе Россіи противъ Англіи, а Александръ отказался отъ возможности полностью удержать за собой княжества, они приходятъ къ убѣжденію, что ихъ обязательства частью погашены, частью потеряли свою силу; они видятъ въ нихъ только ненужные, просроченные векселя и инстинктивно хотятъ избавиться отъ нихъ. Теперь, во всѣхъ своихъ заявленіяхъ и дѣйствіяхъ, Наполеонъ руководствуется только тѣмъ, что ему удобно и желательно. Съ своей стороны, и Александръ считаетъ нужнымъ мало-по-малу освободить свой народъ отъ навязанныхъ ему лишеній, хочетъ дать свободу подавленнымъ страстямъ знати, предоставить ей снова занять прежнее положеніе, позволить ей высказывать ему свои мысли и диктовать свои желанія.

Въ то время, къ описанію котораго мы подошли, смѣлость царя можно приписать еще одному особому обстоятельству. Начатыя шесть мѣсяцевъ тому назадъ военныя приготовленія были закончены. Россія была готова къ войнѣ. Между тѣмъ какъ Наполеонъ думалъ, что всѣ ея боевыя силы заняты на Дунаѣ и что у нея нѣтъ свободныхъ войскъ, ей удалось, подъ прикрытіемъ непроницаемой тайны, съ неимовѣрными усиліями сохранить въ секретѣ свою дѣятельность, мобилизовать и сосредоточить около своей западной границы двѣсти сорокъ тысячъ войскъ. Александръ знаетъ, что списоч-

---

[1]) См. текстъ указа въ Moniteur'ѣ отъ 31 января 1811 г.

ный составъ войскъ весь на-лицо, что магазины сформированы, снаряды и провіантъ припасены. Онъ знаетъ, что въ его рас поряженіи «вполнѣ организованные», въ полной боевой готовности двадцать одна дивизія пѣхоты, восемь дивизій кавалеріи и тридцать два казачьихъ полка. Итого двѣ арміи, изъ которыхъ одна стоитъ на первой линіи, другая—съ резервомъ въ сто двадцать четыре тысячи человѣкъ—на небольшомъ разстояніи позади первой, готовая присоединиться къ ней по первому сигналу [1]). Противъ себя, по ту сторону границы, царь видитъ только пятьдесятъ тысячъ поляковъ герцогства, за ними сорокъ шесть тысячъ французовъ, разбросанныхъ по крѣпостямъ или размѣщенныхъ въ нижней Германіи, окруженныхъ весьма сомнительными союзниками. Онъ знаетъ, что раньше нѣсколькихъ мѣсяцевъ Франція ни въ коемъ случаѣ не можетъ объявить ему войны, слѣдовательно, онъ можетъ, не подвергаясь немедленной опасности, открыто заявить о своемъ экономическомъ отложеніи.

Дастъ ли онъ Наполеону время подготовить средства къ мести и отомстить? Отложитъ ли онъ дѣлающуюся неизбѣжной войну до тѣхъ поръ, пока завоеватель развяжется съ Испаніей, пока тотъ соберетъ воедино всѣ свои войска, создастъ новыя арміи, займетъ снова Германію и сплотитъ противъ Россіи всю Европу? Теперь, когда превосходство силъ можетъ возмѣстить неравенство талантовъ, не предписывается ли русскимъ самимъ благоразуміемъ сдѣлаться предпріимчивыми и смѣлыми, не слѣдуетъ ли имъ воспользоваться своимъ преимуществомъ, постараться выиграть во времени и броситься на не готоваго къ бою противника? Дѣйствительно, имѣя въ своемъ распоряженіи средства, собранныя въ видахъ обороны, Александръ поддается искушенію употребить ихъ для нападенія. Отъ горделиваго сознанія, что въ этотъ разъ въ матеріальномъ отношеніи онъ сильнѣе Наполеона, что онъ лучше его вооруженъ, что онъ въ состояніи напасть первымъ и напасть внезапно, царь приходитъ въ восторженное состояніе,—онъ опьяняется этой идеей; у него кружится голова. Мысль поднять Европу противъ Наполеона,

---

[1]) Цифры, приведенныя самимъ Александромъ въ двухъ письмахъ къ Чарторижскому. Mémoires du prince, II, 254 и 271. Въ донесеніи Жозефа де-Местра даются точно такія же свѣдѣнія. Corresp., III, 540.

желаніе самому стать во-главѣ ея, мечта замѣнить гнетъ Франціи благодѣтельной гегемоніей Россіи,—все это охватываетъ его умъ, приводитъ въ трепетъ его душу. Планъ—хитростью вторгнуться въ Польшу, который уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ зародился въ его умѣ, теперь начинаетъ быстро зрѣть и достигаетъ полнаго расцвѣта. Случай кажется ему слишкомъ подходящимъ, чтобы отказаться отъ мысли использовать его, чтобы не воспользоваться особенно благопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, и мы наблюдаемъ, какъ въ теченіе нѣсколькихъ дней онъ рѣшаетъ отъ приготовленій къ дѣлу перейти къ самому дѣлу.

8 января 1811 г., девять дней спустя послѣ указа, узнавъ о присоединеніи ганзейскихъ городовъ, но не зная еще о захватѣ Ольденбурга, т. е., о частной, нанесенной лично ему, обидѣ, онъ повѣряетъ свой планъ своему другу, и его переписка съ Чарторижскимъ, которая никогда не прекращалась, принимаетъ совершенно новый характеръ. Она становится на опредѣленную почву и пріобрѣтаетъ совершенно новое значеніе. Теперь онъ не ищетъ совѣтовъ, не высказываетъ смутной идеи, не предлагаетъ ее на обсужденіе своего друга. Напротивъ, онъ ставитъ цѣлый рядъ вопросовъ, на которые требуетъ опредѣленнаго отвѣта, и повѣряетъ ему вполнѣ готовый планъ.

Его цѣль—ниспровергнуть присвоенную захватнымъ правомъ власть Франціи надъ Европой; планъ дѣйствій—первымъ дѣломъ объявить о возстановленіи Польши и провозгласить себя ея королемъ; одновременно съ этимъ перебросить въ Варшаву сто тысячъ русскихъ, которые «тотчасъ же получатъ подкрѣпленіе въ сто тысячъ» [1]). Солдатамъ герцогства будетъ предложено присоединиться къ нимъ. Если поляки согласятся на это предложеніе, первая оборонительная линія Франціи будетъ уже уничтожена, переходъ черезъ Вислу совершенъ, Данцигъ обойденъ и отрѣзанъ. Тогда Россія, спокойная,—благодаря обѣщанію Бернадота,—за свою собственную территорію, быстро дойдетъ до Одера и появится на порогѣ Германіи. Тутъ, по присоединеніи къ ней Пруссіи, количество ея войскъ возрастетъ до трехсотъ тридцати тысячъ, но можетъ быть доведено и до пятисотъ, «если Австрія, за предложенныя ей выгоды, выступитъ

---

[1]) Письмо Александра отъ 25 декабря (стараго стиля) 1810 г., опубликованное въ Mémoires du prince Czartoryski. II, 248—253.

также противъ Франціи»[1]). Терпѣніе Германіи изсякло. Видъ армій, идущихъ въ бой за ея освобожденіе, вызоветъ всеобщее увлеченіе, измѣна сдѣлается заразительной. Горячій патріотизмъ, ненависть къ чужестранному владычеству, любовь къ независимости будутъ непрерывно доставлять коалиціи новыхъ членовъ. Благородныя страсти, которыя еще недавно были неотъемлемой принадлежностью французовъ и составляли ихъ главную силу, будутъ теперь на сторонѣ сражающихся заодно съ Россіей, и, перейдя въ другой лагерь, перенесутъ туда и побѣду. Но, чтобы обезпечить за собой успѣхъ или даже только возможность дѣйствовать, необходимо заручиться содѣйствіемъ поляковъ герцогства съ самаго начала военныхъ операцій. Такимъ образомъ, судьба Европы въ рукахъ этихъ пятидесяти тысячъ человѣкъ. Перейдутъ ли они, спрашиваетъ царь, на сторону того, кто первый предложитъ имъ «не надежду на возстановленіе ихъ родины, а полную увѣренность въ этомъ?»[2]). Можно ли ожидать, что, если привести въ исполненіе всѣ ихъ упованія, они ради этого порвутъ свои добрыя отношенія съ Наполеономъ и тотчасъ же рѣшатся перемѣнить фронтъ? Александръ готовъ дать имъ торжественно свое слово. Онъ обѣщаетъ имъ не только либеральную конституцію, но и родину, въ которую войлутъ, кромѣ герцогства, и русскія губерніи, и, которая, вѣроятно, будетъ еще увеличена австрійской Галиціей. Но, прежде чѣмъ предпринять что-либо, онъ желаетъ быть увѣреннымъ въ ихъ согласіи. Въ виду этого онъ поручаетъ Чарторижскому съ надлежащей предосторожностью поговорить съ тѣми вождями народа и арміи, на скромность которыхъ можно положиться; онъ проситъ его постараться узнать ихъ мысли, передать имъ русскія предложенія и заручиться ихъ обѣщаніемъ. Лишь только Александръ получитъ отвѣтъ и необходимыя гарантіи, онъ подастъ сигналъ, и великое дѣло свершится[3]). Въ ожиданіи этого онъ беретъ на себя трудъ держать въ блаженномъ невѣдѣніи Коленкура и обманывать Наполеона. Ему ничего не стоитъ внушать ложное чувство безопасности монарху, котораго онъ столько разъ называлъ своимъ другомъ и на котораго собирается теперь напасть врасплохъ. По его мнѣнію, цѣль

---

[2]) Письмо отъ 25 декабря.

[3]) Mémoires et Correspondance de Czartoryski, II, 248, 278.

оправдываетъ средства. Его соблазняютъ благородныя стороны предпріятія. Великодушіе, справедливость, отреченіе отъ собственныхъ правъ—вотъ тѣ черты, которыя хочетъ онъ придать первому акту предпріятія, тому акту, которому надлежитъ искупить великую, содѣянную въ прошломъ, несправедливость и привести къ возстановленію Польши. Эти благородныя стороны подкупаютъ его совѣсть. Конечно, для достиженія цѣли ему придется прибѣгнуть ко лжи и хитрости, но его утѣшаетъ мысль начать освобожденіе Европы актомъ искупленія. Его необычайный планъ обрисовываетъ его цѣликомъ, показываетъ всѣ свойства его характера—благородное великодушіе, мечтательность и фальшь.

Нѣтъ никакихъ указаній, на основаніи которыхъ можно было бы предположить, что этотъ заговоръ былъ составленъ сообща съ Англіей. Александръ отлично зналъ, что въ тотъ день, когда онъ объявитъ войну Франціи, миръ и союзъ съ Лондономъ будутъ дѣломъ простой формальности. Онъ имѣлъ въ виду эти естественныя послѣдствія своей эволюціи, но не хотѣлъ ни ускорять ихъ, ни связывать себя преждевременными обязательствами. Отдаляясь отъ насъ, онъ дѣйствовалъ по собственной иниціативѣ, и Наполеонъ напрасно подозрѣвалъ его въ томъ, что онъ уступалъ внушенію извнѣ.

Кромѣ указанныхъ соображеній, есть основаніе думать, что въ періодъ этихъ важныхъ рѣшеній ни англійская дипломатія, ни англійскія интриги не могли проявить себя ни особой энергіей, ни смѣлой иниціативой: имъ не до того было, чтобы слѣдить за тѣмъ, что думаютъ въ Россіи. Дѣло въ томъ, что люди, стоявшіе въ Лондонѣ у кормила правленія, очутились, благодаря болѣзни Георга III, въ страшно-затруднительномъ положеніи: съ одной стороны, между психически больнымъ королемъ, съ другой—регентомъ, пользующимся дурной славой. Они подвергались ядовитымъ нападкамъ оппозиціи, должны были бороться съ раздраженіемъ, вызваннымъ экономическими потерями, выслушивать жалобы торговаго міра. Они жили среди народа безъ хлѣба и купцовъ наканунѣ банкротства, и если и отрывались отъ тяжелыхъ затрудненій внутренняго порядка, то только для того, чтобы отдаться всепоглощающимъ заботамъ о войнѣ на Пиринейскомъ полуостровѣ. Положеніе ихъ было настолько тяжелое, что, даже, обращаясь къ Англіи, дрожавшей за участь своихъ послѣднихъ солдатъ и требовавшей ихъ возвращенія на родину, они сплошь да

къ ряду не рѣшались высказать надежды на спасеніе стоявшей подъ Лиссабономъ арміи Веллеслея. И все-таки, въ минуту страшной опасности никому изъ нихъ не приходила въ голову мысль уступить; у нихъ не было ни малѣйшаго желанія просить мира или даже согласиться на миръ; никто не хотѣлъ поступиться національнымъ достоинствомъ и интересами Великобританіи. Мало случаевъ въ исторіи, когда государственные люди являли въ ожесточенной борьбѣ съ событіями, при непрекращающихся ударахъ судьбы, столь дивный примѣръ хладнокровія и спокойнаго мужества. Кто же эти люди? Среди нихъ нѣтъ ни одного министра съ громкимъ именемъ, съ знаменитымъ прошлымъ, съ выдающимся умомъ. Преемники Питта, извѣстные намъ подъ именами Парсеваля, Эльдона, Ливерпуля, Камдена, унаслѣдовали только его твердость, упорство и ненависть къ Франціи. Зная, что въ ихъ рукахъ судьба родины, судьба міра, они черпаютъ изъ этого сознанія мужество и терпѣніе, которыя ставятъ ихъ на ряду съ величайшими людьми. Не стараясь сломить напора противника или избѣгнуть его искусными маневрами, они ограничиваются тѣмъ, что выдерживаютъ его напоръ, оказывая только пассивное сопротивленіе, которое со временемъ должно взять верхъ, и, въ концѣ-концовъ, побѣда надъ Наполеономъ будетъ побѣдой силы характера надъ силой генія. Вся нація понимаетъ ихъ и дѣйствуетъ заодно съ ними. Несмотря на горячую борьбу партій въ парламентѣ, большинство остается за правительствомъ. Предъ лицомъ національной опасности Англія стоитъ непоколебимо, какъ одинъ человѣкъ. Ея счастье, ея слава состоятъ въ томъ, что она поняла, что для нея затянуть борьбу значитъ побѣдить; что Наполеонъ, поднимаясь на все болѣе головокружительную высоту, приближается къ пропасти; что наложенное на всю Европу иго подготовляетъ единодушное возстаніе; что, подъ внѣшней покорностью королей и народовъ, подъ этой спокойной гладью, недовольство и волненіе все глубже пускаютъ корни; что попранные интересы, униженное чувство достоинства, насилованная совѣсть при первой же возможности постараются оказать сопротивленіе и пойдутъ на притѣснителя въ образѣ несмѣтныхъ, разъяренныхъ войскъ. Не видя еще на горизонтѣ этихъ несущихся къ ней на помощь войскъ, Англія чувствуетъ, что они должны придти, что они уже въ пути. Она

старается только продержаться до ихъ прихода, и, стоя на мѣстѣ, ждетъ ихъ стойко, неподвижно, съ геройскимъ спокойствіемъ, Это тактика Ватерлоо, которую еще до арміи использовали правительство и народъ. Народу еще ничего не извѣстно, а разсчеты его начинаютъ уже сбываться; уже готовится и выступаетъ въ походъ подмога, которая избавитъ Англію отъ блокады, спасетъ ея торговлю и выручитъ изъ бѣды ея армію. Веллеслей еще держится въ Португаліи. Обманувъ надежды Наполеона, превзойдя ожиданія своихъ собственныхъ согражданъ, онъ останавливаетъ Массена подъ Торресъ-Ведрасъ. Стремительный натискъ нашихъ солдатъ, надорванная энергія самаго искуснаго и счастливаго изъ нашихъ генераловъ разбились объ эту стѣну. Вь ужасѣ отъ такого сопротивленія, старый маршалъ отправляетъ въ Парижъ офицеровъ, требуетъ подкрѣпленій, жалуется на недостатокъ войскъ. Правду говоря, чтобы довести до благополучнаго конца эту неудачную кампанію, Наполеону оставалось только одно: отправиться самому на полуостровъ и ввести въ дѣло всѣ свои боевыя силы. Но наступившія раньше, чѣмъ онъ думалъ, осложненія на Сѣверѣ, вскорѣ окончательно оторвутъ его отъ Испаніи. Онъ разсчитывалъ, что ему удастся дойти до одного края континента и покорить его прежде, чѣмъ другой сдѣлаетъ попытку ускользнуть изъ-подъ его вліянія. Въ одно время, и тутъ и тамъ, его разсчеты оказываются невѣрными, его планы рушатся. Югъ не хочетъ покориться, Сѣверъ возстаетъ и отвлекаетъ на себя главныя силы Франціи. Россія уже поднялась; она ждетъ только успѣшнаго исхода своихъ переговоровъ съ варшавянами, чтобы перейти границы и вступить въ Германію со своими, съ такимъ терпѣніемъ собранными, войсками.

Какой бы густой вуалью ни прикрывала себя Россія, трудно было долго обманывать императора. Благодаря дошедшимъ до него свѣдѣніямъ, онъ насторожилъ уши уже съ декабря мѣсяца и внимательно прислушивался къ шуму производящихся по Двинѣ и Днѣстру работъ. Онъ еще не выводитъ изъ этого заключенія, что Россія готовится къ нападенію, но думаетъ, что правъ, предполагая, что Россія подготовляетъ миръ съ Англіей; что, укрѣпивъ и занявъ войсками границы, она надѣется заключить его безнаказанно. Такъ какъ онъ не допускаетъ мира Россіи съ Англіей безъ союза, то, если царь Александръ, измѣ-

нивъ его дѣлу, не объявитъ ему войны, онъ самъ объявитъ войну и первый начнетъ ее. Съ этой цѣлью онъ приказываетъ сдѣлать рекрутскій наборъ на 1811 г. Эта мѣра въ одинъ годъ позволитъ ему довести наличный составъ до четырехсотъ тысячъ человѣкъ, но пока онъ считаетъ излишнимъ думать о непосредственныхъ приготовленіяхъ къ войнѣ. Мы увидимъ, что, только въ январѣ 1811 г., извѣстіе объ указѣ и тревожные вопли поляковъ, которые замѣтятъ по ту сторону своей границы подозрительныя передвиженія, заставятъ его стремительно переброситься къ Сѣверу и тотчасъ же изъ разбросанныхъ частей сформировать армію въ Германіи.

Начиная съ января, ежедневно будутъ выходить его точные, отличающіеся большимъ разнообразіемъ, обнимающіе все до мельчайшихъ подробностей приказы. Дѣйствуя съ неутомимой энергіей, онъ спѣшно направитъ людей къ находящемуся въ опасности посту. Онъ сдѣлаетъ три дивизіи Даву ядромъ, около котораго начнутъ собираться главныя силы; переформируетъ этотъ корпусъ въ армію и разставитъ ее по нѣмецкому побережью отъ Эльбы до Одера. Гамбургъ будетъ ея базой, Данцигъ—передовымъ постомъ. Въ Данцигѣ онъ поставитъ сильный гарнизонъ, устроитъ склады провіанта, аммуниціи и боевыхъ припасовъ. Расширивъ его крѣпостныя укрѣпленія, онъ возьметъ его за исходный пунктъ предстоящихъ операцій. Затѣмъ, позади войскъ и позицій первой линіи, онъ соберетъ другія войска, и, мало-по-малу, изъ средней Германіи появится такая армія, какой никогда еще не знавали новѣйшія времена. Эта армія, въ которую войдутъ двѣ трети военныхъ всей Европы, спаянныхъ и дисциплинированныхъ его желѣзной рукой, по его мановенію выступитъ въ походъ. Правда, если осуществятся планы русскаго императора, то, несмотря на сверхчеловѣческую дѣятельность и предусмотрительность Наполеона, первыя предписанныя имъ передвиженія войскъ, въ виду того, что они могли закончиться только къ концу весны или лѣтомъ 1811 г., не могли бы защитить нашъ авангардъ отъ внезапнаго нападенія и неизбѣжно оставили бы его одного предъ лицомъ подавляющихъ силъ Россіи. Но выполненіе задуманнаго царемъ плана зависитъ отъ условія, стоящаго внѣ его власти, т. е., отъ согласія поляковъ герцогства. Они откажутся отъ его предложеній. Тогда, понявъ, какъ фантастичны, какъ несбыточны были его разсчеты, Александръ не захочетъ воспользоваться сво-

имъ преимуществомъ. Онъ дастъ французскимъ военнымъ силамъ въ Германіи возможность соединиться на его глазахъ и вернуться на покинутыя ими позиціи; онъ предоставитъ имъ спокойно двигаться эшелонами отъ Рейна до Эльбы, отъ Эльбы до Одера, отъ Одера до Вислы и грозной массой стать у границъ Россіи. Тогда обѣ исполинскія имперіи очутятся во всеоружіи, лицомъ къ лицу.

Такъ какъ Наполеонъ не намѣренъ перейти въ нападеніе раньше 1812 г., а у Александра не хватитъ на это смѣлости,— они будутъ стоять въ бездѣйствіи и выжидать. Завяжутся переговоры и будутъ тянуться шестнадцать мѣсяцевъ. Но приведутъ ли они къ цѣли? Между императорами нѣтъ поводовъ къ непримиримой враждѣ; главное, что ихъ разъединяетъ, это—давнишнее недоразумѣніе. Александръ вооружился и приготовился къ войнѣ только потому, что думаетъ, будто Наполеонъ рѣшилъ возстановить Польшу въ ея прежнихъ границахъ, что онъ хочетъ расчленить и привести въ упадокъ русскую имперію. Но, на основаніи цѣлаго ряда вполнѣ надежныхъ данныхъ, приведенныхъ въ нашемъ трудѣ, мы установили, что Наполеонъ смотрѣлъ на Польшу, какъ на средство, и никогда не видѣлъ въ ней цѣли. Онъ хотѣлъ пользоваться поляками, какъ военнымъ матеріаломъ, но никогда не имѣлъ въ виду воевать ради нихъ. Онъ идетъ въ походъ противъ русскихъ потому, что подозрѣваетъ ихъ въ измѣнѣ ему ради Англіи, въ желаніи заключить союзъ съ его заклятымъ врагомъ. Но, намъ извѣстно, что, хотя Александръ, изъ страха передъ Франціей, и былъ склоненъ сблизиться съ англичанами, но пока еще избѣгалъ перейти на ихъ сторону. Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ основѣ вражды обоихъ властителей Европы было величайшее заблужденіе, что это было дѣломъ недоразумѣнія, изъ-за котораго равнины Сѣвера были усѣяны сотнями тысячъ труповъ, и невольно задаешься вопросомъ, въ состояніи ли были откровенныя объясненія разсѣять ихъ заблужденіе; могли ли они удержать на мѣстѣ готовыя вступить въ бой войска, могли ли воскресить довѣріе между Наполеономъ и Александромъ и обновить союзъ? Могъ ли ихъ союзъ, не порванный офиціально, но переставшій уже функціонировать, снова наладиться и выполнить свое назначеніе? Или же ихъ вражда не отвратима, потому что причина ея лежитъ не въ обидахъ частичнаго характера, а въ об-

щей совокупности создавшагося положенія? Во всякомъ случаѣ, нуженъ ли былъ этотъ разрывъ между Наполеономъ, въ которомъ, какъ въ фокусѣ, соединились всѣ силы, всѣ завоевательныя стремленія революціонной Франціи, доведенныя имъ до послѣдняго предѣла, и Россіей, на которую старая Европа возлагала всѣ свои надежды? Вопреки солидарности, существующей между обоими государствами при ихъ нормальномъ положеніи, вопреки параллельности ихъ интересовъ, о чемъ говорилось въ Тильзитѣ, что будетъ признано и въ будущемъ и на чемъ постоянно будутъ настаивать императоры, даже во время своей распри, слѣдовало ли предоставить судьбѣ оружія рѣшать, возстановитъ ли Наполеонъ на Западѣ единую Римскую имперію или Европа бросится на Францію по мановенію руки Александра? Мы увидимъ, что, какъ ни велико было и въ Наполеонѣ, и въ Александрѣ увлеченіе страстями, какъ ни велика была сила накопившихся поводовъ къ враждѣ, они не разъ остановятся въ нерѣшительности предъ той отвѣтственностью, которую налагали на нихъ и ихъ высокое положеніе, и ихъ ошибки. Въ то время, когда ихъ рука будетъ направлять милліоны людей на ужасное кровавое дѣло, въ душѣ они нерѣдко будутъ испытывать смущеніе; они пройдутъ черезъ горнило жестокой внутренней борьбы и душевныхъ страданій,—но ихъ душевныя движенія будутъ замѣтны лишь весьма ограниченному кругу людей, лишь лицамъ посвященнымъ, и то только отчасти, въ ихъ тайну. Непреодолимое недовѣріе, къ которому у Наполеона присоединилась еще его убійственная гордость, всегда будетъ мѣшать имъ прямо подойти къ предмету ихъ ссоры. Ссылаясь на всѣмъ извѣстныя обиды, они едва рѣшатся указать на истинный предметъ ихъ тяжбы и на приходящія имъ на умъ средства къ мирному соглашенію. Боясь скомпрометировать себя, не рѣшаясь отнестись довѣрчиво другъ къ другу, не позволяя себѣ откровенно высказаться, а желая, чтобы ихъ мысли и желанія были угаданы, они будутъ вести споръ полусловами и намеками. Скрывая отъ современниковъ иногда искреннія усилія разрѣшить безъ войны тотъ конфликтъ, то или другое рѣшеніе котораго должно было опредѣлить будущія судьбы Европы, они только исторіи дадутъ право слѣдить за всѣми стадіями этой міровой тяжбы и только въ ея распоряженіе предоставятъ относящіеся къ ней матеріалы.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

A.

По поводу донесенія, приведеннаго на 211 страницѣ, приписываемаго нами графу Александру Лаборду.

Донесеніе не подписано, но не подлежитъ сомнѣнію, что оно отъ Лаборда. Это доказывается, во-первыхъ, его почеркомъ, который былъ сличенъ съ другими бумагами Лаборда, хранящимися въ національныхъ архивахъ AF, IV, 1675 и въ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ, Вѣна, 383. Во-вторыхъ, въ депешѣ Шварценбергу отъ 25 декабря 1810 г. Меттернихъ, сообщая о разговорѣ, называетъ фамилію Лаборда (*Mémoires de Metternich*, II, 313—314). Впрочемъ, австрійскій министръ увѣряетъ, что первымъ о бракѣ заговорилъ французъ. Этого нельзя допустить. И въ самомъ дѣлѣ трудно повѣрить, чтобы Лабордъ началъ говорить о такомъ предметѣ, не получивъ на то приказанія отъ своего правительства. Съ другой стороны, если бы онъ получилъ подобныя инструкціи, у него не было бы причины скрывать въ своемъ донесеніи, что онъ самъ вызвалъ Меттерниха на откровенные разговоры. Вертгеймеръ (*Archiv für Oesterreichische Geschichte, Vierundsechzigster Band, Erste Hälfte*, 509) приводитъ на нѣмецкомъ языкѣ нѣсколько фразъ изъ этого документа.

B.

Ст. 218—*По поводу шаговъ, которые приказано было сдѣлать въ другомъ государствѣ (въ Россіи) и которые имѣли вполнѣ опредѣленный характеръ...*

Совершенно вѣрно, что 22 декабря Камбасересъ, испрашивая у Парижскаго Консисторскаго суда отмѣны церковнаго брака, сказалъ: „Онъ (императоръ) намѣренъ вступить въ бракъ и жениться на католичкѣ“. (Welschinger, 84—85). Но въ виду письма Коленкуру, написаннаго 13-го и утвержденнаго (императоромъ) 17-го, нельзя повѣрить въ искренность этихъ словъ. Къ тому

же, 22-го не было еще полной увѣренности въ Австріи. Переговоры съ Шварценбергомъ начались только „въ концѣ декабря 1809 г.", судя по отмѣткѣ на рукописи, въ которой дается отчетъ объ этихъ переговорахъ. Національные архивы, (AF, II, 1675). Наоборотъ, весьма естественно предполагать, что Наполеонъ или Камбасересъ, испрашивая у членовъ консисторскаго суда рѣшеніе, которое смущало совѣсть членовъ и обязывало ихъ къ извѣстной отвѣтственности, хотѣли внушить имъ, что конечное завершеніе дѣла узаконитъ средство и что они своей покорностью помогутъ возвести на престолъ Франціи католичку. Это былъ аргументъ *ad homines*.

Но отмѣна церковнаго брака была, во всякомъ случаѣ, необходима. (Россія ясно высказала свою щепетильность по этому поводу). Тѣмъ бóльшую важность пріобрѣтала она въ виду предполагаемаго австрійскаго брака. Поэтому, въ срединѣ декабря, когда Наполеонъ началъ серьезнѣе подумывать объ австрійскомъ бракѣ, онъ приказалъ начать дѣло въ духовномъ судѣ и очень торопилъ съ нимъ.

C.

Когда былъ созванъ Наполеономъ первый совѣтъ по поводу его брака.

Тьеръ, какъ и другіе писатели, относитъ первый совѣтъ на 21 Января. Гельфертъ, по депешамъ Шварценберга, относитъ его на 28-е. Намъ кажется, что можно допустить только послѣднее число. Во-первыхъ, депеши Шварценберга составляютъ показаніе современника въ противоположность съ разсказами позднѣйшихъ временъ, откуда черпали свѣдѣнія французскіе писатели. Во-вторыхъ, въ хранящейся въ національныхъ архивахъ запискѣ Пелленка, приведенной нами въ VII главѣ и написанной 1 февраля, говорится о волненіи, которое распространяется въ обществѣ „вотъ уже три дня", вслѣдствіе состоявшагося въ Тюльери совѣта. Это совпадаетъ съ 28 января. Наконецъ, въ письмѣ отъ 6 февраля (*Corresp.*, № 16210) Наполеонъ говоритъ о совѣтѣ, состоявшемся „нѣсколько дней тому назадъ", что трудно было бы согласовать съ отдаленнымъ уже числомъ, 21 января. Этотъ фактъ имѣетъ значеніе. Онъ доказываетъ, что Наполеонъ передалъ на обсужденіе вопросъ объ австрійскомъ бракѣ, только послѣ полученія первыхъ извѣстій изъ Россіи, которыя прибыли 25-го.

D.

О числахъ и послѣдовательномъ порядкѣ событій съ 5 по 8 февраля 1810 г.

Гельфертъ, стр. 90, относитъ прибытіе курьера изъ Россіи на 6 число; засѣданіе совѣта въ Тюльери на 7-е пополудни; затѣмъ идетъ возложенное на Евгенія порученіе къ Шварценбергу, непосредственно за которымъ послѣдовала подпись брачнаго контракта австрійскимъ посланникомъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ. Изъ записки же Шампаньи къ императору, цитируемой на стр. 262, мы знаемъ, что письма Коленкура прибыли 5-го. Депешей отъ 8-го Шампаньи сообщаетъ, что совѣтъ состоялся „въ ночь съ 6-го на 7-е", что по окончаніи совѣта, онъ написалъ князю Шварценбергу

и пригласилъ его къ себѣ и что онъ только-что подписалъ съ нимъ брачный контрактъ. Наконецъ, въ слѣдующей депешѣ Коленкуру отъ 17 марта онъ напоминаетъ, что въ первый разъ видѣлся съ австрійскимъ посланникомъ „утромъ 7-го“. При этихъ условіяхъ фактически недопустимо, чтобы порученіе Евгенія, которое, безъ сомнѣнія, предшествовало свиданію министра съ посланникомъ, имѣло мѣсто въ промежуткѣ времени между концомъ совѣщанія, окончившемся очень поздно 6-го, и утромъ 7-го, т. е., глубокой ночью (нѣкоторыя показанія современниковъ сходятся въ томъ, чтобы отнести его на шесть часовъ вечера). Слѣдуетъ допустить, что оно произошло до совѣта, и что Наполеонъ, прежде чѣмъ заставить утвердить свой выборъ въ торжественномъ совѣщаніи, постарался обезпечить за собой окончательное согласіе Австріи. На это же указываетъ и письмо Дальберга, помѣченное 6 числомъ, которое цитируетъ Гельфертъ, ошибочно приписывая его Лаборду и находя, что число, которымъ оно помѣчено, невѣрно. Въ этомъ письмѣ Дальбергъ относитъ на тотъ же день, въ который оно было написано, т. е., на 6-е, сообщеніе, сдѣланное Шварценбергу во время охоты, за которымъ непосредственно послѣдовалъ визитъ Евгенія. Изложивъ всѣ показанія, мы сочли возможнымъ установить порядокъ фактовъ слѣдующимъ образомъ: 5-го прибытіе курьера изъ Россіи; 6-го пополудни порученіе Евгенія, 6-го вечеромъ — совѣтъ и комедія преній совѣта; наконецъ, 7-го утромъ—свиданіе Шварценберга съ Шампаньи по поводу брачнаго контракта, который былъ принятъ ими при свиданіи и отправленъ въ Вѣну на другой день.

II.

ПРЕДЛОЖЕНІЕ,

СДѢЛАННОЕ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ ГРУППОЙ ГАЛИЦІЙСКИХЪ И ВАРШАВСКИХЪ ВЕЛЬМОЖЪ НА ПРЕДМЕТЪ ВОЗСТАНОВЛЕНІЯ ПОЛЬШИ И ПРИСОЕДИНЕНІЯ ЕЯ КЪ РОССІИ.

Письмо князя Голицына императору Александру отъ 4 (16) іюня 1809 г., имѣющее цѣлью поддержать это предложеніе.

... Не вдаваясь въ излишнія политическія разсужденія, я полагаю, что нѣтъ причины отклонять корону, которая предлагается намъ единодушно всѣмъ народомъ; тѣмъ болѣе, что этимъ путемъ можетъ быть создано счастье обширнаго королевства, которое, въ сущности, хотя и въ иной формѣ, все-таки останется русской провинціей. Я не вижу для Россіи ничего дурного въ томъ обстоятельствѣ, если императоръ, облекшись саномъ польскаго короля, установитъ на вѣчныя времена, что государи Россіи будутъ и польскими королями, и что они будутъ имѣть право назначать своими представителями въ управленіи этимъ королевствомъ намѣстниковъ, которые будутъ управлять именемъ и волею государей всея Россіи. Это королевство можетъ быть создано изъ всей бывшей Польши, за исключеніемъ Бѣлоруссіи и земель, составлявшихъ часть Кіевской и Подольской губерній. Не подлежитъ сомнѣнію, что королевство, о которомъ идетъ рѣчь, могло бы содержать армію въ сто тысячъ человѣкъ, равно какъ и всѣхъ необходимыхъ для его управленія должностныхъ лицъ, внося, сверхъ того, значительную долю изъ своихъ доходовъ въ государственную казну Россіи.

Отвѣтъ графа Румянцева по приказанію Императора отъ 15 (27) іюня 1809 года.

Какъ ни лестно пріобрѣтеніе цѣликомъ всей Польши. Е. В. Государь Императоръ, не ища славы, обратилъ свое особое вниманіе на послѣдствія, которыя это пріобрѣтеніе можетъ имѣть для Россіи, откуда вытекаютъ слѣдующіе вопросы: Не повлечетъ ли возстановленіе Польскаго королевства въ его прежнемъ состояніи возвращенія ему Россіей бывшихъ польскихъ провинцій? Можно ли разсчитывать на постоянство польской націи и не скрывается ли, подъ видомъ горячаго желанія соединиться съ Россіей подъ скипетромъ Его Величества, намѣренія получить обратно вышепоименованныя, доставшіяся намъ по раздѣлу. губерніи, а затѣмъ совершенно отложиться отъ насъ?

(Слѣдуетъ сравненіе между Россіей и Польшей съ одной стороны, и Великобританіей и Ирландіей съ другой, и заключеніе, что связь между странами различнаго происхожденія не можетъ быть прочна и долговременна. Къ тому же, очевиднымъ и непосредственнымъ слѣдствіемъ возстановленія Польскаго королевства и его присоединенія къ Россійскому государству было бы безповоротное нарушеніе согласія между государствами, участвовавшими въ раздѣлѣ Польши и естественно заинтересованными въ томъ, чтобы поддерживать другъ друга).

Таковы причины, по которымъ Его Величество, довольствуясь той частью, которая выпала на его долю при раздѣлѣ бывшей Польши, предпочитаетъ видѣть эту страну въ ея теперешнемъ состояніи и не считаетъ согласнымъ съ интересами государства присоединеніе Польши въ прежнемъ ея объёмѣ, не говоря уже о томъ, что было бы несовмѣстимо съ честью, достоинствомъ и безопасностью Россіи, если бы нужно было понимать подъ возстановленіемъ Польскаго королевства включеніе въ него Бѣлоруссіи и уѣздовъ, входящихъ въ составъ Кіевской и Подольской губерній.

Тѣмъ не менѣе, имѣя въ виду теперешнее неустойчивое положеніе Европы, мнѣніе Его Величества таково, что, принимая во вниманіе представленіе Вашего Превосходительства, можно было бы, давая полякамъ надежду на возстановленіе ихъ родины, поддерживать въ нихъ спокойствіе и послушаніе, такъ какъ иначе они могутъ обратиться къ Наполеону съ просьбой объ учрежденіи особаго государства, составленнаго изъ герцогства Варшавскаго и Галиціи, *что было бы для насъ въ высшей степени вредно* [1]. А посему Е. В. Государь Императоръ уполномочиваетъ Ваше Превосходительство, по пріобрѣтеніи увѣренности въ томъ, что варшавскіе и галиційскіе магнаты имѣютъ искреннее и твердое желаніе подчиниться верховной власти Его Величества, секретно передать имъ, что, если они, дѣйствительно, намѣрены создать изъ герцогства Варшавскаго и Галицiйскаго княжества особое государство подъ названіемъ Польскаго королевства и ввѣрить его *ad aeternum* верховной власти Е. В. Государя Императора и его наслѣдниковъ, вы почти увѣрены, что подобная просьба и предложеніе съ ихъ стороны не останутся безъ результата, и что вы, съ своей стороны, возьмете на себя роль усерднаго ходатая [2].

---

[1]) Слова курсивомъ были прибавлены собственноручно Александромъ, взамѣнъ слѣдующихъ: *чему бы намъ трудно было помѣшать.*

[2]) Оба документа взяты изъ архивовъ С.-Петербурга, гдѣ они написаны по-русски.

III.

ЧАСТНЫЯ ПИСЬМА

ГЕРЦОГА ВИЧЕНЦЫ, ПОСЛАННИКА ВЪ РОССІИ, ГЕРЦОГУ КАДОРСКОМУ, МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ.

(Январь—Декабрь 1810 г.) [1].

(Первыя два письма служатъ отвѣтомъ на упреки, сдѣланные посланнику министромъ, по приказанію императора, по поводу того, что 4 января 1810 г. посланникъ подписалъ договоръ противъ Польши въ требуемыхъ Россіей выраженіяхъ).

Петербургъ, 8 марта 1810 г.

Господинъ герцогъ,

Я уже имѣлъ честь увѣдомить Ваше Превосходительство о прибытіи вашихъ курьеровъ отъ 10 и 12 февраля. Я поступалъ согласно вашимъ приказаніямъ, и, вѣрный своему долгу, исполняю все съ безграничнымъ усердіемъ и преданностью. Я ограничился бы въ моемъ отвѣтѣ Вашему Превосходительству этой ссылкой на то, что я кладу въ основу своего поведенія, если бы ваше письмо отъ 10 февраля, въ которомъ вы приводите нѣкоторыя выраженія изъ вашихъ предыдущихъ депешъ, не содержало упрека, который огорчаетъ меня еще болѣе потому, что, по моему мнѣнію, въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ остальныхъ, я далъ Его Величеству достаточное доказательство моихъ исполнительности и преданности. Соблаговолите, Ваше Превосходительство, припомнить другія выраженія въ вашихъ письмахъ отъ 24 и 25 ноября: „*Что я не долженъ отказываться подписать требуемую отъ меня конвенцію, если только цѣль ея—успокоить относительно возстановленія Польши и расширенія герцогства Варшавскаго, и т. д... Вообще, не отказывайтесь ни отъ чего, что могло бы служить въ пользу устраненія всякой мысли о возстановленіи Польши, и т. д., и т. д. Императоръ желаетъ сдѣлать все, что можетъ успокоить русскаго императора, въ особенности, что можетъ дать прочную основу его спокойствію*“ [2]. Вашему Превосходительству извѣстны пять пунктовъ моей депеши отъ

---

[1]) Archives des affaires étrangères, Russie, vol. 150 et 151.

[2]) См. страницу 192.

Это до нѣкоторой степени основа, изъ которой исходятъ здѣсь. Что же касается 5-й статьи, то ея потребовали, какъ естественнаго результата вѣнскаго договора и обѣщаній, непосредственно данныхъ Вашимъ Превосходительствомъ графу Румянцеву. Изъ написанныхъ мною во время войны депешъ, Ваше Превосходительство могли вынести убѣжденіе, что именно мысль о возстановленіи Польши служила предметомъ опасеній Россіи. Такъ какъ единственными моими инструкціями были ваши письма, то достаточно вамъ взглянуть на вышеупомянутые параграфы, чтобы судить, вышелъ ли я изъ предѣловъ приказаній Императора. Въ моихъ депешахъ я непрестанно говорилъ, что Россія желаетъ *безспорныхъ* обезпеченій. Именно на эти письма вы, Ваше Превосходительство, и удостоили меня отвѣтомъ отъ 25 ноября, въ которомъ уполномочили меня принять мое письмо отъ 7-го того же мѣсяца за исходную точку, и, конечно, ограниченія, упомянутыя въ тильзитскомъ договорѣ, равно какъ и тѣ, на которыя вы намекали въ вашемъ письмѣ, не были включены въ конвенцію, хотя Россія просила и почти-что требовала этого. Сверхъ того, Ваше Превосходительство вспомнитъ, что я не спѣшилъ съ заключеніемъ конвенціи. Не мое дѣло судить о даваемыхъ мнѣ приказаніяхъ. Я исполняю ихъ въ Петербургѣ точно такъ же, какъ бы сдѣлалъ это и въ Парижѣ, но беру на себя смѣлость поставить вамъ, герцогъ, на видъ, что я могъ бы служить съ бо́льшимъ успѣхомъ, если бы ко мнѣ относились съ бо́льшимъ довѣріемъ, и если бы истинныя намѣренія Императора были лучше извѣстны его посланнику. Я не позволяю себѣ защищать конвенцію; я ограничиваюсь, Ваше Превосходительство, только просьбой показать Его Величеству приказанія, въ силу которыхъ я заключилъ ее - и которыя говорятъ въ мое оправданіе. Для меня самое дорогое на свѣтѣ—доказать моему повелителю, что я его преданный, вѣрный слуга, а, главное, точный исполнитель его воли. Если онъ хоть на минуту усумнится въ этомъ, моя карьера кончена, ибо я преданъ ему не ради честолюбія и денегъ. Одно его слово, что я правъ, вознаградитъ меня гораздо больше, чѣмъ всевозможныя награды. Если бы вы, Ваше Превосходительство, могли хоть на одну минуту стать на мое мѣсто, подумать о томъ, что я нахожусь за восемьсотъ льё отъ моего двора; что я одинокъ: что я безъ малѣйшей поддержки уже три года борюсь при обстоятельствахъ, далеко не всегда легкихъ, имѣя, могу сказать по совѣсти, единственную опору въ моемъ усердіи, вы бы поняли лучше, чѣмъ я могу это выразить, какъ я удрученъ,—не тѣмъ, что этотъ актъ не утвержденъ, а тѣмъ, что Императоръ могъ подумать, что я превысилъ свои полномочія, тогда какъ я, смѣю сказать это, положа руку на сердце, былъ даже осторожнѣе, чѣмъ это было мнѣ предписано. Только вамъ, Ваше Превосходительство, могу я повѣрить мое горе. Это горе честнаго человѣка, который глубоко огорченъ, но который не падаетъ духомъ и отстаиваетъ интересы своего повелителя съ бо́льшей горячностью, чѣмъ свою собственную честь.

Петербургъ, 1 іюня 1810 г.

Господинъ герцогъ,

Я не имѣю претензіи быть судьей моихъ талантовъ, но я судья моей совѣсти; она же говоритъ мнѣ, что я честно исполнилъ свой долгъ. Если бы Ваше Превосходительство соблаговолили перечитать мои письма и ваши отвѣты, то—беру на себя смѣлость еще разъ повторить это—вы не приписали бы мнѣ тѣ нежелательныя стороны договора, на которыя вы жалуетесь. Смѣю даже думать, что, если вы соблаговолите припомнить обстоятельства того времени, вы, быть можетъ, согласитесь, что трудно было дѣйствовать лучше, при условіи, когда на меня возложена была обязанность выполнить уже обѣщанное и съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемое здѣсь дѣло. Ибо, если въ конвенціи сказано больше, чѣмъ того желали въ Парижѣ, то, съ другой стороны, въ ней сказано гораздо меньше того, чего хотѣли и, въ особенности, чего просили здѣсь. Мои письма служатъ тому доказательствомъ. Если бы въ письмѣ Вашего Превосходительства отъ 25 ноября мнѣ дана была возможность предвидѣть содержаніе письма отъ 30 апрѣля, возможно, что и въ этомъ случаѣ я имѣлъ бы счастье служить Императору съ такой же пользой, какъ и въ другихъ. Позвольте, Ваше Превосходительство, сказать вамъ откровенно. Несмотря на то, что похвалы расточались мнѣ далеко не столь обильно, какъ порицанія, я хорошо служилъ Императору, когда мнѣ оказывалось больше довѣрія. Въ виду того, что я живу на краю свѣта, при условіяхъ, когда событія, съ поразительной быстротой слѣдующія одно за другимъ, бросаютъ меня изъ одной крайности въ другую; когда они въ значительной степени мѣняютъ положеніе вещей и вносятъ въ него много новаго; затѣмъ, въ виду того, что я занимаю постъ, который, уже въ силу его важности и отдаленности, данныя условія дѣлаютъ еще болѣе щекотливымъ и отвѣтственнымъ, казалось бы, что мнѣ слѣдовало бы быть гораздо болѣе посвященнымъ въ дѣла, чѣмъ это есть въ дѣйствительности, дабы угадывать, чего отъ меня хотятъ. Я глубоко огорченъ, герцогъ, выраженіями вашего письма; огорченъ потому, что я французъ, и притомъ не принадлежу къ числу тѣхъ людей, которые такъ же безразсудно защищаютъ свои дѣла, какъ и своихъ дѣтей. Я полагаю мою славу въ вѣрномъ служеніи Императору и желаю служить ему такъ, какъ онъ того хочетъ; другого честолюбія у меня нѣтъ. Въ разговорѣ съ русскимъ министромъ я говорю противъ конвенціи, но предъ Императоромъ я защищаю и конвенцію и того, кому онъ поручилъ это дѣло. Поистинѣ могу сказать, что жертвую собой для дѣла; что всецѣло отдаюсь тому, чтобы довести это дѣло до желаемаго Императоромъ результата. Но и мое самопожертвованіе даетъ результаты столь же плохіе, какъ и мои стойкость и усердіе въ качествѣ посланника. Здѣсь не уступаютъ ни въ чемъ; они обижены. Всегда одна и та же пѣсня: что намъ давно извѣстно, чего проситъ Россія; что мы обѣщали ей; что Ваше Превосходительство сказали князю Куракину; что я уполномоченъ удовлетворить Россію по всѣмъ пунктамъ; *что не она вызвала эти затрудненія*, и, наконецъ, что нельзя же отказывать ей въ отвѣтѣ. Что бы ни говорили, въ какіе бы споры

ни вступали, какой бы тонъ ни принимали, императоръ и его министръ всегда возвращаются къ тому же. Эта все та же неуступчивость по существу, съ тѣмъ же показнымъ желаніемъ придти къ соглашенію. Я не падаю духомъ, но велики должны быть сознаніе своего долга и чувство благодарной преданности, питать которое къ Императору у меня слишкомъ много причинъ. чтобы хватало еще силъ и здоровья переносить непріятности и огорченія, столь мало заслуженныя.

Петербургъ, 11 іюня 1810 г.

Господинъ герцогъ,

Считаю долгомъ поблагодарить Ваше Превосходительство за письмо, которое вамъ угодно было поручить г. Дюгè написать мнѣ 19 мая.

Вполнѣ согласенъ съ вами, что въ манерѣ судить о поведеніи нашихъ агентовъ въ Валахіи есть доля предубѣжденія и что неудовольствіе противъ нихъ обусловливается извѣстіями объ арміи, которыя они сообщали во время послѣдней кампаніи; но и они, съ свой стороны, сдѣлали маленькую неловкость. Возвращеніе Ледулькса будетъ непріятно... [1]). Какъ я уже имѣлъ честь писать Вашему Превосходительству, вамъ необходимо ознакомить меня съ характеромъ нашихъ сношеній съ нашими агентами въ княжествахъ и съ намѣреніями Императора, дабы, въ случаѣ возникновенія новыхъ недоразумѣній, не стать въ неловкое положеніе. Во всякомъ случаѣ, имѣю честь напомнить Вашему Превосходительству, что я нахожусь далеко и имѣю дѣло съ людьми, желающими соблюдать въ сношеніяхъ съ нами узаконенную форму. Польза службы требуетъ, чтобы вы сообщали мнѣ больше, чѣмъ обыкновенно пишете. Годъ тому назадъ дѣло обстояло иначе.

Миссія Ваттевилля доставила здѣсь удовольствіе, но обижаются, что съ княземъ Куракинымъ хранятъ молчаніе по поводу конвенціи. Что касается другихъ вопросовъ, о нихъ здѣсь не думаютъ. Какъ кажется, все сводится къ ожиданію акта о конвенціи или же офиціальнаго отвѣта. Письмо Императора не измѣнило этого открыто высказываемаго желанія.

Мнѣ ничего не извѣстно по поводу того, что князь Куракинъ говорилъ Вашему Превосходительству [2]). Я могу отвѣтить на это только на основаніи его письма, которое я получилъ отъ него черезъ его курьера, и, которое заставляетъ меня думать, что это одинъ изъ тысячи парижскихъ *слуховъ*. Два или три мѣсяца тому назадъ такой же слухъ распространился здѣсь въ иной формѣ. Говорили, что я буду отозванъ, потому что мы наканунѣ ссоры съ Россіей. Затѣмъ изъ Дрездена и изъ Варшавы писали, что меня отзываютъ, потому что Императоръ недоволенъ мной. Послѣ этого, меня отправляли въ Вѣну на мѣсто Отто. Чтобы прекратить эти слухи, которые

---

[1]) Французскій консулъ въ Бухарестѣ, который былъ на дурномъ счету у русскихъ властей въ княжествахъ.

[2]) Намекъ на распространившійся въ Парижѣ слухъ, будто Коленкуръ просилъ о своемъ отозваніи и будто просьба его была принята.

какъ бы оправдывали подозрѣнія императора Александра относительно нашихъ намѣреній, я занялся приготовленіями къ переѣзду на дачу и заговорилъ о поѣздкѣ въ концѣ іюля на Макарьевскую ярмарку [1]). Это дало желаемый результатъ, такъ какъ императоръ заговорилъ со мной объ этомъ путешествіи и предложилъ предоставить въ мое распоряженіе всѣ средства, чтобы я могъ совершить поѣздку быстро и, насколько возможно, пріятно. Графъ Румянцевъ сказалъ мнѣ, что тоже думаетъ поѣхать на ярмарку въ одно время со мной; наконецъ, испанскій посланникъ, который получилъ двухмѣсячный отпускъ и черезъ нѣсколько дней отправляется путешествовать во внутрь страны, назначилъ мнѣ тамъ свиданіе. Вотъ какъ обстоитъ дѣло въ Петербургѣ. Если императоръ дастъ мнѣ отпускъ, я отправлюсь въ эту поѣздку въ томъ случаѣ, если позволятъ дѣла, и если я не получу разрѣшенія поѣхать во Францію, что, конечно, много пріятнѣе, чѣмъ скакать двадцать дней ради посѣщенія азіатской ярмарки. Что же касается Парижа, то я ничего не понимаю во всей этой болтовнѣ. Я охотно предоставилъ бы Куракину заботу и удовольствіе придавать ей столь важное значеніе, чтобы дѣлать ее предметомъ разговора съ Вашимъ Превосходительствомъ, если бы и вы, подобно ему, не начали сомнѣваться въ питаемыхъ мною къ вамъ чувствахъ. Такое сомнѣніе оскорбляетъ меня. Я не хожу кривыми путями. М я переписка доказываетъ, что у меня нѣтъ ничего сокровеннаго отъ министра Его Величества; тѣмъ болѣе я не сталъ бы скрывать отъ него офиціальной просьбы. Вашему Превосходительству извѣстно, какъ хочется мнѣ повидать мою родину, и сколько причинъ призываютъ меня во Францію. Но въ моихъ письмахъ говорится объ этомъ, какъ о простомъ желаніи, которое да позволено будетъ мнѣ, какъ слугѣ Императора, и впредь высказывать. Если бы я принадлежалъ къ числу людей, которые на первомъ планѣ ставятъ свое я; если бы изъ чувства долга и по внутреннему убѣжденію не устранялъ все, что касается лично меня, разъ дѣло идетъ о службѣ моему повелителю, я могъ бы сослаться на мое сильно пострадавшее отъ здѣшняго климата здоровье, на личные интересы, на разстройство дѣлъ, которое увеличивается съ каждымъ днемъ, на понесенную мною утрату — кончину отца. Конечно, я не скрываю отъ моихъ друзей желанія повидать ихъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова, но за этимъ желаніемъ, котораго я никогда и не скрывалъ, нѣтъ задней мысли. Если этимъ пользуется интрига, я тутъ не при чемъ. Въ рукахъ Вашего Превосходительства всѣ мои просьбы по этому поводу. Если Императору угодно замѣнить меня, я буду самымъ счастливымъ человѣкомъ; если онъ оставитъ меня здѣсь, если онъ находитъ, что здѣсь я могу служить ему съ честью и пользой, я не буду жаловаться, какъ бы велика ни была для меня эта жертва. Вы знаете, герцогъ, что не трудности меня обезкураживаютъ. Вотъ мои желанія и мои мысли. Я думаю только о моихъ обязанностяхъ, и полагаю, что, давая всегда точный отчетъ о ходѣ событій, я исполняю самую священную изъ нихъ...

---

[1]) Рѣчь идетъ о ярмаркѣ, которая бываетъ теперь въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Петербургъ, 18 августа 1810 г.

Господинъ герцогъ,

Курьеръ Фортьс передалъ мнѣ депешу Вашего Превосходительства отъ 30 іюля [1]) въ тотъ моментъ, когда я готовилъ къ отправкѣ прилагаемыя при семъ депеши, которыя, главнымъ образомъ, даютъ отвѣтъ на различные вопросы, по поводу которыхъ Ваше Превосходительство развиваетъ мысль Императора. Что же касается меня лично, мнѣ остается только сокрушаться, видя, что Его Величество думаетъ, будто я только и дѣлаю, что говорю *комплименты*. Если бы кто-нибудь могъ подслушивать у дверей въ продолженіе трехъ лѣтъ, какъ я имѣю честь служить ему на этомъ трудномъ посту, можетъ быть, онъ былъ бы болѣе справедливъ ко мнѣ. Будущее докажетъ, былъ ли я ему вѣрнымъ слугой и *ошибался ли я*. Я даю точный отчетъ обо всемъ. Конечно, правдивая и точная передача—мой долгъ, но изъ нея Ваше Превосходительство должны были убѣдиться, что я всегда выступалъ во всеоружіи противъ Англіи. Я долженъ поистинѣ сказать, что, по моему мнѣнію, петербургскій кабинетъ держится въ этомъ отношеніи столь же опредѣленно, какъ и я. Моя переписка и дѣла доказываютъ, герцогъ, что въ моемъ поведеніи я всегда руководствовался приказаніями Императора и моей преданностью его волѣ. Императоръ находитъ, что я слабъ. Здѣсь меня упрекаютъ въ обратномъ. Во всякомъ случаѣ, я во всемъ буду дѣйствовать согласно вашимъ предписаніямъ.

Петербургъ, 19 сентября 1810 г.

Господинъ герцогъ,

... Если мы не имѣемъ видовъ на Польшу, Россія хочетъ союза. А такъ какъ подобные виды не могутъ быть въ интересахъ нашего кабинета, то дѣла пойдутъ сами собой, и всякій другой—какъ я уже имѣлъ честь писать Вашему Превосходительству—поведетъ ихъ лучше меня, ибо я не могу освободиться отъ памятныхъ событій въ духѣ Тильзита и Эрфурта, а, между тѣмъ, эти событія дѣлаются стѣснительными при веденіи политики, въ которую тысяча обстоятельствъ внесли много новаго, хотя основы ея и остались неизмѣнными. Скажу вамъ, герцогъ, что, по глубокому моему убѣжденію, русскіе думаютъ только о томъ, чтобы кончить турецкія дѣла, (которыя, несмотря на сильное и прекрасное войско, не ведутся генералами успѣшно); что они хотятъ владѣть только тѣмъ, что пріобрѣтутъ, и затѣмъ ждать у моря погоды, пока миръ съ Англіей—предметъ ихъ главныхъ желаній, не возстановитъ всеобщаго благоденствія. Императоръ слишкомъ

[1]) Рѣчь идетъ о депешѣ, въ которой передается разговоръ императора съ княземъ Алексѣемъ Куракинымъ и въ которой дѣлается упрекъ посланнику въ недостаткѣ твердости.

мудръ для того, чтобы безумными приготовленіями къ нападенію, равно какъ неисполненіемъ своихъ обязательствъ по поддержанію континентальной системы, вовлекать себя въ конфликтъ съ нами. Постарайтесь же, герцогъ, поддерживать здѣсь дружеское и мирное настроеніе въ то время, какъ геній Императора будетъ водворять миръ на Пиринейскомъ полуостровѣ. Возстановите довѣріе, постарайтесь убѣдить князя Куракина и императора Александра въ томъ, о чемъ я неустанно говорю здѣсь, что испанскія дѣла, которыя, вмѣстѣ съ принятыми нашими союзниками мѣрами, должны принудить Англію къ миру, имѣютъ слишкомъ большое значеніе въ общей совокупности дѣлъ, которыми занятъ нашъ повелитель, чтобы ему могла придти въ голову мысль причинить безпокойство Россіи изъ-за столь далекой отъ него Польши. Къ величайшему моему огорченію, мои убѣжденія не дѣйствуютъ. Убѣдить можете только вы и,—повторяю это—дѣйствуя черезъ другого посланника, хотя императоръ Александръ и относится ко мнѣ крайне милостиво. Что касается государя, мнѣ кажется, его считаютъ не тѣмъ, что онъ есть; его считаютъ слабохарактернымъ и обманываются. Несомнѣнно, онъ способенъ мириться со многимъ, что дѣлается ему наперекоръ, умѣетъ сдерживать свое неудовольствіе, но онъ дѣлаетъ это только потому, что его цѣль—всеобщій миръ и потому, что онъ надѣется достигнуть этой цѣли безъ жестокихъ потрясеній. Но его уступчивость строго опредѣлена; онъ не выйдетъ изъ того круга, который себѣ намѣтилъ; это человѣкъ желѣзный; онъ не уступитъ, ибо преобладающей особенностью въ его характерѣ, отъ природы доброжелательномъ, искреннемъ, прямодушномъ, съ возвышенными чувствами и принципами, является несомнѣнно упорнымъ трудомъ выработанное поразительное искусство скрывать свои мысли, а это указываетъ на упорство характера, которое врядъ ли что можетъ сломить. Угадать этотъ предѣлъ, ибо императоръ не пойдетъ дальше него, будетъ зависѣть отъ искусства кабинета и таланта человѣка, которому придется вести съ нимъ дѣла. Разъ недовѣріе государя будетъ возбуждено, самые убѣдительные доводы покажутся ему подозрительными и еще болѣе вооружатъ его противъ того, на что онъ смотритъ, какъ на противное его интересамъ. Не видя у нашего кабинета никакого повода задирать русскаго государя, никакой существенной выгоды вызывать въ немъ опасенія, я, безъ преувеличенія, скажу, что, чтобы заставить этихъ людей предпринять что-нибудь противъ насъ, нужно тащить ихъ за уши, а потому каждый, кто будетъ держаться съ достоинствомъ и на законной почвѣ, будетъ не только годенъ замѣстить меня, но даже вести дѣла лучше меня, если Императоръ соблаговолитъ оказать мнѣ нѣкоторое довѣріе и обратитъ хоть немного вниманія на мои предыдущія депеши и мысли, которыя я позволяю себѣ высказать въ этомъ письмѣ. Благоволите, герцогъ, исходатайствовать мнѣ его соизволеніе, дабы зима не пригвоздила меня къ кровати въ Петербургѣ. Можетъ быть, мнѣ необходимо будетъ вернуться сюда? Я преклонюсь предъ этимъ! Но, когда я лишенъ способности двигаться, Императоръ не можетъ отказать мнѣ въ разрѣшеніи поѣхать брать ванны въ Барежѣ, тѣмъ болѣе, что пользованіе ими въ первый годъ моего флигель-адъютантства поставило меня на ноги. Я настаиваю на этомъ, ибо очень страдаю. Смѣю надѣяться,

что Императоръ съ прежней добротой взглянетъ на одного изъ своихъ старыхъ слугъ, и что Ваше Превосходительство въ скоромъ времени увѣдомите меня о моемъ замѣщеніи.

Петербургъ, 15 ноября 1810 г.

Господинъ герцогъ,

Считаю долгомъ принести Вашему Превосходительству мою благодарность за письмо, которое вы были такъ любезны прислать мнѣ, за вашу доброту къ Рюминьи и за участіе, которое вы принимаете во мнѣ. Состояніе моего здоровья нуждается въ вашемъ участіи болѣе, чѣмъ когда-либо. Будьте добры почаще вспоминать о моихъ усиленныхъ просьбахъ и снова представить ихъ на благоусмотрѣніе Императора.

Положеніе здѣсь безъ перемѣны. Мнѣ кажется, что намѣренія хорошія; недовѣріе же и безпокойство все тѣ же: вы нашъ термометръ. Улучшитъ ли положеніе пріѣздъ Чернышева? [1]). Мнѣ ничего не говорятъ, но не трудно замѣтить, что обижены. Его ли докладомъ, письмомъ ли, которое Ваше Превосходительство поручило ему передать мнѣ, я еще не знаю. Жалуются, что мы не оказываемъ имъ довѣрія. Наши подозрѣнія, равно какъ и сообщенія въ нашихъ газетахъ *о прибытіи въ Россію большого количества судовъ*, тогда какъ съ 15 сентября не пришло съ грузомъ и пятнадцати, называются здѣсь недоброжелательствомъ. Въ этомъ видятъ намѣреніе заблаговременно заявить о своихъ обидахъ, чтобы создать общественное мнѣніе и подготовить его къ перемѣнамъ. Здѣсь убѣждены, что сдѣлали больше другихъ государствъ, а что мы извлекаемъ барышъ изъ принятой противъ Англіи системы. Ставятъ себѣ въ заслугу, что ради насъ пожертвовали своей торговлей, своимъ вексельнымъ курсомъ, и даже, честно помогая намъ противъ Австріи, своей безопасностью, тогда какъ мы, вопреки принятымъ обязательствамъ, воспользовались ихъ содѣйствіемъ въ войнѣ съ Австріей для возстановленія Польши. Правительство считаетъ, что имѣетъ право на нашу благодарность, а императоръ Александръ—на довѣріе императора Наполеона. Вотъ мнѣніе кабинета. Что же касается его направленія, оно не мѣняется; и поступки и настроеніе по-прежнему противъ Англіи. Кронштадтъ закрытъ льдомъ, скоро будутъ закрыты и другіе порты. Впрочемъ, по всему видно, что чиновники, состоящіе на службѣ въ портахъ, дѣйствительно слѣдятъ, и убѣдились, что императору угодно, чтобы воля его исполнялась.

Что же касается дѣлъ вообще, то я думаю, что нѣсколько иной тонъ писемъ, предназначенныхъ для прочтенія [2]), и нѣкоторая доза лести значительно облегчатъ ихъ веденіе. Угрожающимъ тономъ здѣсь ничего не добьешься; онъ вызоветъ только бо́льшую скрытность. Насъ могутъ бояться,

---

[1]) Флигель-адъютантъ Чернышевъ.

[2]) Рѣчь идетъ о министерскихъ письмахъ, которыя были нарочно отправлены такъ, чтобы русская полиція могла ихъ распечатать и прочесть.

поэтому на ссору съ нами не пойдутъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, здѣсь слишкомъ самолюбивы, слишкомъ велико здѣсь сознаніе собственной силы, чтобы уступить намъ по извѣстнымъ пунктамъ. Высказывая это мнѣніе, я говорю истину, въ которой убѣдился за нѣсколько лѣтъ пребыванія здѣсь. Воспитаніе и характеръ императора Александра сдѣлали его чрезвычайно воспріимчивымъ и чувствительнымъ къ вниманію и, я думаю, что на его любезность можно отвѣчать только взаимностью. Онъ хочетъ быть рыцаремъ въ своихъ политическихъ сношеніяхъ. Зачѣмъ измѣнять эту хорошую склонность, которая вноситъ долю искренности и благородства въ почти вынужденную скрытность царствующихъ особъ, тѣмъ болѣе, когда въ глубинѣ характера императора скрывается упорство, которое нужно остерегаться затрагивать? Императоръ, нашъ августѣйшій повелитель, можетъ быть, и не подозрѣваетъ, какую пользу онъ могъ бы принести своимъ интересамъ, если бы былъ осторожнѣе въ вопросѣ о Польшѣ и въ нѣкоторыхъ своихъ поступкахъ, причемъ и политика его шла бы своимъ ходомъ.

Я долженъ вернуться къ письмамъ, которыя Ваше Превосходительство адресуетъ мнѣ въ надеждѣ, что русское министерство прочтетъ ихъ, ибо при существующемъ между нами разстояніи эта манера объясняться имѣетъ то неудобство, что не всегда бываетъ кстати. Я не въ силахъ устроить, чтобы здѣсь были всѣмъ довольны, а, слѣдовательно, чтобы и вы были всегда довольны мной, но будьте увѣрены, что у меня нѣтъ недостатка ни въ характерѣ, когда нужно добиться успѣха, ни въ гордости, когда нужно напомнить, отъ чьего имени я говорю. Я знаю среду, съ которой имѣю дѣло, и думаю, что доказалъ это. Чтобы покончить съ вопросомъ о письмахъ, я думаю,—и конечно, моя идея не представляетъ выгодъ для меня лично,— что удобнѣе, вмѣсто того, чтобы нападать вамъ самимъ, предоставить это сдѣлать мнѣ, ибо тогда неудовольствіе можетъ быть отнесено на мой счетъ.

Говоря Вашему Превосходительству о всѣхъ этихъ подробностяхъ, я исполняю долгъ вѣрнаго слуги Императора, долгъ человѣка, который дѣйствительно желаетъ быть полезнымъ вѣдомству, во-главѣ котораго вы стоите.

Не хочу закончить этого письма, не напомнивъ вамъ, герцогъ, что я умираю здѣсь, что я не годенъ уже служить Императору, и что бѣднягѣ, заброшенному на краю свѣта, вдали отъ Императора и своихъ, необходимо повидать Францію послѣ трехлѣтней ссылки и политическихъ передрягъ, которыя не въ его вкусѣ и не въ характерѣ.

Петербургъ, 15 декабря 1810 г.

Господинъ герцогъ.

Состояніе моего здоровья заставляетъ меня напомнить Вашему Превосходительству о многократныхъ просьбахъ, съ которыми я имѣлъ честь обращаться къ вамъ для полученія разрѣщенія вернуться во Францію. Здѣсь слишкомъ велико желаніе сохранить миръ, слишкомъ велика непріязнь къ Англіи, чтобы замѣна одного лица другимъ могла отразиться на поддержа-

ніи теперешней системы и на нашихъ отношеніяхъ. Можетъ быть, новый человѣкъ сумѣетъ лучше меня оживить союзъ, ибо здѣсь существуетъ подозрѣніе, что теперь мы придаемъ ему меньше цѣны. Несмотря на то, что я уже четвертый годъ живу здѣсь, я счелъ бы, герцогъ, моимъ первѣйшимъ долгомъ и дольше жертвовать собой, если бы я былъ убѣжденъ, что могу служить Императору лучше другого. Но при томъ положеніи вещей, какое создалось вотъ уже около года, всякій другой, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ пребыванія здѣсь, гораздо лучше меня поведетъ теперешнія дѣла, ибо у него нельзя будетъ спрашивать отчета о прошломъ. Это даже съ самаго начала его службы возмѣститъ ту пользу, которую я могъ бы извлечь, благодаря знанію характеровъ отдѣльныхъ лицъ и доступу, которымъ я во всякое время и во всякомъ мѣстѣ пользуюсь къ императору и его министрамъ. Я говорю съ Вашимъ Превосходительствомъ со смѣлостью честнаго человѣка, съ откровенностью солдата, жизнь котораго принадлежитъ Императору. Разъ Его Величество желаетъ еще союза и его результатовъ, не все ли равно, кто будетъ служить ему здѣсь? Если его политика будетъ щадить интересы границъ Россіи, Россія ни въ чемъ не будетъ стѣснять его великихъ плановъ, и дѣла будутъ идти сами собой. Если же Его Величество пожелаетъ установить только холодныя отношенія обычнаго мирнаго положенія, а тѣмъ болѣе, если у него имѣются другіе планы, онъ не можетъ желать, чтобы именно я былъ его представителемъ, такъ какъ назначеніе другого человѣка, менѣе близкаго къ его августѣйшей особѣ, придастъ меньше значенія миссіи и, кромѣ того, всякій другой будетъ чувствовать себя здѣсь болѣе на мѣстѣ, чѣмъ я, и, слѣдовательно, поведетъ дѣла лучше меня. Вотъ мои соображенія, герцогъ; я довѣряю ихъ вамъ, чтобы затѣмъ отдаться вполнѣ своему долгу и желанію доказать моему повелителю, что, каковы бы ни были препятствія и какъ бы плохо ни было мое здоровье, они не повліяютъ на мое усердіе и не измѣнятъ во мнѣ чувства глубокой и почтительной преданности.

Примите, Ваше Превосходительство, увѣреніе въ моихъ неизмѣнныхъ чувствахъ, равно какъ и въ моемъ глубокомъ къ вамъ уваженіи:

Коленкуръ, герцогъ Виченцы [1]).

---

[1]) Та же подпись, съ тѣми же выраженіями вѣжливости, стоитъ въ концѣ всѣхъ предыдущихъ писемъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Глава III.

РУССКОЕ СОДѢЙСТВІЕ.

Глава IV.

ВѢНСКІЙ МІРЪ.

Глава V.

СВАТОВСТВО.

Глава VI.

АВСТРІЯ И РОССІЯ.

Глава VII.

АВСТРІЙСКІЙ БРАКЪ.

Глава VIII.

БРАКОСОЧЕТАНІЕ.

Глава IX.

СЕКРЕТЪ ЦАРЯ.

Глава X.

ОКОЛО ОДНОЙ ФРАЗЫ.

Глава XI.

НА ПУТИ КЪ КОНФЛИКТУ.

Глава XII.

ИЗБРАНІЕ БЕРНАДОТА.

Глава XIII.

КОНФЛИКТЪ.

Съ внѣшней стороны отношенія между Россіей и Франціей остаются хорошими до конца 1810 г.—Обоюдныя любезности и притворныя улыбки.—Благодаря разногласію въ вопросѣ о блокадѣ, вскорѣ выяснится антагонизмъ въ стремленіяхъ и задачахъ Россіи и Франціи.—Результаты континентальной системы.—Бѣдственное и опасное положеніе Англіи.—Признаки финансоваго кризиса въ Лондонѣ.—Надежды на миръ.—Отчаянныя усилія британской торговли найти доступъ въ Европу; Англія ищетъ въ Россіи рынокъ для сбыта своихъ товаровъ и содѣйствіе для транзита.—Наполеонъ проситъ Александра закрыть гавани Россіи для всѣхъ кораблей съ колоніальными товарами.—Въ Балтійскомъ морѣ собирается торговый флотъ въ шестьсотъ кораблей и держитъ курсъ въ Россію. — Наполеонъ настойчиво проситъ исполнить его просьбу. — Онъ вступаетъ въ объясненіе по всей совокупности его отношеній къ Россіи. — Флигель-адъютантъ Чернышевъ въ Парижѣ; его успѣхи въ свѣтѣ; подпольная дѣятельность. — Балъ въ Фонтенебло.—Долгія бесѣды съ Чернышевымъ; смѣлая откровенность императора.—Дружба, вытекающая изъ географическаго положенія.—Письмо императору Александру.—Основная мысль тильзитскаго соглашенія.—Отказъ Александра принять новые тарифы и закрыть досту въ Россію нейтральнымъ судамъ.—Причины его отказа.—Просьба Наполеона оказать содѣйствіе въ дѣлѣ закрытія гаваней Швеціи.—Затруднительное положеніе царя; тайная надежда на Бернадота.—Чернышевъ посылается въ Стокгольмъ; показная и истинная цѣль его миссіи.—Глубокое двуличіе.—Поступательный ходъ дружескихъ отношеній между русскимъ эмиссаромъ и наслѣднымъ принцемъ Швеціи: офиціальное свиданіе, частная аудіенція, завтракъ вдвоемъ; Бернадотъ въ своемъ кабинетѣ и передъ фронтомъ войскъ. — Бернадотъ мало-по-малу усиливаетъ значеніе своихъ словъ: онъ даетъ честное слово, затѣмъ клятвенное обѣщаніе.—Горькое чувство къ Наполеону.—Чернышевъ успокаиваетъ императора Александра относительно намѣреній Швеціи.—Россія снабжаетъ Германію колоніальными товарами.—Наполеонъ не даетъ воли своему гнѣву.—Дальнѣйшія ошибки.—Присоединеніе къ имперіи ганзейскихъ городовъ.—Цѣль этого присоединенія.—Присоединеніе нѣмецкаго побережья создаетъ вопросъ о герцогствѣ Ольденбургскомъ.—Географическое положеніе этого герцогства. Близкое родство между владѣтельнымъ принцемъ и императоромъ Александромъ.—Наполеонъ предлагаетъ герцогу обмѣнъ; на его отказъ, онъ приказываетъ занять герцогство.—Нарушеніе тильзитскаго договора.—Не зная еще о присоединеніи ганзейскихъ городовъ и Ольденбурга, Александръ первый открыто нарушаетъ статьи договора о союзѣ.—Паденіе курса въ Россіи и торговый балансъ.—Указъ отъ 31 декабря 1810 г.—Экономическій разрывъ съ Франціей.—Антагонизмъ между Наполеономъ и Александромъ достигаетъ конечнаго предѣла.—Россія заканчиваетъ приготовленія къ войнѣ; въ распоряженіи

НЕДОСМОТРЫ и ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строчка*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
10	2 сн.	замкнуться	замкнуться въ
108	7 св.	вамъ	вамъ:
137	11 сн.	то	до
185	5 сн.	въ Россіи, нужно	въ Россіи, онъ зналъ, что нужно
255	3 сн.	(Мюрата)	(Мюрата и Евгенія)
257	9 св.	они	роялисты
282	13 св.	Маріи	Маріи и
295	5 св.	*post-scriptum*	*post-scriptum*—
333	17 сн.	испнаскую	испанскую
357	20 св.	шурину	зятю
418	19 сн.	завоеваніхъ	завоеваніяхъ
417	17 сн.	онъ не „*не*	онъ „*не*
432	6 св.	восхищеніемъ	восхищеніи
—	— „	наивнымъ	наивномъ
501	3 сн.	это время	это же время
506	19 сн.	императоры	императоры,
524	18 св.	которую Ко-	которую и Ко-
565	7 св.	окончившемся	окончившимся
571	3 сн.	Куракину;	Куракину,
581	2 св.	ВѢНСКІЙ МІРЪ.	ВѢНСКІЙ МИРЪ.